БЫЛОЕ

АПРѢЛЬ

1907

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 4/16. АПРѢЛЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Воспоминанія (*шестидесятые и семидесятые годы*). **М. Ю. Ашенбреннера** 1
2. Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (*Личныя воспоминанія*). **С. И. Сомова**. . 22
3. Къ вопросу о переговорахъ «Исполнительнаго Комитета Народной Воли» съ «Добровольной Охраной». (*Изъ воспоминаній*). **В. К. Дебагорія-Мокріевича** 56
4. Западные друзья Герцена. (*По неизданнымъ даннымъ*). **М. О. Гершензона** 62
5. Революціонеры во флотѣ. (*Очеркъ второй*). **Э. А. Серебрякова**. 96
6. Карательная экспедиція ген.-лейт. П. К. Ренненкампфа въ Забайкальской Области. (*Очеркъ первый*). **П. Н. Переверзева**. 140
7. Стихотворенія **П. С. Поливанова** 164
8. Замѣтки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 года. **В. Е. Якушкина** 167
9. Въ Мценской «гостинницѣ». **Н. А. Виташевскаго** . . 173
10. Матеріалы для біографіи А. А. Серно-Соловьевича. **М. К. Лемке**. 192
11. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. **И. П. Бѣлоконскаго** 231
12. Къ событію 4 августа 1878 года. **В. І.** 256
13. Въ Архангельской ссылкѣ. **Ю. Н. Лавриновича** . . . 259
14. По поводу статьи Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ». **М. А. Антоновича** 290
15. По поводу «Воспоминаній Народовольца» А. Н. Баха. **Г. А. Лопатина** 298
16. Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ. (*Некрологъ*). **В. Б.** . . 300

стр.

17. Историческая библіографія: 1) А. К. Брянчаниновъ.—Роспускъ Государственной Думы. 2) Т. В. Локоть.—Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ. 3) В. П. Алексѣевъ.—Первый русскій парламентъ. 4) Т. В. Локоть.—Первая Дума. 5) Н. Езерскій.—Государственная Дума перваго состава. 6) П. П. Семенюта.—Первая Государственная Дума. 7) М. Б-овъ и Ф. Данъ.—Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ. 8) В. Г. Танъ.—Мужики въ Государственной Думѣ. 9) В. В. Брусянинъ.—Судьба первыхъ депутатовъ. **Ю. Н. Лавриновича**. 10) И. П. Ювачевъ. Шлиссельбургская крѣпость. **М. В. Новорусскаго**. 11) Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ. **В. В. Водовозова** 302
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. (Прокламація 1862 г. по поводу высылки проф. Павлова—21. Дѣло Карпинскаго (1862 г.)—95. Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости. **С. Кир—а**.—130. Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана—191. Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства—230).
20. Объявленія 322

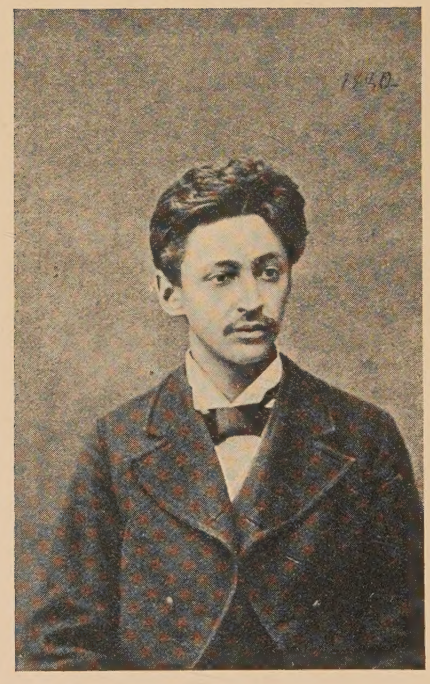
Къ этой книгѣ приложены портреты: И. Арнгольдта, П. Сливицкаго, П. С. Поливанова, барона А. П. Штромберга и бр. Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей.

Мартовская книжка находится еще подъ арестомъ и будетъ разослана подписчикамъ тотчасъ по ея освобожденіи. Въ случаѣ обратномъ—редакція приметъ мѣры къ удовлетворенію подписчиковъ.

При этой книжкѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи журнала „Сѣверъ“.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

https://archive.org/details/byloe-1906_1907-04_16



Петръ Сергѣевичъ
ПОЛИВАНОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ [1]).

(Шестидесятые и семидесятые годы).

I.

60-е и 70-е годы—время моей юности и молодости; съ этой поры я и начну свои воспоминанія. На своемъ отрочествѣ я не останавливаюсь. Мои записки не имѣютъ автобіографическаго значенія, а старокадетская жизнь описывалась многократно. На чисто художественное изображеніе дѣтства и отрочества я не дерзаю. Но сказать нѣсколько словъ о старо-кадетскомъ укладѣ нужно.

Въ корпусъ я поступилъ при старыхъ, суровыхъ порядкахъ. Носили тяжелыя каски съ султанами и тесаки. Большая каска на маленькомъ кадетѣ была смѣшна и мучительна; внутренніе винты и гайки больно давили голову. Небольшой вѣтеръ, раскачивая султанъ, валилъ съ ногъ мальчика. Зимой носили шинели, подбитыя вѣтромъ, т. е. безъ подкладки, и нитеные чулки: допускались только суконные рукавицы и наушники. Плохіе учителя неумѣло передавали свои скудныя знанія, поселяя въ ученикахъ лѣнь и отвращеніе къ ученію и недобрыя отношенія къ учителю. Педагогія нашихъ воспитателей—ротныхъ офицеровъ, исчерпывалась подзатыльниками, тумаками, лишеніемъ обѣда и пр. Слушались и учились хорошо только у тѣхъ, кто умѣлъ внушить къ себѣ любовь, а такія странныя непонятныя исключенія бывали, только не для дѣтей младшаго возраста. Напр., въ старшихъ классахъ въ серединѣ 50-хъ годовъ преподавалъ словесность другъ Герцена и Бѣлинскаго, поэтъ Василій Ивановичъ Красовъ. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» говоритъ, что пылкій «жрецъ паѳоса», при каждомъ свиданіи съ Бѣлинскимъ, со слезами восторга сообщалъ своему другу о нарожденіи новаго генія среди его учениковъ кадетъ [2]). Нашъ тогдашній строй покоился на 4-хъ китахъ: суровая дисциплина, шагистика, «рукоприкладство» и субботняя порка въ цейхгаузѣ. Въ день моего

---

[1]) Первая глава этихъ воспоминаній М. Ю. Ашенбреннера была напечатана въ 1904 году за подписью М. А-б-ръ въ газетѣ „Наша Жизнь". Всѣ остальныя главы печатаются въ первый разъ.

Ред.

[2]) О Красовѣ Тургеневъ говоритъ въ „Рудинѣ": „Полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка".

поступленія, ротный командиръ капитанъ С. очень добрый человѣкъ и семьянинъ, погладилъ меня по головкѣ и сказалъ мнѣ съ кроткой улыбкой:

— Учись и веди себя хорошо. У мини всякая вина виновата: за единички и дурное поведеніе высику: будь у тиби семь пядей во лбу— высику! У мини законъ: помни день субботній. Виноватъ—значитъ— маршъ въ чикаузъ!

И дѣйствительно, по субботамъ водили въ «чикаузъ» по нѣсколько человѣкъ. Надъ одними производилась экзекуція, другіе, попадавшіе въ первый разъ, только смотрѣли. Регулярная порка, превратившаяся въ обычай, создала особый видъ молодечества: тѣлеснаго наказанія не стыдились и не страшились, но стыдились кричать, плакать и отпрашиваться, стараясь переносить наказаніе, не выдавая своихъ страданій—и заслуживали этимъ общее одобреніе товарищей. Бывали молодцы, которые хвалились, что молча выносили 50, 100 ударовъ. Начальство на это реагировало тѣмъ, что давало одной розгой менѣе, т. е. вмѣсто 50—49, приговаривая: «Не хвались, что получилъ 50!» Въ младшихъ ротахъ ближайшій надзоръ за поведеніемъ внѣ классовъ поручался кадетамъ старшаго возраста—унтеръ-офицерамъ. Эта была первая административная инстанція. Унтеръ-офицеръ имѣлъ право поставить провинившагося «подъ лампу», «у доски», «къ стѣнѣ», наказать «безъ пирога». И строгіе изъ нихъ этимъ правомъ пользовались широко; а другіе «рукоприкладствовали» и наказывали «безъ пирога», смотря «по своему аппетиту» и съѣдали на глазахъ у наказаннаго конфискованный пирогъ. Правда, присвоеніе пирога было противозаконно, но кадетъ никогда не жаловался на кадета: это считалось фискальствомъ. Корпусной міръ дѣлился на двѣ части, между которыми мало было общаго: съ одной стороны кадеты, съ другой— воспитатели, учителя и начальство. Фискаловъ и дурныхъ унтеръ-офицеровъ жестоко допекали и подводили. Маленькіе мстители за нарушеніе товарищескаго неписаннаго закона были очень изобрѣтательны и неутомимы въ преслѣдованіи, и побѣда всегда склонялась на ихъ сторону, какъ у лилипутовъ надъ Гулливеромъ. И образованіе въ военной закрытой школѣ 50-хъ годовъ не могло быть раціональнымъ. Старые, заслуженные наставники и наблюдатели преподавали по устарѣвшимъ учебникамъ «отъ сихъ до сихъ», а ученики зубрили, подсказывали или тупо молчали. Притязанія таковыхъ далѣе 6 балловъ не простирались [1]). Особенно типичны были нѣмецкіе и французскіе учителя. Напр., Штюрцваге грузно подымался на каѳедру, не спѣша садился, вызывалъ мальчика, протягивалъ ноги и командовалъ: «снять сапоги!» На этотъ урокъ кадеты носили съ собой ваксу и щетки, для того чтобы чистить Ш. сапоги. Мстили такимъ учителямъ безпощадно. Расплатились съ Ш. остроумно и окончательно. Однажды съ него сняли обычнымъ порядкомъ сапоги и забросили ихъ на печь, очень высокую и доходившую почти до потолка, и затѣмъ подняли страшный шумъ, чтобы привлечь дежурнаго офицера и помощника инспектора. Ш. сначала оторопѣлъ, потомъ, должно быть, сообразилъ,

[1]) 6 балловъ, по 12 балльной системѣ, удовлетворительная отмѣтка.

что на шумъ непремѣнно придутъ и увидятъ его безъ сапогъ, и сталъ упрашивать не шумѣть и отдать ему сапоги, обѣщая за это поставить хорошіе баллы. Шумъ затихъ. Начались переговоры: «Доставай самъ!» отвѣчали ему.—Но какъ же, господа, я ихъ достану? Будьте умники, достаньте пожалуйста.—«Полѣзай самъ!»—Какъ же я туда взлѣзу?—«Мы поставимъ доску и подсадимъ!» Надо было спѣшить, и Ш. полѣзъ на печь, проклиная кадетъ, упрашивая ихъ не шумѣть и угрожая имъ. Какъ только онъ усѣлся на печкѣ и сталъ натягивать сапоги, доску приняли: врагъ попалъ въ ловушку, и классъ огласился криками торжествующаго побѣдителя, на которые сбѣжалось со всѣхъ сторонъ начальство. «Что за гамъ? Старшій! Гдѣ учитель?» спросилъ помощникъ инспектора. Школьники молча смотрѣли на печь, и туда обратились взгляды начальства. Тамъ сидѣлъ на карнизѣ, свѣсивъ ноги, учитель, весь измазанный известью и пылью, съ забранными панталонами, не рѣшаясь спрыгнуть. Дѣло было слишкомъ скандально, чтобы его выяснить при открытыхъ дверяхъ. Послѣ этого кадеты не видѣли больше Ш. Добрые учителя развлекали дѣтей любопытными, а чаще незанимательными баснословными сказаніями, или историческими анекдотами, которые повторялись уже много разъ.

Въ 4-мъ общемъ классѣ попадались взрослые, возмужалые, изъ тѣхъ, которые заживались по 2 года въ классѣ. Они занимались разнообразнымъ спортомъ, особенно гимнастикой, акробатистикой, развивали въ себѣ басистый голосъ, читали въ церкви апостола, окачивались холодной водой, ходили переваливаясь, растегнувъ 3 нижнія пуговицы на курткѣ. Это были «старые кадеты или слоны». Учитель математики любилъ слоновъ, подтрунивалъ надъ ними и ставилъ имъ всегда 6 балловъ. «Г. N., пожалуйте къ доскѣ!» вызывалъ онъ слона и задавалъ ему самый элементарный вопросъ:

«Скажите, пожалуйста, сколько въ окружности можно провести діаметровъ?»—«Сколько хочешь!» отвѣчалъ басомъ широкоплечій слонъ. —Прекрасно, но позвольте, г. N. я, кажется, говорю съ вами вѣжливо!? Какое же право вы имѣете говорить со мною на «ты»? Вы полагаете, что вѣжливость необязательна для слона?! Потрудитесь раздѣлить данную линію на 7 частей». Молчаніе.—Что же-съ? Пожалуйте на Парнасъ; что въ умѣ держите, несите на Парнасъ!»—Молчаніе... Тогда учитель басомъ начинаетъ нараспѣвъ: «Братіе! взгляните на моя плечи!». и запѣваетъ на 7-ой гласъ «Славы и нынѣ:

«Украсилъ Богъ небо звѣздами,
«А кадетскій корпусъ дураками.
Пѣснь тебѣ всегда приносимъ!»

Весь классъ тихо повторяетъ эти стихи церковнымъ напѣвомъ.—Идите, господинъ слонъ: 6 балловъ.»—Это было, по крайней мѣрѣ, забавно. Въ высшихъ классахъ спеціальныя, т. е. военныя науки преподавались едва-ли лучше. Полковникъ К. заслуженный преподаватель фортификаціи излагалъ свой предметъ очень картинно: «Гг.! чему, скажемъ, теперича равняется высота бруствера полевого укрѣпленія? Очень просто: средній баллъ, скажемъ теперича, 6, въ этомъ окнѣ 6

стеколъ; у человѣка 6 отверстій; митрополитъ ѣздитъ на 6 лошадяхъ, высота бруствера, скажемъ теперича, 6 футъ.»

Эта система—наслѣдіе мрачныхъ временъ, не считалась съ психикой; дисциплинарный уставъ и катехизисъ были ея нравственнымъ закономъ. Своей цѣлью она поставила созданіе безусловныхъ исполнителей усмотрѣнія и храбрыхъ безотвѣтныхъ воиновъ и творила бы она покорныхъ слушателей-автоматовъ, еслибъ попутно и непроизвольно не сложилась кадетская спартанская община. Единицы обезличивались: онѣ склонялись подъ желѣзной рукой устава, а спартанская община, сильная взаимной выручкой и чувствомъ товарищества, служила защитительной оболочкой въ неизбѣжномъ антагонизмѣ кадета съ начальствомъ. Эта система, описанная здѣсь бѣглыми штрихами, существовала неизмѣнно многіе годы и, казалось, пустила глубокіе несокрушимые корни. А при первомъ дыханіи свѣжаго весенняго воздуха, при первомъ лучѣ свѣта, она исчезла, какъ дурной сонъ, правда, оставивъ послѣ себя кое-какіе пережитки. Но все дикое, грубое, омертвѣлое обречено на гибель, а хорошее, жизнеспособное осталось.

Когда наступила перемѣна, [1]) бурбоны-офицеры исчезли, какъ «привидѣнія при крикѣ пѣтуха». Явились хорошо воспитанные офицеры. Одинъ ротный командиръ капитанъ О. изучалъ за границей педагогію. Ручная расправа исчезла вмѣстѣ съ бурбонами и тѣлесное наказаніе стало выходить изъ обихода, хотя директоръ корпуса генералъ Л. частенько возглашалъ: «стыдъ, срамъ, срамота, розгу дамъ!» Но чудомъ изъ чудесъ было появленіе образованныхъ учителей иностранныхъ языковъ. Лукавые кадетики, желая поднять насмѣхъ нѣмца, попросили однажды объяснить что-то изъ тригонометріи; учитель нетолько хорошо объяснилъ, но затѣмъ охотно помогалъ и по другимъ предметамъ. Спеціальныя науки преподавали молодые офицеры съ академическими значками. Простое перечисленіе преподавателей по общимъ предметамъ въ спеціальныхъ классахъ покажетъ, какъ измѣнилась учебная часть: ихъ имена еще до сихъ поръ не забыты. Статистику преподавали Корсакъ, Покровскій, С. С. Муравьевъ (потомъ проф. казанскаго университета). Законовѣдѣніе—Лялинъ (перев. Шиллера), исторію Альбертини, Ватсонъ, Дювернуа. Въ 3-мъ спеціальномъ, который былъ учрежденъ только что, преподавали Н. С. Тихонравовъ (словесность), М. Н. Капустинъ (законовѣденіе), С. М. Соловьевъ (исторію), Покровскій (статистику), Я. И. Вейнбергъ (физич. геогр.). Когда я былъ во второмъ спеціальномъ, и составъ учителей, и ихъ отношенія къ намъ, и способы преподаванія, да и самые предметы преподаванія измѣнились. Между учителемъ и учениками возникло сближеніе. Съ почтеніемъ я вспоминаю двухъ учителей, нашихъ друзей, М. и Л. Отъ М. мы впервые услышали о Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ и Добролюбовѣ. Онъ указалъ намъ на Современникъ. Я попалъ во 2-ой спец. классъ очень юнымъ, 16 лѣтъ, по успѣхамъ на экзаменахъ, но не по развитію, и читалъ до знакомства съ М. только романы. Первая серьезная статья, которую я прочелъ сознательно, съ увлеченіемъ это—«Литературныя мелочи за прошлый годъ» Добролюбова. Добро-

---

[1]) При военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ.

любова мы читали и читали, но Чернышевскій имѣлъ на насъ болѣе сильное и прямое вліяніе. Его мы знали наизусть, его именемъ клялись, какъ правовѣрный магометанинъ клянется Магометомъ, пророкомъ Аллаха; такъ что Тургеневъ ошибался, когда называлъ «Чернышевскаго простой змѣей, а Добролюбова очковой». Лучше сказать наоборотъ. Другой учитель Л. сдѣлалъ для насъ не менѣе. Онъ познакомилъ насъ съ Герценомъ. Были и между нами молодые люди, которые, познакомившись съ этимъ писателемъ, полюбили его всей душой. Знакомство же съ идеями Герцена сообщило имъ направленіе, которому они остались вѣрны до старости. Ихъ плѣнила въ Герценѣ глубина мысли, выраженной въ такой красивой формѣ, широта проницательнаго ума, блестящее остроуміе, великая сила сарказма—но этимъ могли восхищаться и эстетики; эти же нѣкоторые чувствовали за его сатирой «невидимыя слезы», любовь къ родинѣ, истинѣ, справедливости, жажду свободы—и увѣровали въ этого учителя и остались вѣрны его завѣтамъ. Другіе же, когда съ нихъ слетѣлъ блескъ молодости, «поумнѣли». Л. входилъ въ классъ. Мы ставили «махальнаго», и начиналось чтеніе: онъ читалъ намъ соч. Герцена «Колоколъ», «Полярную Звѣзду», изданія эмигрантовъ Головина, Долгорукова и т. д. 3-ій спеціальный классъ существовалъ недолго нѣсколько лѣтъ и состоялъ изъ 3-хъ отдѣленій: инженернаго, артиллерійскаго и генеральнаго штаба. Общіе предметы преподавали профессора Московскаго университета. Я шелъ по отдѣленію генеральнаго штаба, и весь курсъ нашъ состоялъ въ томъ, что профессора читали лекціи по поводу данныхъ намъ темъ для сочиненій. Сочиненія же давались для того, чтобы пріучить писать по источникамъ. Наши сочиненія были, конечно, ребяческими компиляціями, лучшую часть которыхъ составляли мысли и данныя, записанныя за профессоромъ и выписки изъ источниковъ. Но эти чужія мысли мало согласовались съ кадетской отсебятиной. Пріучить насъ къ обращенію съ источниками и критическому отношенію къ нимъ и къ самостоятельности выводовъ, конечно, не удалось. По словесности была напр. такая тема: Сравнить типы Гамлета и Донъ-Кихота и разобрать тургеневскій взглядъ на эти типы». Для сочиненія служили источниками кромѣ Гамлета въ переводѣ и Донъ-Кихота на испанскомъ языкѣ и во французскомъ переводѣ, Гервинусъ о Шикспирѣ на нѣмецкомъ, Гизо о Шекспирѣ по-французски, статьи Бѣлинскаго и проч. По исторіи: исторія распространенія христіанства въ Россіи, исторія казачества, исторія Галицкой Руси — источники: лѣтописи, акты историческіе, акты археографической комиссіи, многотомныя исторіи христіанства Филарета, Макарія и многія другія книги на разныхъ языкахъ. По законовѣдѣнію: права дворянства до изданія жалованной грамоты Екатерины II. Источники: Токвиль «Старый порядокъ и революція» еще что-то и, наконецъ, Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

II.

Я былъ произведенъ въ офицеры и остался на службѣ въ Москвѣ. Связи съ корпусомъ у меня не порвались: тамъ еще учился бывшій мой родственникъ Л. А.; вмѣстѣ съ тѣмъ завязались знакомства со студентами. Отъ нихъ я получилъ слѣдующія литографированныя изданія: Фейербаха: «Сущность религіи», его-же «Сущность христіанства», Герцена «Съ того берега» и «Былое и Думы», Бюхнера «Сила и Матерія», и нѣсколько нумеровъ «Колокола». Однажды 2 или 3 пріятеля Л. А., кадеты старшаго возраста (но другого кадетскаго корпуса), мнѣ повѣдали, что они составили тайное общество и собираются въ корпусныхъ подвалахъ по ночамъ. Въ одной классной комнатѣ былъ небольшой закоулокъ съ дверью — складъ географическихъ картъ, военныхъ плановъ и т. д. Въ этомъ мѣстѣ они подняли половицы и спустились въ подполье, изслѣдовали его, выбрали довольно изолированный уголокъ и, вырубивъ въ капитальной стѣнѣ небольшую камеру увѣшали ея бока одѣялами, поставили столъ, покрытый чернымъ сукномъ, а на столѣ положили черепъ и 2 обнаженныхъ кинжала. Вся обстановка была натаскана постепенно изъ цейхгауза, артиллерійскаго, зоологическаго и физическаго кабинетовъ, а затѣмъ тамъ явился литографскій станокъ. Въ это время университетская тайная литографія должна была на время прервать свою работу и мнѣ передали одну рукопись, которую я и предложилъ кадетскому тайному обществу налитографировать, что и было исполнено очень хорошо. Коридорному сторожу они платили, и тотъ имъ содѣйствовалъ. Въ это время въ корпусѣ появились обличительныя стихотворенія; предметомъ обличенія было начальство, особенно директоръ корпуса генералъ Л. Вскорѣ тайная кадетская литографія провалилась. Ночью фельдфебель нестроевой роты, дѣлая обходъ, замѣтилъ, какъ изъ подполья вылѣзалъ сторожъ. Сторожъ на допросѣ покаялся. Литографія была захвачена, но директоръ корпуса О. не разглашалъ инциндента, и открытіе обошлось безъ послѣдствій для участниковъ кадетъ. Вскорѣ ко мнѣ зашли 3 кадета и заявили, что они хотятъ для небольшого, ручного, самодѣльнаго типографскаго станка добыть шрифтъ и просили меня отправиться съ ними въ воскресенье въ словолитню Семена въ качествѣ офицера-воспитателя. По праздникамъ учащіеся допускались къ осмотру такихъ заведеній. Машины показывалъ молодой парень. Я долженъ былъ отвлечь его вниманіе, для того, чтобы дать возможность кадетамъ набить свои карманы шрифтомъ, который лежалъ въ большихъ и глубокихъ ящикахъ вдоль стѣнъ. Такъ и было сдѣлано. Но когда мы дома осмотрѣли добычу, оказалось что у насъ не хватало нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, а слишкомъ много восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Нужно было сдѣлать новый и болѣе осмотрительный поискъ. Второе, хорошо разсчитанное покушеніе, было удачнѣе. Затѣмъ въ корпусѣ появились печатныя обличенія и начальство страшно всполошилось. На Л. А. пало подозрѣніе потому, что онъ прославился своими стихотворными произведеніями еще въ среднихъ классахъ и эта поэтическая слава довела

его до солдатской шинели. Экзамены кончились. Въ старшей ротѣ готовились къ спектаклю: въ актовой залѣ устраивали сцену. Во время этой праздничной, веселой суеты А. былъ арестованъ въ карцерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Л. обратился къ старшей ротѣ съ такими словами: «Среди васъ есть дурной товарищъ, который васъ выдаетъ: откуда я узналъ, что Б. вернулся изъ отпуска пьяный?— отъ А. Кто мнѣ донесъ, что у В. дурная болѣзнь? а С., Д. и Е. играютъ въ карты? — Опять А.! — Стыдъ! Срамъ! Срамота! Такого испорченнаго кадета я исключу изъ корпуса»! Кадеты слушали его съ иронической улыбкой. Когда же онъ кончилъ, раздались голоса: «Мы не вѣримъ ни одному вашему слову! Мы знаемъ доносчика! Зачѣмъ вы посадили А. въ карцеръ, а теперь черните его за глаза?! Позовите его сейчасъ и повторите при немъ ваши слова»! — «Я не могу его освободить,—отвѣтилъ директоръ,—онъ арестованъ за распространеніе пасквилей и за это пойдетъ въ солдаты»!—«Это новая ложь»!.. Объясненіе принимало бурный характеръ и генералъ удалился, а кадеты въ ту же минуту побѣжали въ карцеръ, сломали двери и сообщили А. о томъ, что было, А. бросился въ кабинетъ директора,— квартира котораго выходила на большую площадку обширныхъ сѣней, по обѣимъ сторонамъ которыхъ вели внизъ въ швейцарскую двѣ широкія лѣстницы. А. бѣшено ворвался въ кабинетъ почти по слѣдамъ директора, Л. хотѣлъ забѣжать за письменный столъ, но былъ настигнутъ, и А., безъ дальнихъ объясненій, обозвавъ его «подлецомъ», далъ ему пощечину и отправился въ роту. Вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ на площадку и Л. По лѣстницѣ въ эту минуту поднимались рабочіе съ досками и переводинами для театральной сцены и дежурный по корпусу вышелъ изъ своей комнаты должно быть для наблюденія за ними. Л. былъ внѣ себя и прокричалъ: «Бросай тесъ! Лови разбойника А.!» и обращаясь къ дежурному капитану С. сказалъ: «Арестуйте этого разбойника: онъ меня сейчасъ ударилъ по лицу!» — Но арестовать его уже было невозможно безъ крупнаго скандала. Онъ былъ среди товарищей, которые его не выдавали. На другой день былъ праздникъ; въ 7 часовъ вечера распускали въ отпускъ по домамъ. За А. пріѣхала мать; но въ пріемной ее уже ожидали товарищи А. и, разсказавъ ей въ чемъ дѣло, предупредили, чтобы она не вызывала сына къ себѣ потому, что его тутъ же арестуютъ. Старшая рота въ отпускъ не пошла. Кадеты хорошо знали, что ночью будетъ сдѣлана попытка арестовать А. и рѣшили отразить ночное нападеніе. Раздѣвшись, они положили около себя обнаженные тесаки, выбрали караульныхъ, изголовье А. перевязали съ изголовьемъ другой кровати, а его тюфякъ прикрѣпили къ кровати, чтобы его не вынесли соннаго на тюфякѣ, или вмѣстѣ съ кроватью. Затѣмъ всѣ улеглись. Наступила тишина. Ночью два или три раза прослѣдовалъ по спальнѣ дежурный офицеръ и отдалъ приказаніе служителю убавить огня въ лампахъ. А потомъ съ двухъ сторонъ спальни вошли двѣ команды солдатъ служительской роты, подъ начальствомъ дежурнаго по корпусу и командира служительской роты. Когда солдаты направились къ кровати А., раздались сильные крики, и вся рота въ нижнемъ бѣльѣ съ тесаками, бросилась на солдатъ и жестоко ихъ избила. Атака была

отбита и противникъ бѣжалъ. Но нужно было закрѣпить за собой результаты побѣды и вотъ, въ 8 часовъ утра на другой день, той долѣ Москвы, которая рано встаетъ, довелось увидѣть на улицахъ удивительную процессію. По серединѣ улицы шла стройнымъ порядкомъ рота взрослыхъ кадетъ, со своими унтеръ-офицерами на мѣстахъ, въ самомъ растерзанномъ видѣ: куртки, панталоны были разорваны въ клочья, лица и руки въ крови, многіе несли въ рукахъ разорванныя и окровавленныя подушки, одѣяла, рубахи и проч. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ бойцамъ и довелось получить нѣсколько ударовъ кулакомъ въ жару битвы, по солдатской неосторожности, при самозащитѣ, а можетъ быть и умышленно. Но несомнѣнно также, что побиты были солдаты, а не кадеты и что кадеты измазали себѣ лица и рубахи солдатской кровью, изорвавъ умышленно въ клочья свое бѣлье и платье. Одинъ кадетъ выломалъ себѣ зубъ, который шатался и наколотилъ себѣ синяки. И эта процессія шла по Москвѣ, привлекая къ себѣ изумленныхъ прохожихъ, шла къ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ Тучковъ привѣтливо принялъ кадетъ, довѣрчиво выслушалъ ихъ разсказъ, не скрылъ отъ нихъ своего возмущенія и отпустилъ ихъ, сказавъ, что сію минуту телеграфируетъ Государю о ночномъ избіеніи сонныхъ кадетъ. Черезъ день генералъ Л. былъ отставленъ. Но взволнованная среда не можетъ сразу успокоиться. Вмѣстѣ съ главнымъ, основнымъ теченіемъ, возникаютъ побочныя, сообщающія ему особенную окраску. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Одинъ кадетъ, товарищъ А. по классу и ротѣ, въ минуту общаго упоенія побѣдой, собралъ около себя слушателей и съ большимъ пафосомъ сталъ проповѣдывать, что Бога нѣтъ. Сначала его выслушивали молча и довольно равнодушно: но дальнѣйшая аргументація заинтересовала нѣкоторыхъ. Онъ говорилъ, указывая на ротный образъ: «Вы видите этотъ образъ, я надругаюсь надъ нимъ; если есть Богъ, то пускай меня за это разразитъ громъ небесный, или пусть подо мной разступится полъ и я провалюсь въ преисподнюю! Если же этого не случится, значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно!»—отвѣтили ему нѣкоторые увлеченные такой постановкой вопроса. Сейчасъ же М. снялъ образъ, сорвалъ ризу и, сломавъ икону, сталъ топтать обломки ногами... Ну, что же г.г.! гдѣ громы небесные?» За этимъ послѣдовало краткое молчаніе какъ бы въ ожиданіи свидѣтельства свыше. «Вы видите, я цѣлъ—значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно»—отвѣтило нѣсколько голосовъ. Тогда они схватили обломки и бросили въ каминъ. Дня черезъ 3 пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Ж. для разслѣдованія обоихъ случаевъ. А. и М. были арестованы. Директоръ отрицалъ пощечину, утверждая, что А. обругалъ его подлецомъ и только замахнулся на него, но ему удалось отвести ударъ. А. заявилъ, что далъ ему полновѣсную пощечину и дастъ при первомъ случаѣ еще другую. Дѣло окончилось тѣмъ, что А. былъ назначенъ въ солдаты на 6 лѣтъ въ дальніе гарнизоны, а М. на 3 года. Директоръ уволенъ въ отставку и выѣхалъ за границу лечиться отъ флюса.

III.

Та войсковая часть, гдѣ я началъ службу, была переведена на новыя квартиры верстахъ въ 35 отъ Москвы и къ намъ былъ назначенъ новый командиръ полковникъ Б., пожилой, заслуженный воинъ, украшенный крестами за венгерскую и крымскую кампаніи. Съ прежнимъ командиромъ полковникомъ П., мы ладили и повѣрили недоброй оцѣнкѣ, сдѣланной имъ новому командиру. «Г. г.! сказалъ онъ намъ,—на васъ идетъ гроза и я думаю это васъ соединитъ». Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе разнохарактернаго состава общества офицеровъ и въ силу того, что тогда существовали выборныя должности: казначея и квартермистра [1]), за которыхъ общество отвѣчало своимъ карманомъ,—возникали почти повсемѣстно въ войскахъ партіи. Желаніе провести на эти должности своихъ кандитатовъ, желаніе, поддерживаемое нѣкоторой наиболѣе вліятельной по своему служебному положенію частію общества, было несомнѣнной причиной разлада. Полковникъ П. былъ уступчивъ и тактиченъ и при немъ мы жили довольно согласно и неизбѣжныя столкновенія вызывались разнохарактерностію состава и причинами общаго характера. Для общества было важно знать, какъ отнесется къ предстоящимъ выборамъ новый командиръ: внесетъ ли въ нашу среду смуту и разладъ, или соединитъ насъ? Наружность Б. не располагала въ его пользу. Простоватое лицо съ зачесанными впередъ височками, узенькія бакенбарды отъ ушей до угловъ рта, высоко подвязанный галстухъ, грудь колесомъ, безпокойная и ненужная суетливость человѣка, который видимо хотѣлъ быть вездѣсущимъ и все исполняющимъ. Вѣчно онъ носился въ своей длинной, ветхой шинели на распашку по казармамъ, кухнямъ, цейхгаузамъ, конюшнямъ, мастерскимъ, всюду вступая съ офицерами въ разговоры часто безполезные, словно ему, хотѣлось убить какъ нибудь время. Положимъ, это были служебныя встрѣчи; но съ нимъ невозможно было разминуться и тамъ, куда мы ходили по своимъ личнымъ дѣламъ: въ библіотекѣ, столовой, даже на мѣстномъ базарѣ и въ мѣстныхъ лавкахъ. Встрѣчнаго офицера онъ осматривалъ съ ногъ до головы, словно мѣрку снималъ, и отрывисто задавалъ ему чисто формальные вопросы: давно ли на службѣ, гдѣ учился, сколько лѣтъ отъ роду, женатъ или холостъ? Одинъ острякъ увѣрялъ даже, что командиръ спросилъ у кого-то, не имѣетъ ли онъ особенныхъ примѣтъ на тѣлѣ. Наши свѣдѣнія о новомъ командирѣ дополняли нѣкоторые добровольцы: младшій штабъ-офицеръ Г.—самое значительное по чину лицо послѣ командира, взявшій на себя миссію сближенія общества офицеровъ съ командиромъ, но въ сущности имѣвшій въ виду только свое личное сближеніе съ нимъ, и адъютантъ Ч. по обязанности посѣщавшій ежедневно Б. на квартирѣ.—Г. г., говорилъ Г. въ столовой, я узналъ, что вчера изъ Москвы привезли

---

[1]) А также библіотекаря и завѣдующаго столовой, въ избраніе которыхъ также вмѣшивались командиры—и въ этомъ случаѣ приходилось платиться своимъ желудкомъ и читать отвратительныя „Московскія Вѣдомости“.

командиру цѣлый обозъ мебели, ковровъ, фортепіано, ящики, должно быть съ книгами, картинами, и множество роскошныхъ вещей: честное слово, видѣлъ своими глазами!—«Должно быть забѣжалъ на кухню и пошептался съ деньщиками!» пояснилъ сосѣду острякъ N. N. «Сегодня, г. г., пріѣхали поваръ, кондитеръ, домоправительница и горничная»,—Ручаюсь вамъ, что Г. лизалъ тарелки!—коментировалъ N. N. «Изъ послужнаго списка командира видно, что онъ женатъ на очень знатной полькѣ: чуть ли не изъ рода Ягеллоновъ» сообщилъ адъютантъ Ч. Это окончательно спутало всѣ наши представленія о Б. А черезъ недѣлю прибыла въ отличномъ дорожномъ экипажѣ съ остальнымъ своимъ штабомъ и сама командирша, красивая, стройная молодая дама съ темными строгими глазали въ черномъ платьѣ. Черезъ нѣсколько дней новое событіе очень взволновало кой кого, особенно адъютанта Ч. M-me Б. посѣтилъ ксендзъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. показался намъ въ новомъ видѣ: по прежнему онъ бѣгалъ всюду, но теперь фамильярно хваталъ встрѣчнаго за рукавъ, спрашивалъ: «Обѣдали? Ужинали?» и тащилъ къ себѣ. Увидитъ издали на улицѣ офицера, прибавитъ шагу и закричитъ: «Кушали? идите ко мнѣ завтракать!» Выборы прошли какъ нельзя лучше: командиръ не только не вмѣшивался, а остался совсѣмъ въ сторонѣ. M-me Б. принимала насъ очень любезно, гостепріимно, но казалась холодной и гордой; однако ея тихій, музыкальный голосъ былъ очень привлекателенъ: «тихій нѣжный голосъ большая прелесть въ женщинѣ.» Съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ приходилось измѣнять первоначальное мнѣніе и молодые люди входили въ гостинную къ M-me Б. съ неуловимымъ чувствомъ ожиданія встрѣтить что-то новое, неиспытанное, интересное, увлекательное. И болѣе чуткіе скоро поняли, что ихъ отчуждала и умаляла не гордость и холодность аристократки и чужестранки, а нравственная прелесть ея высоко-развитой личности. Какая-то обаятельная зона, которая и притягивала и ставила на свое мѣсто—отталкивала отъ нея мало развитыхъ и испорченныхъ; а лучшіе, юные легко и охотно поддавались ея вліянію. M-me Б. была очень образованная женщина, отличная музыкантша, а самъ Б. игралъ недурно на віолончели, къ великому изумленію старшихъ офицеровъ, которые этимъ были нѣсколько скандализированы. Хозяева пригласили насъ бывать запросто ежедневно, а по воскресеньямъ и праздникамъ были назначены обѣды, по четвергамъ вечера, обязательные для всего общества: семейныхъ и холостыхъ. 4 молодыхъ офицера занимались музыкой, и M-me Б. стала руководительницей этого музыкальнаго кружка. Другая небольшая группа была привлечена къ ней силою иного средства. Она намъ разсказывала съ такой теплотой о несчастіяхъ своей дорогой родины, которая тогда возстала, и это была простая и трогательная жалоба; но по временамъ въ ея рѣчахъ мы слышали голосъ возмущенной до глубины гражданки. Умышленной тонкой пропаганды не было: она свободно провозглашала свои задушевныя убѣжденія и открывала свою взволнованную душу: истина какъ бы говорила сама за себя. Когда она замѣтила, что мы слушали ее съ уваженіемъ и симпатіей, она стала съ нами такъ проста, добра и довѣрчива, какъ сестра. Но въ одномъ случаѣ мы рѣшительно не поддавались ея

вліянію. Эта искренно вѣрующая женщина была глубоко огорчена невѣріемъ своихъ новыхъ друзей. Мы дѣйствительно тогда исповѣдовали философское ученіе Людвига Фейебарха. Можетъ быть она опасалась за наше вѣчное спасеніе, а можетъ быть она знала, какую силу даетъ вѣра, и горячо желала сообщить эту силу тѣмъ, кому предстояли особенныя испытанія, и тутъ обнаруживалась пылкость ея характера. Она совѣтывала, упрашивала, умоляла и встрѣчая непреодолимое упорство, угрожала, стучала съ досадой ногой и наконецъ, обращалась къ мужу съ просьбой: «Б. да помоги же мнѣ!» Б. ставилъ вопросъ иначе: я вамъ дамъ батюшка, такую книгу, что вы пальчики оближете! Читали вы Лакордера? Нѣтъ! Вотъ это человѣкъ! Вы только прочтите, останетесь довольны.—Прошу васъ, прочтите пожалуйста, уговаривала M-me Б.: Лакордеръ другъ Ламэне. Если вы возьмете книгу, продолжалъ Б., я вамъ въ ножки поклонюсь, а когда вы ее прочтете, вы мнѣ въ ножки поклонитесь!

— Но мнѣ некогда: я занятъ службой: я читаю по французски очень медленно, а между тѣмъ нужно ходить въ казармы, отговаривался А.—Б., обращалась къ мужу M-me Б. — Освободи А. отъ службы: чтобы онъ не ходилъ въ казармы... Изволь мой другъ! Освобождаю васъ отъ казарменныхъ занятій, а когда прочитаете, мы вамъ дадимъ книгу еще почище этой! Такъ и было сдѣлано. M-me Б. играла намъ польскіе гимны и революціонныя пѣсни. Отъ нея мы впервые услышали запрещенную тогда марсельезу. Носила она глубокій трауръ. Встрѣчали мы часто у нея ксендзовъ, людей несравненно болѣе свѣтскихъ и просвѣщенныхъ, чѣмъ наши попы и, наконецъ, познакомились тамъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Жверждовскимъ. Жверждовскій заходилъ къ одному изъ нашихъ товарищей Г-му, недавно исключенному за «исторію» изъ инженерной академіи, и тамъ онъ откровенно бесѣдовалъ съ офицерами о текущихъ событіяхъ. Я по неволѣ долженъ судить о тогдашнихъ обстоятельствахъ ретроспективно. Но мнѣ кажется, что и тогда мое юношеское, неопытное разумѣніе постигало непреклонную и желѣзную силу характера этого человѣка и его прямолинейность. Для него не существовало никакихъ сомнѣній. Чувство долга повелѣвало ему ломить все, что мѣшаетъ достиженію цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ бросалась въ глаза его практичность, умѣлость, безсознательная ловкость, можетъ быть, укрѣпленная наслѣдственностью. Сочетаніе этихъ свойствъ и поразило меня вѣроятно потому, что мы русскіе въ этомъ отношеніи отставали отъ поляковъ. Эта характеристика можетъ показаться недостаточно обоснованной: я видѣлъ Жверждовскаго два, три раза и, повидимому, не долженъ довѣрять своему юношескому сужденію. Но впечатлѣнія молодости такъ ярки; а моя настоящая опытность не вноситъ никакой поправки въ ту юношескую оцѣнку. Историческая же справка подтвердитъ мои выводы: дѣятельность въ Литвѣ Жверждовскаго-Топора была энергична, хотя и кратковременна; а кратковременность такой дѣятельности у насъ является общимъ правиломъ. Жверждовскій состоялъ при штабѣ гренадерскаго корпуса въ Москвѣ. Въ Московскомъ гарнизонѣ было достаточно войсковыхъ частей для пристрѣлки новыхъ ружей. Между тѣмъ Жверждовскій обратился къ

Б. съ просьбой пристрѣлять для ускоренія значительную партію этихъ ружей при нашемъ баталіонѣ, въ виду немедленнаго отправленія ружей въ дѣйствующую армію. Эту пристрѣлку очень тщательно исполнилъ нашъ завѣдующій оружіемъ. Черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось по дѣламъ ѣхать въ Москву и командиръ просилъ зайти на квартиру Жверждовскаго за какой-то справкой. Когда я позвонилъ, мнѣ отворилъ двери жандармскій унтеръ-офицеръ и пригласилъ войти. Я сообразилъ, что случилось что-то неладное. Тамъ меня спросили, кто я и зачѣмъ явился. Я объяснилъ, что командиръ приказалъ мнѣ зайти въ штабъ гренадерскаго корпуса за служебной справкой, что, не заставъ тамъ капитана Жверждовскаго, я по указанію писаря отправился къ нему на квартиру. Меня спросили, почему же я пошелъ за справкой не въ свой штабъ, а въ штабъ гренадерскаго корпуса. Я отвѣтилъ, что нашъ штабъ въ г. Ярославлѣ и за всѣми справками мы обращаемся въ ближайшій штабъ. Мое имя и мѣсто служенія записали; я поспѣшилъ домой, чтобы предупредить Б. Но тамъ уже все было извѣстно. М-me Б. меня встрѣтила словами: «Вотъ это патріотизмъ: Жверждовскій ушелъ умирать за свободу отчизны и ушелъ не съ пустыми руками!» Жверждовскій воспользовался совершеннымъ довѣріемъ командира корпуса барона Рамзая и вызвался самъ доставить въ дѣйствующую армію громадный транспортъ съ оружіемъ, боевыми припасами, деньгами, мундирными и амуничными вещами подъ прикрытіемъ сильнаго отряда, и сдалъ этотъ транспортъ вмѣстѣ съ прикрытіемъ въ Литовскихъ лѣсахъ повстанцамъ; а затѣмъ вскорѣ явился подъ именемъ Топора однимъ изъ главныхъ начальниковъ Литовскаго революціоннаго отдѣла. Карьера его была непродолжительна: онъ сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть городомъ Борисовымъ, былъ отбитъ, а потомъ въ одной битвѣ попалъ въ плѣнъ и повѣшенъ Муравьевымъ. Однажды вечеромъ Б. разсказалъ намъ, что въ одномъ гвардейскомъ полку, въ послѣднемъ дѣлѣ, выбыло изъ строя нѣсколько офицеровъ, и что я назначенъ начальствомъ въ этотъ полкъ, какъ имѣющій право, по успѣшному окончанію курса, на переводъ въ гвардію, а потому долженъ отравиться на войну. Я отвѣтилъ при всѣхъ, что не желаю этого перевода. «Почему?» наивно спросилъ Б., вѣдь васъ переводятъ въ гвардію съ пониженіемъ одного чина и такимъ образомъ вы выигрываете чинъ; да тамъ заперестрѣлки схватите крестикъ, другой; мой совѣтъ ѣхать и ѣхать!» Я отвѣтилъ, что «не желаю принимать участіе въ этой несправедливой войнѣ»... Что это за странный человѣкъ этотъ Б., думалъ я, неужели онъ думаетъ, что намъ суждены лишь благіе порывы, а совершить ничего не дано?—Но вѣдь я не могу сдѣлать такого донесенія, добавилъ Б., я донесу, что вы по болѣзни не можете воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Если это представленіе будетъ уважено—счастье ваше!—Я знала, что вы такъ отвѣтите! сказала М-me Б., протянувъ мнѣ руку. Однако, командиру замаскировать мой отказъ не удалось. Одинъ изъ постоянныхъ нахлѣбниковъ Б—хъ давно и пристально слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ творится, и написалъ обстоятельный доносъ, въ которомъ и меня не забылъ. Высшее начальство прислало слѣдователя. Б. держалъ себя при разслѣдованіи ук-

лончиво и неловко, M-me Б. открыто и гордо. «Почему вы ходите въ траурѣ?»—По отчизнѣ... что вы тамъ ищете г-нъ офицеръ?—Я ищу, сударыня, Марсельезу и революціонныя пѣсни.—Это вотъ здѣсь. Скажите пожалуйста, полковникъ, чей это портретъ въ арестантскомъ халатѣ виситъ надъ роялью? Это, знаете ли, портретъ одного родственника жены. Но отчего-же онъ изображенъ въ кандалахъ? Я думаю, это причуда художника! Ахъ! нѣтъ, Б., зачѣмъ ты говоришь неправду?! Это портретъ Канарскаго. Офицерамъ не предлагали вопросовъ. Для меня дѣло кончилось благополучно. Въ теченіе слѣдующаго года меня переводили четыре раза: изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринославъ, затѣмъ въ Миргородъ и наконецъ въ Ташкентъ. Два товарища были переведены въ армейскіе полки на Волгѣ. Одинъ изъ нихъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку. А командиръ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіона.

Лѣтъ черезъ 5, вернувшись изъ Туркестана, я разыскалъ въ Петербургѣ стараго своего сослуживца и очевидца только что разсказанной исторіи и узналъ о дальнѣйшей судьбѣ четы Б—хъ M-me Б. то же «не съ пустыми руками» пришла на служеніе своей отчизнѣ. Все свое большое состояніе она отдала на «дѣло» и затѣмъ осталась съ мужемъ въ нищетѣ. Б. постарѣлъ и опустился. Они жили въ Петербургѣ въ глухихъ мѣстахъ, на чердакѣ. Уроки музыки, которые давала M-me Б., были ихъ единственнымъ рессурсомъ. Она сама стряпала, мыла полы, обшивала мужа, чистила ему сапоги... Послѣдній разъ товарищъ встрѣтилъ его у гостиннаго двора: какъ прежде, онъ бѣжалъ и длинная, ветхая его шинель развѣвалась по вѣтру. Онъ страшно обрадовался встрѣчѣ: расцѣловался и прослезился... вспоминали старину... Потомъ Б. внезапно промолвилъ: Пойдемте: я вамъ покажу хорошее мѣстечко. Они пошли къ Казанскому мосту. Смотрите! Убей меня Богъ! черезъ три года здѣсь будутъ рѣзаться: славная будетъ потасовка!.. Вскорѣ они съ женой покинули Россію и поселились гдѣ-то за границей.

IV.

Главный нашъ начальникъ генералъ Г. учился кажется во времена Пушкина въ Царскосельскомъ лицеѣ и былъ человѣкъ деликатный, стойкій и просвѣщенный. Онъ вводилъ во ввѣренныхъ ему войскахъ новое тогда стрѣлковое искусство и, повидимому, полюбилъ всей душою это дѣло и связанныя съ нимъ другія занятія. Должно быть мысль его была совершенно поглощена этимъ дѣломъ, ибо о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ, къ тѣлодвиженіямъ сопутствующимъ слова, припутывалъ невольно какія нибудь техническія движенія: гимнастическія, фехтовальныя и проч. Мнѣ приказали явиться къ нему передъ отъѣздомъ. Когда я вошелъ въ пріемную, онъ на одинъ моментъ принялъ фехтовальную позицію en garde, а потомъ очень привѣтливо поздоровался со мною. «Ну, вамъ придется ѣхать далеко! сказалъ онъ и приподнялъ нѣсколько голову, открылъ ротъ и протянулъ впередъ руки, изображая стрѣльбу на большое разстояніе при

высокомъ прицѣлѣ. Тамъ жарко, очень жарко... Я смотрю на увлеченія молодежи вотъ такъ: онъ приставилъ ладонь передъ правымъ глазомъ, прищуривъ лѣвый, какъ будто держалъ въ рукѣ ручную мишень съ дырочкой въ центрѣ для повѣрки спуска курка. «Я за вами буду слѣдить»... Онъ сдѣлалъ шагъ вправо и сталъ смотрѣть на какую то далекую точку черезъ мою голову, изображая должно быть процессъ глазомѣрнаго опредѣленія разстоянія... «И возьму васъ обратно черезъ нѣсколько лѣтъ». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ уже занималъ очень высокій постъ, онъ меня возвратилъ изъ Туркестана и встрѣтилъ очень ласково. Новый ближайшій начальникъ, смѣнившій Б. такъ спѣшилъ меня выслать, что не выдалъ даже денегъ на дорогу, объявивъ, что прогонныя я долженъ получать въ попутныхъ интендантствахъ [1]). Но денегъ и тамъ мнѣ не дали потому, что я не имѣлъ свидѣтельства о неполученіи ихъ дома въ своемъ батальонѣ. Такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось возвращаться за свидѣтельствомъ туда, откуда меня выслали въ 24 часа, а своихъ денегъ у меня было рублей 15—18, то я и послѣдовалъ совѣту знакомыхъ студентовъ, поискать случая и отправиться съ какимъ нибудь обозомъ, которые тогда перевозили товары изъ одного большого города въ другой. До Харькова я ѣхалъ на пароконномъ фургонѣ съ приказчикомъ колоніальнаго магазина. Въ Харьковѣ я очень скоро пристроился къ обозу, который везъ въ Одессу разные товары на 20 или 25 повозкахъ. Красивый, кудрявый, могучаго сложенія парень лѣтъ 30—35, Асѣевъ запросилъ съ меня 5 рублей. Я согласился. «Ну такъ пойдемъ баринъ въ полпивную». Тамъ Асѣевъ спросилъ водки и закуски и, когда я сказалъ, что не пью, онъ огорчился и удивился: «Какъ же ты ахвицеръ, а не пьешь?.. Ты выпей хоть французской!» Намъ дали краснаго цвѣта сладкую водку. «Что ты баринъ не ѣхалъ по казенной почтѣ? Или ты бѣдный такой? Такъ я тебѣ уступлю». Я возсталъ противъ уступки, сказавъ, что въ Одессѣ у меня будутъ деньги. Мой чемоданъ положили на дно воза, упаковали товары, обернули возъ рогожами и увязали, сдѣлавъ впереди рогожныя будки. Асѣевъ подстелилъ для меня свой полушубокъ, на который я положилъ подушку, а подъ нее узелокъ съ бѣльемъ, и вотъ мы тронулись. Каждую повозку везли три крупныя, сильныя лошади. Самый возъ со стороны походилъ на большую копну сѣна. Лошади шли мѣрнымъ шагомъ, а рогожная копна тихо качалась, вздрагивая слегка, когда колеса натыкались на неровную колею. Возы поскрипывали. Лошади тихо качали головами и отмахивались хвостами. Пахло дегтемъ, а по временамъ наносило струю махорки. Съ ближняго воза доносился тихій говоръ, а иногда и пѣсня. Выѣзжали мы рано утромъ и дѣлали по холодку первую упряжку верстъ въ 25. По большимъ торговымъ трактамъ тогда всюду на этомъ разстояніи были разбросаны постоялые дворы, иногда по два напротивъ другъ друга. Тамъ мы кормили лошадей и отдыхали всю жаркую пору дня и по холодку дѣлали вторую упряжку, подвигаясь еще верстъ на 25.

[1]) Окружныя интендантства тогда были только что учреждены и офицеры, не стоявшіе въ постоянныхъ отношеніяхъ къ нимъ, не знали толкомъ новыхъ порядковъ.

Передовая повозка вела весь обозъ и потому на очередномъ извозчикѣ лежала большая отвѣтственность. Остальные, свободные спали въ будкахъ, если не было своего или общаго дѣла, за исключеніемъ послѣдняго, хвостового тоже очереднаго, который слѣдилъ и за цѣлостью вещей, и за порядкомъ. Обозъ заѣзжалъ только въ свои излюбленные дворы на основаніи хозяйственныхъ или другихъ соображеній. Конечно для хозяина было выгодно накормить 60—70 лошадей и 20 извозчиковъ; а кормили извозчики своихъ лошадей отлично и сами ѣли хорошо и пили не мало. Вотъ почему, когда обозъ подъѣзжалъ ко двору, на крыльцо на встрѣчу выходилъ хозяинъ съ привѣтомъ и большой посудиной водки и подносилъ «встрѣчную чару» тутъ же; такъ же при отъѣздѣ хозяинъ подносилъ «отвальную». И эти чарки въ счетъ не ставились. За лошадьми они любовно ухаживали, давая имъ въ волю овса и сѣна. Сами ѣли вкусно и много: жирныя, прѣлыя щи съ мясомъ, крупную гречневую кашу съ масломъ. жареную баранину, иногда птицу; пшенную кашу съ молокомъ, пироги, огурцы, арбузы, запивая это изряднымъ количествомъ водки, квасу и чая. Иногда разгуляются и начинаютъ угощать другъ друга водкой, затягиваютъ пѣсню и пускаются въ плясъ; тутъ и я не могъ уклониться отъ общаго веселія и угощенія. Самъ я не имѣлъ возможности ѣсть такъ много и хорошо, несмотря на всѣ ихъ настоятельныя просьбы, что ихъ видимо смущало, такъ какъ они, взявъ меня съ собой, считали меня какъ будто несовершеннолѣтнимъ членомъ своей артели. Я тратилъ на харчи 10—15 коп. въ день и этого было для меня довольно. Мнѣ давали на 5 коп. большую миску щей съ кускомъ хлѣба и на 5 коп. достаточную порцію каши. Однажды въ пути я захотѣлъ перемѣнить бѣлье: изъ полушубка Асѣева на меня насѣли насѣкомыя. Я поднялъ подушку, и узелка съ бѣльемъ не нашелъ: полушубокъ сбился на сторону и мой узелокъ провалился черезъ петли веревочнаго переплета. Асѣевъ посовѣтывалъ мнѣ отдать кухаркѣ на постояломъ дворѣ помыть бѣлье, которое было на мнѣ. Около 11 часовъ утра мы остановились на постояломъ дворѣ въ какомъ-то небольшомъ городѣ. Пообѣдали и артель завалилась спать, а я пошелъ на кухню и сталъ просить кухарку помыть бѣлье; къ нашему разговору прислушивался молодой широкоплечій парень въ рубахѣ и босикомъ и сказалъ: «Пойдемъ баринъ со мной въ баню, я васъ вымою и выпарю, и бѣлье помою». Мнѣ понравилось такое предложеніе и я пошелъ къ нашему возу для того, чтобъ положить подъ подушку золотыя часы съ цѣпочкой. Изъ будки торчали ноги Асѣева. Я осторожно сталъ прятать часы; но Асѣевъ вскочилъ и спросилъ: «чего тебѣ родимый?» Когда я разсказывалъ въ чемъ дѣло, лицо Асѣева дѣлалось все строже. «Что ты родимецъ? Господь съ тобой! Одумайся! Съ кѣмъ ты пойдешь въ баню? Это первый жуликъ. Онъ тебя исколотитъ, отниметъ деньги, а то и убьетъ: за нимъ водится. А еще ахвицеръ, ученый! Словно ребенокъ не понимаешь! Ну, погоди рыжая собака!! Слушай, ты поди какъ будто идешь съ нимъ въ баню, а я побужу нашихъ ребятъ: мы его поучимъ!»—и проучили... Другой разъ, когда мы ѣхали по Херсонской степи, ночью, Асѣевъ велъ обозъ. Ему захотѣлось спать. Онъ толкнулъ меня и говоритъ: «Спать

хочется: садись, родимецъ. На 7-ой верстѣ будетъ косогоръ, разбуди. Пуще всего не трогай возжу, не путай коней: кони сами знаютъ». Я съ удовольствіемъ сѣлъ на его мѣсто, а онъ свалился и захрапѣлъ. Ночь была тихая, свѣтлая; на встрѣчу ласково шелестилъ вѣтерокъ. Мнѣ чудился тихій шопотъ и какъ будто степь дышала. Я замечтался... Гдѣ я былъ тогда—не знаю, только не на своемъ мѣстѣ. Когда я очнулся, мнѣ показалось, что мы ѣдемъ косо; я инстинктивно схватилъ возжи и сталъ неумѣло заворачивать тройку. Лошади топтались, я дергалъ и вотъ нашъ возъ пошелъ какъ то бокомъ, наклоняясь правой стороной куда то внизъ. Лошади прибавили шагу, потомъ пошли рысцой, колеса застучали. Сзади загрохотали другія повозки. Движеніе все ускорялось и наконецъ наша и слѣдующія повозки бухнулись, словно выпалили изъ двустволки вздвоеннымъ ударомъ. Асѣевъ мгновенно поднялся на ноги и осматривался кругомъ съ недоумѣніемъ, «Что ты надѣлалъ, родимецъ!» зашепталъ онъ: «эка бѣда, эка бѣда! А еще ахвицеръ! Я же тебѣ говорилъ разбуди меня на 7-ой верстѣ! Что теперь будетъ съ нами?! Ну ахвицеръ! Ну!..» Къ мѣсту катастрофы сбѣгались съ крикомъ извозчики. Насъ окружали. Всѣ кричали, размахивая руками. Асѣевъ молча и сокрушенно поворачивался то въ ту, то въ другую сторону. Изъ общаго крика выдѣлялись слова: «Ты спать?..—Братцы, это не я, а ахвицеръ!—Какъ ахвицеръ? Почему ахвицеръ? А ты ахвицеръ не за свое дѣло взялся?!... Такъ ты спалъ, а за себя посадилъ ахвицера!» Наконенъ этотъ нестройный хоръ завершился единогласнымъ восклицаніемъ: «Штрахъ!! Оштраховать обоихъ! Штрахъ и на ахвицера: не берись не за свое дѣло!» Тогда говоръ принялъ болѣе спокойный характеръ, и самъ Асѣевъ повеселѣлъ и занялъ въ сужденіи равновѣсное положеніе. На Асѣева наложили ведро водки, а на меня четвертную ($2^1/_2$ штофа). Но Асѣевъ сталъ горячо защищать меня, ссылаясь на мою бѣдность. Однако, никто не сомнѣвался въ моей виновности. Послѣ упорныхъ переговоровъ, пошли на компромисъ: рѣшено было, что я поставлю штофъ, а Асѣевъ отъ себя прибавитъ что-то еще. На первомъ же постояломъ роспили штрафное вино, и я пилъ—иначе и быть не могло; а потомъ пѣли и плясали; а надо мною смѣялись и говорили: «А вотъ завтра на вторую упряжку посажу вмѣсто себя ахвицера, а самъ завалюсь какъ баринъ!»....

Когда мы ѣхали между Вознесенскомъ и Одессой, гдѣ-то на открытомъ полѣ, какъ мнѣ казалось, мы увидѣли колодецъ-журавель. Обозъ свернулъ, и сталъ поить лошадей. И по мѣрѣ того какъ справлялись съ дѣломъ, одна повозка за другой выѣзжали на дорогу и наконецъ, весь обозъ вытянулся, только послѣдній возъ стоялъ противъ колодца на дорогѣ, окруженный большой толпой евреевъ, которые страшно галдѣли. Сюда сбѣжалась изъ какой-то невидимой лощины, словно изъ подъ земли выросла, вся еврейская колонія съ дѣтьми и женами. Обозъ остановился и туда побѣжали всѣ наши. Что тамъ дѣлалось, я не понималъ, но ко мнѣ подбѣжалъ взволнованный Асѣевъ и тогда дѣло объяснилось: «Родимецъ! поди прикажи жидамъ отдать ведро! Надень цаблю, да крикни на нихъ: какъ вы смѣете, жиды, обижать мужиковъ! Отдайте ведро, а то я васъ такіе, сякіе! Да

Подпоручикъ Петръ СЛИВИЦКІЙ 2-ой.

Поручикъ Иванъ АРНГОЛЬДТЪ.

погрознѣе!» Я было спрыгнулъ съ воза, чтобы бѣжать на выручку; но Асѣевъ остановилъ меня и убѣдительно доказывалъ, что «безъ цабли жиды не признаютъ тебя за ахвицера, и не послушаютъ.» И я нацѣпилъ саблю, однако жиды были гораздо умнѣе, чѣмъ думалъ Асѣевъ, и меня не испугались, и пришлось мужикамъ, взамѣнъ арестованнаго ведра, заплатить кажется по копѣйкѣ, или по грошу за лошадь. Съ тѣхъ поръ мой престижъ нѣсколько упалъ. Но тѣмъ не менѣе мы дружно доѣхали до Одессы, и очень тепло распрощались, особенно съ Асѣевымъ.

V.

Въ мѣстахъ моего послѣдующаго служенія, я встрѣтился съ нѣсколькими офицерами и однимъ солдатомъ, живыми и достовѣрными свидѣтелями драматическаго эпизода, случившагося въ 63—64 году. Отчеты объ этихъ событіяхъ были помѣщены въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ. О началѣ этой исторіи я имѣю скудныя свѣдѣнія; но развитіе ея давало тогда несомнѣнное право на нѣкоторые выводы, можетъ быть не слишкомъ смѣлые.

Вопросъ объ отношеніяхъ благожелательнаго дворянина къ вскормившему и вспоившему его мужику, или интеллигенціи къ народу, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ считался неразрѣшимымъ, проклятымъ вопросомъ. Говорили, что между мужикомъ и интеллигентомъ существовала непроходимая бездна, а между тѣмъ чуткая совѣсть призывала послѣдняго посвятить свою жизнь служенію этому народу для того, чтобы уплатить ему священный долгъ. Появленіе на сцену интеллигента-разночинца мало измѣнило это положеніе. По прежнему между двумя лагерями лежала пропасть. Исторія, о которой я разсказываю ниже, даетъ интересное разрѣшеніе конфликту: она показываетъ, при какихъ обстоятельствахъ «мужикъ въ сѣрой солдатской шинели и дворянинъ въ эполетахъ» протянули другъ другу руку черезъ эту бездну. Въ этомъ состоитъ высокій интересъ совершенно забытой исторіи, о которой я говорю.

Небольшая группа молодыхъ офицеровъ бригады, расположенной въ Варшавѣ, сблизилась съ извѣстными польскими революціонными дѣятелями-офицерами Сѣраковскимъ, Домбровскимъ, который былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ войскъ парижской коммуны, и Потебней [1]). На своихъ совѣщаніяхъ они пришли къ признанію необходимости и практической осуществимости организаціи военной силы для борьбы съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ Россіи. Истинными учредителями первой организаціи, или, какъ они выражались, ядра или кадровъ русской революціонной арміи, были русскіе офицеры Арнгольтъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій. Были-ли Домбровскій и Сѣраковскій вдохновителями русскихъ офицеровъ, я не знаю. Возможно, что эти высокодаровитые и опытные люди сооб-

---

[1]) Потебня былъ также русскій офицеръ, перешедшій на сторону польскихъ повстанцевъ и убитый въ битвѣ съ русскими войсками подъ Песчаной Скалой 4 марта 1863 г. *Ред.*

щили имъ первый толчекъ. Какъ бы тамъ ни было, они скоро отошли въ сторону: у нихъ было на рукахъ много своего дѣла, такъ что первый революціонный кружокъ состоялъ, кажется, изъ слѣдующихъ офицеровъ стрѣлковой бригады: Аргольта, Сливицкаго 2-го, Каплинскаго, Ѳенина, Новицкаго, Кутузова, а послѣднюю фамилію я забылъ. Они постановили организовать другіе кружки въ ближайшихъ войсковыхъ частяхъ и приступить къ пропагандѣ между солдатами, для чего захватить въ свои руки сводную учебную команду стрѣлковой бригады. Въ составъ учебной команды входило, если не ошибаюсь, около 75 молодыхъ солдатъ, которые по окончаніи годового курса возвращались въ свои роты, а составъ учебной команды возобновлялся. При командѣ находилось человѣкъ 12 унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и человѣка 4 офицеровъ преподавателей. Завѣдовалъ учебной командой Аргольтъ, его ближайшими помощниками были Сливицкій 2-й и Каплинскій. Пропаганда дала поразительные и неожиданные результаты, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ эпоху общественнаго пробужденія, связанныя силы переходятъ въ живую форму и усчитать перераспредѣленіе вызванныхъ силъ не легкое дѣло. Пропаганда между солдатами оказалась дѣйствительнѣе, чѣмъ между офицерами.

Конспирація въ военной средѣ невозможна: офицеры слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ разными узами. Школьныя связи, личная дружба, совмѣстная служба, ежедневныя встрѣчи, весь бытовой складъ соединяютъ ихъ въ одну семью. Около членовъ кружка группируются близкіе членамъ его офицеры, которые знаютъ слишкомъ много, но способные только на сочувствіе чисто платоническое. Горячія, неосторожныя рѣчи въ присутствіи такихъ лицъ дѣло неизбѣжное. Святыя узы товарищества выручаютъ 99 разъ изъ 100, но для провала достаточно и одного случая. Когда дѣло было въ полномъ развитіи, Аргольтъ и Сливицкій 2-й напечатали въ «Колоколѣ» прокламацію къ офицерамъ русской арміи и призывали ихъ къ борьбѣ съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, оканчивая воззваніе словами: «Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся». Эту прокламацію я прочиталъ впослѣдствіи. «Колоколъ» тогда не попадалъ къ офицерамъ. Старшій братъ Сливицкаго 2-го Сливицкій 1-й (капитанъ) зналъ очень много. Однажды онъ явился къ командиру 4-го стрѣлковаго баталіона полковнику Х. и сообщилъ ему, что по долгу службы и присяги онъ сейчасъ же отправится къ намѣстнику и доложитъ ему о военномъ заговорѣ, составленнымъ Аргольтомъ и Сливицкимъ 2-мъ, съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Х. конечно былъ изумленъ этимъ откровеніемъ, можетъ быть онъ не повѣрилъ бы доносчику, во всякомъ случаѣ, его болѣе поразила необычайная особенность этого доноса — предательство товарищей и брата. Онъ сталъ умолять Сливицкаго 1-го оставить это намѣреніе. Сливицкій 1-й отвѣтилъ, что по обязанности службы онъ пришелъ только заявить, что идетъ съ доносомъ къ старшему начальнику, и что его намѣреніе непоколебимо. Говорили, что Х., стараясь смягчить его, упалъ на колѣни и со слезами умолялъ отложить, по крайней мѣрѣ, свой доносъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать возмож-

ность спастись брату и товарищамъ за границу. Тогда Сливицкій 1-й сталъ угрожать и самому командиру. Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и, увидѣвъ такую небывалую сцену, вообразилъ, что командиръ сошелъ съ ума... Сливицкій 1-й отправился прямо къ намѣстнику. Намѣстникъ давалъ аудіенцію по опредѣленнымъ днямъ, и Сливицкому 1-му пришлось направиться къ помощнику намѣстника генералу Рамзаю. Сдѣлавъ доносъ, Сливицкій 1-й, въ награду за вѣрность, просилъ перевода тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій царскосельскій стрѣлковый баталіонъ—награда, которую въ военное время даютъ за особенные военные подвиги, такъ какъ это равняется повышенію на два чина. Рамзай обѣщалъ ходатайствовать. Аргольтъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій были арестованы. Кажется Ѳенинъ и еще кто-то другой пытались бѣжать за границу, но были остановлены. Одинъ изъ нихъ отравился, другой застрѣлился [1]). Новицкій и Кутузовъ также были арестованы. Ночью объ арестѣ Аргольта, Сливицкаго 2-го и Каплинскаго узнала учебная команда и, по своему почину, съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскую цитадель, ворвалась туда, обезоружила караулъ и освободила арестованныхъ офицеровъ. Но въ крѣпости ударили тревогу, со всѣхъ сторонъ собирались большія массы войска, Аргольтъ, Сливицкій и Каплинскій, не желая безполезнаго кровопролитія, уговорили команду удалиться, простились съ нею и остались подъ арестомъ. Въ ту же ночь они были перевезены въ Ивангородъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно непричастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были разстрѣляны Аргольтъ, Сливицкій 2-й и унтеръ-офицеръ Ростковскій. Каплинскій пошелъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы [2]). Учебная команда была арестована. На допросѣ «съ пристрастіемъ» никто изъ солдатъ не проговорился. Унтеръ-офицеръ Щуръ умеръ подъ розгами, не сказавъ ни слова. Остальные пошли въ арестантскія роты, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, переведенныхъ на нестроевыя должности въ отдаленные баталіоны.

Между тѣмъ командиръ царскосельскаго стрѣлковаго баталіона графъ Ш. собралъ своихъ офицеровъ и держалъ имъ рѣчь въ такомъ смыслѣ: «Гг.! я никогда не оказывалъ давленія на ваши рѣшенія. Мы жили согласно, и я предвижу вашъ отвѣтъ. Въ нашу семью просится капитанъ Сливицкій, предавшій своего брата и своихъ товарищей».

Конечно, общество офицеровъ заявило командиру о своемъ нежеланіи служить съ такимъ человѣкомъ. Говорили, что и другія гвар-

---

[1]) Такъ ли это? Офицеръ Фенинъ перешелъ на сторону польскихъ повстанцевъ и затѣмъ скрылся за границу, гдѣ и умеръ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть это другой Фенинъ? *Ред.*

[2]) Офиціальныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ перепечатаны изъ № 130 „Русскаго Инвалида“ за 1862 годъ въ сборникѣ Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“. Т. I, стр. 114—115 (Русская Историческая Библіотека № 1), а нѣкоторыя дополнительныя, напечатанныя въ № 143 „Колокола“, перепечатаны въ сбор. Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ стр. 28—29 (Русская Историческая Библіотека № 2). *Ред.*

дейскія части отказались принять его въ свою среду. Артиллерійскій офицеръ Огородниковъ съ товарищами отслужили панихиду по разстрѣлянным. Какой-то батюшка «прошепталъ Господу Богу на ухо» эту панихиду. За это Огородниковъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ были уволены изъ службы и заключены въ крѣпости. Огородниковъ оставилъ очень интересныя записки о своемъ заключеніи въ Новогеоргіевской крѣпости, напечатанныя, кажется, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]).

М. Ашенбреннеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г. №№ 6—9.
Ред.

Прокламація 1862 г. по поводу высылки профессора Павлова [1]).

(съ печатнаго подлинника).

Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ—не сказано. Кто же распоряжается нами: III Отдѣленіе? Неужели какой нибудь Долгорукій или Валуевъ рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Военнымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не ссылать; отчего не дать это право губернаторамъ, квартальнымъ и становымъ?

И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ; или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой нибудь Ветлугѣ только за то, что человѣкъ не созданъ мерзавцемъ и идіотомъ, что правду Долгорукихъ и Валуевыхъ человѣкъ считаетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

И чего трусить. Всѣхъ не сошлютъ. Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, сбираются сослать еще нѣсколькихъ,—что же! Или уже нѣтъ людей имъ на смѣну?..

Протестуйте, подавайте адресъ, жертвуйте деньгами, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликнитесь на нашъ призывъ—покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергическіе люди!

---

[1]) Оффиціальное сообщеніе о высылкѣ проф. Павлова напечатано въ № 51 „Русскаго Инвалида“ за 1862 г. и печатано въ сборникѣ Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“ т. I. стр. 111—112 (Русская Историческая Библіотека № 1), а рѣчь, за которую Павловъ былъ высланъ, напечатанная въ № 3 заграничнаго журнала кн. П. В. Долгорукова „Правдивый“ (1862 г.), перепечатана въ сбор. Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ стр. 52—53 (Русская Историческая Библіотека № 2). *Ред.*

Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

Начало описываемыхъ мной событій относится къ осеннимъ мѣсяцамъ 1904 года, когда въ туманѣ петербургской грязи и слякоти, подъ отдаленнымъ грохотомъ пушекъ и потоками народной крови на Дальнемъ Востокѣ, повѣяло слабыми признаками «весны». Наверху въ «надпольномъ» мірѣ газеты впервые заговорили смѣлымъ, достойнымъ человѣка, неслыханнымъ въ Россіи, языкомъ, начался періодъ банкетовъ, кончавшихся неизмѣнной резолюціей о необходимости «реформы» и ограниченія всевластія «бюрократіи». Все оживилось, напряглось и ждало перемѣнъ; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе освѣжающей бури. Какъ же отозвалась «весна» на скрытомъ отъ непосвященныхъ подпольномъ мірѣ, гдѣ сотни людей вели свою кропотливую и самоотверженную работу? Какъ вообще обстояло дѣло къ тому времени въ подпольномъ мірѣ?

Мои замѣтки будутъ касаться лишь соціалдемократической работы въ Петербургѣ, но насколько я знаю, за исключеніемъ окраинъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи дѣло немногимъ отличалось отъ того, что происходило въ Петербургѣ, и поэтому я имѣю право считать петербургскія условія довольно типичными, характерными для всей Россіи.

Петербургская соціалдемократическая организація того времени была необыкновенно слаба. Борьба между фракціями большинства и меньшинства достигла во всей Россіи своего апогея и парализовала даже ту небольшую работу, которая дѣлалась. Во главѣ петербургской соціалдемократической организаціи стоялъ мѣстный комитетъ, состоявшій преимущественно изъ интеллигентовъ, студентовъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Петербургъ былъ раздѣленъ на 6 районовъ: городской, петербургская сторона, васильевскій островъ, выборгскій, невскій и нарвскій (къ которому присоединялась также и московская застава) районы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть, свою районную организацію. Организаціонные планы старой «Искры» были выдержаны крайне строго, по крайней мѣрѣ, въ своихъ отрицательныхъ чертахъ, настолько строго, что доходили порой до каррикатурности. Демократизмъ былъ изгнанъ

изъ организаціи: отъ него не осталось и слѣдовъ, и о немъ говорили не иначе, какъ съ насмѣшкой. Комитетъ считался руководящей организаціей, отъ которой исходили безапелляціонные рѣшенія по всѣмъ возникающимъ вопросамъ, которая вырабатывала общія директивы партійной работы и имѣла право смѣщать отдѣльныхъ людей, кассировать цѣлыя организаціи и т. д. Для каждаго района комитетъ изъ числа своихъ членовъ назначалъ организатора, который обязанъ былъ однако только «руководить» работой, а для того, чтобы въ своемъ «руководствѣ», въ проведеніи руководящихъ принциповъ и лозунговъ, не отвлекаться повседневной мелкой работой въ организаціи, организаторы районовъ обыкновенно не занимались текущей работой въ своемъ районѣ: они время отъ времени,—а нѣкоторые очень рѣдко—наѣзжали въ свои «владѣнія», контролировали работу пропагандистовъ, выдавали деньги на расходы, сообщали директивы партійныхъ центровъ, извѣщали о затѣваемыхъ листкахъ; вся же остальная работа лежала на ихъ помощникахъ, пропагандистахъ и агитаторахъ. Такимъ образомъ въ подпольѣ создался міръ, нѣкоторыми существенными своими чертами напоминавшій надпольный режимъ. Во главѣ подпольнаго міра стояла безконтрольная группа революціонеровъ, своего рода партійная бюрократія. Она обладала всѣми недостатками бюрократіи. И какъ въ надпольномъ мірѣ, въ низахъ организаціи также шло глухое броженіе и недовольство, и также сначала не объединенное какими-либо общими принципами, а поддерживаемое лишь неспособностью и бездѣятельностью партійной бюрократіи. Руководящій органъ, петербургскій партійный комитетъ, былъ не только оторванъ отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, онъ былъ оторванъ и отъ своей собственной организаціи. Желая стоять надъ организаціей, онъ фактически стоялъ внѣ ея. Желая концентрировать въ своихъ рукахъ всѣ техническія и идейныя средства, всю «полноту власти», онъ, чуждый своей организаціи, подобно всякой «всесильной» бюрократіи, страдалъ полнымъ безсиліемъ и крайне плохо выполнялъ даже функціи техническаго руководства. Листки появлялись крайне рѣдко и не на темы, которыя требовали низы партіи; впрочемъ, требованія низовъ по большей части игнорировались или застрѣвали по пути къ высшимъ сферамъ: техническія средства дѣйствовали крайне несовершенно.

Недовольство росло. Интеллигентовъ, желавшихъ работать для партіи и предлагавшихъ ей свои услуги, было очень много, но за отсутствіемъ всякаго выработаннаго плана работы и руководящихъ практическихъ принциповъ всѣ они толклись на одномъ мѣстѣ, жаловались на то, что комитетъ не даетъ имъ работы, усиливали атмосферу недовольства и неудовлетворенности и тѣмъ способствовали лишь еще большей дезорганизаціи дѣятельности мѣстной соціалдемократической организаціи. И снова точно такъ же какъ въ надпольномъ мірѣ нуженъ былъ громкій крахъ и сильное пораженіе, чтобы заставить скрытую, накопившуюся горечь и неудовлетворенность вырваться наружу и превратить потенціальную энергію оппозиціи въ силу активную, точно такъ же партіи нужно было потерпѣть сильную, уничтожающую и очевидную для всѣхъ неудачу, чтобы заставить недовольные элементы сплотиться и напречь всѣ силы для того, чтобы положить конецъ

ненормальному положенію. Такимъ ударомъ, приведшимъ въ движеніе всѣ активныя силы подпольнаго міра, послужила неудавшаяся демонстрація 28 ноября, назначенная комитетомъ безъ предварительнаго обсужденія вопроса низами партіи, лишь на основаніи теоретическаго убѣжденія мѣстнаго центра, что демонстрація противъ войны необходима. Мы не будемъ описывать здѣсь этой демонстраціи, и скажемъ лишь, что, несмотря на то, что она была назначена въ періодъ повышенной общественной температуры, съ крайне популярнымъ лозунгомъ, направленнымъ противъ войны, петербургскій пролетаріатъ не откликнулся на призывъ соціалдемократической организаціи, и отдѣльныя единицы изъ рабочаго класса незамѣтно мелькали въ негустой массѣ учащейся молодежи.

Послѣ этой неудачи начались, какъ это всегда бываетъ послѣ всякихъ неудачъ, взаимныя обвиненія, нареканія и упреки партійныхъ верховъ и низовъ. Низы партіи упрекали комитетъ въ томъ, что онъ принялъ рѣшеніе устроить демонстрацію вопреки явно выраженному низами мнѣнію, что демонстрація несвоевременна и кончится неудачей. Комитетъ съ своей стороны обвинялъ низы и периферію партіи въ недисциплинированности, въ агитаціи противъ рѣшенія мѣстнаго партійнаго центра, даже въ уничтоженіи листковъ, призывавшихъ къ демонстраціи, которые кстати въ нѣкоторые районы попали въ день демонстраціи за часъ или 2 до предполагавшагося ея начала. Кто правъ, кто виноватъ былъ въ этой ссорѣ, конечно, неинтересно. Вѣрно то, что тогда и низы и верхи были одинаково неправы въ оцѣнкѣ основной причины всякихъ неудачъ россійской соціалдемократіи, и нужна была еще не одна неудача и не одно пораженіе, чтобы внутри партіи образовалось теченіе съ болѣе правильной оцѣнкой какъ задачъ партіи, такъ и причины ея слабости и оторванности отъ массъ. Какъ бы то ни было, но послѣ демонстраціи 4 района изъ шести вынесли резолюцію, въ которой они констатировали бездѣятельность и неспособность комитета и отказались впредь признавать его своей руководящей организаціей, да и въ остальныхъ районахъ голоса за и противъ комитета раздѣлились приблизительно пополамъ. Недовольные интеллигенты начинаютъ устраивать общія собранія, гдѣ также принимаются рѣшенія дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ комитета, и наконецъ изъ нихъ выдѣляется небольшая группа, которая рѣшаетъ взять на себя функціи и задачи комитета и дѣлается центромъ *меньшевистскаго* теченія въ Петербургѣ.

Но при чемъ же тутъ принципы меньшинства? спроситъ читатель. Вѣдь неспособность руководить и бездѣятельность не принадлежатъ къ тактическимъ пріемамъ исключительно большинства? Приходится дѣйствительно признать, что оппозиція противъ комитета не стояла на какомъ либо опредѣленномъ принципіальномъ базисѣ, что въ нее входили самые разнообразные элементы, что ее объединяли лишь общая неудовлетворенность бюрократическимъ отношеніемъ къ партійной работѣ со стороны руководящей организаціи и общее желаніе работать безъ всякихъ внутреннихъ помѣхъ, которыя часто неожиданно и властно останавливали не очень, конечно, большое, но полезное дѣло. Но этотъ порой несознаваемый протестъ противъ «бю-

рократическаго централизма» сближалъ оппозицію съ меньшевиками, и потому когда группа, состоявшая преимущественно изъ меньшевиковъ и отчасти изъ отдѣльныхъ старыхъ рабочедѣльцевъ сдѣлала попытку взять на себя роль объединяющей и руководящей организаціи, она была встрѣчена почти повсюду сочувственно.

Новой группѣ, получившей впослѣдствіи названіе *Петербургской группы при центральномъ комитетѣ россійской соціалдемократической рабочей партіи,* пришлось прежде всего выхлопатывать у центральнаго комитета право на существованіе, что ей и удалось послѣ нѣкоторыхъ треній. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ ея основанія она фактически сосредоточила въ своихъ рукахъ всю соціалдемократическую работу въ Петербургѣ; петербургскій комитетъ влачилъ въ эти мѣсяцы самое жалкое существованіе.

Каково же было вліяніе и организованность соціалдемократіи въ Петербургѣ за это время? Центральная группа прежде всего и постаралась освѣдомиться о состояніи соціалдемократической работы въ разныхъ районахъ. Картина получилась крайне печальная. Правильно функціонировавшія организаціи оказались лишь въ нарвскомъ районѣ, на петербургской сторонѣ и отчасти на Васильевскомъ островѣ. Да и въ нихъ организованность слѣдуетъ понимать съ значительными оговорками. Въ нарвскомъ районѣ напр., съ его 30.000 рабочихъ вся соціалдемократическая организація состояла изъ 6—7 кружковъ рабочихъ Путиловскаго и вагоностроительнаго заводовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—6 рабочихъ, причемъ работа велась по стародавнимъ пріемамъ съ продолжительными занятіями по политической экономіи и по первобытной культурѣ.

Правда, была также и районная организація изъ представителей кружковъ, но содержаніе ея работы довольно трудно опредѣлить. Заводская жизнь не находила въ кружкахъ никакого отклика; глухое броженіе, которое началось тогда въ петербургскомъ пролетаріатѣ и нашло себѣ выраженіе въ мощно развивавшемся гапоновскомъ движеніи, въ которомъ столь ярко проявилось стремленіе рабочихъ массъ къ широкой организаціи и къ классовому объединенію, игнорировалось, какъ зубатовщина. Да и рабочіе—члены нашихъ кружковъ были по большей части люди крайне молодые, только что вышедшіе ученики, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ въ своей заводской средѣ. Еще хуже обстояло дѣло въ другихъ районахъ. Авторъ этихъ строкъ, вошедшій въ центральную группу, былъ назначенъ организаторомъ невскаго района и вотъ какое положеніе дѣлъ ему пришлось констатировать въ этомъ громадномъ рабочемъ центрѣ. За невской заставой было всего 3 кружка: одинъ на обуховскомъ заводѣ, одинъ на семянниковскомъ и одинъ—смѣшанный фабричный на фабрикахъ Торнтона и Наумана. Никакого общаго плана пропагандистской работы не было, прежній организаторъ даже въ лицо не зналъ кое-кого изъ пропагандистовъ, и пишущему эти строки стоило не малаго труда отыскать какъ кружки, такъ и ихъ руководителей интеллигентовъ. Послѣдніе иногда сходились, мечтали о томъ, что хорошо было бы, если бы группа назначила имъ «настоящаго» организатора, но далѣе мечтаній дѣло не шло, и кружки вели вялое и мертвое существованіе. Послѣ немалыхъ

усилій мнѣ удалось устроить собраніе наиболѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ за невской заставой и потолковать съ ними о дальнѣйшей работѣ. Собраніе это было крайне интересно. Оно назначено было въ одно изъ воскресеній утромъ на квартирѣ одного уже не молодого рабочаго Обуховскаго завода. Я пришелъ на собраніе часовъ въ 10 и долженъ былъ часовъ до двухъ ждать, пока медленно собирались рабочіе. Однако я не потерялъ даромъ своего времени. Хозяйкой квартиры оказалась умная, опытная, рѣдко развитая и толковая ткачиха, пережившая уже не одинъ періодъ нашей партійной жизни. Говорила она прекрасно, чисто литературнымъ языкомъ и хорошо разбиралась въ тактическихъ вопросахъ; впослѣдствіи я узналъ, что она была извѣстна въ своей средѣ подъ именемъ «курсистки». Встрѣтила она меня не то съ недовѣріемъ, не то съ какой-то трогательной жалостью. Такъ мы часто относимся или къ безнадежно больнымъ или къ людямъ, носящимся съ безнадежно химерическими планами. У насъ скоро завязался разговоръ о нашей соціалдемократической работѣ, и она мнѣ откровенно заявила, что, по ея мнѣнію, лучшіе рабочіе къ намъ не идутъ и не пойдутъ; что результаты нашей работы настолько ничтожны, что за нихъ подвергаться риску быть арестованнымъ и оставить на голодъ и холодъ семью, ни одинъ разумный человѣкъ, даже склонный къ самопожертвованію, не рѣшится. «Я помню», говорила она, что у васъ были раньше кружки и не мало приверженцевъ. Гдѣ они теперь? За всей нашей заставой у васъ теперь есть какой-нибудь десятокъ рабочихъ, а вы все продолжаете говорить о широкихъ планахъ, зовете на политическую борьбу. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ все сводится лишь къ регулярнымъ и скучнымъ занятіямъ въ кружкахъ и изрѣдка къ предоставленію намъ недурной книженки. Нѣтъ, лучше идите въ гапоновскія организаціи, туда идутъ тысячи народу, народъ вѣритъ въ нихъ и надѣется на нихъ. Не бѣда, что они теперь ставятъ себѣ мелкія задачи, это не можетъ долго продолжаться и отчасти отъ васъ можетъ зависѣть расширеніе тамошней работы. Впрочемъ не слѣдуетъ и отпугивать народъ сразу слишкомъ рѣзкими и непрактичными требованіями».

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что я отъ нея впервые узналъ о дѣйствительно широкомъ вліяніи гапоновскихъ организацій. До тѣхъ поръ съ презрѣніемъ произносимое по отношенію къ нимъ слово: «зубатовщина» совершенно прекращало у насъ всѣхъ всякія заботы о болѣе точномъ опредѣленіи нашихъ отношеній къ громадному пролетарскому движенію, скрывавшемуся подъ этимъ именемъ.

Къ часу собрались рабочіе. Всего явилось человѣкъ около десятка: 3 обуховцевъ, человѣка 2 отъ семянниковскаго завода, 1 или 2 отъ александровскаго завода и 2 отъ фабрики Торнтона. Народъ былъ очень скептически настроенъ, былъ убѣжденъ, что рабочіе не откликнутся на нашъ призывъ итти въ нашу организацію, да и организація наша, по ихъ мнѣнію, была ничего не стоящая, ничего не дѣлающая и ничего не желающая дѣлать. Я попытался въ довольно подробной рѣчи доказать имъ, что соціалдемократическая партія должна быть организаціей, стоящей не внѣ рабочей массы, а въ крѣпкой связи съ ней, что сами рабочіе должны взять созданіе партіи въ свои руки, что

лишь самодѣятельность—тотъ нервъ, который придаетъ жизненность партіи. Я пытался изобразить имъ организацію, построенную на заводскихъ группахъ, листками, рѣчами отзывающихся на всѣ бѣды заводской жизни и мало-по-малу превращающуюся благодаря этому въ глазахъ всей рабочей массы въ защитницу рабочихъ интересовъ, для которой все, что имѣетъ отношеніе къ пролетарской борьбѣ,—свое родное дѣло. Созданіе такой партіи, говорилъ я, возможно однако лишь тогда, когда сами рабочіе перестанутъ надѣяться, что чужіе ихъ классу люди придутъ и будутъ дѣлать все необходимое для жизни партіи, а сами направятъ свои силы на то, чтобы связать партію съ рабочими массами и чтобы внутри партіи всѣ функціи выполнялись преимущественно рабочими.

Успѣхъ моей рѣчи былъ очень небольшой. Рабочіе, хотя и не возражали по существу, и соглашались, что только партія, отзывающаяся на всѣ классовыя проявленія рабочей жизни, можетъ имѣть успѣхъ, но все время чувствовалось, что между мной и ими лежитъ какая то стѣна, какой-то нерастаявшій ледъ. Лишь значительно позже я узналъ главную причину недовѣрія, которое встрѣтила моя рѣчь. Отношеніе къ партіи у моихъ слушателей было, какъ я говорилъ уже, полно недовѣрія; ко всякимъ ея обѣщаніямъ относились съ вѣжливымъ скептицизмомъ. Ее упрекали за то, что она даже кружки ведетъ не какъ слѣдуетъ, неаккуратно и неинтересно. Что касается отклика на рабочія нужды, то тутъ рабочіе наталкивались на такое игнорированіе и непониманіе, что у нихъ просто руки опускались. Я между прочимъ узналъ, что незадолго до того на Обуховскомъ заводѣ произошелъ слѣдующій любопытный фактъ. Во время войны заводъ работалъ очень усиленно и почти во всѣхъ цехахъ были повышены расцѣнки. Но въ одной мастерской мастеръ безъ вѣдома администраціи,—изъ злобнаго ли чувства къ рабочимъ или изъ личныхъ выгодъ—установилъ такія расцѣнки, которыя даже понизили средній заработокъ рабочихъ. Рабочіе этой мастерской обратились въ нашу организацію съ просьбой выпустить по этому поводу коротенькій листокъ, и пригрозить забастовкой этой мастерской въ случаѣ если злоупотребленія не прекратятся. Рабочіе были убѣждены, что до забастовки дѣло, вѣроятно, и не дойдетъ, такъ-какъ мастеръ испугается, что изъ за листка его продѣлки откроются, и постарается удовлетворить рабочихъ и замять дѣло. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль тянулись хлопоты рабочихъ у организаціи, но рабочіе такъ таки и не дождались листка и вѣроятно ни безъ озлобленія махнули рукой на помощь организаціи и отвернулись отъ нея. При подобномъ отношеніи соціалъ-демократической организаціи къ насущнымъ вопросамъ рабочей жизни, у рабочихъ естественно было мало вѣры въ ея обѣщанія и ко всякимъ разговорамъ о задачахъ партіи они часто относились съ нескрываемой насмѣшкой. Мой призывъ къ самодѣятельности рабочихъ они поняли, какъ желаніе свалить вину съ больной головы на здоровую, какъ стремленіе партійной интеллигенціи отказаться вообще отъ всякой работы и слѣдовательно отъ всякой отвѣтственности и предоставить всю работу имъ, рабочимъ. Словомъ моя рѣчь произвела впечатлѣніе идейной защиты, оправданія партійной безъдѣятель-

ности. Но повторяю, что я понялъ это лишь впослѣдствіи, на самомъ же собраніи слова одного рабочаго: «что же, товарищъ, мнѣ токаремъ быть, и въ типографіи работать, и пропагандистскій кружокъ вести, а можетъ и листки писать»—казались мнѣ страннымъ недоразумѣніемъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я съ этого рабочаго собранія, на которомъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ нашими лучшими рабочими за невской заставой. До того времени мнѣ всегда казалось, что призывъ къ самодѣятельности затрагиваетъ наиболѣе чуткія струны въ сердцѣ рабочихъ, что онъ является отвѣтомъ на самые наболѣвшіе вопросы нашей партійной жизни. Оказалось однако, что почва недовѣрія настолько неблагодарна, что не даетъ всходить и самымъ лучшимъ сѣменамъ, а для возбужденія и развитія этого недовѣрія наша организація не жалѣла никакихъ трудовъ. Приходилось поэтому постепенно втягивать рабочихъ во всю работу, совмѣстно съ ними выработывать планъ работы, и пытаться въ процессѣ работа разбить недовѣріе и пріучить ихъ къ мысли, что партійная работа—ихъ собственное рабочее дѣло. Мы устроили нѣсколько собраній изъ всѣхъ лучшихъ рабочихъ и интеллигентовъ работавшихъ или желавшихъ работать за невской заставой, для собесѣдованій о планѣ нашей работы. Приступить однако къ осуществленію плана намъ уже не пришлось, такъ какъ русская жизнь уже начала напоминать двинувшуюся лавину, которая вскорѣ, раскрывъ предъ нами болѣе широкіе горизонты, окончательно насъ поглотила; начались историческіе гапоновскіе дни, предвѣстники январскихъ событій. Прежде чѣмъ я перейду, однако, къ нимъ или вѣрнѣе къ нашему участію въ январскихъ событіяхъ, я еще нѣсколько остановлюсь на всей петербургской соціалдемократической работѣ, руководимой центральной группой.

Не лучше, чѣмъ за невской заставой, обстояло дѣло въ городскомъ районѣ. Въ другихъ районахъ кружковъ было больше, они собирались аккуратнѣе, но общаго плана работы и тамъ не было, а еще меньше было реагированія на пролетарскія повседневныя нужды. Характеръ партіи былъ исключительно кружковой и вся организація представляла собой общество пропаганды соціалдемократическихъ идей, — преимущественно политическихъ — имѣвшее свои самостоятельныя, лишенныя общаго руководства и разбросанные по всему Петербургу, отдѣленія. Центральная группа прежде всего и попыталась внести единство въ соціалдемократическую работу въ Петербургѣ. Однимъ изъ членовъ ея былъ выработанъ и предложенъ на обсужденіе организаціонный планъ, въ основѣ котораго лежали принципы, о которыхъ я кратко упомянулъ, разсказывая о своемъ дебютѣ за невской заставой. Основной ячейкой организаціи должна была быть, согласно этому плану, заводская группа, состоящая изъ наиболѣе сознательныхъ и вліятельныхъ рабочихъ даннаго завода. Главной задачей этой группы должно было быть реагированіе листками на всякія болѣе крупныя событія заводской жизни, столкновенія съ администраціей, злоупотребленія послѣдней, какъ въ области вопросовъ, касающихся матеріальныхъ условій жизни рабочихъ, такъ и затрагивающихъ рабочаго, какъ гражданина, напр., въ случаѣ часто практиковавшагося

тогда сбора пожертвованій на войну или на икону, которая должна была быть послана на поле военныхъ дѣйствій. Отзываясь на подобные факты, заводская группа должна была пріучить рабочую массу обращаться къ ней за помощью и прислушиваться къ ея голосу при возникновеніи всякихъ вопросовъ, затрагивающихъ рабочаго, какъ наемника и граждана, и такимъ образомъ, стать выразительницей рабочихъ интересовъ всего завода, настоящимъ пролетарскимъ авангардомъ завода. Представители всѣхъ заводскихъ группъ даннаго района должны были образовывать районное собраніе, вѣдающее вопросы всего района, между прочимъ и занятіями въ пропагандистскихъ кружкахъ. Авторъ этого проэкта предполагалъ, что эти заводскія группы могутъ послужить зародышемъ будущихъ профессіональныхъ союзовъ въ свободной Россіи подобно тому, какъ районныя собранія станутъ иниціаторами политическихъ клубовъ и политическихъ союзовъ. Это было, однако, крайнее мнѣніе, которому въ группѣ же противостало другое крайнее мнѣніе, отрицавшее вообще возможность какой бы то ни было организаціи при полицейскихъ условіяхъ самодержавной Россіи и сводившіе всю роль соціалъ-демократическихъ комитетовъ къ политической агитаціи листками, брошюрами и ихъ распространенію среди рабочихъ. Согласно этому мнѣнію, центральная организація должна была быть литературной коллегіей, совмѣстно вырабатывающей политическіе лозунги, редактирующей соотвѣтствующіе листки и при помощи остального крайне простого организаціоннаго аппарата распространяющей ихъ возможно шире. Между этими двумя крайними мнѣніями колебалось большинство центральной группы, которая не успѣла, однако, прійти къ опредѣленному рѣшенію по этому вопросу, такъ какъ наступили событія, когда было не до организаціонныхъ экспериментовъ надъ сотней—другой молодыхъ рабочихъ.

Само собой разумѣется, что центральная группа, будучи, въ сущности, какъ уже было сказано, главой соціалдемократическаго пропагандистскаго общества, не мирилась съ этой своей ролью, подобно всей соціалдемократической партіи, смотрѣла на себя, какъ на организацію, объединяющую авангардъ петербургскаго пролетаріата, какъ на руководителя его классовой борьбы. Она поэтому не довольствовалась своей кружковой дѣятельностью и пыталась приспособить свою работу къ вопросамъ выдвинутымъ сильно поднявшимися волнами освободительнаго движенія въ Россіи. При этомъ однако интересно и крайне поучительно, что въ то время, какъ петербургская организація соціалъ-демократической *рабочей* партіи оставалась глуха къ той громадной стихійно совершающейся у всѣхъ на глазахъ работѣ организаціоннаго и классоваго самоопредѣленія петербургскаго пролетаріата, она старалась очень интенсивно реагировать на общее оппозиціонное движеніе другихъ классовъ, на либеральное движеніе въ земствахъ и на банкетахъ. Вопросъ объ участіи партійныхъ рабочихъ на банкетахъ не разъ обсуждался въ петербургскихъ группахъ. По поводу декабрскаго банкета литераторовъ было даже созвано собраніе наиболѣе выдающихся партійныхъ рабочихъ всего Петербурга, которое послѣ продолжительныхъ и страстныхъ преній опредѣлило какъ свое отошеніе къ банкетамъ, такъ и свою относительно ихъ тактику.

Большинство собранія смотрѣло на участіе въ банкетахъ съ точки зрѣнія необходимаго классоваго самоопредѣленія и разграниченія либераловъ и соціалдемократовъ, и потому рабочимъ рекомендовалось участвовать на банкетахъ въ цѣляхъ педагогическихъ. На этихъ банкетахъ соціалдемократы должны были прежде всего рѣзко и выпукло выяснять классовую основу соціалдемократіи и тѣмъ заставить другія оппозаціонныя партіи обнаружить свой непролетарскій характеръ. Рабочимъ эти банкеты должны были дать возможность проникнуться сознаніемъ той принципіальной пропасти, которая отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ теченій. Въ виду этого, всѣ рѣчи, которыя выработывались для этихъ банкетовъ, имѣли своимъ содержаніемъ рѣзкую критику какъ принциповъ, такъ и тактики либеральной оппозиціи и осмѣивали безсильныя банкетныя резолюціи и затѣвавшіяся петиціи.

Въ этихъ псевдо-педагогическихъ задачахъ проповѣдывавшагося тогда «хожденія во всѣ классы» при полномъ игнорированіи классоваго объединенія рабочихъ въ гапоновскомъ движеніи ярче всего сказывалась *интеллигентская нерабочая психолоія соціалдемократической организаціи*. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентъ, выходецъ непролетарскаго класса, доходитъ чисто теоретическимъ книжнымъ путемъ до сознанія принципа классовой борьбы, онъ нуждается поэтому въ возможно большемъ числѣ иллюстрацій и доказательствъ классовыхъ противорѣчій, существующихъ въ обществѣ. Ему крайне интересно въ педагогическихъ цѣляхъ, для «доказательства отъ противнаго», посѣщать всякіе непролетарскіе оппозиціонные слои и организаціи, чтобы на нихъ учиться и въ нихъ раскрывать ихъ непролетарскую сущность. Рабочій же обыкновенно «учится» классовой борьбѣ ежедневно, для него она не столько теоретическій принципъ, сколько голый, никогда не прекращающійся жизненный фактъ, который онъ постоянно видитъ предъ собой и который ему диктуетъ и классовое объединеніе, и классовыя средства борьбы. Для него «педагогическое» участіе на банкетахъ совершенно излишняя и ненужная роскошь. Его лучшій учитель—сама классовая борьба, коллективная и организованная.

Этотъ же непролетарскій характеръ партіи помѣшалъ ей, несмотря на всю ея классовую фразеологію, предвидѣть и противопоставить банкетнымъ резолюціямъ и истинно пролетарское, классовое средство политической борьбы. Это пролетарское средство борьбы было выдвинуто не партіей: оно вышло изъ глубинъ рабочихъ массъ, явившись продуктомъ стихійнаго пролетарскаго творчества. Этому средству борьбы,—общей стачкѣ—и пришлось сыграть, какъ извѣстно, рѣшающую роль во всей русской революціи, а въ частности и въ январскіе дни 1905 года, къ которымъ я и перейду.

II.

Объ участіи соціалдемократіи въ январскихъ событіяхъ существуетъ въ литературѣ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни—противники соціалдемократической партіи,—утверждаютъ, что январскія событія прошли безъ всякаго ея участія и вліянія, что она

не только не была причастна къ подготовкѣ движенія, но что роль ея даже въ самые январскіе дни равна нулю. Напротивъ, въ соціалдемократической прессѣ можно было читать такія описанія указанныхъ событій, на основаніи которыхъ легко вывести заключеніе, что соціалдемократія была душой движенія, что, если лозунги и требованія рабочихъ росли и оформились въ процессѣ событій, то это произошло благодаря растущему вліянію соціалдемократіи. Мы склонны думать, что то и другое мнѣніе одинаково далеки отъ истины, и попытаемся въ дальнѣйшемъ, на основаніи личныхъ наблюденій, дать матеріалъ для болѣе вѣрной характеристики какъ участія, такъ и роли соціалдемократіи въ январскихъ событіяхъ, причемъ считаемъ необходимымъ оговориться, что въ наши намѣренія не входитъ ихъ полное описаніе.

Путиловская стачка, послужившая поводомъ для январскаго гапоновскаго движенія, была совершенной неожиданностью для петербургской соціалдемократической организаціи. До этого до насъ черезъ рабочихъ стали доходить слухи, что гапоновскія собранія привлекаютъ массу рабочихъ, что на нихъ произносятся рабочими смѣлыя, горячія рѣчи, что къ 19 февраля 1905 года готовятся огромныя собранія, на которыя Гапонъ хотѣлъ бы пригласить и соціалдемократовъ. Мало того, мы узнали, что нѣсколько оппозиціонныхъ литераторовъ попытались читать на этихъ собраніяхъ еженедѣльные обзоры событій по легальнымъ газетамъ, и что это встрѣчено было шумными одобреніями рабочихъ. Всѣ эти извѣстія заставили насъ принять рѣшеніе слѣдить болѣе внимательно за гапоновскимъ движеніемъ, но въ то же время мы настойчиво продолжали совѣтовать какъ рабочимъ, такъ и интеллигентамъ не выступать на гапоновскихъ собраніяхъ, такъ какъ для насъ зубатовское происхожденіе гапоновщины заслоняло все то, что въ этомъ движеніи было здороваго и многообѣщающаго. Къ тому же у отдѣльныхъ рабочихъ, и въ отдѣльныхъ кружкахъ нашимъ пропагандистамъ приходилось встрѣчаться съ Гапономъ, вступать съ нимъ въ побѣдоносные диспуты, и мы изъ-за этихъ легкихъ побѣдъ въ кружкахъ склонны были смотрѣть на Гапона, какъ на quantitè negligéable; благодаря этому, мы и проглядѣли громадное массовое движеніе, связанное съ его именемъ. Такимъ образомъ январскіе дни застигли насъ *совершенно врасплохъ* и потому какого-либо одного общаго рѣшенія мы по отношенію къ нимъ не приняли. Наша организація, какъ цѣлое, вообще не функціонировала за эти дни, и каждый районъ дѣйствовалъ на свой собственный счетъ и по собственному усмотрѣнію. При этомъ событія насъ до такой степени захватили, что, когда группа собралась лишь за дня 2 до 9 января опредѣлить свою тактику, было уже поздно. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *въ непосредственной подготовкѣ событій, въ выработкѣ плана ихъ мы не принимали никакого участія.* Но столь же несомнѣнно, что когда событія начались, соціалдемократамъ удалось въ отдѣльныхъ районахъ пріобрѣсти значительное вліяніе на движеніе. Они были тѣмъ постоянно недовольнымъ и неудовлетвореннымъ элементомъ, который не могъ успокоиться на настоящемъ и постоянно толкалъ, по край-

ней мѣрѣ, идейно, движеніе впередъ и влѣво. Первыя выступленія соціалдемократическихъ ораторовъ, ихъ непривычныя рѣчи съ рѣзкими, порой столь далекими, столь чуждыми настроенію массы лозунгами и требованіями, часто раздражали собраніе, вносили диссонансъ въ столь цѣльную тогда своимъ мистическимъ настроеніемъ толпу, но они заставляли призадумываться, не позволяли движенію застывать на одномъ, созданномъ лишь общимъ недовольствомъ, настроеніи, будили мысль и обогащали ее новыми, невѣдомыми Гапоновцамъ вопросами. Правда, соціалдемократы не столько вліяли на толпу, сколько сами поддавались громадному захватывающему вліянію толпы. Общее настроеніе массы сообщалось и имъ, и всѣ острые углы, всѣ созданные далекимъ отъ дѣйствительной жизни съ ея реальными вопросами, искусственнымъ, маленькимъ партійнымъ міркомъ, интересы и тактическія положенія обрубались, перерабатывались и преображались при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Но въ результатѣ этого взаимодѣйствія создавалось,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ, — болѣе опредѣленное революціонное направленіе движенія, являвшееся противовѣсомъ сильной вѣры въ «батюшку царя», который выслушаетъ своихъ «дѣтей» и положитъ конецъ ихъ страданіямъ. Поясню сказанное своими личными наблюденіями за это время.

Крайне слабо было вліяніе соціалдемократіи въ городскомъ и нарвскомъ районахъ. Сильнѣе оно было на выборгской сторонѣ, васильевскомъ островѣ и петербургской сторонѣ и особенно за невской заставой, гдѣ пишущему эти строки пришлось главнымъ образомъ наблюдать и участвовать въ движеніи. Большое вліяніе соціалдемократовъ въ невскомъ районѣ объясняется тѣмъ, что само гапоновское движеніе было здѣсь очень молодо и наиболѣе слабо: гапоновскій отдѣлъ былъ основанъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до январскихъ событій. Кромѣ того уровень развитія рабочихъ металлургическихъ заводовъ этого района былъ гораздо выше, чѣмъ этого требовало гапоновское движеніе. Долгая работа соціалдемократовъ въ этомъ районѣ, сравнительно крупное вліяніе, которое удалось пріобрѣсти въ этомъ районѣ петербургскому союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса въ концѣ 90-хъ годовъ, а главное, довольно широкая культурная дѣятельность вечернихъ и воскресныхъ школъ, частныхъ легальныхъ библіотекъ, имѣли своимъ результатомъ, что въ этомъ районѣ гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, разбросаны были отдѣльныя единицы и кучки рабочихъ, сравнительно очень культурныхъ, начитанныхъ, съ большими духовными и политическими интересами. Гапоновское движеніе захватило поэтому въ этомъ районѣ,— въ противоположность другимъ районамъ—сравнительно менѣе культурную и даже совсѣмъ отсталую часть рабочихъ. Въ этомъ районѣ не мало было соціалдемократовъ—рабочихъ, которые, хотя и не шли въ партію, но сохраняли полувраждебный нейтралитетъ къ гапоновскому движенію, а когда разгорѣлись январскія событія и этихъ рабочихъ также потянуло въ гапоновскіе отдѣлы, сдѣлавшіеся центрами охватившаго рабочихъ броженія, они создавали сочувствующую аудиторію для соціалдемократическихъ ораторовъ. Способствовала вліянію

соціалдемократіи, пожалуй, и сама слабость ея организаціи. Работавшіе тамъ соціалдемократы были такъ мало связаны интересами своей собственной организаціи, что совершено ушли въ гапоновское движеніе: они менѣе всего могли думать о томъ, чтобы использовать это громадное движеніе въ интересахъ своей почти несуществовавшей организаціи.

Какъ только стачка охватила весь Путиловскій заводъ, и сталъ распространяться лозунгъ расширять забастовку на весь Петербургъ, соціалдемократы вечеромъ 3 января созвали за невской заставой своихъ немногихъ рабочихъ и рѣшили на слѣдующій день утромъ отправиться по заводамъ и останавливать ихъ. Такъ какъ рабочихъ для этого было мало, то нѣсколько интеллигентовъ присоединилось къ нимъ сначала съ намѣреніемъ утромъ рѣчами воздѣйствовать на остановку работъ, но этого дѣлать не пришлось, такъ какъ рабочіе и безъ всякихъ рѣчей охотно и легко поддавались первому призыву къ остановкѣ работъ. Громадныя толпы забастовавшихъ рабочихъ повалили въ гапоновскія собранія, и вмѣстѣ съ ними туда проникли и мы, всѣ дѣйствовавшіе въ этомъ районѣ соціалдемократы, съ твердымъ намѣреніемъ заставить себя выслушать.

Мнѣ еще теперь памятно то громадное впечатлѣніе, которое произвело на меня и на моихъ товарищей это собраніе. Въ собраніи царилъ все время какой-то мистическій, религіозный экстазъ; въ страшной тѣснотѣ и жарѣ часами стояли другъ возлѣ друга тысячи народу и жадно ловили безыскусственныя, поразительно сильныя, простыя и страстныя рѣчи измученныхъ своихъ ораторовъ рабочихъ. Содержаніе рѣчей все время было бѣдное, на всѣ лады повторялись фразы: «мы не можемъ уже больше терпѣть», «нашему терпѣнію уже пришелъ конецъ», «страданія наши превзошли уже всякую мѣру», «лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь», «нельзя драть съ человѣка три шкуры» и т. д. Но всѣ онѣ произносились съ такой удивительной, трогательной искренностью, настолько выходили изъ самыхъ глубинъ измученной человѣческой души, что та же фраза, произнесенная въ сотый разъ, вызывала слезы на глаза, заставляла глубоко ее чувствовать и вливала твердую увѣренность, что дѣйствительно нужно на что нибудь рѣшиться, чтобы дать выходъ этому переливавшему черезъ край рабочему горю, рабочей неудовлетворенности. Эта необычная мистическая обстановка сначала насъ совершенно ошеломила, и когда первый нашъ ораторъ съ большой неохотой, и лишь повинуясь раньше принятому нами рѣшенію, взялъ слово, рѣчь его, по содержанію несомнѣнно гораздо болѣе богатая, чѣмъ другія рѣчи и въ общемъ очень хорошая, хотя и гораздо менѣе «крайняя», чѣмъ было рѣшено, прозвучала какъ-то странно чуждо, необыкновенно слабо, какъ будто то былъ отголосокъ другого далекаго міра. Нѣсколько хлопковъ, которые бросили ему по обязанности партійные рабочіе, очень скоро замерли. Въ рѣчи своей онъ, главнымъ образомъ, указывалъ, что нужно говорить всю правду рабочимъ, что не слѣдуетъ потворствовать ихъ предразсудкамъ, какъ дѣлаютъ гапоновцы, а расширить ихъ горизонты новыми требованіями, преимущественно по-

литическими, неотдѣлимыми отъ экономическихъ. Выясненію этихъ требованій главнымъ образомъ посвящена была его рѣчь.

Послѣ его рѣчи наступило неловкое молчаніе въ нѣсколько секундъ, а затѣмъ предсѣдатель собранія, рабочій, который, въ общемъ, относился враждебно къ соціалдемократамъ, не желая, очевидно, добивать и безъ того безсильнаго и неопаснаго врага, мягко и очень вѣжливо сказалъ, что все сказанное ораторомъ о необходимости политическихъ реформъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо и вѣрно, но пусть имъ дадутъ работать спокойно, и они мало-по-малу сами до всего договорятся. Послѣ этого опять полились прежнія простыя, но сильныя рѣчи, одна толпа уходила и смѣнялась другой, у подъѣзда на дворѣ открывались новые, еще большіе митинги, настроеніе все росло, и наконецъ и мы не выдержали, поддались общему настроенію и, вмѣсто прежней критики гапоніады, наши ораторы стали выступать съ призывомъ къ борьбѣ, съ яркими описаніями невозможнаго положенія рабочихъ и необходимости положить ему конецъ, съ проповѣдью самой широкой борьбы во всѣхъ сферахъ Словомъ и отъ насъ полились рѣчи, хотя и болѣе содержательныя, чѣмъ рѣчи гапоновцевъ, но тонъ ихъ, но ихъ настроеніе были уже иные, всецѣло созданные этой мятущейся толпой. Съ этого времени вліяніе соціалдемократическихъ ораторовъ растетъ, толпа ихъ охотно слушаетъ, не разбираясь совершенно въ томъ, что отличаетъ ихъ отъ гапоновцевъ. Многіе такъ и называютъ ихъ «гапоновскими соціалдемократами» и твердо убѣждены, что при гапоновскомъ отдѣлѣ состоятъ особыя должностныя лица, называемыя соціалдемократами. Они кромѣ этого видятъ, что соціалдемократы довольно свѣдущіе «умственные» гапоновскіе чиновники, и потому рабочіе отдѣльныхъ заводовъ обращаются къ нимъ, когда приходится вырабатывать отдѣльныя заводскія требованія своей заводской администраціи. Такимъ образомъ наряду съ общими, публичными собраніями начинается рядъ полуконспиративныхъ собраній наиболѣе зрѣлыхъ рабочихъ каждаго завода и фабрики, собранія, на которыхъ соціалдемократы помогаютъ рабочимъ составлять листки со спеціальными заводскими и фабричными требованіями. Мнѣ приходилось быть на нѣсколькихъ такихъ собраніяхъ, и характерной чертой ихъ являются проникавшіе всѣ требованія «поиски справедливости», общее стремленіе покончить съ создавшимися невозможными условіями. При выработкѣ требованій рабочіе не только занимались будущими улучшеніями, но также старались получить реваншъ за всѣ свои прежнія, давнишнія долголѣтнія обиды и злоупотребленія. Такъ они требуютъ, чтобы рабочимъ выдавали наградныя, отмѣненныя уже десятки лѣтъ за всѣ эти годы, вознагражденія за пониженія расцѣнокъ, практиковавшіяся долгіе же годы. На одномъ собраніи рабочій даже предложилъ мнѣ вписать въ листокъ требованіе, чтобы при введеніи восьмичасоваго рабочаго дня рабочимъ выдали вознагражденіе за неуплаченные имъ лишніе ежедневные 2—3 часа работы въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. И мнѣ казалось, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ рабочіе руководились не столько соображеніями матеріальнаго характера, сколько чисто моральнымъ стремленіемъ устроить все «по справедливому» и

заставить хозяевъ искупить свои прежніе грѣхи. А грѣховъ открылось на этихъ собраніяхъ чрезвычайно много! И листокъ съ требованіями на каждомъ заводѣ обыкновенно грозилъ растянуться до безконечныхъ размѣровъ.

Эти собранія, на которыхъ обыкновенно участвовало отъ 50 до 100 рабочихъ, также способствовали росту симпатій рабочихъ къ соціалдемократіи, но, конечно, главную роль все таки играло то, что соціалдемократическіе ораторы подчинились настроенію толпы и приспособляли къ нему свои рѣчи. Политическія требованія являлись лишь вѣнцомъ, заключеніемъ рѣчи, которая уже предварительно успѣвала завоевать симпатіи. За эти дни у соціалдемократовъ выдвигаются видныя агитаторскія силы. Интеллигентъ подъ названіемъ «Андрей Обуховецъ» былъ любимой фигурой на трибунѣ, на бочкѣ на дворѣ, на крышѣ какого то сарая во дворѣ. Онъ овладѣлъ тайной говорить 20 разъ въ день объ одномъ и томъ же съ равнымъ, никогда себѣ не измѣнявшимъ, искреннимъ увлеченіемъ, лишеннымъ всякихъ патетическихъ фразъ, въ самыхъ простыхъ и понятныхъ выраженіяхъ. Къ нему относились крайне нѣжно и трогательно. Разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то рабочій, посмотрѣвъ на его драные сапоги, отозвалъ его въ сторону, скинулъ свои галоши и упросилъ его взять ихъ себѣ. Другой разъ, когда онъ, стоя на дворѣ на бочкѣ, въ трескучій морозъ говорилъ передъ большой толпой, я вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькаго старика рабочаго, который тихо плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ, вызвавшей его слезы, и получилъ отвѣтъ: «Эхъ, и какой же это парень, а вѣдь погибаетъ, губитъ себя парень, вѣдь не сносить ему головы». Нѣкоторое вліяніе имѣлъ также и другой интеллигентъ, говорившій очень невнятно, но въ то же время съ такимъ жаромъ и такой живой жестикуляціей, что рабочіе съ снисходительной ироніей такъ и прозвали его «Трясучкой». Появился у насъ также и имѣвшій большой успѣхъ, бродячій ораторъ, у котораго глубоко прочувствованная рѣчь соединялась съ превосходнымъ артистическимъ дарованіемъ. Худой и очень блѣдный, съ мягкой длинной бородой и нервнымъ измученнымъ лицомъ, одѣтый въ жалкій зипунишко и въ русскихъ высокихъ сапогахъ, онъ напоминалъ тѣхъ бѣдныхъ, нѣсколько запуганныхъ, но умственныхъ крестьянъ, которые только что попали въ большой городъ и не успѣли еще прійти въ себя отъ всего того новаго, что имъ пришлось увидѣть. Онъ вездѣ, на дворѣ, у воротъ, на углахъ улицъ останавливалъ рабочихъ, образовывалъ кучки и толпы, тихимъ, тягучимъ голосомъ, чуть-чуть заикаясь, но замѣчательно просто и душевно, съ нѣкоторымъ поэтическимъ лиризмомъ, говорилъ рабочимъ о лучшемъ будущемъ, о необходимой борьбѣ, растолковывалъ элементарныя и сложныя политическія требованія и повсюду вызывалъ къ себѣ напряженное вниманіе, а нерѣдко и страстные диспуты. Его потомъ стали встрѣчать очень охотно, просили говорить, предлагали вопросы, а онъ, начиная издалека, постоянно тянулъ одну линію и всегда возбуждалъ огромное довѣріе къ себѣ. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ онъ явился утромъ на дворъ гапоновскаго собранія и немедленно былъ окруженъ стариками и пожилыми «сѣрыми» рабо-

чими, которые охотно вступали съ нимъ въ бесѣду. Онъ поклонился имъ въ ноги. Всѣ кругомъ отвѣтили ему, какъ одинъ человѣкъ, тѣмъ же глубокимъ поклономъ. А затѣмъ полилась приблизительно слѣдующая, не совсѣмъ обычная, рѣчь: «Съ добрымъ утромъ, товарищи! Славный у насъ сегодня денекъ, у насъ, у рабочихъ. И славный онъ не потому, что солнце сегодня не по зимнему грѣетъ и свѣтитъ, что снѣгъ пріятно хруститъ подъ ногами, а потому, что у насъ въ душѣ должно быть хорошо. А хорошо у насъ на душѣ потому, что мы впервые опомнились, почувствовали себя людьми, впервые всѣ дружно пошли на борьбу съ своими врагами. На какую борьбу и съ какими врагами?» И тутъ пошли длинныя прекрасныя разъясненія, кто врагъ рабочаго, за что нужно бороться,—разъясненія, настолько просто и артистически «по крестьянски» изложенныя, что даже мы забывались и съ удивленіемъ слушали, какъ этотъ захудалый мужиченко такъ умно разсказываетъ такія интересныя вещи. «Все это театрально и нѣсколько фальшиво», скажетъ какой нибудь трезвый читатель. Можетъ быть, но въ то время естественный здравый смыслъ часто пасовалъ передъ повышенной, мистической театральностью. Другой разъ у меня на глазахъ произошла слѣдующая комическая сцена. Упомянутый агитаторъ остановился на крыльцѣ и открылъ собесѣдованіе. Вдругъ откуда-то выскочилъ дворникъ и сталъ разгонять народъ, «здѣсь не мѣсто собираться», кричалъ онъ, «здѣсь къ тому же говорятъ всегда тѣ, которымъ не позволяютъ говорить внутри помѣщенія, бунтовщики. Кто здѣсь говоритъ? кто бунтуетъ?» Нашъ агитаторъ спокойно подошелъ къ сердитому дворнику, и смотря на него своимъ нѣсколько робкимъ взглядомъ, самымъ ласковымъ голосомъ произнесъ: «Да это я здѣсь говорю, товарищъ». Дворникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сразу понизилъ тонъ. «А? это ты? Ну тебѣ то говорить можно. Что ты, дуракъ, можешь дурного сказать?» Раздался громкій хохотъ стоявшихъ кругомъ рабочихъ, очевидно уже слышавшихъ «дурныя» рѣчи «дурака». И дворникъ, обидѣвшись за «дурака», уходя, бросилъ слѣдующія сентенціонныя слова: «Стыдно, ребята, смѣяться надъ сѣрымъ человѣкомъ. Ну глупъ онъ еще, успѣетъ поумнѣть, а смѣяться надъ нимъ все же не слѣдуетъ».

Начиная съ 3 января движеніе съ каждымъ днемъ или вѣрнѣе съ каждымъ часомъ расширялось и углублялось. Настроеніе повышалось. За невской заставой, въ помѣщеніи гапоновскаго отдѣла, собранія шли цѣлый день съ 8—9 часовъ утра до 10 или 11 вечера. Каждый часъ одна толпа смѣняла другую. Кромѣ этого на огромномъ дворѣ, несмотря на жестокіе морозы, все время шли грандіозные митинги. Намъ приходилось работать ежедневно до полной потери силъ. Фактически соціалдемократы преимущественно и говорили. Былъ раза 2 какой-то неизвѣстный мнѣ литераторъ, разъ говорилъ на дворѣ соціалистъ-революціонеръ, но въ общемъ всю тяжесть безпрерывной агитаціи пришлось выдерживать нѣсколькимъ соціалдемократамъ и одному-двумъ гапоновскимъ рабочимъ. Вначалѣ послѣдніе относились съ нескрываемой враждебностью къ «конкуренціи» соціалдемократовъ. Но потомъ, когда они убѣдились, что никакихъ конфликтовъ отъ этого не

проистекаетъ, что мы вмѣстѣ съ ними ведемъ одну линію, и, наконецъ, когда ими было рѣшено не замалчивать политики, они стали даже нѣсколько зависѣть отъ насъ, такъ какъ въ области политической агитаціи они чувствовали себя довольно таки безпомощными. Впослѣдствіи они намъ сами заявили, что раньше нашъ разговоръ съ толпой казался имъ смѣшнымъ, но потомъ, когда мы переняли ихъ пріемы и ихъ умѣнье дѣйствовать на массу, мы такъ расширили содержаніе рѣчей, что уже имъ отъ насъ приходилось учиться.

Въ виду этого мы все время работали очень дружно, сообща исполняли даже такія функціи, какъ раздачу помощи стачечникамъ, контролированіе дѣйствительно нуждающихся и т. п. Вліяніе наше за эти дни настолько окрѣпло, что въ первый день, когда Гапонъ сталъ читать на собраніяхъ свою петицію, онъ пригласилъ насъ на совмѣстное совѣщаніе. Задачей совѣщанія было, по словамъ Гапона, его желаніе выяснить отношеніе соціалдемократовъ къ хожденію къ Зимнему дворцу 9 января и столковаться съ ними о необходимыхъ практическихъ пріемахъ. Это совмѣстное совѣщаніе состоялось 7 января отъ 9 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Со стороны Гапоновцевъ, кромѣ самого Гапона, присутствовало 6—7 наиболѣе выдающихся его рабочихъ разныхъ районовъ; со стороны соціалдемократовъ 1 рабочій и 3 интеллигента, среди которыхъ былъ и авторъ этихъ строкъ. Въ виду большого интереса какъ личности Гапона, такъ и вообще этого совѣщанія, постараюсь воспроизвести его возможно точнѣе.

Встрѣтили насъ гапоновскіе рабочіе съ торжествующей воинственностью. «Смотрите, говорили они, на плоды нашей работы: какія массы народа удалось намъ привести въ движеніе. Что представляютъ собой въ сравненіи съ ними ваши маленькіе кружки? Гдѣ результаты вашей долголѣтней работы?» Мы отвѣтили, что въ гапоновскомъ движеніи, безъ сомнѣнія, учитывается и наша долголѣтняя работа, что во главѣ у нихъ часто находятся люди, получившіе революціонное крещеніе въ нашихъ кружкахъ, что, наконецъ, и масса отчасти была нѣсколько подготовлена нашими листками, распространявшими революціонно-боевые лозунги, и что она настолько привыкла къ нашимъ листкамъ и вѣритъ имъ, что даже гапоновскую петицію очень многіе называютъ прокламаціей. «Но, въ такомъ случаѣ, спросили гапоновцы, зачѣмъ вы насъ позорили, называли зубатовцами, провокаторами?»

Мы откровенно отвѣтили, что они въ настоящее время несомнѣнно наши товарищи по борьбѣ, но нельзя отрицать, что въ началѣ гапоновское движеніе находилось въ сношеніяхъ съ Зубатовымъ. Разговоръ грозилъ принять щекотливый оборотъ, и Гапонъ вмѣшался. Онъ правдиво призналъ, что начало движенія, связаннаго съ его именемъ, дѣйствительно «темное», но нѣсколько грубоватой лестью скоро успокоилъ, какъ своихъ обидѣвшихся приверженцевъ, такъ и озлившихся соціалдемократовъ—послѣднихъ преимущественно тѣмъ, что онъ «въ сторону» шепнулъ своимъ—однако такъ, что мы всѣ слышали: «Какіе восхитительные парни—эти соціалдемократы»!

Послѣ этого маленькаго инцидента у насъ пошла продолжительная товарищеская бесѣда до поздней ночи. Гапонъ производилъ впечатлѣніе человѣка несомнѣнно хитраго, себѣ на умѣ, очень часто-

любиваго, съ большими личными планами, но въ то же время крайне и искренно увлеченнаго событіями, захватившими его цѣликомъ, морально выросшаго, благодаря своей роли, и дѣйствительно глубоко проникнутаго сильнымъ желаніемъ служить рабочимъ и быть имъ полезнымъ. Въ то же время онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ непосредственныхъ опасностяхъ движенія; я бы сказалъ даже, что онъ не вполнѣ замѣтилъ и все то громадное развитіе, котораго оно достигло, а поскольку замѣтилъ,—недостаточно проникся мыслью, что для событій такихъ размѣровъ требуются и большіе горизонты и большая отвѣтственность. Подобно намъ, но, конечно, въ безконечно большей степени, онъ былъ захваченъ могучей, съ силой естественнаго потока развивавшейся стихіей; незамѣтно очутившись на ея гребнѣ, онъ сразу всталъ передъ фактомъ ея чудовищной силы, которую онъ не только не былъ въ силахъ какъ либо направить, измѣнить, но которую не могъ даже умственно охватить. Въ этой его несознательности и заключалась, на мой взглядъ, одна изъ главныхъ тайнъ той огромной роли, которую этой въ общемъ невѣжественной, не выдающейся личности, этому не блестящему человѣку и даже плохому оратору суждено было играть: несложность и цѣльность его натуры, его неспособность широко и всесторонне охватить явленія огромной важности, его неумѣніе оріентироваться въ сложныхъ событіяхъ и предвидѣть ихъ возможныя послѣдствія позволили ему, предоставляя событіямъ естественно развиваться, спокойно идти къ намѣченной цѣли, не глядя ни назадъ, ни слишкомъ далеко впередъ. Ему, повидимому, были чужды какъ сильныя угрызенія совѣсти, такъ и внутренняя борьба, вызываемая сознаніемъ сильной отвѣтственности, равно какъ и глубокія долгія думы надъ событіями. Не мудрствуя лукаво, онъ всецѣло подчинялся толкавшей его все дальше и дальше стихіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ очень мало «испорченъ» излишними знаніями и свѣдѣніями. По своему умственному уровню онъ едва ли стоялъ выше развитыхъ рабочихъ. Это сближало его съ массой, психологіей которой онъ совершенно проникался и даже ей подчинялся: онъ прекрасно понималъ рабочихъ, какъ и они его. Даже способъ выраженія онъ заимствовалъ у рабочихъ, и если-бы не священническая ряса, мы бы въ тотъ вечеръ приняли его за средняго рабочаго. Словомъ, «герой» былъ вполнѣ дѣтищемъ «толпы», русская политически мало сознательная рабочая масса могла выдвинуть тогда только мало сознательнаго вожака, и потому послѣдній и былъ ей такъ близокъ, такъ понятенъ и такъ обаятеленъ.

На самомъ совѣщаніи мы, по предварительному рѣшенію, не высказывали своего отношенія къ хожденію къ Зимнему дворцу, а занимались больше «интервьюированіемъ» Гапона. Въ тотъ вечеръ онъ вполнѣ вѣрилъ, что народъ будетъ допущенъ къ Зимнему дворцу, о возможности кровавыхъ расправъ онъ даже и не думалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что правительство для вида, быть можетъ, попытается полицейскими мѣрами задержать рабочія массы и не допустить ихъ до Зимняго дворца, но что при настойчивости масса добьется своего. Но онъ сильно сомнѣвался въ устойчивости, прочности и выдержанности боевого настроенія массы. По его мнѣнію, широкое броженіе, охва-

тившее рабочія массы, хотя и проявляется въ шумныхъ и трогательныхъ формахъ, но очень поверхностно, не глубоко и можетъ при первомъ серьезномъ сопротивленіи исчезнуть. «Я прошу васъ, соціалдемократовъ, говорилъ онъ, поставить свои кадры въ послѣднихъ рядахъ манифестаціи. Соціалдемократы—народъ стойкій, убѣжденный и не испугаются первыхъ насильственныхъ дѣйствій полиціи. Мой же народъ, какъ и «соціалъ-революціонеры»—народъ хотя и славный и умереть готовъ за дѣло, но способны ли они на что нибудь другое, кромѣ мгновеннаго порыва, за которымъ слѣдуетъ упадокъ духа, я не знаю». Чтобы поддерживать все время боевое настроеніе рабочихъ, онъ совѣтовалъ по пути ломать шлагбаумы, прогонять полицейскихъ съ ихъ постовъ и прибѣгать ко всякимъ «мелкимъ» формамъ проявленія силы массъ. Но въ то же время онъ просилъ соціалдемократовъ не выкидывать красныхъ знаменъ, не дѣлать слишкомъ рѣзкихъ восклицаній и вообще избѣгать всего того, что можетъ нарушить цѣльность настроенія массъ и отпугнуть рабочихъ. На нашъ вопросъ, какъ онъ представляетъ себѣ ходъ предстоящихъ событій 9 января, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Я думаю, что тѣмъ или инымъ путемъ масса доберется до Зимняго дворца. Передъ дворцомъ мы, конечно, встрѣтимъ много войска. Я и другіе рабочіе депутаты приблизимся однако къ войску и, отъ имени всего рабочаго народа Петербурга, попросимъ ауденціи у Государя. Я думаю, что мы получимъ аудіенцію. Если царя не окажется въ Петербургѣ, мы заявимъ, что мы остаемся передъ дворцомъ ждать его пріѣзда, и, по всей вѣроятности, его дождемся. На аудіенціи мы, отъ имени петербургскаго народа, передадимъ Государю нашу петицію, которую я предложу обсудить, но я въ то же время заявлю, что не уйду, если не получу немедленнаго торжественнаго обѣщанія удовлетворить слѣдующіе два требованія: амнистію пострадавшимъ за политическія убѣжденія и созывъ всенароднаго земскаго собора. Если я получу удовлетвореніе, я выйду на площадь, махну бѣлымъ платкомъ, принесу радостную вѣсть и начнется великій народный праздникъ. Въ противномъ случаѣ я выкину красный платокъ, скажу народу, что у него нѣтъ царя, и начнется народный бунтъ». Впрочемъ на послѣднемъ случаѣ онъ мало останавливался, считая его, очевидно, мало вѣроятнымъ: онъ только говорилъ, что тогда всѣмъ разрушительнымъ элементамъ, къ числу которыхъ онъ между прочимъ относилъ и всѣ революціонныя партіи, должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій. Но онъ очень подробно развивалъ послѣдствія благопріятнаго оборота дѣлъ. Лишь только два основныхъ требованія будутъ удовлетворены, всеобщая стачка должна прекратиться: всенародному земскому собору должна быть предоставлена выработка основныхъ законовъ; но въ числѣ немедленныхъ временныхъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію еще до созыва земскаго собора, долженъ быть введенъ восьмичасовой рабочій день: необходимо дать немедленно крупное удовлетвореніе рабочимъ массамъ, тѣмъ болѣе, что послѣ громаднаго броженія, послѣ душевныхъ бурь, пережитыхъ петербургскимъ пролетаріатомъ, онъ психологически не будетъ въ состояніи проводить цѣлые дни на заводахъ и фабрикахъ. Но есть еще болѣе важная причина, дѣлающая необходи-

мымъ соединить восьмичасовой рабочій день съ созывомъ всенародного земскаго собора: отъ самихъ народныхъ массъ будетъ зависѣть ихъ дальнѣйшая судьба, онѣ сами будутъ призваны выковывать свое собственное будущее счастье. Нужно поэтому дать народу достаточный досугъ, чтобы развиваться, учиться и оріентироваться въ государственныхъ дѣлахъ. Это мыслимо лишь при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Изъ такой смѣси наивныхъ дѣтскихъ химеръ и вѣрныхъ наблюденій, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи рабочей души этого періода, состоялъ весь планъ, всѣ предвидѣнія этого загадочнаго перваго руководителя пролетарскихъ массъ Петербурга.

Не входя въ обсужденіе плановъ Гапона по существу, мы заявили, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній по вопросу о нашемъ участіи въ предполагавшемся хожденіи 9 января мы дать не можемъ, такъ какъ наша центральная организація вопроса этого не обсуждала, но что мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что организація наша постановитъ принять самое активное участіе въ назначенной демонстраціи. Мы, однако, не скрывали передъ Гапономъ своихъ болѣе пессимистическихъ взглядовъ, сказали ему, что мы предвидимъ кровавый оборотъ движенія и, повидимому, намъ удалось нѣсколько поколебать его оптимизмъ. На слѣдующій день утромъ, послѣ дальнѣйшихъ разговоровъ съ соціалдемократами, заночевавшими съ нимъ въ той же квартирѣ, Гапонъ написалъ свое извѣстное письмо къ князю Святополкъ-Мирскому.

На слѣдующій день мы созвали два собранія соціалдемократическихъ рабочихъ невскаго района, число которыхъ за эти дни значительно увеличилось, — одно въ селѣ Смоленскомъ, другое въ селѣ Александровскомъ, — для совмѣстнаго обсужденія вопроса нашего участія въ событіяхъ 9 января. Рабочіе, въ особенности обуховцы, въ общемъ отрицательно относились къ гапоновскому движенію, и сильно настаивали на томъ, что соціалдемократы должны отказаться отъ всякаго участія въ немъ. Позорно и недостойно соціалдемократіи, говорили они, идти крестнымъ ходомъ подъ предводительствомъ попа къ Зимнему дворцу просить тамъ сжалиться и пожалѣть рабочихъ, тѣмъ болѣе, что все это кончится лишь разстрѣлами и массовымъ избіеніемъ. Лишь послѣ долгихъ преній намъ удалось убѣдить ихъ въ томъ, что наше участіе или неучастіе въ демонстраціи не можетъ имѣть никакого вліянія на самый фактъ ея осуществленія, но что мы не имѣемъ права повернуться спиной къ этому первому массовому выступленію петербугскаго пролетаріата и обязаны своимъ участіемъ въ немъ бороться противъ отрицательныхъ чертъ гапоніады и пытаться внести въ него болѣе широкіе лозунги. И въ самой петербургской центральной группѣ раздавались голоса, видѣвшіе измѣну принципамъ соціалдемократіи въ нашей совмѣстной дѣятельности съ Гапономъ; по ихъ мнѣнію, обязанностью соціалдемократовъ было—вести борьбу и самую упорную борьбу какъ съ Гапономъ, такъ и съ его планами. Большинство группы, однако, вполнѣ отдавало себѣ отчетъ въ міровомъ значеніи развертывавшихся передъ нами событій и высказывалось за самое рѣшительное участіе въ нихъ.

Событія 9 января настолько извѣстны, что я считаю излишнимъ останавливаться на нихъ подробно. Рабочіе невскаго района, на мой взглядъ, дали меньшій процентъ участниковъ демонстраціи, чѣмъ другіе районы, при чемъ въ сторонѣ отъ движенія остались наиболѣе передовые слои рабочихъ. Извѣстно, что невскіе рабочіе были задержаны на границѣ города, что послѣ нѣсколькихъ холостыхъ залповъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ разогнать толпу казаками, которые наталкивались на колѣнопреклоненныхъ женщинъ и стариковъ, вся толпа бросилась черезъ Неву, и разными путями проникла въ городъ. Кромѣ городскихъ рабочихъ, преимущественно рабочіе изъ за невской заставы наполняли собой Невскій проспектъ и площадь у Александровскаго сада. Жертвы, понесенныя рабочими невскаго района, были поэтому меньше, чѣмъ въ другихъ районахъ. Не стану я также описывать всѣхъ ужасовъ этого дня. Скажу лишь, что правительственная расправа превзошла даже самыя мрачныя опасенія и носила провокаціонный характеръ: до того она противорѣчила терпимому отношенію полиціи къ революціонной агитаціи предшествующихъ дней. Что мы, активные участники движенія, которые чувствовали и свою долю отвѣтственности, должны были пережить въ тотъ памятный день, едва ли поддается описанію. Убивались и разстрѣливались не только тысячи молодыхъ жизней, но и наивная вѣра, воспитанная и выросшая въ народѣ долгими вѣками, та непосредственная дѣтская вѣра въ то, что стоитъ только громко провозгласить свое горе, такъ громко, чтобы оно было услышано, наконецъ, тамъ гдѣ оно всегда скрывается недругами народа, — и спасеніе сразу явится: былъ нанесенъ смертельный ударъ тому стихійному энтузіазму, который впервые рабочія массы вложили въ дѣло своего освобожденія. Хорошо ли это освобожденіе народа отъ вредныхъ и нежизненныхъ иллюзій такими средствами—вопросъ другой. Но въ тотъ кровавый день этотъ отвѣтъ пулями и саблями на трогательное довѣріе массъ порождалъ не только негодованіе и жажду мести, но и горькую обиду за эту рабочую массу и безконечную жалость къ ней.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился я вечеромъ того же дня на собраніе центральной соціалдемократической группы, на которомъ присутствовало, кромѣ членовъ группы, еще много другихъ соціалдемократическихъ работниковъ изъ всѣхъ районовъ. На собраніе должны были стекаться отчеты о событіяхъ этого дня и здѣсь же должны были вырабатываться рѣшенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Оказалось, что повсюду произошло одно и то же: во всѣхъ районахъ безоружный народъ разстрѣливался, не оказывая никакого сопротивленія. Только на Васильевскомъ островѣ была сдѣлана слабая попытка строить баррикады. Но какъ это ни странно, оказалось, что общій тонъ собранія противорѣчилъ индивидуальному настроенію каждаго изъ насъ. Тонъ собранія былъ крайне бодрый, большинство его участниковъ выражало твердую увѣренность, что теперь рабочіе окончательно распростятся съ своими прежними иллюзіями и что на слѣдующій же день начнется активное выступленіе рабочихъ массъ уже подъ истинно революціонными лозунгами. Отчеты о настроеніи рабочихъ изъ разныхъ районовъ изображали его сильно повышен-

нымъ, боевымъ и жаждущимъ мщенія за погубленныя жизни и разбитыя иллюзіи. Рѣшено было поэтому на слѣдующій день вызывать новыя выступленія и продолжать начавшуюся революцію. Нѣкоторые, вновь пріѣхавшіе, товарищи были откомандированы въ районы на помощь старымъ, усталымъ работникамъ. Слѣдующій день принесъ намъ, однако, большое разочарованіе. Продолжаю разсказъ свой о невскомъ районѣ, тѣмъ болѣе, что все, что относится къ нему, въ большей или меньшей степени примѣнимо ко всему Петербургу.

Утромъ я и одинъ новый товарищъ отправились за невскую заставу. Самый видъ улицъ предмѣстья принесъ первое опроверженіе нашихъ разсчетовъ на то, что теперь у рабочихъ можетъ быть лишь одно настроеніе—революціонное, и одно желаніе—идти на борьбу, чтобы отомстить за убитыхъ товарищей и поруганныя надежды. По пути намъ то и дѣло попадались большіе плакаты—треповскія объявленія, которыя молчаливо читались группами рабочихъ, а порой возлѣ объявленія стоялъ треповскій же ораторъ съ характерной «переодѣтой» физіономіей и коментировалъ объявленіе. И нужно отдать справедливость полиціи: за одну ночь она не дурно успѣла съорганизовать дѣло. Нужно было во что бы то ни стало изобрѣсти жертву, на которую могъ бы быть направленъ гнѣвъ рабочихъ, нужно было найти виновника его разочарованія,—и объ этомъ полиція позаботилась самымъ отеческимъ образомъ. «Переодѣтые» ораторы убѣждали рабочихъ, что во всемъ виноваты студенты съ переодѣтымъ студентомъ Гапономъ во главѣ, которые завлекли рабочихъ не въ свое дѣло, подвели подъ выстрѣлы и сами скрылись, воспользовавшись деньгами, собранными у рабочихъ и якобы для рабочихъ. Мнѣ лично пришлось выслушать рѣчь одного такого «оратора» передъ треповскимъ объявленіемъ, въ которой онъ подробно разсказывалъ о видѣнныхъ имъ многочисленныхъ изуродованныхъ трупахъ убитыхъ рабочихъ; доведя своимъ разсказомъ негодованіе рабочихъ до высокой степени, онъ прибавилъ, что все это были трупы «русскаго народа» и что ни одного студента или «демократника» тамъ не было. Всѣ они 9 января попрятались. Сбитые съ толку, рабочіе въ первые дни очень легко поддавались на эту удочку. Попытки гапоновскихъ вожаковъ и нашихъ агитаторовъ бороться противъ такихъ «объясненій» успѣха не имѣли, и тѣ же рѣчи, которыя раньше зажигали энтузіазмъ рабочихъ, выслушивались ими теперь угрюмо и съ мрачнымъ недовѣріемъ. Кромѣ того рабочая масса, сильная своимъ единствомъ, была раздроблена: гапоновскіе отдѣлы были почти повсюду закрыты, и рабочіе не могли собираться и совмѣстно разбираться въ той страшной загадкѣ, которую создалъ для нихъ день 9 января. Мы съ товарищемъ прежде всего направились въ невскій гапоновскій отдѣлъ, который почему-то еще не успѣли закрыть. Намъ удалось собрать небольшую толпу, открыть собраніе и въ небольшой рѣчи попытаться подвести итоги вчерашняго дня. Но на первое рѣзкое слово критики существующихъ политическихъ условій, изъ толпы раздался голосъ: «Въ пропасть ты насъ тащишь!» «Повѣсить тебя надо!» Хотя эти возгласы и не были поддержаны толпой, но въ общемъ настроеніе было такое вялое и растерянное, что послѣ нѣкоторыхъ тщет-

ныхъ попытокъ расшевелить ее, намъ пришлось закрыть собраніе. Послѣ этого и этотъ послѣдній гапоновскій отдѣлъ былъ закрытъ полиціей, и гапоновское движеніе, какъ нѣчто организованное и самостоятельное, сошло со сцены.

Черезъ два-три дня наша невская организація получила приглашеніе отъ нѣсколькихъ гапоновцевъ явиться къ нимъ по какому-то конспиративному дѣлу. Я и еще одинъ товарищъ пошли по приглашенію и застали наиболѣе видныхъ изъ уцѣлѣвшихъ гапоновцевъ этого района. Они заявили намъ, что теперь они убѣдились въ правотѣ нашихъ взглядовъ, что раньше можно было работать лишь «по гапоновски», т. е. выставляя только наиболѣе понятныя и близкія требованія и замалчивая болѣе отдаленныя, политическія—теперь же, послѣ всего совершившагося, остается работать лишь по нашимъ указаніямъ. Мы могли бы считать себя удовлетворенными этимъ успѣхомъ, если бы тотчасъ же не оказалось, что о нашихъ взглядахъ у нихъ составилось нѣсколько своеобразное представленіе. Они намъ заявили, что и они убѣдились въ томъ, что рабочая масса крайне инертна, тупа и не сознательна, что она теперь неспособна бороться за себя, и что если ожидать, пока она разовьется,—пройдутъ долгіе годы безъ всякихъ перемѣнъ. Остается поэтому наиболѣе сознательнымъ, наиболѣе самоотверженнымъ рабочимъ взять дѣло борьбы за рабочіе интересы въ свои руки. Эта небольшая группа рабочихъ должна прежде всего въ ближайшее воскресенье выйти съ бомбами и револьверами, чтобы отомстить за своихъ товарищей и добиться терроромъ сознательнаго меньшинства того, чего не могла достичь вся рабочая масса. На нашъ вопросъ, много-ли у нихъ приверженцевъ, они отвѣтили, что наиболѣе сознательные гапоновцы всѣ склоняются къ такимъ взглядамъ. Мы, конечно, попытались имъ дать болѣе вѣрное пониманіе нашихъ воззрѣній и отклонить ихъ отъ ихъ безнадежнаго предпріятія, но, кажется, они разстались съ нами, нѣсколько разочарованные нашей холодностью и несочувствіемъ къ ихъ презрѣнію къ массѣ и къ своеобразной теоріи ея замѣстительства. Приблизительно съ такими же тенденціями мнѣ пришлось встрѣтиться нѣсколько позже среди гапоновскихъ приверженцевъ на Путиловскомъ заводѣ за нарвской заставой, куда я былъ командированъ послѣ январскихъ событій центральной группой и гдѣ мнѣ приходилось принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ фазахъ рабочаго движенія этого бурнаго года.

III.

Оцѣпененіе, въ которое впалъ петербургскій пролетаріатъ подъ вліяніемъ ужасовъ 9 января, продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ полиція дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы сбить его съ толку и направить его разочарованіе по ложному адресу, мимо главныхъ виновниковъ только-что пережитаго издѣвательства надъ народной вѣрой. Стачка медленно умирала. Но какъ это уже часто случалось съ нашими власть имущими, они и на этотъ разъ пере-

усердствовали. Треповъ такъ вошелъ въ роль благодѣтеля петербургскихъ рабочихъ, что рѣшилъ удовлетворить и самую завѣтную мечту ихъ: допустить ихъ до царя. Была импровизирована знаменитая царская депутація. Ко всѣмъ фабричнымъ и заводскимъ администраціямъ Треповымъ были отправлены вѣстники съ приказомъ разыскать наиболѣе подходящихъ и благонамѣренныхъ рабочихъ и наложить на нихъ новую повинность, —идти во дворецъ. Иногда полиція сама выбирала въ депутаты рабочихъ, которые были ей извѣстны по постояннымъ «служебнымъ» сношеніямъ съ ними. Трудно представить себѣ негодованіе рабочихъ, когда они изъ газетъ и объявленій узнали, что «они послали» депутацію къ царю. На нѣкоторыхъ заводахъ они рѣзко высказывали порицаніе хозяевамъ и директорамъ за то, что тѣ согласились, безъ вѣдома рабочихъ, посылать отъ ихъ имени депутацію. На заводѣ Рѣчкина за московской заставой рабочіе въ видѣ протеста даже забастовали. На многихъ заводахъ они потребовали отъ «депутатовъ» объясненія, предварительно гарантировавъ имъ «неприкосновенность личности». И когда стали извѣстны подробности аудіенціи, разсказанныя по большей части сѣрыми и темными депутатами, къ негодованію рабочихъ прибавился и презрительный смѣхъ. Для политическаго развитія петербургскаго пролетаріата дѣйствительно, кромѣ ужаса и отвращенія къ власть имущимъ, въ то время было настоятельно необходимо еще и презрѣніе къ нимъ, и объ этомъ Треповъ отечески позаботился. Инцидентъ съ депутаціей былъ поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи рабочихъ. Растерянность мало-по-малу начинаетъ проходить и опять растетъ желаніе бороться. Средство борьбы и протеста остается прежнее, уже испытанное въ январскіе дни. Начинается широкое забастовочное движеніе, безпрерывное, но безсистемное. Наиболѣе частымъ требованіемъ рабочихъ является восьмичасовой рабочій день, но каждая фабрика, каждый заводъ ведетъ борьбу за свои спеціальныя нужды, а иногда бастуетъ, не выставляя никакихъ требованій. Всѣ попытки соціалдемократовъ упорядочить и объединить движеніе не имѣютъ успѣха. Имъ только удается—и чѣмъ дальше, тѣмъ легче—вносить политическія требованія, сообщать экономической борьбѣ рабочихъ политическій характеръ. На болѣе отсталыхъ заводахъ и фабрикахъ это давалось не безъ труда и послѣ 9 января. Но фактически рабочіе ведутъ все это время уже борьбу со всѣмъ режимомъ. Своей безпорядочной, непрекращающейся борьбой они расшатываютъ весь строй и не только вносятъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь, но и создаютъ состояніе неувѣренности и неустойчивости во всей жизни страны.

Центральнымъ боевымъ моментомъ этого, непосредственно слѣдовавшаго за январскими днями, періода была кампанія по поводу коммиссіи Шидловскаго, когда соціалдемократіи единственный разъ удается не только активно вмѣшаться по всей линіи въ эту кампанію, но и имѣть рѣшающее вліяніе на весь ходъ ея. Сама коммиссія, которая должна была выяснить причины недовольства рабочихъ и выработать мѣры для его устраненія, вызвала въ разныхъ слояхъ петербургскаго пролетаріата не одинаковое отношеніе къ себѣ. Рабочіе

металлургическихъ заводовъ съ самаго начала смотрѣли на коммиссію, какъ на ловкій пріемъ для того, чтобы отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ и направить ихъ на мелкія заводскія нужды. Практическихъ результатовъ они не ждали отъ этой коммиссіи, какъ и отъ всѣхъ другихъ коммиссій, которыя въ то время работали по всѣмъ вѣдомствамъ на благо русскому народу. Иначе относились отсталые рабочіе многихъ петербургскихъ фабрикъ. Въ ихъ средѣ велись неустанные разговоры о требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять въ коммиссію, о прошеніяхъ, которыя нужно туда направлять. Тамъ искренно вѣрили, что въ лицѣ коммиссіи созданъ органъ, куда можно будетъ отправлять ходоковъ съ изложеніемъ нуждъ. Въ общемъ же коммиссія Шидловскаго вызвала огромное оживленіе въ рабочихъ кругахъ и въ то время повсюду, на квартирахъ, за работой, въ трактирахъ, на улицѣ рабочіе оживленно обсуждали вопросы, связанные съ ней, охотно посѣщали массовки, шли въ кружки, посѣщали легальныя собранія разныхъ союзовъ и вездѣ настойчиво ставили вопросы о своей тактикѣ въ этой коммиссіи. На почвѣ этого сильнаго интереса, вызваннаго коммиссіей, соціалдемократической мѣстной группѣ удалось развить интенсивную агитацію и значительно расширить свою организацію. О самой организаціи я разскажу подробнѣе въ слѣдующей главѣ, а пока буду продолжать разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ за этотъ періодъ повышеннаго интереса петербургскихъ рабочихъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ.

Въ началѣ соціалдемократы были склонны пропагандировать воздержаніе, бойкотъ выборовъ въ коммиссію Шидловскаго. Они хотѣли прежде всего потребовать осуществленія условій, дѣлающихъ возможными правильные выборы депутатовъ. Въ частности они выставили требованія неприкосновенности личности, свободы собраній и публичности засѣданій коммиссіи. Только при осуществленіи этихъ требованій они рекомендовали рабочимъ принимать участіе въ выборахъ. Но очень скоро оказалось, что хотя открытыхъ собраній рабочихъ не было, была все таки возможность вести довольно широкую выборную агитацію, и стало очевидно, что болѣе или менѣе успѣшнаго бойкота провести во всякомъ случаѣ не удалось бы. Къ тому же выборы въ коммиссію представляли такую прекрасную почву для политической агитаціи, что сразу разрушать ее многимъ казалось нелѣпымъ. Въ виду этого немедленно по опубликованіи правилъ о выборахъ въ коммиссію соціалдемократы рѣшили начать интенсивную выборную кампанію и обходя нѣкоторыя избирательныя ограниченія, повсюду провести выборы выборщиковъ, и если окажется необходимымъ, и депутатовъ, но потомъ либо отказаться отъ выборовъ депутатовъ, либо отъ участія въ коммиссіи, если не будетъ удовлетворенъ рядъ общедемократическихъ требованій, обнимающихъ всѣ гражданскія права и объединяемыхъ въ основномъ требованіи созыва учредительнаго собранія. Какъ извѣстно, всю эту кампанію удалось провести по этому плану.

Мнѣ приходилось, какъ я уже указалъ, работать за это время за нарвской заставой, — на Путиловскомъ заводѣ, и за московской заставой. Кромѣ того въ самый горячій періодъ кампаніи приходилось

также вести продолжительныя бесѣды съ крайне отсталыми депутатами и рабочими россійско-американской резиновой мануфактуры.

Путиловскій заводъ съ его 13000 рабочихъ до январскихъ дней былъ однимъ изъ самыхъ отсталыхъ металлургическихъ заводовъ Петербурга. Число рабочихъ, посѣщавшихъ соціалдемократическіе кружки, до этого періода никогда не превосходило тамъ человѣкъ 50. Это былъ, какъ я уже указалъ, народъ очень молодой: 2—3 человѣка лѣтъ 25, а всѣ остальные 17—20 лѣтъ. Въ противоположность соціалдемократамъ, гапоновское движеніе захватило кадры самыхъ пожилыхъ рабочихъ, и во главѣ его стояла старая заводская рабочая аристократія, сравнительно хорошо зарабатывавшая, имѣвшая порой даже свои домишки при заводѣ и прочно въ немъ усѣвшаяся. Я вспоминаю свое пріятное изумленіе, когда я явился впервые въ трактиръ на собраніе гапоновскихъ рабочихъ вожаковъ и увидѣлъ передъ собой зрѣлыхъ самостоятельныхъ людей съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ. Настроеніе ихъ было очень боевое: и они, подобно своимъ товарищамъ за невской заставой, были проникнуты глубокимъ разочарованіемъ по отношенію къ рабочей массѣ, и главный, если не единственный, способъ воздѣйствія на заводъ или администрацію для завоеванія уступокъ, видѣли въ фабричномъ террорѣ. Это рѣшительное настроеніе наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, ужасныя жертвы, понесенныя рабочими этого завода 9 января, въ связи съ крайне неискреннимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны администраціи завода съ директоромъ Смирновымъ во главѣ, поддерживали на заводѣ состояніе постояннаго недовольства, готоваго каждую минуту перейти въ забастовку. И если рабочіе въ своихъ многочисленныхъ стачкахъ лишь попутно ставили политическія требованія, то ясно было, что ихъ борьба не прекратится, пока не исчезнетъ весь режимъ со всѣми его стѣсненіями, которыя онъ ставитъ свободному развитію классовой борьбы. На заводѣ почти немедленно послѣ январскихъ событій были выбраны представители мастерскихъ, которые вели постоянные переговоры съ администраціей, добились отъ нея значительныхъ уступокъ, но заводская масса стачками постоянно толкала своихъ представителей на новыя требованія: регулярная производственная жизнь не могла установиться на заводѣ за весь 1905 г. Когда были объявлены выборы въ коммиссію Шидловскаго, у путиловцевъ прежде всего возникъ вопросъ, выбирать ли новыхъ депутатовъ или поручить старымъ представительство заводской массы въ коммиссіи. По этому вопросу были созваны массовки, онъ также обсуждался въ соціалдемократическихъ кружкахъ, сильно разросшихся за это время, и было рѣшено, въ виду присутствія среди прежнихъ заводскихъ депутатовъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ элементовъ, а также изъ агитаціонныхъ цѣлей, добиваться новыхъ выборовъ. При этомъ предполагалось на дворѣ завода созвать обширный митингъ и провести выборы подъ объединяющимъ всѣ требованія лозунгомъ созыва учредительнаго собранія. Администрація завода приняла съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы помѣшать какъ собранію, такъ и новымъ выборамъ вообще; она не сдѣлала необходимыхъ для выборовъ техническихъ приготовленій, вывѣсила лишь поздно объявленіе о выборахъ и послѣдніе дѣйствительно

прошли при очень значительномъ числѣ воздержавшихся рабочихъ. Съ своей стороны полиція приняла всѣ мѣры, чтобы помѣшать постороннимъ заводу элементамъ проникнуть въ заводъ. У воротъ завода были арестованы 3 агитатора, и такимъ образомъ большія собранія не могли состояться. Пишущему эти строки удалось, однако, проникнуть на заводъ и присутствовать на выборахъ въ трехъ мастерскихъ. Въ большей части мастерскихъ выборы прошли подъ значительнымъ вліяніемъ соціалдемократовъ, и кандидаты, намѣченные ими, въ большинствѣ были избраны. Если большихъ рѣчей почти нигдѣ не было, то во время выборовъ соціалдемократическіе рабочіе вели усиленную агитацію за извѣстныхъ кандидатовъ и опредѣленную избирательную платформу. Для рабочаго состава соціалдемократическихъ кружковъ характерно то, что всѣ кандидаты и выборные, кромѣ одного, не принадлежали къ партійной организаціи, и намъ приходилось агитировать за нѣкоторыхъ изъ нихъ даже безъ ихъ вѣдома. Кое съ кѣмъ изъ выборныхъ мы знакомились лишь передъ самыми выборами для того, чтобы подвергнуть первоначальному «экзамену» ихъ «сознательность». Своихъ же организованныхъ рабочихъ вслѣдствіе ихъ малой вліятельности на заводѣ не было никакой надежды проводить.

Въ виду этого агитація среди самихъ выборныхъ получила громадное значеніе. И она дѣйствительно велась нами съ большой энергіей. Мнѣ напр. ежедневно приходилось бывать на собраніяхъ выборныхъ, къ которымъ обыкновенно присоединялось не мало и другихъ рабочихъ. О политическомъ уровнѣ выборныхъ путиловскихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе то, что наиболѣе интересующимъ ихъ вопросомъ было требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. На первыхъ бесѣдахъ приходилось прежде всего устанавливать тѣсную зависимость экономической борьбы отъ осуществленія гражданскихъ правъ и затѣмъ подробно и популярно выяснять сущность этихъ правъ. И лишь на послѣднихъ собраніяхъ въ качествѣ вѣнца требованій поставить созывъ учредительнаго собранія. Изъ выборныхъ немедленно выдѣлились крайне интересныя личности. Несомнѣннымъ лидеромъ выборныхъ путиловскаго завода является рабочій—слесарь К., лѣтъ 40—45, очень интеллигентный, много читавшій на своемъ вѣку, въ особенности по изящной литературѣ и литературной критикѣ, вполнѣ освѣдомленный по вопросамъ русской публицистики и самъ писавшій стихи, очень красивые и грустные. Онъ былъ прекраснымъ ораторомъ, говорившимъ вполнѣ литературнымъ языкомъ, и въ особенности превосходнымъ чтецомъ, и обыкновенно въ трактирѣ, на улицахъ, и въ особенности у себя дома собиралъ вокругъ себя народъ и либо говорилъ, либо артистически читалъ имъ. Дома у него постоянно толпился народъ и онъ усердно приглашалъ насъ къ себѣ, обыкновенно прибавляя при этомъ, что онъ уже успѣлъ все разсказать, что зналъ, что онъ уже «надоѣлъ» своимъ слушателямъ, и потому новые люди должны его замѣнить. И дѣйствительно у него всегда можно было найти свѣжую, жадно ловившую слова оратора, аудиторію, относившуюся къ хозяину съ большимъ уваженіемъ. Самъ К. когда-то былъ высланъ изъ одной изъ центральныхъ губерній, на Путиловскомъ заводѣ работалъ года 3, сначала попалъ въ зубатовское общество, и

даже окончательно не порвалъ съ нимъ связей до послѣдняго времени и разсказывалъ намъ о разныхъ гнусныхъ мѣрахъ, которыя тамъ затѣвались противъ передовыхъ рабочихъ. Въ общемъ К. былъ несомнѣнно талантливая натура, но слишкомъ мало иниціативная и недостаточно активная; получивши толчекъ, онъ временно увлекался, проявлялъ довольно широкую дѣятельность, но потомъ быстро уставалъ и по обыкновенію... выпивалъ. Послѣ кампаніи по поводу коммиссіи Шидловскаго, онъ ушелъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ и, кажется, даже уѣхалъ изъ Петербурга.

Другой, хотя и менѣе одаренной, но психологически чрезвычайно интересной и привлекательной личностью былъ партійный кандидатъ въ выборные также слесарь К. Онъ былъ очень преданный, очень революціонно настроенный, вѣчно чего-то ищущій и неудовлетворенный, очень мало свѣдущій рабочій съ чисто интеллигентской душой. Долженъ прибавить еще, что онъ сильно пилъ. За этотъ періодъ онъ безпрерывно и безстрашно агитировалъ, гдѣ только могъ. Трудно было часто уловить точный смыслъ его рѣчей, но онъ всегда сильно возбуждалъ слушателей, подкупая ихъ своей искренностью и страстностью. Когда я однажды сталъ его убѣждать воздержаться отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, онъ меня мрачно выслушалъ и столь же мрачно отвѣтилъ, что ему скучно жить. Тогда же онъ мнѣ разсказалъ, что когда онъ впервые познакомился съ интеллигентами соціалдемократами, они произвели на него громадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, говорилъ онъ, что «если есть на свѣтѣ такіе люди, то еще стоитъ жить на свѣтѣ». Онъ бросилъ тогда пить, посѣщалъ кружки, ходилъ на домъ къ интеллигентамъ, присматривался, предлагалъ вопросы и скоро... опять сталъ пить. Онъ увидѣлъ, говорилъ онъ, что большинство интеллигентовъ дѣлаетъ свое прекрасное дѣло не потому, что ихъ толкаетъ внутренняя сила, а главнымъ образомъ потому, что и имъ нужно отогнать скуку и наполнить чѣмъ нибудь свою жизнь. О себѣ онъ говорилъ, что ему хочется быстро сгорѣть, и глубоко жалѣлъ, что соціалдемократы, къ которымъ онъ относился съ огромнымъ уваженіемъ, не признаютъ террора, къ которому онъ себя считалъ наиболѣе приспособленнымъ.

На собраніяхъ выборныхъ Путиловскаго завода изъ общаго числа 26-и перебывало 22, и когда на послѣднемъ собраніи былъ прочитанъ манифестъ, выработанный мѣстной центральной группой, который приведенъ ниже, онъ съ восторгомъ былъ ими принятъ.

За московской заставой руководящимъ заводомъ былъ вагоностроительный, бывшій Рѣчкина, съ 4000 рабочихъ. И на этомъ заводѣ удалось провести прекрасный составъ выборныхъ. Главную роль въ агитаціи среди нихъ играли однако не партійные агитаторы, а рабочій—электротехникъ С., сначала совсѣмъ не связанный съ партіей, а потомъ въ процессѣ работы все болѣе и болѣе сближавшійся съ ней и впослѣдствіи даже вошедшій въ нее. Это былъ чрезвычайно энергичный и умный рабочій лѣтъ 30, почти ничего не читавшій въ своей жизни и вообще не любитель чтенія, но съ прекраснымъ темпераментомъ и необыкновенной активности. Выдвинувшись еще въ гапоновскіе дни, онъ часто появлялся въ толпѣ, устраивалъ огромныя

собранія на дворѣ завода, на неподалеку лежавшемъ путиловскомъ валу, говорилъ ярко, картинно и пользовался громаднымъ вліяніемъ. Было отдано распоряженіе арестовать его, но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ былъ неуловимъ, хотя чуть ли не ежедневно являлся въ заводъ, заставлялъ себѣ открывать его и устраивалъ собранія. Онъ первымъ попалъ въ выборщики отъ завода въ коммиссію Шидловскаго и тогда сталъ расширять свою агитацію, перенесъ ее на неподалеку отъ завода расположенную большую мануфактуру механической обуви съ 3000—3500 рабочихъ. Всякія требованія, принимаемыя заводомъ Рѣчкина, онъ пересылалъ въ мануфактуру, и на слѣдующій день получалъ обратно листъ, на которомъ краснымъ карандашемъ отмѣчались непонятныя требованія. Онъ возвращалъ листъ съ необходимыми разъясненіями и потомъ, когда во всемъ районѣ были избраны выборные, онъ устраивалъ правильныя общія собранія выборныхъ, и въ качествѣ предсѣдателя на этихъ собраніяхъ руководилъ всей агитаціонной работой за московской заставой. Онъ не ограничивался агитаціей среди однихъ выборныхъ, а старался всѣ рѣшенія коллегіи выборныхъ довести до свѣдѣнія рабочихъ на большихъ собраніяхъ. Для того, чтобы защитить его отъ ареста, его обыкновенно до заставы сопровождала большая толпа рабочихъ, а тамъ онъ всегда искусно исчезалъ. Во всей этой работѣ онъ, конечно, дѣйствовалъ въ согласіи съ соціалдемократической районной организаціей, но все время оставался душой движенія. Онъ же провелъ приводимый ниже соціалдемократическій манифестъ на общемъ собраніи выборныхъ района.

Чтобы дать понятіе о настроеніи болѣе отсталыхъ круговъ петербургскихъ рабочихъ за этотъ періодъ, разскажу еще свои наблюденія надъ тѣмъ, какъ реагировали на коммиссію Шидловскаго рабочіе россійско американской резиновой мануфактуры. Это громадное предпріятіе, насчитывающее около 8000 рабочихъ, изъ которыхъ лишь 600—700 квалифицированныхъ, до сихъ поръ всегда очень слабо реагировало на общественныя событія и въ исторіи рабочаго движенія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Независимо отъ общаго низкаго культурнаго уровня большинства рабочихъ, этому способствовала еще и широкая черносотенная агитація, которую вела и ведетъ администрація завода, состоящая преимущественно изъ «истинно русскихъ» иностранцевъ. Соціалдемократы имѣли на этомъ заводѣ лишь нѣсколько кружковъ молодыхъ рабочихъ, вліяніе которыхъ на остальную массу было равно нулю. Гапоновское движеніе возбудило было сильный интересъ, привлекло въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ группы матеріально лучше поставленныхъ рабочихъ и въ качествѣ обыкновенныхъ посѣтителей собраній нѣсколько сотъ другихъ наиболѣе отзывчивыхъ рабочихъ, но послѣ 9 января реакція въ этомъ предпріятіи была особенно упорная. Не безъ участія администраціи здѣсь усиленно распространялись слухи, что деньги гапоновскихъ отдѣловъ были присвоены отдѣльными гапоновцами, что движеніе потерпѣло крахъ благодаря студентамъ и соціалистамъ, выкинувшимъ красные флаги и тѣмъ вынудившимъ правительство прибѣгнуть къ разстрѣламъ. Всѣ эти клеветы вмѣстѣ съ арестами и увольненіями болѣе сознательныхъ рабочихъ настолько испугали и сбили съ толку рабочихъ, что послѣ

9 января исчезъ всякій живой духъ на заводѣ, хотя, несомнѣнно, взбудораженное всѣми необычайными событіями чувство рабочихъ и этой мануфактуры, какъ и рабочихъ всего Петербурга, окончательно улечься не могло и нуженъ былъ лишь новый толчекъ, чтобы снова вызвать сильное броженіе. Такимъ толчкомъ и послужилъ указъ о созывѣ коммиссіи Шидловскаго. Но въ массѣ рабочихъ резиновой мануфактуры, состоявшей главнымъ образомъ изъ недавно сидѣвшихъ на своей землѣ крестьянъ, вѣра въ коммиссію была большая. Здѣсь подробно говорили о тѣхъ бѣдахъ, о которыхъ нужно будетъ черезъ ходоковъ—депутатовъ довести до свѣдѣнія «его превосходительства, сенатора Шидловскаго», и искренно надѣялись, что уже теперь, черезъ сенатора, рабочія бѣды будутъ услышаны, гдѣ слѣдуетъ. Словомъ настроеніе было крайне оптимистическое, и болѣе всего здѣсь настаивали на томъ, чтобы не ставить рѣзкихъ и широкихъ требованій, чтобы не допустить къ себѣ крамольниковъ, которые снова могутъ лишь увлечь рабочихъ на неправедные пути.

Выборы между тѣмъ приближались, въ каждомъ отдѣленіи мануфактуры были заранѣе намѣчены выборные,—то были наиболѣе пожилые и старые рабочіе; до рабочихъ мануфактуры все чаще стали доходить слухи о собраніяхъ на другихъ заводахъ, о прошеніяхъ, которыя посылались Шидловскому, о разговорахъ, которые съ нимъ имѣли выборные, и резиновцы съ своей стороны стали опасаться, что они «прозѣваютъ» ожидавшихся отъ коммиссіи благодѣяній. Намѣченные выборные стали собираться съ другими вліятельными рабочими и обсуждать, что имъ предпринять, но по необходимости ли, или вообще по некультурности, ни до чего толкомъ не могли договориться. Пробовали было немногочисленные рабочіе соціалдемократы этого завода привести свою агитаторшу на одно такое обсужденіе, но лишь только собраніе увидѣло передъ собой человѣка съ крамольной физіономіей курсистки, какъ оно болѣе чѣмъ на $^3/_4$ уменьшилось: всѣ старые и вліятельные рабочіе немедленно искали спасенія отъ крамолы въ бѣгствѣ. Положеніе создалось такимъ образомъ довольно затруднительное.

При такихъ-то обстоятельствахъ мнѣ случайно удалось проникнуть къ резиновцамъ. На одномъ изъ собраній, когда они горевали, что у нихъ ничего толкомъ не выходитъ, одна недавно поступившая къ нимъ работница, умная и энергичная дѣвушка, которая вела знакомство съ соціалдемократическими рабочими—путиловцами, предложила собранію привести къ нимъ своего брата, выборнаго Путиловскаго завода, человѣка уже не молодого, токаря и «умницу» («онъ у меня четыре класса городского кончилъ»), который и разскажетъ, какъ взялись за дѣло путиловскіе рабочіе. Предложеніе было охотно принято и на слѣдующій день въ качествѣ брата работницы «умницы и путиловскаго токаря» попалъ къ нимъ на собраніе и авторъ этихъ строкъ. Послѣ этого мнѣ приходилось съ ними имѣть частыя и продолжительныя бесѣды. Оказалось, что и въ ихъ средѣ, въ особенности среди квалифицированныхъ рабочихъ ремонтной слесарной мастерской, были люди, много читавшіе и очень мыслящіе и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за умъ и познанія. Но какъ

мнѣ приходилось не разъ уже замѣчать въ другихъ мѣстахъ, это были по большей части люди мало активные: они настолько дорожили своей «умственностью», настолько поглощены были своей духовной жизнью и въ то же время имъ такъ нравилось ихъ положеніе общепризнаваемаго всей массой «умственнаго» авторитета, что въ мелкія дѣла «міра сего» они очень мало вмѣшивались. Были также среди рабочихъ и люди, видавшіе разные виды и лучшія времена, потерпѣвшіе крушеніе на другихъ поприщахъ и стоявшіе значительно выше остальной массы, но къ нимъ большого довѣрія не было. Правда, всѣ эти люди въ бурные періоды выдвигались и даже становились во главѣ массы, но проходилъ острый моментъ, и прежняя, воспитанная всей русской жизнью, неактивность снова брала свое и они снова уходили въ свой уголъ. Вліяніемъ въ своей средѣ пользовались обыкновенно люди, не блещущіе познаніями, но сильные, умѣвшіе ладить съ администраціей, но никогда не терявшіе собственнаго достоинства и, способные въ нужные моменты показать ей острые зубы и настоять на своемъ, въ особенности хорошо знающіе свое ремесло рабочіе. Къ мнѣнію такихъ людей прислушивался весь заводъ и они задавали тонъ. Большинство выборныхъ состояло также изъ этихъ элементовъ, хотя были единичные представители и первыхъ двухъ категорій.

На первомъ собесѣдованіи резиновскіе депутаты засыпали меня своими требованіями, составлявшими злобу дня на заводѣ, и раскрыли такую картину не только экономической эксплуатаціи, но и моральныхъ стѣсненій, и при этомъ обнаружили такую вѣру въ то, что «сенаторъ» за нихъ заступится, что приходилось долго убѣждать ихъ въ томъ, что безъ правъ, создающихъ для рабочихъ возможность соединяться и совмѣстно обсуждать дѣла, никакія серьезныя улучшенія не прочны. На второмъ собраніи они охотно приняли предложеніе обратиться къ Шидловскому съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ требованія элементарныхъ гражданскихъ правъ. Я настоялъ однако на томъ, чтобы письмо до посылки было прочитано и распространено на заводѣ. Письмо съ требованіями было отбито на пишущей машинкѣ въ 4—5 экземплярахъ, и выборные стали показывать это письмо рабочимъ. Нѣкоторые рабочіе раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, справлялись, не нелегальный ли это листокъ, другіе высказывали недовольство, что въ письмѣ нѣтъ достаточной почтительности къ сенатору (не было обращенія «Ваше превосходительство», не было сказано «покорнѣйше просимъ», а «требуемъ») просили смягчить рѣзкія, по ихъ мнѣнію, выраженія, но въ общемъ большинство рабочихъ одобрило содержаніе письма. Письмо на слѣдующемъ нашемъ собраніи было на половину смягчено, и въ такомъ видѣ отправлено Шидловскому. Въ процессѣ нашихъ общихъ собесѣдованій выборные все расширяли свои требованія, охотно присоединились къ общимъ требованіямъ того времени, но учредительное собраніе приняли скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ отъ внутренняго убѣжденія. Въ общемъ однако мысль рабочихъ настолько сильно прогрессировала, что даже эти отсталые представители отсталыхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ оправдали мои надежды. Мнѣ пришлось видѣть ихъ на общемъ собраніи выборщиковъ въ народномъ домѣ графини Паниной, и ока-

залось, что мои резиновскіе выборщики поддались общему боевому настроенію и обнаружили такую сознательность и пониманіе значенія всей затѣи Шидловскаго, что я ихъ просто не узнавалъ.

Въ остальной части Петербурга выборы дали приблизительно тѣ же результаты. Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ былъ выбранъ народъ наиболѣе передовой и сознательный. Организованныхъ соціалдемократовъ былъ лишь самый незначительный процентъ. Нѣсколько большій успѣхъ послѣдніе имѣли на Васильевскомъ островѣ и на отдѣльныхъ заводахъ за невской заставой. Но идейное вліяніе соціалдемократіи было, повторяю, рѣшающее, и агитація среди выборщиковъ велась ею очень интенсивно и успѣшно. Большинство выборщиковъ приняло манифестъ, выработанный мѣстной центральной соціалдемократической группой.

Когда результаты выборовъ стали извѣстны, центральная группа постановила рекомендовать выборнымъ выбирать депутатовъ въ коммиссію, но лишь для того, чтобы депутаты явились на первое ея собраніе, провозгласили свои болѣе гражданскія требованія, и по полученіи несомнѣнно отрицательнаго отвѣта въ томъ смыслѣ, что коммиссія не уполномочена обсуждать этихъ вопросовъ,—отказались бы отъ дальнѣйшаго участія въ коммиссіи и удалились. Группа выработала и соотвѣтствующій манифестъ, который она и рѣшила предложить депутатамъ прочесть въ коммиссіи передъ ихъ удаленіемъ. Привожу этотъ манифестъ цѣликомъ, какъ чрезвычайно характерный документъ для выясненія всей тактической позиціи и содержанія агитаціи меньшевистской организаціи въ Петербургѣ за это время. Манифестъ этотъ гласитъ:

...«Неслыханныя бѣдствія терзаютъ нашу родину. Второй годъ длится кровопролитнѣйшая, невиданная міромъ, война. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ истребляются сотни тысячъ жизней, погибающихъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ. Сотни тысячъ семействъ, лишенныхъ кормильцевъ, обрекаются на голодную смерть. Каждый выбитый изъ строя солдатъ—это пущенная по міру семья.

«Хозяйственная жизнь страны пріостанавливается. Сокращается работа на фабрикахъ и заводахъ. Тысячи, десятки тысячъ рабочихъ выбрасываются на улицу. Земля, отъ которой отрывается работникъ-крестьянинъ, остается невоздѣланной. Насъ ждетъ еще такой голодъ, такой неурожай, какого даже наша многоизвѣдавшая Русь не видала. Или смерть на войнѣ отъ непріятельской руки, или смерть здѣсь дома отъ голода и безработицы—вотъ участь милліоновъ нашего народа.

«Кто вызвалъ эту ужасную войну? Кому она нужна была?

«Единственнымъ ея виновникомъ мы считаемъ правительство. Оно вызвало войну, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Война ему понадобилась, чтобы блескомъ военной славы ослѣпить волнующуюся народную массу, чтобы громкими побѣдами заставить ее забыть о своихъ невзгодахъ и страданіяхъ.

«Но правительство ошиблось въ разсчетѣ.

«Какъ это случалось уже не разъ съ другими государствами, какъ это уже случилось съ Россіей въ Крымскую кампанію, война

только обнаружила внутреннюю гниль, полную неспособность самодержавной бюрократіи управлять государствомъ. Милліарды денегъ они затрачивали на устройство и вооруженіе флота, на содержаніе безчисленнаго войска. По количеству солдатъ ни одна страна въ мірѣ не можетъ съ нами сравниться. И тѣмъ не менѣе съ самаго начала войны до настоящаго дня мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, одно крупнѣе другого. Маленькая Японія, населеніе которой въ три раза, а занимаемая площадь въ 50 разъ меньше Россіи, оказалась во много разъ сильнѣе первой по военному могуществу міровой державы.

«И еще въ одномъ отношеніи ошиблось правительство. Народъ не забылъ своихъ страданій. Напротивъ. Война, увеличивая эти страданія, явилась могучимъ рычагомъ, развивающимъ его сознаніе. То, чего такъ не хотѣло правительство, наступило противъ его воли. Съ каждымъ днемъ умножается число тѣхъ, которые начинаютъ понимать, гдѣ корень нашихъ несчастій, кто виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. И скоро не останется ни одного человѣка на Руси, который не зналъ бы по имени этого виновника... имя его—*самодержавіе*.

«Сначала робко и одиноко потомъ смѣлѣе, шире и требовательнѣе стали раздаваться голоса недовольства. Заговорила либеральная печать. Зашумѣли либеральные банкеты. Посыпались резолюціи отъ разнаго рода обществъ. Потребовали реформъ, конституціи... «Всеподданѣйше припадая къ стопамъ Его Величества», часть земскихъ учрежденій высказалась за реформы политической жизни, за земскій соборъ. О необходимости политической свободы заявили московское купечество и петербургскіе фабриканты. Всеобщей забастовкой поддерживаетъ свое требованіе коренного политическаго переустройства все русское студенчество.

«Рѣшительнѣе и грознѣе всѣхъ высказался рабочій классъ. Первымъ поднялся петербургскій пролетаріатъ. А за нимъ съ поразительнымъ единодушіемъ выступили рабочіе массы всей Россіи. Противъ всероссійскаго самодержца сталъ лицомъ къ лицу всероссійскій пролетаріатъ...

«Злодѣйская бойня, устроенная правительствомъ въ отвѣтъ на мирное выступленіе рабочаго класса, превзошла всѣ его прежнія преступленія. Улицы почти всѣхъ городовъ Россіи снова, и на этотъ разъ обильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, оросились пролетарской кровью. Тысячи убитыхъ, тысячи раненыхъ,—вотъ чѣмъ заплатилъ рабочій классъ за попытку выразить свое недовольство.

«Общее положеніе нашей родины таково: полное разстройство всей народнохозяйственной и государственной жизни. Всѣ силы народныя истребляются двоякаго рода войной—внѣшней и внутренней: войной съ Японіей на далекихъ поляхъ Манчжуріи и войной съ русскимъ народомъ на нашихъ родныхъ нивахъ. На одной сторонѣ—самодержавное правительство, темная шайка грабителей, безжалостно расхищающихъ народное тѣло, на другой—весь русскій народъ и, какъ передовая его часть, революціонный рабочій классъ Россіи.

«Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ разрѣшить этотъ всеобщій государственный кризисъ?

«Самодержавіе ищетъ этотъ выходъ въ разнаго рода коммиссіяхъ съ правленіемъ «свѣдущихъ лицъ изъ общества». Сегодня оно устроило коммиссію «для составленія новаго устава о печати», коммиссію «для разработки правилъ о полномочіяхъ правительственныхъ органовъ». Завтра оно «учредитъ» еще подобныя совѣщательныя коммиссіи. Такую же коммиссію «для выясненія причинъ нашего недовольства», послѣ кровавыхъ январскихъ дней, правительство даровало рабочимъ. Страна жаждетъ безотлагательнаго и коренного политическаго переустройства, а правительство подобными полумѣрами хочетъ *примирить* съ собой негодующую народную совѣсть. Неспособность самодержавія сдѣлать чтобы то ни было для блага родины стала ясна для всѣхъ, а оно все еще пытается удержать власть въ своихъ рукахъ. Самодержавіе научило насъ недовѣрчиво относиться къ его начинаніямъ. Еслибы у насъ еще осталась капля вѣры въ искренность правительства, то отвѣтъ его на требованія, выставленныя нами по поводу выборовъ депутатовъ въ коммиссію, открылъ глаза самому довѣрчивому изъ насъ. Мы требовали свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столковаться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ,—этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ выборовъ, ихъ намъ не дали. Еще и еще разъ самодержавіе показало, что, покуда оно существуетъ, невозможны свободы мысли и слова, невозможно отстаивать и защищать свои интересы.

«Петербургскіе рабочіе рѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, приглашеніемъ въ эту коммиссію, чтобы заявить черезъ насъ передъ лицомъ всей Россіи свои требованія. Мы боремся за восьми-часовой рабочій день, мы желаемъ фабричной инспекціи, составленной изъ представителей рабочаго класса, намъ нужно такое государственное страхованіе, при которомъ будутъ соблюдены ихъ интересы.

«Далѣе мы требуемъ: немедленнаго прекращенія войны, свободы собраній, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и стачекъ, свободы совѣсти и неприкосновенности личности и жилища, дарового всеобщаго народнаго образованія, мы требуемъ широкаго народнаго управленія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, представители петербургскаго пролетаріата, непоколебимо убѣждены въ томъ, что единственный способъ удовлетворить всѣ эти требованія, какъ и единственный выходъ изъ современнаго политическаго положенія, — немедленная передача государственной власти въ руки народа. Мы твердо увѣрены въ томъ, что единственнымъ спасителемъ нашей родины можетъ быть самъ народъ. Онъ самъ можетъ быть кузнецомъ своего счастья. Онъ долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

«Отъ имени насъ избравшихъ мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое собраніе выработаетъ новый государственный порядокъ, въ которомъ рабочій классъ, вооруженный всѣми политическими правами, съумѣетъ повести

дальнѣйшую борьбу за свое полное освобожденіе отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, за освобожденіе всего человѣчества.»

Предполагалось, повторяю, что это заявленіе будетъ прочтено депутатами на первомъ засѣданіи комиссіи, передъ ихъ уходомъ, но настроеніе выборныхъ оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ мы предполагали. На общемъ собраніи всѣхъ выборщиковъ, состоявшемся наканунѣ выбора депутатовъ, было рѣшено послать Шидловскому ультимативныя требованія элементарныхъ свободъ, безъ предварительнаго осуществленія которыхъ рабочіе отказывались приступить къ выборамъ. Собраніе это прошло въ крайне приподнятомъ настроеніи. Застрѣльщиками являлись рабочіе металлургической промышленности, которые увлекли за собой громадное большинство остальныхъ выборныхъ. Небольшая группа выборныхъ Ушаковцевъ, встрѣченная негодующими криками собранія, публично отреклась отъ своего прошлаго и громогласно заявила, что и они всѣ присоединяются къ политическимъ требованіямъ. Въ центральной соціалдемократической группѣ рѣшено было въ день перваго засѣданія коммиссіи призывать рабочихъ къ стачкѣ для манифестированія солидарности всей рабочей массы со своими представителями. Это предложеніе было принято противъ другого предложенія, рекомендующаго объявить забастовку тогда, когда неудовлетворенные депутаты удалятся изъ комиссіи. Предложеніе это обсуждалось рабочими въ разныхъ районахъ и во многихъ изъ нихъ было принято лишь потому, что первый день засѣданія предполагался 19 февраля, и рабочіе съ воодушевленіемъ высказывались за празднованіе этого историческаго дня. 18 февраля назначены были выборы по секціямъ; отвѣта на свои требованія отъ Шидловскаго рабочіе конечно не получили и во всѣхъ секціяхъ, кромѣ двухъ, отказались отъ выбора депутатовъ. Выборные покинули выборныя собранія возбужденные, съ криками, «это новый обманъ»! «Товарищи, бастуйте»! и разошлись по районамъ, чтобы призвать рабочихъ къ стачкѣ. Стачка была почти всеобщая, и хотя снова рабочіе толковали преимущественно объ экономическихъ нуждахъ, но на этотъ разъ требованіе учредительнаго собранія было гораздо болѣе популярно въ массахъ, чѣмъ когда либо раньше.

С. Сомовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“.

(Изъ воспоминаній).

Лѣтомъ 1882 года, когда я уже совсѣмъ собрался уѣзжать изъ Парижа въ Марсель, откуда съ ожидавшимъ меня тамъ Н. Судзиловскимъ мы должны были отправляться дальше въ Константинополь, я вдругъ получилъ телеграмму отъ Михаила Петровича Драгоманова: онъ звалъ меня въ Женеву «по очень важному дѣлу». Въ телеграммѣ не было сказано въ чемъ именно состояло дѣло; но такъ какъ Драгоманову извѣстно было мое плачевное матеріальное положеніе и то обстоятельство, что я приготовился уѣзжать изъ Франціи, и слѣдовательно совсѣмъ не имѣлъ ни свободнаго времени, ни лишнихъ денегъ, и разъ, несмотря на все это, онъ все же звалъ, то для меня это служило доказательствомъ того, что на самомъ дѣлѣ было какое то очень важное дѣло, а потому, не мѣшкая, съ ближайшимъ же поѣздомъ я отправился въ Женеву.

Въ Женевѣ на квартирѣ Драгоманова я былъ представленъ какому то господину, съ своей стороны рекомендовавшемуся мнѣ подъ польской фамиліей, которую съ точностью не могу теперь припомнить [1]). Такъ какъ, по его словамъ, у него въ Петербургѣ имѣлось гдѣ то гидро-терапевтическое заведеніе, то я буду называть его просто «Докторомъ», хотя былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ докторъ или нѣтъ, я этого утверждать не могу. То былъ человѣкъ на видъ лѣтъ около сорока, полный, бѣлобрысый, въ золотыхъ очкахъ. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что состоитъ членомъ организаціи «Добровольной Охраны», во главѣ которой стоитъ Шуваловъ (при этомъ, помню, онъ подчеркнулъ имя *Петра* Шувалова въ отличіе отъ какого то другого Шувалова) и что пріѣхалъ онъ изъ Петербурга за границу съ тою цѣлью, чтобы отыскать пути къ «Исполнительному Комитету» для вступленія съ нимъ въ соглашеніе. На вопросъ,—что за организація «Добровольная Охрана» и каковы ея цѣли,—Докторъ разсказалъ, что въ правительственныхъ, придворныхъ кругахъ существуетъ два теченія—враждебныя, борющіяся между собою,—реакціонное и либеральное, и что либеральное теченіе, поставившее своей цѣлью проведеніе конституціонной реформы въ Россіи, именно и создало организацію «Добровольной Охраны»; а самое названіе «Охраны» организація присвоила потому, что ближайшей задачей своей ставитъ охрану Царя отъ убійства, которымъ угрожаютъ ему революціонеры. При

---

[1]) Я почти увѣренъ теперь, что фамилія его была *Новинскій*, но я долженъ объяснить, что эта увѣренность сложилась у меня окончательно послѣ того, какъ я встрѣтилъ эту фамилію въ журналѣ „Былое“.

этомъ Докторъ напиралъ на то обстоятельство, что не должно смѣшивать «Добровольной Охраны» съ обыкновенной полицейской охраной, окружающей Царя, такъ какъ если полиція свои усилія направляетъ на то, чтобы переловить такъ называемыхъ злоумышленниковъ, то «охранцы» никоимъ образомъ не ставятъ себѣ подобной задачи. «Въ опасные моменты говорилъ Докторъ—охранцы просто на просто окружаютъ Царя, не подпускаютъ къ нему никого посторонняго и защищаютъ его такъ сказать собою, своими собственными тѣлами. И если замѣтятъ злоумышленника, то не будутъ предавать его полицейскимъ властямъ, а возмутъ за руку и отведутъ въ сторону». Здѣсь я долженъ оговориться, что въ безусловной подлинности приводимыхъ мною словъ и выраженій—конечно я не могу ручаться. Но въ какомъ видѣ воскресаетъ теперь въ моей памяти все происходившее—въ такомъ именно видѣ я и передаю.

Такъ какъ члены «Исполнительнаго Комитета» внутри Россіи держались конспиративно и не было никакой возможности вступить съ ними въ прямыя сношенія, то поэтому «охранцы» намѣтили трехъ лицъ за границей, какъ посредниковъ для предполагаемыхъ переговоровъ, и съ этими тремя лицами Докторъ и долженъ былъ видѣться и начать переговоры. Эти три лица были: Михаилъ Петровичъ Драгомановъ, Петръ Лавричъ Лавровъ и я. Почему выборъ палъ на Драгоманова и Лаврова само собою понятно: то были самые видные представители нашей заграничной прессы, и слѣдовательно «охранцы» имѣли основаніе считать ихъ вліятельными среди революціонеровъ; но почему намѣченъ былъ я—нахожу нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Въ то время почти всѣ наши эмигранты, проживавшіе въ г.г. Женевѣ и Парижѣ, были лица, покинувшія Росісю значительно раньше народовольческаго періода; я же бѣжалъ за границу уже послѣ цареубійства; это обстоятельство повидимому давало основаніе «Охранцамъ» предполагать, что у меня имѣлись прямыя связи съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», а это имъ и нужно было.

Правда, мѣсяца четыре передъ тѣмъ въ Парижъ пріѣхала Марина Никаноровна[1]), только что эмигрировавшая изъ Россіи, но свой пріѣздъ она до того законспирировала, что о ней знали только самые близкіе люди. Тихомирова же въ ту минуту, кажется, еще совсѣмъ не было за границей, по крайней мѣрѣ, на сколько мнѣ извѣстно появился онъ только осенью 1882 года, а то, о чѣмъ я разсказываю, происходило лѣтомъ.

Но «охранцы» ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну, а для этого нужно было мнѣ обратно ѣхать въ Парижъ. Переговоривши обо всѣмъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ Докторъ и я отправились въ Парижъ.

Я долженъ сказать, что въ то время я переживалъ очень тя-

---

[1]) Подъ именемъ Марины Никаноровны Полонской въ Парижѣ жила извѣстная дѣятельница партіи Народной Воли Марія Николаевна Оловенникова-Ошанина-Баранникова. *Ред.*

желое настроеніе: разбитый въ своихъ революціонныхъ вѣрованіяхъ, въ замѣну ихъ я еще не успѣлъ выработать никакихъ твердыхъ, опредѣленныхъ взглядовъ. Правда, мнѣ удалось уже отрѣшиться отъ прежней исключительности и на добро, какъ бы мало оно ни было' я сталъ смотрѣть какъ на добро, а не какъ на зло; я уже отдѣлался отъ той теоріи, согласно которой реформы выходили вредны, а не полезны, такъ какъ онѣ притупляли у народа чувство ненависти къ своимъ угнетателямъ, тогда какъ нужно было стремиться къ обостренію этихъ чувствъ; я уже сознавалъ, что уступки со стороны правительства, хотя бы даже незначительныя, все же были плюсомъ для дальнѣйшаго прогресса, и потому я сочувствовалъ предложенію Доктора, мнѣ очень хотѣлось, чтобы люди какъ нибудь согласились, договорились до чего нибудь, чтобы хоть капельку чего то лучшаго возможно было добиться. Съ такимъ чувствомъ я ѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижъ нашъ поѣздъ прибылъ раннимъ утромъ. Докторъ остановился въ отелѣ; я же, чтобы не застать Петра Лаврича еще въ кровати, сначала побродилъ немного по улицамъ и бульварамъ, и потомъ зашелъ къ нему. Сообщивши въ общихъ чертахъ о дѣлѣ, я предложилъ ему пойти вмѣстѣ къ Маринѣ Никаноровнѣ, чтобы условиться, гдѣ и въ которомъ часу должна была произойти встрѣча съ Докторомъ. У Марины Никаноровны опять разсказалъ сущность дѣла и затѣмъ, договорившись собраться спустя часъ времени на квартирѣ Петра Лаврича, куда я долженъ былъ привести Доктора, я отправился въ отель за Докторомъ.

Но вотъ мы и собрались уже у Петра Лаврича на его безсмѣнной квартирѣ въ улицѣ St-Icques. Петръ Лавричъ помѣстился въ креслѣ за своимъ длиннымъ рабочимъ столомъ; Марина Никаноровна стояла сзади его; Докторъ съ низко остриженной, бѣлобрысой головой сѣлъ на стулѣ и, поворотившись лицомъ къ Петру Лавричу и блестя золотыми очками, принялся излагать все по порядку. Онъ началъ съ заявленія о томъ, что онъ членъ организаціи, называющейся «Добровольная Охрана», разъяснилъ какого рода была эта организація, каковы были ея цѣли, составъ (не помню, чтобы упоминалъ и въ этотъ разъ кого либо еще кромѣ Шувалова) и пр. Однимъ словомъ повторилъ то, что я уже передалъ выше. Но теперь изъ его словъ для меня яснѣе очертился характеръ борьбы, ведшейся партіями при дворѣ царя. Обѣ партіи, преслѣдуя различныя цѣли, одна—реакціонныя, другая—либеральныя, для достиженія этихъ своихъ цѣлей шли однимъ и тѣмъ же путемъ, держались одного и того же средства, именно стать къ царю ближе своихъ противниковъ. Такъ что все дѣло сводилось къ тому, которой изъ двухъ партій удастся заручиться большимъ довѣріемъ у царя Александра III. «Подъ страхомъ угрозы «Исполнительнаго Комитета», говорилъ далѣе Докторъ—Царь легко можетъ склониться въ сторону реакціонеровъ. Чтобы уменьшить ихъ шансы на успѣхъ, «Охранцы» рѣшили войти въ переговоры съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», убѣдить «Исполнительный Комитетъ» такъ сказать кассировать свой смертный приговоръ надъ царемъ Александромъ III.» «Охранцы» надѣялись, что когда Александръ III не будетъ ощущать занесенной надъ собою руки револю-

ціонеровъ, то имъ возможно будетъ удержать свое вліяніе при Дворѣ и провести извѣстныя политическія реформы. При этомъ Докторъ высказалъ увѣренность, что конституцію желаютъ всѣ въ Россіи и вѣроятно точно также и соціалисты. Но Петръ Лавричъ на это сталъ возражать. «Безъ всякаго сомнѣнія соціалисты ставятъ въ свою программу завоеваніе свободы, говорилъ онъ, но свобода, къ которой стремятся соціалисты-революціонеры, ничего общаго не имѣетъ съ конституціей, которая нужна буржуазіи, такъ какъ истинная свобода не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена экономическая эксплоатація». Потомъ Петръ Лавричъ сталъ укорять русскихъ либераловъ за то, что они мало дѣятельны, не энергичны, не предпринимаютъ рѣшительныхъ мѣръ для осуществленія своей программы. Я не буду передавать всего того, что было высказано тогда Лавровымъ; знакомому съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ извѣстенъ, конечно, установившійся тогда взглядъ на политическую свободу, котораго держался покойный Лавровъ. Но того ли самаго взгляда на политическую свободу держался въ 1882 году и «Исполнительный Комитетъ», не знаю; помню только, что присутствовавшая при этомъ Марина Никаноровна ни однимъ словомъ не обмолвилась.

Такимъ образомъ предложеніе «Добровольной Охраны», какъ это выяснилось для меня на этомъ собраніи, состояло въ томъ, чтобы «Исполнительный Комитетъ» снялъ съ царя свой приговоръ (объявленный въ одной изъ прокламацій, не помню когда и по поводу чего выпущенной «Исполнительнымъ Комитетомъ»), о чемъ и долженъ былъ опубликовать; «охрана» же съ своей стороны надѣялась провести конституціонную реформу въ Россіи.

Но разговаривая съ нами отъ лица «Добровольной Охраны», Докторъ не могъ, конечно, не понимать того обстоятельства, что для насъ, непосвященныхъ въ придворныя тайны, эта представляемая имъ «охрана» могла казаться просто таки мифомъ, вымысломъ; правда, чтобы сколько нибудь легализировать такъ сказать ее въ нашихъ глазахъ, онъ упоминалъ о томъ, что въ ней принимаетъ участіе Шуваловъ, но сущность дѣла отъ упоминанія одного имени мало измѣнялась; не знаю, замѣтилъ ли Докторъ у кого либо изъ присутствовавшихъ сомнѣніе, или же все это раньше было имъ обдумано, но вотъ какъ онъ пошелъ на встрѣчу этому щекотливому положенію вещей. «Мое положеніе, господа, выгоднѣе вашего, замѣтилъ онъ; я знаю, кто вы всѣ. Но я для васъ неизвѣстная величина и слѣдовательно ко всему тому, что я здѣсь говорю и предлагаю, вы имѣете основаніе относиться съ недовѣріемъ. Чтобы вы могли увѣриться въ томъ, что наша организація представляетъ дѣйствительную силу, я предлагаю слѣдующее доказательство: кого хотите изъ эмигрантовъ «Добровольная Охрана» возьмется легализировать и дастъ возможность воротиться въ Россію». Исключенію подлежали только двое: П. Кропоткинъ, легализація котораго невозможна была, на сколько припоминаю, по словамъ Доктора, по той причинѣ, что о немъ въ самыхъ высшихъ сферахъ составилось мнѣніе, какъ о весьма опасномъ человѣкѣ, и еще кто то, но я забылъ кто именно.

Вотъ болѣе или менѣе все, что тогда говорилось на этомъ собраніи.

Сколько разъ послѣ того еще собирались и бесѣдовали съ Докторомъ, введенъ ли былъ еще кто нибудь изъ эмигрантовъ въ эти переговоры и до чего въ концѣ концовъ договорились, разсказать не могу, такъ какъ своимъ отъѣздомъ изъ Франціи я совершенно устранилъ себя отъ дальнѣйшаго участія въ переговорахъ. Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Парижа.

Прошло послѣ того четыре года. Мнѣ случилось жить въ Женевѣ. Въ этотъ свой пріѣздъ я близко сошелся и полюбилъ Михаила Петровича Драгоманова. Одно время чуть не всякій день, когда только погода позволяла, онъ съ своимъ пятилѣтнимъ сынкомъ, а я съ совсѣмъ еще маленькой дочкой на рукахъ или въ колясочкѣ выходили на прогулки и гуляли вмѣстѣ по окрестностямъ Женевы. Собесѣдникъ онъ былъ удивительный, благодаря его огромной памяти и обширнымъ знаніямъ; всякій разъ что нибудь новое можно было отъ него услышать; всегда уравновѣшенный, бодрый, онъ вызывалъ такое же бодрящее чувство и у другихъ, съ кѣмъ сталкивался. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ Доктора пріѣзжалъ еще какой то господинъ отъ «Добровольной Охраны» и велъ переговоры съ Тихомировымъ, но что всѣ эти переговоры ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ не привели, такъ какъ въ придворныхъ интригахъ «охранцы» потерпѣли неудачу, попали въ немилость и потеряли вліяніе на дѣла.[1]) Реакціонеры взяли верхъ. Далѣе Драгомановъ разсказалъ, что спустя нѣкоторое время ему пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ главарей этого придворнаго теченія, высокопоставленнымъ лицомъ (не помню, чтобы онъ называлъ имя этого человѣка), пріѣзжавшимъ за границу. Изъ бесѣды съ нимъ Драгомановъ узналъ, что освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири было устроено ими уже послѣ того, какъ они потеряли вліяніе при дворѣ; что съ этимъ имъ пришлось обратиться къ кому то изъ великихъ князей, который будто отвѣтилъ, что въ фактѣ освобожденія Чернышевскаго онъ не усматриваетъ ничего политическаго, а лишь простой гуманный поступокъ, и далъ свое согласіе ходатайствовать; послѣ чего и былъ освобожденъ Чернышевскій. Кромѣ того Драгомановъ передавалъ, что тогда же дѣлались попытки вступить въ соглашеніе съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» и другими правительственными лицами, такъ сказать «правымъ» крыломъ его; переговоры эти велись въ тюрьмѣ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по такъ называемому процессу семнад-

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ эпизодѣ, разсказанномъ въ „Быломъ“ въ ст. Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго“. *Ред.*

цати. Господа «правые» (реакціонеры) сулили какія то экономическія реформы для народа. [1])

Не помню, отъ Драгоманова или отъ кого то другого я слышалъ, будто бы «Исполнительнымъ Комитетомъ» тогда же (1882—1883 г.) была сдѣлана публикація въ желательномъ для «охранцевъ» смыслѣ въ одномъ изъ польскихъ революціонныхъ изданій, въ газетѣ, что ли, печатавшейся кажется въ Варшавѣ.

Но объ этомъ лучше пусть разскажетъ кто нибудь другой, ближе знакомый съ этимъ дѣломъ.

Февраль 1907 года.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ.

[1]) Какъ извѣстно читателямъ изъ напечатанной въ декабрьской книжкѣ „Былого“ за прошлый годъ статьи А. П. Прибылевой-Корбы „по поводу процесса 17-ти“, никакихъ переговоровъ между правительствомъ и подсудимыми по этому процессу не велось, и всѣ слухи о такихъ переговорахъ были ни на чемъ не основаны. *Ред.*

Западные друзья Герцена.

(По неизданнымъ даннымъ).

Въ жизни Герцена есть сторона, еще почти совсѣмъ неизвѣстная, это та, которая была обращена на западъ. Герценъ не только прожилъ въ Европѣ двадцать съ лишнимъ лѣтъ: въ отличіе отъ Тургенева, которому Европа служила только гостинницей, онъ много и интенсивно жилъ западной жизнью. Это объясняется, прежде всего, космополитическимъ характеромъ его міровоззрѣнія. Со дней своей возмужалости до смерти Герценъ сознавалъ себя свидѣтелемъ и участникомъ одной всемірной революціи,—не въ томъ наполовину символическомъ смыслѣ, какой обыкновенно придается понятію міровой борьбы за свободу и равенство, а въ самомъ конкретномъ и дѣловомъ. Старый феодально-монархическій міръ, выросшій на почвѣ порабощенія человѣка человѣкомъ, неправедный и неразумный, готовъ рухнуть; его мѣсто долженъ занять осмысленный укладъ жизни—соціализмъ. Мы наканунѣ этого переворота; въ 1847 году Герценъ, какъ и вся тогдашняя демократія, вѣрилъ, что онъ совершится завтра; но и послѣ великой катастрофы 1848—49 г. онъ считалъ побѣду дѣломъ сравнительно близкаго будущаго. Эта революція, по его мысли не только универсальна по своей сущности, но и фактически всѣ культурные народы, включая, разумѣется, и Россію, связаны съ ней круговой порукой. При такомъ взглядѣ на дѣло Герценъ естественно долженъ былъ принимать близко къ сердцу перипетіи западной борьбы; вотъ почему онъ даетъ деньги на пропаганду Прудона, почему итальянское дѣло ему „близко, какъ родное“, и т. д. и т. д. Такова была идейная сторона его отношеній къ западнымъ людямъ. А рядомъ съ нею дѣйствовалъ личный характеръ Герцена—его огромная и заразительная экспансивность. Онъ не могъ жить безъ живого общенія съ людьми, а благодаря привлекательнымъ свойствамъ его натуры, это общеніе сплошь и рядомъ вело къ дружбѣ, къ теплымъ, сердечнымъ отношеніямъ.

Такихъ дружбъ, основанныхъ частью на идейной близости, частью на симпатіи, у Герцена за границей завязалось множество. Памятникомъ этихъ отношеній являются уцѣлѣвшія письма къ нему иностранцевъ, которыя здѣсь впервые предлагаются вниманію читателей.

Эти письма представляютъ собою первоклассный матеріалъ для біографіи Герцена въ заграничный періодъ его жизни. Принадлежа почти исключительно перу радикальныхъ дѣятелей тогдашней Европы,

они въ своей совокупности даютъ такое живое, наглядное представленіе о кругѣ, въ которомъ вращался тамъ Герценъ, о нравахъ, интересахъ и работѣ тогдашней европейской демократіи и особенно ея передовой фаланги—эмиграціи, какого не могутъ дать даже блестящіе литературные очерки самого Герцена. Многое въ немъ самомъ становится понятнымъ только на этомъ фонѣ. Кромѣ того, они содержатъ, разумѣется, богатый фактическій матеріалъ, какъ въ смыслѣ характеристики его отношеній къ его западнымъ друзьямъ, такъ и со стороны его личныхъ дѣлъ и настроеній.

Обобщить всѣ эти данныя, ввести ихъ въ общую картину жизни Герцена—дѣло будущаго біографа. Задача предлагаемыхъ страницъ только сдѣлать доступнымъ сырой и доселѣ неизданный матеріалъ.

Прудонъ.

1.

Годы 1848—1850 представляютъ собою кульминаціонный пунктъ жизни и дѣятельности Прудона. Февральская революція застала его совершенно сложившимся, но еще мало популярнымъ писателемъ. Онъ былъ до сихъ поръ только теоретикомъ; въ своихъ главныхъ двухъ сочиненіяхъ: „Что такое собственность“ и „Система экономическихъ противорѣчій“, онъ подвергъ безпощадному анализу основные устои современной соціальной жизни, и людямъ, дорожившимъ свободою мысли, его имя было уже хорошо извѣстно. Ему было почти 40 лѣтъ; періодъ критической мысли для него завершился: его тянуло къ положительной, творческой, по возможности практической дѣятельности. Съ этимъ переходнымъ моментомъ въ его личномъ развитіи и совпала февральская революція, и онъ ринулся въ борьбу со всей энергіей большой нетронутой силы. Несокрушимая убѣжденность, острый аналитическій умъ, темпераментъ борца, первоклассный литературный талантъ—такія данныя не могли не выдвинуть его сразу. Въ серединѣ апрѣля началась журнальная дѣятельность Прудона изданіемъ *Représentant du Peuple*. Пламенно проповѣдуя *соціальную* революцію, онъ въ ея интересахъ ратовалъ противъ *политическаго* доктринерства и революціонной традиціи, а когда обманутые временнымъ правительствомъ рабочіе вызвали ужасную іюньскую рѣзню, онъ съ такой силой обрушился на реакцію, что газета была закрыта. За немногіе мѣсяцы ея существованія онъ сталъ признаннымъ вождемъ пролетаріата. Еще въ мартѣ делегаты рабочихъ, засѣдавшіе въ Люксембургскомъ дворцѣ, вычеркнули его имя изъ списка кандидатовъ въ Національное Собраніе, а 5 іюня, на дополнительныхъ выборахъ, онъ уже былъ выбранъ 78 тысячами голосовъ депутатомъ отъ департамента Сены. Теперь онъ продолжалъ борьбу одновременно въ собраніи и въ газетѣ. Въ концѣ августа былъ закрытъ *Représentant du Peuple*, а въ сентябрѣ начала выходить новая газета Прудона, *Peuple*, тиражъ которой достигалъ 70.000 экземпляровъ; здѣсь, между про-

чимъ, онъ окончательно разработалъ свой завѣтный планъ мѣнового банка и открылъ подписку на его акціи. Статьи Прудона въ этой газетѣ—непревзойденные образцы боевой публицистики. Съ безпредѣльнымъ напряженіемъ силъ, съ неистощимой страстью, дисциплинированной научнымъ умомъ, онъ безъ устали велъ борьбу на два фронта—противъ реакціонной буржуазіи и противъ безпочвеннаго радикализма, игравшаго ей въ руку, и ярость обоихъ становъ, казалось, только удваивала его энергію: «Я живу въ огнѣ, какъ саламандра», писалъ онъ въ эти дни. Его предсказанія оправдались вполнѣ; доктринерство и реакція соединенными силами похоронили республику: палата, увлеченная безумной импровизаціей Ламартина, вотировала прямое избраніе президента, и 10 декабря 1848 года страна пятью милліонами голосовъ выбрала Луи Бонапарта, который не замедлилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ протянуть руку реакціи. Прудонъ уже въ январѣ открылъ противъ него рѣзкую кампанію въ *Peuple*; результатомъ было то, что въ февралѣ Національное Собраніе постановило предать его суду за оскорбленіе президента, и въ мартѣ онъ былъ приговоренъ къ 3-хъ лѣтнему тюремному заключенію и штрафу. Мѣсяца два онъ скрывался, то въ Бельгіи, то въ самомъ Парижѣ, но наконецъ въ первыхъ числахъ іюня былъ взятъ. *Peuple* все время выходилъ неукоснительно, и почти ежедневно въ немъ появлялись статьи Прудона, пока въ день неудачной демонстраціи 13 іюня отрядъ національныхъ гвардейцевъ, ворвавшись въ редакцію *Peuple*, не разбилъ типографскіе станки и разбросалъ шрифтъ. Въ этотъ же день газета была пріостановлена формально. Прудонъ и не думалъ складывать оружіе. Для возобновленія газеты нужно было внести залогъ въ 24.000 франковъ; Прудонъ изъ тюрьмы лично и черезъ друзей обращался къ разнымъ лицамъ, и вотъ, по предложенію общаго пріятеля, Сазонова, эту сумму согласился дать Герценъ. Такъ нашъ изгнанникъ сталъ соиздателемъ третьей Прудоновской газеты *La Voix du Peuple*.

До этого Герценъ только раза два встрѣтилъ Прудона у Бакунина и вовсе не былъ съ нимъ близокъ. Но онъ давно зналъ и цѣнилъ его, какъ писателя, а въ данный моментъ, при тѣхъ взглядахъ, какіе сложились у Герцена подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848-49 г.г., въ Европѣ, можетъ быть, не было человѣка, чья политическая дѣятельность вызывала бы въ Герценѣ большую симпатію, нежели дѣятельность Прудона.

Ихъ сближала, разумѣется, не общность положительныхъ стремленій. На что могъ надѣяться Герценъ въ ближайшемъ будущемъ, видя повсемѣстное торжество реакціи въ Европѣ и мертвый штиль, царившій въ Россіи? Онъ стоялъ, какъ Моисей, передъ разбитыми скрижалями, еще потрясенный крушеніемъ великихъ надеждъ, и маленькая идея дарового кредита, которую съ такимъ воодушевленіемъ проповѣдовалъ Прудонъ, какъ панацею, имѣющую спасти міръ, должна была казаться Герцену не болѣе, какъ дѣтской игрушкой. Ихъ сближала общая религія свободы и, въ особенности, одинаковое пониманіе того, что такое свобода.

Изъ горькихъ испытаній революціонного года Герценъ вынесъ эту свою вѣру не только нетронутой, но еще очищенной и просвѣт-

ленной. Если до сихъ поръ онъ обожалъ свободу въ ея традиціонныхъ формахъ—партійнаго радикализма, республики, революціи,—то теперь онъ на дѣлѣ узналъ, какъ легко духъ свободы покидаетъ эти формы, уступая мѣсто пристрастію, корысти и произволу. Онъ понялъ, что истиннымъ врагомъ свободы является не что-либо конкретное, не старый политико-экономическій укладъ, основанный на насиліи, а самый этотъ духъ нетерпимости и насилія, еще болѣе опасный въ *своихъ*, нежели въ противномъ станѣ. Все его «Съ того берега» (1848—49 г.)—вдохновенный гимнъ истинной свободѣ въ разумѣ и совѣсти, звучащій бодрой вѣрою изъ самой глубины отчаянія.

Совершено такое же пониманіе свободы выработалъ себѣ Прудонъ еще задолго до революціи. Когда въ 1846 г. Марксъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ Deutsch-französische Jahrbücher, Прудонъ въ отвѣтномъ письмѣ писалъ ему, между прочимъ,—и съ какой радостью Герценъ подписался бы подъ этими строками!—«Покажемъ міру примѣръ мудрой и осмотрительной терпимости, но остережемся—(потому что мы стоимъ во главѣ движенія)—сдѣлаться вождями новой нетерпимости; не будетъ выдавать себя за апостоловъ новой религіи, хотя бы то была религія логики или разума»; и дальше: «Я полагаю, что мы не должны объявлять революціонное дѣйствіе средствомъ къ реформѣ, потому что это средство—ничто иное, какъ призывъ къ насилію и произволу, словомъ—противорѣчіе.»

Этими принципами было опредѣлено все направленіе журнальной дѣятельности Прудона въ 1848—49 г.г. Мы видѣли, что онъ направлялъ свои удары столько же противъ политическаго радикализма, сколько противъ реакціи, и обоихъ возстановилъ противъ себя одинаково. Онъ съ самаго начала указывалъ на опасность революціонныхъ средствъ и пріемовъ. «Февральская революція—говорилъ онъ,—разыгралась подъ звуки марсельезы и старыхъ республиканскихъ гимновъ. Снова воспоминаніе, снова противорѣчіе!... Марсельеза не просвѣщаетъ, а оглушаетъ гражданъ. Кто поетъ ее, тотъ творитъ реакцію и смуту.» Онъ писалъ, обращаясь къ радикаламъ: «Вы ищете свободы, равенства и братства, вы хотите организовать трудъ! И у васъ нѣтъ другого орудія, какъ насиліе, другого авторитета, какъ диктатура, другого принципа, какъ страхъ, другой теоріи, кромѣ штыка!» Съ самаго начала онъ предостерегалъ Францію противъ увлеченія политикой, доказывалъ народу, что сѣющій насиліе пожинаетъ не свободу, а насиліе же, и предсказывалъ въ результатѣ борьбы партій неизбѣжный деспотизмъ. Когда эти партіи заявляютъ, что соціальная революція—цѣль, а политическая—средство, то это все равно, говоритъ онъ, какъ еслибы они сказали: предоставьте намъ власть надъ вашей жизнью и вашимъ имуществомъ, и мы сдѣлаемъ васъ свободными; «то же самое уже шесть тысячъ лѣтъ говорятъ намъ цари и священники». Вмѣсто того, чтобы пріучить народъ самому организоваться, вмѣсто того, чтобы аппелировать къ его опытности и уму, отъ него требуютъ только власти и силы; между тѣмъ всякое правительство, даже самое радикальное, по самой своей природѣ враждебно той истинной, свободной, творческой революціи—соціальной—которая одна можетъ дать намъ свободу. Когда предсказанія Прудона

оправдались и Франція въ лицѣ Луи Бонапарта пріобрѣла новаго господина, Прудону оставалось только указать, что узурпація 2 декабря —логически-точное слѣдствіе направленія, которое приняла общественная жизнь страны за послѣднее время: всѣ партіи составляли заговоры, готовились къ переворотамъ, мечтали о диктатурѣ—и успѣхъ, какъ естественно, достался самому смѣлому или наиболѣе сообразительному.

Всѣ эти мысли были, какъ разъ въ это время, самыми завѣтными мыслями Герцена. Онъ долженъ былъ съ глубокой отрадой читать пламенныя передовыя Прудона въ *Représentant du Peuple* и въ *Peuple* и съ братскимъ участіемъ слѣдить за его дѣятельностью въ собраніи, за его борьбой и гоненіемъ. Подводя итогъ 1849 году, онъ писалъ въ Omnia mea mecum porto: «Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: *борьбу свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества*. Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего... И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ».

Вотъ на чемъ основывалась солидарность Герцена съ Прудономъ: на общей ненависти—равно къ поработителямъ и къ освободителямъ человѣчества, на общемъ культѣ истинной, неподдѣльной свободы. Это и было главной причиной, побудившей Герцена бросить деньги на вѣрную потерю, чтобы дать возможность Прудону продлить борьбу еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

2.

По разсказу Герцена въ «Быломъ и Думахъ» и по сохранившимся подлиннымъ бумагамъ мы можемъ возстановить исторію его переговоровъ съ Прудономъ. Они начались, повидимому, чрезъ общаго друга, Шарля Эдмонда (Хоецкаго). Надо думать, что Ш. Эдмондъ, посовѣтовавшись съ пріятелемъ Герцена, Сазоновымъ, находившимся въ Парижѣ, написалъ соотвѣтственное письмо Герцену въ Женеву, — и къ этому письму Прудонъ сдѣлалъ слѣдующую приписку (она сохранилась въ альбомѣ Герцена съ помѣткою: 1849 г.): «P. S. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Шарля Эдмонда о необходимости безотлагательно приступить къ изданію новой демократической газеты. Законы

о печати не должны насъ останавливать; задача не въ томъ, чтобы возбудить народъ паѳосомъ, а въ томъ, чтобы уяснить самой буржуазіи ея истинные интересы. Главное, надо не дать демократіи впасть въ отчаяніе, что неизбѣжно случится, если не объяснять ей изо дня въ день положеніе вещей и смыслъ событій.»

Эта конкретная, мѣстная цѣль для Герцена отступала далеко назадъ передъ общими интересами свободы, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ озаботился ясно подчеркнуть это. Онъ выражалъ согласіе внести требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право помѣщать свои и чужія статьи и завѣдывать всѣмъ иностраннымъ отдѣломъ, и при этомъ указывалъ, что *онъ* считаетъ основной задачей газеты: подобно Прудону, онъ съ радостью видитъ, какъ разваливается старый міръ,—и онъ думаетъ, что ихъ призваніе—возвѣщать этому міру его близкую кончину. «Ваши соотечественники,—продолжалъ онъ,—далеки отъ того, чтобы раздѣлять эти идеи. Я знаю одного свободнаго француза,—это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негаціи и переворота на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Барро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ—это чрезвычайно легко,—но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличить круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сантиментальности затрогивать и побѣжденныхъ.»

Прудонъ, какъ и надо было ожидать, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на такую постановку вопроса. «Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ такъ называемыхъ республиканцевъ; разумѣется, это одинъ видъ общей породы доктринеровъ. Что касается этихъ вопросовъ, намъ не въ чемъ убѣждать другъ друга. Во мнѣ и въ моихъ сотрудникахъ вы найдете людей, которые пойдутъ съ вами рука въ руку».

Среди бумагъ А. И. Герцена сохранился подлинникъ его договора съ Прудономъ; этотъ любопытный документъ заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью.

«Нижеподписавшіеся Александръ Герценъ, домовладѣлецъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ (пропускъ) [1]), и П.-Ж. Прудонъ, журналистъ и бывшій депутатъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ Мазасъ 70,

---

[1]) Герценъ скрывалъ фактъ покупки дома въ Парижѣ или, по крайней мѣрѣ, мѣстонахожденіе этого дома. См. М. К. Лемке, „А. И. Герценъ въ Европѣ“, *Міръ Божій*, 1906 г., окт., стр. 54.

а нынѣ находящійся подъ заключеніемъ въ Консьержри, условились о слѣдующемъ.

«Нижеподписавшіеся имѣютъ намѣреніе сообща основать въ Парижѣ ежедневную газету подъ названіемъ «*La Voix du Peuple*». Для осуществленія этого плана они заключили между собою слѣдующее соглашеніе.

«Ст. 1-ая. Г. Герценъ обязывается въ возможно кратчайшій срокъ внести въ казну 24000 фр., требуемые закономъ, какъ залогъ за названную газету.

«Ст. 2-ая. Во все время, пока означенная сумма будетъ оставаться, какъ залогъ въ государственномъ казначействѣ, администрація газеты уплачиваетъ г. Герцену дополнительный процентъ за нее въ размѣрѣ 5 годовыхъ.

«Ст. 3-ья. Г. Герценъ обязывается, сверхъ того, не требовать ея возвращенія ранѣе пяти лѣтъ, считая съ нынѣшняго числа. Однако г. Прудонъ вправѣ вернуть ее и раньше этого срока, заявивъ о томъ за три мѣсяца впередъ, и начисленіе процентовъ прекращается въ день уплаты капитальной суммы.

«Ст. 4-ая. Такъ какъ законъ о залогахъ требуетъ, чтобы поручитель являлся собственникомъ четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будетъ выдано формальное удостовѣреніе о принадлежности ему трехъ четвертей залога, внесеннаго въ казну, и въ удостовѣреніи будетъ указано, что его право подлежитъ удовлетворенію преимущественно передъ всякимъ другимъ.

«Ст. 5-ая. Общее завѣдываніе редакціей газеты «*La Voix du Peuple*» предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 6-ая. Что касается редакціонной части, то г. Герценъ оставляетъ за собою право во всякое время доставлять статьи по общей политикѣ; эти статьи должны быть помѣщаемы въ газетѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ неудобство будетъ очевиднымъ, или когда ихъ напечатаніе можетъ повлечь за собою судебную кару. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны имѣютъ руководствоваться ст. 5 ой.

«Ст. 7-ая. Г. Прудонъ обязывается посвящать все свое вниманіе названной газетѣ и дѣлать все зависящее отъ него для ея успѣха.

«Ст. 8-ая. Такъ какъ предпріятіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является по своей природѣ дѣломъ коммерческимъ, то оно можетъ потребовать соглашеній съ третьими лицами, имѣющихъ выразиться въ формальныхъ договорахъ. Опредѣленіе условій такихъ договоровъ предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 9-ая. Во всякомъ случаѣ онъ теперь же принимаетъ на себя обязательство тратить доходы предпріятія единственно на распространеніе тѣхъ идей, органомъ которыхъ будетъ газета, или—если на то представится возможность и удобство—на основаніе банка, предназначеннаго организовать и развивать даровой кредитъ.

«Ст. 10 ая. Такъ какъ г. Герценъ намѣренъ участвовать въ данномъ дѣлѣ лишь на правахъ финансирующаго предпріятіе, то ему въ возможно кратчайшій срокъ будутъ даны гарантіи, установленныя ст. 4-ой.

«Писано и подписано въ двухъ экземплярахъ въ Парижѣ г. Прудономъ 14 августа 1849 года.» Подпись: П.-Ж. Прудонъ.

3.

Пробный нумеръ «*Voix du Peuple*» вышелъ 20 сентября 1849 г., а съ 1 октября газета начала выходить ежедневно. Она прекратилась вслѣдствіе цензурныхъ репрессій 14 мая 1850 г. на 223-мъ нумерѣ. Все время ею руководилъ изъ тюрьмы Прудонъ.

Задачей «*Voix du Peuple*» онъ ставилъ—содѣйствовать примиренію классовъ. Онъ хотѣлъ уяснить народу, что реакція, монархія, государственные перевороты черпаютъ силы исключительно въ антагонизмѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, что въ разжиганіи этого антагонизма—вся тактика контръ-революціи. Это «примиреніе классовъ являлось для Прудона, конечно, не самоцѣлью, а лишь необходимой предпосылкой истинной, соціальной революціи. Въ концѣ октября онъ писалъ одному другу: «*Voix du Peuple*» идетъ тихо. Мнѣ нужно провести такія большія идеи, что приходится быть до-нельзя осторожнымъ. Одни говорятъ, что я мѣняюсь, другіе—что я продаюсь, третьи—что я трушу, четвертые—что тюрьма убиваетъ меня... Истина въ томъ, что, такъ какъ цѣль у меня высокая и далекая, и такъ какъ я не хочу промахнуться, то я долженъ быть такъ же плосокъ и благодушенъ, какъ *Siecle*.» [1])

Газета шла отлично—отъ 35—60 тысячъ нумеровъ въ день, но штрафы истощали кассу и постепенно съѣдали залогъ, а по мѣрѣ того, какъ «*Voix du Peuple*» становилась все неудобнѣе для правительства, оно тѣснило и самого Прудона: перевело его изъ одной парижской тюрьмы, гдѣ онъ содержался очень льготно, въ другую, худшую, а потомъ и вовсе увезло изъ Парижа—въ Дулланскую тюрьму. Кромѣ передовыхъ по вопросамъ дня, Прудонъ напечаталъ въ «*Voix du Peuple*» двѣ знаменитыя серіи политическихъ статей—противъ Бастіа, «о даровомъ кредитѣ» и противъ Луи Блана, «о пользѣ государства въ настоящемъ и возможности его въ будущемъ». Мѣновой банкъ и анархія—это и были тѣ «увѣсистыя идеи», которымъ онъ былъ теперь преданъ безраздѣльно.

Герценъ едвали сколько нибудь серьезно вліялъ на общее веденіе газеты. Первые три мѣсяца (до конца декабря) его даже вовсе не было въ Парижѣ, онъ жилъ въ Женевѣ, потомъ ѣздилъ въ Цюрихъ къ матери, и вообще все время, до апрѣля 1850 г., былъ занятъ хлопотами по своимъ денежнымъ дѣламъ. Къ тому же, въ его семейной жизни было неладно: «штиль между двухъ ударовъ грома, штиль давящій, тяжелый, но не казистый...» говоритъ онъ объ этомъ времени. Онъ разсказываетъ, что по его предложенію, иностранный отдѣлъ «*Voix du Peuple*» былъ порученъ Сазонову, который однако же черезъ мѣсяцъ передалъ его Хоецкому, не ужившись съ Прудономъ. Этотъ иностранный отдѣлъ носилъ характерное двойное заглавіе:

---

[1]) Correspondance de P. J. Proudhon, v. III p. 38—39.

«Всеобщая политика.—Солидарность народовъ.» Здѣсь, въ трехъ нумерахъ за ноябрь и декабрь 1849 г., была напечатана обширная статья Герцена о Россіи за подписью: «Русскій».

Это было первое публичное обращеніе Герцена къ западнымъ людямъ. Вступая въ компанію съ Прудономъ, онъ имѣлъ въ виду, разумѣется, послужить не только дѣлу свободы вообще, но и особенно дѣлу русской свободы. И вотъ онъ взялся за перо, чтобы завоевать русскому народу подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ народовъ, борящихся за свободу, мало того,—чтобы показать демократической Европѣ, насколько она сама заинтересована въ исходѣ русской борьбы. Позднѣе онъ еще не разъ возвращался къ этимъ вопросамъ,—тѣмъ любопытнѣе эта первая, неувѣренная попытка ихъ рѣшенія, гдѣ еще можно разглядѣть самый процессъ рожденія его идей. [1])

Онъ чрезвычайно искусно облекъ свое разсужденіе въ форму письма къ западному демократу, что даетъ ему возможность сразу стать на одну плоскость съ нимъ и такимъ образомъ сразу завязать узелъ общихъ судебъ Европы и Россіи. Онъ начинаетъ съ того, что оба они—изгои: вы, говоритъ онъ, ушли, если не тѣломъ, то духомъ, изъ вашего стараго монархически-феодальнаго міра, гдѣ почернѣлыя и потрескавшіяся отъ времени стѣны ежеминутно грозятъ паденіемъ и гдѣ вамъ было до-нельзя душно; я же не вынесъ тепловлажной атмосферы нашего недостроеннаго зданія, насыщенной испареніями извести,—и вотъ, выйдя изъ двухъ противоположныхъ пунктовъ—вы изъ госпиталя, я изъ дѣтскихъ яслей,—мы сошлись въ одной и той же точкѣ, оба чуждые своей родинѣ, оба на чужбинѣ. Но, установивъ общее сходство положеній, Герценъ спѣшитъ указать и на существенное различіе: его положеніе выгоднѣе, ему не пришлось выдержать такой трудной внутренней борьбы; мы, русскіе, морально свободнѣе европейцевъ, и не только потому, что мы были избавлены отъ тѣхъ тяжкихъ испытаній, чрезъ которыя суждено было пройти западу, но и потому, что у насъ нѣтъ прошлаго, которое властвовало бы надъ нами. Наша исторія бѣдна, и первымъ условіемъ нашего обновленія было—отречься отъ нея совершенно; у насъ осталось отъ нашего прошлаго только національный бытъ, національный характеръ и государственная форма; все остальное—вопросъ будущаго.

Итакъ, позиція русскаго частью даже выгоднѣе позиціи западнаго человѣка; но въ какомъ отношеніи? передъ какимъ дѣломъ они равны, для какого дѣла русскій поставленъ удобнѣе? Рѣчь идетъ, очевидно, о нѣкоемъ общемъ идеальномъ дѣлѣ — о всемірно-историче-

---

[1]) Статья эта въ русской печати неизвѣстна, не вошла ни въ одно изданіе сочиненій Герцена и не была отдѣльно издана ни имъ самимъ, ни послѣ него. Она носитъ форму письма къ тогдашнему другу Герцена, Гервегу; въ Voix du Peuple адресатъ помѣченъ только иниціалами (A. G. H.). Въ 1850 г. Герценъ напечаталъ ее по нѣмецки въ видѣ приложенія къ Vom anderen Ufer (Гамбургъ Hoffmann und Campe), подъ заглавіемъ „An Georg Herwegh“, съ подписью „Варваръ“, и съ помѣткою—не „Лондонъ“, какъ въ *Voix du Peuple*, а „Монтре“.—Отрывокъ отсюда о сельской общинѣ—Герценъ перепечаталъ потомъ въ приложеніи къ Du développement des idées revolutionnaires en Russie.

ской борьбѣ за свободу; и дальше, говоря объ этомъ дѣлѣ, Герценъ уже больше не отдѣляетъ себя отъ своего собесѣдника-европейца, и все время говоритъ объ обоихъ: мы. Мы, это люди будущей свободы, все равно—русскій, или нѣмецъ; не съ точки зрѣнія русскаго, а съ точки зрѣнія демократа, исключительно въ видахъ общей борьбы за свободу, Герценъ и ведетъ свое разсужденіе о Россіи.

Въ немногихъ словахъ онъ набрасываетъ картину положенія дѣлъ въ Европѣ. Чудный весенній сонъ 1848 года быстро разсѣялся; старая Европа, обезсиленная, апатичная, стоитъ на краю обрыва, и Россія готовится столкнуть ее въ бездну, какъ злой мальчишка, ведущій къ пропасти слѣпого нищаго. Хуже всего то, что и большинство демократовъ умышленно закрываетъ глаза. Человѣкъ вообще не любитъ истины,—а когда она идетъ въ разрѣзъ съ его желаніями, когда она разрушаетъ его любимѣйшія мечты, когда усвоить ее онъ можетъ лишь цѣною своихъ надеждъ и иллюзій, тогда онъ чувствуетъ къ ней ненависть, какъ будто она виновата. Реакція торжествуетъ по всей линіи, а демократы считаютъ ее чѣмъ-то случайнымъ и скоропреходящимъ. Лишь немногіе изъ нихъ понимаютъ, что реакція сильна, потому что революція оказалась слаба: политическіе демократы испугались соціалистическихъ демократовъ, и революція сломилась, обрушившись на самое себя.

Что же дальше? Примиреніе невозможно, всѣ мосты между прошлымъ и будущимъ разрушены. Или старая Европа падетъ подъ ударами соціализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣетъ со своей рутиной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи, и, какъ новая Византія, будетъ влачить черезъ вѣка апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ. Можетъ быть, впрочемъ, не случится ни то, ни другое, а воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ожесточенная и пустая смута, которая приведетъ къ деспотизму и взаимному истребленію. Точно предвидя ужасы подавленія коммуны, Герценъ пророчитъ время слезъ и страданій, стоновъ и зубовнаго скрежета. Уже іюньскіе дни показали, какъ велика накопленная злоба. Третье сословіе, потратившее въ теченіе вѣковъ столько труда и усилій, чтобы добыть хоть немного свободы, готово опять пожертвовать всѣмъ. Оно видитъ, что на почвѣ законности, на которой стояли еще Полиньякъ и Гизо, ему не удержаться,—и оно сознательно отступаетъ къ временамъ Варѳоломеевой ночи, Тридцатилѣтней войны и Нантскаго эдикта, за которыми виднѣются варварство, разрушеніе, новыя скопленія народовъ и слабые зачатки новаго міра. Историческое зерно зрѣетъ медленно; понадобилось пять вѣковъ тьмы, чтобы сколько-нибудь организовать христіанскій міръ, а передъ тѣмъ пять же вѣковъ длилась агонія римскаго міра.

Трудное, печальное время! Все рушится, все кипитъ въ безплодномъ волненіи, самыя мрачныя предчувствія оправдываются съ ужасающей быстротой. Вспоминая свой третій діалогъ, „Consolatio“, писанный шесть мѣсяцевъ назадъ, гдѣ ставился вопросъ, есть ли еще что дѣлать, Герценъ замѣчаетъ, что теперь этотъ вопросъ уже не имѣетъ

смысла: теперь люди уже начинаютъ спрашивать себя, можно ли жить. Франція сдѣлалась западной Австріей и все глубже погружается въ грязь и безчестіе. Прусская сабля останавливаетъ послѣднія движенія нѣмецкой революціи, Венгрія истекаетъ кровью подъ топоромъ вѣнчаннаго палача, Швейцаріи грозятъ войною со всѣхъ сторонъ, Римъ гибнетъ геройски, наложивъ печать вѣчнаго позора на чело Франціи, бывшей до сихъ поръ либимицей народовъ. Для свободомыслящаго, который не хочетъ преклониться передъ силою, нѣтъ во всей Европѣ другого убѣжища, какъ только палуба корабля, готоваго отплыть въ Америку.

Говорятъ, что гибель Франціи грозитъ опасностью всему человѣчеству; и это было бы вѣрно, еслибы подъ человѣчествомъ надо было разумѣть только германо-романскую Европу. Такъ ли это? Дѣйствительно ли все, что лежитъ за предѣлами нашего міра,—лишнее и ненужное? Катонъ пронзилъ себѣ грудь мечемъ, потому что Римъ погибалъ и потому что онъ не видѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ Рима; но правъ оказался не онъ, а Тацитъ, кинувшій взоръ за предѣлы римскаго міра и не убоявшійся признать, что будущее принадлежитъ варварамъ—германцамъ. Судьбы человѣчества не ограничены Западной Европой. Если она не съумѣетъ обновиться путемъ соціальнаго преобразованія,—преобразуются другія страны, и есть уже одна, которая готова къ этому, и другая, которая готовится: первую—Соединенные Штаты—Европа знаетъ, второй—Россіи—не знаетъ вовсе. Между тѣмъ Россія идетъ на Европу, вѣрнѣе уже пришла, уже врѣзалась въ нее, ведомая Габсбургами и Гогенцоллернами. Но Цезарь лучше зналъ галловъ, нежели Европа—русскихъ.

И точно: пока западная Европа вѣрила въ себя, пока будущее представлялось ей, какъ линія ея собственнаго развитія, она не могла заниматься Восточной Европой. Но теперь обстоятельства измѣнились: это надменное пренебреженіе уже не къ лицу теперешней Европѣ; оно смѣшно какъ высокомѣріе кастильскаго гидальго, на которомъ сапоги безъ подошвъ и рваный плащъ. Европѣ стало нечѣмъ гордиться передъ Россіей. Упрекайте русскихъ, сколько хотите, въ томъ, что они рабы; они въ свою очередь спросятъ васъ: а вы—свободны? Они могутъ даже прибавить, что Европа никогда не освободится иначе, какъ путемъ освобожденія Россіи; и вотъ почему ей полезно нѣсколько ближе познакомиться съ Россіей.

Герценъ разсказываетъ дальше, какъ впечатлѣніе поразительной фигуры Петра возбудило въ европейцахъ интересъ къ Россіи, какъ этотъ интересъ поддержала Екатерина II и побѣдитель Наполеона—Александръ, какъ потомъ его же союзъ съ европейской реакціей впервые пробудилъ въ европейцахъ враждебное чувство къ Россіи, и какъ, наконецъ, жестокое усмиреніе Польши поселило въ ихъ сердцахъ глубокую ненависть къ ней. Онъ характеризуетъ европейскую литературу о Россіи и подробно останавливается на книгахъ Кюстина и Гакстгаузена. Первый видѣлъ тронъ, второй общину, но оба не замѣтили, что въ русской жизни есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ община, и болѣе сильное, нежели царская власть, что трудно выразить словами, еще труднѣе указать пальцемъ. Это—та глубоко-скры-

тая и не сознающая себя сила, которая такъ чудно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, которая, наперекоръ унизительной дисциплинѣ крѣпостного права, сохранила крестьянину его открытое, прекрасное лицо и живой умъ, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила вѣкъ спустя колоссальнымъ явленіемъ Пушкина и которая среди всѣхъ историческихъ превратностей поддерживаетъ въ русскомъ народѣ непоколебимую вѣру въ себя.

Оправдаетъ ли эта вѣра? Герценъ думаетъ, что да. Залогъ великой будущности русскаго народа онъ видитъ въ общинѣ. Онъ даетъ подробный очеркъ общиннаго строя, подчеркивая элементы соціализма въ немъ, и приходитъ къ выводу, что полудикій укладъ русской жизни болѣе соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному Европой, нежели культурный бытъ романо-германскаго міра: что для Запада—лишь надежда, къ которой направлены его усилія, то—дѣйствительность нашихъ первыхъ шаговъ на міровой сценѣ; угнетенные абсолютизмомъ императорской власти, мы тѣмъ не менѣе идемъ навстрѣчу соціализму, какъ древніе германцы, поклонники Тора и Одина, шли навстрѣчу христіанству.

Но община, говоритъ Герценъ, отучая отъ личной иниціативы и замыкая кругъ интересовъ, убаюкивала русскій народъ, и сонъ его становился все глубже, пока наконецъ Петръ грубымъ толчкомъ разбудилъ часть націи. Онъ вызвалъ искусственно нѣчто вродѣ борьбы и антагонизма, и именно въ этомъ провиденціальный смыслъ петербургскаго періода русской исторіи. Петръ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не понялъ, что тѣ элементы европейской цивилизаціи, которые вызывали его удивленіе, не только не обусловлены существовавшими тогда въ Европѣ политическими формами, но, напротивъ, стоятъ въ прямой оппозиціи къ этимъ формамъ, и что послѣднія сами обречены смерти; онѣ ждали только своего Петра I—великой революціи,—чтобы исчезнуть. Ослѣпленный Западомъ, Петръ принялся его копировать, ненавидя все старо-русское, какъ дурное, такъ и хорошее, онъ подражалъ всему европейскому, хорошему, какъ и дурному. Добрая половина чужеземныхъ формъ, перенесенныхъ имъ въ Россію, была совершенно чужда духу русскаго народа. Онъ хотѣлъ сломить, разсѣять всеобщій застой и апатію, которые видѣлъ вокругъ себя,—и, рѣшивъ обновить кровь, текущую въ русскихъ жилахъ, взялъ для этого старую испорченную кровь, прививъ тѣмъ нашему молодому организму дряхлость Европы.

Реформа Петра разслоила Россію на три группы: правительство, интеллигенцію и народъ. Народъ остался тѣмъ же; благодаря своему пассивному сопротивленію и силѣ характера онъ уцѣлѣлъ морально и сохранилъ свой общинный строй—залогъ будущаго. Дворъ и правящіе классы остались вѣрны формальному наслѣдію Петра, той внѣшней государственной цивилизаціи, которая, въ видѣ заимствованнаго съ Запада канцеляризма, сочеталась съ московскимъ деспотизмомъ въ петербургское императорство. Духу Петровской реформы осталась вѣрна интеллигенція. Въ ней—зерно и умственный центръ будущей русской революціи. Ея положеніе въ высшей степени тра-

гично: она чужда народу, потому что ея отцы и дѣды примкнули къ цивилизующему правительству, и чужда правительству, потому что она дѣйствительно цивилизовалась. 14 декабря она вызвала оффиціальную Россію на бой. Декабрьскимъ возстаніемъ закончился первый этапъ петербургскаго періода. Вопросъ былъ рѣшенъ: своей активной ненавистью къ деспотизму образованный классъ доказалъ, что онъ догналъ своихъ западныхъ братьевъ, что онъ одушевленъ тѣми же чувствами и мыслями, какъ Ріего, Конфалоньери и карбонаріи.

И вотъ правящая Россія стоитъ между двухъ буферовъ—между Россіей общинной и Россіей мыслящей, ненавидимая обѣими и гнетя обѣ. Первая пассивна, вторая активна, и противъ нея-то, обезумѣвъ отъ ярости, свирѣпствуетъ правительство. Но воздвигая гоненіе на культуру, оно подрубаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ оно сидитъ. Оно забыло, что оно родилось въ Петербургѣ, что оно правительство цивилизованной Россіи, что оно связано обязательствами, которыя оно приняло на себя передъ европейской цивилизаціей. Уничтожая культуру, оно роетъ себѣ могилу, но и позволяя ей рости, оно готовило бы себѣ гибель. Возможно, впрочемъ, что подъ давленіемъ невыносимаго гнета Россія распадется на части; возможно и то, что она просто ринется впередъ безъ оглядки и нетерпѣливымъ движеніемъ сброситъ съ себя своего неловкаго всадника.

Герценъ спрашиваетъ себя въ заключеніе, какова же всемірно-историческая идея русскаго народа? Въ этомъ первомъ своемъ обращеніи къ западнымъ людямъ онъ еще не рѣшается открыто выразить свою гордую патріотическую мысль. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на общія преимущества Россіи: она выступаетъ на міровую арену въ блескѣ молодости и свѣжихъ силъ, когда остальные народы, уставъ отъ долгой, бурной жизни, уже жаждутъ покоя. А что до пресловутаго преимущества Европы—до ея свободы,—то что сталось съ нимъ? надо быть слѣпымъ или лицемѣромъ, чтобы замѣчать царизмъ только подъ 59° сѣверной широты. Издѣвайтесь сколько хотите надъ смиренной покорностью русскихъ и возмущайтесь русскимъ абсолютизмомъ, но научитесь же различать деспотизмъ подъ всякой личиной, которую онъ одѣваетъ, будь то президентъ республики, временное правительство или національное собраніе. Стыдно въ 1849 году, послѣ утраты всѣхъ надеждъ и всѣхъ пріобрѣтеній, передъ трупами павшихъ и разстрѣлянныхъ, при видѣ сосланныхъ и гонимыхъ изъ страны въ страну, цѣпляться, какъ прежде, за либеральный конституціонализмъ, за эту платоническую и безплодную любовь къ политикѣ. Тотъ оптическій обманъ, посредствомъ котораго рабству придавали видъ свободы, разсѣялся, маски упали, и мы теперь доподлинно знаемъ, чего стоитъ республиканская свобода Франціи и конституціонная свобода Германіи, мы видимъ теперь (или, если не видимъ, то это наша вина), что всѣ существующія правительства, отъ самаго скромнаго швейцарскаго кантона до самодержца всея Руси,—лишь варіаціи одной о той же темы: «надо пожертвовать свободой порядку, личностью обществу, и стало быть, чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ лучше». Если тяжело жить въ Россіи, то и въ Европѣ не легче: она стала похожа на Петербургъ, и иныя мѣста въ ней стали хуже Петербурга.

Герценъ еще не рѣшался сказать, что въ русской общинѣ— ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса для всѣхъ народовъ.

4.

Какъ извѣстно, въ «*Voix du peuple*» была напечатана и статья Герцена о Донозо Кортесѣ, составившая потомъ послѣднюю главу «Съ того берега»; она появилась въ нумерѣ отъ 15 марта 1850 г. и подписана: I—r, docteur en théologie. Эта статья, написанная, какъ разсказываетъ самъ Герценъ, по предложенію редакціи газеты, держится въ сферѣ общихъ идей: это—отвѣтъ соціалиста апологету реакціи, варіація излюбленной Герценомъ темы о сходствѣ соціализма съ зарождавшимся христіанствомъ.

La Voix du peuple прекратилась въ маѣ 1851 г., а въ іюнѣ Герценъ былъ высланъ изъ Франціи. Ближайшіе два года онъ прожилъ въ Ниццѣ. Это было самое страшное время его жизни, отсюда уѣхала отъ него Наталія Александровна къ Гервегу, здѣсь разразился надъ ними, по ея возвращеніи, ударъ 16 ноября 1851 г., здѣсь полгода спустя, умерла Н. А.—Прудонъ эти два года провелъ въ тюрьмѣ— частью въ Консьержи, частью въ Сенъ-Пелажи; срокъ его заключенія кончился только въ іюнѣ 1852 г.

23 марта 1851 года Герценъ писалъ Прудону:

«Давно уже я собираюсь напомнить вамъ о себѣ, но въ моей душѣ такое *vacuum horrendum*, я такъ боленъ и, если не впалъ въ малодушіе, то, по крайней мѣрѣ, жизнь мнѣ такъ опротивѣла, что я не находилъ ничего, что стоило бы сообщать вамъ. Наше время принадлежитъ къ тѣмъ изнурительнымъ эпохамъ, о которыхъ исторія ничего не говоритъ, въ которыя ничего не случается, но въ которыя годъ всетаки состоитъ изъ 365 дней и человѣческое сердце дѣлаетъ свои 60 ударовъ въ минуту. Это—эпохи субъективныхъ страданій, лиризмъ которыхъ выдыхается, не достигая даже сухого почетнаго упоминанія въ лѣтописи.—По счастію, отрадное извѣстіе о малюткѣ нашего друга Эдмонда оживило насъ на нѣсколько часовъ, и я пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы пожать вамъ руку и поблагодарить васъ также съ нашей стороны за ваше дружеское содѣйствіе, потому что и мы съ женой имѣемъ нѣкоторыя права на маленькую Марію... Вы должны скоро перемѣнить тюрьму. Дай Богъ, чтобы большая не показалась вамъ болѣе непріятной, нежели маленькая. Пьемонтъ— всетаки лучшій уголокъ Европы. Можетъ быть, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь? Привѣтствую васъ отъ всей души.»

Отвѣчалъ ли Прудонъ на это письмо, неизвѣстно, но въ ноябрѣ, узнавъ отъ общихъ друзей о несчастіи, постигшемъ Герцена (16 ноября утонула мать Герцена, его сынъ Коля и воспитатель послѣдняго Шпильманъ), Прудонъ написалъ ему то удивительное письмо, которое самъ Герценъ напечаталъ потомъ (въ переводѣ) въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Это письмо — вмѣстѣ плачъ и проклятіе. Съ безпредѣльнымъ участіемъ, со страшной скорбью Прудонъ оплакивалъ ударъ, павшій на Герцена. Потеря друга напомнила ему соб-

ственныя потери—самоубійство брата, преждевременную смерть отца и матери, замученныхъ проклятымъ режимомъ; раскрылись старыя раны, и онъ съ бѣшенствомъ посылаетъ проклятія ненавистному Молоху, отнимающему у насъ все, что намъ дорого,—потому что и въ горѣ, постигшемъ Герцена, онъ видитъ слѣдствіе все той же гнетущей силы, которою онъ самъ запертъ въ тюрьму. «Въ чемъ разница между крестьяниномъ, у котораго сынъ взятъ въ солдаты, хозяйство разорено налогами и пр., который ломится подъ тяжестью безвыходнаго положенія, — и вами, обреченнымъ на скитанье изъ страны въ страну, на всѣ случайности переѣздовъ, у котораго часть семьи гибнетъ въ волнахъ?.. О, сколько слезъ и крови, въ которыхъ я имѣю право спросить отчета у гнетущей силы!.. Такъ много, что я отчаяваюсь при жизни свести счеты и только повторяю съ псалмопѣвцемъ: Beatus qui retribuet tibi retributionem tuam, quam retribuisti nobis!»

Это письмо было датировано 27 ноября 1851 г., и Герценъ въ Ниццѣ получилъ его почти одновременно съ потрясающимъ извѣстіемъ о переворотѣ 2 декабря. Подъ двойной тяжестью общаго и личнаго горя онъ отвѣчалъ Прудону 26 декабря:

«Благодарю васъ искренно за ваше прекрасное письмо отъ 27 ноября; оно было для меня благотворно. Ваше сочувствіе мнѣ дорого; оно сдѣлало мнѣ мои страданія менѣе тягостными, болѣе человѣчными.

«Вы говорите мнѣ: «Торопитесь оплакать ваши домашнія горести, потому что, если вамъ не вернетъ спокойствія крайнее напряженіе умиротворяющаго разума, вы увидите скоро такія вещи, которыя сдѣлаютъ ваше сердце нечувствительнымъ для всѣхъ вашихъ бѣдъ.»

«Эти пророческія слова оправдались страшнымъ образомъ, и умиротворяющему разуму не пришлось сдѣлать крайнихъ усилій. У меня больше нѣтъ слезъ. Мнѣ кажется иногда, что ужасная катастрофа, лишившая меня матери, ребенка и друга, случилась уже очень давно. Со времени этого кораблекрушенія успѣлъ потерпѣть крушеніе цѣлый міръ. Горькая участь—перейти непосредственно отъ погребенія своихъ близкихъ на общія похороны, не давъ ни часу отдыха разбитому сердцу!

«Крушеніе этого міра всѣ предвидѣли, но горе всегда поражаетъ, какъ что-то неожиданное. Діалектическіе выводы не утѣшаютъ. Больше двухъ лѣтъ назадъ вы сказали: «Не Катилина у вашихъ воротъ, а смерть!» Тогда она постучалась, теперь она отперла ворота. Царство буржуазной революціи прошло, царство фрондирующаго либерализма, риторическаго республиканизма, словъ и абстракцій—кончилось. Буржуазія продала свободу, честь, словомъ—все, чтобы сохранить свои деньги и монополіи,—что-жъ! развѣ не справедливо, чтобы за эту симонію она была наказана безграничнымъ рабствомъ? Она боялась чрезмѣрной свободы—и добилась чрезмѣрнаго деспотизма, боялась варварства снизу—и достигла варварства сверху, не хотѣла ничего уступить народу—и вотъ народъ спокойно смотритъ, какъ разстрѣливаютъ республиканцевъ во имя порядка. Существовала ли когда-нибудь на свѣтѣ болѣе тощая, болѣе жалкая идея, нежели идея порядка? Порядокъ и скупость взамѣнъ престола и церкви! Но принципъ католической мо-

нархіи былъ въ тысячу разъ болѣе поэтиченъ и соціаленъ. Манія порядка и барышничества—вотъ чума, губящая этотъ міръ; онъ умираетъ безобразно, но въ общемъ это убиваетъ его не хуже, нежели его убилъ бы коммунизмъ,—и въ результатѣ его судьбы исполнятся. Но надо предоставить мертвымъ хоронить мертвецовъ.

«Какъ намъ было бы отрадно знать, что вы внѣ Парижа и Франціи! Парижъ—это Іерусалимъ послѣ Іисуса; слава его прошлому, но это—прошлое.

«Теперь остается еще только одинъ культурный уголокъ, одна консервативная страна—Англія. Только тамъ личность можетъ быть свободна. Внѣ Англіи существуетъ одна только Россія—юная Россія петербургская и старая французская. Между ними, какъ тряпка межъ двухъ алмазовъ,—Германія, лимфатическая, трансцендентальная и пассивная. Мы можемъ различать сквозь варварство, поглотившее континентъ, красную нить прогресса, но безъ принужденія невозможно вести человѣческую жизнь среди необузданной низости, среди этой оргіи произвола.

«Вы сдѣлали безмѣрно много. Вы употребили всѣ усилія, чтобы показать Франціи приближающуюся опасность. Вы указали средства спасенія и перехода. Вамъ удивлялся весь міръ отъ Москвы до Нью-Іорка. Но, говоря откровенно,—поняла ли васъ Франція? Когда вы говорили о мирѣ, она слышала призывъ къ войнѣ, когда вы проповѣдывали примиреніе, она принимала ваши слова за крикъ ненависти.

«Теперь troppo tardi—катастрофа разразилась, венсенскіе казаки и попы порядка одержали верхъ. Отвернемся отъ печальнаго зрѣлища охваченнаго безуміемъ міра и постараемся освободить и спасти самихъ себя, если мы не съумѣли спасти міръ.

«Жму вашу руку съ искренней, глубокой симпатіей. Разсчитывайте на меня. Я былъ бы радъ доказать вамъ на дѣлѣ мою дружбу и преданность».

Все это время до переѣзда Герцена въ Лондонъ отношенія между нимъ и Прудономъ поддерживались черезъ Шарля Эдмонда, который жилъ, какъ и Герценъ, въ Ниццѣ, и съ которымъ Прудонъ былъ въ постоянной перепискѣ. Черезъ него Прудонъ то и дѣло посылаетъ поклонъ Герцену, черезъ него привлекаетъ Герцена къ сотрудничеству въ проектируемыхъ имъ изданіяхъ:—Исторіи современной демократіи, Всеобщемъ біографическомъ словарѣ, и т. п. По выходѣ изъ тюрьмы (въ іюнѣ 1852 г.) Прудонъ тотчасъ принялся хлопотать о возстановленіи въ правахъ своихъ ближайшихъ друзей—Pilhes'a, Duchêne'a, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, и Ш. Эдмонда и Герцена, лишенныхъ права жить въ предѣлахъ Франціи. Извѣщая объ этомъ Герцена, онъ пишетъ ему 7 августа 1852 г.: «Запрещеніе въѣзда во Францію безполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши переѣзды; но необходимо, чтобы вы могли пріѣзжать въ Парижъ, потому что, въ концѣ концовъ, только здѣсь человѣкъ свободенъ и только здѣсь мыслятъ [1])» Эти хлопоты, конечно, не привели къ положительному результату,—да Герцену онъ уже и не

[1]) Corresp., v. IV, p. 317.

былъ нуженъ: въ серединѣ августа онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и на многіе годы.

5.

Прошло три года. Лѣтомъ 1855 г. Герценъ, предпринимая изданіе «Полярной Звѣзды», въ числѣ другихъ славныхъ иностранцевъ пригласилъ къ сотрудничеству и Прудона. Роли перемѣнились, теперь въ бой ополчался Герценъ—и замѣчательно, что Прудонъ счелъ нужнымъ предостеречь его противъ той самой опасности, на которую шесть лѣтъ назадъ, при основаніи *Voix du peuple,* указывалъ ему Герценъ. Онъ выражалъ готовность участвовать въ журналѣ Герцена,—разумѣется, ихъ дѣло—общее, дѣло свободы; но онъ долженъ напомнить Герцену, кто истинный врагъ. «Наше положеніе ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротивъ, смотрю на управляемыхъ. Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ притѣснителей, напасть на деспотизмъ освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее къ тираніи, чѣмъ народные трибуны, и не казалась ли вамъ иной разъ нетерпимость мучениковъ такъ же отвратительной, какъ бѣшенство ихъ гонителей? Деспотизмъ оттого такъ трудно сокрушить, что онъ опирается на внутреннее чувство своихъ антагонистовъ, я долженъ бы сказать—своихъ соперниковъ, такъ что писатель, дѣйствительно любящій свободу, истинный другъ революціи, часто не знаетъ, въ которую сторону ему направлять свои удары, въ скопище ли утѣснителей, или въ недобросовѣстность утѣсненныхъ. Вѣрите ли вы, напримѣръ, что русское самодержавіе произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа? Я спрашиваю васъ, какъ одного изъ самыхъ откровенныхъ людей, которыхъ я зналъ,—неужели вы не приходили въ негодованіе, въ отчаяніе отъ притворства, отъ маккіавелизма тѣхъ, которыхъ такъ или иначе европейская демократія признаетъ или *выноситъ* своими главами? Не надо распадаться передъ непріятелемъ, скажете вы; но, любезный Герценъ, что страшнѣе для свободы—распаденіе или измѣна?

...«Сдѣлаемъ союзъ, какъ Бертранъ дю Гекленъ и Оливье де Клиссонъ, за свободу quand même, противъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Будемъ поддерживать дѣло освобожденія, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ оно ни являлось, и будемъ безъ пощады сражаться противъ предразсудковъ, хотя бы мы ихъ и встрѣтили у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ» [1]).

Герценъ тотчасъ отвѣчалъ на это письмо:

«Дорогой и уважаемый другъ! Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, чтобы пожать вамъ руку по прочтеніи вашего письма. Грустно, что мнѣ ни разу не довелось жить сколько-нибудь продолжительное время въ одномъ городѣ съ вами. У меня есть тщеславная увѣренность, что даже среди вашихъ друзей лишь немногіе понимаютъ васъ лучше и съ большимъ діалектическимъ сочувствіемъ, нежели я. Вы одни—я

---

[1]) Письмо отъ 23-го іюля 1855 г., Пол. Зв. V, стр. 225—227.

столько разъ говорилъ это другимъ, что не могу не сказать этого и вамъ—вы одни являетесь *автономнымъ* мыслителемъ революціи; у большинства остальныхъ—готовая, законченная, безусловная система идей. Они похожи на протестантскихъ священниковъ, которымъ позволено разсуждать до богословскаго шлагбаума; достигнувъ его, они принуждены жевать жвачку въ видѣ безконечныхъ варіацій на старыя темы съ арабесками и риторикой. Этого довольно, чтобы показать вамъ, что я очень хорошо понялъ вторую часть письма, и я также живу почти въ полномъ обособленіи.

«Благодарю васъ отъ всего сердца за готовность поддержать нашъ журналъ. Ваше имя—уже важный залогъ успѣха,—васъ обожаютъ на сѣверѣ. Но позвольте мнѣ настаивать на статьѣ; у васъ еще много времени до 1-го декабря. Разрѣшите мнѣ два—три раза напомнить вамъ объ этомъ.

«Что касается Россіи и славянства, то мой взглядъ на нихъ едва ли можно назвать идеалистическимъ или «exaltado». Вотъ мои основныя положенія: 1. Сельская община, опирающаяся на постоянный передѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработка, не уравнительномъ, но по согласію всѣхъ,—даютъ мнѣ право заключать, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы соціализма. 2. Государство—ни до Петра I, ни послѣ никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. Государство сдѣлалось очень сильнымъ, очень централистическимъ, послѣ Петра I оно стало искусственнымъ (что станутъ дѣлать теперь, вернувшись къ раціонализму,—я не знаю); государство все спаяло—и Николай, послѣдній неограниченный самодержецъ, уже не зналъ, ни что ему дѣлать, ни куда идти [1]). 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ соціалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватитъ пылкости, чтобы отъ патріархальнаго коммунизма перейти къ сознательному соціализму. Россія скромнѣе Савойи и не *farà da se*; ей нужны сочувствіе и помощь европейскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, я убѣжденъ, что свободная свобода не воцарится на Западѣ, пока Россія будетъ оставаться какъ-бы солдатомъ на службѣ петербургскаго императора. Послѣ смерти Николая уже все пошатнулось. Александръ колеблется между Нессельроде и Ермоловымъ, между своимъ братомъ Константиномъ—и стаей нѣмецкихъ родственниковъ. Онъ добръ и слабъ, плачетъ съ офицерами, цѣлуется съ солдатами; онъ разрѣшилъ солдатамъ (въ Россіи это равносильно конституціи) разстегивать воротникъ и всѣмъ желающимъ—курить на улицѣ. И Украйна встаетъ, а крѣпостные говорятъ: мы готовы идти умирать подъ Севастополемъ, но барщины работать не будемъ. Можно ли наказывать за это въ военное время?

«Прощайте, дорогой другъ,—не забывайте меня! Мысль о томъ, что вы немного меня любите, будетъ утѣшать меня за непонятную для меня ненависть многихъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте, что вы имѣете во мнѣ не только поклонника, но и друга».

---

[1]) *Прим. Герцена.* Хотя еще возможенъ царь-мужикъ, съ бородой и тройной силою.

6.

Послѣдняя пара писемъ Герцена и Прудона, которою мы располагаемъ, относится къ марту 1860 г., когда Герценъ напомнилъ о себѣ Прудону, приславъ ему чрезъ одного русскаго письмо и французскій экземпляръ «Былого и Думъ». Прудонъ тотчасъ отозвался дружескимъ письмомъ. Это было время наибольшей силы Герцена; его «Колоколъ» не только пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Россіи, но являлся и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ демократическихъ органовъ Европы,—и зоркій Прудонъ спѣшилъ использовать эту новую силу въ интересахъ общаго дѣла свободы. Онъ приступалъ въ это время къ печатанію выпусками второго изданія своей книги «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» съ поправками и обширными дополненіями въ каждомъ выпускѣ. И вотъ онъ предлагаетъ Герцену время отъ времени перепечатывать въ «Колоколѣ» кое-что изъ этихъ выпусковъ, обѣщая съ своей стороны цитировать въ нихъ Герцена. Это имъ было бы положено начало единенію Франціи съ Россіей; мы найдемъ, пишетъ онъ, корреспондентовъ—нѣмцевъ, фламандцевъ, голландцевъ, можетъ быть также англичанъ, швейцарцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, американцевъ, грековъ и т. д.,—и при нѣкоторомъ усердіи мы можемъ въ шесть мѣсяцевъ покрыть нашей сѣтью всю Европу [1]).

На это приглашеніе Герценъ отвѣчалъ изъ Лондона, Park-House, 23 марта:

«Только что получилъ ваше письмо и тотчасъ отвѣчаю. Искренно благодарю васъ за приглашеніе помѣстить что-нибудь въ вашемъ изданіи. Но долженъ вамъ сказать, что я и мой другъ Огаревъ завалены работой (у насъ на рукахъ «Колоколъ», «Полярная Звѣзда» и «Голосъ изъ Россіи» все это мы одни редактируемъ, а въ «Колоколѣ» и «П. Звѣздѣ» основныя статьи пишутся нами же). Но вотъ что могу вамъ предложить—переводъ (приспособленный для французской публики) серіи писемъ о «Россіи и Польшѣ». Эти письма будутъ отвѣтомъ на три или четыре статьи, опубликованныя поляками въ Парижѣ [2]). Надо сообщить вамъ основную мысль этихъ писемъ. Въ моихъ глазахъ Польша представляетъ собою *старую цивилизацію* въ славянскомъ мірѣ,—и это при всей ея трагической красотѣ, при всѣхъ преимуществахъ несчастія, со своими героическими воспоминаніями, стремленіемъ къ свободѣ, просвѣщеннымъ католицизмомъ и радикальной аристократіей; все это прекрасно, но все это не жизнеспособно. *Мы*, русскіе, ненавидимъ свое двойное прошлое: московское преданіе и петербургскую *статистику*; мы—изгои человѣчества, наше племя—помѣсь съ татарами, финнами, туранскими народами. Западная цивилизація становится намъ ненавистной, разъ она колеблется

---

[1]) Corresp. IX, стр. 347—350.

[2]) Герценъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о тѣхъ двухъ своихъ письмахъ „Россія и Польша", которыя были напечатаны въ №№ 65—67 *Колокола* за 15 марта и 1 апрѣля 1860 г.

перейти Рубиконъ и вступить въ соціализмъ. Мужицкій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія—это *татары, произведенные въ нѣмцы*. Народъ выставляетъ, вмѣсто *права на трудъ*, даровое *право на землю*, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель.

«Если это подходитъ для васъ, я примусь за переводъ. Но за время пребыванія въ Лондонѣ я забылъ французскій языкъ, такъ что придется выправить слогъ и орѳографію.

«Я поговорю о вашемъ изданіи въ «Колоколѣ»: васъ любятъ и почитаютъ въ Россіи. Вашими врагами въ Россіи являются экономисты, сторонники полнаго laissez-faire, либералы оттѣнка Ламартинъ—Одиллонъ Барро; но быть предметомъ ненависти этихъ кретиновъ—чистое удовольствіе.

«Имѣется ли проспектъ вашего изданія? Я напечаталъ бы его въ «Колоколѣ». Если вы будете называть имена вашихъ сотрудниковъ, назовите и меня. Огаревъ (онъ занимается спеціально общиннымъ, экономическимъ и административнымъ устройствомъ въ Россіи)—одинъ изъ самыхъ выдающихся людей—хочетъ прислать вамъ кое-что и впередъ вамъ напишетъ.

«Нашъ Людовикъ XVI [1]), Александръ, хоть и дуется на насъ, но читаетъ насъ неизмѣнно. Съ мѣсяцъ тому онъ написалъ на одномъ докладѣ вн. дѣлъ: «Я читалъ это въ Колоколѣ еще двѣ недѣли назадъ». Онъ начинаетъ безумствовать: произведенъ рядъ арестовъ и затѣянъ политическій процессъ—первый за это царствованіе».

7.

Какъ показываетъ письмо Прудона къ Герцену отъ 21 апрѣля 1861 г. (въ отвѣтъ на утраченное письмо Герцена отъ 13-го) [2]), сношенія между ними не прекращались и позднѣе. Въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды» (1859) Герценъ напечаталъ ту часть «Былого и Думъ», которая содержитъ разсказъ объ изданіи «Voix du peuple» и характеристику Прудона. Для насъ неважно знать, вѣрна ли эта характеристика объективно; но она, безъ сомнѣнія, въ высшей степени характерна для самого Герцена. Онъ совершенно игнорируетъ положительную сторону дѣятельности и ученія Прудона: согласно своему общему взгляду на европейскій міръ, онъ видитъ въ Прудонѣ только разрушителя и цѣнитъ въ немъ только идущее до конца безстрашіе аналитической мысли. Онъ говоритъ, что у Прудона нѣтъ никакой системы, что онъ просто изучаетъ и объясняетъ процессъ разложенія старой Европы и въ своей критикѣ не останавливается даже передъ освященными символами и кумирами революціи. Высшая его похвала Прудону—что онъ «перенесъ нравственность на единственную реальную почву—грудь человѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ «развѣ его». И потому онъ прощаетъ

[1]) Такъ назвалъ Александра II въ своемъ письмѣ Прудонъ.
[2]) Corresp. XI, p. 21.

Прудону всѣ ошибки и противорѣчія,—но когда Прудонъ, «великій иконоборецъ», испугался освобожденной человѣческой личности, и, освободивъ ее отвлеченно, повелъ на закланіе богу безчеловѣчному, холодному богу *справедливости*», новому кумиру,—Герценъ съ грустью закрылъ его книгу: «Тяжкое... тяжкое время!.. Разлагающій воздухъ его одуряетъ сильнѣйшихъ»...

Прудонъ умеръ 19 января 1865 г. Въ нумерѣ «Колокола» отъ 1 февраля (л. 194) Герценъ посвятилъ ему коротенькій, задушевный некрологъ. Здѣсь—та же оцѣнка, чрезвычайно отчетливая,—не со стороны положительныхъ результатовъ, а со стороны *метода*. «Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ деалектическій таранъ. Можетъ онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное, онъ двигалъ, онъ все двигалъ, все покачивалъ, все затрагивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навыкомъ понятія и принятый безъ критики церемоніалъ. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли—дерзкой снаружи, волнующейся на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ слоѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной,—туда-то и проникалъ Прудонъ, и несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидація*—нравственно недвижимыхъ имуществъ».

Мишле.

Осенью 1856 года въ фельетонѣ газеты *Avénement du peuple* были напечатаны статьи Мишле о Косцюшкѣ—первая изъ его «Сѣверныхъ демократическихъ легендъ». Это была не простая біографія. Цѣль Мишле заключалась въ томъ, чтобы высказать порабощенной Польшѣ свое горячее сочувствіе и особенно свою вѣру въ ея будущее, въ ея великое всемірно-историческое назначеніе. Для этого ему пришлось развить полную философію русской и польской исторіи: эта философія исторіи и являлась основнымъ содержаніемъ очерка, біографія же Косцюшко служила лишь иллюстраціей къ ней.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мишле—цѣликомъ или въ изложеніи—читалъ знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева (онъ и упоминаетъ о немъ) и именно отсюда заимствовалъ свои главныя мысли о русскомъ народѣ. Но онъ самостоятельно обосновалъ и дополнилъ ихъ, а главное—горькое проклятіе Чаадаева подъ его перомъ превратилось въ безпощадный и враждебный приговоръ. Что внушило гуманному, благородному, мягкому Мишле эту жестокость и злобу, съ которыми онъ предсказывалъ или, вѣрнѣе, констатировалъ духовную гибель русскаго народа?—Тутъ соединились разныя причины. Главною изъ нихъ было, разумѣется, состраданіе къ Польшѣ и естественная ненависть къ ея поработителямъ. Далѣе, Мишле приступилъ къ размышленію о Россіи не только безъ знакомства съ нею, но такъ ска-

зать, во всеоружіи невѣжества: перечитавъ все, что было писано о ней европейцами, прочитавъ даже знаменитую книгу Гакстгаузена о русской общинѣ (она вышла въ 1847 году), Мишле, конечно, не узналъ психологіи русскаго народа, но зато пріобрѣлъ увѣренность въ своихъ сужденіяхъ о ней, и это увѣренное невѣжество, въ соединеніи съ галльской склонностью къ стройнымъ схемамъ, позволило ему на почвѣ чаадаевскихъ посылокъ воздвигнуть такую философію русской исторіи, въ которой нѣтъ ни русскаго, ни обще-историческаго правдоподобія. Наконецъ, не осталось безъ вліянія и то, что эти статьи писались наканунѣ переворота 2 декабря; душа Мишле была полна горечи и острой ненависти къ деспотизму, надвигавшемуся на Францію, и къ деспотизму вообще,—а это неминуемо должно было придать сугубую страстность его враждѣ къ царской Россіи.

Но въ послѣдней главѣ, какъ бы желая смягчить свой приговоръ, Мишле заявляетъ, что онъ далекъ отъ безнадежности чаадаевскаго взгляда на Россію: онъ видитъ искру подъ гробовой плитой. Къ этимъ словамъ онъ сдѣлалъ такую выноску: «Эта искра—не въ той ли она чудесной брошюрѣ, которая только что появилась? Авторъ, русскій по рожденію, но отчасти и съ благороднѣйшей рейнской кровью въ жилахъ, пишетъ на нашемъ языкѣ съ поразительной силой, которая разоблачаетъ его анонимъ и обнаруживаетъ всюду пламеннаго патріота. Я десять разъ перечитывалъ ее съ изумленіемъ. Мнѣ чудилось—древніе герои Сѣвера безпощаднымъ мечемъ начертали здѣсь приговоръ этому жалкому міру... Увы! Это приговоръ не одной Россіи, но и Франціи и Европѣ.—«Мы бѣжимъ изъ Россіи, говоритъ онъ; но Россія —всюду, Европа—тюрьма».—Но пока въ Европѣ есть такіе люди, еще нельзя отчаяваться». Мишле говоритъ о французской брошюрѣ Искандера—Герцена «Развитіе революціонныхъ идей въ Россіи», вышедшей лѣтомъ этого года (1851). Очевидно онъ еще не зналъ Герцена лично, но уже слышалъ о немъ отъ общихъ друзей.

Отвѣтъ Герцена на статьи Герцена о Косцюшкѣ («Русскій народъ и соціализмъ») появился уже черезъ мѣсяцъ или два послѣ нихъ. Какъ разъ въ этотъ промежутокъ и завязалась переписка между Герценомъ и Мишле. Кто началъ ее, мы не знаемъ; но вотъ первое изъ сохранившихся тридцати писемъ Мишле. Оно не датировано. Герценъ жилъ въ это время въ Ниццѣ, куда только что вернулась къ нему и Наталія Александровна.

«Я былъ счастливъ,—писалъ Мишле,—по крайней мѣрѣ отчасти выразить въ моихъ польскихъ и русскихъ легендахъ мое глубокое уваженіе къ вашему таланту и характеру. Надѣюсь при случаѣ поговорить о вашей книгѣ обстоятельно и *по душѣ*.

«Пожалуйста, не судите этихъ легендъ по крайне неточному тексту, который появился въ газетѣ. Я собираюсь перепечатать ихъ книгою, и не премину доставить ихъ вамъ очищенными отъ типографскихъ и многихъ моихъ собственныхъ ошибокъ. Я вычеркну особенно мой несправедливо рѣзкій отзывъ о русской литературѣ. Мнѣ жаль сказаннаго мною о славныхъ патріотахъ, великая заслуга которыхъ заключалась въ томъ, что они своими головами приподня-

ли этотъ страшный ледяной сводъ и открыли хоть малую щель, чтобы погребенный народъ могъ нѣсколько вздохнуть.

«Мнѣ говорили, что вы собираетесь напечатать нѣкоторыя замѣчанія на мои легенды. Если это такъ, каковы бы они ни были, я буду вамъ благодаренъ за эту высокую честь и приложу всѣ старанія, чтобы дать вашей критикѣ возможно большое распространеніе.

«Вѣрьте, что узы, соединяющія меня съ вами, слишкомъ прочны, чтобы какое нибудь внушеніе литературнаго тщеславія могло порвать или ослабить ихъ. Меня связываетъ съ вами и общность убѣжденій, и общность друзей, память Бакунина и всѣхъ великихъ патріотовъ, русскихъ и польскихъ, нашего времени».

Этимъ письмомъ, повидимому, и было положено начало перепискѣ. Герценъ отвѣчалъ, и слѣдующее письмо Мишле уже было отвѣтомъ на его письмо. У нихъ оказалось много общихъ интересовъ и, очевидно, также теплое взаимное чувство. Со стороны Мишле письма такъ и посыпались; послѣ перваго, сейчасъ цитированнаго, они слѣдуютъ другъ за другомъ въ такихъ разстояніяхъ: 21 и 27 октября, 3, 7, 11, 17, 21, 30 ноября.

Здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. Кто-то, общій знакомый, вѣроятно участникъ революціи 48-года, томясь въ тюрьмѣ, по слухамъ началъ выдавать; Герценъ, повидимому, посылаетъ Мишле статейку, гдѣ опровергаетъ эти слухи, съ просьбою помѣстить ее въ какой-нибудь газетѣ посмѣлѣе; такъ надо понять начало письма Мишле отъ 21 октября. Онъ пишетъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобы статейка была помѣщена, и что надѣется на успѣхъ: «Они нерѣшительны и робки, но напечатаютъ. Я думаю въ *post-scriptum*'ѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ несчастномъ; хочу сказать, главное, что изъ него невозможно извлечь что либо по той простой причинѣ, что онъ ничего не зналъ. Всѣ знали его непринужденность, открытый характеръ и героическую нескромность, и никто не рискнулъ бы довѣрить ему что нибудь. Эта ужасная вѣсть рѣзнула меня по сердцу. Я утѣшалъ себя мыслью, что онъ умеръ. Насколько это было бы лучше, нежели стать игрушкою тигровъ!..»

По поводу толковъ о намѣреніи Николая отмѣнить крѣпостное право Мишле высказываетъ свое предположеніе, что царь старается только запугать дворянство, но въ сущности ничего не думаетъ сдѣлать для крестьянъ; желая опровергнуть эти вредные слухи съ фактами въ рукахъ, онъ проситъ у Герцена совѣта и литературныхъ указаній. Онъ спрашиваетъ, есть ли портреты Пестеля, Рылѣева и Бакунина (онъ хотѣлъ бы помѣстить ихъ въ своемъ «кіотѣ»), добивается знать, вѣритъ ли Герценъ слуху о смерти Бакунина, проситъ у него біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ, чтобы воспользоваться ими при переизданіи своихъ сѣверныхъ легендъ, сообщаетъ ему о своихъ хлопотахъ по разсылкѣ «Развитія революціонныхъ идей въ Россіи» во французскія газеты для отзыва (конечно, по просьбѣ Герцена).

Между ними, повидимому, было условлено, что рукопись своей критики на «Легенду о Косцюшкѣ» Герценъ пришлетъ Мишле, который постарается помѣстить ее въ какомъ нибудь изъ передовыхъ

французскихъ органовъ печати. Въ началѣ ноября статья была въ рукахъ Мишле; это, какъ извѣстно, «Русскій народъ и соціализмъ». Восторгъ Мишле не зналъ границъ. 3 Ноября, тотчасъ по полученіи рукописи, онъ пишетъ Герцену: «Каждое ваше слово *дѣло*. На этотъ разъ ваша рѣчь тронула меня до слезъ. Нѣтъ, вы не погибнете. Мы спасемся всѣ вмѣстѣ. Франція воскреснетъ въ 52 году, и міръ еще будетъ жить. Вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ,—авангардъ человѣчества. Избави меня Богъ спорить съ тѣми, кто занимаетъ этотъ почетный постъ! Еще до полученія вашихъ замѣчаній я исправилъ сказанное мною о русской литературѣ». Онъ пишетъ, что въ новомъ изданіи своей легенды онъ публично выразитъ Герцену свою благодарность и изложитъ свои сомнѣнія по частнымъ пунктамъ, самую же статью Герцена постарается устроить въ какой нибудь ежедневной газетѣ, если же не удастся, то въ журналѣ. Очевидно, ему не удалось ни то, ни другое: статья Герцена была издана сразу отдѣльно, еще въ томъ же 1851 году, въ Ниццѣ [1]).

Недѣлю спустя послѣ этой рукописи Мишле получилъ отъ Герцена другую, именно—просимыя біографическія свѣдѣнія о Бакунинѣ. «Только что,—пишетъ онъ 11 ноября, съ радостью получилъ вашу прекрасную замѣтку, полную душевной теплоты и благородства, какъ все, что вы пишите. Скажу откровенно, я считаю васъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей на нашемъ языкѣ, кто же осмѣлится васъ исправлять? Я извлеку большую пользу изъ этого прекраснаго письма для тѣхъ немногихъ словъ, которыя и говорю о Бакунинѣ въ концѣ моихъ «Русскихъ мучениковъ», первый экземпляръ коихъ вы скоро получите. Но необходимо, чтобы оно кромѣ того было напечатано *цѣликомъ* въ газетахъ съ прибавкою нѣсколькихъ словъ въ началѣ и концѣ. Мнѣ очень хочется, *если вы позволите это*, сдѣлать изъ него такое употребленіе, которое, я увѣренъ, пришлось бы по душѣ бѣдному Бакунину, если бы онъ былъ живъ: именно, использовать ваше письмо для прокормленія семьи, умирающей съ голоду. Я поручу его пополненіе одному бѣднягѣ, заслуживающему впрочемъ всякаго уваженія, Леону Ноэлю, которому приходится содержать жену, дѣтей, отца и мать. Онъ помѣститъ его или въ *Avénement*, или въ *National*. Въ газетахъ уже было кое-что о Бакунинѣ, но, я думаю, онѣ не откажутся помѣстить такую подробную, вразумительную и краснорѣчивую замѣтку, какъ ваша. Отвѣчайте мнѣ объ этомъ какъ можно скорѣе. Я ничего не предприму до полученія вашего согласія».

Въ половинѣ ноября, въ *Avénement*, конечно стараніями Мишле, были помѣщены обширные выдержки изъ письма Герцена къ Мишле съ замѣткой отъ редакціи: «Чтеніе «Демократическихъ легендъ» г. Мишле, помѣщенныхъ въ *Avénement*, вызвало со стороны одного изъ наиболѣе выдающихся патріотическихъ писателей Россіи отвѣтъ, трогательное краснорѣчіе котораго заставитъ биться всѣ сердца. Спѣшимъ представить отрывки изъ него друзьямъ свободы во всѣхъ странахъ» [2]).—Теперь Мишле предлагалъ большую статью Герцена о Ба-

---

[1]) Что касается поправокъ въ первомъ отдѣльномъ изданіи „Легенды о Косцюшко“, то, не видѣвъ этого изданія, мы не можемъ о нихъ судить.

[2]) Avénement du peuple, № 63, отъ 19-го ноября 1851 г.

кунинѣ отдать (какъ сказано, съ поправками Ноэля) въ National, и тамъ же помѣстить другую полученную имъ одновременно статью Герцена—о Петрашевскомъ. Но обѣ статьи, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, оставались въ рукописи еще лѣтомъ слѣдующаго 1852 г., когда Мишле писалъ Герцену, что его статья о Бакунинѣ («передѣланная на мой ладъ») и статья о Петрашевскомъ будутъ напечатаны «на-дняхъ» [1]).

Правда, въ промежуткѣ обоимъ было не до литературы: 16-го ноября утонули мать и сынъ Герцена, 2-го декабря Людовикъ Бонапартъ объявилъ себя господиномъ Франціи. 30-го ноября Мишле писалъ: «M-r Мишле, узнавъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ m-r Герцена, пораженъ глубокой скорбью. Онъ знаетъ несокрушимую силу его характера и надѣется, что и на этотъ разъ онъ устоитъ противъ судьбы. Какъ перенесла m-me этотъ ужасный ударъ?» А спустя пять недѣль послѣ переворота, 10-го января 1852 г., онъ пишетъ: «Если можете, извѣщайте меня о вашемъ здоровьи и здоровьи вашей супруги. Мое сердце съ вами. Я раненъ, *но не мертвъ*. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были здѣсь; я сказалъ бы вамъ всю мою мысль. Состояніе больного вовсе не безнадежно. Не придавайте кризису слишкомъ большого значенія. Эту микстуру надо было проглотить; онъ принялъ ее потому, что хотѣлъ выздоровѣть. Безъ этого сильнаго рвотнаго онъ навсегда остался бы прикованнымъ къ постели: это метода Разори—500 гранъ рвотнаго... Лишь только рвотное подѣйствуетъ а этого недолго ждать,—онъ совершенно оправится». Это письмо, писанное эзоповскимъ языкомъ, подписано одной только буквой М.: такъ приходилось остерегаться въ тѣ мрачные дни, когда людей во Франціи хватали тысячами и судили военно-административнымъ судомъ безъ права обжалованія.

16-го марта Мишле, обезпокоенный молчаніемъ Герцена, проситъ у него свѣдѣній о состояніи здоровья Наталіи Александровны. При этомъ онъ разсказываетъ исторію того рисунка, который онъ надняхъ послалъ Герцену. За столомъ у него шелъ разговоръ о несчастіи, постигшемъ Герцена, и особенно о словахъ послѣдняго въ письмѣ къ Мишле: «Я погибъ вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ» (J'ai péri avec un monde). Среди находившихся здѣсь друзей былъ извѣстный скульпторъ Огюстъ Прео (Préaut): онъ-то, подъ впечатлѣніемъ этого разговора, и набросалъ рисунокъ: *Скорбь, владѣющая міромъ, терзающая его и приводящая его въ движеніе:* она попираетъ ногами земной шаръ, который вертится, не подвигаясь впередъ; даль—это либо море, либо Сибирь, вообще—безплодная безконечность, по выраженію Гомера. «Примите этотъ рисунокъ, какъ свидѣтельство горячей симпатіи, которую питаетъ къ вамъ здѣсь все, что мыслитъ, какъ залогъ глубокой связи между великими художниками и славными патріотами всѣхъ странъ».

[1]) Статья о Бакунинѣ, повидимому, такъ и не попала въ печать. Въ январѣ 55 года Мишле пишетъ Герцену, что хотѣлъ помѣстить „нашу статью о Бакунинѣ“ въ одномъ журналѣ, но редакторъ отвѣтилъ ему, что не желаетъ закрывать себѣ доступа въ Россію.

Герценъ посвятилъ Мишле и въ ту исторію увлеченія Наталіи Александровны Гервегомъ, которая разсказана въ ненапечатанной доселѣ пятой части «Былого и Думъ». Эта исторія вообще получила большую огласку въ эмигрантскихъ кругахъ, и Герценъ глубоко страдалъ отъ кривотолковъ, отъ инсинуацій своихъ недруговъ или друзей Гервега. Болѣзненная чуткость, съ которою онъ воспринималъ все касавшееся этого дѣла, лишала его самообладанія и толкала на ложные шаги; онъ метался, какъ раненный звѣрь, изнемогая отъ боли и ярости, и если уцѣлѣлъ и не надѣлалъ безумствъ, то это была заслуга нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, которые своимъ сердечнымъ участіемъ поддержали и сдержали его. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и Мишле. Съ горячей любовью и нѣжной деликатностью писалъ онъ Герцену въ эти дни. Онъ самъ, уже почти старикъ, переживалъ тогда тяжелое время. Въ 1851 году онъ за пропаганду демократическихъ идей былъ лишенъ каѳедры въ Collége de France,—теперь, въ іюнѣ 1852 г., за отказъ дать присягу, онъ потерялъ свою службу въ Національномъ архивѣ и принужденъ былъ покинуть Парижъ.

2-го мая 1852 года умерла Наталія Александровна, а въ концѣ іюня Мишле изъ Нанта писалъ Герцену: «Нечего говорить вамъ, съ какимъ глубокимъ волненіемъ я узналъ объ этомъ новомъ несчастіи, постигшемъ васъ. Чувство вашего положенія превозмогло мою собственную грусть,—ибо что я потерялъ въ концѣ концовъ? Возможность жить въ Парижѣ, возвышенное общеніе съ публикою, которымъ я жилъ такъ давно, наконецъ мое трудовое уединеніе въ архивѣ, гдѣ я провелъ 22 года. Нѣтъ, все это ничто въ сравненіи съ невыразимой скорбью, павшей на васъ. Братъ! я давно написалъ бы вамъ, еслибы не это разореніе моего очага. Въ два мѣсяца я трижды мѣнялъ мѣсто жительства: изъ Терна въ Парижъ, и изъ Парижа въ Нантъ. Два обстоятельства побудили меня поселиться здѣсь. Во-первыхъ, дешевизна жизни (мой небольшой доходъ цѣликомъ уходитъ на уплату двумъ пансіонамъ за моихъ дѣтей); во-вторыхъ, въ нантскомъ архивѣ я нахожу цѣнные документы для окончанія моей исторіи революціи, что возьметъ у меня, можетъ быть, годъ, если только улучшеніе общихъ условій не позволитъ мнѣ вернуться въ Парижъ. Я хотѣлъ бы быть съ вами и видѣть вашу душу, знать, какъ ваше мужественное сердце переноситъ эти великія страданія; это дало бы мнѣ силу для меня самого. Я увѣренъ, что испытаніе не превышаетъ вашихъ силъ. *Magno magna.* Съ тѣхъ поръ, какъ и я сталъ изгнанникомъ, я чувствую себя въ болѣе тѣсномъ общеніи съ вами, и тѣмъ болѣе братски я жму вашу руку, дорогой и великій патріотъ».

Въ отвѣтъ на письма Герцена о дѣлѣ Гервега Мишле писалъ: «Ради Бога, не думайте, что у меня на одну минуту возникло сомнѣніе въ отношеніи тѣхъ интимныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Очевидно, я дурно выразился въ моемъ письмѣ. Напротивъ, во мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ безусловнаго довѣрія и благоговѣнія къ вамъ. Да, именно благоговѣніе чувствую я, читая вашъ возвышенный манифестъ о союзѣ Россіи съ Польшою. Эти строки исторгаютъ слезы нѣжности и удивленія». Другой разъ онъ пишетъ, очевидно—о томъ же дѣлѣ: «Позвольте мнѣ дать вамъ братскій со-

вѣтъ. Изложивъ ситуацію тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые пользуются нравственнымъ авторитетомъ,—бросьте дѣло; когда ожидаемыя обстоятельства явятся, оно пойдетъ своимъ путемъ. Первая забота демократіи будетъ состоять въ томъ, чтобы очиститься и запретить безчестнымъ людямъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ этомъ письмѣ Мишле сообщаетъ, что онъ установилъ въ своемъ салонѣ на первомъ мѣстѣ портретъ «нашего Бакунина». Этотъ портретъ рисовала для него осенью 1851 года Наталія Александровна,—и потому, говоритъ Мишле, онъ дорогъ ему вдвойнѣ: ради Бакунина и ради нея. Это письмо онъ кончаетъ словами: «Сердечно жму вашу руку, дорогой другъ и дорогой братъ».

Съ половины 1852 года, когда Герценъ переселился въ Лондонъ, наступаетъ долгій перерывъ въ перепискѣ. Она возобновляется, по почину Герцена, въ началѣ 1855 года и, то учащаясь, то снова прерываясь надолго, тянется до конца жизни Герцена; за эти 15 лѣтъ накопилось, со стороны Мишле, 16 писемъ.

Теперь это была обыкновенная дружеская переписка двухъ писателей, сердечно симпатизирующихъ другъ другу и глубоко уважающихъ одинъ другого, но раздѣленныхъ пространствомъ и разностью умственныхъ интересовъ. Мишле неизмѣнно посылаетъ Герцену каждую свою новую книгу и при этомъ обыкновенно въ письмѣ объясняетъ ея характеръ или цѣль; часто онъ проситъ у него содѣйствія по разсылкѣ своихъ книгъ англійскимъ редакціямъ. И точно также Герценъ посылаетъ ему свои писанія и изданія, и Мишле заботится о появленіи отзывовъ во французскихъ журналахъ и старается пристроить у издателей французскій переводъ «Тюрьмы и ссылки».

Онъ по-старому обожаетъ Герцена, какъ человѣка и писателя, и по-прежнему съ интересомъ слѣдитъ за русскиму дѣлами. «Мое сердце среди васъ», пишетъ онъ однажды. Онъ проситъ свѣдѣній о дѣятельности лондонской типографіи! «Это мнѣ нужно знать ради великаго дѣла—и ради васъ, дорогой другъ, чье благородное сердце послѣ столькихъ несчастій нашло въ немъ убѣжище». «Какъ обстоитъ дѣло съ вашей «Полярной Звѣздой» и другими вашими изданіями? Это меня крайне интересуетъ. Удалось ли вамъ завязать сношенія съ этимъ темнымъ и неизмѣримымъ океаномъ—Россіей? Говорятъ, тамъ есть сердца, бьющіяся за свободу,—но въ какомъ кругу?»—и онъ радуется отвѣту Герцена, что «Полярная Звѣзда» пріобрѣла друзей въ Россіи, и отъ души привѣтствуетъ зарю русскаго пробужденія; онъ увѣренъ что при такихъ условіяхъ Герценъ долженъ былъ стать въ Россіи «королемъ сердецъ и властителемъ умовъ». Онъ былъ счастливъ, узнавъ, что Бакунинъ живъ: «Его легенда, его заключеніе, его смерть—все это сотни разъ вспоминалось мнѣ ночью». Когда въ 59 году Герценъ прислалъ ему портретъ свой и Чаадаева, онъ писалъ: «Сердечно благодарю васъ за прекрасныя гравюры. Похожъ ли вашъ портретъ? или васъ такъ измѣнила борода? Портретъ Чаадаева изумителенъ. Онъ запечатлѣнъ глубокой мыслью невѣдомаго міра». Получивъ лондонское изданіе записокъ Екатерины II, Мишле пишетъ: «Я рѣдко читалъ что-нибудь болѣе интересное и что лучше позволяло бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ нащупать самую основу натуры,

нежели ваши *Мемуары* Екатерины. Вы вѣрно сказали въ вашемъ чудесномъ введеніи: во всемъ этомъ недостаетъ одного -Россіи. Династическое таинство созданія наслѣдника *во что бы то ни стало* было уже раньше постигнуто одной датской королевой, но здѣсь оно было осуществлено, по признанію самой паціентки, гораздо лучше. Все это замѣчательно, да недурно и то, что она говоритъ дальше,—что первый мужчина былъ неваженъ, и второй былъ неваженъ, такъ шутъ гороховый, и третій плохъ (это о Понятовскомъ); это должно было внушить паціенткѣ отчаянное презрѣніе къ мужчинамъ. По одному слову уже можно догадаться, что, примирившись со столькими вещами, она пойдетъ и на убійство Петра III. Это настоящая заслуга съ вашей стороны, и большое мужество. О такихъ вещахъ династіи помнятъ вѣрнѣе, нежели о какой бы то ни было политической оппозиціи. Искреннимъ и теплымъ чувствомъ проникнуты строки Мишле, когда онъ касается личности Герцена. Въ 1861 г., по выходѣ во французскомъ переводѣ перваго тома. «Былого и Думъ», онъ пишетъ: «я только что съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ вашу прелестную книгу. Въ ней тысяча вещей, трепещущихъ жизнью; еврейскіе мальчики, встрѣча съ женщиной вечеромъ—исторгаютъ слезы. Необыкновенно трогательно любовное свиданіе на кладбищѣ. Все это такъ живо напомнило мнѣ самыя тяжкія ваши страданія,—мое сердце скорбитъ о нихъ; и у меня есть драгоцѣнное напоминаніе объ этой прелестной женщинѣ—портретъ Бакунина, который она была такъ добра нарисовать для меня. «Иногда письма Герцена служили ему поддержкою въ его собственныхъ скорбяхъ; такъ было, когда онъ потерялъ дочь, такъ и въ другой разъ онъ пишетъ: «для меня утѣшеніе въ моихъ тѣлесныхъ немощахъ получить письмо вродѣ вашего и чувствовать, что *наша церковь*, правовѣрная церковь, крѣпнетъ и сплачивается».

Когда Герценъ умеръ, Мишле было уже 72 года. Два года спустя, находясь временно во Флоренціи, гдѣ сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, былъ профессоромъ университета, онъ перечиталъ свои письма къ Герцену и, возвращая ихъ, писалъ А. А-чу, что они напоминали ему его «страсть» къ его отцу и къ Мицкевичу, изъ которыхъ каждый воплотилъ въ себѣ сліяніе Россіи съ Польшею. «Господи! какъ я ихъ любилъ! И какой идеалъ будущаго!» Напомнили они ему и многое другое; въ Пизѣ, куда онъ ѣдетъ теперь, онъ хотѣлъ бы опять почитать о Россіи: «не знаете ли вы тамъ кого-нибудь, кто хоть немного интересуется этими вещами?»

В. Гюго, Кинэ, Луи-Бланъ и др.

1.

Былъ ли Герценъ лично знакомъ съ В. Гюго, мы не знаемъ. Приступая къ изданію «Полярной Звѣзды», онъ въ числѣ другихъ демократическихъ знаменитостей Запада просилъ о сотрудничествѣ и Гюго, и послѣдній — тогда самъ изгнанникъ — отвѣчалъ съ Джерсея (25 іюля 1855 года) восторженнымъ согласіемъ, котораго, разумѣется

не предполагалъ осуществить. Отрывокъ изъ этого письма Герценъ напечаталъ въ первой книжкѣ «Пол. Зв.», значительно смягчивъ въ своемъ переводѣ его необузданную риторичность.

Сохранилось, кромѣ этого, еще пять писемъ Гюго къ Герцену; [1]) почти всѣ они писаны въ отвѣтъ на присылку послѣднимъ его новыхъ книгъ и статей. Такъ по поводу статьи Герцена «Смерть Ст. Ворцеля», онъ писалъ ему 15 марта 1857 г.: «Дорогой изгнанникъ и дорогой братъ по скитаніямъ! Благодарю за ваши великія и благородныя слова о доблестномъ умершемъ. Вы сказали о Ворцелѣ, какъ Ворцель сказалъ бы о васъ. Но вы—живите. Живите для борьбы, которой нужны свѣтлыя сердца и лучезарные умы, какъ ваши. Жму вашу руку. Викторъ Гюго». Годъ спустя, очевидно по полученіи «La France ou l'Angleterre»? Гюго пишетъ (13 апрѣля 1858 г.): «Ваше сочиненіе, мой доблестный и дорогой согражданинъ, существенно, какъ мысль, и сильно, какъ убѣжденіе. Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня — одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва — единеніе человѣчества. Вы освѣтили положеніе яркимъ лучемъ; я согласенъ съ вами почти во всемъ, и отъ полнаго сердца, съ кликомъ, смѣло впередъ! посылаю вамъ братское рукопожатье». Любопытно впечатлѣніе, вынесенное великимъ французскихъ поэтомъ изъ чтенія 1-го тома «Былого и Думъ», который вышелъ по фрацузски въ 1860 г. 15 іюля этого года, Гюго пишетъ Герцену: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію—(потому что изгнаніе—нынѣ отечество всѣхъ честныхъ душъ)—жму вашу руку. Благодарю васъ за прекрасную книгу, которую вы прислали мнѣ. Ваши воспоминанія—это лѣтопись счастья, вѣры, высокаго ума и добродѣтели. Вы мастеръ мыслить и страдать—два высшихъ дара, какими можетъ быть надѣлена душа человѣка. Поздравляю васъ отъ глубины сердца. — Въ этой прекрасной и доброй книгѣ я пожалѣлъ лишь объ одной страницѣ (218); вы больше, чѣмъ кто нибудь, были достойны оцѣнить великое поколѣніе 1830 года, которое во Франціи довершило революцію дѣла революціей идей, которое сразу породило соціализмъ и романтизмъ, т. е. новый міръ съ его глаголомъ, и которое нынѣ продолжаетъ свое апостольство сопротивленіемъ и свое служеніе—изгнанничествомъ. Когда-нибудь васъ охватитъ желаніе воздать ему справедливость, и вы прославите юношество 1830 гг. и заклеймите молодежь 1860-хъ. Исключая этой страницы, повторяю, ваша книга восхищаетъ меня отъ начала до конца. Вы внушаете ненависть къ деспотизму, вы помогаете раздавить чудовище; въ васъ соединились неустрашимый боецъ и смѣлый мыслитель. Я съ вами. Викторъ Гюго». Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ отъ Герцена остальные томы французскаго перевода «Былого и Думъ» и медаль въ память десятилѣтія вольной русской типографіи въ Лондонѣ, Гюго писалъ Герцену 16 мая 1864 г.: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію! Мнѣ подобаетъ благодарить васъ, и я благодарю васъ за медаль, благодарю за ваши прекрасныя воспоминанія, продолженіе которыхъ я буду читать съ тѣмъ же сочувственнымъ и глубокимъ интересомъ, съ какимъ чи-

[1]) См. кромѣ того „Колоколъ“ № 6 (1 дек. 1857 г.) и № 35 (1 февр. 1859 г.).

талъ начало; благодарю васъ наконецъ и особенно за то, что вы—вы, краснорѣчивый и доблестный человѣкъ, служащій дѣлу народовъ, русскій, реабилитирующій Россію писатель во имя прогресса и свободы, апостолъ-патріотъ и космополитъ».

Въ февралѣ 1863 года, въ разгарѣ польскаго возстанія, Герценъ напечаталъ въ «Колоколѣ» (листъ 156 ой) обращеніе Гюго къ русскому войску. Сохранилось письмо, при которомъ Гюго послалъ Герцену это воззваніе: «Мой доблестный братъ по борьбѣ и испытаніямъ! Одинъ русскій офицеръ написалъ мнѣ, прося о тѣхъ строкахъ, которыя я посылаю вамъ здѣсь. Напечатайте ихъ, воспользуйтесь ими, если думаете, что это можетъ быть небезполезно. Будемъ помогать другъ другу. Мы всѣ — одинъ народъ, и законъ — одинъ: пока нѣтъ свободы — освобожденіе, по освобожденіи — прогрессъ. Я слѣжу за вашей краснорѣчивой и побѣдоносной пропагандой; я рукоплещу вамъ и люблю васъ. В. Гюго».

2.

Въ „Посмертныхъ сочиненіяхъ“ Герцена есть *примѣчаніе* о Луи-Бланѣ, болѣе содержательное, чѣмъ цѣлая біографія, и опять таки необыкновенно характерное для самого Герцена и его отношенія къ Европѣ. „Когда я ближе познакомился съ Луи-Бланомъ, пишетъ онъ, меня поразилъ внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумѣніи все было въ порядкѣ и рѣшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромѣ второстепенныхъ прикладныхъ. Умъ его, подвижной въ ежедневныхъ дѣлахъ и подробностяхъ, былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта незыблемая увѣренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провѣтриваемая холоднымъ раціональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытывалъ, потому что вѣрилъ въ нее. Мозговая религіозность и отсутствіе скептическаго сосанія подъ ложечкой обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія».

Письма Луи-Блана къ Герцену, немногочисленныя и случайныя, любопытны тѣмъ, что непосредственно вводятъ насъ въ интересы, печали и дрязги той эмигрантской массы, среди которой Герценъ жилъ въ Лондонѣ. Вотъ два смежныхъ письма отъ 18 и 20 февраля 1857 года. Гражданинъ Кадэ, изгнанникъ, находится въ отчаянномъ положеніи; онъ безъ средствъ, а въ Бирмингемѣ ему навѣрное обѣщано мѣсто, которое обезпечитъ ему безбѣдное существованіе, но ему не на что добраться изъ Лондона въ Бирмингемъ. Луи-Бланъ его лично не знаетъ, но довѣряя представленной имъ рекомендаціи, самъ помогъ ему пятью шиллингами и проситъ о помощи для него и Герцена: «Въ числѣ тѣхъ изъ насъ, у кого великодушное сердце и кто менѣе бѣденъ, я назвалъ васъ, хотя хорошо знаю, какія тяготы вы несете и какъ много вы уже сдѣлали для нашихъ товарищей. Простите. Съ такой просьбою можно обратиться лишь къ человѣку, котораго уважаешь и любишь». Герценъ немедленно отозвался, прося

Луи-Блана вручить гражданину Кадэ за его счетъ фунтъ стерл. Луи-Бланъ благодаритъ его, и тутъ же пишетъ: «Очень сожалѣю, что не былъ на погребеніи нашего бѣднаго друга Ворцеля, но я тутъ ни при чемъ, такъ какъ ничего не зналъ: распорядители похоронъ либо забыли, либо не сочли нужнымъ извѣстить меня». Слѣдующее затѣмъ письмо, отъ 21 апрѣля 1858 г., опять просьба о помощи французскому эмигранту, бывшему кавалерійскому офицеру, высланному изъ Брюсселя за то, что имѣлъ у себя складъ джерсейской газеты «L'Homme». Далѣе Луи-Бланъ пишетъ: «Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я вашу краснорѣчивую брошюру (рѣчь идетъ о «La France ou l'Angleterre?»). Въ ней есть страницы, которыя я радъ былъ бы считать своими и гдѣ ваше сердце билось въ униссонъ съ моимъ. Но вы почти склонны думать, что Франція умерла, я же вопреки всей видимости чувствую въ ней жизнь. Что касается вашего утвержденія, что философія соціализма вся воплощена въ Прудонѣ, то я по совѣсти не могу согласиться съ вами. Скажу вамъ даже откровенно, что не понимаю этого. Но да здравствуетъ свобода мнѣній! Tradiditis mundum disputationibus eorum.»

Осенью 1860 г. между Герценомъ и Луи-Бланомъ возникла переписка, отъ которой уцѣлѣло только одно письмо послѣдняго (отъ 31 окт.) и предметомъ которой послужилъ, какъ видно, неблагопріятный отзывъ Герцена о французской революціонной власти 48 года. «Дорогой Герценъ,—пишетъ Луи-Бланъ. Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Я, разумѣется, ни одной минуты не думалъ, что ваше вступленіе относилось *лично* ко мнѣ, но я долженъ былъ думать, судя по тексту, что вы нападаете на временное правительство 48 года. Хотя я принадлежалъ къ меньшинству въ этомъ правительствѣ и роль моя въ немъ была отъ начала до конца оппозиціонной, тѣмъ не менѣе я не могу не признавать несправедливыми тѣ упреки, которыми теперь принято осыпать это правительство, остаюшееся все-таки однимъ изъ лучшихъ, какія знаетъ исторія. Оно могло сдѣлать и гораздо больше и гораздо лучше, пусть: не мнѣ отрицать это; но оно сдѣлало много, установивъ за два мѣсяца республику въ странѣ, еще глубоко взволнованной трагическими воспоминаніями 93 года, и если она была низвергнута, то отвѣтственность за это не можетъ падать на временное правительство, миссія котораго окончилась 4 мая 1848 года. Судить его надо по тѣмъ указамъ, которые оно обнародовало въ краткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, а между ними нѣтъ ни одного, который не являлся бы торжественной данью верховенству разума и человѣческому достоинству. Его великой ошибкой было то, что оно удалилось слишкомъ рано, грѣхъ, во всякомъ случаѣ, довольно необычный для правительства. Въ заключеніе прошу васъ простить мою обидчивость, обусловленную ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ справедливости».

3.

Въ той же мѣрѣ, какъ съ Луи-Бланомъ, Герценъ былъ близокъ въ Лондонѣ и съ другими выдающимися представителями фран-

цузской эмиграціи. Онъ сохранилъ на память—и вклеилъ въ свой альбомъ автографовъ—письмо Ледрю-Роллена, рекомендующее ему превосходное бургонское, которое берется доставлять одинъ его знакомый, эмигрантъ и прекрасный патріотъ,—коротенькую записочку (просьбу сообщить адресъ Виллиха) французскаго коммуниста Бартелеми (1854 г.), позднѣе казненнаго въ Англіи, записку Рибейроля, редактора джерсейской газеты l'Homme, извѣщающаго, что не можетъ сегодня прислать, какъ обѣщалъ, неизданные стихи В. Гюго, такъ какъ еще не получилъ изъ Бельгіи корректурнаго оттиска, и т. д. Всѣ они съ нимъ на короткой ногѣ, всѣ обращаются къ нему со словами «дорогой Герценъ», или, по крайней мѣрѣ «дорогой гражданинъ». Его общительность далеко оставляетъ за собой границы теоретическаго согласія: онъ пріятель и съ буржуазными республиканцами, и съ якобинцами соціализма, и Бартелеми кончаетъ свою записочку къ нему увѣреніемъ въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ, тотъ самый Бартелеми, который въ своей ненависти къ буржуазіи и буржуазному радикализму доходилъ до готовности истребить и Гюго, и Маццини, и Кошута, потому что—говорилъ онъ (и какъ близка была эта мысль Герцену!)—«чтобы революція десятый разъ не была украдена изъ нашихъ рукъ, надобно дома, въ нашей средѣ, сломить голову злѣйшему врагу. За прилавкомъ, за конторкой мы его всегда найдемъ,—въ своемъ станѣ слѣдуетъ его побить!»

4.

Переписка Герцена съ Кинэ относится къ послѣднимъ годамъ жизни перваго. Они познакомились, безъ сомнѣнія, еще въ началѣ 50-хъ годовъ (Кинэ былъ лучшимъ другомъ Мишле), Когда, въ 1865 г., вышла знаменитая книга Кинэ о революціи, Герценъ написалъ ему письмо, которое затѣмъ самъ напечаталъ въ «Колоколѣ», въ 5-мъ своемъ «Письмѣ къ будущему другу» («Кол.» 213, отъ 1 февраля 1866 г.). Въ этой книгѣ онъ опять увидѣлъ примѣръ западнаго человѣка, наполовину освободившагося внутренно, но неспособнаго освободиться вполнѣ, останавливающагося въ суевѣрномъ почтеніи передъ идеей собственности,—и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать Кинэ, что для того, чтобы выйти изъ разваливающагося зданія старой Европы, надо перешагнуть черезъ эту идею, и что на это способна только юная Россія со своимъ общиннымъ строемъ. Сохранился отвѣтъ Кинэ на это письмо. 4 января 1866 г. онъ писалъ Герцену: «Было бы очень досадно, еслибы ваше письмо оказалось только для меня; мнѣ больше всего жаль, что оно появится по-русски. Вы имѣете за себя традицію, фактъ, очень мало извѣстный намъ. Многіе изъ насъ обнимаютъ облако: сведите ихъ на землю». Очевидно, Герценъ сообщалъ Кинэ, что письмо его будетъ напечатано въ «Колоколѣ».

Въ эти годы они, повидимому, не разъ видались въ Швейцаріи, гдѣ жилъ тогда добровольнымъ изгнанникомъ Кинэ и куда часто наѣзжалъ Герценъ. Такъ, въ цитированномъ сейчасъ письмѣ (изъ Вейто) Кинэ пишетъ Герцену, что ждетъ его у себя завтра.

Годъ спустя въ томъ же Вейто жилъ и Мишле. Однажды Герценъ прочиталъ ему, въ присутствіи Кинэ, переводъ своей статьи «Мазурка», напечатанной въ «Колоколѣ» отъ 15 іюня 1867 г.—и оба они стали настойчиво убѣждать его послать эти блестящія страницы въ какую-нибудь парижскую газету. Но «вѣтеръ былъ неблагопріятенъ»—газета отказалась напечатать статью. Года полтора спустя, въ началѣ января 1869 г., т. е. тотчасъ по прекращеніи французскаго «Колокола», Герценъ получилъ отъ Кинэ слѣдующее письмо: «Одно слово—и тысяча пожеланій для васъ. Никто больше меня не сожалѣетъ о прекращеніи «Колокола». Его ничто не замѣнитъ. Мнѣ нужно поблагодарить васъ за пріятные часы, которыми я обязанъ вамъ. Каждый вашъ нумеръ былъ лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи. Я прошу васъ дать намъ по крайней мѣрѣ переводъ той неподражаемой «Мазурки», которую вы читали намъ въ Вейто». Когда затѣмъ Кинэ снова подтвердилъ эту просьбу при личномъ свиданіи въ Женевѣ, Герценъ рѣшилъ исполнить ее. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія Герцена къ отдѣльному французскому изданію «Мазурки», помѣченнаго 29 мая 1869 г. въ Женевѣ. Это рѣдкое теперь изданіе представляетъ собою тоненькую брошюрку всего въ 8 стр. подъ заглавіемъ: «*La Mazourka, un article du «Kolokol», dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen* (*Iskander*). Письмомъ отъ 16 іюня Кинэ благодарилъ Герцена за это посвященіе, и въ заключеніе писалъ отъ своего лица и отъ имени свой жены: «Какимъ вечеромъ мы обязаны вамъ! Какіе разсказы, какія краски, какая жизнь! Все это до сихъ поръ еще оживаетъ во мнѣ при всякомъ поводѣ. Если въ Брюсселѣ (куда ѣхалъ Герценъ) я смогу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, это будетъ честью для меня. Дайте мнѣ только знать. Добраго здоровья, счастливаго пути, и возвращайтесь къ намъ поскорѣе».

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Гершензонъ.

Дѣло Карпинскаго.

(1862 года).

„Въ 1862 г. былъ преданъ военному суду дворянинъ Каменецъ-Подольской губ. Іеронимъ Карпинскій за храненіе и пріобрѣтеніе запрещенныхъ книгъ, составленіе имъ самимъ политическихъ сочиненій предосудительнаго содержанія и распространеніе возмутительныхъ воззваній.

Карпинскій въ 1860 г. поступилъ въ университетъ, откуда въ 1864 г. былъ исключенъ; затѣмъ онъ въ качествѣ домашняго учителя проживалъ разныхъ помѣщиковъ въ Подольской губерніи. По полученіи полиціею свѣдѣній о пропагандической дѣятельности Карпинскаго, онъ былъ арестованъ. При обыскѣ у него оказались: нѣсколько запрещенныхъ книгъ; рисованный карандашемъ портретъ человѣка подъ висѣлицею съ веревкой на шеѣ, вѣнкомъ на головѣ и съ подписью—Артуръ-Черный Завиши, казненный въ 1833 г.; такой же карандашный портретъ ксендза Людвига Ясинскаго, со знаменемъ въ рукѣ и надписью—впередъ, братья, во имя Бога и отчизны, впередъ, маршъ; восемь польскихъ стихотвореній самого Карпинскаго, гдѣ Польша уподобляется мученицѣ въ цѣпяхъ рабства; пять прозаическихъ статей, между прочимъ и самого Карпинскаго, о возстановленіи Польши; воззваніе Карпинскаго къ подольскимъ дворянамъ.

„Деспотизмъ дописываетъ уже свои послѣднія страницы своихъ гнусныхъ дѣяній, излагалось въ воззваніи, движеніе въ Варшавѣ, это востокъ новой жизни, заря воскресенія; весь міръ теперь смотритъ на Польшу и искренне сочувствуетъ всякимъ признакамъ нашего пробужденія. Повсюду начался поворотъ къ завоеванію самобытнаго существованія. Варшавяне изъ ударовъ сердца составили адресъ къ Императору, съ домогательствомъ возстановленія Польши. Неужели одни мы будемъ засыпать въ лѣности? Неужели, держась особнякомъ, мы будемъ подкрѣплять мнѣніе Петербургскаго кабинета, что мы—россіяне? Нѣтъ! мы обманывали бы такимъ образомъ и свое отечество, и этихъ же самыхъ родственныхъ намъ россіянъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о какой вооруженной демонстраціи, но пора напомнить Европѣ, что и мы должны пользоваться такими же правами, какъ и жители Царства, потому что мы составляли одну съ ними семью. Сама Россія будетъ благодарна намъ за это, потому“ . . . . Здѣсь воззваніе обрывается.

Военный судъ приговорилъ Карпинскаго къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію. Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ заключить его въ крѣпости на четыре года. Это заключеніе было Высочайше конфирмовано 14 іюня 1862 г.“

Революціонеры во флотѣ.

(*Очеркъ второй* [1]).

Въ послѣдующіе годы вплоть до 1879 года намъ не случалось приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ революціонерами—этому было много причинъ.

Революціонеры въ то время не задавались цѣлью политическаго переворота и не признавали политической борьбы. Это былъ періодъ хожденія въ народъ и „Земли и Воли", а потому они не интересовались пропагандой среди войскъ и въ общемъ революціонные и радикальные кружки относились съ предубѣжденіемъ къ офицерской средѣ и мало знали ее.

Офицерство съ своей стороны совершенно не понимало революціонеровъ того времени и относилось къ нимъ съ неменьшимъ предубѣжденіемъ. Даже для болѣе образованнаго и оппозиціонно настроеннаго офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда въ революціонной средѣ почти анархическое міровоззрѣніе. Да и трудно было бы оставаться на службѣ при этомъ міровоззрѣніи. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Не легко было оставаться на службѣ и государственнику, враждебно настроенному противъ правительства, но тамъ было объясненіе, была цѣль и нѣкоторое право, опиравшееся на формулу „служба государству, а не правительству". У революціонера же того времени не было ни смысла, ни оправданіи для продолженія службы, а потому совершенно понятно, что тѣ сравнительно рѣдкіе офицеры, которые проникались господствовавшимъ тогда ученіемъ, спѣшили оставить службу и уйти въ ту среду, которая стремилась провести это ученіе въ жизнь. Въ общемъ-же офицеры, какихъ бы политическихъ воззрѣній не держались, въ большинствѣ случаевъ всегда государственники. Среди нихъ попадались люди, любившіе народъ, готовые сочувствовать всякимъ политическимъ и экономическимъ реформамъ, которые могли бы вывести народъ изъ его печальнаго униженнаго положенія. Были среди нихъ и люди понимавшіе, что тогдашній политическій строй былъ вреденъ для страны и которые отнеслись бы сочувственно къ измѣненію его даже насильственнымъ

---

[1]) См. „Былое", февраль 1907 г.

путемъ. Но не только господствовавшій въ то время анархизмъ, но и соціализмъ былъ вполнѣ чуждъ для нихъ.

Выше я говорилъ только о незначительномъ меньшинствѣ. Огромное же большинство офицеровъ не имѣло никакого представленія не только о политикѣ, но даже о своей собственной роли въ государствѣ. Они были преданы Императору и Россіи, но какія обязанности возлагала на нихъ эта преданность и въ чемъ она могла выразиться (кромѣ, конечно, участія въ сраженіяхъ), они себѣ не представляли. Да имъ и трудно было себѣ это представить, такъ какъ по большей части все промежуточное между Императоромъ и ими они не уважали и постоянно жаловались на все окружающее; среди нихъ господствовало недовольство довольно сильное, но неясное и неопредѣленное.

Насколько офицеры въ то время придавали мало значенія политическимъ убѣжденіямъ и тому или иному отношенію къ тогдашнему правительству, ярко характеризуется нѣкоторыми эпизодами, о которыхъ я буду говорить далѣе; теперь же приведу для иллюстраціи одинъ случай.

Среди моихъ товарищей и личныхъ пріятелей былъ нѣкто А. П., очень неглупый человѣкъ, по происхожденію изъ старой дворянской семьи, весь пропитанный дворянскими традиціями, презиравшій мужика и всѣ сословія, кромѣ дворянскаго, ярый защитникъ самодержавія со всѣми его атрибутами. Онъ искренно ненавидѣлъ не только революціонеровъ, но и самыхъ скромныхъ либераловъ. Онъ былъ до того нетерпимъ, когда дѣло касалось политики, что между нами было рѣшено никогда не затрагивать политическихъ вопросовъ.

И вотъ, когда въ 1878 году былъ арестованъ Луцкій и разнесся слухъ, что ему грозитъ висѣлица, ко мнѣ прибѣгаетъ весь блѣдный А. П.

— Ты слышалъ, Есперъ? — воскликнулъ онъ — что нашего Владиміра Владиміровича хотятъ повѣсить.

— Слышалъ,—отвѣчалъ я,—но это не можетъ быть, за что его вѣшать?

— О, они способны на все! Это такъ оставить нельзя, надо обдумать планъ его освобожденія. Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду къ другимъ.

И онъ въ волненіи побѣжалъ къ другимъ товарищамъ.

Я не знаю на какой шагъ онъ рѣшился бы,—человѣкъ онъ былъ твердый и смѣлый. Къ счастью, слухъ оказался ложнымъ и все успокоилось.

Въ этомъ случаѣ духъ товарищества одолѣлъ не только политическія убѣжденія, а чуть было не поставилъ въ открыто враждебныя отношенія съ существовавшимъ режимомъ его яраго защитника. И это было не исключеніемъ, но въ той или другой формѣ среди офицерства, по крайней мѣрѣ во флотѣ, духъ товарищества всегда пересиливалъ сознаніе долга предъ (не говоря уже о начальствѣ, оно не считалось) правительствомъ въ цѣломъ. Будь здѣсь вопросъ объ Императорѣ, то несомнѣнно А. П. былъ бы

противъ Луцкаго, но правительство никогда не отождествлялось ни съ Императоромъ, ни съ Россіей.

Кромѣ того въ этотъ періодъ сильно приподнялось патріотическое настроеніе. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ, Сербско-Турецкая война, возстаніе Болгаріи и, наконецъ, русско-турецкая война волновали умы, возбуждали патріотизмъ и отвлекали отъ внутренней политики всю Россію, а тѣмъ паче офицерство. На сколько тогда было приподнято патріотическое настроеніе, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые, почти революціонно настроенные офицеры ушли добровольцами въ Сербію. Изъ моихъ ближайшихъ товарищей вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Сербію мичманъ В. Луцкій, который по возвращеніи изъ Сербіи уже болѣе не поступалъ на службу.

Но къ концу 1878 года патріотизмъ упалъ. Война съ Турціей раскрыла глаза на печальную картину русскихъ порядковъ. Особенно сильно сказалось это на офицерахъ, бывшихъ свидѣтелями того, какъ несчастные солдаты, выносившіе на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, питались гнилымъ хлѣбомъ съ известкой, ходили безъ подошвъ, оставались безъ медицинской помощи и не потому, что въ Россіи не было средствъ накормить своихъ солдатъ, а потому, что казнокрадство во время войны достигло размѣровъ открытаго дневного грабежа и никакіе протесты, никакія усилія и хлопоты порядочныхъ офицеровъ не могли помочь горю. Я не буду на этомъ долго останавливаться, приведу только два примѣра: одинъ—казнокрадства, а другой—отношенія офицеровъ къ интендантству.

Мои товарищи, бывшіе на войнѣ, разсказывали между прочимъ, что недалеко отъ моста, гдѣ они стояли, былъ расположенъ кавалерійскій запасъ; имъ завѣдовалъ какой-то ротмистръ. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ и держалъ открытый столъ. Всякій знакомый и незнакомый офицеръ могъ къ нему заѣхать, сколько угодно ѣсть, пить шампанское, курить лучшія сигары,—все это стояло цѣлыми ящиками въ его квартирѣ. Откуда же такая роскошь? Очень просто: онъ получалъ по 2 рубля въ день на каждую лошадь, лошадей считалось двѣ тысячи, а никогда не было болѣе пяти сотъ, да и для тѣхъ фуражъ очень часто получался хозяйственнымъ образомъ. И вотъ, этотъ ротмистръ получалъ отъ *трехъ до четырехъ тысячъ* безгрѣшнаго дохода *въ день*. И, вы думаете, онъ скрывалъ это? Нисколько. Это былъ веселый, добродушный гуляка, откровенно ведшій свои дѣла, раздававшій деньги направо и налѣво—всѣмъ, кто попроситъ, и разсказывавшій всѣмъ и каждому, какое золотое дно ему досталось и что онъ не знаетъ, куда дѣвать деньги. Онъ, очевидно, не сознавалъ, что грабить казну—преступленіе. Объ этомъ знало и начальство, и окружающіе подчиненные.

Какъ смотрѣли офицеры на интендантовъ?

Вотъ сценка:

Собрались офицеры въ кафе-шантанѣ.—За отдѣльнымъ сто-

ликомъ расположились нѣсколько интендантовъ... одинъ изъ нихъ пошелъ за чѣмъ-то въ глубину залы... вдругъ раздается крикъ:

— Господа, бѣжимъ! Нашихъ бьютъ!—кричитъ спасающійся бѣгствомъ отлучившійся интендантъ, преслѣдуемый офицерами.

Его товарищи буквально исполняютъ его совѣтъ—и кто въ шапкѣ, кто безъ нея, кто съ саблей, кто позабывъ о ней,—спасаются бѣгствомъ.

Интендантовъ можно было бить и сорвать такимъ образомъ свою злобу. Но кто повыше, тѣхъ нельзя было бить, а недовольство ими было не меньшее, а большое. И не только потому, что не интедентаты, а они были главными виновниками казнокрадства, а также и потому, что они выказывали не только невѣжество въ военномъ дѣлѣ, но полное равнодушіе къ интересамъ родины, къ страданіямъ солдатъ и офицеровъ и заботились только о чинахъ, орденахъ, да занимались взаимными интригами.

Само собою офицерство, оскорбленное въ своемъ патріотизмѣ, въ своей любви къ народу и къ солдату и обиженное лично, обратило свое вниманіе на изысканіе причинъ подобнаго положенія вещей.

Само собою взоры офицерства обратились въ сторону оппозиціи и революціонеровъ, и оно скупало нелегальную литературу въ Румыніи. Но офицеры нашли мало серьезныхъ и подходящихъ книгъ, а много всякаго хламу, благодаря тому, что аферисты изъ румынскихъ книготорговцевъ, въ виду огромнаго спроса на нелегальную литературу, скупили устарѣвшія и неудачныя произведенія, цѣлые годы валявшіяся на чердакахъ въ Цюрихѣ, Женевѣ, и у берлинскихъ книго-издательскихъ фирмъ и наводнили ими Бухарестъ и другіе города Румыніи, гдѣ они могли свободно продаваться. Только Драгомановъ написалъ двѣ-три брошюры на злобу дня, а революціонеры, по всей вѣроятности, продолжали игнорировать армію, какъ цѣлое, и не воспользовались удобнымъ моментомъ, не постарались дать отвѣтъ на вопросы, интересовавшіе офицерскія массы, взволнованныя видимыми ими на войнѣ послѣдствіями неурядицы, царствовавшей тогда въ Россіи, такъ что десятки пудовъ литературы, вывезенные изъ Румыніи офицерами, мало помогли разобраться въ волновавшихъ ихъ вопросахъ, и революціонеры для нихъ были такъ же чужды и непонятны, какъ и раньше. Мнѣ не разъ приходилось видѣть офицеровъ, добросовѣстно прочитавшихъ романъ „На Жизнь и Смерть“ [1]) или т. п. произведенія, и въ недоумѣніи спрашивавшихъ: „что же такое наши революціонеры? чего же они хотятъ?“.

А офицерство въ то время было настроено очень оппозиціонно: съ одной стороны—война, съ другой—все усиливающійся и усиливающійся приливъ молодыхъ силъ, прошедшихъ школу въ реформированныхъ Милютинымъ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—

---

[1]) Впослѣдствіи за границей я не встрѣтилъ ни одного изъ студентовъ и революціонеровъ, которые имѣли бы мужество прочесть болѣе одной главы этого объемистаго романа.

нарушили рутину офицерской среды и заставили ее интересоваться внѣшнимъ міромъ. Мало-по-малу повсюду—и въ арміи и во флотѣ—возросъ интересъ къ политическимъ и философскимъ наукамъ: гдѣ въ одиночку, гдѣ цѣлыми кружками офицеры занялись серьезнымъ чтеніемъ; кое-гдѣ полковыя библіотеки стали пополняться хорошо подобранными книгами, и спросъ на нелегальную литературу все возрасталъ и возрасталъ, и понемногу офицеры стали ознакомливаться съ революціонными взглядами того времени.

У насъ, въ Кронштадтѣ, нелегальная литература среди молодого офицерства циркулировала довольно свободно. Кое-гдѣ во флотѣ, арміи и артиллеріи начали образовываться кружки, но революціонеры еще не входили въ серьезныя сношенія съ офицерствомъ. Революціонно настроенные офицеры тоже не очень довѣрчиво относились къ способу и плану дѣйствій тогдашнихъ революціонеровъ, да къ тому же еще неясно понимали различіе программъ существовавшихъ тогда партій.

Въ то время нашъ товарищескій кружокъ [1]) былъ уже иного состава, чѣмъ въ первое время. Луцкій къ этому времени уже вышелъ въ отставку, Паскевичъ поступилъ въ коммерческій флотъ, Уклонскій совсѣмъ разочаровался въ политикѣ; куда дѣлся Кулешъ—не помню, такъ что изъ китолововъ нашего выпуска я оставался одинъ. Зато многіе другіе изъ старыхъ товаришей прониклись большимъ интересомъ къ политикѣ, и мы вмѣстѣ не мало толковали и раздумывали о томъ, какъ быть и что дѣлать намъ въ такое тяжелое время. О революціонной дѣятельности мы не думали, хотя и встрѣчали по временамъ въ Петербургѣ у Луцкаго кое-кого изъ революціонеровъ; но какъ то у насъ съ ними находилось мало общаго. Это были, по большей части, люди съ анархическимъ міровозрѣніемъ, которое для насъ было тогда мало понятно и во всякомъ случаѣ казалось безпочвеннымъ въ современной Россіи. Помимо того, несмотря на оппозиціонность, мы были сравнительно мирно настроены, вѣрили въ возможность, культурной работы, къ которой нѣкоторые изъ насъ готовились, мечтая выйти въ отставку и работать въ земствѣ.

Серьезныя сношенія революціонныхъ партій съ офицерствомъ начались въ 79 году. Послѣ раскола общества „Земля и Воля“ на двѣ фракціи: партію „Народной Воли“ и „Черный Передѣлъ“, первой изъ этихъ фракцій былъ ясно поставленъ вопросъ о необходимости политической борьбы и даже допустимости политическаго заговора, а слѣдовательно необходимость содѣйствія арміи немедленно же выяснилась для революціонеровъ.

Въ Кронштадтѣ первый партійный революціонный кружокъ создали черно-передѣльцы [2]). Это былъ кружокъ молодыхъ мичмановъ, который занимался пропагандой среди матросовъ съ цѣлью приготовить изъ нихъ будущихъ пропагандистовъ въ деревню.

---

[1]) Смотри Былое, февраль 1897 г.

[2]) Объ этомъ я узналъ впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого кружка.

Повидимому, пропаганда шла довольно успѣшно—такъ, по разсказамъ одного изъ участниковъ этого кружка, они съорганизовали на передѣльческой программѣ отъ 80 до 100 человѣкъ матросовъ. Но такъ какъ чернопередѣльческая программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла имѣть успѣха среди офицерства, и черезъ сравнительно короткое время этотъ кружокъ распался и большая часть членовъ примкнула къ намъ.

Около того же времени образовался и артиллерійскій кружокъ среди офицеровъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Какова была его программа въ то время, я не знаю. Впослѣдствіи этотъ кружокъ примкнулъ къ партіи „Народной Воли". Около этого же времени кой-гдѣ на югѣ и въ центрѣ Россіи революціонеры завязали болѣе или менѣе серьезныя связи съ офицерствомъ, но настоящими основателями военной организаціи были Желябовъ и Сухановъ. Но объ этомъ въ слѣдующихъ главахъ.

II.

Ранѣе, чѣмъ продолжать дальше, скажу нѣсколько словъ о Сухановѣ, игравшемъ такую крупную роль въ дѣлѣ военной организаціи.

Николай Евгеньевичъ Сухановъ, какъ уже извѣстно читателю, участвовалъ въ китоловномъ обществѣ (я съ нимъ тогда былъ мало знакомъ), послѣ провала нашей кадетской конспираціи, онъ потерялъ интересъ къ внутренней политикѣ. По своему характеру и темпераменту онъ не былъ созданъ для политической дѣятельности. По натурѣ это былъ мягкій, добрый, мирный человѣкъ, съ большой склонностью къ наукѣ, и живи онъ въ другое время, изъ него, вѣроятно, выработался-бы крупный ученый культурный дѣятель. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Евгеніевичъ былъ глубоко честный и прямолинейный человѣкъ, не способный ни на какіе компромиссы—и если разъ онъ убѣждался въ чемъ нибудь, для него уже не существовало сомнѣній и колебаній—и онъ шелъ прямо, не уклоняясь въ сторону. Эти-то свойства его характера и сдѣлали изъ него, мирнаго, мягкаго человѣка—рѣшительнаго, ни передъ чѣмъ не останавливающагося революціонера.

Будучи произведенъ въ офицеры, онъ недолго пробылъ въ Кронштадтѣ, а перевелся въ сибирскую флотилію, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. Служба на Дальнемъ Востокѣ много содѣйствовала его переходу въ революціонный лагерь. Тамъ онъ волей-неволей ознакомился съ продуктами господствовавшаго тогда въ Россіи режима: казнокрадствомъ, произволомъ, униженіемъ человѣческой личности и т. п., которые гораздо рѣзче выступаютъ на окраинахъ, чѣмъ въ центрѣ. Онъ даже самъ отчасти пострадалъ отъ этого режима.

Сухановъ былъ назначенъ ревизоромъ на одномъ изъ судовъ сибирской флотиліи. Въ заграничномъ плаваніи командиры, реви-

зоры и старшіе механики обыкновенно наживали цѣлыя состоянія на разныхъ закупкахъ. Главной доходной статьей былъ уголь: записывалось невѣрное число оборотовъ винта и благодаря этому въ расходъ выводилось гораздо большее, чѣмъ въ дѣйствительности, количество израсходованнаго угля; кромѣ того, по соглашенію съ консулами устанавливались искусственно высокія справочныя цѣны—въ концѣ концовъ загребались огромные куши, которые дѣлились между командиромъ, ревизоромъ и старшимъ механикомъ. Конечно, часть перепадала консуламъ и подрядчикамъ за фиктивные счета. Когда Сухановъ принялъ должность ревизора, ему вскорѣ предложили подписать квитанцію въ пріемѣ такого-то количества угля, по такой-то цѣнѣ. Сухановъ провѣрилъ количество и цѣны и отказался подписать. Командиръ просилъ и угрожалъ, Сухановъ требовалъ, чтобы количество и цѣны угля были выставлены настоящія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сухановъ подалъ рапортъ командиру, и никакія убѣжденія не могли заставить взять его обратно. Дошло до суда, въ которомъ, конечно, засѣдали такіе же командиры, также наживавшіеся на углѣ, но хотя имъ потушить дѣло не удалось, они приговорили своего коллегу-командира за *воровство* временно отставить отъ командованія, Суханова же за несоблюденіе какихъ то формальностей въ рапортѣ отставили отъ производства въ слѣдующій чинъ, не помню на какой срокъ, да и самый приговоръ составили такъ, что было трудно разобрать, въ чемъ дѣло, кто воровалъ уголь. Этотъ эпизодъ, конечно, былъ нагляднымъ урокомъ для Суханова, какъ легко бороться даже за казенные интересы легальными средствами.

Во время этой же службы въ Сибири Сухановъ познакомился съ нѣкоторыми изъ политическихъ ссыльныхъ, и онъ узналъ кого и за что отправляютъ въ Россіи въ ссылку и каторгу. Ему волей неволей пришлось задуматься надъ вопросами внутренней политики. А разъ онъ задумался, то и пришелъ къ выводу, что необходимо бороться за измѣненіе порядковъ, господствовавшихъ въ Россіи.

Въ такомъ настроеніи онъ возвратился изъ Сибири въ Россію, и здѣсь у своей сестры Зотовой встрѣтился съ товарищемъ ея мужа Желябовымъ, а черезъ него познакомился и съ другими выдающимися членами партіи „Народной Воли", заинтересовался ея программой, проникся къ ней сочувствіемъ, мало-по-малу сталъ ей содѣйствовать и въ концѣ концовъ сдѣлался членомъ „Исполнительнаго Комитета" этой партіи.

Осенью 1879 года, возвратившись изъ плаванія, я отправился къ своимъ двумъ пріятелямъ У. и З., съ которыми не видался уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

— А знаете-ли, Есперъ Александровичъ, сказалъ мнѣ У.,— что Сухановъ знакомъ съ соціалистами и обѣщалъ имъ набрать у насъ въ Кронштадтѣ 300 человѣкъ офицеровъ въ ихъ партію.

— Да — замѣтилъ З.—у него бываетъ членъ Исполнительнаго Комитета, и знаешь, Есперъ, онъ разсчитываетъ на тебя; ты ему почему-то очень понравился.

— Но я ему сказалъ—воскликнулъ У.,—что относительно васъ-то, онъ ошибается въ разсчетѣ, что я знаю ваши убѣжденія и вы никогда не согласитесь на его предложенія.

— Вы совершенно правы—отвѣтилъ я—я никогда не соглашусь фигурировать на Казанской площади, чтобы быть побитымъ шорниками, или въ чемъ нибудь въ этомъ родѣ.

Разговоръ нашъ сейчасъ перешелъ на другіе предметы, и, разставаясь съ пріятелями, я почти забылъ объ этомъ эпизодѣ.

Недѣли черезъ двѣ, въ воскресенье, обѣдая въ клубѣ, я встрѣтился съ Сухановымъ, который, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Послушайте, Есперъ Александровичъ, зайдите-ка ко мнѣ сегодня вечеркомъ: у меня хорошій человѣкъ будетъ.

Я сейчасъ же догадался, что этотъ хорошій человѣкъ никто иной, какъ тотъ членъ Исполнительнаго Комитета, о которомъ я слышалъ у пріятелей, и изъ любопытства согласился.

Когда я вечеромъ пришелъ къ Суханову, то засталъ у него одного штурманскаго офицера К. Николай Евгеньевичъ сообщилъ мнѣ, что пріятель его, съ которымъ онъ хотѣлъ меня познакомить, сегодня не будетъ, а пріѣдетъ въ слѣдующее воскресенье, а теперь онъ приглашаетъ меня провести вечеръ втроемъ и побесѣдовать.

Во время разговора въ этотъ вечеръ меня поразили крайніе взгляды Николая Евгеньевича и третьяго нашего собесѣдника. Особенно горячо я спорилъ съ ними обоими о французскомъ террорѣ девяностыхъ годовъ—они его защищали, доказывая его неизбѣжность, необходимость и продуктивность. Я же стоялъ на томъ, что французскій терроръ на половину погубилъ дѣло французской революціи. Ни они меня, ни я ихъ не разубѣдили и мы разстались каждый при своихъ взглядахъ.

На слѣдующее воскресенье я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, пошелъ къ Суханову. У него мы застали большую компанію офицеровъ и двухъ штатскихъ, которыхъ Николай Евгеньевичъ представилъ намъ, назвавъ одного Андреемъ, другого Глѣбомъ [1]).

Сначала разговоръ шелъ объ общихъ предметахъ, мало интересныхъ. Въ разговорѣ я не принималъ почти никакого участія, а все свое вниманіе сосредоточилъ на присутствовавшихъ статскихъ, желая разгадать, кто изъ нихъ интересующій меня членъ Исполнительнаго Комитета. Назвавшійся Андреемъ былъ замѣчательно красивъ; высокаго роста, съ темнорусыми бородою и волосами; сѣрые глаза его, казавшіеся темными, были замѣчательно живы, и выразительны. Другой—невысокаго роста, съ лицомъ, почти совсѣмъ закрытымъ густой черной бородой, съ проницательными черными, какъ уголь, глазами.

Разговоръ продолжался недолго. Немного времени спустя послѣ нашего прихода Сухановъ прервалъ разговоръ и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ:

— Господа, эта комната имѣетъ двѣ капитальныя стѣны; двѣ другія ведутъ въ мою-же квартиру; мой вѣстовой—татаринъ,

---

[1]) Это были, какъ мы узнали потомъ, Желябовъ и Колоткевичъ.

почти ни слова не понимающій по русски; а потому нескромныхъ ушей намъ бояться нечего, и мы можемъ приступить къ дѣлу. Потомъ, повернувшись къ высокому штатскому, прибавилъ:

— Ну, Андрей, начинай!

Тогда штатскій, назвавшійся Андреемъ, всталъ и, обращаясь къ офицерамъ, произнесъ съ большимъ энтузіазмомъ длинную горячую рѣчь.

— Такъ какъ Николай Евгеньевичъ передалъ мнѣ, началъ онъ, что вы, господа, интересуетесь программой и дѣятельностью нашей партіи, борящейся съ правительствомъ, то я постараюсь познакомить васъ съ тою и другою, какъ умѣю:—мы террористы-революціонеры требуемъ слѣдующаго...

Я не могу точно передать его рѣчи, но суть ея заключалась въ обзорѣ положенія дѣлъ въ Россіи, въ самой рѣзкой критикѣ правительства и его дѣйствій, въ доказательствахъ неизбѣжности революціи, въ изложеніи и объясненіи программы партіи и въ соотвѣтствіи ея тогдашнему положенію дѣлъ въ Россіи и въ доказательствѣ необходимости центральнаго террора.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на присутствующую публику этой рѣчью. Всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ у Николая Евгеньевича, за исключеніемъ насъ, не были подготовлены услышать подобную смѣлую рѣчь. Всѣ они привыкли говорить о правительствѣ, особенно же о революціонныхъ партіяхъ, только въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ и то въ извѣстной формѣ. Никому изъ нихъ Николай Евгеньевичъ не сказалъ, кто у него будетъ; и они даже не подозрѣвали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Сухановъ всѣхъ, кто ему нравился, приглашалъ къ себѣ по одному и тому-же способу: „приходите ко мнѣ тогда-то, у меня хорошій человѣкъ будетъ“—говорилъ онъ и больше никакихъ объясненій не давалъ.

Когда Андрей произнесъ слова „мы террористы-революціонеры“, всѣ какъ бы вздрогнули и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ, подъ вліяніемъ увлекательнаго краснорѣчія оратора, начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Интересно было видѣть перемѣну, происшедшую въ настроеніи всего общества.—Беззаботная, довольно веселая компанія офицеровъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожа на группу заговорщиковъ. Лица понемногу блѣднѣли, глаза разгорались, всѣ какъ бы притаили дыханіе, и среди мертвой тишины раздавался звучный пріятный голосъ оратора, призывавшій окружавшихъ его офицеровъ на борьбу съ правительствомъ. Кто зналъ Желябова, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какъ увлекательно онъ говорилъ. Эта же рѣчь была одною изъ самыхъ удачныхъ, по его же собственному признанію.

Андрей кончилъ... подъ вліяніемъ его рѣчи начались оживленные разговоры, строились всевозможные планы самаго революціоннаго характера. И если бы въ это время вошелъ посторонній человѣкъ, онъ былъ бы увѣренъ, что попалъ на сходку самыхъ горячихъ заговорщиковъ-революціонеровъ. Онъ не повѣрилъ бы, что за часъ до этого всѣ эти люди частью почти совсѣмъ не ду-

мали о политикѣ, частью даже относились отрицательно къ революціонерамъ. Ему и въ голову не пришло бы, что завтра же большая часть изъ этихъ революціонеровъ будетъ съ ужасомъ вспоминать объ этомъ вечерѣ.

Первый разъ мнѣ пришлось увидѣть, что можетъ сдѣлать талантливый ораторъ съ своими слушателями. Позови въ этотъ вечеръ Желябовъ все присутствовавшее офицерство на какое угодно предпріятіе—всѣ пошли бы. Между тѣмъ дѣйствительно сочувствующихъ было ничтожное меньшинство: всѣхъ же офицеровъ было болѣе двадцати и большинство изъ нихъ продолжаетъ вѣроятно и теперь быть благополучными россіянами. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что двадцать человѣкъ офицеровъ, не занимавшихся политикой,—подъ вліяніемъ сильной и увлекательной рѣчи оратора на минуту повѣрили въ силу революціонной партіи, въ слабость правительства—оказались готовыми вступить въ борьбу съ послѣднимъ?

По моему, это объясняется очень просто: усиліями воспитателей, начальства и властей, въ той части головы, въ которой у западнаго человѣка помѣщаются политическія убѣжденія, пониманіе своихъ обязанностей и своей роли въ государствѣ, у русскихъ офицеровъ образовалось пустое пространство, въ которомъ свободно перекатывались, подобно шарикамъ, ничѣмъ между собою не связанныя слова—православіе, самодержавіе и народность, и стоило умѣлому человѣку заполнить эту пустоту чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ, шарики переставали перекатываться и офицеры начинали говорить другимъ языкомъ, а потомъ тѣ, у которыхъ головныя дверцы были слабы, выйдя на свѣжій воздухъ, растеривали вновь пріобрѣтенное и у нихъ въ головѣ опять начинали перекатываться излюбленные шарики.

Но на нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ на моихъ товарищей и на меня этотъ вечеръ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Мы и ранѣе были болѣе, чѣмъ оппозиціонно настроены, и многое изъ того, что говорилъ ораторъ, отвѣчало нашему настроенію и было извѣстно намъ. На насъ произвела особенно сильное впечатлѣніе личность говорившаго, его вѣра и убѣжденность, а главнымъ образомъ ясное, точное пониманіе и послѣдовательное, логическое изложеніе плана и способа борьбы съ господствовавшимъ въ Россіи режимомъ и ихъ возможность и осуществимость. Ранѣе, какъ я уже упоминалъ, у насъ было недовѣріе къ революціоннымъ партіямъ и революціонной борьбѣ, главнымъ образомъ потому, что мы не вѣрили въ силу партій, будучи убѣждены, что онѣ не имѣютъ ясныхъ, опредѣленныхъ программъ и состоятъ главнымъ образомъ изъ зеленой молодежи и энтузіастовъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживало насъ и то обстоятельство, что сталкиваясь послѣдніе годы съ революціонерами, мы встрѣчали лицъ, которыя не могли намъ ясно показать, чего они хотятъ и какимъ образомъ могутъ добиться своей цѣли. Послѣ же встрѣчи съ Желябовымъ и Колоткевичемъ, наше мнѣніе о революціонерахъ рѣзко измѣнилось. Въ нихъ мы встрѣтили не только умныхъ, но силь-

ныхъ людей съ яснымъ политическимъ пониманіемъ. Такой же переворотъ въ нашихъ взглядахъ произвели программы партіи „Народной Воли“. Въ ней вопросы учредительнаго собранія и націонализаціи земли были поставлены ясно и точно, что вполнѣ соотвѣтствовало нашему міровоззрѣнію, и не будь въ программѣ террора, мы немедленно бы примкнули къ партіи.

Во всякомъ случаѣ послѣ этого вечера, мы стали посѣщать Николая Евгеньича каждый разъ, когда къ нему пріѣзжали Андрей или Глѣбъ. Мы живо интересовались дѣятельностью партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ все росла вѣра въ нее и въ людей ее составлявшихъ. Эти посѣщенія и задушевныя бесѣды вели къ нашему тѣсному сближенію съ Николаемъ Евгеньевичемъ и посѣщавшими его нелегальными. Повидимому, самъ Сухановъ тоже еще въ то время не принадлежалъ къ организаціи. Это можно было заключить по той рѣзкой перемѣнѣ, которая произошла въ немъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время онъ хотя и относился крайне сочувственно къ партіи, но по многимъ вопросамъ относительно участія въ ней офицеровъ отказывался высказать свое категорическое мнѣніе—такъ, на мое заявленіе, что меня останавливаетъ отъ вступленія въ партію главнымъ образомъ ея террористическая дѣятельность, онъ отвѣчалъ:

— Я бы понялъ, если бы вы не соглашались принимать участіе въ террористической дѣятельности партіи только потому, что будучи офицеромъ и держась военныхъ традицій, вамъ тяжело принимать участіе въ тайномъ способѣ уничтоженія врага и вы предпочитаете способъ открытой борьбы. Но я не понимаю, какъ можетъ коробить человѣка уничтоженіе врага народнаго, разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что это дѣйствительно врагъ народа.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у Николая Евгеньевича не было никакихъ сомнѣній. Онъ уже состоялъ тогда членомъ Исполнительнаго Комитета. Кто зналъ характеръ Суханова, тому понятно было, что онъ не могъ вступить въ партію, не разрѣшивъ всѣхъ своихъ сомнѣній, но зато, если примкнетъ, то уже не станетъ оглядываться назадъ.

Свиданія наши у Суханова съ Желябовымъ и другими продолжались до марта мѣсяца 1880 года, но ни разу уже не собиралось такъ много офицеровъ, какъ въ первый разъ. Мы заявили Суханову, и Желябовъ насъ поддержалъ, что невозможно ходить на эти свиданія, если Николай Евгеньевичъ сохранитъ прежній запорожскій способъ приглашенія людей. Сухановъ съ трудомъ на это согласился.

— Между нами, господа, нѣтъ предателей, возражалъ онъ— и по мнѣ такъ: если хорошій человѣкъ, то пусть придетъ послушать, не требовать же аттестата.

Около этого же времени возвратился изъ Сибирской флотиліи мой старый товарищъ Александръ Павловичъ баронъ Штромбергъ. Прекрасный и милый товарищъ, общій нашъ любимецъ, но всегда стоявшій далеко отъ политики, благодаря своему воспитанію и баронскимъ традиціямъ,—онъ былъ изъ Прибалтійскаго края.

И вотъ, къ удивленію, нашъ баронъ, какъ мы его шутя называли, оказался не такимъ, какимъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ на Дальній Востокъ — барономъ, возвратился—чистымъ народникомъ и почти революціонеромъ. Онъ не только принялъ сейчасъ-же участіе въ нашихъ посѣщеніяхъ Суханова, но относился ко всему гораздо горячѣе насъ, и все рвался впередъ.

Съ марта мѣсяца свиданія съ Желябовымъ прекратились, такъ какъ намъ нужно было готовиться къ плаванію. Свиданія эти на первый взглядъ казалось не привели ни къ какимъ результатамъ? Мы распространяли среди офицеровъ нелегальную литературу, занимались пропагандой партійной программы и оказывали кое-какія услуги партіи, но вопреки стараніямъ Желябова отказывались организоваться и принять на себя какія-нибудь ясныя и точныя обязательства. Это происходило потому, что мы не могли рѣшить вопроса, принимать ли намъ участіе въ дѣятельности партіи, какъ офицеры, или выйти въ отставку. Останавливалъ насъ также и вопросъ о террорѣ. Вскорѣ мы всѣ, въ томъ числѣ и Сухановъ, ушли въ плаваніе.

Во время плаванія мнѣ мало приходилось говорить о революціи, я былъ тогда вахтеннымъ начальникомъ на кадетскомъ отрядѣ и составъ офицеровъ, хотя и очень порядочный, былъ таковъ, что исключалъ всякую возможность политической пропаганды. Но во время плаванія мнѣ пришлось убѣдиться, что не мы одни входили въ сношенія съ революціонерами. Такъ, когда нашъ отрядъ пришелъ въ Либаву я, сойдя на берегъ, отправился повидать своего стараго товарища, лейтенанта Петра Осиповича Серебренникова, впослѣдствіи командира Бородина, погибшаго со своимъ кораблемъ въ Цусимскомъ бою. Во время разговора съ нимъ я передалъ ему о нашихъ сношеніяхъ съ революціонерами. Онъ отнеся къ этому весьма сочувственно и сообщилъ мнѣ, что у него также есть знакомства въ революціонной средѣ, что ему не разъ приходилось оказывать ему услуги, благодаря его службѣ на таможенной флотиліи. Еще не далѣе, какъ этимъ лѣтомъ онъ съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ перевезли ночью на лодкѣ изъ Либавы въ Мемель двухъ нелегальныхъ, желавшихъ скрыться за границу.

Сухановъ возвратился изъ плаванія раньше меня и уже успѣлъ переѣхать въ Петербургъ, къ тому времени, какъ я возвратился. Онъ прекрасно кончилъ минные офицерскіе классы и былъ временно прикомандированъ въ Петербургъ для слушанія лекціи въ Университетѣ. Профессоръ физики Вандерфлитъ взялъ его къ себѣ въ ассистенты.

III.

Въ началѣ осени 1880 года, возвратившись изъ плаванія, мы впятеромъ: Штромбергъ, З—нъ, Р—въ, Юнгъ (впослѣдствіи командиръ броненосца „Орелъ“, убитый въ Цусимскомъ бою) и я стали обсуждать вопросъ о нашемъ отношеніи къ партіи. Штромбергъ стоялъ на немедленномъ и безусловномъ присоединеніи къ

ней. Другіе относились не вполнѣ опредѣленно, я и Юнгъ были противъ. Штромбергъ, недовольный нашими колебаніями, заявилъ намъ, что если мы не присоединимся къ партіи всѣмъ нашимъ кружкомъ, то онъ присоединится къ образующемуся среди артиллеристовъ кружку и вмѣстѣ съ нимъ войдетъ въ составъ партіи. Наши пренія закончились рѣшеніемъ присоединиться къ партіи, если наши обязательства будутъ таковы, что мы сохранимъ за собою свободу выбора нашей дѣятельности и мы условились обратиться къ Суханову съ просьбой устроить намъ свиданіе съ Желябовымъ.

Вскорѣ послѣ нашихъ совѣщаній я поѣхалъ въ Петербургъ и зашелъ къ Николаю Евгеньевичу; увидя меня онъ воскликнулъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, мы довольно философствовали въ прошломъ году; пора и за дѣло приниматься.

— Дайте мнѣ опомниться, Николай Евгеньевичъ, и тогда потолкуемъ, въ какомъ дѣлѣ и чѣмъ мы можемъ быть полезны.

— Но знаете, Есперъ Александровичъ, покуда будемъ толковать и опоминаться, то сдѣлаютъ все и безъ насъ.

Вскорѣ затѣмъ пришли Желябовъ, Вѣра Николаевна и одинъ изъ моихъ товарищей З—нъ. Послѣ нѣкотораго совѣщанія вмѣстѣ съ пришедшими, мы порѣшили, что недѣли черезъ двѣ соберемъ нѣсколько сочувствующихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, куда пріѣдутъ Желябовъ съ Сухановымъ, и мы покончимъ съ вопросомъ объ организаціи.

Недѣли черезъ двѣ, дѣйствительно, пріѣхали Желябовъ съ Сухановымъ и мы послѣ долгихъ обсужденій и споровъ согласились организоваться въ кружокъ и принять небольшія обязательства, изложеніе которыхъ обѣщались приготовить къ слѣдующему пріѣзду Желябова. Въ тотъ же вечеръ Желябовъ съ Сухановымъ уѣхали.

Во время этихъ споровъ объ организаціи выяснилась разница между Сухановымъ, — для котораго дѣло организаціи было ново и который, подъ вліяніемъ охватившихъ его чувствъ, стремился какъ можно скорѣе привлечь симпатичныхъ ему людей на самую боевую дѣятельность въ партіи, а потому на самомъ дѣлѣ нѣсколько отпугивавшій ихъ — и Желябовымъ, опытнымъ организаторомъ, понимавшимъ, что не слѣдуетъ побуждать людей брать на себя бо̀льшія обязательства, чѣмъ они въ настоящій моментъ вполнѣ расположены на себя взять, что вообще обѣщанія въ заговорщическомъ дѣлѣ играютъ ничтожную, формальную роль. Въ дѣйствительности важны не большія или маленькія обязательства, а люди ихъ давшіе, что каждый, вступившій въ партію, выполнитъ свою роль соотвѣтственно своимъ свойствамъ, а не обязательствамъ имъ даннымъ.

На другой день вечеромъ мы почти въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ, сидѣли за чаемъ, вдругъ отворяется дверь, входитъ Сухановъ и, оглядѣвшись кто находится въ комнатѣ, говоритъ:

— Ну, господа, давайте писать конституцію.

— Вы поздоровайтесь, сперва, а потомъ, пожалуй, и будемъ писать конституцію, — закричали ему.

Для писанія конституціи мы перебрались въ отдаленную комнату квартиры, сказали вѣстовымъ никому не отворять дверей, не предупредивъ насъ. И, принявъ такимъ образомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности, мы приступили къ составленію кружковой конституціи.

— Нужно обратить вниманіе, господа, началъ говорить Сухановъ, на то, чтобы въ первые пункты нашихъ обязательствъ не вошли устройство кружковой кассы и денежная помощь партіи, а то можетъ случиться, какъ съ другими кружками: напишутъ много параграфовъ о кассѣ, и больше ничего, или какъ мертворожденный кружокъ офицера Н., у котораго сколько угодно теоретическихъ разсужденій, а дѣла ни на грошъ.

Мы съ нимъ согласились и рѣшили, по его предложенію, поставить во главѣ обязательствъ слѣдующій параграфъ:

„Будучи убѣждены, что прогрессъ и счастье народа, а слѣдовательно и всей Россіи, не могутъ быть достигнуты безъ соціально-политическаго переворота, и признавая, что программа партіи „Народной Воли“ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему взгляду на лучшій способъ достиженія возможно быстраго переворота, мы присоединяемся къ партіи „Народной Воли“ и объявляемъ, что отнынѣ первенствующей цѣлью нашей жизни будетъ работа въ пользу вышесказаннаго переворота въ рядахъ партіи „Народной Воли“ и что всю личную нашу жизнь мы подчиняемъ этой цѣли“.

Затѣмъ слѣдовали пункты, практически опредѣляющіе наши отношенія къ партіи и нашу дѣятельность; въ самомъ концѣ стояла касса, чѣмъ Николай Евгеньевичъ былъ очень доволенъ.

Обязательства, которыя мы взяли на себя, были гораздо обширнѣе, чѣмъ мы раньше предполагали взять на первый разъ, и это произошло, благодаря вліянію Суханова. Мы не хотѣли сразу брать большихъ обязательствъ не потому, что желаніе содѣйствовать партіи было у насъ недостаточнымъ, а частью по неувѣренности въ полномъ соотвѣтствіи организаціи партіи, которая была намъ въ то время мало извѣстна, частью же потому, что не легко было превращаться сразу изъ простыхъ офицеровъ въ настоящихъ заговорщиковъ. Но такъ сильно вліялъ Николай Евгеньевичъ своей цѣльностью и нравственной чистотой, что ему трудно было возражать такъ: „хотя, дескать, я убѣжденъ въ необходимости борьбы съ правительствомъ и согласенъ на организацію, но не могу на это рѣшиться сразу.“

Но мы точно установили, что будемъ заниматься только военной организаціей и, что тѣ изъ товарищей, которые захотѣли бы принять участіе въ боевой (кромѣ вооруженнаго возстанія) и террористической дѣятельности, должны выйти изъ военной организаціи. Мы установили также, что если партіи понадобятся тѣ или другія услуги нашихъ товарищей, то они могутъ оказывать ихъ по взаимному соглашенію, а не обязательно.

Взявъ нашу конституцію, Сухановъ уѣхалъ въ тотъ же ве-

черъ въ Петербургъ и пригласилъ насъ къ себѣ черезъ недѣлю, въ воскресенье, для полученія отвѣта отъ Исполнительнаго Комитета.

Въ назначенное воскресенье мы вчетверомъ или впятеромъ, хорошенько не помню, поѣхали къ Суханову. Тамъ мы застали большую компанію; кромѣ Суханова и его сестры у него были: Софья Львовна Перовская, называвшаяся тогда Софьей Павловной, Вѣра Николаевна Фигнеръ, Желябовъ и Колоткевичъ, а потомъ пришелъ нашъ старый товарищъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы, В. В. Луцкій со своей женой. Когда мы пришли, шелъ оживленный разговоръ о черно-передѣльцахъ. Мы приняли въ немъ участіе, стараясь выяснить себѣ непонятную для насъ новичковъ въ партійныхъ розняхъ — острую враждебность между двумя такими родственными народническими фракціями.

Если деревенщики признаютъ, говорили мы, главнымъ образомъ работу въ деревнѣ, то пусть и работаютъ; вѣдь вы тоже признате ее весьма важной, хотя въ настоящее время и не главной. Ваша же городская работа и политическая борьба ихъ работѣ мѣшать не могутъ, почему-же вмѣсто товарищескихъ споровъ такая острая вражда.

Намъ на это отвѣчали, что не только ничего не имѣли бы противъ работы деревенщиковъ въ деревнѣ, если они могутъ тамъ работать, а были бы даже рады ей; но дѣло въ томъ, что въ городахъ много деревенщиковъ и они вездѣ ведутъ враждебную агитацію противъ „Народной Воли“.

Эти объясненія меня не удовлетворили и мало что мнѣ объяснили. До сихъ поръ у меня плохо укладывается въ головѣ не споры, не антагонизмъ, и не соперничество, а враждебность часто очень близкихъ между собою фракцій, не умѣющихъ объединяться для борьбы и въ критическіе моменты переживаемые страной.

По окончаніи этихъ разговоровъ Желябовъ и Колоткевичъ пригласили насъ въ отдѣльную комнату, гдѣ и передали намъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, что наши условія приняты — и мы съ этого дня состоимъ членами партіи. Они также просили насъ выбрать одного изъ нашихъ товарищей для предполагаемаго центральнаго военнаго кружка, который долженъ былъ состоять: изъ представителей кружковъ и двухъ членовъ Исполнительнаго Комитета. При этомъ они намъ заявили, что въ настоящее время представителями Исполнительнаго Комитета въ центральномъ военномъ кружкѣ назначены они — Желябовъ и Колоткевичъ.

По возращеніи въ Кронштадтъ мы окончательно составили нашъ, такъ называемый, морской кружокъ. Въ первое время онъ состоялъ изъ лейтенантовъ: Штромберга, З — на, Р — ва, Г — го и меня; мичмана — Юнга и двухъ штурманскихъ офицеровъ К — ча и П — ва.

Организовавъ кружокъ, мы приступили къ выбору нашего представителя. Вопросъ для насъ очень нетрудный: мы были

старые товарищи, взаимно довѣрявшіе другъ другу и не имѣвшіе другъ отъ друга тайнъ, намъ было все равно кого послать представителемъ, и мы рѣшили выбрать Штромберга, какъ болѣе свободнаго, болѣе преданнаго партіи и имѣвшаго большія знакомства среди ея членовъ. Мы спросили Штромберга, согласенъ ли онъ, онъ согласился и дѣло было кончено.

Кронштадтскій артиллерійскій кружокъ, состоявшій, если я не ошибаюсь, изъ восьми—девяти человѣкъ, послалъ своимъ представителемъ подпоручика Папина.

Петербургскіе артиллерійскіе академики, человѣкъ пять—шесть — штабсъ-капитана Похитонова.

Инженеры,—не помню сколько,—капитана К.

Кромѣ этихъ четырехъ представителей вошли въ центральный кружокъ Сухановъ, артиллерійскій поручикъ Рогачевъ, имѣвшій большія связи среди офицеровъ въ западномъ краѣ, отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ Дегаевъ и два члена комитета Желябовъ и Колоткевичъ.

Изъ этихъ лицъ и составился первый центральный военный кружокъ, при чемъ было рѣшено, что это не будетъ окончательнымъ военнымъ центромъ партіи, а послужитъ только временнымъ объединительнымъ центромъ, пока не разовьется военная организація, и что затѣмъ уже, сообразно силамъ и составу организаціи, будетъ созданъ соотвѣтствующій центръ, которому и уступитъ свое мѣсто центральный кружокъ.

Теперь, я думаю, кстати сказать нѣсколько словъ о первыхъ членахъ центральной военной организаціи. О Сухановѣ я уже говорилъ и еще много буду говорить впереди, а потому перейду къ другимъ.

Лейтенантъ Штромбергъ—лихой морской офицеръ, не знавшій страха, во многомъ походилъ на Суханова; онъ былъ человѣкъ рѣчистый, во всѣхъ отношеніяхъ прямолинейный и неспособный на компромиссы; хотя и менѣе разносторонне образованный чѣмъ Сухановъ, и не имѣвшій его склонности къ теоріямъ, онъ обладалъ удивительной способностью разбираться—гдѣ кончается правда и начинается ложь; онъ, какъ бы чутьемъ, угадывалъ фальшь и этимъ своимъ свойствомъ вліялъ на многихъ, гораздо болѣе образованныхъ и талантливыхъ людей.

Штабсъ-капитанъ Похитоновъ —умный образованный офицеръ, отличившійся въ русско-турецкую войну, былъ убѣжденнымъ народовольцемъ и пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ товарищей.

Поручикъ Рогачевъ—настоящій атлетъ, обладавшій нечеловѣческой физической силой, имѣлъ пріятный, мягкій голосъ и всей своею личностью располагалъ къ себѣ людей. Офицерская молодежь приходила отъ него въ восторгъ. Онъ, благодаря своему брату Димитрію Рогачеву [1]), съ давнихъ поръ имѣлъ постоянныя сношенія съ революціонерами.

---

[1]) Извѣстный пропагандистъ, сосланный по процессу 193 на каторгу.

Подпоручикъ Папинъ—служившій въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, былъ очень умный, образованный и даже талантливый человѣкъ, но нерѣшительный и слабохарактерный, и на его лицѣ всегда былъ какой-то отпечатокъ грусти. Онъ, какъ я слышалъ потомъ, покончилъ въ ссылкѣ самоубійствомъ.

Дегаевъ—въ то время недавно вышедшій въ отставку артиллерійскій штабсъ-капитанъ, успѣвшій въ то время оказать уже много услугъ партіи, а потому и пользовавшійся довѣріемъ и любовью многихъ изъ ея членовъ. Но одновременно съ этимъ нѣкоторые изъ ея членовъ не очень-то долюбливали его. Охарактеризовать его въ то время было бы затруднительно. Очевидно умный и очень способный человѣкъ—не безъ хитрости. Несомнѣнно, преданный въ то время партіи, онъ, несмотря на всѣ эти качества, нѣкоторымъ (весьма немногимъ) не внушалъ къ себѣ довѣрія: не то чтобы отъ него ожидали чего-нибудь грязнаго, нѣтъ, объ этомъ никто не думалъ; всѣ считали его честнымъ человѣкомъ и, по моему, совершенно правильно. Въ то время онъ дѣйствительно былъ таковымъ и я увѣренъ, что если бы онъ былъ арестованъ по серьезному дѣлу, то держалъ бы себя хорошо [1]), и его жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе. Но въ немъ какъ-то сказывалось, что преданность дѣлу и партіи у него только головная, а сердце, если и принимаетъ въ этомъ участіе, то ужь очень мало и невольно чувствовалось, что онъ *единомышленникъ*, а не *товарищъ*.

Въ этомъ мнѣніи между прочимъ сходились Софья Львовна Перовская и Сухановъ. То же впечатлѣніе онъ производилъ на меня.

IV.

Послѣ нашего оффиціальнаго вступленія въ партію, нѣкоторымъ изъ насъ, благодаря нашей дружбѣ съ Сухановымъ и постояннымъ съ нимъ сношеніямъ, пришлось познакомиться со многими нелегальными. Всякому извѣстно, какой замѣчательный подборъ нелегальныхъ людей (комитетскихъ) былъ тогда въ Петербургѣ. Это были люди, долгое время работавшіе для революціи, люди, можно сказать, закаленные въ бою; мало того—это были сливки партіи, собранные изъ лучшихъ ея элементовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И вотъ, среди подобныхъ-то людей Николай Евгеньевичъ, офицеръ, раньше не занимавшійся революціонной дѣятельностью, доживший до 28 лѣтъ въ офицерской средѣ, сразу сталъ своимъ, нисколько не отличаясь отъ окружающихъ его борцовъ, и сравнялся даже съ наиболѣе выдающимися изъ нихъ; такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорили его новые товарищи. Онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе всѣхъ ея дѣятелей.—Да оно и не могло быть иначе при натурѣ Николая Евгеньевича. Ярый про-

[1]) Онъ дѣйствительно былъ арестованъ въ 81 году, но только по подозрѣнію и вскорѣ выпущенъ, такъ какъ полиціи не удалось ничего открыть.

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

тивникъ всякихъ компромисовъ въ теоріи и практикѣ, Николай Евгеньевичъ никогда не входилъ въ сдѣлки со своею совѣстью. Для него непонятно было, какъ можно, будучи убѣжденнымъ въ одномъ, дѣлать другое или уклоняться отъ дѣла, которое нужно совершить. Натура самая чистая, онъ и другихъ людей считалъ такими же, и много нужно было совершить дурного человѣку, чтобы Сухановъ счелъ его дурнымъ; а то, о комъ ни заговори съ нимъ, всегда одинъ отвѣтъ: „Какъ хотите, господа, а по мнѣ это хорошій человѣкъ!“ Сдержанный обыкновенно въ сношеніяхъ съ людьми, онъ терялъ эту сдержанность при видѣ только какой нибудь явной подлости. что часто могло его очень компрометировать. Такъ, во время университетскаго акта въ Петербургѣ, когда Коганъ-Бернштейнъ говорилъ рѣчь, нѣкоторые изъ студентовъ, совмѣстно со шпіонами и частью благономѣренной публики, кричали: „вонъ его, вонъ его!“ Одинъ изъ такихъ стоялъ недалеко отъ Суханова.

— Вы вѣроятно служите въ третьемъ отдѣленіи?—спросилъ его громко Сухановъ.

Студентъ переконфузился и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, но почему же вы это думаете?

— Ваши крики изобличаютъ вашу профессію и вы лжете, называя себя студентомъ.

Студентъ, окончательно сконфуженный, замолкъ и куда-то скрылся.

Сухановъ былъ смѣлъ до безразсудства и не заботился почти о своей безопасности, но онъ страшно цѣнилъ безопасность другихъ. Онъ просто выходилъ изъ себя, если чья либо неосторожность хоть слегка компрометировала другого. Кто-то изъ офицеровъ, узнавъ, что фамилія Андрея—Желябовъ, сказалъ это двумъ-тремъ товарищамъ. Узнавъ объ этомъ, Сухановъ вышелъ изъ себя и требовалъ, чтобы съ этимъ офицеромъ никто не велъ сношеній.

— Человѣкъ, не умѣющій оберегать товарищей, не годится для насъ, говорилъ онъ.

Вѣра въ дѣло партіи, въ людей ее составляющихъ, у него была безпредѣльная. Честь партіи онъ цѣнилъ выше всего. Будучи замѣшанъ въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, онъ говорилъ:

— Если меня арестуютъ, то я сейчасъ признаюсь во всемъ, что я сдѣлалъ, конечно, никого не компрометируя, и заявлю властямъ, что поступалъ такъ по приказанію Исполнительнаго Комитета.

На возраженіе, что это глупо, что если онъ попадется съ пустяками и будетъ возможность оправдаться, то нечего губить себя задаромъ, онъ отвѣчалъ:

— Наше дѣло, господа, чистое и мы не должны давать малѣйшаго повода думать, будто стыдимся своего дѣла или боимся отвѣтственности; мы должны всегда съ гордостью заявлять, кто мы и что мы дѣлаемъ, а не вилять въ разныя стороны.

Довѣріе къ Суханову изъ нелегальной комитетской среды пе-

ренеслось отчасти и на насъ, его друзей. Квартира Суханова была однимъ изъ центральныхъ сборныхъ пунктовъ тогдашнихъ нелегальныхъ, и мы, только что вступившіе въ организацію, бывали тамъ, какъ дома, встрѣчались съ комитетскими людьми, знали ихъ настоящія фамиліи; при насъ о многомъ говорилось, и многое мы знали—вообще нашимъ присутствіемъ не стѣснялись, и мы постепенно знакомились со средой этихъ замѣчательныхъ людей; а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ съ Желябовымъ, у насъ установились теплыя отношенія. Мнѣ лично пришлось въ это время познакомиться у Суханова съ Желябовымъ, Колоткевичемъ, Перовской, Фигнеръ, Кибальчичемъ, Исаевымъ, Златопольскимъ, Грачевскимъ и многими другими. Встрѣчу и разговоры съ этими обаятельными личностями производили на насъ неизгладимое впечатлѣніе: съ каждой новой встрѣчей мы все болѣе и болѣе уходили тѣломъ и душой изъ стараго міра, въ которомъ жили раньше, въ новый полный чистоты и самоотверженія. Мы чувствовали, что сами становимся лучше и нравственно выростаемъ.

Вліяніе этихъ апостольскихъ натуръ я чувствую на себѣ и до сихъ поръ, несмотря на протекшіе многіе годы. И, если въ моей душѣ и до сихъ поръ, несмотря на все пережитое и всѣ испытанныя разочарованія, еще живетъ нѣсколько наивная, романтическая идеализація людей, то это благодаря тому, что я имѣлъ счастье бывать въ обществѣ нашихъ незабвенныхъ погибшихъ товарищей. Кто зналъ ихъ, тотъ не можетъ разочароваться въ людяхъ, онъ скорѣе будетъ склоненъ идеализировать ихъ.

V.

Образовавъ нашъ кружокъ, мы стали заниматься привлеченіемъ къ нашему дѣлу другихъ офицеровъ, и мало-по-малу нашъ кружокъ сталъ понемногу расширяться, и въ концѣ концовъ онъ состоялъ изъ четырнадцати человѣкъ: лейтенантовъ—Штромберга, З—на, Р—го, Г—ва, и меня; мичмановъ, Д—скаго, Д—на, С—ва, Е—чъ, А—ва, А—нъ (впослѣдствіи командиръ одного изъ броненосныхъ кораблей Портъ-Артура), Юнга и штурманскихъ офицеровъ К—ча и П—ва.

Но помимо нашей пропаганды, о которой я буду говорить далѣе, мы оказывали кое-какія услуги партіи.

Наши поѣздки къ Суханову въ Петербургъ по дѣламъ военной организаціи и для бесѣдъ съ людьми партіи по поводу тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ служили иногда поводомъ къ оказанію небольшихъ услугъ партіи. Такъ для примѣра разскажу, какъ двое изъ нашихъ товарищей очищали квартиру В. Н. Фигнеръ.

Какъ то разъ у Николая Евгеньевича сидѣли Штромбергъ и З—нъ и о чемъ-то бесѣдовали. Вдругъ приходитъ Грачевскій и сообщаетъ:

— Нужно очистить квартиру, Григорій (Исаевъ) взятъ.

Сухановъ сейчасъ же вскочилъ, сказавъ:

— Пойдемте, господа!

II компанія, состоявшая изъ трехъ офицеровъ и одного нелегальнаго, отправилась въ походъ. Подходя къ квартирѣ Вѣры Николаевны, они замѣтили подозрительное движеніе полиціи, которой около этихъ мѣстъ было болѣе обыкновеннаго. На бѣду еще не могли увидѣть знака, такъ что нельзя было опредѣлить: открыта полиціей квартира или нѣтъ. Что дѣлать. Идти назадъ? Нельзя же оставить товарища, который тамъ находится, безъ помощи; идти въ квартиру—почти вѣрный провалъ.

— Я пойду, господа, меня какъ офицера, не заподозрятъ; спрошу какую нибудь фамилію,—и все,—сказалъ Сухановъ.

Его не пустили, пошелъ Грачевскій, условившись съ оставшимися, что если онъ тотчасъ же не выдетъ, то значитъ—плохо. Съ замираніемъ сердца ждали его возвращенія офицеры. Вѣдь здѣсь дѣло шло о судьбѣ двухъ такихъ цѣнныхъ лицъ, какъ Грачевскій и Вѣра Николаевна, сидѣвшая въ квартирѣ. Ожиданіе продолжалось недолго. Минуты черезъ двѣ показался Грачевскій, и всѣ отправились на верхъ. Въ квартирѣ сидѣла Вѣра Николаевна; на столѣ былъ самоваръ, и она спокойная, веселая, занималась чаепитіемъ. Поздоровавшись съ пришедшими, Вѣра Николаевна сказала:

— Не хотите ли чаю, господа?

— Отстаньте вы со своимъ чаемъ, кругомъ полиція, давайте скорѣе вещи и идемъ [1]).

Въ этой квартирѣ была типографія „Рабочей Газеты“ и какія-то жестяныя бомбы съ бумажными фитилями (кажется, петарды для обороны конспиративныхъ квартиръ), всего было пудовъ около пяти, шести. Шрифтъ пришлось класть частью въ пакетахъ, подъ сюртуки, частью брать въ мѣшкахъ въ руки, а станки прятались въ чемоданъ. На З—на, благодаря его крѣпкому тѣлосложенію, навалили массу груза. На грудь ему, напримѣръ, положили наборъ „объявленія къ крестьянамъ“, такъ-что онъ сдѣлался весь синій и еле дышалъ, какъ онъ впослѣдствіи мнѣ разсказывалъ; да и всѣмъ было не легко. Когда забрали вещи, Вѣра Николаевна подмела комнату, и всѣ двинулись въ путь. Опять то же необыкновенное движеніе полиціи и усиленное количество ея. Удивительно, какъ тогда не арестовали очищавшихъ квартиру. Я думаю, что спасъ мундиръ, ибо въ то время онъ былъ еще внѣ подозрѣній.

Какъ послѣ намъ сообщали, полицейское оживленіе происходило отъ того, что начальству была извѣстна мѣстность, гдѣ находилась квартира Исаева; домъ же еще не былъ опредѣленъ, и дворники этой улицы были уже въ это время посланы въ полицію, гдѣ имъ показывали Исаева, спрашивая, не узнаетъ ли кто изъ нихъ своего жильца.

Вскорѣ потомъ тѣ же товарищи перевезли эту типографію къ намъ въ Кронштадтъ и мы помѣстили ее у члена нашего кружка, штурманскаго поручика П—ва.

Подобныя услуги чаще всѣхъ оказывалъ Штромбергъ про-

[1]) Эту сцену я описалъ такъ, какъ мнѣ тогда разсказывали товарищи.

водившій почти половину своего времени въ Петербургѣ и не разъ принимавшій участіе въ очисткѣ нелегальныхъ квартиръ.

Мы доставляли также партіи нѣкоторые нужные для нея матеріалы и оружіе.

Мы такъ же сообщали кое-какія политическія свѣдѣнія, благодаря тому, что нѣкоторые изъ насъ вращались тогда въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. У меня, напримѣръ, въ то время были обширныя знакомства во вліятельныхъ судейскихъ сферахъ, а въ двухъ знакомыхъ домахъ я имѣлъ возможность встрѣчаться съ членами государственнаго совѣта и сенаторами.

Двое изъ нашихъ товарищей по кружку отвозили номера „Народной Воли“ изъ Петербурга, гдѣ была тайная типографія, въ Москву. Р—въ отвезъ два чемодана, кажется, съ седьмымъ номеромъ, а Д—скій такое-же количество экземпляровъ девятаго номера. Тогда очень строго слѣдили за проѣзжающими, и нелегальнымъ трудно было бы доставить быстро такое-же количество экземпляровъ для распространенія въ Россіи, потому обращались къ намъ, такъ какъ въ то время безъ особенно важныхъ причинъ, полиція не осмѣливалась задерживать офицеровъ или обыскивать ихъ багажъ.

Наши сношенія съ Сухановымъ и нелегальными поддерживались также пріѣздами ихъ къ намъ. Сухановъ часто бывалъ у насъ одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ нелегальныхъ. Вскорѣ послѣ 1-го марта, онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, привезя съ собою „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“, „Воззваніе къ европейскому обществу“ и „Объявленіе къ крестьянамъ“.

Прочитавъ письмо, Сухановъ передалъ намъ предложеніе И. К. освободить Нечаева, Ширяева и нѣкоторыхъ другихъ заключенныхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Мы согласились, такъ какъ это вполнѣ соотвѣтствовало нашему тогдашнему настроенію.

Я былъ увѣренъ въ этомъ, господа,—сказалъ Сухановъ,—и уже сообщилъ въ Комитетѣ, что на такое дѣло морской кружокъ всегда согласится. Теперь намъ нужно выбрать распорядителя.

Нѣкоторые предложили выбрать распорядителемъ Суханова, но тотъ категорически отказался.

Я не способенъ быть начальникомъ въ такомъ дѣлѣ, сказалъ онъ; лучше выберемъ Г—го, онъ самый подходящій для этого человѣкъ, и я съ удовольствіемъ пойду за нимъ, какъ рядовой.

Г—го, дѣйствительно обладалъ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и имѣлъ способность все видѣть, наблюдать и предусмотрѣть. Разсказывали, что еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ провозилъ въ Литву порохъ для заговорщиковъ (онъ былъ Литовецъ).

Когда начали обсуждать планъ освобожденія, Сухановъ сообщилъ, что Нечаевъ распропагандировалъ и съорганизовалъ почти всю внутреннюю стражу равелина, а потому дѣло не будетъ представлять непреодолимыхъ затрудненій, такъ какъ намъ придется дѣйствовать только снаружи, внутри же будетъ помогать организованная Нечаевымъ стража.

Кромѣ насъ въ этомъ предпріятіи долженъ былъ принять участіе и Николай Михайловичъ Рогачевъ, но оно не состоялось, благодаря провалу Нечаевской организаціи среди равелинской стражи.

Въ этотъ же вечеръ Сухановъ спросилъ: „кто изъ насъ согласился бы принять участіе въ террористическихъ актахъ", но мы всѣ отказались. И Сухановъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ этого, я какъ то сидѣлъ у себя дома, вдругъ неожиданно заходитъ Сухановъ.

— А я къ вамъ гостью привезъ—проговорилъ онъ.

— Кого? спросилъ я.

— Вѣру Николаевну, она внизу на извозчикѣ дожидается, нужно проводить ее на квартиру Штромберга и З—на.

Я спустился внизъ и мы проводили Вѣру Николаевну на квартиру къ названнымъ товарищамъ, гдѣ и устроили для нея комнату. Она провела дней десять—двѣнадцать. Оказалось, что ее ищетъ полиція по всему Петербургу, и ей необходимо было временно укрыться.

Пребываніе у насъ этой замѣчательной женщины было настоящимъ праздникомъ для всего нашего кружка; и мы всѣ къ ней привязались. Но не только на насъ она имѣла вліяніе, но и на многихъ, случайно заходившихъ сослуживцевъ, которымъ ее представляли, какъ кузину З—на, она оставляла глубокое впечатлѣніе своимъ умомъ и энергіей, соединенными съ поразительной женственностью и граціей.

Разскажу маленькій эпизодъ изъ ея пребыванія, который могъ бы окончиться очень печально.

Кто-то изъ товарищей, желая развлечь Вѣру Николаевну, предложилъ пойти вмѣстѣ съ нею въ клубъ, въ музыкальную комнату, поиграть на роялѣ. Нѣкоторые выразили опасеніе, но другіе настаивали на томъ, что это пустяки, разъ мы будемъ въ музыкальной комнатѣ, туда никто войти не сможетъ, да и Вѣру Николаевну здѣсь никто не знаетъ. В. Н. приняла ихъ сторону и мы пошли и провели очень пріятный вечеръ въ музыкальной комнатѣ—играли и пѣли.

Однако оказалось, что это было не такъ безопасно.

Уже послѣ отъѣзда Вѣры Николаевны, ко мнѣ въ клубѣ подошелъ знакомый докторъ Н—въ и говоритъ:

— Какъ можно быть такими легкомысленными, какъ вы и ваши товарищи.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ну, какъ можно было вести въ клубъ Вѣру Фигнеръ, я узналъ ее, когда она проходила съ вами по залѣ.

— Развѣ вы ее знаете?

— Встрѣчалъ въ Москвѣ, когда былъ студентомъ, да и я не одинъ ее здѣсь знаю.

Хорошо, что это былъ докторъ Н—въ, сочувствующій человѣкъ, а не кто другой.

Былъ между прочимъ планъ освобожденія осужденныхъ по

дѣлу 1-го марта: Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова.

Предполагалось собрать человѣкъ триста петербургскихъ рабочихъ, раздѣлить ихъ на три группы: двѣ—человѣкъ по пятидесяти, а одну—въ двѣсти. Во главѣ этихъ группъ должны были находиться всѣ петербургскіе и кронштадтскіе офицеры. Группы предполагалось распредѣлить на трехъ, выходящихъ на Литейный проспектъ параллельныхъ улицахъ: на крайнихъ—малыя группы, на средней—большую. И вотъ, когда процессія проходила бы среднюю группу, всѣ три группы, по сигналу, должны были броситься впередъ, увлекая въ своемъ порывѣ толпу, и одновременно прорвать шпалеры войскъ, боковыя группы произвели бы замѣшательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочивъ на которыя офицеры обрѣзали бы веревки на осужденныхъ и увлекли бы ихъ въ толпу, съ которой вмѣстѣ отхлынули бы обратно въ боковую улицу, гдѣ должны были ожидать двѣ кареты съ платьемъ и всѣмъ нужнымъ для переодѣванія.

Не знаю кѣмъ былъ выработанъ этотъ планъ, но когда насъ о немъ извѣщали, то вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили, что иниціатива освобожденія принадлежитъ рабочимъ, распропагандированнымъ Рысаковымъ, что нужное число рабочихъ уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этотъ планъ не состоялся и насколько серьезно имъ занимались, я не знаю.

Вскорѣ послѣ этого намъ было предложено заняться печатаніемъ партійной литературы, особенно военной (гектографированіемъ мы уже занимались). Для этого предполагалось использовать перевезенную къ намъ типографію, а Грачевскій долженъ былъ насъ научить набору.

И вотъ, къ назначенному времени, насъ человѣкъ пять собралось на квартиру З—на, туда П—въ перевезъ типографію, пріѣхалъ Грачевскій и долженъ былъ пріѣхать Сухановъ. Но только мы успѣли разложить типографскія принадлежности, и Грачевскій началъ намъ показывать, какъ надо набирать, раздался стукъ и вошелъ нашъ товарищъ по кружку лейтенантъ Г—го, только что возвратившійся изъ Москвы, куда онъ провожалъ Вѣру Николаевну.

Мы обрадовались его возвращенію и сейчасъ спросили его благополучно ли доѣхала Вѣра Николавна.

— Она-то благополучно, но готовится другая бѣда, — отвѣтилъ онъ.

— Какая бѣда? Въ чемъ дѣло?—засыпали мы его вопросами.

— Подходя къ квартирѣ Суханова, я замѣтилъ усиленное движеніе полиціи,—разсказывалъ пріѣзжій—перешелъ на другую сторону, сталъ наблюдать за квартирой и замѣтилъ, что какую-то женщину, вышедшую съ запиской изъ дому, гдѣ жилъ Сухановъ, околодочный остановилъ, взялъ записку, вѣроятно посмотрѣлъ адресъ, и возвративъ записку, отпустилъ женщину. Замѣтивъ это, я рѣшился, не заходя къ Суханову, ѣхать предупредить васъ.

Мы, конечно, поняли, что дѣло неладно и немедленно-же сложили типографію, отправили ее сначала къ Р—ву, а потомъ опять

къ П—ву. Грачевскаго я взялъ къ себѣ на квартиру, и мы рѣшили на другой день встрѣтиться въ морскомъ клубѣ и тамъ узнать, какъ обстоятъ дѣла.

Хорошо, что Г—го во время предупредилъ насъ. На другой день въ 4 ч. утра былъ арестованъ Сухановъ, а въ 11 ч. того же дня были произведены обыски у Штромберга, Г—го и Ѳ—на. Черезъ два дня Штромбергъ и Г—го были арестованы и увезены въ Петербургъ. Все это произошло 28-го апрѣля 1881 года.

VI.

Далѣе мнѣ уже не придется говорить ни о Сухановѣ, ни о Штромбергѣ, ни о Г—го, а потому я считаю не лишнимъ познакомить теперь же читателей съ ихъ судьбою.

Г—го, когда его привезли въ Петербургское комендантское управленіе и тамъ потребовали у него оружіе, онъ иронически замѣтилъ „а, если я не отдамъ?"—и замолчалъ; и молчалъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ своего заключенія, что ему было весьма легко, такъ какъ и на волѣ онъ кромѣ друзей почти ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривалъ. Его заподозрили въ психическомъ разстройствѣ и помѣстили въ Николаевскій госпиталь. Оттуда онъ завелъ, черезъ докторовъ, сношенія съ нами. Наконецъ властямъ надоѣло его держать и, не имѣя противъ него никакихъ уликъ, его выпустили съ переводомъ въ Каспійскую флотилію.

Передъ отправленіемъ туда, онъ зашелъ въ Кронштадтѣ къ одному изъ нашихъ сослуживцевъ и вотъ какъ послѣдній передавалъ происходившій между ними разговоръ. Г—го вошелъ, поздоровался и сейчасъ же спросилъ:—гдѣ З—нъ?

— Въ плаваніи.

— Серебряковъ?

— Въ плаваніи.

— Юнгъ? и т. д. въ томъ же родѣ. Г—го, пересчитавъ нѣсколькихъ друзей и, получая тотъ же отвѣтъ, сѣлъ за фисгармонику, проигралъ краковьякъ, поклонился удивленному хозяину квартиры и ушелъ, не произнося болѣе ни слова. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій.

Штромбергъ—при первомъ же допросѣ, когда у него спросили о комъ-то изъ знакомыхъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Что-же, вы меня за шпіона принимаете!

Болѣе подобныхъ вопросовъ ему не задавали, да и вообще почти не допрашивали, такъ какъ онъ вскорѣ отказался давать какія бы то ни было показанія. Черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ его сослали въ Верхоленскъ, тамъ онъ очень страдалъ тяжелой формой цынги. Изрѣдка мы, черезъ его сестру, получали о немъ извѣстія и исполняли его порученія.

Черезъ два года, вслѣдствіе показаній Дегаева, Штромберга привезли обратно въ Петербургъ, гдѣ на первомъ же допросѣ онъ опять отказался давать показанія. Сидя въ заключеніи, онъ забо-

лѣлъ тифомъ, былъ при смерти, наконецъ оправился. По выздоровленіи опять допросъ и опять тотъ же отказъ отъ показаній.

Послѣ смертнаго приговора, когда осужденнымъ предложено было подать прошеніе о помилованіи, Штромбергъ на вопросъ Рогачева:

— Что вы думаете объ этомъ? отвѣтилъ: „я для этого не грамотенъ".

Вскорѣ послѣ того они вмѣстѣ съ Рогачевымъ были перевезены въ Шлиссельбургъ и тамъ повѣшены.

Квартира Суханова [1]) была окружена полиціей съ воскресенья утра до понедѣльника, когда онъ былъ арестованъ. На квартирѣ у него былъ довольно большой складъ революціонной литературы. Узнавъ объ этомъ, Николай Михайловичъ Рогачевъ рѣшилъ пойти очистить квартиру. Войдя въ подъѣздъ, онъ замѣтилъ штатскаго, разговаривающаго со швейцаромъ и, между прочимъ, услышалъ слѣдующія слова:

— Это тотъ?—спросилъ штатскій, указывая глазами на Рогачева.

— Нѣтъ, тотъ маленькій съ большой бородой—отвѣтилъ швейцаръ [2]).

Поднявшись къ Суханову, Рогачевъ забралъ всю бывшую у него литературу, уложилъ ее подъ мундиръ, и уходя, спросилъ Суханова:

— Будете ли вы оказывать вооруженное сопротивленіе?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сухановъ.—Я боюсь напугать сестру и племянника [3]).

Простившись съ Сухановымъ, Рогачевъ отправился. Увидя двухъ извощиковъ, онъ хотѣлъ нанять лучшаго изъ нихъ. Тотъ отказался, сказавъ, что занятъ; другой же, плохенькій, согласился за неимовѣрно дешевую цѣну. Когда Рогачевъ поѣхалъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ какой-то штатскій на хорошемъ извозчикѣ. По дорогѣ Рогачевъ соскочилъ съ извозчика и ушелъ черезъ проходной дворъ.

Насколько безукоризненный человѣкъ былъ Николай Евгеніевичъ, можно отчасти судить по тѣмъ толкамъ, которые шли среди офицеровъ въ Кронштадтѣ послѣ его ареста. Обыкновенно, когда случится несчастіе съ человѣкомъ и онъ уже не можетъ защищаться, начинается клевета; разсказываютъ небывалыя вещи, обвиняютъ въ невѣроятныхъ преступленіяхъ. Но такъ чиста была его репутація среди моряковъ, такимъ уваженіемъ онъ пользовался, что никто не рисковалъ разсказывать о немъ что нибудь позорящее. Даже враги его, которыхъ было не мало, довольствовались только тѣмъ, что обвиняли его въ соучастіи въ террорѣ и въ томъ, что онъ опозорилъ морской мундиръ.

---

[1]) Суханова выдалъ Меркуловъ, встрѣчавшій его на Малой Садовой у Кобозева-Богдановича, изъ квартиры котораго велся подкопъ.

[2]) Очевидно, по описанію подразумѣвался Штромбергъ.

[3]) Съ нимъ жила сестра съ сыномъ пяти лѣтъ.

Исторія адреса моряковъ по поводу ареста Суханова—такова:

Завѣдующій миннымъ классомъ, капитанъ 1-го ранга Верховскій боялся, что арестъ Суханова отзовется на немъ, такъ какъ Сухановъ былъ переведенъ въ Петербургъ по его настоянію. Онъ напугалъ главнаго командира Кронштадтскаго порта тѣмъ, что тотъ можетъ потерять свое мѣсто.

Главный командиръ, согласившись съ нимъ, приказалъ старшинамъ клуба написать адресъ; члены же клуба для подписи адреса были созваны повѣстками отъ своихъ экипажныхъ командировъ слѣдующаго содержанія:

„Предписываю Вашему Благородію явиться въ клубъ такого-то числа для подписанія адреса“.

Адресъ былъ составленъ старшиною клуба, капитанъ-лейтенантомъ Бирилевымъ (впослѣдствіи морской министръ), и, какъ всѣмъ извѣстно, былъ составленъ не особенно удачно [1]). Масса офицеровъ, собравшись въ клубѣ, была въ мрачномъ настроеніи. Всѣ были крайне недовольны этой комедіей.

Арестъ Суханова вызвалъ оживленные толки не только въ Кронштадтѣ, но и въ петербургскомъ обществѣ. О немъ слагались цѣлыя легенды. Нѣкоторые высказывали мнѣніе, что Сухановъ былъ предсѣдателемъ Исполнительнаго Комитета, что съ его арестомъ „Народная Воля“ окончательно разбита. Но въ петербургскомъ обществѣ, какъ и въ кронштадтскомъ, никто не смѣлъ бросить въ него грязью, какъ въ частнаго человѣка. Всѣмъ извѣстно, какъ держалъ себя Сухановъ во время суда, а также извѣстна и рѣчь его: простой, чистосердечный разсказъ о причинахъ, побудившихъ его выйти на борьбу съ правительствомъ. Сухановъ не былъ краснорѣчивъ, но когда онъ говорилъ, то въ его голосѣ, въ его манерахъ была такая чистосердечность и искренность, что онъ производилъ въ высшей степени сильное впечатлѣніе на слушателей. Когда онъ сказалъ свою рѣчь, то судьи прослезились, и даже, какъ мнѣ разсказывалъ членъ судебной палаты присутствовавшій на судѣ Дрейеръ [2]) и тотъ пролилъ крокодилову слезу.

Почти черезъ годъ послѣ ареста привезли Николая Евгеньевича въ сѣрой арестантской шинели въ Кронштадтъ для разстрѣла. Казнь совершалъ первый экипажъ. Зная любовь офицеровъ къ Суханову, начальство не рѣшилось назначить командиромъ взвода производившаго разстрѣлъ, офицера, а назначило унтеръ-офицера. Всею церемоніей командовалъ контръ-адмиралъ Крузенштернъ.

Очевидцы казни разсказывали, что Николай Евгеньевичъ за время своего заключенія почти не измѣнился и, какъ они выражались, во взглядѣ его было больше доброты, какъ бы святости. Держалъ себя во время казни Николай Евгеньевичъ смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромно. Когда онъ вышелъ изъ кареты, то оки-

---

[1]) Вся легальная пресса осмѣяла его, а въ высшихъ сферахъ, какъ намъ передавали, нашли его неумѣстнымъ.

[2]) Предсѣдатель особаго присутствія Сената, судившаго Суханова и др. народовольцевъ (Процессъ 20-ти).

нулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Послѣ же во все время приготовленія къ казни, онъ уже не смотрѣлъ на публику, какъ бы боясь своимъ взглядомъ скомпрометировать кого-нибудь изъ друзей. Послѣ прочтенія приговора онъ самъ надѣлъ рубаху съ длинными рукавами, когда же его привязали къ столбу и стали завязывать глаза, онъ что-то сказалъ матросу, который, поправивъ повязку, отошелъ.

— Мы всѣ какъ будто замерли, устремивъ глаза на Суханова— разсказывалъ мнѣ очевидецъ.—Вдругъ раздался залпъ, голова Суханова опустилась на грудь, и я почувствовалъ, какъ что-то у меня оборвалось въ груди; слезы подступили къ глазамъ и я, боясь разрыдаться, долженъ былъ быстро уйти.

VII.

Такъ какъ намъ приходилось главнымъ образомъ вести пропаганду въ той средѣ, въ которой мы выросли, которую считали своей и которой довѣряли, то мы вели ее недостаточно конспиративно, а потому вскорѣ во флотѣ мы стали извѣстны, какъ революціонеры и соціалисты. Особенно сильно начали объ этомъ говорить послѣ ареста Суханова, Штромберга и Г—го. Но въ то время морская среда была такъ дружна и корпоративна, что изъ ея среды очень мало и очень рѣдко что либо могло дойти до ушей департамента полиціи. А наша популярность достигла обширныхъ размѣровъ.

Однажды я встрѣчаю на улицѣ знакомаго лейтенанта П., служившаго въ то время въ Инспекторскомъ Департаментѣ. Онъ съ удивленіемъ на меня взглянулъ и воскликнулъ:

— Какъ, вы не арестованы?!

— За что?—спросилъ я.

— Вѣдь вы въ одной компаніи съ Сухановымъ и Штромбергомъ.

Въ другой разъ въ клубѣ я познакомился съ одной барышней, дочерью адмирала ***, она просила меня бывать у нихъ и сказала, что ея отецъ пришлетъ мнѣ приглашеніе.

Приглашенія я не получилъ, но на слѣдующій разъ при встрѣчѣ въ клубѣ, она мнѣ съ удивленіемъ говоритъ:

— Ничего не понимаю, отецъ никогда не мѣшаетъ мнѣ приглашать, кого хочу; а теперь—только я успѣла упомянуть вашу фамилію, какъ онъ воскликнулъ: Я не хочу, чтобы этотъ соціалистъ бывалъ у меня въ домѣ! я просто поражена.

Мой командиръ безъ моего вѣдома выхлопоталъ мнѣ переводъ въ артиллерійскіе офицерскіе классы, очевидно съ цѣлью избавиться отъ меня. А старшій офицеръ, заходя ко мнѣ, говаривалъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, если у васъ хорошенько поискать, то...—и онъ не доканчивалъ фразы.

Кстати разскажу маленькій эпизодъ, какъ всякое вѣдомство старается отклонить отъ себя непріятности.

Вскорѣ послѣ 1-го марта, еще до ареста Суханова, когда были найдены бомбы на Телѣжной улицѣ, заподозрили, что въ нихъ были употреблены запалы морского министерства; потребовали спеціалиста изъ Кронштадта. Былъ посланъ минный офицеръ лейтенантъ Б.—реакціонеръ по убѣжденію. И вотъ, что онъ говорилъ въ клубѣ о своей поѣздкѣ.

Прихожу, показываютъ запалы... смотрю наши!—никакого сомнѣнія наши!... Но чортъ ихъ побери, я имъ втеръ очки... доказалъ, что австрійскіе. А то такую бы кашу заварили.

Но все это среди большого круга офицерства. Между-же близкими товарищами многіе хорошо знали, что мы въ партіи, даже тѣ, которые держались самыхъ реакціонныхъ взглядовъ. У насъ съ ними бывали страшные споры; нѣкоторые изъ нихъ ругали революціонеровъ; говорили, что для нихъ мало кола и висѣлицы; а на нашъ вопросъ,—что же такое мы?—отвѣчали:

— Вы?—вы—дураки! которыхъ водятъ за носъ эти хитрые и скверные людишки.

Нѣкоторые изъ нихъ шли дальше и если, приходя къ намъ въ наше отсутствіе, находили нелегальную литературу, то жгли ее съ желаніемъ спасти насъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось у меня раза два.

По большей части споры съ товарищами-реакціонерами оканчивались ничѣмъ. Они обыкновенно не приводили никакихъ аргументовъ, а просто бранились. Вотъ напр. мой разговоръ съ однимъ изъ нихъ, лейтенантомъ С—мъ. Войдя ко мнѣ, онъ увидѣлъ у меня на столѣ сочиненія Добролюбова.

— Зачѣмъ у тебя этотъ мерзавецъ?—спросилъ онъ.

— А ты его читалъ?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ почему-же ты знаешь, что онъ мерзавецъ; прочти, тогда и говори.

— Не хочу его читать, отвѣтилъ онъ.

— Боишься?

— Не боюсь, а не хочу! и онъ, проговоривъ это, поспѣшно ушелъ.

Очевидно, онъ боялся; чувствовалъ, что потеряетъ равновѣсіе. Это подтверждаетъ другой подобный случай: у меня съ другимъ сослуживцемъ, лейтенантомъ Т—мъ произошелъ почти такой-же разговоръ. Но послѣднему дней черезъ пять послѣ разговора я предложилъ вмѣсто Добролюбова, Бѣлинскаго. Онъ постѣснялся отказаться и, отъ нечего дѣлать, сталъ его читать. И что же? Мѣсяца черезъ три онъ прочелъ Лассаля, потомъ взялся за Маркса, а мѣсяцевъ черезъ шесть согласился работать для партіи.

Съ другимъ товарищемъ, убѣжденнымъ консерваторомъ, пришлось вести много споровъ, начиная съ избранія на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, и разбирать вопросъ о томъ, представлялъ ли собою Земскій Соборъ всю Россію и вручилъ ли онъ самодержавіе избранному имъ Михаилу Ѳедоровичу, или—сохранилъ за народомъ право голоса въ дѣлахъ страны. Нашъ това-

рищъ все обдумывалъ, боролся, но мало-по-малу, убѣжденный историческими фактами, сталъ быстро отступать и наконецъ убѣдился, что ни въ одной странѣ, ни одинъ народъ никогда добровольно не отказывался имѣть голосъ въ рѣшеніи дѣлъ его касающихся. Разъ этотъ фундаментъ былъ разрушенъ, онъ чрезвычайно быстро сталъ воспринимать новое міровозрѣніе, сталъ намъ сочувствовать и содѣйствовать. При этомъ интересно замѣтить, что жена его, бывшая курсистка, была либеральная дама и вначалѣ нашихъ споровъ поддерживала насъ, когда же онъ сталъ краснѣть, она начала блѣднѣть, и черезъ полгода онъ былъ съ нами, а она превратилась въ консервативную даму. Она знала, что ея мужъ человѣкъ честный и прямолинейный—онъ былъ прямолинейнымъ консерваторомъ и, если перемѣнилъ взглядъ, то будетъ такимъ-же прямолинейнымъ радикаломъ, и фразами не удовольствуется.

Вообще въ наше время, какъ я замѣтилъ, часто было легче имѣть дѣло съ чистымъ, убѣжденнымъ консерваторомъ, чѣмъ съ такъ называемыми либеральничающими. Тутъ была борьба двухъ искреннихъ убѣжденій и, если спорящіе дѣйствительно искали истины, то правая сторона брала верхъ. Тогда, какъ либеральствующіе очень много говорили высокихъ фразъ, но какъ дѣло касалось какого-нибудь опредѣленнаго окончательнаго мнѣнія, то сейчасъ какъ-то ускользали изъ рукъ. Они вообще были какіе-то половинчатые люди, не имѣвшіе яснаго опредѣленнаго міровозрѣнія.

Наибольшимъ успѣхомъ наша пропаганда пользовалась среди офицеровъ серьезно образованныхъ и уже самостоятельно пришедшихъ къ убѣжденію, что господствовавшій въ то время режимъ устарѣлъ и ведетъ Россію къ погибели.

Былъ еще одинъ типъ офицеровъ—философовъ.

Я зналъ кружокъ офицеровъ, перечитавшихъ почти всѣхъ философовъ, постоянно искавшихъ абсолютной истины и, конечно, никогда ее не находившихъ.

Съ ними невозможно было сговориться. Для рѣшенія самаго простого вопроса нужно было выдвигать всю философскую армію и начинать чуть ли не съ Адама.

Что происходило во флотѣ, то отчасти происходило и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ войска. Такъ напр. не помню, кто изъ артиллеристовъ разсказывалъ мнѣ, что хотя онъ и одинъ изъ своей батареи состоитъ членомъ партіи, но вся батарея объ этомъ знаетъ и ея командиръ сказалъ ему съ глазу на глазъ:

— Если вы начнете серьезное дѣло (очевидно вооруженное возстаніе), то моя батарея будетъ съ вами.—Такихъ разсказовъ было много и ходъ организаціи доказывалъ, что эти разсказы не безосновательны.

Кромѣ личной пропаганды мы занимались и распространеніемъ партійной литературы среди офицерства. Въ этомъ намъ помогали всѣ сочувствующіе намъ офицеры, и литература распространялась въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Партійная литература производила не одинаковое впечатлѣніе

на офицеровъ. Все, что было написано просто и ясно, читалось съ интересомъ. Нѣкоторыя вещи имѣли даже огромный успѣхъ, какъ напр. „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“. Мнѣ приходилось часто слышать не только отъ офицеровъ флота, но и въ обществѣ отъ многихъ лицъ, что они обѣими руками подписались бы подъ условіями, заключавшимися въ этомъ письмѣ. Среди лицъ, отъ которыхъ я это слышалъ, было не мало гвардейскихъ офицеровъ и лицъ высокопоставленныхъ судебнаго и другихъ вѣдомствъ.

Но то, что было написано въ слишкомъ приподнятомъ стилѣ, въ особенности, если дѣло касалось офицеровъ, вызывало неодобреніе и даже насмѣшки. Такъ я помню Исполнительный Комитетъ выпустилъ, не посовѣтовавшись съ нами, прокламацію. Одинъ экземпляръ этой прокламаціи попалъ къ адъютанту перваго экипажа лейтенанту Сергѣеву, тотъ передалъ ее экипажному командиру, контръ-адмиралу Крузенштерну, а этотъ послѣдній созвалъ всѣхъ насъ въ комнату и прочелъ громко прокламацію. Отовсюду послышались остроты и насмѣшки. Прокламація, дѣйствительно, была составлена неудачно—въ высокомъ декламаторскомъ стилѣ.

Мы распространяли литературу и пропагандировали идею партіи не только среди офицерства, но и въ петербургскомъ обществѣ (объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ).

VIII.

Съ арестомъ Желябова, Колоткевича, Суханова и Штромберга центральный военный кружокъ лишился своей наиболѣе активной половины. Но туда вошелъ лейтенантъ Буцевичъ, замѣнившій потерю Суханова.

Это былъ чрезвычайно талантливый организаторъ, обладавшій удивительной способностью разыскивать связи и привлекать людей. Онъ окончилъ курсъ въ морской академіи, а затѣмъ прослушалъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Его знакомство въ обоихъ министерствахъ и въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества давали ему возможность примѣнить свои способности организатора. Темпераментъ онъ имѣлъ не очень горячій, но былъ настойчивый и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ человѣкъ.

Вскорѣ послѣ ареста Суханова къ намъ въ Кронштадтъ пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Похитоновъ и передалъ, что, кромѣ ареста Суханова, все въ военномъ дѣлѣ обстоитъ благополучно. Онъ просилъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ пріѣхалъ для переговоровъ въ Петербургъ къ нему на квартиру, которую онъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ нанялъ на Кирочной улицѣ. Черезъ нѣсколько дней нашимъ представителемъ поѣхалъ З—нъ и сношенія возстановились. Но это уже былъ май мѣсяцъ, и мы всѣ ушли въ плаваніе.

Я пробылъ въ плаваніи около четырехъ мѣсяцевъ и почти

сейчасъ-же по возвращеніи въ Кронштадтъ уѣхалъ въ отпускъ на два мѣсяца, по своимъ личнымъ дѣламъ; по пути въ Москвѣ исполнилъ небольшое порученіе—завязать связи съ двумя тамошними офицерами.

По моемъ возвращеніи, вслѣдствіе обыска сдѣланнаго у Похитонова, центральный военный кружокъ сталъ иногда собираться у меня на квартирѣ въ Кронштадтѣ. На первомъ его собраніи мы узнали, что произошло за время нашего отсутствія.

За эти шесть мѣсяцевъ, благодаря поѣздкамъ Буцевича и Рогачева, были завязаны связи и созданы кружки: въ Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, Западномъ краѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, изъ которыхъ теперь я помню только Вильну. Въ самомъ Петербургѣ количество примкнувшихъ офицеровъ увеличилось, и Буцевичу удалось завязать связи въ штабѣ перваго армейскаго корпуса, такъ что онъ могъ содѣйствовать переводу нѣкоторыхъ офицеровъ въ полки этого корпуса. Онъ же завелъ связи съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ лицъ. Не могу теперь вспомнить какимъ образомъ и подъ какимъ предлогомъ онъ заручился обѣщаніемъ извѣстнаго генерала Драгомірова дать статью о русской арміи для нелегальнаго изданія.

Вообще въ это время дѣло военной организаціи обѣщало широкое распространеніе. Изъ разныхъ мѣстъ самыми разнообразными путями приходили извѣстія о самостоятельно образовавшихся офицерскихъ кружкахъ, ищущихъ связи съ центральной военной организаціей. Такъ, напримѣръ, черезъ петербургскую студенческую группу народовольцевъ получилось указаніе, что въ Минскѣ образовался кружокъ изъ четырехъ ротныхъ командировъ, полкового адъютанта и доктора, который проситъ прислать къ нимъ агента центральной военной организаціи.

Въ другомъ мѣстѣ агентъ Исполнительнаго Комитета случайно натолкнулся на кружокъ офицеровъ, человѣкъ въ пятнадцать. Этотъ кружокъ не хотѣлъ входить въ сношенія съ мѣстной партійной организаціей, а просилъ дать ему связи съ центральнымъ военнымъ кружкомъ. Такіе случаи были не единственными. Вообще по всѣмъ признакамъ среди офицерства въ то время шло очень сильное броженіе. И если бы военная организація обладала, въ то время, хотя бы небольшимъ количествомъ свободныхъ людей, которые могли бы разъѣзжать, то она достигла бы обширныхъ размѣровъ. Но въ этомъ отношеніи она была безсильна, офицерамъ очень трудно было получать отпуски, и то не болѣе, какъ на два мѣсяца и разъ въ два года. Болѣе частые и длинные отпуски можно было получать по особымъ причинамъ и съ большими затрудненіями. Опытныхъ нелегальныхъ въ то время у партіи было очень мало, такъ что ихъ не хватало выполнять и другія нужды партіи. Такъ, напр., работавшіе въ то время съ военной организаціей члены Исполнительнаго Комитета Савелій Златопольскій и Анна Павловна Корба вели всѣ дѣла партіи въ Петербургѣ.

Благодаря подобному положенію вещей, центральный военный

кружокъ могъ мало содѣйствовать развитію дѣла военной организаціи. Даже выработанные центральнымъ кружкомъ уставы для себя и мѣстныхъ организацій, фактически, были мертвой буквой. Если дѣло шло впередъ, то только благодаря мѣстнымъ силамъ, а иногда и частной иниціативѣ отдѣльныхъ офицеровъ.

Но и въ самомъ центральномъ военномъ кружкѣ постоянно мѣнялся составъ, старые члены его выбывали или лишались возможности энергично работать. Такъ Рогачевъ уѣхалъ изъ Петербурга къ своему мѣсту службы; Похитоновъ, въ виду сдѣланнаго у него обыска, долженъ былъ вести себя очень осторожно; Дегаевъ въ началѣ 82 года уѣхалъ на Кавказъ, и вся главная работа въ Петербургѣ лежала на Буцевичѣ; онъ, дѣйствительно, дѣлалъ много, но и онъ не могъ удѣлить всѣхъ своихъ силъ дѣлу военной организаціи.

Въ виду недостатка людей въ партіи, его привлекли и къ другой партійной дѣятельности. Онъ вмѣстѣ съ Анной Павловной Корбой и Грачевскимъ былъ выслѣженъ и арестованъ въ маѣ 1882 года по поводу устройства динамитной мастерской въ квартирѣ Прибылевыхъ.

Но несмотря на это, военная организація разросталась. У насъ въ Кронштадтѣ къ веснѣ 82 года во всѣхъ трехъ кружкахъ: морскомъ, артиллерійскомъ и пѣхотномъ было въ общемъ человѣкъ 25—30, а если считать сочувствующихъ, то набралось бы 50—60. Въ Петербургѣ было не меньше, если не больше. Во многихъ городахъ были группы и кружки. Теперь я могу вспомнить только, что кружки были въ Новгородѣ, Москвѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, въ Минскѣ, въ Вильнѣ и во многихъ другихъ городахъ, такъ-что въ общемъ военная организація достигала нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Но, какъ я выше указалъ, связь между этими кружками была весьма слабая.

IX.

Арестъ весною 1882 года Буцевича, Анны Павловны Корбы и Грачевскаго, нанесъ сильный ударъ военной организаціи. Этотъ арестъ совпалъ съ нашимъ уходомъ въ плаваніе, съ отъѣздомъ Похитонова къ мѣсту службы въ Кобеляки и съ разгромомъ партіи въ Москвѣ, такъ что все лѣто не существовало центральнаго военнаго кружка и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мы были оторваны отъ партіи и другъ отъ друга. И когда мы возвратились изъ плаванія, то оказались вполнѣ отрѣзанными и отъ военной организаціи и отъ партіи.

Въ сентябрѣ или октябрѣ неожиданно пріѣхалъ Дегаевъ и передалъ намъ, что, несмотря на пораженія, партія собирается съ силами и необходимо постараться возстановить единство военной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ выслать ему въ Одессу хранившуюся у насъ типографію, которую мы ему и выслали.

Вскорѣ по его отъѣздѣ пріѣхали два артиллерійскихъ офи-

цера изъ Новгорода, и намъ удалось возстановить кое съ кѣмъ связи. Кромѣ того я съ артиллерійскимъ штабсъ-капитаномъ Кунаевымъ побывали у многихъ изъ петербургскихъ членовъ нашей организаціи и возстановили съ ними связи.

Приблизительно въ октябрѣ пріѣхалъ къ намъ поручикъ Николай Михайловичъ Рогачевъ и сообщилъ, что онъ прямо съ юга, гдѣ видѣлся съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, которая предложила ему выйти въ отставку въ виду того, что силъ у партіи мало, особенно недостаетъ опытныхъ и рѣшительныхъ людей для активной работы въ партіи. Она также просила его, чтобы онъ подобралъ еще нѣсколько офицеровъ, которые согласились бы выйти въ отставку для той-же цѣли. Онъ спросилъ, не хочетъ ли кто изъ насъ выйти въ отставку, но мы всѣ отказались. Между прочимъ онъ сообщилъ, что партія сильно озабочена разстройствомъ дѣлъ въ военной организаціи и хотѣла бы возстановить ея взаимную связь, что для переговоровъ объ этомъ отъ южныхъ военныхъ кружковъ пріѣдетъ подполковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ, который для этой цѣли возьметъ одиннадцати-мѣсячный отпускъ.

Дѣйствительно, кажется, въ декабрѣ пріѣхалъ къ намъ подполковникъ Ашенбреннеръ. У насъ состоялись нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ приняли участіе Ашенбреннеръ, З—чъ, Панинъ и я (не помню принималъ ли кто еще участіе или нѣтъ). На этихъ совѣщаніяхъ мы обсуждали вопросъ, какую форму придать центральной военной организаціи, такъ какъ въ прежней своей формѣ она не удовлетворяла своему назначенію, фактически не имѣя возможности вліять на офицерскіе кружки и содѣйствовать имъ въ ихъ работѣ. Было рѣшено устроить нѣсколько районовъ сообразно расположенію войскъ и путямъ сообщенія. Каждый районъ долженъ былъ имѣть свой центральный кружокъ, состоящій изъ делегатовъ мѣстныхъ кружковъ. Центральная военная организація должна была состоять изъ объѣзжающихъ районы агентовъ и еще нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ какъ бы штабъ военной организаціи. Имена офицеровъ знали бы только объѣзжающіе агенты, каждый въ своемъ районѣ; а центральный кружокъ зналъ бы только общія цифры и явку для возстановленія сношеній на случай ареста объѣзжающаго агента.

Однимъ изъ такихъ агентовъ предполагался М. Ю. Ашенбреннеръ, который между прочимъ предложилъ въ агенты также своего товарища капитана Крайскаго.

Для выполненія этого плана было рѣшено, что Ашенбреннеръ объѣхавъ нѣсколько городовъ, встрѣтится со мною въ Харьковѣ и мы съ нимъ поѣдемъ по южнымъ городамъ, гдѣ онъ познакомитъ меня съ мѣстными кружками и капитаномъ Крайскимъ, и тогда можно будетъ окончательно рѣшить, какіе устроить районы и кого еще можно будетъ выбрать въ объѣздные агенты. И приблизительно въ половинѣ февраля Ашенбреннеръ уѣхалъ. Предъ его отъѣздомъ произошли два факта, оставившіе на насъ тяжелое впечатлѣніе. Штабсъ-капитанъ Кунаевъ зашелъ къ Ашенбреннеру и заявилъ, что онъ выходитъ изъ партіи на годъ. Что это означало,

такъ мы и не могли понять. Другимъ еще болѣе печальнымъ фактомъ для насъ явилось извѣстіе объ арестѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Послѣ отъѣзда Ашенбреннера, я съ большимъ трудомъ выхлопоталъ себѣ отпускъ и въ назначенное время пріѣхалъ въ Харьковъ. Но тамъ не засталъ, какъ было условлено, М. Ю. Ашенбреннера. Вскорѣ я узналъ объ арестѣ его и Похитонова. Такъ нашъ новый проектъ и остановился.

Изъ отпуска мнѣ пришлось ѣхать прямо въ Ревель на свой корабль, „Батарею Кремль", находившійся въ артиллерійскомъ отрядѣ и уже начавшій кампанію. Прибылъ я на свой корабль въ маѣ мѣсяцѣ и до перваго августа ничего ни о комъ не слышалъ. Въ этотъ же день, когда я стоялъ на вахтѣ, ко мнѣ подошелъ матросъ, возвратившійся съ берега и, подавая маленькую бумажку, проговорилъ:

— Ваше благородіе, вольный на берегу просилъ передать вамъ записку.

Я развернулъ бумажку и прочелъ: „Ваши друзья хотятъ васъ видѣть, приходите въ такую-то гостинницу".

По окончаніи вахты я съѣхалъ на берегъ и встрѣтилъ тамъ своего знакомаго Степурина, бывшаго артиллерійскаго офицера, но уже вышедшаго въ отставку. Онъ мнѣ сообщилъ, что по всей Россіи идутъ аресты офицеровъ. Со дня на день ждутъ арестовъ въ Кронштадтѣ, а на судахъ артиллерійскаго отряда должны арестовать меня и Р—ва, что эти извѣстія получены посредствомъ какихъ-то связей Сергѣй Петровичемъ (Дегаевымъ), который просилъ его, Степурина, извѣстить меня объ этомъ. Степуринъ [1]) совѣтовалъ мнѣ ѣхать за границу; я не соглашался, и на этомъ мы съ нимъ разстались, условившись въ перепискѣ.

Возвратясь на батарею, я посовѣтовался съ лейтенантомъ Т—мъ (о которомъ я говорилъ раньше). Онъ тоже совѣтовалъ уѣхать. Пріѣхалъ ко мнѣ Р—въ, который служилъ, кажется, тогда на „Русалкѣ". Я ему передалъ разговоръ со Степуринымъ, онъ категорически отказался уѣхать. Такъ прошло недѣли двѣ, я получилъ нѣсколько писемъ отъ Степурина, убѣждавшаго меня поторопиться съ отъѣздомъ, но мнѣ не хотѣлось уѣзжать. На третьей недѣлѣ пріѣхалъ нелегальный Овчинниковъ, передалъ мнѣ паспорта и разсказалъ, что аресты среди военныхъ продолжаются; я рѣшилъ уѣхать, 19-го августа 1883 года оставилъ корабль и послѣ долгихъ мытарствъ попалъ за границу.

Э. Серебряковъ.

[1]) Покончилъ самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ 84 году.

Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости.

Всякій народъ имѣетъ свою Бастилію. Ея имя служитъ символомъ гнета и насилія. Ея мученики дороги всѣмъ прогресивно-настроеннымъ людямъ, всѣмъ сочувствующимъ освободительной борьбѣ.

Для насъ русскихъ Бастиліей была Шлиссельбургская крѣпость, павшая подъ напоромъ революціоннаго движенія. Правительство тратило огромныя суммы для содержанія нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. А передъ амнистіей узниковъ было всего 13. Тѣмъ не менѣе тюрьма стояла. Она была нужна, какъ *угроза*. Само правительство смотрѣло на нее, какъ на символъ своей власти, своего самовластія.

Но если самодержавному правительству было такъ трудно уничтожить Шлиссельбургъ [1]), то тѣмъ труднѣе изгладить теперь память о немъ у русскаго человѣка. Она намъ дорога, какъ память о геройской борьбѣ, полной самоотверженія и любви къ родинѣ. Намъ дороги всѣ воспоминанія о жизни этихъ страдальцевъ, характеризующія мрачные застѣнки Шлиссельбурга. Ниже мы приводимъ небольшой документъ, оставшійся въ одной изъ рабочихъ камеръ крѣпости, послѣ того какъ послѣдніе узники были оттуда увезены. Это— объявленіе, повидимому писанное рукой одного изъ заключенныхъ, все истлѣвшее и пожелтѣвшее, вѣроятно, висѣвшее долгіе годы. Камера служила для токарныхъ работъ. Текстъ объявленія таковъ:

Всѣмъ работающимъ въ этой мастерской предлагается:

1) По окончаніи работы вытирать весь станокъ тряпкой отъ стружекъ и пыли.

2) Приводить въ порядокъ болванки подъ нарами и за кроватью, а работу складывать на полку, выбрасывая всѣ ненужные остатки.

3) Лакъ плотно затыкать и складывать съ ватой и бумагой въ коробку и ящикъ. Лакъ съ чужими именами не трогать.

4) Расколотыя ручки инстр. замѣнять сейчасъ-же новыми, а въ случаѣ какой-нибудь ломки инстр. или въ станкѣ исправлять самому, или . . . . [2]) и во всякомъ случаѣ записывать . . . . [2])

5) Кто разобьетъ посуду долженъ . . . [2]) на замѣнъ ея и записать на доскѣ, что это онъ разбилъ.

---

[1]) Увы, Шлиссельбургъ оказался даже и не „уничтоженнымъ“: его снова „населяютъ“... *Ред.*

[2]) Оторвано (истлѣло).

6) Не оставлять въ раковинѣ пролитыхъ красокъ, очищая ее пескомъ или стружками.

7) Не марать стола и наръ, подкладывая кк-нб. дощечку при употребленіи красокъ, лаку и клея.

8) Когда выходитъ уксусъ, перецъ, горч., сч.-же отдавать посуду жн. [1]) чб. дали къ слѣд. дню.

9) Въ случаѣ грязи и безпорядка при *приходѣ* въ мастерскую дѣлать надпись на доскѣ и извѣщать, послѣ кого именно найденъ безпорядокъ.

Это объявленіе написано чернилами на четвертушкѣ бумаги (съ 2-хъ сторонъ). Его текстъ показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью относились заключенные къ своему труду. Это умѣнье работать, эта безконечная энергія, непотухающая въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ даже у *вѣчныхъ* узниковъ — поражаетъ всякаго человѣка.

Отмѣтимъ и искру юмора, которая иллюстрируетъ бодрое настроеніе узниковъ. Подъ объявленіемъ внизу приписано карандашомъ слѣдующее четверостишіе:

Я эту конституцію
Охотно подпишу
И вплоть до революціи
Ни въ чемъ не погрѣшу.

Подпись (иниціалы) неразборчива, но напоминаетъ буквы В. Ф. (Вѣры Фигнеръ).

С. Кир—ъ.

---

[1]) Жандарму.

Карательная экспедиція Генералъ-Лейтенанта П. К. Ренненкампфа въ Забайкальской Области.

Очеркъ первый.

До экспедиціи.

Генералъ Ренненкампфъ былъ посланъ въ январѣ 1906 г. въ Забайкальскую Область не для подавленія вспыхнувшаго тамъ революціоннаго движенія, а для искорененія крамолы, для должнаго возмездія буйнымъ гражданамъ по старому приказному рецепту, «дабы другимъ неповадно было».

Какъ увидитъ читатель впослѣдствіи, въ январѣ мѣсяцѣ въ Забайкальской Области уже нечего было усмирять. Подъ вліяніемъ событій въ Россіи, революціонная волна, взметнувшаяся очень высоко въ концѣ 1905 г., шла быстро на убыль, и поколебленныя основы власти были снова водворены на мѣсто если не усиліями администраціи, то изволеніемъ утихшаго народа.

Да и сами пославшіе Ренненкампфа очевидно именно такъ понимали его миссію. Въ началѣ января 1906 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, предписывая губернатору Забайкальской Области г.-л. П. В. Холщевникову рядъ предварительныхъ репрессивныхъ мѣръ противъ забастовщиковъ, стачечниковъ и вообще революціонеровъ, начинаетъ свою телеграмму заявленіемъ, что «командированныя въ Читу лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по всей области слѣдующія распоряженія и т. д.» Такимъ образомъ въ глазахъ правительства еще до появленія Ренненкампфа въ Читѣ вопросъ о «мятежѣ», охватившемъ область, былъ вопросомъ прошлаго, а не настоящаго времени, что и было въ дѣйствительности.

Но въ виду того, что въ обществѣ, а отчасти у самого правительства, да даже и у генерала Ренненкампфа, какъ можно судить по приказу его отъ 26 мая 1906 г., сложилось убѣжденіе, что генералу Ренненкампфу выпало на долю усмирить мятежъ въ Забайкальѣ, а не разобраться только «въ его подробностяхъ»,—необходимо для установленія истинной оцѣнки дѣйствій генерала выяснить съ точностью

тѣ условія, при которыхъ приходилось Ренненкампфу исполнить свою миссію въ Забайкальѣ.

Чтобы избѣгнуть упрековъ въ пристрастіи, я рѣшилъ описать эти условія только при помощи тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты мною изъ оффиціальныхъ источниковъ или изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ очевидцами, впрочемъ послѣдняя категорія данныхъ играетъ въ моемъ изложеніи второстепенную роль: вездѣ по мѣрѣ возможности я стараюсь подтвердить свѣдѣнія, полученныя мною отъ частныхъ лицъ, тѣмъ или другимъ оффиціальнымъ документомъ, исходящимъ отъ органовъ правительственной власти.

Я конечно далекъ отъ мысли представить полную картину революціоннаго движенія въ Забайкальѣ: во первыхъ, я думаю—для этого еще не настало время, во вторыхъ въ мою задачу не входитъ описать насколько возможно полнѣе карательную дѣятельность генерала Ренненкампфа.

Я думаю, что я долженъ ограничиться только описаніемъ революціоннаго движенія въ Забайкальѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено высшему правительству донесеніями его агентовъ. Вѣдь посылая Ренненкампфа, оно руководилось только этими донесеніями и подлинной правды о событіяхъ не знало.

Составленіе, если можно такъ выразиться, оффиціальнаго отчета о главнѣйшихъ моментахъ освободительнаго движенія въ Забайкальѣ является необходимымъ и потому, что карательная дѣятельность генерала выразилась главнымъ образомъ въ судебныхъ процессахъ. Чтобы не дробить матеріала и избѣгнуть повтореній, удобнѣе предварительно представить картину событій, которыя вмѣнялись въ вину подсудимымъ въ разныхъ процессахъ.

Считаю также необходимымъ остановиться и на тѣхъ причинахъ, которыя обусловили исключительное даже для того времени безсиліе власти въ Забайкальѣ передъ возникшей революціей. Это безсиліе сыграло не малую роль въ созданіи преувеличенной, далеко не соотвѣтствующей дѣйствительности славы о Читинской революціи; поэтому правильная оцѣнка разыгравшихся тамъ событій невозможна безъ краткаго хотя бы очерка тѣхъ условій, при которыхъ приходилось въ 1905 г. дѣйствовать мѣстной администраціи. Условія эти тѣмъ болѣе интересны, что они были даны извнѣ и отъ доброй воли мѣстной власти совершенно не зависѣли.

I

Взрывъ революціоннаго движенія въ Забайкальской Области въ концѣ 1905 г. послѣдовалъ съ такой же стремительностью и быстротой, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашей родины. Администрація края, смущенная еще за долго до 17 октября неувѣренной и явно-колеблющееся политикой министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ многочисленнымъ и непрерывнымъ проявленіямъ «смуты», была положительно ошеломлена появленіемъ знаменитаго манифеста о свободахъ.

Буря революціонныхъ идей, стремительно ворвавшаяся въ мирный обиходъ жизни вслѣдъ за этимъ манифестомъ, окончательно поколебала устои мѣстнаго управленія, а быстрое проникновеніе въ ряды давно уже волновавшихся войскъ революціонныхъ лозунговъ окончательно лишило власть всякой возможности подавить смуту и возстановить порядокъ. Дружный стройный натискъ на власть былъ такъ неотразимъ, такимъ широкимъ и стремительнымъ разливомъ охватилъ «устои законности и порядка», что несомнѣнная и окончательная побѣда революціи стала убѣжденіемъ самихъ вчера еще «грозныхъ властителей земли», какъ острилъ по поводу губернаторовъ Сибири одинъ изъ мѣстныхъ юмористическимъ листковъ [1]). Укорененію этого убѣжденія не мало, конечно, способствовала отдаленность мѣстныхъ управленій отъ метрополіи, осложняла дѣло почтово-телеграфная забастовка, окончательно прекратившая возможность всякихъ непосредственныхъ сношеній мѣстныхъ властей съ Петербургомъ. Несмотря на крайне тревожные симптомы волненій среди рабочихъ Забайкальской ж. д., выражавшихся съ начала 1905 г. въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ начальствомъ, забастовкахъ, собраніяхъ и усиленной агитаціонной и организаціонной дѣятельности, о чемъ генералъ-губернаторъ Области Холщевниковъ весьма обстоятельно и ясно доносилъ въ Петербургъ и главнокомандующему Манчжурской арміей, и въ Петербургѣ и въ Харбинѣ очевидно не представляли себѣ съ достаточной ясностью того опаснаго положенія, въ какое постепенно попадала администрація края. Изъ Петербурга въ отвѣтъ на тревожныя телеграммы Холщевникова, шли циркуляры, телеграммы съ указаніемъ на прежніе циркуляры сперва съ великолѣпной невозмутимостью бюрократической увѣренности въ силу всяческихъ предписаній, а потомъ съ явнымъ отраженіемъ той смуты и той нерѣшимости, какой отмѣчена вся дѣятельность высшихъ органовъ власти вплоть до кровавыхъ декабрьскихъ дней Московскаго возстанія.

Холщевниковъ между прочимъ постоянно просилъ войскъ для борьбы съ народнымъ движеніемъ. Съ Востока генералъ Надаровъ отвѣчалъ ему сухими телеграммами, въ тонѣ которыхъ сквозило явное недовѣріе къ донесеніямъ губернатора и въ которыхъ Надаровъ, отказывая Холщевникову въ присылкѣ войскъ, заявлялъ ему, что никакого усиленія гарнизона ему, въ сущности говоря, не надо и онъ прекрасно можетъ справиться съ безпорядками и съ тѣми силами, которыя имѣются у него въ распоряженіи.

Изъ Петербурга циркулярно предписывалось не злоупотреблять военной силой при усмиреніи безпорядковъ; циркуляръ этотъ очевидно былъ отзвукомъ тѣхъ жалобъ военныхъ начальниковъ, которыя поступали въ военное министерство на слишкомъ усердное подавленіе безпорядковъ вооруженною силой.

Такъ въ циркулярѣ своемъ губернаторамъ отъ 3 сентября 1905 г. № 10053 министръ полиціи Треповъ писалъ слѣдующее. « . . . Изъ поступающихъ въ настоящее время сообщеній военнаго вѣдомства усматривается, что командированныя въ распоряженіе гражданскихъ

---

[1]) „Фонарь“ въ Красноярскѣ.

властей воинскія части вызываются иногда послѣдними безъ настоятельной къ тому необходимости и часто употребляются не по предмету ихъ прямого назначенія.

Принимая во вниманіе, что такой способъ распоряженія воинскими частями ведетъ къ полному переутомленію послѣднихъ и заставляя непрерывно смѣнять командируемыя части, лишаетъ военное начальство возможности слѣдить за правильнымъ обученіемъ и спеціальнымъ воспитаніемъ войскъ, прошу Васъ, Милостивый Государь, прибѣгать къ содѣйствію командированныхъ въ Ваше распоряженіе воинскихъ частей лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости. . . . »

Однако вслѣдъ за этимъ циркуляромъ Треповъ, подъ давленіемъ быстро развивающихся событій, шлетъ Холщевникову другую телеграмму отъ 13 октября 1905 г., гдѣ говоритъ: «въ виду участившихся случаевъ уличныхъ безпорядковъ, прошу принимать рѣшительныя мѣры подавленія, не останавливаясь примѣненіемъ вооруженной силы. Особенное вниманіе обратите на охрану правительственныхъ учрежденій и т. д. . . . »

Опубликованіе манифеста 17-го октября, кстати сказать, упавшаго, какъ снѣгъ на голову, мѣстнымъ властямъ, влечетъ за собой нѣкоторое ослабленіе воинственнаго тона министерскихъ телеграммъ, что вызываетъ у генерала Холщевникова недоумѣніе, какъ согласовать манифестъ и слѣдующія за нимъ телеграммы съ предыдущими циркулярами товарища министра (телеграмма Холщевникова Трепову отъ 25-го октября 1905 г., за № 9409).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма интересная телеграмма Трепова относительно преслѣдованія политически неблагонадежныхъ лицъ, въ коей проглядываетъ явная тенденція стать на твердо законную почву. Въ телеграммѣ этой (военному губернатору изъ Петербурга отъ 24-го октября 1905 г. за подписью завѣдующаго политической частью Рачковскаго), между прочимъ говорится, что «лишеніе свободы по разслѣдованіямъ въ порядкѣ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отнынѣ должно примѣняться исключительно къ тѣмъ лицамъ, которыя своею ясно проявленною дѣятельностью внушаютъ безусловно основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, при томъ преступная дѣятельность коихъ въ теченіе указаннаго въ положеніи объ охранѣ срока можетъ быть доказана съ положительностью, и дѣло можетъ быть направлено безъ продленія срока ареста въ формальномъ [1]) порядкѣ, указанномъ 1035 статьей уст. угол. суд. Изложенныя указанія товарищъ министра, завѣдующій полиціей, предлагаетъ принять къ неуклонному руководству».

Затѣмъ изъ телеграммъ Трепова, овѣянныхъ «духомъ манифеста 17-го октября», слѣдуетъ указать на двѣ: одну отъ 23-го октября 1905 г., а другую отъ 27-го того же октября, адресованныя: Чита—губернатору.

Въ первой изъ нихъ Треповъ говоритъ: «Вновь (?) прошу про-

---

[1]) Слово „формальный“ г. Рачковскій очевидно ставитъ здѣсь вмѣсто „законный“

явить всю полноту власти для прекращенія безпорядковъ, насилій и погромовъ, дабы во что бы то ни стало обезпечить личную и имущественную безопасность обывателей; при этомъ считаю необходимымъ обратить вниманіе вашего превосходительства, что результаты достигаются своевременнымъ принятіемъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбѣжнымъ, когда эти мѣры приняты не были».

Во второй телеграммѣ Треповъ, подтверждая свои прежніе циркуляры объ усмиреніи обывателя, предписываетъ «въ примѣненіи ихъ дѣйствовать въ духѣ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября».

Собственно этими телеграммами, редактированными въ выраженіяхъ весьма неточныхъ и только крайне смущавшими мѣстную администрацію, исчерпывается все разъясненіе свыше «началъ манифеста 17-го октября». Къ концу октября событія принимаютъ бурный характеръ и явившійся на смѣну Трепова министръ внутреннихъ дѣлъ засыпаетъ администрацію рядомъ предписаній въ духѣ добраго стараго времени, гдѣ неподражаемо сплетаются жгучая ненависть къ свободѣ съ трепетнымъ страхомъ передъ грозой революціи. Но и телеграммы новаго министра все-таки не даютъ руководящихъ началъ, даются они по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ борьбы со «смутой» и въ нихъ нѣтъ и тѣни того яснаго толкованія «началъ манифеста 17-го октября въ духѣ разумно понятой свободы», которое преподнесъ Россіи министръ-президентъ Столыпинъ.

Впрочемъ, Дурново не пришлось долго сноситься съ Забайкальской областью. Почтово-телеграфная забастовка, начавшаяся здѣсь 15-го ноября 1905 г., прекратила всякіе способы сношенія министерства съ подчиненными органами и если отъ Дурново и его соратниковъ приходили въ Читу какіе-либо приказы и посланія, то они достигали мѣста назначенія либо случайно, путемъ нарочныхъ, либо передавались самими бастовавшими почтово-телеграфными чиновниками, считавшими оглашеніе безсильныхъ приказовъ министра необходимымъ въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Изъ «случайныхъ» телеграммъ Дурново небезынтересно отмѣтить одну, относящуюся къ днямъ, предшествующимъ декабрьскому возстанію въ Москвѣ, днямъ, когда бюрократія мучительно боролась между страхомъ передъ революціей и страстнымъ желаніемъ утопить въ крови ненавистную смуту. Телеграмма эта содержитъ приказъ о разоруженіи рабочихъ и составлена такъ неясно и сбивчиво, что изъ нея рѣшительно нельзя было сдѣлать никакихъ практическихъ выводовъ. Она такъ и осталась втунѣ и найдена была мною въ архивѣ генералъ-лейтенанта Холщевникова, какъ яркій образчикъ трусливой и вмѣстѣ злобной канцелярской отписки. Вотъ ея текстъ: «Разоруженіе должно быть производимо съ большой осмотрительностью по вашему усмотрѣнію, но весьма рѣшительно, по очереди и съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было сдѣлано навѣрняка».

Изъ приведенныхъ отрывковъ циркуляровъ и предписаній изъ Петербурга видно, что центральная власть не отдавала себѣ яснаго отчета о неуклонно возраставшемъ народномъ движеніи. На отчаян-

ныя телеграммы Холщевникова, стоявшаго лицомъ къ лицу съ грозно набѣгавшими волнами революціи, получались отвѣты, гдѣ было все: и совѣты осторожно дѣйствовать, и дѣйствовать навѣрняка, воздерживаться отъ кровопролитія и принимать немедленно рѣшительныя мѣры; циркуляры пестрѣли противорѣчивыми директивами и безсмысленными ссылками на старые циркуляры, но существеннаго отвѣта, отвѣта на то, какъ спасти колеблющуюся власть, не было въ этихъ сумбурныхъ предписаніяхъ изъ Петербурга. А кажется Холщевниковъ весьма ясно ставилъ вопросъ: революція одолѣваетъ, лѣзетъ изъ всѣхъ щелей, захватываетъ всѣ слои населенія, проникаетъ въ гарнизонъ, нѣтъ вооруженной силы, чтобы держать революцію въ страхѣ, пришлите войска, войска, войска—вотъ сущность его телеграммъ въ Петербургъ и на Востокъ въ теченіе всего 1905 года. Но изъ Петербурга шли канцелярскія отписки, циркуляры, разъясненія, а съ Востока... шли тоже телеграммы, но войскъ не давали. Ни тамъ, ни здѣсь не понимали, что надо дѣлать или можетъ быть боялись поступать круто. Врагъ былъ неопредѣленъ еще, а буря негодованія, глухіе раскаты народной ненависти очевидно сильно воздѣйствовали на полководцевъ и невольно заставляли откладывать минуту рѣшительнаго боя.

Всѣ просьбы губернатора и даже настойчивыя требованія о присылкѣ войскъ на усиленіе мѣстнаго гарнизона *долго* оставались безъ удовлетворенія, когда наконецъ пламя открыто вспыхнувшей революціи заставило власти приняться за крайнія мѣры, но, увы, и вслѣдствіе растерянности самихъ властей, и вслѣдствіе неотразимаго напора революціонныхъ идей, проникавшихъ въ войска съ невѣроятной быстротой, мѣры эти не могли дать желанныхъ результатовъ.

Войска поспѣшно были двинуты изъ Манчжуріи вглубь Сибири въ концѣ 1905 г., о чемъ начальникъ тыла дѣйствующихъ армій генералъ Надаровъ извѣщалъ мѣстныя власти слѣдующей телеграммой, въ которой ясно сквозитъ растерянность и страхъ передъ нахлынувшей грозой.

Харбинъ, 21-го октября 1905 г. Секретно.

«Чита—генералу Холщевникову. Сообщаю для свѣдѣнія и руководства телеграмму главнокомандующаго № 11670. Генералъ Кутайсовъ сообщаетъ нарочнымъ въ Мысовую и оттуда по телеграфу, что въ Иркутскѣ образовано революціонное правительство, мятежъ въ полномъ разгарѣ, рѣзня неизбѣжна и что необходима спѣшная помощь, присылка войскъ. Желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе съ Иркутскомъ прервано. Въ виду изложеннаго предлагаю вамъ всѣ телеграфныя и желѣзнодорожныя части, имѣющіяся въ вашемъ распоряженіи, немедленно направить къ полковнику Захарову въ помощь ему для скорѣйшаго открытія желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія съ Читой и Иркутскомъ. О томъ, сколько именно желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ ротъ вы отправите, меня увѣдомить, на тотъ случай, если этого числа будетъ мало, чтобы приготовить новый резервъ. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, что я на него и на весь 13 корпусъ возлагаю охрану Забайкальской желѣзной дороги отъ ст. Манчжуріи до Иркутска включительно. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, чтобы онъ на каждой станціи оставлялъ та-

кую часть войскъ, какую онъ признаетъ необходимымъ... Сообщите мнѣ, гдѣ въ настоящее время находится генералъ Плеве... Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, что по случаю тяжелаго положенія въ Читѣ и особенно въ Иркутскѣ необходимо генералу Плеве продвинуться съ войсками въ Читу и въ Иркутскъ возможно скорѣе. За тринадцатымъ корпусомъ непосредственно отправляется девятый армейскій корпусъ № 11670».

Характерно, что тотъ же самый Надаровъ еще 13-го октября 1905 г. т. е. за 5 дней до этой телеграммы на просьбу Холщевникова усилить гарнизонъ г. Читы отвѣтилъ отказомъ, закончивъ свою телеграмму изъ Харбина 13-го октября 1905 г. за № 3863 слѣдующей фразой: «Продолжаю настаивать, что имѣющихся у васъ войскъ достаточно для противодѣйствія безпорядкамъ въ Читѣ».

Этой телеграммой начинается рядъ мѣръ, направленныхъ къ спасенію отечества. Колоссальная Манчжурская армія была единственной опорой администраціи въ ея борьбѣ съ развертывающимся освободительнымъ движеніемъ, оттуда изъ этой массы вооруженныхъ силъ ждала она спасенія, туда съ надеждой и тоской обращала свои взоры и слала тревожные призывы, говоря о мятежѣ готовомъ уже смыть основы порядка и полицейскаго благочинія. И оттуда дѣйствительно пришло спасеніе, но только не сразу; сперва оттуда нежданно, негаданно явились силы, сыгравшія роль масла, подлитаго въ огонь революціи.

О томъ какое положеніе заняли въ области «желѣзнодорожныя и телеграфныя части», можно судить по даннымъ секретной переписки, возникшей между начальствомъ командированнаго въ Читу 3 резервнаго батальона и начальникомъ военныхъ сообщеній тыла Манчжурскихъ Армій вскорѣ по прибытіи батальона на мѣсто. Уже 21 ноября 1905 г. командиръ этого батальона полковникъ Доріанъ доносилъ Начальнику Сообщеній рапортомъ за № 37, что среди нижнихъ чиновъ батальона возникаетъ недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ задерживаютъ на службѣ и не выдаютъ пособій ихъ семьямъ на родинѣ. Полковникъ глухо пишетъ, что недовольство это, «съ которымъ нельзя не считаться, съ теченіемъ времени будетъ усиливаться. Положеніе дѣла, говоритъ онъ, усложняется тѣмъ, что о времени увольненія нижнихъ чиновъ въ запасъ я не могу сообщить имъ ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе чего находясь въ полной неизвѣстности о времени возвращенія на родину и получая изъ дому неутѣшительныя вѣсти о матеріальномъ положеніи своихъ семействъ, нижніе чины впадаютъ въ крайне угнетенное состояніе духа». Рапортъ этотъ заканчивается просьбой уволить нижнихъ запасныхъ чиновъ и пополнить составъ батальона чинами дѣйствительной службы, стоявшими въ Европейской Россіи въ мѣстечкѣ Барановичахъ.

Просьба эта была удовлетворена, и начальство вознамѣрилось прислать въ батальонъ молодыхъ солдатъ. Но 14 декабря 1905 г. тотъ же полковникъ Доріанъ въ отвѣтъ на запросъ, сколько требуется ему новыхъ солдатъ, пишетъ, другой рапортъ за № 47, гдѣ увѣдомляетъ начальника Военныхъ Сообщеній, что «большинство города Читы,

гарнизона [1]) и почти всѣ агенты Забайкальской желѣзной дороги принедлежатъ къ соціалъ-демократической партіи, пропаганда которой ведется въ настоящее время открыто и быстро охватываетъ вновь прибывающія части и команды, въ особенности, если въ составѣ ихъ много бывшихъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ и *вообще развитыхъ*. Солдаты въ томъ числѣ и моего батальона участвовали и участвуютъ во всѣхъ митингахъ и поддерживаютъ всѣ резолюціи.

«При такомъ положеніи дѣла полагаю, пишетъ полковникъ, что прикомандированіе къ батальону новыхъ командъ хотя бы и дѣйствительной службы или пополненіе батальона молодыми солдатами изъ Барановичей не даетъ батальону надлежащаго спокойствія, *такъ какъ нѣтъ средствъ предохранить ихъ отъ пропаганды*. Я не могу поручиться, что въ случаѣ забастовки желѣзной дороги нижніе чины станутъ на эксплоатацію, имѣю основаніе предполагать, что они скорѣе примкнутъ къ забастовавшимъ. Вообще должно замѣтить, что событія здѣсь развиваются съ такой быстротой, что мѣра, цѣлесообразность которой была бы безспорна двѣ недѣли назадъ, теперь уже почти непримѣнима.»

Не лучше обстояло дѣло и съ тринадцатымъ корпусомъ генерала Плеве, о чемъ также свидѣтельствуютъ данныя секретной переписки командующихъ эшелонами лицъ съ губернаторомъ области. Такъ въ рапортѣ командира 2 батальона 144 пѣхотнаго Каширскаго полка, состоявшаго въ этомъ корпусѣ, говорится (рапортъ 6 Декабря 1905 г. за № 567) что уже въ ноябрѣ 1905 г. «въ средѣ запасныхъ, мѣстной прессой, въ связи съ тоской по родинѣ и получаемыми извѣстіями изъ дому, что семьи на родинѣ, не получая вовсе никакого пособія, терпятъ крайнюю нужду, началось броженіе, которое привело къ заключенію, что, несмотря на царскую волю, ихъ запасныхъ задерживаетъ умышленно начальство [2]). Убѣжденіе это все болѣе и болѣе крѣпнетъ до настоящаго времени, несмотря ни на какіе доводы и убѣжденія ихъ ближайшаго начальства». Далѣе въ рапортѣ говорится о волненіяхъ въ батальонѣ, о требованіяхъ солдатъ немедленно отправить ихъ на родину, о недовѣріи къ словамъ начальства, основанномъ между прочимъ на томъ, что «дорога можетъ пропускать по десяти паръ поѣздовъ въ сутки, а воинскихъ поѣздовъ приказано отправлять не болѣе четырехъ», и рапортъ кончается слѣдующимъ безнадежнымъ заявленіемъ: «Въ настоящее время я получилъ свѣдѣніе, что на сходкѣ 5 сего декабря рабочихъ на ст. Чита, въ которой участвовали и нижніе чины, было постановлено, чтобы роты ввѣреннаго мнѣ батальона, находящіяся на охранѣ, стянуть помимо распоряженія начальства въ Читу, а затѣмъ требовать о немедленной смѣнѣ и отправленіи въ мѣсто постоянной стоянки полка для увольненія въ запасъ арміи». Въ заключеніе надо добавить, что батальонъ добился немедленно удовлетво-

---

[1]) Курсивъ вездѣ мой.

[2]) Какъ и было на самомъ дѣлѣ. 13-й корпусъ былъ въ сущности отправленъ въ Россію и миссія умиротворенія, которую корпусъ долженъ былъ исполнять по дорогѣ, была извѣстна только начальству.

ренія своихъ требованій [1]) и, продефилировавъ при огромномъ стеченіи народа съ красными флагами по главной улицѣ города, благополучно отбылъ на родину.

Безсиліе мѣстной власти въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ объясняется, какъ видимъ, весьма просто: сперва для подавленія движенія въ средѣ рабочихъ не доставало вооруженной силы— этого единственнаго практикуемаго нашей администраціей средства борьбы съ политическими движеніями русскаго народа; потомъ, когда эта сила явилась въ самый разгаръ политической борьбы, она была мгновенно охвачена огнемъ революціи и нанесла послѣдній роковой ударъ «престижу власти», тому самому страшному престижу власти, за поруганіе котораго генералы Ренненкамфъ и Меллеръ-Закомельскій явились мстителями безъ разбора и пощады.

II

Революціонное движеніе въ Забайкальѣ, для котораго весьма благопріятными условіями было замѣшательство властей и полное ихъ безсиліе въ борьбѣ съ народомъ, было конечно самымъ тѣснымъ образомъ связано съ событіями въ Европейской Россіи. Оно и шло по пути Великой Сибирской Дороги, концентрируясь сперва на большихъ станціяхъ дороги, гдѣ имѣлись депо и мастерскія съ массой рабочихъ, охватывая затѣмъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и только въ концѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г., широкой волной разливаясь далеко въ глубину необозримыхъ лѣсовъ и равнинъ Сибири.

Для выясненія постепеннаго хода и развитія народныхъ волненій въ Забайкальѣ весьма цѣнный матеріалъ представляютъ показанія генералъ-лейтенанта Холщевинкова, данныя имъ на дознаніи по возникшему противъ него обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ показаніяхъ этихъ генералъ даетъ подробный отчетъ о всѣхъ случаяхъ безпорядковъ и забастовокъ на линіи желѣзной дороги, и въ этомъ перечнѣ фактовъ ярко развертывается движеніе, проникнутое духомъ возстанія и тѣсно связанное съ взрывомъ революціонныхъ страстей поколебавшихъ основы старой Россіи въ 1905 году. Мы позволимъ себѣ сдѣлать выдержки изъ этихъ показаній, приводя изъ нихъ только тѣ части, которыя касаются непосредственно фактической стороны дѣла.

«Рабочее движеніе въ Забайкальской области, говоритъ генералъ, главнымъ образомъ въ Читѣ, рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и депо, началось еще съ ноября 1904 года, которое выразилось въ кратковременныхъ забастовкахъ на ст. Чита и Оловянная; по ближайшему изслѣдованію черезъ чиновъ жандармской желѣзно-дорожной полиціи забастовки эти были на экономической почвѣ.

«Съ началомъ 1905 года броженіе желѣзно-дорожныхъ рабочихъ вновь началось и продолжалось періодически въ теченіе всего времени

[1]) Они были отправлены по слѣдующей телеграммѣ: „Приказомъ начальника Военныхъ Сообщеній Тыла роты Каширскаго полка съ полученіемъ сего должны быть сняты съ охраны и отправлены по назначенію“. Телеграмма эта отъ 9 декабря за № 11879 за подписью подполковника Дзевановскаго.

до октября включительно. 28 января рабочіе депо и мастерскихъ ст. Чита прекратили работы подъ предлогомъ невыдачи жалованья; желѣзно-дорожное начальсто поспѣшило удовлетворить претензію рабочихъ, и послѣдніе стали на работы 31 января.

«Въ февралѣ мѣсяцѣ броженіе рабочихъ опять возобновилось. По должности военнаго губернатора я донесъ главному начальнику тыла отъ 13 февраля за № 127, что рабочіе Забайкальской дороги намѣреваются произвести общую забастовку по всей линіи и тѣмъ самымъ пріостановить усиленное движеніе поѣздовъ, предполагая въ то же время произвести полный разгромъ станціи Чита»... Далѣе генералъ говорилъ, что онъ окружилъ станцію войсками, поставилъ на ней эшелонъ проходящихъ войскъ и тѣмъ предотвратилъ грозившую по его мнѣнію опасность [1]). «Рабочіе стали на работы, продолжаетъ Холщевниковъ, но броженіе не успокоилось. 19 февраля, въ одномъ домѣ на окраинѣ города Читы тайно собралось сборище до 80 желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Поставленной объ этомъ въ извѣстность городской полиціи удалось накрыть это сборище и задержать 8 человѣкъ рабочихъ, остальные разбѣжались; при рабочихъ было разное оружіе. Всѣ задержанные были заключены въ тюрьму. Большая часть желѣзно-дорожныхъ рабочихъ заволновалась, требуя выдачи арестованныхъ, такъ что для охраны меньшинства рабочихъ (около 150), выставленъ былъ войсковой нарядъ»...

«Въ мартѣ опять повторилась забастовка, началась 15 марта, окончилась 22 числа. Настроеніе рабочихъ было тревожное и вызывающее; можно было опасаться безпорядковъ, которые могли перейти въ городъ... Въ апрѣлѣ 5—7 опять повторилась забастовка, продержалась два дня; выставлена была войсковая охрана внутри депо для безопасности желающихъ работать. Командированный изъ Иркутска, на усиленіе жандармскаго надзора, по дорогѣ подполковникъ Бушенъ, донося мнѣ объ этой забастовкѣ, 9 апрѣля назвалъ главныхъ вожаковъ рабочихъ: Карповича, Саламатова, Васильева, Антипова, Байчука, Свѣшковскаго и Холодова, и просилъ уволить ихъ изъ депо». Они были высланы административнымъ порядкомъ. Лѣтніе мѣсяцы іюнь и іюль генералъ Холщевниковъ провелъ въ поѣздкахъ по области и по возвращеніи въ началѣ августа узналъ, что въ рабочихъ мастерскихъ и депо станціи Чита идетъ забастовка, начавшаяся 25 іюля. Забастовка эта кончилась 8 августа. Къ сожалѣнію, генералъ ограничивается въ своихъ показаніяхъ только указаніемъ времени забастовокъ, причины же и характеръ ихъ остаются большею частью невыясненными; очевидно эта сторона дѣла была неясна для него самаго; но насколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ въ его показаніяхъ, съ февраля мѣсяца въ мотивы забастовокъ все болѣе и болѣе входятъ политическіе моменты. Такъ забастовка въ концѣ февраля возникла вслѣдствіе ареста товарищей на «тайномъ сборищѣ» 19 февраля, причемъ размѣры этой забастовки были довольно внушительны, если меньшинство, стоявшее на работахъ и нуждавшееся поэтому въ

---

[1]) На самомъ дѣлѣ рабочіе и не думали громить станцію и портить пути. Въ такомъ видѣ забастовка была представлена генералу донесеніями чиновъ жандармской полиціи. *Авторъ.*

охранѣ «войскового наряда», какъ видно изъ показаній Холщевникова, состояло изъ 150 человѣкъ, тогда какъ всѣхъ рабочихъ въ депо и мастерскихъ на ст. Чита нѣсколько тысячъ человѣкъ. Предшествовавшая этой забастовка 13 февраля, судя по тревожнымъ свѣдѣніямъ полученнымъ о ней администраціей края (намѣреніе произвести полный разгромъ станціи Чита и т. п.), также вѣроятно имѣла политическую подкладку. Относительно іюльской забастовки генералъ Холщевниковъ въ своихъ показаніяхъ говорилъ слѣдующее: «Въ виду того, что эта забастовка имѣетъ политическую подкладку и есть основаніе предполагать, что рабочіе добиваются общими забастовками по линіи прекратить временно движеніе и т. д...» Такимъ образомъ несомнѣнно, что къ осени 1905 года волненія среди рабочихъ на линіи Забайкальской желѣзной дороги принимаютъ все болѣе и болѣе политическій характеръ, что видно также изъ тревожныхъ донесеній губернатора начальнику тыла армій, съ постоянно повторяющимися просьбами прислать желѣзно-дорожныхъ и строевыхъ войскъ, для борьбы съ забастовками, и подавленія безпорядковъ. Однако до августа 1903 г. политическій характеръ забастовокъ не былъ, очевидно, первенствующимъ мотивомъ въ тактикѣ рабочихъ, или вѣрнѣе говоря характеръ этотъ не былъ еще выраженъ настолько ярко и рѣзко, чтобы можно было всѣ волненія среди рабочихъ понимать, какъ чисто-революціонное движеніе.

Такъ мы думаемъ потому, что генералъ Холщевниковъ, въ своемъ описаніи хода рабочихъ волненій на линіи, проводитъ рѣзкую черту между забастовками до и послѣ августа 1905 г. Описавъ забастовку, кончившуюся 8 августа, онъ говоритъ: «Такимъ образомъ окончился первый періодъ броженія въ 1905 году рабочихъ Читинскихъ депо и мастерскихъ». «Оставленіе станціи Читы безъ вооруженной силы, говорилъ онъ далѣе, дало возможность рабочимъ, какъ показали слѣдующія событія, сплотиться и съорганизоваться, составить серьозную силу, въ рукахъ которой въ концѣ концовъ и оказалась дорога». Продолжая далѣе лѣтопись революціонныхъ событій, генералъ пишетъ: «Съ 29 сентября, я былъ въ служебной поѣздкѣ для обзора Нерчинской каторги, возвратился въ Читу 14 октября около 4 часовъ дня. На вокзалѣ дороги жандармскій подполковникъ Кохъ и полиціймейстеръ города Прошутинскій доложили мнѣ, что въ мастерскихъ и депо желѣзной дороги забастовка, движеніе поѣздовъ прекращено, повреждены телеграфъ и паровозы... 15 октября толпа рабочихъ на ст. Чита-Вокзалъ пыталась овладѣть вагономъ съ винтовками въ матеріальномъ складѣ желѣзной дороги, но была отбита войсками охраны, причемъ одинъ рабочій раненъ, затѣмъ толпа рабочихъ около 300 человѣкъ съ красными флагами двинулась къ станціи Чита-Городъ, но у самой станціи была остановлена войсками и послѣ увѣщанія опустила флаги и пошла обратно, затѣмъ однако по одиночкѣ прошла на базарную площадь и тамъ соединилась съ нѣсколькими стами городскихъ рабочихъ; но по прибытіи войскового наряда толпа постепенно разсѣялась».

«...16-го и 17-го броженіе среди рабочихъ продолжалось, перешло въ городъ». Губернаторъ, усилилъ караулы у правительственныхъ учре-

жденій и 17-го октября расклеилъ по городу объявленіе о воспрещеніи «всякаго рода сборищъ, сходокъ и собраній на улицахъ, площадяхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ», гдѣ грозилъ ослушникамъ примѣненіемъ вооруженной силы. Того же 17-го октября былъ отданъ имъ по гарнизону приказъ за № 424 о дѣйствіи войскъ при прекращеніи безпорядковъ, «предписывающій войскамъ дѣйствовать на точномъ основаніи устава гарнизонной службы... противъ всякой упорствующей толпы», т. е., попросту говоря, при первомъ случаѣ разстрѣливать непокорныхъ.

Какъ видимъ, въ доброй волѣ у генерала Холщевникова недостатка не было: и объявленіе расклеилъ, и приказъ «не жалѣть патроновъ» отдалъ, словомъ, онъ сдѣлалъ все, какъ полагается по ритуалу нашей бюрократической мудрости, но однако событія шли и наростали съ головокружительной быстротой, сметая какъ вихремъ бумажные приказы и объявленія власти. «18-го октября, читаемъ въ показаніяхъ генерала, предсѣдатель совѣта старшинъ желѣзно-дорожнаго собранія донесъ мнѣ, что въ собраніи, вопреки всякаго разрѣшенія со стороны администраціи, служащіе, рабочіе дороги и постороннія лица устраиваютъ самовольно сходки и сходбища». Къ этому времени волненіе передалось уже въ городъ. Въ гимназіи была объявлена учащимися забастовка. Въ гимназіи устраивались митинги, учащіеся участвовали въ манифестаціяхъ, одну изъ которыхъ, состоявшую исключительно изъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній казаки, разогнали плетьми по приказанію Холщевникова. Это вызвало страшный взрывъ негодованія въ городѣ. Въ чувствѣ возмущенія, ненависти и презрѣнія къ власти, напустившей на дѣтей казаковъ, слились всѣ классы населенія, не исключая чиновниковъ и военныхъ. При общемъ сочувствіи вспыхнула забастовка въ мѣстной классической гимназіи, и губернаторъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія долженъ былъ допустить митингъ въ окруженной войсками гимназіи: о митингѣ просилъ губернатора директоръ гимназіи Еленевъ, заявившій, что «на сходкѣ будетъ обсуждаться вопросъ, какъ приступить къ занятіямъ». Митингъ въ гимназіи былъ еще 20-го октября, и 27-го октября гимназія была закрыта по постановленію педагогическаго совѣта.

Съ другой стороны депутаты желѣзнодорожныхъ рабочихъ добились у губернатора разрѣшенія собираться рабочимъ и служащимъ дороги на митинги для разрѣшенія вопроса о забастовкѣ. Губернаторъ, уступая настояніямъ рабочихъ, приводитъ между прочимъ отъ себя слѣдующее соображеніе въ пользу разрѣшенія рабочихъ митинговъ: «я разрѣшилъ имъ собираться въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время, чтобы эти сходки не сдѣлать уличными, къ которымъ присоединились бы толпы разнаго люда города и произошелъ бы тогда общій безпорядокъ, войскъ же для поддержанія порядка почти не было». Разрѣшеніе на сходки дано было рабочимъ 20-го октября.

Этимъ обращеніемъ депутатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ Холщевникову за разрѣшеніемъ собраній кончаются подчиненныя сношенія рабочихъ съ администраціей. Послѣ этого вплоть до среднихъ чиселъ января 1906 г. управленіе Забайкальской желѣзной дорогой, охватывающее всѣ распорядки на линіи по движенію поѣздовъ

и службѣ пути, а также работы въ депо и мастерскихъ и условія жизни и дѣятельности рабочихъ организацій, переходитъ всецѣло въ руки рабочихъ и агентовъ дороги и не только администрація края, но даже и прямое начальство дороги теряютъ фактически всякую силу и вліяніе на ходъ дѣлъ.

Произошло это съ одной стороны вслѣдствіе дѣйствительно широкаго развитія рабочихъ организацій и ихъ согласной дѣятельности, съ другой—въ силу отсутствія у начальства фактической возможности разрушить эти организаціи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе открытаго перехода на сторону «забастовщиковъ» эшелоновъ запасныхъ, двигавшихся съ Востока домой и облеченныхъ тайной отъ нихъ самихъ миссіей попутнаго усмиренія революціи.

Эшелоны эти, какъ мы уже говорили, усиленно были двинуты съ Востока послѣ знаменитой телеграммы Надарова, увѣровавшаго наконецъ въ донесенія Холщевникова о безвыходномъ положеніи власти. Какъ мы уже говорили, этотъ первый опытъ былъ неудачнымъ. Собственно въ городъ Читу прежде пресловутаго 13 армейскаго корпуса былъ двинутъ отрядъ забайкальскихъ казаковъ. Нельзя было придумать болѣе удачнаго средства поддержать революціонное броженіе въ Забайкальѣ, какъ присылка 4 казачьяго льготнаго третьей очереди батальона, состоявшаго по словамъ Холщевникова изъ стариковъ. Батальонъ этотъ явился въ Читу 25-го октября 1905 г. «Въ это время, говоритъ въ своихъ показаніяхъ Холщевниковъ, запасные нижніе чины всѣхъ частей гарнизона уже волновались на почвѣ просьбы немедленнаго увольненія ихъ въ запасъ, по случаю прекращенія яко бы пособій ихъ семействамъ на родинѣ и возникшей тамъ нищеты и голода. Волненія запасныхъ немедленно передались и на льготныхъ казаковъ стоявшихъ въ городѣ запасныхъ казачьихъ частей (2 сотни и артиллерійскій взводъ), а затѣмъ и батальона. Казаки начали предъявлять просьбы (и послѣднія становились весьма настойчивы) увольненія на льготу, ссылаясь, что они уже выслужили срокъ, война кончилась, дома нѣтъ работниковъ и наступила голодовка для людей и скота». Казаки эти дѣйствительно были скоро распущены по домамъ, но нѣсколько недѣль пребыванія ихъ въ Читѣ отразились на нихъ самымъ роковымъ образомъ. Они вошли въ прямое и весьма тѣсное общеніе съ мѣстной организаціей рабочей соціалъ-демократической партіи, составили вмѣстѣ съ мѣстными запасными и прочими частями гарнизона объединенный совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ выступленіяхъ революціонныхъ организацій противъ властей и наконецъ созвали съѣздъ депутатовъ Забайкальскаго казачьяго войска, поставившій на очередь разрѣшеніе самыхъ существенныхъ политическихъ и экономическихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи отдаленному Забайкальскому казачеству пришлось такимъ образомъ сыграть роль совершенно противоположную той, которая въ Европейской Россіи доставила столь своеобразную популярность казачьему войску. Забайкальскіе казаки не только поддерживали «крамольныхъ» рабочихъ во время своего невольнаго пребыванія въ городѣ Читѣ, они разнесли революціонныя идеи въ глу-

бину Забайкальской области въ свои отдаленныя, глухія станицы, они передали ихъ крестьянамъ и инородцамъ, имѣвшимъ, какъ и казаки, старые счета съ управленіемъ кабинетскихъ земель, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ казачьи и крестьянскія земли. И въ исторіи красныхъ дней 1905 г. Забайкальскіе казаки имѣли своихъ героевъ и мучениковъ, память о нихъ ничѣмъ нельзя истребить среди казачьяго населенія, равно какъ ничѣмъ нельзя угасить духа свободы, принесеннаго ими въ дикое приволье Забайкальскихъ степей.

Самостоятельная дѣятельность служащихъ Забайкальской желѣзной дороги выразилась въ концѣ октября прежде всего въ возстановленіи пассажирскаго и грузового движенія по всей линіи, начиная отъ ст. Манчжуріи вплоть до Иркутска.

Настоятельная потребность въ усиленномъ движеніи по линіи вызывалась двумя весьма серьезными причинами. Съ одной стороны съ Востока двигались массы войскъ, нетерпѣливо рвавшихся домой; съ другой стороны, вслѣдствіе безобразныхъ порядковъ на дорогѣ, въ теченіе всего 1905 г. въ Забайкальѣ ощущался страшный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ потребленія, а къ концу 1905 г., вслѣдствіе неурожая мѣстныхъ хлѣбовъ, населенію всей огромной области сталъ грозить голодъ.

Для забравшихъ въ свои руки дорогу «забастовщиковъ» предстояло немедленно же привести въ порядокъ засоренную и вообще хаотически-безпорядочно работающую линію желѣзной дороги и не только возстановить по ней движеніе, но и усилить его до максимальныхъ предѣловъ провозоспособности.

Для того, чтобы сдѣлать это быстро и достичь желанныхъ результатовъ, что и было исполнено «забастовщиками» нужны были не только колоссальный трудъ и усердіе, но и согласная, добросовѣстная и неутомимая дѣятельность всѣхъ рабочихъ и всѣхъ высшихъ и низшихъ агентовъ дороги.

Какъ я уже замѣтилъ, задача эта была разрѣшена превосходно, а приходилось работать не только при неблагопріятныхъ, но и при весьма грозныхъ условіяхъ.

Военное начальство Дальняго Востока (собственно говоря завѣдующій передвиженіемъ войскъ генералъ Надаровъ), признавъ необходимымъ сломить революцію и видя корень ея въ забастовочномъ движеніи на линіи, рѣшило дѣйствовать не только силой, на которую совершенно правильно оно и не расчитывало, но и хитростью Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ усиленнымъ движеніемъ на Западъ эшелоновъ рвавшихся домой запасныхъ, оно стало внушать солдатамъ, негодовавшимъ не медленное отправленіе ихъ домой[1]), что задержка къ ихъ возвращенію на родину происходитъ по винѣ «забастовщиковъ» желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, останавливающихъ ради своихъ цѣлей движеніе по линіи и препятствующихъ этимъ ускоренному проходу воинскихъ поѣздовъ. Это внушеніе дѣлалось обезумѣвшимъ отъ лишеній, тревогъ и тоски по родинѣ людямъ не только въ

[1]) Какъ читатель помнитъ изъ цитированныхъ выше документовъ военное начальство установило для запасныхъ только четыре поѣзда въ сутки.

частяхъ и командахъ подлежащимъ начальствомъ, но и расклеивалось на станціяхъ, гдѣ это было возможно, и питательныхъ пунктахъ въ видѣ большихъ плакатовъ, напечатанныхъ огромными буквами.

Къ счастью эта военная хитрость нѣсколько запоздала. Еще до средины октября, когда съ Востока началось усиленное движеніе войскъ, желѣзно-дорожные служащіе, усмотрѣли грозный признакъ въ странномъ бездѣйствіи своего главнаго начальства по установленію порядковъ на линіи. Цѣль этого бездѣйствія была ими понята въ томъ смыслѣ, что путемъ засоренія дороги и почти полнаго поэтому прекращенія движенія воинскихъ поѣздовъ, мудрое начальство желаетъ излить на ихъ головы неудержимый бѣшеный гнѣвъ темной и озлобленной массы запасныхъ, потерявшихъ надежду возвратиться на родину къ голоднымъ брошеннымъ семьямъ. Въ какомъ бы ужасномъ видѣ вылилась эта ярость отчаявшихся людей и какія непоправимыя послѣдствія для дороги и всего края могъ бы имѣть погромъ «забастовщиковъ», можно судить по тѣмъ къ счастью исключительнымъ эксцессамъ, извѣстнымъ намъ по газетамъ, какими сопровождалось движеніе эшелоновъ запасныхъ по великому Сибирскому пути.

Къ счастью эта опасность была своевременно замѣчена и предотвращена. Помимо распоряженій таинственно бездѣйствующаго начальства желѣзнодорожники образовали изъ своей среды такъ называемые смѣшанные комитеты, куда вошли представители всѣхъ службъ дороги, немедленно собрали и пересчитали всѣ теплушки, въ страшномъ безпорядкѣ разбросанныя по линіи и въ огромномъ количествѣ скопившіяся на различныхъ пунктахъ дороги, привели ихъ въ порядокъ и очень быстро организовали провозъ запасныхъ въ размѣрахъ дотолѣ небывалыхъ: въ сутки дорога пропускала по двадцать паръ поѣздовъ, въ которыхъ на Западъ шли эшелоны запасныхъ, а на Востокъ продукты для арміи и края.

Надо знать невѣроятный безпорядокъ, царившій до того на Забайкальской дорогѣ, чтобы по достоинству оцѣнить заслугу забастовщиковъ, какъ ихъ упорно величало начальство, передъ Манчжурской арміей и краемъ. Вѣдь если волненія находящихся въ пути запасныхъ могли быть опасны для рабочихъ и служащихъ дороги, то волненія въ арміи отрѣзанной отъ родины могли бы повлечь за собой такія потрясенія и принять такіе размѣры, передъ которыми поблѣднѣли бы всѣ ужасы владивостокскихъ событій и первымъ бы поплатилось при этомъ хитроумное начальство, безмятежно натравливавшее запасныхъ на «забастовщиковъ» и крамольниковъ.

Конечно, при такомъ усиленномъ движеніи воинскихъ и товарныхъ поѣздовъ пришлось сократить до крайнихъ предѣловъ отправленіе поссажирскихъ поѣздовъ для «чистой публики», приходилось невольно лишать ее комфорта и желаемой скорости пробѣга по трехъ-тысячеверстному пути, и вопли этихъ «обиженныхъ» защитниковъ родины, торопившихся увезти домой свои свѣжіе лавры, породили нелѣпый и ложный слухъ о забастовкѣ на линіи обслуживающей армію и о злостныхъ издѣвательствахъ революціонеровъ—желѣзнодорожниковъ надъ доблестными защитниками родины.

Злостная клевета на забастовщиковъ съ самаго-же начала своего

распространенія потеряла всякое значеніе въ глазахъ возвращавшихся съ Востока солдатъ. «Забастовщики», какъ я уже замѣтилъ выше, везли солдатъ въ хорошихъ теплушкахъ, по мѣрѣ возможности замѣняя ихъ вагонами 4 и 3 классовъ, везли ихъ, пропуская по 10 поѣздовъ въ сутки, тщательно заботясь о томъ, чтобы на питательныхъ пунктахъ солдаты получали своевременно горячую пищу. А какъ везло ихъ начальство, имѣвшее заднюю мысль удерживать ихъ въ различныхъ пунктахъ пути для усмиренія, лучше всего видно изъ оффиціальнаго уже цитированнаго нами документа--рапорта о волненіяхъ въ батальонѣ Каширскаго полка. «При самомъ отправленіи изъ Харбина, говорится въ рапортѣ, произошелъ *незначительный случай,* который впослѣдствіи далъ запаснымъ право винить начальство, что о нихъ мало заботятся, и подозрѣніе, что ихъ неохотно отправляютъ изъ Манчжуріи: по прибытіи батальона вечеромъ наканунѣ отправленія на станцію Харбинъ, оказалось, что вовсе *не были заготовлены теплушки*, такъ какъ по маршруту батальонъ долженъ былъ отправиться въ $7^1/_2$ часовъ утра, а слѣдовательно прибыть на станцію для посадки съ вечера, а по наряду у коменданта станціи отправленіе эшелона должно было состояться лишь въ 6 часовъ вечера; поэтому люди должны были переночевать въ столовой продовольственнаго пункта, весьма тѣсной для 900 человѣкъ и ночью *взамѣнъ настоящихъ теплушекъ были приспособлены для перевозки людей обыкновенные товарные вагоны.* Несмотря на то, что не было достаточно тепло, [1]) такъ какъ *тонкія стѣнки покрывались къ утру отъ морозовъ инеемъ и платье примерзало ночью къ стѣнкамъ,* тѣмъ не менѣе люди не жаловались на это неудобство, благодаря радостному настроенію, что ихъ везутъ на родину. По прибытію на ст. Манчжурія я получилъ черезъ коменданта станціи телеграмму отъ командира корпуса, смѣнить роты Можайскаго полка на станціи Борзя, Оловянная, Адріановка и Чита. Вскорѣ послѣ смѣны наступили сильные морозы въ 30 и болѣе градусовъ, а между тѣмъ на постахъ не было теплой постовой одежды, а въ *Харбинѣ людямъ были выданы валенки и старые короткіе полушубки, часть состава ротъ получила папахи*».

Это эпическое спокойствіе, съ которымъ «отецъ-командиръ» рапортуетъ о «незначительномъ случаѣ» путешествія своихъ солдатъ въ нетопленныхъ сквозныхъ вагонахъ при 30^0 морозъ въ старыхъ короткихъ и рваныхъ полушубкахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ «случай» не былъ исключительнымъ, начальство присмотрѣлось къ подобнымъ ужасамъ солдатскаго положенія и если докладывало о неудобствахъ путешествія, то лишь затѣмъ, чтобы оправдать свое безсиліе въ борьбѣ съ вліяніемъ на солдатъ «митинговъ и агитаціи мѣстныхъ органовъ соціалъ-демократической партіи».

Забайкальская желѣзная дорога начинается съ Востока отъ ст. Манчжурія. Отъ этой станціи до ст. Харбинъ идетъ Китайская дорога, которая была всецѣло въ рукахъ военнаго начальства. Поэтому раіонъ распространенія клеветы на забастовщиковъ ограничивается

[1]) Въ ноябрѣ морозы въ Забайкальѣ доходятъ до 30^0 по Реомюру.

только участкомъ дороги отъ Харбина до Манчжуріи и клевета эта жива была долгое время послѣ открытія по Забайкальской дорогѣ правильнаго и усиленнаго движенія воинскихъ поѣздовъ.

Начальство, которому надо было задерживать отходящія части для усмиренія, увѣряло солдатъ, что они задерживаются въ пути потому что тамъ дальше на западѣ бастуютъ желѣзнодорожники. Но вскорѣ эти наивныя хитрости надо было оставить: дѣйствительность слишкомъ явно и быстро разоблачила тайныя цѣли и явную ложь начальственныхъ увѣреній. Непреодолимая сила вещей не только заставила начальство умолкнуть о препятствіяхъ чинимыхъ отъѣзду солдатъ «забастовщиками» и снять со станцій клеветническіе плакаты, но и принудила его войти въ соглашеніе съ этими забастовщиками для согласованія и болѣе успѣшнаго движенія воинскихъ поѣздовъ Китайской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Генералъ адъютантъ Линевичъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ принималъ представителей смѣшаныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ ними вырабатывалъ схемы движенія воинскихъ и продовольственныхъ поѣздовъ. За эти дѣйствія вызванныя необходимостью и свидѣтельствующія только объ умѣ и добросовѣстности стараго генерала, онъ едва не былъ привлеченъ къ суду по обвиненію также какъ и Холщевниковъ въ государственной измѣнѣ, о которой въ 1906 году неустанно твердили Читинскіе усмирители.

Знаменитые плакаты о забастовщикахъ явились снова на сцену вмѣстѣ съ карательными поѣздами Ренненкампфа. Съ возстановленіемъ «порядка» на линіи запасныхъ стали везти по прежнему въ скверныхъ вагонахъ, медленно, забывая то тамъ, то сямъ приготовить имъ пищу, а противъ «смѣшанныхъ комитетовъ» было возбуждено грозное обвиненіе въ посягательствѣ на государственный строй, и только сложность процесса вслѣдствіе громаднаго количества привлеченныхъ лицъ спасла ихъ всѣхъ отъ суда при отрядѣ генерала Ренненкампфа, т. е. отъ смерти и безсрочной каторги. Громадный процентъ желѣзнодорожныхъ служащихъ былъ исключенъ изъ службы и теперь ждетъ надъ собою суда. Такъ военное начальство отплатило желѣзнодорожникамъ за услуги, оказанныя ими арміи въ смутное и тяжелое время всеобщей растерянности и замѣшательства.

Въ моемъ распоряженіи имѣются и оффиціальные документы, подтверждающіе фактъ полезной для края дѣятельности упомянутыхъ смѣшанныхъ комитетовъ.

Генералу Холщевникову въ ряду другихъ обвиненій было предъявлено также обвиненіе въ сношеніи съ революціонными смѣшанными комитетами Забайкальской ж. д.

Обвиненіе это возникло на почвѣ слѣдующихъ фактовъ.

Со времени перевозки по Забайкальской ж. д. военныхъ грузовъ для области настало трудное время хроническаго недостатка предметовъ самой первой необходимости. Острота кризиса чувствовалась тѣмъ значительнѣй, что Забайкальская область за исключеніемъ весьма небольшой ея части представляетъ безплодную пустыню, населенную кочевыми племенами или осѣдлыми инородцами, занимающимися исключительно скотоводствомъ для собственнаго потребленія. Бѣдность

естественныхъ запасовъ пищи и отдаленность отъ рынковъ ставили въ особенно тяжелое положеніе область съ населеніемъ, захваченнымъ въ расплохъ желѣзнодорожной неурядицей.

Завѣдовавшее съ начало войны перевозкой частныхъ грузовъ министерство путей сообщенія, видя полную безпомощность своихъ агентовъ въ борьбѣ съ держателями пресловутыхъ военныхъ свидѣтельствъ на неочередный провозъ грузовъ, передало это дѣло Управленію Военныхъ Сообщеній Главнаго Штаба, полагая вполнѣ справедливо, что разъ выдача военныхъ свидѣтельствъ на провозъ грузовъ зависитъ отъ этого Управленія, то оно лучше чѣмъ кто либо другой парализуетъ зло, причиняемое не совсѣмъ осмотрительной, говоря деликатно, выдачей этихъ свидѣтельствъ. Но Управленіе военныхъ сообщеній не справилось съ этой задачей и невѣроятные безпорядки въ доставкѣ частныхъ грузовъ, безпорядки, описаніе которыхъ могло составить цѣлый томъ и которые явились плодомъ наглаго и виртуознаго хищничества, заставили его передать дѣло по завѣдыванію и распоряженію доставкой частныхъ грузовъ военному губернатору Забайкальской области. Тотъ немедленно учредилъ въ Читѣ особый продовольственный комитетъ при городской управѣ, но и онъ безсиленъ былъ распутать гордіевъ узелъ, завязанный алчными руками мелкихъ и крупныхъ взяточниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства.

Чтобы охарактеризовать въ общихъ чертахъ каковы были порядки по доставкѣ частныхъ т. е. не военныхъ грузовъ въ Забайкальскую область въ 1905 г., достаточно привести слѣдующія цифры, почерпнутыя изъ отчетовъ Забайкальскаго продовольственнаго комитета.

Съ 1 января по 8 октября 1905 года забайкальскимъ губернаторомъ было передано въ Управленіе Военныхъ Сообщеній по телеграфу 513 ходатайствъ городскихъ управленій и разныхъ учрежденій о нарядѣ въ отправку въ Забайкальскую область 4601 вагона съ продовольственными грузами. Изъ этого количества было доставлено всего лишь 1717 вагоновъ, такимъ образомъ область не получила 2884 вагона, т. е. около двухъ милліоновъ груза, составлявшаго предметы первой необходимости.

Осенью 1905 г. стало ясно, что Забайкалью вслѣдствіе неурожая въ большой части области грозитъ голодъ. Администрація своевременно приняла мѣры къ выясненію недостающаго количества хлѣба и закупила 180.000 пудовъ хозяйственнымъ способомъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, а на доставку 500.000 пудовъ ржи и 24.000 п. овса заключила контрактъ съ подрядчиками, обязавшимися доставить означенное количество хлѣба изъ Западной Сибири. Для провоза этого груза, который долженъ былъ приходить, начиная съ сентября, въ количествѣ отъ 50 до 70 тысячъ пудовъ въ мѣсяцъ выдавались особыя разрѣшительныя свидѣтельства. «Такихъ свидѣтельствъ, меланхолически заключаетъ въ своемъ отчетѣ Комитетъ, и выдано въ Сентябрѣ на 30 вагоновъ, октябрѣ 60, ноябрѣ 70, декабрѣ 123, январѣ 123, всего 406 ваг. или почти на 305 тысячъ пудовъ, что при правильной доставкѣ вполнѣ бы обезпечивало населеніе отъ голода. На самомъ же дѣлѣ было получено только 23-30 вагоновъ муки и нѣсколько вагоновъ овса».

Вообще положеніе къ концу 1905 г. создавалось отчаянное, а состояніе желѣзной дороги не давало никакихъ надеждъ на благополучный исходъ.

«Въ области наступилъ окончательный голодъ, телеграфируетъ осенью 1905 г. Холщевниковъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, провозъ хлѣбныхъ грузовъ пріостановился. Для голоднаго населенія казаковъ и крестьянъ по 500 нарядамъ съ августа мѣсяца получено лишь 50 вагоновъ. На дорогахъ полное безначаліе, неизвѣстно къ кому обращаться... Населеніе волнуется: можно ожидать большихъ безпорядковъ на почвѣ исключительно голодовки».

Въ протоколѣ засѣданія Продовольственнаго Комитета 8 декабря 1905 г. мы находимъ рѣзкій отзывъ о возмутительныхъ порядкахъ на дорогѣ. «Что такое очередная отправка, читаемъ въ протоколѣ изъ рѣчи предсѣдателя К. А. Гриневицкаго, знаетъ по нынѣшнимъ временамъ каждый. Очередь исхлопатываетъ себѣ тотъ, кто везетъ товаръ, на которомъ можно нажить рубль на рубль, или кто изворотливѣе; при такомъ положеніи хлѣбные грузы должны обязательно итти гдѣ-нибудь во хвостѣ всѣхъ очередей, что въ дѣйствительности и видимъ.

Спиртъ, напримѣръ, для монополіи приходитъ по 70 вагоновъ, шляпы и модные товары также, а хлѣба нѣтъ какъ нѣтъ...»

Въ такомъ безвыходномъ положеніи администрація рѣшилась обратиться къ смѣшаннымъ желѣзнодорожнымъ комитетамъ, начавшимъ уже тогда свою дѣятельность и сразу заявившимъ себя разумнымъ и энергичнымъ начальникомъ и хозяиномъ желѣзной дороги.

Объ обращеніи своемъ къ смѣщаннымъ комитетамъ генералъ Холщевниковъ сообщаетъ Министрамъ въ только что цитированной телеграммѣ. 8 декабря 1905 г. въ засѣданіи Продовольственнаго Комитета, принявшаго уже въ свой составъ къ этому времени представителей мѣщанскаго общества, купцовъ, потребительныхъ обществъ и «всѣхъ прочихъ организацій, находящихся въ г. Читѣ» [1]), было постановлено обратиться за содѣйствіемъ къ «мѣстному смѣшанному комитету служащихъ желѣзной дороги и рабочихъ и ко всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ остальной части Забайкальской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ».

Тутъ же въ протоколѣ этого засѣданія находимъ и свѣдѣнія о составѣ, роли и дѣятельности смѣшанныхъ комитетовъ.

«Смѣшанные комитеты, говорится въ протоколѣ, состоятъ изъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ службъ и рабочихъ извѣстнаго участка желѣзной дороги, они связываются съ таковыми же сосѣдними по всей дорогѣ, а затѣмъ и съ сосѣдними дорогами. Смѣшанные комитеты имѣютъ своей цѣлью возможное ускореніе способа передвиженія войскъ, но въ силу того, что они состоятъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, они пользуются громаднымъ фактическимъ вліяніемъ въ особенности въ смыслѣ контроля. Формированіе этихъ коми-

[1]) Протоколъ Засѣданія Забайкальскаго Областнаго Правленія отъ 22 ноября 1905 г. (Забайкальскія Областныя Вѣдомости № 250 1905 г.).

тетовъ, правда, еще не закончено, они не связаны еще между собою, но, по мнѣнію предсѣдателя, они или подобныя имъ учрежденія въ настоящее время являются единственно могущими оказать продовольственному комитету существенную помощь. 7 декабря, докладываетъ предсѣдатель, онъ входилъ въ сношеніе съ мѣстнымъ смѣшаннымъ комитетомъ и этотъ послѣдній принялъ самоеживое участіе въ этомъ дѣлѣ и обѣщалъ всякое содѣйствіе, какое онъ только будетъ въ состояніи оказать».

Въ томъ же засѣданіи присутствовалъ и членъ мѣстнаго смѣшаннаго комитета. Собраніе единогласно постановило командировать на линію особыхъ уполномоченныхъ, которымъ и «просить выдать всѣ необходимыя бумаги и полномочія Губернатора Забайкальской области и мѣстный смѣшанный комитетъ, чтобы такимъ образомъ уполномоченные дѣйствовали параллельно у *юридическихъ и фактическихъ властей*, вѣдающихъ движеніемъ по Забайкальской и Сибирской желѣзнымъ дорогамъ». При этомъ собраніе «выразило глубокую благодарность въ лицѣ представителя смѣшанному комитету».

Заботы «фактической власти» желѣзной дороги захватили всю дѣятельность смѣшанныхъ комитетовъ, которые одни только и представляли изъ себя сплоченную организацію желѣзнодорожно-служащихъ. Такимъ образомъ, выражаясь языкомъ бюрократическихъ донесеній, революція на Забайкальской желѣзной дорогѣ въ средѣ ея агентовъ къ концу 1905 году завершилась организаціей и работой смѣшанныхъ комитетовъ. Комитеты эти съ необычайной для нашихъ служебныхъ порядковъ быстротой привели въ порядокъ хронически засоренную линію 3-хъ тысячеверстнаго пути, гдѣ движеніе почти уже было парализовано, довели провозоспособность дороги до 20 паръ поѣздовъ въ сутки, избавили армію Линевича отъ буйныхъ элементовъ запасныхъ войскъ рвавшихся домой, обезпечили войскамъ стоявшимъ въ Манчжуріи правильный подвозъ необходимыхъ продуктовъ, избавили Забайкалье отъ голода, подступившаго уже что называется вплотную, разрѣшили хотя отчасти тяжкій товарный кризисъ въ области, и этотъ колоссальный нечеловѣческій трудъ, предотвратившій ужасы погромовъ и голодной смерти, «забастовщики» при явномъ равнодушіи и тайномъ противодѣйствіи «юридическихъ властей» дороги совершили въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ. Они были такъ увлечены этимъ трудомъ, они такъ были увѣрены, что исполняя его, они служатъ цѣлямъ порядка и благополучія своихъ гражданъ, что когда съ Востока и Запада налетѣли на нихъ карательные поѣзда, эти скромные и безвѣстные труженики и не думали покидать своихъ постовъ.

И мстительная десница упала на нихъ прежде всего. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы скажемъ въ свое время. Но сколько погибло ихъ безвѣстныхъ въ зловѣщемъ молчаніи Сибирскихъ холодныхъ ночей, гдѣ ихъ застигла внезапно налетѣвшая смерть! Они шли къ лобному мѣсту, не вѣря страшной дѣйствительности—такъ невѣроятны были неожиданные приговоры, объявлявшіеся среди издѣвательствъ и глумленія. Суровая Сибирская тайга и молчаливыя пустынныя степи, гдѣ затерялись печальныя станціи Великаго пути, хранятъ, какъ святыню, память этихъ невинныхъ страдальцевъ.

Страшная смерть надѣла имъ терновые вѣнцы и вчера еще простые, обычные и сѣрые люди стали героями свободы, и память о нихъ жжетъ сердца. Это они посылаютъ изъ далекихъ равнинъ Сибири лѣвыхъ депутатовъ въ Государственную Думу, это они требуютъ признанія ихъ правоты и невиновности, тихіе, простые, скромные люди, сметенные кровавой рукою безумія. Міръ ихъ праху! Придетъ время, имена ихъ станутъ извѣстны, и родина отведетъ имъ должное мѣсто въ великомъ саркофагѣ жертвъ революціи. Но при жизни революціонерами они не были. Ихъ убили какъ революціонеровъ безъ суда и слѣдствія. А когда правосудіе, даже и военное, коснулось ихъ дѣяній въ судѣ надъ генераломъ Холщевниковымъ, оно не нашло въ ихъ поступкахъ вины: генералъ Холщевниковъ, признавшій фактъ сношеній своихъ со смѣшанными комитетами и обвинявшійся въ этомъ прокуратурой какъ за сношеніе съ революціоннымъ сообществомъ, былъ по этому пункту обвинительнаго акта признанъ судомъ невиновнымъ.

Революціонныя организаціи соціалистическихъ партій вели усиленную дѣятельность среди рабочихъ и солдатъ мѣстнаго гарнизона, желая закрѣпить то положеніе, которое создалось, благодаря колебанію и безсилію власти.

Главное мѣсто въ этой дѣятельности принадлежало соціалъ-демократической рабочей партіи, которая вела усиленную пропаганду, выступая на митингахъ и агитируя среди демократическихъ слоевъ населенія. Благодаря этой энергичной работѣ въ Читѣ къ концу ноября 1905 г. образовался Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, охватившій собою весь гарнизонъ города и предъявившій 25 ноября губернатору, какъ начальнику гарнизона и наказному атаману, длинный рядъ требованій, касавшихся преимущественно казачьихъ и солдатскихъ нуждъ и заканчивавшихся требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.—Внушительные размѣры и крѣпкая сплоченность созданныхъ этою партіей организацій внушала особый страхъ мѣстной администраціи.

Администраціи было извѣстно, что революціонеры, къ услугамъ которыхъ были ружья и пушки гарнизона, располагаютъ еще складами взрывчатыхъ веществъ и винтовокъ похищенныхъ ими изъ вагоновъ съ грузами военнаго вѣдомства. Такъ въ декабрѣ губернатору говорили, что соціалъ-демократическая партія имѣетъ въ Читѣ четыре тысячи членовъ, вооруженныхъ винтовками и готовыхъ по первому сигналу выйти на улицу и дать бой вѣрнымъ присягѣ войскамъ.

Насколько точны были эти свѣдѣнія мы теперь судить не можемъ. Относительно похищенія революціонерами оружія по оффиціальнымъ даннымъ намъ извѣстны два только случая: 5 декабря 1905 г. толпою рабочихъ Читинскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было взято 787 винтовокъ изъ цейхауза 3 резервнаго желѣзнодорожнаго батальона, стоявшаго на линіи (Рапортъ полковника Доріана отъ 16 декабря 1905 г. за № 45). 4 января 1906 г. на станціи Чита былъ захваченъ революціонерами цѣлый транспортъ винтовокъ, шедшій въ 13 вагонахъ. Винтовокъ въ немъ было около 28000. (Рапортъ началь-

ника Читинскаго артиллерійскаго склада подполковника Боярскаго отъ 12 января 1907 г. за № 115).

Вотъ и все, что мы знаемъ о похищеніи оружія. Второе похищеніе винтовокъ сдѣлано было уже въ то время, когда высоко поднявшаяся волна революціи опадала и оружіемъ этимъ серьезно никто воспользоваться не думалъ. Вагоны просто были заведены въ депо и почти весь ихъ грузъ былъ отобранъ властями послѣ прибытія Ренненкампфа.

Вообще о дѣятельности революціонныхъ соціалистическихъ партій, ведшихъ упорную и смѣлую работу для упроченіи положенія, созданнаго неожиданно налетѣвшей революціонной грозой, властямъ въ точности было мало извѣстно. Обычный спутникъ русскаго подпольнаго революціонера—сыщикъ и провокаторъ испарился яко дымъ въ эти страшные дни свободы и великихъ надеждъ. Жандармы и полиція бездѣйствовали или скромно издали наблюдали за торжествомъ стариннаго врага. Этимъ объясняется также и то, что въ синодикѣ жертвъ карательныхъ экспедицій видные вожаки революціонныхъ партій и вообще партійные дѣятели, какъ таковые, составляютъ рѣдкое исключеніе.

Эта работа удаленная отъ глазъ перепуганной власти, была самой молчаливой, хотя можетъ быть поэтому и самой страшной для защитниковъ порядка. Она составляла основу революціи—ея глубоко уходящіе въ почву корни и движеніе этихъ корней заставляло сотрясаться всю ветхую и я скажу убогую махинацію средствъ защиты и нападенія, которую административный строй могъ и смѣлъ противопоставить побѣднымъ шагамъ революціи.

Гораздо больше шумѣло, больше бросалось въ глаза и больше потому было извѣстно администраціи то броженіе революціонныхъ идей, которое наблюдалось въ городскихъ буржуазныхъ слояхъ населенія, въ чиновничествѣ и офицерствѣ. Поддерживаемое могучимъ давленіемъ глубоко-роволюціонныхъ демократическихъ низовъ народа, это движеніе принимало яркія неожиданныя формы, въ немъ громко звучали увѣренныя ноты успѣха и надежды. И оно причинило начальству много хлопотъ. Оно заставило его проявить ту колеблющуюся политику «видимыхъ» уступокъ революціи, за которую потомъ пришлось нести тяжелый отвѣтъ передъ «безтрепетной» властью, разъяснившей послѣ усмиреній истинную сущность манифеста 17 октября.

Почтово-телеграфная забастовка началась въ Забайкальѣ 15 ноября 1905 г. и окончилась 12 января 1906 г. Протекала она также какъ и во всей остальной Россіи, но передъ концомъ своимъ осложнилась совершенно особеннымъ и своеобразнымъ образомъ. Все населеніе области или во всякомъ случаѣ большая часть его настолько были охвачены сочувствіемъ въ борьбѣ съ произволомъ, что никакой непріязни къ бастовавшимъ чиновникамъ не было и тѣни. Наоборотъ, многія состоятельныя лица даже оказывали бастующимъ матеріальную поддержку, послѣ того какъ имъ правительство прекратило выдачу жалованья. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ симпатій населенія, отчасти вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія среди

почтово-телеграфныхъ чиновниковъ возникла странная, не вполнѣ ясная мысль о передачѣ почты въ Забайкальской области народу и объ открытіи послѣ этого почтово-телеграфныхъ операцій. Возникшая и разработанная на митингахъ, куда стекалось все многообразное населеніе города, мысль эта быстро и окончательно овладѣла умами почтовыхъ чиновниковъ. При обсужденіи этой мѣры на митингахъ представители революціонныхъ партій относились къ ней отрицательно и предлагали населенію захватъ въ свои руки всѣхъ правительственныхъ учрежденій области. Рѣчи объ этомъ и породили слухи о Даурской республикѣ [1]), но они такъ и остались рѣчами и городское населеніе болѣе склонялось къ передачѣ почты народу и немедленномъ открытіи ея функцій въ предѣлахъ области. Революціонеры, не сочувствуя въ принципѣ этому рѣшенію, обѣщали городу свою поддержку, въ случаѣ если администрація силой будетъ противиться сдачѣ почтово-телеграфныхъ зданій и имущества чиновникамъ прекращающимъ забастовку на условіяхъ службы не правительству, а народу.

21 декабря въ 11 часовъ дня въ областное присутствіе, гдѣ находился губернаторъ Холщевниковъ, явилась депутація гражданъ съ городскимъ головой, Шешминцевымъ. Губернаторъ, засѣдавшій въ то время въ областномъ совѣтѣ, принялъ депутацію въ залѣ засѣданія въ присутствіи совѣта. Депутація состояла изъ городского головы начальника почтово-телеграфной конторы Замошникова, трехъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и поручика Дмитревскаго. Она заявила губернатору, что она явилась къ нему отъ имени Читинской городской думы, которая въ состоявшемся только что публичномъ собраніи съ участіемъ гражданъ постановила просить губернатора передать временно почтово-телеграфныя учрежденія въ руки города и особаго избраннаго комитета почтово-телеграфныхъ чиновъ. Губернаторъ отвѣтилъ депутаціи, что онъ не можетъ удовлетворить этой просьбы своею властью, а соберетъ для этого особое совѣщаніе представителей всѣхъ правительственныхъ учрежденій области и поставитъ на ихъ обсужденіе этотъ вопросъ. Кузнецовъ и Шешминцевъ просили губернатора немедленно удовлетворить это ходатайство, утверждая, что этимъ онъ можетъ избавить себя отъ худшаго положенія, что если онъ хоть немного промедлитъ, «то будетъ поздно, нечего будетъ передавать, такъ какъ представители рабочихъ заявили на собраніи, что у администраціи ничего не слѣдуетъ просить, что почту нужно взять силой и предлагали свои услуги взять не только почту, но и другія учрежденія» [2]) губернаторъ однако отказался дать немедленно просимое рязрѣшеніе, но въ виду серьезности положенія немедленно въ тотъ же день 21 декабря въ 3 часа дня созвалъ особое совѣщаніе представителей вѣдомствъ, которое по закону губернаторы могутъ созывать въ исключительныхъ случаяхъ (ст. 280 свода губернскихъ учрежденій томъ II. св. зак.). Совѣщаніе это немедленно соб-

[1]) „Забайкальская область"—это русское бюрократическое названіе края. Коренное населеніе—буряты называютъ свою родину Дауріей. *Авт.*

[2]) Показанія Холщевникова на дознаніи.

ралось въ областномъ присутствіи; на него явились: командиръ стоявшей въ области 1 сибирской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Морозовъ, командиръ 1-го Читинскаго пѣхотнаго полка г. м. Румшевичъ, командиръ 2 го резервнаго батальона полковникъ Бѣляцкій, Читинскій воинскій начальникъ Воложаниновъ, и. о. начальника штаба Забайкальской дивизіи подполковникъ Гловачевскій, подполковникъ Виц — нуда, командиръ 6 Восточнаго Сибирскаго запаснаго батальона Плысковскій, помощникъ начальника Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія въ Забайкальской области ротмистръ Балабановъ, вице-губернаторъ Забайкальской области д. с. с. Бѣломѣстновъ, товарищъ предсѣдателя Читинскаго окружного суда с. с. Гервагенъ, и. д. управляющаго Забайкальской казенной палатой с. с. Тыжновъ, предсѣдатель комиссіи по размеживанію земель Забайкальскаго казачьяго войска д. с. с. Морозовъ, начальникъ Забайкальскаго почтово-телеграфнаго округа д. с. с. Данилевичъ, управляющій акцизными сборами въ Забайкальской области д. с. с. Вержболовичъ, Забайкальскій областной землемѣръ к. с. Поповъ, непремѣнный членъ областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія кол. ас. Гриневицкій, старшій совѣтникъ Забайкальскаго областного правленія с. с. Семидаловъ, совѣтники того же правленія с. с. Бочаровъ и. н. с. Николаевъ, директоръ гимназіи с. с. Еленевъ, предсѣдатель казачьяго войскового управленія полковникъ Головачевъ, и. д. Читинскаго уѣзднаго начальника коллежскій секретарь Глинка и за полиціймейстера его помощникъ тит. сов. Горпинченко. Въ засѣданіи же присутствовалъ и Читинскій городской голова Шешминцевъ [1]). Предсѣдательствовалъ военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Холщевниковъ. Въ началѣ засѣданія предсѣдателемъ была доложена, представленная городскимъ головой резолюція, принятая на экстренномъ засѣданіи 21 декабря городской думы «при участіи гражданъ и представителей отъ партій и союзовъ». Резолюція эта гласила слѣдующее: «гласные думы, собравшись 21 декабря 1905 г. въ экстренномъ засѣданіи, вмѣстѣ съ представителями партій и союзовъ выслушали: докладъ городского головы о почтово-телеграфной забастовкѣ въ г. Читѣ, резолюцію принятую на митингѣ 19 декабря 1905 года, на которомъ подробно обсуждался вопросъ о названной забастовкѣ, а также докладъ почтово-телеграфныхъ чиновъ союза объ организаціи почтово-телеграфнаго дѣла въ г. Читѣ. Обсудивъ всесторонне всѣ обстоятельства дѣла, въ присутствіи представителей партій, союзовъ и громадной массы гражданъ, единогласно постановили:

1. Господствующее правительство, а также и мѣстная администрація безсильны возстановить почтово-телеграфное сообщеніе, а потому оно должно быть временно изъято изъ рукъ правительства и передано при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза.

2. Городское общество изъ своей среды избрало комиссію для наблюденія за правильнымъ ходомъ почтово-телеграфныхъ дѣлъ и

[1]) Всѣ данныя о засѣданіи 21 декабря почерпнуты изъ подлинныхъ протоколовъ и резолюцій совѣщанія. *Авт.*

денежной отчетности, въ составѣ г.г. А. К. Кузнецова, Дмитревскаго, Н. Н. Соболева и Волкова, [1]) сверхъ того партіямъ и союзамъ предоставляется право избирать своихъ представителей, которые и входятъ въ составъ комиссіи.

3. Временное управленіе почтово-телеграфнымъ дѣломъ возложить на исполнительный комитетъ союза Читинскихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, состоящій изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель Н. А. Хмѣлевъ, члены: Замошниковъ, Костыревъ, Запольскій, Андріевскій и Красовицкій.

4. Просить г. губернатора черезъ выборныхъ депутатовъ немедленно снять всѣ военные посты на почтово-телеграфной конторѣ.

5. По снятіи печати произвести описи всего наличнаго имущества при помощи почтово-телеграфныхъ чиновъ и совмѣстно съ выборными отъ общества.

6. Для приведенія дѣлъ въ порядокъ чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссію, которая обязана составить протоколъ и представить его обществу.

7. По окончаніи засѣданія съѣзда чиновъ почтово-телеграфныхъ делегатовъ округа, созванныхъ на 21 декабря с/г. въ г. Читѣ, долженъ быть избранъ комитетъ изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья для совмѣстнаго съ делегатами отъ общества опредѣленія порядка дальнѣйшей передачи почтово-телеграфнаго дѣла во всемъ Забайкальи въ руки общества и завѣдыванія этимъ дѣломъ.

8. Содержаніе чиновникамъ и служащимъ почтово-телеграфныхъ конторъ и другіе хозяйственные расходы будутъ выплачиваемы изъ поступающихъ на приходъ суммъ, остатки же сихъ суммъ будутъ храниться по указанію комитета изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья, который долженъ быть организованъ на основаніи предъидущаго пункта, совмѣстно съ представителями городского общества».

Резолюція эта была представлена городскимъ головой въ копіи. Обсужденіе ея въ особомъ совѣщаніи и постановленіе, сдѣланное имъ, настолько интересны, такъ ярко характеризуютъ настроеніе переживаемаго населеніемъ момента, что несмотря на обширность протокола совѣщанія мы сочли нужнымъ привести изъ него большія выдержки.

«По выслушаніи этой резолюціи нѣкоторые члены совѣщанія заявили, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передача правительственной регаліи въ другія руки не достаточно одной копіи съ резолюціи, а необходимо подлинное постановленіе Городской Думы, дабы судить въ законномъ-ли составѣ оно состоялось; почему полагали бы обсужденіе этого вопроса отложить до завтра. На такое заявленіе однимъ изъ присутствующихъ было высказано, что будетъ-ли разрѣшаться этотъ вопросъ сегодня или завтра, положеніе дѣла не

[1]) Всѣ эти лица, кромѣ Кузнецова, не были гласными думы. Поручикъ Дмитревскій былъ представитель союза военнослужащихъ, а Н. Н Соболевъ—с. д. р. партіи. „Городское общество“ въ резолюціи замѣнило собой „народъ“, которому на митингѣ рѣшено было передать почту.

Авторъ.

измѣниться, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, Городская Дума не вправѣ подвергать своему обсужденію дѣла, не входящаго въ кругъ ея компетенціи и не можетъ ни принимать въ свое вѣдѣніе правительственнаго учрежденія, ни гарантировать отвѣтственности за послѣдствія. Почтово-телеграфныя учрежденія могутъ быть взяты въ руки общества лишь революціоннымъ путемъ подъ напоромъ вооруженной силы; другимъ изъ членовъ было обращено вниманіе на то, что въ 1 пунктѣ резолюціи говорится объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства и передачѣ почтово-телеграфнаго сообщенія при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза. Слѣдовательно, по смыслу этого пункта резолюціи выходитъ, что почтово-телеграфное дѣло должно быть передано не городскому общественному Управленію, а какому-то союзу почтово-телеграфныхъ чиновъ при посредствѣ лишь городского общества. . . . . Въ разъясненіи изложенныхъ замѣчаній Читинскій городской голова доложилъ, что особаго постановленія собственно Городской Думы объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства почтово-телеграфныхъ учрежденій г. Читы, за неявкою въ засѣданіе опредѣленнаго закономъ числа гласныхъ, пока еще не составлено, но что послѣ этого засѣданія онъ видѣлся съ большинствомъ гласныхъ Думы и при обсужденіи съ ними въ частности настоящаго вопроса, послѣдніе тоже высказались за передачу почтово-телеграфнаго дѣла, черезъ посредство Думы, въ вѣдѣніе союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, такъ что вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ Думой въ принципѣ утвердительно. При этомъ городской голова вновь подтвердилъ заявленіе депутаціи о томъ, что, въ случаѣ рѣшенія даннаго вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, можно ожидать очень серьезныхъ послѣдствій со стороны соціалъ-демократической рабочей партіи, т. е. насильственнаго захвата не только почтово-телеграфной конторы, но и другихъ правительственныхъ учрежденій».

Послѣ этого заявленія возраженія со стороны чиновъ совѣщанія прекратились и было приступлено къ составленію резолюціи. Приводимъ ее цѣликомъ.

«Обсудивъ всесторонне обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе, 1) что для мѣстной администраціи, какъ это установлено неоднократными совѣщаніями, является полная невозможность возстановленія почтово-телеграфнаго движенія; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на всѣ принятыя мѣры увѣщанія обратиться къ занятіямъ, категорически заявили, что они служить правительству не желаютъ до полнаго удовлетворенія политическихъ и экономическихъ требованій, предъявленныхъ ихъ союзомъ; 3) что освободительное движеніе приняло въ Забайкальѣ настолько широкіе размѣры, что захватило всѣ классы населенія, не исключая и военнаго; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для огражденія почтово-телеграфной конторы въ случаѣ насильственнаго захвата ея; 5) что отрицательный отвѣтъ на требованія думы могъ бы послужить сигналомъ для начала кровавой анархіи, такъ какъ по заявленію депутаціи и городского головы, бывшаго на совѣщаніи, въ случаѣ неуваженія сего ходатайства соціалъ-демократическая партія въ числѣ

4000 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и всѣ правительственныя учрежденія, *совѣщаніе единогласно постановило:* почтово-телеграфныя учрежденія области временно передать Читинской Городской Думѣ, какъ постоянному учрежденію, которая, какъ органъ юридическаго лица, подъ контролемъ гласныхъ Думы, можетъ передать эти учрежденія союзу почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Забайкальскаго округа, но безъ всякой отвѣтственности правительства и казны за могущій быть ущербъ и вредъ. Сдача можетъ быть произведена только утромъ 22-го декабря».

Таковъ былъ текстъ смиренной капитуляціи мѣстной бюрократіи передъ «освободительнымъ движеніемъ». Несомнѣнно, что это было самое сильное униженіе власти передъ революціей, и изъ этого инцидента видно, какъ въ сущности еще далеко было населеніе города отъ насильственнаго сокрушенія существующаго строя. Смущенный лепетъ довольно-таки безтолковой резолюціи совѣщанія [1]) достаточно свидѣтельствуетъ о совершенно безпомощномъ положеніи начальства. Хотя Холщевниковъ и думалъ, что у него находились тогда 600 «вѣрныхъ долгу солдатъ», но это было далеко не такъ и онъ дѣйствительно правильно поступилъ, отказавшись вызвать рабочихъ на открытый бой; «кровавой анархіи», какъ боялись чиновники, отъ этого не произошло бы, но можетъ быть нѣсколько дней Даурской республики стали бы не фразой въ устахъ обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ усмирителей, а совершившимся фактомъ. Но повторяемъ, что очевидно въ населеніи не было сознанія въ необходимости и полезности вооруженнаго возстанія и это положеніе станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на остальные моменты «освободительнаго движенія» въ области.

Чтобы покончить съ передачей почты, надо сказать, что 23 го декабря почтово-телеграфная контора со всѣми аппаратами и имуществомъ была сдана представителямъ города и почтово-телеграфнаго союза и благополучно функціонировала, служа нуждамъ мѣстнаго сообщенія, до 12-го января 1906 г., когда съ прекращеніемъ всероссійской почтово-телеграфной забастовки почтово-телеграфные чиновники снова явились къ губернатору и смиренно просили его принять почту въ вѣдѣніе правительства. За все время владѣнія почтой и телеграфомъ, какъ было установлено затѣмъ на судѣ, не пропало ни одной копѣйки казенныхъ денегъ, не было никакихъ поврежденій, безпорядковъ и упущеній въ дѣлахъ.

---

[1]) Она была редактирована товарищемъ предсѣдателя Читинскаго окружнаго суда Герваге̂номъ, до крайности перепуганнымъ человѣкомъ. Ему, какъ юристу, растерявшіеся чиновники дали написать резолюцію въ слабой надеждѣ, что онъ съумѣетъ написать ее такъ, что впослѣдствіи „не къ чему будетъ придраться". Бѣдный Гервагенъ конечно могъ состряпать только самую криминальную резолюцію, ибо такова была сила вещей. Но онъ пытался все-таки „спасти положеніе"; слѣдъ этой попытки виденъ въ совершенно ненужной фразѣ: „какъ органъ юридическаго лица", зачѣмъ ее вставилъ Г.—непонятно. Но нѣкоторые изъ чиновъ, особенно военныя власти, сколько можно было заключить впослѣдствіи по ихъ разговорамъ, видѣли въ этомъ непонятномъ для нихъ „юридическомъ лицѣ" какую-то тѣнь спасенія. Гервагенъ, подписавшій резолюцію, приложилъ еще къ ней „особое мнѣніе" написанное на многихъ листахъ и совершенно уже безтолковое и непонятное.

Революціонное броженіе съ особенной силой сказалось также въ средѣ офицеровъ войскъ гарнизона и приходящихъ и проходящихъ мимо Читы частей. Стихійная сила возмущенія и гнѣва, которая волновала ряды нижнихъ чиновъ, отражалась и на ихъ непосредственномъ начальствѣ, пришедшемъ къ убѣжденію о радикальномъ и немедленномъ измѣненіи существующаго строя. Параллельно съ организаціей солдатскихъ и казачьихъ комитетовъ образуется движеніе въ средѣ офицеровъ и чиновниковъ мѣстныхъ строевыхъ и казачьихъ войскъ. Немедленно вслѣдъ за упомянутой выше резолюціей совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, собираются одинъ за другимъ (25 и 27 ноября) обширные митинги военно служащихъ, гдѣ присутствуютъ и „члены партій и союзовъ“ и гдѣ военными и штатскими говорятся пламенныя рѣчи о свободѣ и гремятъ проклятія позору и безправію родины. На митингѣ 27 ноября вырабатывается и немедленно опубликовывается въ мѣстныхъ газетахъ резолюція, гдѣ офицеры и военные чиновники привѣтствуютъ резолюцію совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, объявляютъ лишеннымъ довѣріе страны «существующее самодержавное правительство, вся дѣятельность котораго направлена на вредъ народа», отказываются исполнять всѣ исходящіе отъ него приказы и распоряженія и объявляютъ, что они образуютъ союзъ, который «всѣми силами будетъ помогать борцамъ за народную свободу и свое оружіе будетъ употреблять только противъ враговъ освободительнаго движенія, дѣятельность же свою прекратитъ только послѣ созыва Учредительнаго Собранія, созваннаго всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ». Эта смѣлая резолюція была покрыта подписями 53 офицеровъ и 42 военныхъ чиновниковъ. Ее подписали офицеры всѣхъ родовъ службы, она пестритъ аристократическими фамиліями, ее подписали и военные врачи, и казаки, и мелкіе военные чиновники.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ сложился окончательно союзъ военнослужащихъ, выработалъ и опубликовалъ свой уставъ, избралъ комитетъ и выпустилъ нѣсколько воззваній къ арміи и народу. Но революціонный порывъ, сказавшійся со стихійною силою въ первыхъ выступленіяхъ радикальнаго офицерства, упалъ также быстро, какъ и налетѣлъ. Уже къ срединѣ декабря союзъ состоялъ изъ нѣсколькихъ только человѣкъ, его чуралось большинство подписавшихъ резолюцію 27 ноября, дѣятельность его была крайне слабой и ничтожной и въ началѣ января онъ тихонько умеръ естественной смертью. Не смотря на краткость своего существованія, союзъ военно-служащихъ съигралъ большую роль въ революціонномъ движеніи въ Читѣ въ томъ смыслѣ, что выступленіемъ своимъ окончательно лишилъ администрацію края всякой надежды на подавленіе революціи вооруженной рукой. Генералъ Ренненкампфъ хотѣлъ жестоко расправиться съ захваченными имъ послѣ 20 января 1906 г. участниками офицерскаго движенія и многіе изъ нихъ поплатились бы жизнью за смѣлыя хотя и недолгія мечты о свободѣ. Но ихъ спасло отъ этой страшной участи юридическое безграмотство генерала и его свиты. Къ моменту суда надъ ними генералъ успѣлъ перессориться со всѣми находящимися во временномъ военномъ судѣ судьями и прокурорами, настоялъ

передъ Гродековымъ на ихъ отозваніи, создавъ свой знаменитый «судъ при отрядѣ» и при помощи своихъ бравыхъ «молодыхъ друзей» сотниковъ, ротмистровъ и капитановъ сталъ ничто же сумняшеся стряпать обвинительные акты. Первые блины выходили конечно комомъ. Но хотя «судъ при отрядѣ» поглощалъ эти комья съ большою легкостью, актъ о военномъ союзѣ вышелъ настолько чудовищнымъ, что даже Ренненкампфъ не рѣшился судить по немъ людей. Есаулы при отрядѣ, исполнявшіе амплуа прокуроровъ, долго старались исправить это неудачное дѣтище поистинѣ «солдатской словесности», да такъ и не успѣли до того момента, какъ у Ренненкампфа къ великому облегченію края было отнято право суда, и десятки военной молодежи были спасены отъ смерти и каторги [1]).

Революціонныя организаціи рабочихъ и солдатъ, какъ мы уже говорили выше, заняты были своей работой среди огромныхъ массъ трудового населенія и для администраціи ихъ роль выяснялась только на митингахъ, гдѣ выступали революціонные ораторы, принимались революціонныя резолюціи, откуда иногда исходили и рѣшенія, заставлявшія администрацію подчиняться волѣ народа. Такъ было, какъ я уже говорилъ, съ дѣломъ «передачи почты народу». Проникнутый революціоннымъ духомъ народъ еще разъ въ болѣе рѣшительной и болѣе

[1]) Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ обвинительнаго акта:

„Обращаясь къ сути этого постановленія (говорится о резолюціи 27 ноября) ясно видно, что собраніе гг. офицеровъ, военныхъ врачей и чиновниковъ, не смотря на то, что въ средѣ его были весьма почтенные офицеры какъ по чинамъ, такъ и по годамъ службы, во 1-хъ не опредѣлило смысла выраженія: „если они (т. е. приказы и распоряженія) идутъ во вредъ народу“, во 2-хъ не потрудилось удостовѣриться въ правильности газетныхъ извѣстій, хотя бы путемъ разсужденія, и въ 3-хъ или забыло или не знало или вовсе игнорировало, послѣднее же несомнѣнно, такъ какъ между ними были люди и съ высшимъ военнымъ образованіемъ, основные воинскіе законы, точно указанные кн. XXII и XXIV С. В. П. 1869 г., законы гражданскіе обязательные для всѣхъ состоящихъ на службѣ Государственной и наконецъ тѣ подписки, которыя въ лицѣ своихъ членовъ, оно (?) давало при вступленіи въ службу Государеву—о непринадлежности къ недозволеннымъ и тайнымъ сообществамъ, а что главнѣе всего: *данную ими присягу* (курсивъ подлинника) . . . . . Подобное отношеніе къ завѣдомо преступнымъ подчиненнымъ еще болѣе усиливало увѣренность въ *ихней* безнаказанности . . . Тутъ предсѣдательствовалъ поручикъ Родіоновъ, раздавались рѣчи, въ родѣ рѣчи Бирюкова, прославлявшія бывшихъ Государственныхъ преступниковъ, какъ Петрашевцы, Землевольцы, Ишутинцы, ихъ главный козырь Каракозовъ и др., говорили и священникъ, и поручики-саперы, и прапорщики, и почтово-телеграфные чиновники (Карповъ). и какой-то молодой чиновникъ и кто-то сообщившій о забастовкѣ... Затѣмъ происходитъ смѣна предсѣдателя поручика Родіонова—штатскимъ Кузнецовымъ, нынѣ вр. Военнымъ Судомъ приговореннымъ къ смертной казни (болѣе въ актѣ объ этомъ Кузнецовѣ и его дѣлѣ—ни слова) . . . . . Казалось бы на этомъ и стать, на этомъ и остановиться сказано все, чего не имѣетъ права, ни по совѣсти, ни по долгу, говорить честный и желающій пользы своему Отечеству офицеръ и солдатъ, такъ нѣтъ, показалось мало...“

Составитель „обвинительнаго акта“ рѣшилъ привлечь только тѣхъ лицъ, которыхъ Ренненкампфъ успѣлъ арестовать въ Читѣ, отъ другихъ онъ отказывается, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: „Остальныя лица хотя и подписали первую резолюцію, но никто не опрошенъ на дознаніи за отбытіемъ изъ Читы, такъ какъ: кто выѣхалъ вслѣдствіе увольненія въ запасъ, кто въ командировкахъ, кто въ отпуску, одинъ убитъ и нѣсколько человѣкъ бѣжали со службы“.

Такъ и не могли свести концовъ съ концами въ этомъ несчастномъ актѣ, и находящійся у меня печатный его экземпляръ не имѣетъ выводовъ и ссылокъ на статьи закона, за нарушенія коихъ привлекаются къ суду обвиняемые; такъ писали обвинительные акты въ карательномъ отрядѣ Ренненкампфа!

революціонной формѣ выставилъ передъ администраціей свои требованія и настоялъ на ихъ исполненіи. Объ этомъ случаѣ генералъ Холщевниковъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ 26 ноября 1905 г. за № 8888 слѣдующее: «24 ноября въ $5^1/_2$ час. дня къ моему дому прибыла демонстративно огромная толпа, представители которой явились ко мнѣ и предъявили мнѣ требованіе отъ составлявшихъ толпу рабочихъ, солдатъ и казаковъ Читинскаго гарнизона и нѣкоторыхъ гражданъ города объ освобожденіи бывшихъ матросовъ съ транспорта Прутъ, находящихся въ Акатуевской тюрьмѣ, а равно и всѣхъ пострадавшихъ за политическія дѣла, въ томъ числѣ содержавшагося въ Читинской тюрьмѣ мѣщанина Кривоносенко, ранившаго въ Читѣ городового, и двухъ казаковъ Полутова и Мисюркѣева, осужденныхъ въ дисциплинарный батальонъ за оскорбленіе офицера».

Холщевниковъ освободилъ немедленно Кривоносенко, Полутова и Мисюркѣева, а объ освобожденіи Акатуевскихъ заключенныхъ донесъ на благоусмотрѣніе главнокомандующему г.-а. Линевичу. Но «составлявшіе толпу 24 ноября рабочіе, солдаты и казаки» не стали ждать отвѣта Линевича и въ среднихъ числахъ декабря отправили выборныхъ отъ себя по 2 человѣка въ количествѣ 6 человѣкъ, которые явившись въ Акатуй предъявили тюремной администраціи требованіе освободить арестантовъ матросовъ съ «Прута», что и было исполнено безпрекословно, хотя депутатовъ отъ читинскихъ рабочихъ и гарнизона было 6 человѣкъ безоружныхъ, а начальникъ Акатуевской тюрьмы, удаленной отъ Читы на 500 верстъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 70 человѣкъ конвойной команды. Такъ сильно было въ эти дни обаяніе «велѣній революціоннаго народа»! Матросы съ великимъ почетомъ и торжествомъ были приняты въ Читѣ, появлялись тамъ на митингахъ и благополучно въ 20 числахъ декабря уѣхали изъ Забайкалья. Амнистія политическимъ была кажется единственнымъ завоеваеніемъ читинской революціи, не отобраннымъ вновь воспрянувшей властью.

Къ срединѣ января 1906 г. высоко взметнувшаяся волна революціоннаго движенія, возникшаго въ связи съ событіями въ Европейской Россіи, совершенно упала. Желѣзнодорожники усиленно возили солдатъ и товарные грузы и были всецѣло поглощены этимъ дѣломъ, совершенно забросивъ политику; союзъ военнослужащихъ прекратилъ свою дѣятельность; почтово-телеграфные чиновники пришли съ повинной, возвратили почту правительству и ждали разрѣшенія начальства тянуть снова старую лямку, движеніе среди солдатъ и казаковъ также улеглось: запасные давно, еще въ 20-хъ числахъ декабря, были распущены по домамъ и покинули Читу, а оставшіяся роты желѣзнодорожнаго и запасного Сибирскаго и резервнаго батальона неполнаго состава въ силу своей совершенно ничтожной численности никакого движенія опаснаго для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія не проявляли. Въ средѣ рабочихъ правда шла невидимая и грозная для начальства работа, и страхъ вооруженнаго возстанія, къ которому по слухамъ готовились рабочіе мастерскихъ и депо дороги, продолжалъ витать надъ смущенной душой представителей власти. Но всетаки слухи эти были

глухи и неопредѣленны и администрація справедливо могла думать, что страшный мигъ миновалъ и что появленіе новыхъ войскъ въ томъ количествѣ и составѣ, о которыхъ все время съ осени 1905 г. настойчиво доносилъ куда слѣдуетъ генералъ Холщевниковъ, прекратитъ всякія мечты о возстаніи и старый порядокъ снова мирно водворится на аренѣ недавнихъ торжественныхъ выступленій «революціоннаго народа». Перепуганныя и растерявшіяся власти снова поднимали голову. Да и съ Запада шли благопріятныя вѣсти о подавленіи революціи; сношенія съ Петербургомъ возстановились, и 17 декабря отъ Дурново Холщевниковымъ была получена телеграмма, гдѣ уже звучалъ властный тонъ побѣдителя. Гласила она слѣдующее: «Командированныя въ Читу лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по области слѣдующія распоряженія: первое, начальника округа Данилевича устранить отъ должности [1]), второе, начальника Читинской конторы и всѣхъ зачинщиковъ подстрекателей и членовъ почтоваго союза посадить въ тюрьму; третье, почтовую контору и управленіе округомъ поручить временно вполнѣ благонадежнымъ лицамъ; четвертое, всѣхъ забастовщиковъ и членовъ союза уволить отъ службы и выселить изъ казенныхъ квартиръ, оставить можно только тѣхъ, которые бастовали по малодушію. Кромѣ того, взять подъ стражу всѣхъ членовъ революціонныхъ комитетовъ, стачечныхъ комитетовъ и главныхъ революціонеровъ безъ различія званій. Также распорядиться со всѣми чиновниками и служащими по выборамъ, которые содѣйствовали мятежу или виновны въ попустительствѣ».

Такова была программа пролога къ послѣднему кровавому акту Читинской драмы. О «командированныхъ въ Читу лицахъ» было уже извѣстно администраціи: съ Востока двигался Ренненкампфъ, а съ Запада Меллеръ-Закомельскій. Въ засѣданіи 18 января 1906 г. особаго совѣщанія состоявшаго, за исключеніемъ немногихъ, изъ тѣхъ же лицъ, которыя 21 декабря 1905 г. сдали почту народу, было постановлено согласно этой телеграммѣ министра арестовать и выселить забастовщиковъ, зачинщиковъ и подстрекателей почтово-телеграфнаго вѣдомства; относительно членовъ революціонныхъ и прочихъ комитетовъ было рѣшено обождать прибытія отряда Ренненкампфа, такъ какъ присутствовавшіе на совѣщаніи жандармскіе офицеры, полковникъ Кохъ и ротмистръ Балабановъ заявили, что хотя ими и намѣченъ къ аресту цѣлый рядъ лицъ, но «таковой арестъ они предполагаютъ привести въ исполненіе только по обезоруженіи желѣзнодорожныхъ рабочихъ и городской милиціи». Въ томъ же засѣданіи

---

[1]) Ст. сов. Данилевичъ безтрепетно охранялъ казенный интересъ въ смутные дни, увѣщевалъ, интриговалъ, пускался въ провокацію, желая внести расколъ въ среду почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и сорвать забастовку, грозилъ имъ всѣми страхами, не платилъ жалованья на основаніи телеграммы Дурново отъ 26 ноября 1905 г. въ случайно полученныхъ въ Читѣ номерахъ „Руси“, „Начала“ и „Нашей Жизни“, вызвалъ неповиновеніе и презрѣніе своихъ подчиненныхъ, былъ лишенъ ими прислуги, объявленъ подъ бойкотомъ, бѣдствовалъ и дрожалъ за свою жизнь и за все это былъ по достоинству награжденъ своимъ высокимъ патрономъ, очевидно, ничего не знавшемъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Курьезно, что Данилевичъ такъ и не былъ реабилитированъ. Вотъ ужъ дѣйствительно пострадалъ за правду. *Авторъ.*

была доложена и другая телеграмма Дурново не менѣе грознаго содержанія: «Въ виду объявленнаго въ области военнаго положенія всѣ митинги, сборища и шествія должны быть запрещены. Газеты революціоннаго содержанія подлежатъ запрещенію. Съ нарушителями спокойствія и порядка справляться силою оружія, рѣшительно и безъ всякихъ колебаній. Виновныхъ въ сопротивленіи властямъ и насиліяхъ предавать военному суду». По поводу этой телеграммы Совѣщаніе между прочимъ замѣчаетъ, что «въ Читѣ за послѣднее время митинги совершенно не имѣютъ мѣста за самымъ малымъ исключеніемъ, когда на митингъ собираются незначительныя группы населенія для обсужденія экономическихъ и другихъ вопросовъ». *Замѣчаніе это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ успокоеніи, наступившемъ къ этому времени въ Читѣ.* Въ этомъ же засѣданіи было постановлено закрыть мѣстныя прогрессивныя газеты «Азіатская Русь» и «Забайкалье».

Это совѣщаніе состоялось 18 января 1906 г.; изъ постановленій его видно, что мѣстныя власти были безсильны въ это время только передъ революціонными организаціями рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Все же населеніе города не внушало уже больше имъ никакихъ тревогъ своимъ настроеніемъ. Начальство постепенно натягивало бразды правленія и спокойно ждало «лицъ командированныхъ въ Читу», чтобы съ ними отпраздновать торжество «порядка и закона». А эти лица уже стремительно летѣли къ Читѣ съ Запада и Востока, быстро расправляясь на ходу съ крамолой и горя желаніемъ покорить мятежный городъ «Даурской республики». Въ Читѣ еще никто не зналъ, какой ужасъ несутъ съ собой эти командированныя лица.

19 января стало извѣстно, что рабочіе вооруженнаго сопротивленія правительственнымъ войскамъ оказывать не будутъ.

20 января прибылъ съ полкомъ стрѣлковъ новый губернаторъ области генералъ-маіоръ Сычевскій и арестовалъ въ мастерскихъ дороги безъ всякаго сопротивленія со стороны рабочихъ оставленное ими оружіе.

21 января къ Читѣ подошелъ карательный поѣздъ Ренненкампфа.

Революція кончилась. Начинался «разборъ» всѣхъ подробностей происходившаго мятежа.

П. Н. Переверзевъ.

Замѣтка и стихотворенія П. С. Поливанова.

Въ декабрѣ 1887 г. нашу тюрьму посѣтилъ какой то чинъ м-ва юстиціи,—не то одинъ изъ оберъ прокуроровъ сената, не то какой то другой сенатскій чиновникъ. Онъ держалъ себя очень развязно, нахально даже. Онъ говорилъ, между прочимъ, что нигдѣ не даютъ заключеннымъ такихъ «льготъ», какъ въ Шлиссельбургѣ; что такой тюрьмы нѣтъ ни въ Россіи, ни за границей; что у насъ «такой гуманный комендантъ», и т. п. Комендантомъ былъ Покрошинскій, жандармскій полковникъ, родомъ полякъ, служившій до того времени въ Польшѣ (былъ начальникомъ жанд. упр. въ Сувалкахъ); низкая, подлая тварь; къ чести его надо сказать, что подъ конецъ его замучила совѣсть. Въ 1888 г. онъ сталъ пить запоемъ и его постоянно преслѣдовала мысль, что его убьютъ за совершавшіяся въ Шлиссельбургѣ жестокости. Однажды онъ залѣзъ на стѣну и, увидѣвъ на озерѣ какого то рыбака, поднялъ страшную тревогу. Онъ былъ охваченъ паническимъ ужасомъ и сталъ говорить, что это ѣдутъ «соціалисты», что они взорвутъ крѣпость и убьютъ его, Покрошинскаго. Насилу успокоилъ его вахмистръ Жестовскій (проживающій теперь въ Полтавской губ., гдѣ онъ купилъ на свои «сбереженія» участокъ земли), убѣждавшій полоумнаго начальника, что это—чухонецъ, который выѣхалъ рыбки половить, и что онъ не имѣетъ никакихъ дурныхъ замысловъ, и т. д.

Когда ревизоръ ушелъ, Ла [1]) простучала мнѣ: «Тригони спрашиваетъ тебя, кто былъ у тебя?»

Я отвѣтилъ: какой то *стрюцкій*. Спрашивалъ о здоровьи и не имѣю ли какихъ заявленій. Я, по обыкновенію, отвѣтилъ: «никакихъ». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тригони, не знавшій, что означаетъ на московскомъ жаргонѣ слово «стрюцкій», сталъ послѣ этого стучать дальше: «у Поливанова былъ прокуроръ Стрюцкій, спрашивалъ, и т. д.»

Это вызвало смѣхъ всей публики и самого Тригони, когда ему объяснили значеніе этого слова...

По этому поводу и написано мною слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) Такъ называли Людмилу Волкенштейнъ, сокративъ ея имя для удобства при перестукиваніи.

«Стрюцкій, стрюцкій, гдѣ ты былъ?
— Шлиссельбургъ я посѣтилъ.
Что, голубчикъ, видѣлъ тамъ?
Разскажи скорѣе намъ»!

— Я осматривалъ тюрьму,
И никакъ я не пойму,
Почему всѣ говорятъ,
Будто тамъ «людей морятъ»?...
Такъ гуманенъ комендантъ,
Такъ любезенъ адъютантъ,
Что, повѣрьте мнѣ, друзья,—
Много тюремъ видѣлъ я,
Но никто подобныхъ льготъ
Заключеннымъ не даетъ
Ни въ Европѣ ни у насъ,
Увѣряю честью васъ!—

«Стрюцкій, стрюцкій, полно врать,
Лучше было бъ ужъ молчать!
У тебя, кажись, мой свѣтъ,
Ни стыда, ни чести нѣтъ!»

— Стыдъ давно я потерялъ,
Чести отъ роду не зналъ:
Коли намъ еще да «честь»,
Такъ придется въ петлю лѣзть!

1887 г. декабрь.
Шлиссельбургская тюрьма.

ТИХІЙ УГОЛОКЪ.

Какъ люблю я свой тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ!
Въ немъ нашелъ, наконецъ, я душевный покой,
И могу я бороться съ тоской.
На меня здѣсь привѣтливо смотрятъ кусты,
Мнѣ киваютъ березки листы,
Надо мною синѣетъ лазури шатеръ,
Подъ ногами зеленый коверъ.
Безпрерывно звучатъ среди чащи вѣтвей
Разговоры пернатыхъ гостей;
Въ вышинѣ вторятъ быстрыя ласточки имъ
Щебетаніемъ нѣжнымъ своимъ.
Далеко, далеко гдѣ-то свищетъ куликъ,
Слышенъ чаекъ пронзительный крикъ;
Хищный клекотъ внезапно раздастся порой,
Какъ тревоги сигналъ боевой,—

И смолкаетъ на мигъ перепуганный хоръ,
Къ небесамъ поднимая свой взоръ:
Чуть замѣтною точкою коршунъ паритъ,
И добычу свою сторожитъ.
Погруженный въ раздумье въ травѣ я лежу
И за коршуномъ взглядомъ слѣжу...
Мнѣ мучительно страстно хотѣлось бы знать
Все, что могъ бы онъ мнѣ разсказать:
Сколько видѣлъ онъ чудныхъ природы картинъ,
Горъ, потоковъ, морей и равнинъ.
Вѣдь онъ видѣлъ, быть можетъ, какъ царственный Нилъ
Свои мутныя воды катилъ,
И чернѣли вдали надъ пустыни пескомъ
Пирамиды въ величьи нѣмомъ.
Забѣлѣли потомъ паруса кораблей
Средь лазурныхъ Эллады морей,
И за островомъ островъ изъ водъ выступалъ,
Отражая ихъ пѣну отъ скалъ.
Онъ парилъ надъ вершинами горныхъ цѣпей,
Надъ просторомъ дунайскихъ степей,
И привѣтствовалъ радостно вешній разливъ
Мощныхъ рѣкъ средь покосовъ и нивъ...

. . . . . .

На лужайкѣ, межъ тѣмъ, пестрыхъ кроликовъ [1]) рать
Продолжала безпечно скакать.
Вотъ одинъ подбѣжалъ, мою руку лизнулъ,
И въ траву торопливо шмыгнулъ;
И я вновь возвращаюсь изъ міра чудесъ,
Вѣчно ясныхъ, далекихъ небесъ,
Въ свой забытый и тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ.
Мой мірокъ не великъ,—до смѣшного онъ малъ,
Но нашелъ я въ немъ то, что искалъ.
Эта зелень, цвѣты, этихъ птицъ голоса,
Совершили во мнѣ чудеса:
Разлетѣлося горе, что сердце гнело,
Стало мнѣ и легко и свѣтло...
Да! Природа вездѣ и во всемъ хороша...
Для того, чья страдаетъ душа,
Стоитъ только ей чудный бальзамъ свой пролить,
Чтобы рану души исцѣлить...

П. С. Поливановъ.

1899 г.
Шлиссельбургская тюрьма.

---

[1]) Заключеннымъ въ Шлис. крѣп. было одно время разрѣшено держать кроликовъ, куръ, голубей. У П. С. Поливанова жили въ камерѣ два голубя, а въ садикѣ онъ выстроилъ домикъ для кроликовъ, отгородивъ при этомъ другую половину своего участка проволочной рѣшеткой, чтобы кролики не бѣгали въ цвѣтникъ и не портили насажденій.

Замѣтки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г.

Александръ Николаевичъ Сутгофъ (по иному написанію Сутговъ) былъ однимъ изъ непосредственыхъ участниковъ возстанія 14 декабря: онъ вывелъ на Сенатскую площадь значительную часть лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и до конца оставался при возставшихъ. Это даетъ особое значеніе сохранившимся замѣткамъ Сутгофа о происшествіи 14 декабря.

А. Н. Сутгофъ родился въ 1801 г. Отецъ его былъ шведскаго происхожденія, а мать малороссіянка. Онъ въ дѣтствѣ былъ отданъ для ученія въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ Москвы, но въ 1812 г. онъ былъ перевезенъ въ Кіевъ, гдѣ въ это время состоялъ на службѣ его отецъ въ чинѣ уже генерала. Обученіе Сутгофа продолжалось, пока онъ въ 1816 г. не поступилъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ въ Петербургѣ. Онъ вступилъ позднѣе въ Сѣверное тайное общество и, будучи уже поручикомъ, принялъ, какъ сказано, близкое участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Онъ былъ преданъ верховному уголовному суду, былъ признанъ виновнымъ въ слѣдующемъ: «принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго знанія о сокровенной его цѣли. Принялъ одного члена. Лично дѣйствовалъ. Возмутилъ роту и присоединился къ мятежникамъ. Команда его стрѣляла». Сутгофъ былъ отнесенъ къ 1-му разряду государственныхъ преступниковъ, который былъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а за смягченіемъ приговора—къ вѣчной каторгѣ. Сутгофъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими декабристами въ Сибирь; за неоднократными смягченіями опредѣленнаго наказанія сроки пребыванія декабристовъ на каторгѣ были сокращены, и Сутгофъ въ 1836 г. былъ уже на поселеніи; онъ тутъ женился, занялся земледѣліемъ, устроившись подъ Иркутскомъ. Онъ уже не думалъ о дальнѣйшей перемѣнѣ въ своей судьбѣ, какъ вдругъ совершенно для него неожиданно, по хлопотамъ его родныхъ въ 1848 г. онъ былъ переведенъ на Кавказъ, рядовымъ Кубанскаго полка, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики, а послѣ амнистіи 1856 г. ему удалось перейти на службу въ Москву. Здѣсь онъ впрочемъ пробылъ недолго: разстроенное здоровье его требовало южнаго климата, и онъ вернулся на Кавказъ, гдѣ получилъ мѣсто управляющаго водами въ Кисловодскѣ, потомъ въ Боржомѣ. Онъ скончался въ 1872 г.

Въ библіотекѣ Е. И. Якушкина, очень много сдѣлавшаго для

собранія и сохраненія матеріаловъ о декабристахъ, сохранились замѣтки о 14 декабря, писанныя Сутгофомъ. Какъ разъ въ 1857 г., когда Сутгофъ переѣхалъ въ Москву, вышло въ свѣтъ третье изданіе книга Корфа: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I»,— первое изданіе «для публики». Въ книгѣ подробно описывались происшествія 14-го декабря и, по просьбѣ Е. И. Якушкина, Сутгофъ написалъ на поляхъ книги свои замѣчанія и возраженія на разсказъ Корфа.

Замѣчанія Сутгофа, писанныя такимъ образомъ, конечно, отрывочны, но они содержатъ много исправленій и дополненій къ книгѣ, обнаруживая общую тенденцію ея, на основѣ оффиціальныхъ донесеній, искажать истину въ извѣстномъ смыслѣ, представлять все въ самомъ неблагопріятномъ видѣ для мятежниковъ. Я приведу здѣсь одно за однимъ замѣчанія Сутгофа, не приводя ихъ въ особую систему и указывая только, къ какому мѣсту книги Корфа они относятся.

Корфъ, говоря о возмущеніи въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, (стр. 127), указываетъ, что *часть* полка устремилась на площадь, а *другая часть* осталась въ казармахъ; Сутгофъ поясняетъ: «Рота гр. Ливена одна осталась въ казармахъ, всѣ прочія, за исключеніемъ немногихъ солдатъ, вышли на площадь».

На стр. 140 Корфъ говоритъ, что въ наружности Якубовича было «что-то замѣчательно отвратительное»: Сутгофъ возражаетъ: «Якубовичъ превосходной наружности». Далѣе Корфъ разсказываетъ, что Якубовичъ ходилъ къ бунтовщикамъ съ порученіемъ Николая Павловича и затѣмъ «подъ личиною возвращенія къ законному долгу» старался развѣдать въ противныхъ рядахъ о положеніи дѣла, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ. Противъ этого мѣста Сутгофъ на поляхъ замѣчаетъ: «все это несправедливо. Якубовичъ былъ оскорбленъ на площади К. Щепинымъ-Ростовскимъ. Порученіе государя безъ успѣха выполнилъ и, возвратившись вторично, получилъ приказаніе находиться въ свитѣ царской, гдѣ онъ недолго оставался: воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ отправился въ театральную дирекцію, чѣмъ навлекъ на себя сильное, ни на чемъ не основанное подозрѣніе».

«Мятежныя роты Московскаго полка стояли въ густой неправильной колоннѣ»—противъ этихъ словъ Сутгофъ приписалъ: «Каре». Далѣе (147 стр.) Корфъ со словъ одного случайнаго очевидца описываетъ собравшуюся на площади толпу, представлявшую «зрѣлище совершенно своеобразное: шинели съ мужицкими шапками, полушубки при круглыхъ шляпахъ, полотенца вмѣсто кушаковъ и т. п., цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Солдаты, растегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ амуниціи безпорядочно накинутой, были большею частью пьяны». Сутгофъ отрицаетъ все это: «очевидецъ или плутъ, или трусъ, всѣ были одѣты прилично; въ народѣ были точно лица, непрезентабельныя, но буйныхъ, пьяныхъ солдатъ не было, до прихода лейбъ-гренадеръ. Московцы стояли въ большомъ порядкѣ». Противъ словъ (стр. 148): «въ рядахъ мелькали по временамъ Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ нашему зрителю лицъ, въ упомянутыхъ фантастическихъ нарядахъ. Одинъ Бестужевъ ходилъ въ мундирѣ; болѣе никого не было

видно въ этомъ мѣстѣ похожаго по одеждѣ на офицера или начальника. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ... Выстрѣлы были по генералѣ Волковѣ». Сутгофъ объясняетъ: «Рылѣевъ, закутанный въ мѣховой воротникъ, только одинъ разъ на нѣсколько минутъ пріѣзжалъ на площадь.—Всѣ офицеры, кромѣ поручика Сутгофа, были въ мундирахъ, шарфахъ и киверахъ.— Въ г. Волкова не стрѣляли, его народъ чуть не убилъ камнями».

По поводу разсказа о появленіи на Сенатской площади гвардейскаго экипажа, Сутгофъ замѣчаетъ: «гораздо прежде гвардейскаго экипажа пришла 1 рота лейбъ-гренадерскаго полка». Онъ исправляетъ указаніе Корфа, будто ротныхъ командировъ въ гвардейскомъ экипажѣ освободили матросы: «Ротныхъ командировъ освободили по совѣту Николая Бестужева младшіе офицеры». Корфъ о приходѣ гвардейскаго экипажа выражается (стр. 149):—«эта новая толпа» расположилась впереди Московскаго полка; Сутгофъ возражаетъ: «экипажъ въ большомъ порядкѣ остановился не передъ Московскимъ полкомъ, а въ колонѣ къ атакѣ между Московскимъ каре (котораго передній фасъ въ это время занимала 1 рота лейбъ-Гренадерскаго полка) и заборами».

Противъ словъ о появленіи Государя на площади передъ мятежниками и выстрѣлахъ въ него (стр. 150)—Сутгофъ приписалъ: «никто не видѣлъ и не стрѣлялъ въ Государя ни въ это время, ни послѣ.»

Корфъ разсказываетъ (стр. 150—151), что пріѣхавъ въ казармы Московскаго полка, часть котораго уже ушла на площадь, а часть не вернулась изъ караула, великій князь Михаилъ Павловичъ нашелъ на мѣстѣ «не болѣе четырехъ ротъ»,—«четырехъ сотъ человѣкъ» поясняетъ Сутгофъ, и о приводѣ этихъ людей къ присягѣ разсказываетъ: «Бистромъ не только словами, но и саблею старался заставить солдатъ присягнуть, когда же онъ убѣдился, что его краснорѣчіе не дѣйствуетъ на сборную команду, тогда онъ обратился къ фельдфебелю Бестужева роты и строго приказалъ ему привести къ присягѣ, что и было немедленно выполнено.—Фельдфебель не пошелъ съ ротой на площадь, привелъ команду къ присягѣ и за это былъ разжалованъ въ рядовые въ дальные сибирскіе батальоны.» Когда присягнувшая часть Московскаго полка была выведена къ адмиралтейству и встрѣтила Государя, «офицеры бросились цѣловать ему руки и ноги». «Правда» замѣчаетъ Сутгофъ.

Корфъ, передавая (стр. 156) объ атакахъ конно-гвардейцевъ на мятежниковъ, говоритъ, что атаки были безуспѣшны, были отбиваемы батальнымъ огнемъ. Сутгофъ вноситъ поправку: «первыя атаки производились на лейбъ-гренадеръ и московцевъ, которые съ большимъ успѣхомъ отражали конно-гвардейцевъ холостыми зарядами; послѣдняя атака была на гвардейскій экипажъ, тутъ имъ не поздоровилось, матросы ихъ встрѣтили боевыми зарядами, ранили полковника Вельо и многихъ конно-гвардейцевъ».

При пріѣздѣ конно-піонеровъ, вопреки разсказу Корфа (стр. 157) «они объѣхали кругомъ и никто имъ не хотѣлъ препятствовать».

Къ разсказу Корфа о лейбъ-гренадерахъ (стр. 160) Сутгофъ дѣлаетъ особенно много поправокъ. На караулѣ въ Петропавловской

крѣпости подъ 14 декабря были не двѣ роты, а 3 разрядъ 1 батальона. Помѣшавшій присягѣ поручикъ Кожевниковъ былъ вовсе не пьянъ, а «трезвый». Далѣе Корфъ передаетъ, что командовавшій фузелерной ротой (Сутгофъ), присягнувшій уже раньше вмѣстѣ съ другими, сталъ уговаривать солдатъ присоединиться къ возставшимъ и обѣщалъ раздать имъ жалованье безъ приказа. Сутгофъ поясняетъ: «лейбъ-гренадерскій полкъ былъ у присяги потому только, что подпоручикъ того же полка Жеребцовъ и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ графъ Коновницынъ пріѣхали объявить поручику Сутгофу, что всѣ полки присягнули и что они сами видѣли, какъ знамена отнесли во дворецъ. Послѣ присяги кн. Одоевскій и подпоручикъ Палицынъ первые сообщили Сутгофу, что Московскій полкъ вышелъ и что на честное слово лейбъ-гренадеръ считаютъ.— О жалованьѣ разговоръ былъ послѣ, когда лейбъ-гренадеры уговаривали пор. Сутгофа скрыться, онъ отвѣчалъ, что этого никогда не сдѣлаетъ и что къ тому же ихъ жалованье у него въ карманѣ. Солдаты сказали тогда, что они безъ жалованья обойдутся, лишь бы онъ не попалъ въ руки правительства».

По словамъ Корфа, лейбъ-гренадеры направились черезъ Васильевскій островъ и Исаакіевскій мостъ, а Сутгофъ говорилъ, что они пошли «не на Васильевскій островъ, а прямо черезъ ледъ отъ крѣпости къ Сенатской плащади».

Когда пріѣхавшій полковой командиръ Стюрлеръ сталъ выводить оставшихся людей и готовился вести ихъ по требованію государя ко дворцу, поручикъ Пановъ успѣлъ увлечь нѣсколько ротъ, и по дорогѣ ему, разсказываетъ Корфъ, пришла ужасная мысль завладѣть дворцомъ. Но тутъ ему помѣшалъ бывшій во дворцѣ поручикъ того же лейбъ-гренадерскаго полка баронъ Зальца, смутилъ его своими вопросами, а приходъ саперъ заставилъ Панова воскликнуть: «да это не наши, ребята за мною!» и поворотить свою толпу назадъ. Сутгофъ разсказывалъ это иначе:

«Пановъ увлекъ не нѣсколько ротъ, а всѣхъ людей, бывшихъ въ казармахъ, кромѣ 1 взвода государевой роты; никакой ужасной мысли Панову въ голову не приходило; идя мимо дворца, онъ увидѣлъ на дворѣ солдатъ въ шинеляхъ, принялъ ихъ за 1 роту и началъ входить во дворецъ, здѣсь онъ замѣтилъ, что онъ ошибся, закричалъ солдатамъ: ребята, это не наши. и въ ту же минуту вышелъ.— Исторія, разсказанная поручикомъ Зальца, отъ начала до конца, чистая ложь». Когда немного дальше (стр. 164) Корфъ ужасается, что опоздай немного саперы, Пановъ могъ бы почти безпрепятственно исполнить свое звѣрское намѣреніе, со всѣми неисчислимыми послѣдствіями,—Сутгофъ замѣчаетъ: «чистый вздоръ».

Когда лейбъ-гренадеры подъ предводительствомъ Панова пришли на Сенатскую площадь, они «соединившись съ 1 ротой, заняли остальные три фаса каре; московцы въ это время отъ холода столпились въ сердину каре и были въ безпорядкѣ». На свидѣтельство Корфа, что подпоручикъ Тутолминъ образумилъ стрѣлковый взводъ государевой роты лейбъ-гренадерскаго полка, и взводъ былъ приведенъ къ государю, Сутгофъ заявляетъ: «подпоручикъ Тутолминъ ровно ничего не сдѣ-

лалъ, весь стрѣлковый взводъ государевой роты пришелъ съ полкомъ на Сенатскую площадь и пристроился къ 1 ротѣ». Корфъ тутъ-же увѣряетъ, что всякій разъ, какъ государь показывался съ виду сенатской гауптъ-вахты, занимавшій ее караулъ финляндскаго полка всякій разъ отдавалъ честь. Сутгофъ замѣчаетъ: «еслибы государь и показывался, какъ могъ онъ (караулъ) его видѣть?»

По поводу разсказа поручика Зальца, какъ онъ велъ борьбу для спасенія лейбъ-гренадерскаго знамени,—о баронѣ Зальца выше уже было упомянуто,—Сутгофъ заявляетъ: «Все это происходило въ воображеніи поручика Зальца; онъ такъ былъ хорошъ, что полковой командиръ, близкій родственникъ, не могъ рѣшиться довѣрить ему роту».

По словамъ Корфа ротные командиры лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка Пущинъ и Штакельбергъ уже на площади убѣждали свои роты не бунтовать, два другіе офицеры на нихъ кинулись, крича солдатамъ—«ребята, коли ихъ», но солдаты отказались отъ этого кроваваго дѣла. Сутгофъ возражаетъ: «Пущина не было, а Штакельбергъ входилъ въ каре, но не уговаривать солдатъ, а доказывать свое старшинство и право командовать полкомъ, на что Пановъ ему отвѣчалъ, что онъ, Штакельбергъ, какъ пд. (подпоручикъ), лейбъ-гренадерами командовать не можетъ. Пущину и Штакельбергу было бы плохо, еслибъ гренадеры получили приказаніе приколоть ихъ, и того, и другого ненавидѣли за ихъ злость».

Въ противность словамъ Корфа (стр. 172) Сутгофъ заявляетъ, что возставшія войска «стрѣляли только во время кавалерійскихъ атакъ».

По поводу разсказа, какъ три матроса накинулись на Вильгельма Кюхельбекера за покушеніе его на жизнь великаго князя Михаила Павловича, Сутгофъ замѣчаетъ: «никто Кюхельбекера не тронулъ, его же родной братъ былъ ротнымъ командиромъ въ гвардейскомъ экипажѣ; вся эта исторія очевидцами не подтверждается».

Вопреки словамъ барона Корфа (стр. 179), «лейбъ гренадеръ и гвардейскаго экипажа еще не было на площади, когда митрополитъ подходилъ уговаривать возмутившихся». Когда стали передвигать артиллерію, «къ несчастію было темно и передвиженій этихъ никто не видалъ».

Передъ открытіемъ артиллерійскаго огня по мятежнымъ войскамъ къ нимъ былъ посланъ генералъ Сухозанетъ съ предложеніемъ помилованія. Онъ въѣхалъ въ средину мятежниковъ. Сказанныя имъ слова, по увѣренію Корфа, возымѣли было дѣйствіе на солдатъ, но Сухозанета окружили офицеры и нѣсколько «постороннихъ лицъ распутнаго вида», они спрашивали, привезъ-ли онъ конституцію и грозились на него. Сухозанетъ въ отвѣтъ имъ сказалъ, что онъ присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ и ускакалъ изъ среды отшатнувшихся передъ нимъ заговорщиковъ. Вслѣдъ ему раздался залпъ, онъ остался невредимъ, но посыпались перья съ его султана (стр. 183—184). Сутгофъ разсказываетъ дѣло совершенно иначе: «Сухозанетъ не доѣхалъ до фронта гвардейскаго экипажа, остановилъ лошадь, хотѣлъ что-то сказать, но только что его узнали, со всѣхъ сторонъ закричали ему—подлецъ, и въ ту же минуту Его Превосходительство легъ на лошадь

и помчался обратно; выстрѣлами его не удостоили. Когда дальше Корфъ приводитъ донесеніе Сухозанета: Ваше Величество, сумасбродные кричатъ: конституція!—Сутгофъ опять замѣчаетъ: «кричали: подлецъ».

Корфъ разсказываетъ: «Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе сената. На него отвѣчали неистовыми воплями и бѣглымъ огнемъ». «Вздоръ»—замѣчаетъ Сутгофъ; «Пущинъ, Оболенскій и Сутгофъ были въ это время впереди шагахъ въ 30, и когда добѣжали до каре, безпорядокъ былъ уже общій и ружейныхъ выстрѣловъ не было».

На указаніе Корфа, будто всѣ «зачинщики и заговорщики» немедленно обратились въ бѣгство, Сутгофъ возражаетъ: «несправедливо, Щепинъ-Ростовскій арестованъ на площади полковникомъ Засомъ, а поручикъ Сутгофъ съ частью лейбъ-гренадеръ отдалъ свою шпагу генералу Шипову. На слова Корфа, что Павловскій полкъ стрѣлялъ съ Галерной по убѣгавшимъ мятежникамъ, Сутгофъ замѣчаетъ: «неправда».

Вотъ и всѣ замѣчанія А. Н. Сутгофа, сдѣланныя имъ на поляхъ книги Корфа. Несмотря на ихъ отрывочность, они вносятъ опредѣленныя черты въ разсказъ о происшествіяхъ 14 декабря, и мы не можемъ не цѣнить этихъ замѣчаній, хотя они и писаны были почти черезъ тридцать два года послѣ памятнаго дня.

В. Якушкинъ.

Въ Мценской „гостинницѣ“ [1]).

Если Мценская тюрьма по справедливости слыла «гостинницей» среди тѣхъ, кто попадалъ туда изъ обыкновенныхъ мѣстъ заключенія, то, ужъ конечно, для насъ, только что пережившихъ режимъ централки, Мценскъ долженъ былъ показаться настоящимъ раемъ. Достаточно сказать, что, послѣ строго-одиночнаго заключенія, мы здѣсь свободно распоряжались двумя этажами тюремнаго зданія;—что носили мы всѣ собственное платье;—что, наконецъ, у насъ былъ прекрасный столъ, которымъ завѣдывали мы сами черезъ посредство выборныхъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи нанятыхъ на казенный счетъ слугъ. Можетъ быть, тутъ играла наиболѣе видную роль именно организованность и организація нашего хозяйства. Нашъ выборный староста, получивъ отъ насъ директивы, закупалъ продукты и заказывалъ повару кушанья;—раза 4 или 5 въ день вся компанія собиралась въ особую комнату, столовую, гдѣ образовывалось полное подобіе табльдота;—на особый столъ приносились слугою блюда или самоваръ, пища раскладывалась на тарелки и разливалась въ посуду, которыя разносились каждому къ занятому имъ мѣсту на столахъ, расположенныхъ, въ видѣ буквы *п*, по стѣнамъ комнаты. Замѣчу, что довольно таки часто, кромѣ «горячихъ» чаю и кофе, на нашемъ столѣ появлялись и «холодные» напитки,—водка, пиво, вино, что еще больше придавало нашей столовой видъ табльдота.

Однимъ словомъ: не житье, а малина...

Зданіе тюрьмы было въ $2^1/_2$ этажа. Въ подвалѣ помѣщалась кухня и другія службы. Первый этажъ былъ раздѣленъ на камеры; тутъ-же была столовая, умывальная и ватерклозетъ. Въ верхнемъ этажѣ—также камеры и ватерклозетъ; и, кромѣ того, одна изъ комнатъ была отведена подъ контору, въ которой, впрочемъ, принималъ и докторъ своихъ немногочисленныхъ больныхъ (чаще, однако, фельдшеръ), а также стоялъ шкафъ съ кое-какими медикаментами.

Въ камерахъ обыкновенныя деревянныя кровати и у нихъ—

---

[1]) Статья эта служитъ непосредственнымъ продолженіемъ статей того-же автора: „Первое вооруженное сопротивленіе“ и „Въ централкѣ“, помѣщенныхъ въ №№ 2 и 7 „Былого“ за 1906 годъ.

столики. Размѣщались въ камерахъ по скольку хотѣли и кто съ кѣмъ хотѣлъ; были, впрочемъ, и очень маленькія камеры, и любители уединенія поселялись въ нихъ безъ товарищей. Такъ, помню, въ крайней камерѣ верхняго этажа жилъ я; наоборотъ, очень много народу поселилось въ большой комнатѣ, что была первою на лѣво отъ входа въ нижнемъ этажѣ.

Весь день и всю ночь камеры стояли у насъ незапертыми. Публика собиралась группами въ той и другой камерѣ, или же образовывала кучки въ столовой.

Время прогулки было довольно продолжительно (не помню, сколько именно, но во всякомъ случаѣ нѣсколько часовъ). На это время отпиралась дверь, ведущая во дворъ, и туда выходили, кто хотѣлъ, точно также какъ и возвращались въ помѣщеніе, кто когда хотѣлъ. Такимъ образомъ, на время прогулки къ внутреннему помѣщенію въ наше распоряженіе «прирѣзывалась», такъ сказать, и часть тюремнаго двора. Но тутъ не было никакой растительности и вообще никакого «благоустройства»: просто кусокъ двора, ограниченный каменною оградою—съ одной стороны и глухою стѣною тюремнаго зданія—съ другой. И потому, въ особенности къ веснѣ, прогулкою всѣ мы не особенно-то дорожили.

Когда мы, централисты, прибыли въ Мценскъ [1]), то тамъ находилось 4 человѣка заключенныхъ: Ив. Дебагоріо-Мокріевичъ (братъ знаменитости), Левченко (братъ каторжанина), Казанскій и Пршибысовъ. Послѣ насъ разновременно появились: зеленая молодежь по процессу харьковскаго профессора Сыцянко—его сынъ,—Александръ, Филипповъ и Легкій, кіевлянинъ Малавскій, харьковецъ Буцинскій, воронежецъ Тулисовъ.

Весною, вообще, стояла у насъ въ тюрьмѣ толчея невообразимая. Безконечныя свиданія, хоровое пѣніе, плясъ, общіе съ пришедшими на свиданіе обѣды и чаи (и выпивки), хлопоты со снаряженіемъ въ далекій путь, подчасъ болѣе или менѣе бурныя собранія по хозяйственнымъ дѣламъ или шумные дебаты по теоретическимъ вопросамъ,—все это вело нашу жизнь въ страшно повышенномъ тонѣ и сильно ускореннымъ темпомъ.

Но, кромѣ жизни на глазахъ у всѣхъ, у каждаго изъ насъ была еще своя интимная жизнь.

Неизгладимое впечатлѣніе оставили во мнѣ первое свиданіе съ матерью, а затѣмъ—разставаніе съ нею.

Я успѣлъ уже обмѣняться съ нею письмами, она уже знала, что я—не въ ужасной централкѣ, что жизнь въ Мценской тюрьмѣ—привольная. Но, тѣмъ не менѣе, когда я вошелъ въ контору, гдѣ она въ первый разъ меня ждала, то она кинулась мнѣ на шею и, изнемогая отъ рыданія-вопля и отъ душевной муки, повисла въ полномъ безсиліи... Это была потрясающая сцена!

А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ нею прощались. Она была болѣе спокойна, хотя и плакала слегка. Очевидно, то, что она видѣла въ Мценскѣ, заставило ее смягчить свое представленіе объ

---

[1]) Середина октября 1880 г.

ожидающей меня участи. Я также былъ наружно спокоенъ. Но что дѣлалось у меня и у нея въ тайникахъ души,—объ этомъ я не сумѣлъ бы разсказать. Во всякомъ случаѣ, я прощался съ ней навсегда,—а она у меня—единственный полный самопожертвованія безкорыстный другъ, котораго я когда-либо зналъ [1]).

И между этими двумя моментами въ тѣхъ-же тайникахъ души не переставалъ шевелиться червячекъ: оторванъ отъ жизни,—лишенный правъ каторжникъ,—матеріальныя и всякія другія невзгоды—твой удѣлъ до конца жизни...

Конечно, у каждаго изъ насъ было если не то же самое, то что-нибудь въ томъ же родѣ. И не рѣдкость было видѣть, что тотъ или другой изъ товарищей начинаетъ грустить, уходитъ въ себя, избѣгаетъ общества.

Было и нѣсколько любовныхъ драмъ...

Мы, централисты, пріѣхали въ Мценскъ буквально еле живыми. Нервная система—ниже всякой критики, питаніе—отвратительное.

И мы первымъ долгомъ принялись за «поправку».

Очень быстро у насъ появились собственныя деньги, которыя, конечно, здѣсь ужъ намъ никто не препятствовалъ расходовать. Но и казенныя кормовыя были очень высоки,—что-то около 40 коп. въ сутки на человѣка. Мало того: скоро было сдѣлано представленіе о необходимости для насъ лучшаго питанія въ виду истощенности нашего организма,—и намъ увеличили кормовыя что-то до 70 коп. [2]).

Въ началѣ мы накинулись на сырое мясо. Помню, я съѣдалъ его чуть не 2 ф. въ день. Мясо конечно, было рубленое и съ приправою; но всетаки долго сырьемъ мы не въ состояніи были набивать себѣ ротъ.

Да въ этомъ не было и надобности. Столъ у насъ былъ обильный, разнообразный, вкусный.

Утромъ къ чаю мы получали «пеклевашки»,—хлѣбецъ копѣекъ въ 5 цѣною, полубѣлый. Обѣдъ у насъ состоялъ изъ 2 блюдъ. Затѣмъ, безконечное число чаевъ и—ужинъ. Къ этому надо прибавить, что докторъ прописалъ намъ какую-то водочную настойку, а мы, съ своей стороны, нерѣдко покупали себѣ (каждый разъ—съ разрѣшенія смотрителя) пиво, вино и водку. Однимъ словомъ, недѣли черезъ 2 насъ, заморышей—централистовъ, нельзя было и узнать. Помню, когда къ намъ должно было явиться какое то начальство, то мы въ шутку говорили, что нѣкоторыхъ изъ товарищей мы спрячемъ (Здановича, наприм.), — до такой степени они раз-

---

[1]) Къ моему счастью, предположеніе мое не оправдалось: по возвращеніи изъ Сибири въ 1897 г. я засталъ свою мать еще бодрою старушкою, и даже довольно долго прожилъ съ нею подъ одною кровлею, что доставило мнѣ невыразимое наслажденіе. Теперь она уже совсѣмъ дряхла и почти слѣпа.

[2]) Здѣсь надо напомнить читателю, что дѣло происходило во времена „диктатуры сердца“ и что изъ централки мы были вывезены, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе вреднаго вліянія, оказываемаго заключеніемъ въ этой тюрьмѣ на состояніе нашего организма.

добрѣли—иначе намъ, молъ, никакихъ новыхъ льготъ отъ начальства не добиться. Правда, нѣкоторыхъ изъ насъ, между прочимъ и Здановича, очень скоро и сильно разнесло; но это, конечно, было не важно. За то мы не могли не порадоваться, глядя, какъ пріобрѣтаютъ образъ человѣческій тѣ, кого мы готовились въ централкѣ хоронить. Это, между прочимъ, относится къ Джабадари и Сирякову: черезъ мѣсяцъ ихъ здоровье, можно сказать, совершенно возстановилось, тогда какъ въ централкѣ мы со дня на день ждали, что они свалятся въ постель, чтобы уже не встать съ нея.

Къ сказанному едва ли нужно добавлять, что многочисленная колонія родственниковъ, прожившая во все время пребыванія нашего въ Мценскѣ, не оставляла насъ своими приношеніями, и во всевозможныхъ печеніяхъ, соленіяхъ и вареньяхъ у насъ никогда не было недостатка. Въ частности, Рождество 1880 г. и масленную и Пасху 1881 г. мы праздновали на славу.

Конечно, не одинъ столъ способствовалъ тому, что мы быстро поправлялись и что, между прочимъ, за 7—8 мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Мценскѣ, среди насъ не было ни одного случая серьезнаго заболѣванія: здѣсь немалую роль играли и условія нематеріальнаго характера, въ которыя мы были тамъ поставлены.

Но я долженъ тутъ упомянуть, что намъ пришлось въ Мценскѣ-же ликвидировать печальное наслѣдіе централки.

Съ нами было два умалишенныхъ—Александровъ и Боголюбовъ. Переписка о нихъ шла что-то довольно долго, и, прежде чѣмъ ихъ увезли, намъ пришлось пережить немало тягостныхъ минутъ.

Несчастнаго Александрова нельзя было выпускать изъ камеры. Пунктомъ его помѣшательства было то, что онъ давно уже освобожденъ, но по какому-то недоразумѣнію его не выпускаютъ изъ тюрьмы. Поэтому, онъ вѣчно стоялъ въ камерѣ одѣтый, съ шапкою на головѣ и у самой двери, и какъ только дверь отворялась, онъ стремительно кидался вонъ. Тоже было и въ пути въ Мценскъ, въ вагонахъ, а въ Мценскѣ, когда насъ вывели на платформу, то Александровъ ни за что не хотѣлъ ѣхать съ нами. Жандармскій офицеръ обратился къ намъ за разрѣшеніемъ взять его насильно, и мы скрѣпя сердце, должны были такое разрѣшеніе дать. Жандармы, не причиняя ему боли, насильно усадили его въ экипажъ.

Непріятно было, конечно, расхаживать по тюрьмѣ и пользоваться вообще относительною свободою, когда тутъ же подъ бокомъ одинъ изъ товарищей сидитъ вѣчно подъ замкомъ. Но едва ли не болѣе тягостное впечатлѣніе производилъ разгуливавшій среди насъ, въ видѣ мрачной тѣни, Боголюбовъ. Онъ велъ себя тихо; но разговаривать съ нимъ не было возможности, да и видъ его нависшихъ бровей и полныхъ мрачнаго безумія глазъ заставлялъ всѣхъ испытывать внутреннюю дрожь при каждомъ его приближеніи. Наконецъ, онъ устроилъ намъ ужасную сцену. Онъ созвалъ всѣхъ на «форумъ», т. е. въ столовую, и тутъ разразился цѣлымъ потокомъ обвиненій противъ отдѣльныхъ товарищей—обвиненій, явившихся плодомъ его безумія. Такъ, помню, Здановича онъ обвинялъ въ томъ, что тотъ одѣвался въ централкѣ въ жандармскій мундиръ и посѣ-

щалъ камеры товарищей, меня—что я снималъ и вѣшалъ на стѣнку кандалы и ходилъ, въ компаніи съ надзирателями, съ повѣркой,—и т. п. Многіе изъ насъ выбѣжали изъ столовой, не будучи въ состояніи выдержать этой сцены; но Боголюбовъ такъ настойчиво требовалъ отчета отъ обвиняемыхъ, такъ убѣжденно доказывалъ справедливость своихъ обвиненій, что удивительныя «пренія» грозили затянуться до безконечности. Тутъ не сдержалъ себя Сажинъ и сталъ рѣзко обрывать Боголюбова, тогда Боголюбовъ отчаянно-грубо выругался и въ безумномъ гнѣвѣ, оглядываясь по сторонамъ, сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая схватить что-нибудь и запустить въ Сажина... Къ счастью, дѣло какъ-то обошлось.

Скоро послѣ этого инцидента нашихъ несчастныхъ товарищей увезли. Былъ слухъ, что Боголюбовъ долго мучился въ Казани,—а затѣмъ и умеръ.

Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ упомянуть, что одно время въ тѣсномъ кружкѣ существовало предположеніе, что Боголюбовъ симулируетъ сумасшествіе. Какъ кажется, поводомъ къ возникновенію такого предположенія послужили какія-то сказанныя когда-то самимъ больнымъ слова или фразы. Но для громаднаго большинства уже тогда предположеніе это казалось неосновательнымъ: взглядъ Боголюбова былъ взглядъ безумнаго. Конечно, нечего и говорить, что если бы тогдашнее поведеніе Боголюбова было симуляціей, то онъ давно бы пересталъ уже играть роль сумасшедшаго и былъ бы давно на свободѣ. На самомъ-же дѣлѣ извѣстно, что онъ долго пробылъ въ Казани.

Съ увозомъ отъ насъ Александрова и Боголюбова и до самаго отъѣзда изъ Мценска среди насъ, повторяю, не было ни одного серьезнаго случая заболѣванія; какъ я сказалъ, этому способствовали и условія не матеріальнаго характера нашей жизни въ Мценскѣ.

Смотрителемъ тюрьмы состоялъ *Михаилъ Марковичъ Побылевскій.* Передъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ начальника Предварилки. Не знаю, какую память оставилъ онъ по себѣ тамъ; но несомнѣнно, что по характеру своему, это былъ человѣкъ мягкій, добрый и сговорчивый. Допускаю, впрочемъ, что, если того потребовали бы обстоятельства, онъ могъ заставить себя быть и инымъ. Въ Мценскѣ же, по всѣмъ видимостямъ, ему было предписано ладить съ заключенными, и онъ, человѣкъ, при всемъ прочемъ, не безъ лѣнцы, радъ былъ не только не раздражать насъ чѣмъ бы то ни было, но и оказывать намъ снисхожденіе, и даже дѣлать поблажки.

Наблюденіе за тюрьмою имѣлъ еще и исправникъ. Онъ къ намъ частенько захаживалъ. Но я не помню ни одного случая, когда исправникъ вмѣшался бы во внутренній распорядокъ тюремной жизни. Да и онъ былъ человѣкомъ безобиднымъ, по крайней мѣрѣ, ему было предписано быть таковымъ.

Караульные офицеры никогда къ намъ не заглядывали, и вообще мы съ ними никакихъ отношеній не имѣли.

«Помощникомъ» Побылевскаго былъ старшій надзиратель. Это человѣкъ имѣвшій медаль за 25-лѣтнюю безпорочную службу въ по-

лиціи, хотя сравнительно еще не старый. Возможно, что онъ былъ приставленъ къ Побылевскому «на всякій случай». Правда, онъ былъ также мягокъ и безукоризненно вѣжливъ съ нами, и главною заботою его, какъ кажется, было—«аккуратно» вести денежные счета съ нашею артелью,—«аккуратно» въ томъ смыслѣ, чтобы какъ можно больше «заработать» на нашихъ закупкахъ, которыя велись черезъ него. Но это былъ типъ служаки, именно *полицейскаго* служаки. При малѣйшемъ намекѣ со стороны начальства онъ прибѣгъ бы по отношенію къ намъ и къ кулачной расправѣ, какъ къ дѣлу привычному, естественному, разумному. По крайней мѣрѣ онъ производилъ именно такое впечатлѣніе.

Немногочисленный штатъ надзирателей (что-то человѣка 4 или 6) состоялъ сплошь изъ безличностей.

Правильному регулированію взаимныхъ отношеній между администраціею тюрьмы и заключенными много содѣйствовало то обстоятельство, что кромѣ артельнаго старосты, вѣдавшаго хозяйственныя дѣла (таковымъ все время состоялъ П. И. Войнаральскій), у насъ было еще одно должностное лицо,—«ходокъ», на обязанности котораго лежало входить съ администраціей въ объясненія, обращаться съ просьбами, выяснять вопросы, и пр. Сначала «ходокомъ» былъ избранъ Дмоховскій. Но очень скоро случилось такъ, что часть публики осталась недовольна какимъ-то его дѣйствіемъ. Дмоховскій заявилъ, что онъ отказывается отъ должности, и сколько его ни убѣждали, что въ его дѣйствіяхъ никто не видитъ чего-либо предосудительнаго, или даже просто неловкаго, но онъ стоялъ на своемъ. Были произведены новые выборы, и избраннымъ оказался я—большинствомъ одного или двухъ голосовъ. Я въ шутку говорилъ, что избранъ скандальнымъ «большинствомъ», и подумывалъ также отказаться (я былъ моложе всѣхъ централистовъ). Но меня убѣждали, чтобы я не смущался. Я рѣшилъ принять избраніе и оставался «ходокомъ» до нашего отъѣзда изъ Мценска.

Обыкновенно я въ теченіе дня заносилъ въ записную книжку всѣ обстоятельства, о которыхъ необходимо переговорить съ Побылевскимъ, и на другой день утромъ «докладывалъ» ему, заглядывая въ книжку, и тутъ-же дѣлалъ отмѣтки о его «резолюціяхъ», которыя затѣмъ передавалъ общинѣ или отдѣльнымъ лицамъ. На моей-же обязанности было напомнить объ окончаніи прогулки и свиданій.

Въ заключеніе достаточно будетъ сказать, что за 7—8 мѣсяцевъ, нашей жизни подъ режимомъ Мценской тюрьмы, у насъ не было ни одного столкновенія съ начальствомъ, сколько-нибудь серіознаго. Припоминаю случай, когда тюрьма дѣйствительно заволновалась, но случай этотъ я припоминаю только благодаря тому, что мнѣ врѣзалась въ память маленькая фигурка великаго Долгушина, кричавшаго, съ размахиваніями рукъ, по корридорамъ: «на форумъ! на форумъ!»—призывъ къ собранію сходки, самаго же инцидента, его сущности, причинъ, его вызвавшихъ, а также его исхода, я рѣшительно не могу теперь возстановить въ памяти. Полагаю, это лучшее доказательство тому, что серьезнаго здѣсь ничего не было.

Да еще подъ конецъ нашего пребыванія въ тюрьмѣ Побылевскій

сталъ съ большею осмотрительностью давать разрѣшеніе на покупку спиртныхъ напитковъ. Насколько помню, вызвано было такое отношеніе Побылевскаго къ дѣлу не злоупотребленіемъ съ нашей стороны его «любезностью»: просто между нимъ и нами пробѣжала черная кошка. Припоминаю такую подробность: я былъ почти увѣренъ въ отказѣ, но какъ «ходокъ» согласился наудачу послать старшаго надзирателя къ Побылевскому за разрѣшеніемъ намъ купить пива, но старшій пришелъ съ отвѣтомъ, что Побылевскій «только улыбнулся».

Но это, повторяю произошло что-то къ самому концу нашего сидѣнія въ Мценскѣ. Раньше случалось, мы по многу выписывали и по многу выпивали. Помню, напр. классическую выпивку вечеромъ 1 марта 1881 г.; помню взрывъ всеобщаго веселья отъ выпивки въ день соглашенія группы Мышкина съ нашей группой (Коваликъ, Рогачевъ и др. [1]). А разрѣшеніе почти безконтрольно покупать горячительные напитки, пожалуй, можно назвать поблажкою намъ со стороны администраціи.

Гораздо болѣе важнымъ «снисхожденіемъ», и при томъ имѣвшимъ для насъ несравненно болѣе существенное значеніе, была безконтрольная переписка. Я едва ли поврежу этимъ сообщеніемъ Побылевскому: онъ теперь или въ отставкѣ, или въ такихъ чинахъ, что разоблаченія ему не повредятъ. Дѣло въ томъ, что онъ охотно пересылалъ на почту наши письма, подаваемыя ему въ запечатанныхъ конвертахъ, точно также какъ и передавалъ намъ невскрытыми получаемыя на наше имя письма. Обыкновенно, по соглашенію съ нимъ, посылалось нѣсколько писемъ черезъ канцелярію губернатора,—для отвода глазъ: чтобъ устранить опасность, что отсутствіе писемъ отъ насъ возбудитъ въ губернской администраціи подозрѣніе. Большая же часть писемъ шла частнымъ образомъ. Ни тогда, ни теперь у меня не возникали и не возникаютъ подозрѣнія, что Побылевскій хитрилъ: письма доходили аккуратно и отвѣты на нихъ тоже получались аккуратно.

Само собою разумѣется, что книги, журналы и газеты мы получали безконтрольно. У насъ одно время даже велось реферированіе газетныхъ извѣстій. Обзоръ внутренней жизни Россіи дѣлалъ Мышкинъ, обзоръ жизни другихъ государствъ Коваликъ. Многіе довольствовались тѣмъ, что слышали на рефератахъ, и въ газеты уже не заглядывали.

Нескончаемые разговоры шли съ вновь прибывающими. Тутъ мы впервые познакомились основательно съ господствовавшими за время нашего сидѣнія въ централкѣ и съ нарождавшимися тогда теченіями революціонной мысли. Но немало поучительнаго могли разсказать другъ другу и централисты разныхъ эпохъ и разныхъ частей Россіи. Такъ, Рогачевъ одно время дѣлалъ въ тѣсномъ кружкѣ систематическое изложеніе своихъ наблюденій надъ психикою и настроеніемъ народа.

Изъ частныхъ, случайныхъ и групповыхъ бесѣдъ вопросы вы-

[1]) Объ этомъ я подробнѣе говорю ниже.

носились и на «форумъ». Одно время велись дебаты объ «анархизмѣ» и «государственности». Съ особенною горячностью идею анархіи защищалъ В. П. Сажинъ. Изъ «государственниковъ», можетъ быть, наиболѣе чистымъ представителемъ былъ я, какъ недавній якобинецъ. Какъ мнѣ передавалъ впослѣдствіи Рогачевъ, я недостаточно сильно защищалъ свои положенія, и большинство, какъ кажется, было на сторонѣ Сажина.

Изъ вопросовъ хозяйственнаго значенія выдвигался вопросъ о библіотекѣ. Было рѣшено обратить нашъ книжный инвентарь въ общественную собственность, затѣмъ каждому предоставлялось право составить списокъ книгъ, которыя онъ желалъ бы получить. Высказано было предложеніе, не рѣшать ли вопросъ, въ случаѣ предъявленія нѣсколькими лицами требованія одной и той-же книги, по жребію. Но противъ этого возсталъ,—и конечно, совершенно основательно,—Сажинъ, и для разсмотрѣнія этихъ случаевъ была избрана особая комиссія, въ которую вошелъ и Сажинъ. Дѣло это было закончено вполнѣ успѣшно, и распредѣленіемъ книгъ всѣ, какъ кажется, остались совершенно довольны.

Произошелъ въ общинѣ, впрочемъ, крупный инцидентъ,—къ счастью, единственный. Дѣло шло о томъ, допустить ли въ тюрьму нелегальную литературу, или не допустить. Этотъ вопросъ раскололъ общину на два прямо-таки враждебныхъ лагеря. И въ одномъ, и въ другомъ были весьма солидные люди,—была и молодежь. Нашлись черезчуръ экспансивныя натуры тамъ и здѣсь—возгорѣлась полемика, пошли бурныя сходки, взаимное раздраженіе достигло высшей степени, и дѣло дошло до оскорбленій. Завершилось все тѣмъ, что одинъ изъ сторонниковъ немедленнаго и безконтрольнаго допущенія въ тюрьму нелегальщины, Филипповъ выразился по адресу противниковъ: «это съ вашей стороны *косвенный доносъ!*» Сходка была сорвана, и неосторожное выраженіе вызвало со стороны оскорбленныхъ негодованіе: они вышли изъ комнаты, гдѣ происходило собраніе. Но, конечно, насталъ моментъ, когда страсти улеглись, и «враждующія» стороны въ концѣ концовъ примирились.

Впрочемъ, въ самомъ актѣ «примиренія» и въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его и слѣдовавшихъ за нимъ, было очень много характернаго, и я не могу не посвятить этому нѣсколькихъ строкъ.

Довольно долго «стороны» дулись другъ на друга, и вообще между ними были натянутыя отношенія. Впрочемъ, до открытаго разрыва дѣло не дошло,—не было «прекращенія отношеній», «неговореній», и т. п. И вотъ однажды, въ разгаръ этой натянутости, какъ-то за послѣобѣденнымъ чаемъ, Коваликъ, покуривая свою трубку, сталъ говорить... Сначала онъ обращался къ ближайшимъ сосѣдямъ; но скоро въ столовой стали прислушиваться, и онъ продолжалъ говорить, уже обращаясь ко всѣмъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Тутъ стали ему кричать (чуть-ли не я съ Рогачевымъ первые):

— Сережа, встань! Говори стоя!

Коваликъ всталъ и—полилась его плавная, образная рѣчь... Много ораторовъ приходилось мнѣ слышать съ тѣхъ поръ, въ особенности въ послѣднее время. Но отчего тогдашняя рѣчь Ковалика

такъ неизгладимо запечатлѣлась въ моей памяти? Вѣдь онъ—не то, что современный партійный «ораторъ»: въ ораторскомъ «искусствѣ» ему не угнаться бы не только за «непобѣдимыми» нашего времени, но даже за молодымъ человѣкомъ, командируемымъ изъ «бюро ораторовъ» на какое нибудь собраніе приказчиковъ, каталей и т. п. Между тѣмъ, впечатлѣніе отъ рѣчи Ковалика было прямо таки неотразимо. Когда онъ кончилъ, всѣ поняли, что и всему недоразумѣнію конецъ,—всѣ поняли, что это было только недоразумѣніе, что всѣ мы—вскормлены однимъ молокомъ и однимъ и тѣмъ же воздухомъ только и можемъ дышать...

Это не было примиреніе: это было возвращеніе къ сознанію, что мириться не въ чемъ. Сообразно съ этимъ, изголодавшіяся по общенію души распахнулись во всю. Устроена была знатная пирушка, въ программу которой включили, между прочимъ, и такой номеръ: каждый обязательно долженъ былъ пропѣть что-нибудь, хотя бы не обладалъ ни голосомъ, ни слухомъ, и протанцовать. И, какъ теперь, помню фигуру неуклюжаго Мышкина, отплясывавшаго какой-то невозможный танецъ, съ игривостью шестилѣтняго мальчишки, какъ теперь слышу скрипучій голосъ Дмоховскаго, тщившагося съ развязностью парижскаго уличнаго пѣвца исполнить французскую веселую пѣсенку. Конечно, ни до того, ни послѣ я никогда не видѣлъ Мышкина пляшущимъ, никогда не слышалъ Дмоховскаго поющимъ.

Въ тотъ же вечеръ, имѣвшаяся въ тюрьмѣ нелегальная литература была передана и тѣмъ, кто раньше протестовалъ противъ безконтрольнаго обращенія ея среди заключенныхъ, и этимъ «миръ» былъ укрѣпленъ гораздо болѣе, нежели пирушкой.

Для очень многихъ изъ насъ жизнь въ Мценской тюрьмѣ была первымъ шагомъ вступленія въ широкій товарищескій кругъ. Естественно, поэтому, что здѣсь зарождались и вырабатывались симпатіи на всю жизнь. По крайней мѣрѣ, я могу сказать о себѣ, что Мценскъ сыгралъ для меня именно такую роль. Съ Рогачевымъ у меня, за время жизни въ Мценскѣ, возникли самыя теплыя, интимныя, братскія и товарищескія, отношенія, а традиціи, которыя тогда царили въ кружкѣ Войнарольскій, - Коваликъ, - Долгушинъ, - Рогачовъ, - Дмоховскій, остались для меня руководящими на всю жизнь. Увы! Слѣпой случай, сведшій Рогачева на Карѣ въ могилу, лишилъ меня очень скоро друга—брата, котораго не всякій встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути, да и изъ кружка остался въ живыхъ лишь одинъ Коваликъ, котораго я при томъ потерялъ изъ виду.

Чувства, которыя связывали меня и Рогачева какъ бы въ одно недѣлимое, очень скоро замѣчены были товарищами и подчасъ служили темой безобидныхъ подтруниваній, а кружокъ, о которомъ я только что упомянулъ и къ которому примкнулъ и я, былъ цементированъ опять таки чувствомъ теплой привязанности. Это чувство неизгладимыми чертами запечатлѣно въ моей душѣ, и оно встаетъ во мнѣ всякій разъ, какъ я пожелаю его вызвать въ себѣ,—даже теперь, когда послѣ описываемаго времени прошло ровно 25 лѣтъ.

Помню, подъ конецъ нашего пребыванія въ Мценскѣ у меня начали разстраиваться нервы. Я въ это время занимался съ сыномъ Долгушина. И вотъ какъ то разъ я сказалъ Долгушину, что долженъ прекратить занятія съ Шурой, такъ какъ чувствую, что нервы разгулялись.

— Понимаешь, не могу,—ну, не могу...

Очевидно, у меня было страдальческое лицо, и страданіе слышалось въ моемъ голосѣ.

И Долгушинъ взялъ меня за голову и нѣжно поцѣловалъ...

— Ну, такъ о чемъ же и говорить?—промолвилъ онъ.—Успокойся, мой дорогой!

И мнѣ стало легче. Да и могло ли быть иначе при такомъ тепломъ, во-истину родственномъ отношеніи!

А вотъ еще.

Когда мы, при отъѣздѣ изъ Мценска, прощались съ родственниками и знакомыми, то Войнаральскій и Долгушинъ, расцѣловавшись съ моей матерью, съ ласкою въ голосѣ успокаивали ее и давали тысячи обѣщаній, что они будутъ заботиться обо мнѣ, какъ о сынѣ, что они будутъ оберегать меня и мое здоровье. И старуха была покойна.

Нужно ли говорить, что они сдержали свое слово и что много теплыхъ заботъ я видѣлъ отъ этихъ чудныхъ людей и въ пути, и на Карѣ, а отъ Войнаральскаго—въ Якутскѣ?

И такъ, много чувства было въ отношеніяхъ между членами нашего тѣснаго кружка. Но это ни для кого изъ насъ не исключало хорошихъ, даже прекрасныхъ отношеній къ товарищамъ, стоявшимъ внѣ этого кружка. Вообще, процентъ выдающихся или, по крайней мѣрѣ, выдававшихся тогда личностей былъ въ тѣ времена гораздо выше, чѣмъ нынче. Что ни человѣкъ, то яркая индивидуальность, то сила характера, то оригинальность мышленія, то громада ума. Я не говорю о такой личности, какъ Мышкинъ. Это—прямо-таки чудесное явленіе. Его всякій замѣчалъ издалека, благодаря особому отпечатку индивидуальности, благодаря сектантскому исканію истины, благодаря оригинальности каждаго его сужденія и замѣчанія. А за Мышкинымъ выступали фигуры Іонова, Сажина, Здановича, Сирякова... Достаточно было вамъ поговорить съ любымъ изъ нихъ полчаса,—и за вами оставался рядъ разрѣшенныхъ вопросовъ, и передъ вами вставалъ рядъ вопросовъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія...

Вотъ почему, несмотря на то, что мы въ Мценскѣ же разбились на кружки сообразно влеченіямъ сердца и особенностямъ характера, въ общемъ мы были одинаково дороги, одинаково важны другъ для друга.

Да! Это было начало серьезной школы...

Съ другой стороны, не влеченія сердца легли и въ основаніе организаціи офиціальнаго «кружка», зародившагося въ Мценскѣ. Ближайшею задачею кружка была—взаимопомощь на случай побѣга изъ Сибири [1]). Сердце тутъ оставалось въ сторонѣ, и въ «кружокъ» во-

[1]) У кружка была и „программа". Но я ея не помню. Да и немудрено: ей никто въ сущности не придавалъ значенія, такъ какъ передъ каждымъ изъ насъ были годы тюрьмы и ссылки, въ продолженіи которыхъ программы могли измѣниться не разъ, а 10 разъ.

шло много лицъ, не бывшихъ въ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ къ ядру, и въ немъ не оказалось лицъ, которыя во многихъ отношеніяхъ стояли выше ихъ. Такъ, не вошли въ «кружокъ» Мышкинъ, Іоновъ. Когда я теперь бросаю ретроспективный взглядъ, то готовъ признать, что здѣсь были допущены нѣкоторыя ошибки; но критеріемъ для организаторовъ кружка служило представленіе о большей или меньшей способности того или другого лица къ кружковой дисциплинѣ. Съ этой-то именно точки зрѣнія Мышкинъ, человѣкъ вѣчно чего-то ищущій, вѣчно копающійся внутри у себя и ни въ чемъ не находящій успокоенія своей мятущейся душѣ,—съ этой точки зрѣнія, очевидно, Мышкинъ и оказался забракованнымъ для «кружка».

Я могу покончить съ этимъ «кружкомъ» теперь-же.

Даже послѣ Мценска кружокъ продолжалъ кооптировать членовъ. Такъ, дорогою членомъ кружка былъ принятъ извѣстный въ свое время Аптекманъ. Но, съ другой стороны, естественно, что, по мѣрѣ того какъ члены кружка разсѣивались по различнымъ частямъ Сибири, связь между ними терялась. Для громаднаго большинства членовъ ссылка затянулась на многіе годы, и объ общемъ практическомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Единственнымъ воспоминаніемъ впослѣдствіи для нѣкоторыхъ [1]) членовъ кружка была небольшая сумма денегъ, полученная при выходѣ на поселеніе, спеціально на устройство побѣга изъ Сибири. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто не бѣжалъ. Въ частности о себѣ скажу, что полученныя мною деньги (что-то около 200 руб.) мною были впослѣдствіи переданы для побѣга же С. Ф. Михалевичу, о чемъ я его просилъ освѣдомить кое-кого изъ видныхъ представителей ссылки въ Якутской области. Онъ это исполнилъ, такъ какъ нѣкоторые товарищи говорили мнѣ, что Михалевичъ имъ сообщалъ о передачѣ мною ему денегъ [2]).

Вышедшіе изъ Централки въ ноябрѣ 1880 г., мы, централисты, къ 1 марта 1881 г. составляли все еще главный контингентъ заключенныхъ въ Мценской пересыльной тюрьмѣ. Въ ней мы застали только Ив. Дебагоріо-Мокріевича и Левченко (братья своихъ однофамильцевъ-каторжанъ), Пршибысова и, кажется, никого больше. Изъ болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей предшествовавшаго времени къ 1 марта 1881 г., насколько помню, среди насъ никто не появлялся. Такимъ образомъ, о готовящемся новомъ покушеніи на цареубійство всѣ мы знали не болѣе того, что и заурядные обыватели того времени.

Въ числѣ льготъ, предшествовавшихъ переводу насъ изъ Централки черезъ Мценскъ на Кару, было разрѣшеніе получать календари. Попалъ къ намъ и «Русскій календарь» Суворина, въ которомъ, какъ извѣстно, имѣется перечисленіе выдающихся событіи въ жизни Россіи за годъ, съ 1 іюля по 1 іюля. Изъ этого-то календаря мы знали

---

[1]) Можетъ быть и для всѣхъ,—я этого не знаю.

[2]) Я считаю важнымъ отмѣтить этотъ фактъ, такъ какъ до меня тамъ же доходили слухи, что существуетъ противъ меня обвиненіе, будто я далъ деньгамъ „ненадлежащее назначеніе“.

о проявленіяхъ революціонной жизни съ 1 іюля 1879 г. по 1 іюля 1880 г. (въ частности, я тутъ только впервые узналъ, что повѣшены Дробязгинъ и Малинка, которыхъ я хорошо зналъ по Одесской тюрьмѣ; о могущей стрястись надъ ними бѣдѣ я не могъ бы сдѣлать и весьма отдаленнаго предположенія). О покушеніи Соловьева и о его казни узнали мы изъ какого-то духовнаго журнала, которые намъ вообще разрѣшалось читать. Такимъ образомъ, о разцвѣтѣ терроризма вообще и, въ частности, о повторныхъ покушеніяхъ на цареубійство мы имѣли достаточно свѣдѣній. Не сомнѣвались, конечно, что покушенія эти будутъ повторяться и впредь. Но о томъ, что готовятся въ ближайшемъ будущемъ новыя покушенія, намъ, какъ я уже сказалъ, ничего не было извѣстно.

Помню 1 марта 1881 г., подъ вечеръ, я сидѣлъ въ какой-то камерѣ, во 2 этажѣ, со своимъ интимнымъ другомъ, Митькой Рогачевымъ, и мы вели, какъ обыкновенно, самую непринужденную бесѣду о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Отворяется дверь и входитъ Петруха Алексѣевъ. Онъ быстро направляется къ намъ и крѣпко пожимаетъ намъ руки.

— Поздравляю: царь убитъ!—дѣловымъ тономъ произноситъ онъ.

Мы съ Рогачевымъ были поражены, какъ громомъ...

Свѣдѣнія, дошедшія къ тому моменту до тюрьмы, были, конечно, недостаточно опредѣленны. Разспрашивая Петруху о томъ, что онъ успѣлъ узнать, мы втроемъ кинулись въ нижній этажъ, гдѣ у насъ была столовая. [1])

На «форумѣ» (такъ звали мы нашу столовую) собрались скоро всѣ обитатели тюрьмы. Толкамъ и разговорамъ не было конца. Сто разъ передавались подробности, которыя удалось добыть; каждый по своему старался дорисовать неполную картину событія. Но въ общемъ царило необычайное оживленіе, и на лицахъ всѣхъ была написана радость: самый фактъ, что на этотъ разъ покушеніе увѣнчалось успѣхомъ, не вызывалъ никакихъ сомнѣній.

Не скрою, что въ концѣ концовъ рѣшено было справить по покойникѣ тризну. Намъ смотритель (по всей вѣроятности, не безъ вѣдома высшаго начальства) разрѣшилъ выписывать крѣпкіе напитки. И мы на этотъ разъ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ... Надо знать, что свѣдѣніе о совершившемся фактѣ дошло до насъ не черезъ смотрителя; поэтому, разрѣшая намъ пирушку, смотритель и не подозрѣвалъ, что именно побудило насъ на этотъ разъ пировать.

Кромѣ старосты (П. И. Войнаральского), завѣдывавшаго нашимъ хозяйствомъ, у насъ бы еще и такъ называемый «ходокъ»—для сношеній съ начальствомъ по не хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ таковой должности въ то время (и до нашего отъѣзда изъ Мценска) состоялъ пишущій эти строки. На обязанности «ходока» было передавать различныя просьбы и ходатайства, какъ всей тюрьмы, такъ и отдѣльныхъ заключенныхъ, смотрителю и резолюціи послѣд-

[1]) Въ Мценской тюрьмѣ все зданіе въ теченіи всего дня было въ нашемъ распоряженіи: камеры не запирались.

няго сообщать тюрьмѣ и отдѣльнымъ просителямъ. «Ходокомъ» посредникъ назывался потому, что ему вмѣнялось въ обязанность не только быть посредникомъ, но и защищать ходатайства передъ лицомъ смотрителя.

Когда я 2 марта кончилъ свой «докладъ» смотрителю (г. Побылевскому), то онъ по секрету сообщилъ мнѣ, что Царь убитъ . . . Мнѣ пришлось изобразить на своемъ лицѣ изумленіе. Г. Побылевскій просилъ меня сообщить о фактѣ и всѣмъ заключеннымъ. Весьма вѣроятно, конечно, что во время нашей ночной пирушки кто нибудь изъ прислуги [1]) или стражниковъ подмѣтилъ, что пируемъ мы не спроста, и это дошло до смотрителя. И, сообщая мнѣ о фактѣ съ просьбой передать это сообщеніе товарищамъ, г. Побылевскій хотѣлъ, можетъ быть, соблюсти извѣстный декорумъ и обставить дѣло такъ, чтобы мы не имѣли права сказать, будто узнали о фактѣ не отъ него. Возможно, впрочемъ, что онъ не зналъ, что намъ фактъ уже извѣстенъ, и такъ какъ, въ сущности, скрывать его не было никакого основанія, то онъ и поспѣшилъ подѣлится съ нами извѣстіемъ.

Во всякомъ случаѣ, помню, что разговоръ происходилъ въ присутствіи Мценскаго уѣзднаго исправника. Характерно при этомъ слѣдующее.

Г. Побылевскій замѣтилъ, что надо ждать крупныхъ измѣненій въ нашей судьбѣ, и именно—въ хорошую сторону.

— Новый государь,—сказалъ онъ,—человѣкъ молодой. Онъ, конечно, понимаетъ духъ времени,—понимаетъ, что этому духу противодѣйствовать больше нельзя.

Исправникъ стоялъ тутъ-же и спокойно все это слушалъ. Какъ теперь помню, въ этотъ моментъ его лицо, на которомъ обыкновенно не было написано особеннаго добродушія, сдѣлалось какимъ то особеннымъ. Казалось, будто «обыкновенное» его лицо было не обыкновенное,—что это—маска, которую онъ надѣваетъ на себя ex officio, а тотъ открытый и простой человѣческій взглядъ, которой онъ въ тѣ минуты переводилъ съ меня на г. Побылевскаго и обратно, была его неподдѣльная личина *человѣка*. Рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти этотъ моментъ. И въ настоящую минуту, когда съ того времени прошло долгихъ 25 лѣтъ, я не могу отдѣлатся отъ впечатлѣнія, что три лица, ведшія описанный выше разговоръ, - «государственный преступникъ»—каторжанинъ, смотритель «политической» тюрьмы и «полицейскій», которому было ввѣренно правительствомъ Александра II высшее наблюденіе за этою тюрьмою,—что эти три лица въ тотъ моментъ были «ближними»,—людьми «безъ футляровъ»,—человѣческими личностями, которымъ одинаково доступны и одинаково дороги интересы отвлеченной человѣческой личности. . . .

Въ тюремной церкви должна была, конечно, состояться панихида по убитомъ императорѣ. А въ церкви обыкновенно пѣлъ нашъ хоръ. Пѣли мы и на панихидѣ. . . .

—Что это?—спроситъ читатель.

---

[1]) Прислуга у насъ была вольнонаемная.

Да, мы, заключенные Мценской политической тюрьмы пѣли въ церкви панихиду по убитомъ царѣ.

Скажу больше: я не могу припомнить даже, чтобы кто нибудь протестовалъ противъ этого.

Кто-то высказывался въ томъ смыслѣ, что молъ, почему-же и не пожелать «вѣчнаго покоя» Александру II?

Но возможно, что нами роководило здѣсь чувство, аналогичное тому, которое заставило Емельянова броситься на помощь умирающему царю съ тою бомбою подъ мышкой, которая предназначалась для этого же царя, если бы двѣ первыхъ бомбы не достигли цѣли.

Мнѣ кажется, именно, что фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что конечною цѣлью цареубійства было не уничтоженіе личности царя, а созданіе извѣстнаго акта, значеніе котораго гораздо выше прекращенія жизни субъекта верховной власти.

Возможно и то, что передъ нами вставала глубоко-трагическая судьба Александра II,—этого мученика безвременья, которое и до сихъ поръ не пережито Россіей. Мы, конечно, не переоцѣнивали личныхъ качествъ покойнаго; но не могли мы отдѣлаться и отъ мысли, что, поскольку это зависѣло отъ личности носителя верховной власти, именно онъ санкціонировалъ освобожденіе крѣпостныхъ отъ рабства. А не слѣдуетъ забывать, что 25 лѣтъ тому назадъ реальнѣе представлялось каждому, даже молодому въ то время человѣку, что такое была крѣпостная зависимость. Напримѣръ, я въ дѣтствѣ видѣлъ въ своемъ домѣ нашихъ бывшихъ «дворовыхъ», я присутствовалъ неоднократно при спорахъ между моимъ отцомъ и бабушкой, которая не иначе какъ съ озлобленіемъ могла говорить объ актѣ 19 февраля, какъ о реформѣ, которая «раззорила» помѣщиковъ,—а 25 лѣтъ тому назадъ мнѣ было всего 23 года! И вотъ, съ одной стороны—личность, съ которой въ исторіи Россіи несомнѣнно будутъ на вѣки вѣковъ связаны событія рѣшительнаго характера и рѣшительной важности (каковы бы ни были другія обстоятельства ея жизни и дѣятельности), а съ другой—сознаніе, что совершенное 1 марта 1881 г. неизбѣжно должно было совершиться по законамъ той же исторіи,—вотъ обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, несомнѣнно должно было заставить насъ, не разсуждая, безъ критики и анализа, взойти на церковный клиросъ и пропѣть Александру II «вѣчную память».

Теоретическіе разговоры, вызваннные въ нашей средѣ актомъ 1 марта, теперь совершенно изгладились изъ моей памяти. Но хорошо помню, что не было среди насъ голосовъ, которые бы, по теоретическимъ-ли или по практическимъ соображеніямъ, отнеслись къ этому акту отрицательно. А между тѣмъ среди моихъ товарищей по заключенію въ то вримя находились такіе старые «пропагандисты», какъ Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Долгушинъ, Рогачевъ... Эволюція мысли, происходившая среди революціонеровъ на волѣ, одинаковымъ образомъ охватывала и тѣхъ, чей умъ продолжалъ работать въ четырехъ стѣнахъ «одиночки», внѣ вліянія идей, развивавшихся за тюремною оградою,—даже безъ сколько нибудь основательнаго знакомства съ фактической стороной того, что за время заключенія совершилось въ русской жизни.

Я упомянулъ выше, что свиданія съ родственниками играли въ нашей жизни очень замѣтную роль.

На свиданіяхъ мы не только узнавали новости дня, но и знакомились съ фактами, явленіями и теченіями революціонной жизни за время нашего сидѣнія въ Централкѣ. Пріѣзжіе были изъ различныхъ частей Россіи. Больше, впрочемъ, было южанъ. Но за то одни сообщенія Николая Рогачева (черезъ 2 года повѣшеннаго съ бар. Штромбергомъ за участіе въ военной организаціи партіи Народной Воли) о работѣ на Сѣверѣ были внушительны.

Родственники же помогли намъ на славу собраться въ дальнюю дорогу. Всѣ мелочи были предусмотрѣны. Изъ крупныхъ вещей припоминаю заказъ для всѣхъ изъ насъ поголовно по парѣ сапогъ и по мѣшку изъ брезента.

Свиданія наши носили на себѣ характеръ прямо-таки чего-то гомерическаго.

Прежде всего, укажу на то, что число одновременныхъ посѣтителей было громадно. Стоитъ отмѣтить, кто кого навѣщалъ.

У Дебагоріо-Мокріевича бывала жена и дочь, у Буцинскаго—его невѣста, П. И. Чернышева, у Малавскаго—мать, у Тулисова—жена и дочь, у Легкаго—жена, у Сыцянко—отецъ, 2 сестры и маленькій братъ, у Филиппова—сестра, у Дмоховскаго—мать, братъ съ женою, 2 сестры, изъ которыхъ одна съ мужемъ, и родственница съ мужемъ, у меня—мать, у Іонова—мать и отецъ, у Долгушина—жена и сынъ, у Мышкина—мать, у Ковалика—сестра, у Свитыча—сестра, у Рогачева—братъ и 2 сестры, у Джабадари—отецъ, мать и братъ, у Здановича—кузина, у Сирякова—мать и братъ... Возможно, что я не припоминаю уже теперь всѣхъ посѣтителей. Но вѣдь я и безъ того насчиталъ около 40 человѣкъ.

И представьте себѣ, что вся эта компанія собирается въ верхнемъ этажѣ тюрьмы (главнымъ образомъ, въ конторѣ, конечно), и туда же являются не только тѣ, къ кому пришли на свиданіе, но и вообще всякій желающій. Представьте себѣ, далѣе, что свиданіе продолжается не часъ и не два, а часовъ съ 11 утра (если не раньше) до поздняго вечера, чуть ли не до повѣрки. Представьте себѣ, наконецъ, что тутъ же въ конторѣ вся публика,—т. е. какъ пришедшіе на свиданіе, такъ и тѣ, къ кому пришли, а, кромѣ того, и многіе изъ остальныхъ заключенныхъ,—и обѣдаетъ, и чай пьетъ, и—выпиваетъ. Вотъ если вы себѣ представите все это, то составите нѣкоторое понятіе о томъ, что творилось у насъ въ тюрьмѣ въ послѣднее передъ отправкою въ Сибирь время.

Дѣло не ограничивалось ѣдой и разговорами. Послѣ обѣда собирался въ конторѣ весь хоръ и начиналось веселье. Пѣли пѣсни, большею частью удалыя, а то такъ подъ пѣніе плясали и танцовали. На этотъ случай у насъ были разучены и плясовыя, и польки, и вальсы, и кадрили.

Среди насъ было два музыканта—піаниста: Дебагоріо-Мокріевичъ и Пршибисовъ. Первый вообще принималъ мало участія въ общинной жизни. Но Пршибисовъ увлекся хоровымъ пѣніемъ, и подъ его умѣлымъ управленіемъ нашъ хоръ изъ 15—16 свѣжихъ молодыхъ голо-

совъ пріобрѣлъ относительную стройность. Впрочемъ, дѣло ограничивалось исполненіемъ народныхъ и quasi-народныхъ пѣсенъ, причемъ только немногія изъ нихъ были разучены по нотамъ, да участіемъ въ церковной службѣ, и ничего серьезнаго мы не разучивали. Особенною популярностью пользовались у насъ: разученная по нотамъ древняя разбойничья пѣсня: «Ты взойди, взойди, солнце красное» и славянскій маршъ: «Мы дружно на враговъ», а изъ плясовыхъ—«Посѣю лебеду на берегу».

Признанными плясунами у насъ были Рогачевъ и младшая сестра Сыцянко. Первый всегда поддѣлывался подъ стать разудалаго добраго молодца, и Сыцянко, не достаточно тогда стройная и не всегда танцовавшая въ тактъ, робѣла передъ нимъ, хотя и «старалась». Но вотъ однажды съ Рогачевымъ, послѣ долгихъ упрашиваній, вышла плясать жена Тулисова, вышла—и сразу же всѣхъ очаровала: столько граціи, столько молодого задора, что нашъ знаменитый «добрый молодецъ» разинулъ ротъ и, вмѣсто того, чтобы вести за собой даму, лишь въ тактъ перебиралъ ногами. Но общій восторгъ вызвала впослѣдствіи пляска Тулисовой съ братомъ Дмоховскаго, Михаиломъ. Если Тулисова плясала граціозно, съ огнемъ, то Дмоховскій оказался прямо артистомъ. Изъ своей пляски онъ дѣлалъ не просто танецъ, а плясовую сцену. Слава Рогачева и М. Сыцянко, такимъ образомъ, закатилась [1]).

Отмѣчу, что Здановичъ лихо отплясывалъ свой національный танецъ—лезгинку.

Здѣсь я долженъ повторить, что среди плясокъ, пѣнія и веселья мы не могли забывать ужаснаго горя нашей жизни. И какимъ-то символомъ этого горя проносится теперь въ памяти послѣдняя кадриль въ Мценскѣ.

Это было наканунѣ отъѣзда. Нѣсколькихъ человѣкъ изъ насъ должны были заковать. И вотъ, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ остающихся здѣсь нашихъ родственниковъ и знакомыхъ наше общее горе, послѣднюю кадриль танцовали закованные въ кандалы.

— Кадриль кандальниковъ!—закричалъ кто-то.

Хоръ пропѣлъ ритурнель, Тулисовъ и остальные закованные подхватили дамъ и—началась «кадриль кандальниковъ».

Веселье, пѣніе, и плясъ,—но все же мы удручены страшнымъ горемъ нашей жизни, мы—носители идеи, изъ-за которой приходится переживать это горе!

Таковъ былъ смыслъ послѣдней нашей кадрили въ Мценскѣ,—«кадрили кандальниковъ»,—такъ именно понимали ее и мы, и наши посѣтители. И многое изъ того, что таилось въ глубинѣ нашихъ душъ и о чемъ никто никогда не говорилъ, просилось въ этотъ моментъ наружу. Мы глядѣли другъ на друга, отъѣзжающіе на остающихся и остающіеся на отъѣзжающихъ,—но никто не промолвилъ и

---

[1]) Впослѣдствіи Мих. Дмоховскій поступилъ на сцену и выступалъ даже на петербургскихъ подмосткахъ.

слова: каждая сторона была удовлетворена тѣмъ, что, послѣ «кадрили кандальниковъ», сердце сердцу «вѣсть подало»...

А, кромѣ того, не у того, такъ у другого было и личное горе. Одинъ уѣзжалъ съ предчувствіемъ тяжелой личной драмы въ будущемъ, другой оставлялъ эту драму позади себя, у третьяго драма уже развивалась и шла crescendo...

Объ одной изъ драмъ послѣдняго характера можно уже говорить, такъ какъ почти всѣ дѣйствующія лица сошли въ могилу.

Легкій женился, уже будучи осужденнымъ,—кажется, на дѣвушкѣ, которую зналъ весьма мало. Любилъ-ли онъ ее,—я не знаю; но когда эта дѣвушка появилась въ Мценскѣ, окруженная массою лицъ, то ея отношеніе къ мужу вызвало въ немъ если не ревность, то чувство сердечной обиды. Пошли сцены,—тяжелыя сцены для заинтересованныхъ лицъ и для окружающихъ. Дорогой Легкая, явно, отдавала предпочтеніе предъ мужемъ другому... Сцены продолжались. А изъ Иркутска Легкая, разорвавши окончательно съ мужемъ, возвратилась въ Россію.

Повторяю, я не знаю, любилъ-ли Легкій свою жену. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало уязвленное самолюбіе, горькая обида. Но, во всякомъ случаѣ, Легкій жестоко страдалъ,—и сердце ныло, глядя на этого молодого человѣка, почти мальчика. Наконецъ, это разрѣшилось ужасной трагедіей.

Легкій вздумалъ бѣжать изъ Иркутской тюрьмы. Рѣшительно никакой надобности въ этомъ не было: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье, и бѣжать изъ тюрьмы это значило для него къ трудностямъ побѣга изъ мѣста поселенія прибавить ни на что ненужную трату силъ на выходъ за тюремную ограду. Очевидно, такимъ образомъ, что для Легкаго дѣло было не столько въ побѣгѣ, сколько въ томъ, чтобы дать исходъ накопившейся энергіи.

Онъ рѣшилъ оторвать тяжелую желѣзную ножку отъ кровати и подстеречь надзирателя, когда тотъ, по обыкновенію, поздно вечеромъ войдетъ въ камеру, чтобы погасить лампу. Разсчетъ Легкаго былъ таковъ: убить въ камерѣ надзирателя, положить его на свою кровать, самому переодѣться въ надзирательское платье и выйти изъ тюрьмы подъ видомъ надзирателя. Дрогнула-ли у Легкаго въ послѣднюю минуту рука, или же ударъ не былъ достаточно вѣрно разсчитанъ, но фактъ тотъ, что надзиратель, хотя и смертельно раненый, успѣлъ выскочить, обливаясь кровью изъ камеры и поднять крикъ. Прибѣжавшая стража застала Легкаго на корточкахъ въ углу камеры, и онъ, отдаваясь, просилъ только, чтобы его не били. Черезъ день или два надзиратель умеръ. Легкаго судили и приговорили къ смертной казни, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ казненъ въ стѣнахъ Иркутской тюрьмы.

Что-то было, конечно, въ Легкомъ не уравновѣшенное отъ природы. Подчасъ, уже когда положеніе его выяснилось, въ его глазахъ горѣло безуміе. Но многіе-ли безупречно владѣли бы собой въ обстоятельствахъ, которыя мною описаны?—Иначе, какъ съ чувствомъ тягчайшаго сожалѣнія, я никогда не могу вспомнить о судьбѣ несчастнаго Легкаго...

Эту исторію я разсказываю здѣсь потому, что она всецѣло относится къ нашей жизни въ Мценскѣ.

Въ маѣ 1881 года насъ повезли изъ Мценска. Знали мы, что везутъ насъ въ Сибирь; но на каторгу ли мы попадемъ, или на поселеніе,—никому это не было извѣстно.

У всѣхъ насъ было общее горе, у каждаго въ отдѣльности—свое личное. Но громадное большинство изъ насъ были люди совершенно молодые, а кто постарше, у того все-таки не было ни житейскаго опыта, ни знакомства съ жизнью. Долгушину было, напр., за 30 лѣтъ; но что значило это, если онъ лѣтъ съ 20-ти сидѣлъ въ тюрьмѣ?

И для громаднаго большинства изъ насъ продолжительное, опасное путешествіе въ Сибирь являлось не только «отправкою» на поселеніе или на каторгу, но и первыми шагами на пути обывательской жизни.

Лично я никакого страха передъ грядущимъ не испытывалъ. Какъ ни ужасающи были тогдашнія условія переѣзда въ Сибирь, какъ ни мало сулила радостей и красотъ будущая жизнь на поселеніи, но все же я съ любопытствомъ и задоромъ заглядывалъ въ даль и хотѣлъ разсмотрѣть или, по крайней мѣрѣ, разгадать, что это за штука—жизнь, съ которой мнѣ впервые придется столкнуться лицомъ къ лицу. И даже та маленькая сердечная драма, въ тайникахъ моей души, съ которою я уѣзжалъ изъ Мценска, не мѣшала мнѣ съ задоромъ рваться впередъ: я зналъ, что тамъ меня ждетъ life as it is.

Н. Виташевскій.

Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана. [1])

Au Gouvernement français.

«Vous êtes un gouvernement loyal. Vous ne pouvez pas livrer cet homme. La loi est entre vous et lui. Et, audessus de la loi, il y a le droit. Le despotisme et le nihilisme sont les deux aspects monstrueux du même fait, qui est un fait politique. Les lois d'extradition s'arrêtent devant les faits politiques. Ces lois toutes les nations les observent, la France les observera.

Vous ne livrerez pas cet homme!»

Victor Hugo.

27 février 1880

Переводъ.

Французскому Правительству.

Вы—правительство лойальное. Вы не можете выдать этого человѣка. Между вами и имъ—законъ, а надъ закономъ существуетъ право.

Деспотизмъ и нигилизмъ—это два чудовищные вида одного и того же дѣйствія, дѣйствія политическаго. Законы о выдачѣ останавливаются передъ политическими дѣяніями. Всѣми народами законъ этотъ блюдется. И Франція его соблюдетъ.

Вы не выдадите этого человѣка.

Викторъ Гюго.

27 февраля 1880.

[1]) Русское правительство требовало выдачи Гартмана, обвиняя его въ участіи въ покушеніи на цареубійство, совершенномъ въ Москвѣ 19 ноября 1879 года. Французское правительство въ выдачѣ Гартмана отказало.

Ред.

Матеріалы для біографіи Александра Серно-Соловьевича.

Читатели моей работы: «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами» («Былое» 1906 г. сентябрь—декабрь), болѣе или менѣе знакомы съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ производитъ большое впечатлѣніе и своимъ умственнымъ развитіемъ и уровнемъ нравственныхъ убѣжденій. Гораздо менѣе извѣстенъ его непосредственно младшій братъ—Александръ, такъ трагически кончившій свою молодую и очень незаурядную жизнь. Литература о немъ поразительно ничтожна, какъ будто человѣкъ былъ самымъ рядовымъ, не заслуживающимъ ничьего вниманія въ потомствѣ. На самомъ же дѣлѣ это объясняется иначе: въ Россіи, гдѣ Серно-Соловьевича знали очень многіе, писать о немъ не было никакой возможности. Это былъ горячій борецъ за народную свободу, честный, энергичный, преданный и безкрыстный человѣкъ,—какъ его характеризуетъ анонимный авторъ некролога въ «Народномъ Дѣлѣ». Шелгуновъ говоритъ, что объ Александрѣ Александровичѣ у него сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія. «Это былъ человѣкъ кипучей энергіи, горячій, скорый, смѣлый и очень умный. По энергіи темперамента, по пылкой страстности характера, по быстротѣ соображенія, тонкому ироническому уму и по беззавѣтности, съ какой онъ отдавался дѣлу, не думая о себѣ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ очень немногихъ людей того времени» [1]).

Я очень радъ, что въ моемъ распоряженіи есть цѣнные матеріалы для наброска нѣкоторыхъ чертъ Александра Александровича Серно-Соловьевича. Это пачка писемъ, адресованныхъ юношей своему лицейскому другу и товарищу Ш., оказавшаяся въ копіяхъ въ архивѣ недавно скончавшагося друга Николая Серно-Соловьевича — А. А. Слѣпцова и переданная мнѣ вдовой покойнаго—М. А. Слѣпцовой, за что я и приношу ей мое сердечное спасибо. Г. Ш., занимающій нынѣ видное служебное положеніе, былъ любезенъ не только разрѣшить мнѣ воспользоваться этимъ матеріаломъ, но еще и далъ не мало очень цѣнныхъ указаній, безъ которыхъ моя работа не имѣла бы настоящаго вида и характера. Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать ему мою искреннюю благодарность.

---

[1]) Изъ павленковскаго изданія сочиненій 1891 г., сожженнаго комитетомъ министровъ.

Братья СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧИ

Александръ. Николай.

Александръ Александровичъ родился въ 1838 г. Объ отцѣ его свѣдѣній у меня нѣтъ. Мать, урожденная Кирилина, была родной сестрой Андрея Николаевича Кирилина, начальника военно-походной канцеляріи Николая I, потомъ управляющаго канцеляріей императорскаго двора. Кирилинъ оказывалъ замѣтное вліяніе на воспитаніе сыновей своей сестры, а потомъ, когда они были юношами, не мало разсказывалъ имъ изъ эпохи Николая, которую послѣ смерти грознаго повелителя окрашивалъ не всегда въ розовыхъ тѣняхъ...

Дѣтство Александра Александровича было не особенно свѣтло и проходило въ совершенно антипедагогической обстановкѣ, въ семьѣ, не знавшей тишины и покоя... Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Александровскій лицей, гдѣ былъ уже его старшій братъ, Николай. Тамъ юноша быстро росъ, чему не мало помогала атмосфера учебнаго заведенія, при многихъ своихъ недостаткахъ, вселявшая, однако, либеральныя убѣжденія, традиціонно сохранявшіяся со временъ великаго поэта. Товарищи очень любили Серно-Соловьевича за его рѣдкую сердечность, доброту и прямоту. Онъ былъ, по словамъ г. Ш., несравненно одареннѣе Николая, на котораго, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оказывалъ всегда замѣтное вліяніе. Кружокъ товарищей, группировавшійся около Александра Александровича, много читалъ и при томъ всегда отдавалъ преимущество гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности же исторіи и литературѣ. Не рѣдко на этой почвѣ возникали горячіе споры, которые, какъ извѣстно всякому, не мало способствуютъ развитію юношей.

Все это не мѣшало братьямъ Серно-Соловьевичамъ быть настоящими франтами, любить пріодѣться, щегольнуть, потанцовать и вообще побыть въ свѣтской обстановкѣ. Не будучи очень богатыми, братья всегда были при деньгахъ и иногда располагали довольно значительными для своего возраста суммами.

За время лицейскаго періода у меня есть шесть писемъ Александра Александровича къ г. Ш. Приведу ихъ съ неизбѣжными пока сокращеніями, не опуская, однако, ничего, что бы могло характеризовать юнаго корреспондента.

Первое письмо относится къ семнадцати годамъ и даетъ возможность оцѣнить сердечность писавшаго.

1.

1855 г. 3 іюля, воскресенье, 2 ч. ночи.
Село Ирицы Воротынскіе.

Милый, добрый NN, не знаю, какъ просить у тебя извиненія, поведеніе мое относительно тебя достойно болѣе, чѣмъ порицанія, но ты простишь меня, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, объясню въ подробности всѣ обстоятельства, которыми сопровождался мой отъѣздъ. Ты, по свойственной тебѣ добротѣ, уже теперь, вѣрно, не сердишься на меня. Письмо твое отъ 19 іюня, которое получилъ я 29-го (такъ долго ходитъ сюда почта), доставило мнѣ больше, чѣмъ радость. Ежели ты писалъ только съ цѣлью доставить себѣ развлеченіе, то

беру свое слово назадъ; ежели въ немъ отпечатокъ чувствъ твоихъ ко мнѣ, то прими все писанное мною за чистую монету. Ты знаешь, что я черезчуръ откровененъ, это часто вредитъ мнѣ въ моей лицейской жизни, особенно въ любви товарищей ко мнѣ; много пріобрѣлъ я черезъ это враговъ, но увѣренъ что тѣ, которые знаютъ меня, ежели не любятъ, то, покрайней мѣрѣ, видятъ во мнѣ благороднаго человѣка. Къ числу послѣднихъ причисляю я тебя; въ упрекахъ твоихъ вижу не совершенное равнодушіе ко мнѣ и этого достаточно, чтобы усилить во мнѣ любовь и привязанность, которыя питаю къ тебѣ, какъ къ другу, товарищу и человѣку. Извини, что называю тебя этими тремя словами, но повѣрь, говорю тебѣ чистую правду. Чувства мои къ тебѣ выражаются совершенно въ этихъ трехъ словахъ. Повѣрь, что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые болѣе другихъ въ нашемъ классѣ способны понимать тебя, но ты никогда не считалъ меня таковымъ. Однимъ словомъ, чтобы покончить разомъ о моихъ чувствахъ къ тебѣ, скажу, что люблю тебя очень много, такъ, какъ немногихъ своихъ товарищей.

„Скуку твою понимаю совершенно, потому что самъ хандрю, можетъ быть, болѣе тебя; этому способствуетъ не одна скучная, деревенская жизнь; есть еще много причинъ; ежели тебѣ интересно знать то, что касается меня лично, то потерпи немного, скоро пріѣду назадъ (къ 25 или 26 іюля) и открою тебѣ душу мою.

„Выѣхали мы изъ Петербурга 16 іюня, въ Москвѣ прожили недѣлю. Прескучный городъ, пустота страшная, нѣтъ даже хорошихъ улицъ; Кузнецкій мостъ и Тверская, считающіяся лучшими, въ подметки не годятся ни Невскому, ни Морской, въ родѣ Литейной. 24-го выѣхали въ деревню. Дорогой (мы ѣхали на перекладной) я мучился, трясло ужасно да при томъ нельзя было спать (а ты знаешь, какой я любитель сна), вздремнулъ полчаса и потерялъ съ головы лицейскую фуражку, также разную мелочь, которая была у меня въ узелкѣ. Всѣ старанія отыскать ихъ были напрасны, и вещи погибли безвозвратно.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ирицы Воротынскіе (село) разнеслась молва, что пріѣхалъ молодой баринъ (Митьковъ [1]), а съ нимъ кто то чужой (Я.) Личность моя, кажется, очень заняла всѣхъ, такъ что на другой день узнали, какъ меня зовутъ, хотя я еще покоился сладкимъ сномъ. Встаю я въ 11 часовъ. Сначала это всѣхъ очень удивляло, но мало-по-малу они свыклись съ моимъ образомъ жизни. Тотчасъ же ѣду верхомъ. Такъ проходитъ утро, обыкновенно очень скоро. Но вотъ настаетъ длинный вечеръ, продолжающійся у меня до второго и третьяго часа ночи. Такъ привыкъ поздно ложиться, что, несмотря на движеніе, никакъ не могу заснуть раньше. Вечеромъ обыкновенно гуляю по нѣсколько часовъ; здѣсь есть великолѣпныя мѣста; курю, читаю. Повидимому провожу время очень весело, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Для тѣла, какъ ты видишь, много удовольствій, но для души никакихъ; остается одинъ Митьковъ,—прескучная забава. Представь себѣ, здѣсь ни одной живой души! Крестьянъ, которые слишкомъ необразованы и грубы, я не считаю за таковыхъ. Нѣтъ человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить дружески, которому можно бы излить всю свою душу, для меня же, съ моимъ характеромъ это необходимо. Дома я имѣлъ брата; въ лицеѣ—товарищей отъ которыхъ ничего не скрывалъ; здѣсь же, еще разъ повторяю, никого нѣтъ.

[1]) Мих. Платоновичъ Митьковъ окончилъ лицей въ 1853 г. и потомъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ. Умеръ въ 1889 дѣятельнымъ гласнымъ петербургской думы.

„Познакомлю тебя короче съ молодымъ Митьковымъ. Онъ препорядочный человѣкъ; съ нимъ можно быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но только до тѣхъ поръ, пока не будешь искать въ немъ того, чего онъ не въ состояніи выполнить. Я увѣренъ, что онъ къ нашему семейству питаетъ столько расположенія, сколько можетъ вмѣстить его холодная, эгоистическая натура. Для насъ онъ готовъ сдѣлать все, но не ищи въ немъ этого теплаго участія, этого дружескаго пожатія руки, этого горячаго чувства, которыя необходимы для меня.

„Еще позабылъ сообщить тебѣ одно очень для меня важное неудобство. Отъ природы брезгливаго характера, я всегда питалъ отвращеніе ко всякаго рода насѣкомымъ, въ особенности къ прусакамъ и тараканамъ, а въ деревнѣ все наполнено этой дрянью. Зато я не упускаю случая и истребляю ихъ огнемъ, ногами и папиросами; табачный дымъ страшно ядовитъ для нихъ.

„Что подѣлываютъ товарищи наши? Гдѣ то они, вспоминаютъ ли о насъ? Вѣрно, большая часть никогда. Что С., несмотря на свое обѣщаніе писать мнѣ? [1]) Не получилъ отъ него ни одного письма. Я также, какъ и ты, помѣшанъ на товариществѣ. Если будешь писать Гревеницу, [2]) кланяйся очень отъ меня, поблагодари за письмо, которое онъ писалъ мнѣ, и скажи, что я бы съ удовольствіемъ писалъ ему, но не знаю, куда адресовать. Что дѣлаетъ Николаевъ? [3]) Преблагородная душа, прекрасный человѣкъ, но, къ несчастью, холоднаго темперамента, кланяйся ему. Всѣмъ, кому будешь писать, или кого увидишь, поклонись очень отъ меня.

„Прощай, любезный Ш., желаю тебѣ быть здоровымъ, не скучать и вообще всего лучшаго. Не забывай того, который тебѣ душевно преданъ и который, еслибы въ чемъ нибудь серьезномъ понадобится его помощь, одинъ изъ первыхъ будетъ готовъ всегда подать тебѣ руку.

А. Серно-Соловьевичъ.

„Если будешь писать, что доставитъ мнѣ большое удовольствіе, то пиши не въ деревню, а въ Москву, на Мясницкую улицу, въ Милютинъ переулокъ, противъ католической церкви, въ д. Митькова".

Второе письмо—записка, посланная съ оказіей сидѣвшему подъ арестомъ другу Ш.

2.

1856 г. 10 марта, суббота. 7 ч. у.

„Вчера еще хотѣлъ написать тебѣ, дорогой Иванъ Ивановичъ, но боялся предательства, боялся, чтобы З—ъ, которому я не очень довѣряю, не передалъ бы письма моего въ другія руки, здѣсь подлецъ на подлецѣ, подлецомъ по-

---

[1]) А. А. С., окончившій лицей въ 1857 г., одновременно съ Александромъ Серно-Соловьевичемъ, занимаетъ теперь видное служебное положеніе.

[2]) Баронъ Александръ Александровичъ Гревеницъ окончилъ лицей одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, служилъ въ канцеляріи статсъ-секретаря по принятію прошеній, кн. А. Ѳ. Голицына, потомъ былъ директоромъ Воспитательнаго дома и умеръ въ 1901 г.

[3]) Василій Никитичъ Николаевъ, окончившій лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, потомъ служилъ въ департаментѣ удѣловъ, умеръ въ 1898 г.

гоняетъ, не на кого рѣшительно положиться (исключеніе составляетъ развѣ одинъ Николаевъ). Успокойся, пожалуйста, начальство не очень сердито на тебя и, вѣроятно, наказаніе твое окончится скоро, воскресеній болѣе двухъ не просидишь, потому что мы говѣемъ на 4-й. Старшій классъ нисколько не въ претензіи, напротивъ, всѣ очень жалѣютъ тебя; о нашихъ не буду и говорить много; всѣ, всѣ плачутъ по тебѣ и придумываютъ средства, чтобы хоть нѣсколько облегчить участь твою, но самъ знаешь, что можемъ мы, воспитанники, сдѣлать у начальства, окруженные со всѣхъ сторонъ подлецами и шпіонами. О себѣ скажу, что арестъ твой привелъ меня въ отчаяніе, навелъ скуку и хандру. Дай Богъ, чтобъ ты скорѣй возвратился къ тѣмъ, которые всѣ любятъ тебя и которыхъ одушевляешь ты присутствіемъ своимъ. День вчера былъ удивительно скученъ, хотя погода прекрасная, не весело встрѣчаешь ты первый весенній день. Лекціи всѣ были. Съ Бужо [1]) страшно холодны и никто почти не слушалъ его, Паукеръ [2])—дежурный, кажется очень хорошій человѣкъ. Посылаю тебѣ часы мои, чтобы хоть мысленно могъ ты перенестись къ намъ и знать, что мы дѣлаемъ. Книги у тебя есть. Ежели же нужно другихъ или вообще что нибудь понадобится, то тотчасъ дай мнѣ знать. Ежели Спѣшневъ [3]) вздумаетъ зайти къ тебѣ, что весьма вѣроятно, то soye sur vos gardis, ты знакомъ съ этой скотиной, онъ будетъ выпытывать многое. Тороплюсь готовить репетицію статистики, которая огромна. Прощай, не скучай и молись Богу.

„На всегда преданный и много любящій тебя

А. С.-Соловьевичъ.

„Всѣ, всѣ очень и очень кланяются тебѣ".

Вступивъ въ послѣдній классъ, Серно-Соловьевичъ отправился вмѣстѣ съ матерью, братомъ Николаемъ и родными за границу. Какъ только они обосновались въ Шлангенбадѣ, онъ пишетъ своему другу пространное письмо, проливающее свѣтъ опять таки на нѣжную душу.

3.

1856 г. 17/29 іюня. Шлангенбадъ.
Вторникъ. 8 ч. вечера.

„Прости меня, дорогой Ш., за то, что не написалъ тебѣ до сихъ поръ ни слова. Боюсь, чтобы ты не подумалъ, что я забылъ за границей товарищей своихъ. Нѣтъ, ничто въ мірѣ не замѣнитъ мнѣ пріятельскаго кружка; къ вамъ, друзья мои, стремятся мои мысли, съ вами, и въ особенности съ тобой, привыкъ дѣлить я всѣ радости и горести; теперь, находясь въ разлукѣ, еще болѣе привязанъ къ вамъ и съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда снова буду посреди тѣхъ, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Что Германія, Парижъ и т. д. „когда нѣтъ друга... кому бы могъ пожать отъ сердца руку и пожелать счастливыхъ много дней". Эти строки незабвеннаго Пушкина можешь принять на свой счетъ. Въ пять неразлучно проведенныхъ лѣтъ я вполнѣ узналъ и оцѣнилъ *твое сердце, умъ и высокій образъ мыслей.* Но отчего же, быть можетъ, спросишь ты, цѣлый мѣсяцъ о тебѣ ни слуху, ни духу?

---

[1]) А. Б. Бужо, преподаватель французскаго языка и литературы.
[2]) Л. Е. Паукеръ, воспитатель и репетиторъ.
[3]) Я. Т. Спѣшневъ, воспитатель.

„Отвѣчу на это, что, оставя тебя въ сомнѣніи, какого рода жизнь избрать на предстоящее лѣто, я рѣшительно не зналъ, куда адресовать письма мои—вотъ, что удерживало меня писать и, повѣрь, это была единственная причина. Но живо вообразивъ печальное положеніе твое и скуку, не имѣя близъ себя человѣка, который бы раздѣлялъ тоску твою, я рѣшился, наконецъ, писать въ лицей. Ежели письмо мое и не скоро дойдетъ до тебя, то, всетаки, когда нибудь, прочтя его, ты узнаешь, что есть сердце вполнѣ тебѣ преданное.

„Начну теперь повѣствованіе о путешествіи нашемъ, но обо всемъ случившемся со мной скажу кратко, въ нѣсколькихъ словахъ, оставляя подробное описаніе до личнаго свиданія, которое, увы, будетъ еще не скоро.

„Грустно было уѣзжать изъ Петербурга, не простившись со многими товарищами, обѣщавшими пріѣхать проводить меня. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи, нельзя требовать къ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя самъ питаешь Только Висковатовъ [1]) и Ж. [2]) пріѣхали на пароходъ и добрый Волукъ [3]) провожалъ меня до Кронштадта. Въ первые дни мореплаванія погода благопріятствовала намъ, больныхъ было очень мало, все, казалось, шло, какъ нельзя лучше. Но вотъ наступила роковая ночь съ 11 на 12 іюня, которая долго не изгладится изъ моей памяти. Ровно въ 12 часовъ началась жестокая буря, продолжавшаяся до 3 хъ слѣдующаго дня, т. е. до прибытія въ Свинамюндскую гавань. Не буду описывать теперь всѣхъ подробностей, скажу только, что жизнь наша висѣла на волоскѣ, мы только молились Богу, и прощались уже со всѣми милыми сердцамъ нашимъ. Изъ всѣхъ пассажировъ, которыхъ, кстати сказать, было очень много, только я и одинъ русскій помѣщикъ были здоровы. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ морской бури, всего отчаянія погибавшихъ и почти не оставлялъ палубы. Какъ жалки казались мнѣ тогда бонтоны петербургскаго общества, зараженные аристократизмомъ, этою подагрою нравственнаго міра... Можетъ быть, ты не повѣришь мнѣ, подумаешь, что изъ мухи дѣлаю слона, но спроси у Кожуховскаго, [4]) который ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ нами (онъ, вѣроятно, возвратится раньше меня въ лицей). Такъ промучившись около 15 часовъ, доплыли мы, наконецъ, до Штетина.

„Вообрази всеобщій восторгъ и радость! Отдохнувъ немного, отправились на другой день по жел. дорогѣ въ Берлинъ, куда пріѣхали въ среду въ 4 часа пополудни. Что сказать о столицѣ Пруссіи... Полторы недѣли, проведенныя здѣсь, были посвящены обозрѣнію города и его окрестностей. Всѣ достопримѣчательности, какъ-то: дворцы, галлереи, университетъ, сады, конечно Потсдамъ, Санъ-Суси и т. д. были осмотрѣны; многое хорошо, но почти ничего не бросается въ глаза. Кто видѣлъ Петербургъ, того удивитъ, развѣ, Парижъ или Лондонъ. Въ Берлинѣ дожидались мы дѣда и тетку, которымъ наши доктора совѣтовали ѣхать въ Теплицъ, но здѣшніе эскулапы (Schönlein, Romberg и Hauck) отвергли ихъ мнѣніе и послали мать въ Шлангенбадъ, а тетку въ Висбаденъ, и такъ мы другъ отъ друга находимся въ разстояніи двухъ

---

[1]) Константинъ Александровичъ Висковатовъ окончилъ лицей въ 1857 г. и потомъ служилъ въ канцеляріи государ. совѣта, умеръ въ 1906 г.

[2]) В. В. Ж., тоже выпуска 1857 г., потомъ секретарь посольства въ Константинополѣ.

[3]) Прозвище Ж.

[4]) Антонъ Антоновичъ Кожуховскій кончилъ лицей двумя годами позже А. Серно—Соловьевича.

часовъ ѣзды. Можетъ быть, ты подумаешь, что я не совсѣмъ доволенъ подобнымъ распоряженіемъ; напротивъ, дѣдъ мой здѣсь совершенно другой человѣкъ, добръ, любезенъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятный спутникъ; наконецъ, это дастъ болѣе свободы брату и мнѣ совершать различныя прогулки по берегамъ Рейна, потому что мать по слабости здоровья не въ состояніи много ходить.

„Итакъ, въ настоящую минуту мы находимся въ Шлангенбадѣ, въ герцогствѣ Нассаускомъ, богатомъ всѣми минеральными водами. Мѣстоположеніе удивительное, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, Taunus Gebirge;—мѣстечко это представляетъ изъ себя родъ ущелья, воздухъ удивительный, но при всемъ томъ мнѣ невыносимая хандра и еслибъ не книги, которыми запаслись мы въ Берлинѣ, я не зналъ бы, что дѣлать. Народу очень много, русскихъ и французовъ бездна, но я не люблю подобнаго общества и теперь на практикѣ доказываю то, что развивалъ въ теоріи. Здѣсь пробудемъ мы четыре недѣли или двѣ, а двѣ въ Швальбахѣ, однимъ словомъ, еще мѣсяцъ въ нассаускихъ владѣніяхъ; отсюда опять на двѣ недѣли въ Остенде, потомъ на три въ Парижъ и, наконецъ, черезъ Швейцарію, Ломбардію и Австрію назадъ въ родимый Питеръ.

„Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Едва не забылъ сказать, что нѣсколько разъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, былъ у Глинки[1]), отвезъ письмо отъ сына.

Вотъ въ короткихъ словахъ жизнь моя за границей.

„Теперь предложу тебѣ нѣсколько вопросовъ, которые ты, вѣроятно, не оставишь безъ отвѣта. Какъ здоровъ, гдѣ живешь, что дѣлаешь, что дѣлаютъ другіе товарищи, лицей и вообще Петербургъ? Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе и побольше. Адресъ мой: Duchè de Nassau, Schlangenbad, poste restante; ежели насъ уже здѣсь не будетъ, то на почтѣ будутъ сдѣланы приличныя распоряженія. Мать и братъ очень тебѣ кланяются, а я крѣпко жму руку.

Навсегда твой

А. Серно-Соловьевичъ.

„Поклонись отъ меня Сабанскому [2]) и скажи, что здѣсь много соотечественниковъ его, прелюбезныхъ и премилыхъ людей. Поцѣлуй Ваську [3]) и вообще очень кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые спросятъ обо мнѣ. Прощай еще разъ и не забывай меня. Прости за нескладное письмо, но головная боль жаръ и мухи мѣшаютъ послѣдовательности мыслей моихъ.

Любопытно, что жившій въ одно время съ Серно-Соловьевичами въ Шлангенбадѣ Щербачевъ, замѣчаетъ, что своимъ умомъ и образованіемъ братья умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь курорта [4]).

Въ то же лѣто г. Ш. получилъ еще три письма отъ странствовавшаго друга.

---

[1]) Отецъ Николая Дмитріевича Глинки, окончившаго лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, посланникъ въ Бразиліи, потомъ въ Португаліи.

[2]) Михаилъ Ѳедоровичъ Сабанскій, кончилъ лицей въ 1857 г. и скоро вышелъ въ отставку.

[3]) В. Н. Николаевъ.

[4]) „Идеалы моей жизни“, М. 1895 г. 187—188 стр.

4.

1856 г. Шлангенбадъ. 4/16 августа. Суббота.

„Рѣшительно не знаю, чему приписать такое долгое молчаніе съ твоей стороны. Неужели письмо мое не дошло еще? или же забылъ ты совершенно о существованіи преданнаго тебѣ друга? Такъ или иначе, но вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мы разстались, и я не знаю, живъ ли ты и что подѣлываешь. Жизнь твоя конечно не весела, но и моя не такъ красна, какъ, вѣроятно думаютъ всѣ тѣ, которые хоть изрѣдка вспоминаютъ обо мнѣ. Несносная грусть тѣснитъ мое сердце, многіе посмѣются надъ ней, но ты, я знаю, вполнѣ поймешь меня.

„Несмотря на молодость мою, я не жажду наслажденій и нахожу удовольствіе въ томъ, въ чемъ другіе не находятъ. Для меня нужны люди, которымъ бы могъ излить душу свою, я ищу дружескаго слова и крѣпкаго пожатія руки. Черезъ три недѣли кончаются каникулы, и вы снова соберетесь въ лицеѣ; счастливцы—вы будете вмѣстѣ, а я далеко отъ васъ—одинъ. Часто, со многими говорилъ я о нашей братской жизни, но въ продолжительность ея никто не вѣритъ. „Юношеская мечта"—сказалъ мнѣ одинъ человѣкъ. „Подождите еще годъ, свѣтъ раздѣлитъ васъ, а съ этимъ разнесутся и иллюзіи" Неужели общество дѣлаетъ человѣка такимъ холоднымъ эгоистомъ, да и есть ли это непреложный законъ, которому должны подчиниться всѣ? Нѣтъ, я еще вѣрю въ дружбу, вѣрю, что не всѣ изъ насъ, но нѣкоторые сохранятъ и послѣ выхода лицейское единство.

„Но довольно объ этомъ, не буду болѣе распространяться о моей привязанности къ вамъ—словами подобныхъ чувствъ не выразить.

„Въ четвергъ, если не послѣдуетъ contre—ordre, покидаемъ мы, наконецъ, Шлангенбадъ и отправляемся въ Остенде, куда и попрошу тебя адресовать письма (poste—restante). Пожалуйста, пиши все, что дѣлаешь, каждое малѣйшее обстоятельство твоей жизни много интересуетъ меня. На этихъ дняхъ совершили мы съ братомъ [1]) маленькое путешествіе по берегамъ Рейна (отъ Майнца до Кельна). Въ Ахенѣ я встрѣтился съ Дурасовымъ—лицеистомъ; [2]) не могу сказать тебѣ, какъ порадовалъ онъ меня извѣстіемъ о выходѣ Гескета [3]) изъ лицея.

„Прости, дорогой NN. за безцвѣтность письма моего; охота писать тебѣ велика, но въ матеріалахъ рѣшительный недостатокъ. Жизнь и занятія наши въ Шлангенбадѣ почти не выходятъ изъ опредѣленной рамы, вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня ночью и ночи днемъ. До свиданія, передай мой поклонъ Сабанскому и всѣмъ товарищамъ. Прошу объ одномъ, не забывайте меня и въ своихъ лицейскихъ бесѣдахъ вспоминайте о другѣ вашемъ, не такъ часто, какъ я, потому что это невозможно, а хоть изрѣдка.

Душевно твой

А. Серно-Соловьевичъ.

---

[1]) Николаемъ.

[2]) XVII курса.

[3]) Эсаулъ Д. Т. Гескетъ былъ однимъ изъ прикомандированныхъ къ лицею офицеровъ, ненавистныхъ юношамъ своею казарменною муштровкою.

„Вчера послалъ барону [1]) просьбу о продолженіи отпуска (повѣрь, это не мое собственное желаніе), потрудись узнать о послѣдствіяхъ и увѣдомить меня“.

5.

1856 г. Остенде. 28 авг. (9 сент.) 11 ч. веч.

„Въ четвергъ 9 августа покинули мы, наконецъ, ненавистную Германію и благополучно добрались до Остенде, гдѣ находимся въ настоящую минуту. Путешествіе отъ Шлангенбада до Остенде, сначала Рейномъ до Кельна, а потомъ по желѣзной дорогѣ черезъ всю Бельгію, было весьма незамѣчательно. Одно только скажу, что на пароходѣ познакомился я съ Ломоносовымъ, лицеистомъ перваго курса, нынѣ посланникомъ въ Гагѣ [2]). Съ трепетомъ въ душѣ подошелъ къ нему, надѣясь поговорить съ нимъ о Пушкинѣ, о дорогомъ нашемъ лицеѣ, но не нашелъ я въ немъ того, чего искалъ. Забылъ онъ уже товарищей своихъ, а о Пушкинѣ я не могъ ничего сказать. Просилъ онъ меня, однако, смотрѣть за племянникомъ, Алексѣемъ Ломоносовымъ, поступившимъ въ лицей.

„Остенде съ перваго раза произвело на меня пріятное впечатлѣніе. И дѣйствительно нельзя не восхищаться, сидя на берегу моря. Въ каждое время дня взору твоему представляются новыя картины: приливъ и отливъ, восхожденіе и захожденіе солнца, вечеромъ фосфорическій блескъ моря; все это такъ хорошо, такъ прекрасно. Народъ самый представляетъ такой удивительный контрастъ съ нѣмцами: живые, веселые бельгійцы (хотя до высшей степени дерзновенные) только и думаютъ о наслажденіяхъ. Театры, балы, вечера, постоянная музыка, однимъ словомъ, всѣ возможныя удовольствія. Не думай, однако же, чтобы я слишкомъ предавался имъ и проводилъ время очень весело. Правда, что я не скучаю уже такъ, какъ въ Шлангенбадѣ, но мысль, что далеко отъ васъ, постоянно со мной. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ здѣсь, былъ тотъ, въ который я получилъ письмо твое. Описать радостное впечатлѣніе, произведенное на меня—это повторять то, что уже было высказано въ предыдущихъ письмахъ. Благодарю, отъ всего сердца благодарю тебя за него и въ особенности за нѣсколько строчекъ, глубоко запавшихъ мнѣ въ душу. Вмѣстѣ съ раздражительнымъ, подчасъ несноснымъ характеромъ получилъ я отъ природы и теплое сердце, которымъ постараюсь, сколько силъ будетъ, отплатить за привязанность ко мнѣ.

„Письмо мое застанетъ васъ уже собравшимися въ лицеѣ. Пожалуйста, передай мой дружескій поклонъ всѣмъ товарищамъ и проси не забывать меня. Сабанскаго очень благодарю за расположеніе ко мнѣ; увѣрь его, что всегда желалъ и желаю ему всего лучшаго. Надѣюсь, что смѣна наша останется почти въ томъ же составѣ и вы не исключите меня изъ нея. Надѣюсь, что ты будешь столь добръ и познакомишь брата моего съ лицейскими правилами и обычаями [3]). Ты самъ знаешь, какъ важны первые дни лицейской жизни, и потому прошу тебя не оставь его въ это трудное время. Береги свое здоровье и лѣчись серьезнѣе. Мать и братъ очень, очень кланяются, а я отъ

[1]) Баронъ Штейнгель—инспекторъ Лицея, очень любимый воспитанниками.
[2]) Полномочный министръ при Нидерландскомъ дворѣ.
[3]) Рѣчь идетъ о братѣ Константинѣ.

всей души жму руку и молю Создателя, чтобы онъ сохранилъ тебя. До свиданія.

Навсегда твой другъ *А. Серно-Соловьевичъ.*

„Мой нижайшій поклонъ Лялину [1]), всѣмъ воспитателямъ и въ особенности Строкину [2]). Пишите мнѣ въ Парижъ (poste restante). А. А. [3]) мое глубочайшее почтеніе, скажи ему, что видѣлъ отца его и сестеръ въ Соденѣ.

6.

1856 г. 19 (1 октября). Берлинъ. Среда.
(Не показывай никому моего письма).

„Всеобщее желаніе возвратиться скорѣй въ Петербургъ перемѣнило совершенно планъ дальнѣйшаго путешествія, и мы уже на возвратномъ пути. Черезъ недѣлю, много десять дней, я опять въ лицеѣ, посреди васъ. Мы съ братомъ воспользовались долгимъ пребываніемъ нашихъ въ Остенде и успѣли побывать въ столицѣ міра. Парижъ восхитителенъ, въ томъ спору нѣтъ; великолѣпнѣе и веселѣе города я не знаю, волшебнаго, однако, и чего то упоительнаго, по выраженію всѣхъ почти русскихъ, не нашли мы въ немъ. Но близокъ, близокъ часъ свиданія и тогда на досугѣ поговоримъ обо всемъ. Я разскажу все, что дѣлалъ въ четыре мѣсяца, ты, съ своей стороны, отплатишь мнѣ тѣмъ же.

„Оставивъ Остенде (въ которомъ, между нами, оставилъ и сердце свое) пустились мы въ обратное путешествіе, скучное и хандривое до невѣроятія. Въ каждомъ большомъ городѣ останавливаемся, слѣдовательно, возня съ вещами; дѣдъ мой еще несноснѣе, чѣмъ дома; мать, на которую желѣзная дорога имѣетъ весьма неблагопріятное дѣйствіе, раздражая нервы, также безпокойна. Съ одной стороны желаніе поскорѣе увидѣться съ вами, въ особенности съ тобой, въ совѣтахъ котораго нуждаюсь теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь; съ другой – тоска по той, которую оставилъ въ Остенде; постоянныя семейныя сцены, которыя хотя и бывали во время вояжа, но рѣдко доходили до такой степени, какъ теперь,—все это такъ отвратительно, что не знаю, какъ выразить тебѣ грусть мою. Единственное утѣшеніе—это написать тебѣ, въ расположеніи котораго убѣжденъ теперь, и ты, конечно, примешь участіе въ печальномъ положеніи моемъ.

„Вообще, любезный Ш., буду просить тебя быть теперь со мною дружнѣе и откровеннѣе по возвращеніи въ лицей и, говоря правду-матку въ глаза, сдѣлать характеръ мой болѣе пріятнымъ для товарищей. Какъ намѣрены вы встрѣтить 19 октября [4]). Кланяйся всѣмъ товарищамъ и брату моему, который, кажется, очень доволенъ настоящимъ положеніемъ своимъ.

„Итакъ, до свиданія, обнимаю тебя и остаюсь душевнымъ твоимъ другомъ

А. Серно-Соловьевичъ.

[1]) С. В. Лялинъ, воспитатель и репититоръ въ лицеѣ.
[2]) Алексѣй Николаевичъ Строкинъ, магистръ, преподаватель закона Божія, психологіи и логики. Онъ очень былъ расположенъ къ А. Серно-Соловьевичу.
[3]) С.
[4]) Лицейскій праздникъ.

„Нюнька очень тебѣ кланяется.
„Не забывай меня“.

Слѣдующее письмо отправлено уже изъ Маріенбада, когда Серно-Соловьевичу было девятнадцать лѣтъ.

7.

1857 г. Маріенбадъ. 8 (20 іюля). Понедѣльникъ.

„Большіе часы Маріенбада только что пробили полночь. Вокругъ меня все тихо и спокойно. Обитатели здѣшняго мѣстечка, которыхъ день начинается въ 7 часовъ утра, давно уже въ объятіяхъ Морфея. Одинъ я (а, можетъ быть, есть и другой несчастный, котораго судьба забросила въ это захолустье, такъ далеко отъ всего, что дорого и мило сердцу) бодрствую. Любитель ночныхъ бесѣдъ, не могу не выбрать времени этого, чтобы не побесѣдовать съ вами, любезные друзья, Звѣревъ [1]), Николаевъ и Ш. Можетъ быть, сидите вы теперь за длиннымъ столомъ въ музыкальной, пьете пиво отъ Пискунова, вспоминаете о товарищахъ, а съ ними и о далекомъ другѣ, далекомъ по разстоянію, но душой всегда, какъ и въ настоящую минуту, близкомъ и тѣсно неразлучно соединенномъ съ вами.

„Скоро мѣсяцъ, какъ я разстался съ вами. Съ каждой минутой пространство между нами становилось все больше и больше, и спрошу: неужели съ нимъ исчезла и память обо мнѣ? Невольно долженъ сдѣлать вопросъ этотъ, потому что, къ несчастью моему, не получалъ до сихъ поръ отъ васъ ни строчки. Что за причина? Долго ломалъ голову, придумывалъ все возможное и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, уѣхали вы изъ Петербурга; другой причины не могъ прибрать; или можетъ быть ожидали вы отъ меня перваго письма, чтобы испытать, не забылъ ли я васъ? Прежняя поѣздка доказала вамъ противное, а нынѣшняя еще болѣе убѣдила меня, что гдѣ бы я ни былъ, никогда не буду совершенно веселъ и доволенъ въ разлукѣ съ вами. Всякое удовольствіе хотѣлось бы раздѣлить съ тѣми, которыхъ люблю всей душой, которыхъ судьба тѣсно связала со мной. Тѣсный кружокъ нашъ необходимъ для общаго счастья; горе тому, кто первый отстанетъ отъ него.

„Послѣ двухнедѣльнаго странствованія дотащились мы, наконецъ, до Маріенбада, первой цѣли нашего вояжа. Семь дней ѣхали мы до Варшавы, и въ эту недѣлю вполнѣ узналъ я всю пріятность путешествія по Россіи. Ѣзда съ *женщинами* въ собственномъ экипажѣ, гдѣ каждую минуту трепеталъ я за цѣлость кареты! Дѣйствительно, три раза были мы жертвою кузнецовъ, которые, какъ хищные звѣри, ожидаютъ пріѣзда на станцію и немилосердно грабятъ проѣзжающихъ. Жара, блохи, мои вѣчные враги, возня съ жидами и съ поляками въ особенности, все это въ этотъ разъ соединено было, чтобъ отвратить меня отъ подобнаго путешествія. Разъ даже ночевали мы въ жидовской корчмѣ, и 18-е іюня останется надолго памятнымъ для меня днемъ.

„Невозможно описать всѣхъ мелкихъ непріятностей, которыя испытывали

[1]) Модестъ Ивановичъ Звѣревъ, кончилъ курсъ лицея въ 1857 г. и служилъ въ министерствѣ юстиціи.

мы, потому вы легко поймете, съ какимъ возрастающимъ нетерпѣніемъ приближались мы къ Варшавѣ. Дѣйствительность, однако, не оправдала нашихъ ожиданій. По случаю огромнаго стеченія публики всѣ Hôtel' и были заняты, и мы нашли грязную комнату въ четвертомъ этажѣ. Совершенное незнаніе польскаго языка дѣлало еще болѣе невозможнымъ долгое пребываніе въ Польшѣ, такъ что, несмотря на усталость и желаніе отдохнуть, отправились мы на другой же день вечеромъ въ Вѣну. Все это живо напомнило мнѣ прошлогоднюю поѣздку на пароходѣ, которая имѣетъ, всетаки, преимущества; право, лучше 18 часовъ бури, нежели семь дней всевозможныхъ лишеній.

„О столицѣ Австріи не могу ничего разсказывать вамъ, любезные друзья, потому что день, проведенный въ ней, былъ посвященъ хожденію по магазинамъ, которыми, впрочемъ, дамы мои остались очень недовольны. (Иностранцамъ рекомендую Hôtel zum goldenen Lamm, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ женскомъ по красотѣ лицъ). Вообразите себѣ удивленіе мое, когда у банкира встрѣтилъ я Стефана [1]) съ отцомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ, согласились мы посмотрѣть вмѣстѣ Италію, куда отправлялись они послѣ десятидневнаго пребыванія въ Вѣнѣ. Но съ тѣхъ поръ многія изъ обстоятельствъ перемѣнились, и я посылаю письмо къ нему въ Миланъ, въ которомъ извиняюсь, что не могу пріѣхать подъ предлогомъ будто бы болѣзни маменьки. Вмѣсто того отправляюсь въ Михаиломъ Митьковымъ, котораго нашелъ здѣсь, сначала въ Дрезденъ, потомъ, вѣроятно, въ Мюнхенъ, оттуда въ Шафгаузенъ, Цюрихъ, Люцернъ, Базель, вообще посмотрѣть на Швейцарію, а ежели будетъ время, то заглянуть и на югъ Франціи. Я получилъ отъ нашихъ отпускъ на 16 дней, по истеченіи которыхъ долженъ вернуться назадъ въ Маріенбадъ и вмѣстѣ уже ѣхать въ Ахенъ, гдѣ, пробывъ недѣли двѣ, возвращусь назадъ къ вамъ.

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю путешествія этого, отчасти потому, что оно очень интересно, частью же оттого, что вздохну свободно послѣ столь долгой кабалы. Теперь болѣе чѣмъ когда либо понимаю всю прелесть свободы и во что бы то ни стало достигну желанной цѣли, живя съ товарищами послѣ выпуска, ежели только позволятъ финансы мои.

„До сихъ поръ отзывы мои о заграницѣ были только съ невыгодной стороны, но, судя строго и справедливо, не могу не отдать полной справедливости устройству жизни, людямъ, однимъ словомъ, всему передъ нашимъ отечествомъ. Еще теперь мы въ Австріи, которая рѣзкими чертами отдѣляется отъ остальной Европы. Какъ посмотришь на все это, подивишься нашему застою. Здѣсь все проще какъ то и потому гораздо счастливѣе, хоть бы, напримѣръ, въ настоящую минуту въ Маріенбадѣ, лордъ Dundcry съ женой; говорятъ, одинъ изъ первыхъ богачей Англіи. Онъ ведетъ себя такъ тихо и скромно, ни чѣмъ не отличаясь отъ толпы. Напротивъ того, русскіе, которыхъ здѣсь бездна (въ особенности же дамы), помѣшаны на бонтонѣ, важничаютъ страшно, знакомы только съ иностранцами и то съ немногими. Вслѣдствіе этого скучаютъ и носятъ съ собой ту хандру, которая теперь эпидемическая болѣзнь въ нашей сѣверной столицѣ. Изъ русскихъ дамъ здѣсь между прочими мать и сестра лицеиста Данзаса [2]). Особы эти отвратительны для меня. Mademoiselle

[1]) Александръ Густавовичъ Стефанъ окончилъ лицей въ 1856 г. и потомъ служилъ въ военномъ министерствѣ.

[2]) Борисъ Антоновичъ Данзасъ выпуска 1859 г. служилъ потомъ при посольствѣ въ Берлинѣ.

совершенная собачья старость. Безобразовъ [1]), будущій профессоръ лицея, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ фатовствомъ. Я, по свойственной дикости характара, рѣшительно ни съ кѣмъ не знакомъ, дни свои провожу въ прогулкахъ по горамъ, наслаждаюсь природой, горы (Erzgebirge) похожи на шлангенбадскія, но болѣе дики и мрачны. Книгъ здѣсь нѣтъ, кромѣ глупыхъ романовъ; папиросы не доставляютъ мнѣ большого удовольствія, частью потому, что Жернаковъ далъ мнѣ скверный табакъ, частью оттого, что здѣсь такъ сыро.

„Вотъ два дня, какъ у насъ страшная гроза, какой не запомнятъ маріенбадскіе старожилы. Каждый день хожу въ театръ. Недавно пѣли въ немъ пѣвцы, пріѣхавшіе изъ Беарніи; я познакомился съ ними, потому что восхищенъ былъ ихъ пѣніемъ. Они пѣли мнѣ *нѣкоторыя* изъ французскихъ пѣсенъ лицейскаго репертуара, которыя я самъ насвистываю цѣлый день. „*Слава*“ наша пройдетъ со мной по Европѣ: на многихъ столбахъ и бесѣдкахъ написалъ я любимую пѣснь нашу, и вездѣ буду дѣлать тоже [2]). Желаніе учиться нѣмецкому языку осталось только желаніемъ; впрочемъ, не моя вина, что здѣсь нѣтъ учителя. Занятія англійскимъ языкомъ также невозможны, вообще я ужасно облѣнился; трудно будетъ въ лицеѣ, особенно по возвращеніи, когда необходимо прилежнѣе взяться за дѣло [3]).

„Два листа пишу все о себѣ и не спросилъ еще, что подѣлываете вы, друзья и товарищи, живете ли все еще въ лицеѣ? Катаясь на лодкѣ, ѣздили ли 24 іюня на Крестовскій? Что твоя диссертація и головныя боли, NN? уѣхалъ ли Мудушка [4]) изъ Петербурга? А ты, Василій Никитичъ [5]), мой любезный, вспоминаешь ли обо мнѣ? Отложи ка лѣнь, да напиши подробно о вашемъ житьѣ. Бываетъ ли у васъ Гриша? [6]) Я часто и много думаю о немъ, передайте ему мой душевный поклонъ. Имѣетъ ли онъ извѣстія объ Ильѣ? [7]) Не сомнѣваясь въ томъ, что вы напишите мнѣ, попрошу адресовать въ Маріенбадъ, zum goldenen Falken, № 35 да пишите побольше и почаще. Крѣпко жму вамъ руки и остаюсь вашъ другъ и товарищъ

Лицеистъ *А. Серно-Соловьевичъ.*

„Поклонитесь отъ меня товарищамъ, въ особенности Висковатову, Долгово, Ж., Рихтеру [8]), С., Черкесову и Сабанскому. Послѣдній, вѣрно, въ лицеѣ. Со многими изъ нихъ вы въ перепискѣ; скажите, что я не пишу имъ потому, что вы центръ моей корреспонденціи, и отъ васъ, ежели интересуются, могутъ узнать обо мнѣ. Въ особенности *Тамарѣ* [9]) скажите, что всякій день вспоминаю его и восхищаюсь подвигомъ его. Сабурову и Жадов-

---

[1]) Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

[2]) Пѣсня того курса лицеистовъ, къ которому принадлежалъ А. С.-С.

[3]) Т. е. за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ.

[4]) Прозвище М. Н. Звѣрева.

[5]) Николаевъ.

[6]) Григорій Григорьевичъ Борщевъ, XIX лицейскаго курса, очень близкій къ семьѣ Серно-Соловьевичей; потомъ прясяжный повѣренный въ Саратовѣ.

[7]) Илья Григорьевичъ Борщевъ родной братъ Григорія, окончилъ лицей въ 1853 г. потомъ небезызвѣстный натуралистъ и профессоръ въ кіевскомъ университетѣ.

[8]) Андрей Александровичъ Рихтеръ, выпуска 1856 г., потомъ мировой посредникъ Калужской губ.

[9]) Прозвище Висковатова.

скому писалъ еще изъ Петербурга и отъ нихъ не имѣю извѣстій. Не знаете ли, гдѣ теперь Гревеницъ? Хотѣлось бы встрѣтить его за границей. Васъ то лично я не благодарилъ еще за участіе, которое вы оказали мнѣ во время мнимой болѣзни, при отъѣздѣ изъ Петербурга; то, что вы дѣлали, глубоко запечатлѣлось въ памяти моей. Напишите мнѣ, что знаете о другихъ товарищахъ. Бываешь ли въ Парголовѣ, Ш.? и не былъ ли недоволенъ букетомъ баронъ, здоровъ ли онъ? Хотѣлъ бы еще продолжить, но уже 3-й часъ, да и бумага пришла къ концу".

Осенью Александръ Александровичъ вернулся въ Петербургъ. Желая стѣснять себя возможно меньше, братья, Николай и Александръ, въ компаніи съ А. А. Черкесовымъ и Долгово-Сабуровымъ сняли себѣ по окончаніи лицея самостоятельную квартиру, довольно хорошо ее обставили, держали повара и еженедѣльно принимали товарищей. Собранія были очень оживленны... Это было время пробужденія русскаго общества послѣ тяжелаго сна при Николаѣ I... Бесѣды все больше и больше велись на политическія темы и злобы дня. Это, впрочемъ, не мѣшало и карточной игрѣ. Чтобы иллюстрировать тогдашнее настроеніе братьевъ, небезынтересно сообщить слѣдующій фактъ. Какъ то они были на именинахъ въ одномъ знакомомъ домѣ, за городомъ. Былъ нанятъ хоръ конногвардейцевъ. Случайно проѣхалъ мимо дачи Александръ II. Узнавъ, что онъ скоро вернется, Николай Серно-Соловьевичъ очень хлопоталъ, чтобы не пропустить его и во время сыграть «Боже, царя храни»... Въ этой же квартирѣ была окончательно средактирована извѣстная записка (см. стр. 173—174 IX книжки за прошлый годъ) Николая къ государю. Александръ Александровичъ настаивалъ на ея подачѣ и только его другъ Ш. былъ противъ этого. Николай подчинился вліянію брата.

Проживъ зиму и весну въ Петербургѣ, Александръ Александровичъ снова въ началѣ лѣта поѣхалъ за границу и оттуда написалъ своему другу одно письмо.

8.

1858 г. августъ.

„Наконецъ-то, и на моей улицѣ праздникъ, долгое ожиданіе вознаграждено: я получилъ ваши письма отъ 27 іюня. Хотя, по совѣсти, слѣдовало бы отвѣчать вамъ, но рѣшительно не имѣю времени,—скоро пускаюсь въ обратный путь и занятъ счетами и т. п. 3/15 сентября, во вторникъ, отправился я на любекскомъ пароходѣ и ежели не утону, то въ пятницу 6-го вечеромъ или въ субботу утромъ надѣюсь быть въ Петербургѣ. Какъ порадовало бы меня, еслибъ кто нибудь изъ васъ пріѣхалъ встрѣтить. О днѣ и часѣ прихода можно узнать въ почтамтѣ. Еще разъ спасибо вамъ за письма, до свиданія.

Не забывайте

А. Серно-Соловьевича.

„Поблагодари Гришу за его дружеское посланіе; нѣсколько разъ принимался писать ему, набрасывалъ двѣ-три строчки и не имѣлъ рѣшительно моральныхъ силъ продолжать.

„Не знаю, гдѣ находится Нюнька [1]); ежели въ Петербургѣ, сообщи ему о моемъ возвращеніи.

„Крѣпко цѣлую тебя, любезный N N; много придется поговорить намъ и я съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ помышляю объ этомъ времени.

„Пожалуйста, не сердись на меня.

„Гревеницъ всѣмъ очень кланяется".

Но въ Петербургъ онъ вернулся ненадолго. Въ концѣ ноября или началѣ декабря Серно-Соловьевичъ снова уѣзжаетъ и опять таки съ своими родными за границу, откуда въ теченіе первой половины 1859 г. присылаетъ своему другу девять писемъ, изъ которыхъ ясно уже и будущее юноши и его общественные идеалы.

9.

1859 г. 10—11 января. Берлинъ.
1858 г. 29—30 декабря.

„Первыя замиранія, раздиравшія душу при прощаніи со всѣмъ дорогимъ и милымъ, прошли, конечно, на время, чтобы снова явиться съ большей силой и ожесточеніемъ; успокоились на минуту, разломанные дорогой, члены моего тѣла, и я впервые могу отдать отчетъ всему тому, что происходило и происходитъ во мнѣ и кругомъ.

„Прежде всего нѣсколько словъ о путешествіи по Россіи. Оно запечатлѣно глубокими страданіями, каждый суставчикъ вопіетъ громко.

„Въ Лугѣ разстался я съ Митьковымъ и, утомленный нѣсколькими безсонными ночами, впечатлѣніями послѣднихъ дней, забылся и заснулъ. Долго спалъ я непробуднымъ сномъ, ничто не могло воззвать къ жизни, физика брала верхъ. Только ночью, когда колымага наша остановилась, пришелъ я въ себя и глазамъ представилась воликолѣпная картина: кондукторъ грѣетъ руки на спинѣ ямщика, ямщикъ вымѣщаетъ побои на лошадяхъ; лошади бьютъ копытами землю, не двигаясь съ мѣста; путешественники вылѣзли изъ экипажа и оглашаютъ воздухъ стенаніями... Вѣтеръ воетъ, кругомъ пусто, нигдѣ не видно человѣческаго слѣда. И съ этой самой минуты начались бѣдствія всѣхъ возможныхъ родовъ: дороги отвратительныя, нигдѣ нѣтъ чистой комнаты, нѣтъ свѣжаго куска хлѣба.

We are six. Моимъ собесѣдникомъ, по счастью, случился артиллерійскій полковникъ и бесѣда съ нимъ составляла единственную отраду въ этомъ безвыходномъ положеніи. Твои предчувствія не оправдались. Все располагало къ откровенному слову, и мы, кажется, вполнѣ поняли другъ друга. Затѣмъ архитекторъ, обрусѣлый нѣмецъ, отличавшійся своею нѣжностью къ сестрѣ, маленькому, отвратительному созданію, про которую онъ не иначе выражался, какъ: онѣ такъ нѣжны, такъ деликатны, онѣ не въ состояніи выдержать этотъ вояжъ; французъ-фабрикантъ, потѣшавшій публику площадными восклицаніями, и нѣмецъ—купеческій комиссіонеръ изъ Гамбурга, бѣлокурый юноша страструбадура. Впрочемъ, общество наше, несмотря на всю разнохарактерность, отличалось взаимными услугами и чрезвычайной предупредительностью.

---

[1]) Старшій братъ, Николай.

„Отъ Петербурга до Варшавы 1080 верстъ. Проѣхавъ 638, пересадили насъ въ сани попарно и повезли на перекладной. Такъ добрались мы до Ковна, гдѣ обѣщанъ былъ дилижансъ на колесахъ. Продержавъ въ этомъ грязномъ городѣ цѣлый день, дѣйствительно дали намъ только не карету, а чортъ знаетъ, что такое, и запихали туда, какъ свиней. Вездѣ щели, отовсюду дуетъ, окно разбито, ни стать, ни сѣсть, ни протянуть ногъ, ни сдѣлать малѣйшее движеніе. Послѣ 100 верстъ подобной ѣзды, рѣшились мы, наконецъ, съ полковникомъ взять простую телѣгу: болѣе не было возможности терпѣть, уже и такъ поплатился зубомъ, который выдернулъ сегодня.

„И все это могло быть устранено простымъ распоряженіемъ, приказаніемъ заготовить намъ по пути экипажи, а для этого стоило только узнать попечительному начальству почтоваго управленія, гдѣ кончается зимняя дорога. И мнѣ кажется, что это его прямая обязанность. Но къ чему? Между нами не было ни одного генерала, ни одного сколько нибудь достойнаго уваженія лица. Будьте благодарны и за то, что васъ не кинули посрединѣ дороги, не бросили на произволъ судьбы, на жертву всѣмъ мерзостямъ. И это уваженіе къ личности, къ праву человѣка!

„Французъ нашъ кричалъ: c'est un vol, но хитрый на выдумки нѣмецъ поддакивалъ и вторилъ ему; архитекторъ не смѣлъ очень громко высказывать своего мнѣнія. Я повторялъ: бѣдная, несчастная Россія!

„Какая то давящая грусть овладѣвала мной при видѣ этихъ широко раскинутыхъ полей, лѣсовъ и разбросанныхъ кое-гдѣ на далекомъ разстояніи хижинъ, занесенныхъ снѣгомъ. Я пользовался длинными часовыми остановками на станціяхъ и забѣгалъ въ деревни. Какая бѣдность, какая нравственная нищета. Бывалъ ли кто нибудь изъ васъ зимой въ деревнѣ? Я не бывалъ тамъ и лѣтомъ. И воображеніе невольно переносило меня къ *иному міру*, къ *другимъ людямъ*, невольно заглядывалъ я въ себя самого, въ свою собственную душу, въ нашу семью и спрашивалъ: близки ли, знакомы ли намъ вполнѣ подобныя страданія? И какъ то глухо отзывалось внутри.

„Сломя голову, не жалѣя ни денегъ, ни боковъ, летѣлъ я въ надеждѣ, если не въ тотъ же вечеръ, то на другое утро непремѣнно уѣхать куда нибудь, только скорѣе прочь. Но иначе вышло на дѣлѣ. Дня два продержали меня въ Варшавѣ, два утра обивалъ я пороги канцелярій, комиссій, таможенъ, экспедицій; 8 бумагъ было написано и переписано изъ-за 5 фунтовъ табаку, изъ-за 5 руб. сер., которые я предлагалъ заплатить при самомъ въѣздѣ въ городъ. И все это оттого, что этимъ людямъ хотѣлось получить денегъ, я даже видѣлъ на заставѣ движеніе руки и подмигиваніе глазъ одного изъ чиновниковъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаю. И что за личности, съ которыми пришлось имѣть дѣло! Съ какимъ убійственнымъ ехидствомъ, съ какимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ дѣлаютъ они всѣ эти мелкія придирки, способныя вывести изъ себя и возмутить самаго спокойнаго человѣка.

„Презрительной усмѣшкой отвѣчалъ я имъ и только, когда приходилъ домой, чувствовалъ, какъ слабѣлъ. Слезы навертывались на глазахъ, но онѣ не выливались, а только жгли, и разлившаяся желчь подступала къ горлу.

„Нѣтъ, мало посылаемыхъ проклятій, мало изливаемой ненависти, нужно воспитывать ядовитую злобу, лелѣять ее, довести до послѣднихъ предѣловъ пусть будетъ она не вспышками, медленно уничтожающими, а нормальнымъ состояніемъ. Пусть будетъ она девизомъ, вѣчнымъ знаменемъ, съ которымъ

нужно идти на борьбу, потому что невозможно никакое примиреніе тамъ, гдѣ не хотятъ его знать, гдѣ все окружающее напоминаетъ только о томъ, что ты грязь и ничтожество.

„Во имя всего святого, узами дружбы умоляю васъ, не будьте равнодушны къ общественнымъ итересамъ. Больше энергіи, больше жизни; иначе умрешь и сгніешь.

„Я ничего не видѣлъ въ Варшавѣ, да ничего и видѣть не хотѣлъ. Только вечеромъ, когда зажигались огни, выходилъ на улицу и что же: эти самые поляки, за часъ передъ тѣмъ, черезъ часъ послѣ того, готовые броситься въ страстныя объятія—съ зажженными свѣчами стоятъ передъ статуями святыхъ и молятся. Грустный фактъ и вотъ послѣдствія угнетенія: или апатія и равнодушіе или развратъ и мистицизмъ.

„Машина свистнула,—граница, еще разъ—Берлинъ, и я повторяю: „часъ отъ часу нелегче". Быть можетъ, и вы упрекнете меня въ вѣчномъ недовольствѣ; скажете, что по первымъ впечатлѣніямъ судить нельзя и что сужденія мои незрѣлы, что нужно пожить между людьми, чтобы произнести свой приговоръ, и пожить вообще больше для того, чтобы имѣть право судить. Пусть будетъ такъ и припишите это чему хотите: молодости, идеализму... но здѣсь душно и скверно. Та же тема, только измѣненныя варіаціи, немного заманчивѣе и лучше. И не забудьте, что эти люди въ своемъ высокомѣріи дошли почти до statu quo, развитіе ихъ едвали можетъ итти дальше, потому что всякая мысль, выходящая изъ глухо запаяннаго ихъ круга понятій, дика и непонятна имъ. Наши барскія и господскія удовольствія, пожалуй, еще глупѣе и пошлѣе, но, согласитесь сами, что въ кружкѣ пива, въ нѣсколькихъ часахъ безсловеснаго молчанія и безсмысленно вылупленныхъ глазъ есть что то страшно узкое и тупое. Вспомните наши споры, вспомните, какъ горячо защищалъ я чувство собственнаго достоинства трактирной прислуги, и теперь отрекаюсь, отрекаюсь вполнѣ отъ словъ своихъ. Вы, судившіе этихъ людей практически, вы были правы. Не только сапогъ съ ноги вашей, но что угодно за золотые. За деньги—все, безъ денегъ—ничего. Дайте деньги и вопреки всякаго желанья, вопреки всякихъ просьбъ, какъ это было со мной, васъ будутъ называть княземъ, графомъ, барономъ. Дайте денегъ, а потомъ приказывайте и дѣлайте все, все, что хотите. Впрочемъ, я дѣйствительно слишкомъ скоръ и по нѣсколькимъ личностямъ заключаю обо всѣхъ.

„Завтра хочу отправиться въ университетъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, найду что нибудь отличное, лучшее и болѣе утѣшительное. Можетъ быть, здѣсь придется поселиться, а это для меня въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Четыре мѣсяца займусь нѣмецкимъ языкомъ, накупилъ себѣ уже нѣсколько классическихъ книгъ, а въ Ахенѣ будетъ много свободнаго времени. Тяжело будетъ разстаться со всѣми и страшно трудно отдѣлаться отъ всего родного. Одиночество невыносимо, а для меня, можетъ быть болѣе, чѣмъ для кого нибудь. Но вѣдь мы, какъ соціалисты, должны смотрѣть впередъ и повторять: l'avenir est à nous. Впереди виднѣется берегъ, берегъ, правда, далекій. Развитіе—нужно оно намъ, при подымающихся вопросахъ, нужно оно для того, чтобы съ большимъ сознаніемъ принести себя въ жертву, ежели того потребуютъ обстоятельства; нужно оно намъ для самолюбія, для того, чтобы быть въ состояніи со временемъ кинуть перчатку людямъ, называющимъ это восторженностью воображенія, и съ большимъ правомъ сказать: смотрите, лѣта насъ не измѣнили, все тѣ же мы, все также горячо любимъ

людей, все также вѣримъ въ ихъ развитіе и мечты, надъ которыми вы смѣялись! Не однѣ иллюзіи, не одинъ бредъ больной головы!

„Главное—заглянуть строго и безпристрастно въ самого себя, создать цѣль и отъ нея не отступать. И тутъ вы можете помочь—это ваша обязанность и долгъ. Одному заглянуть въ себя страшно, хотя это то и нужно главнымъ образомъ. Первая задача—произнести надъ собою приговоръ. Печальная дѣйствительность лучше заманчивыхъ мечтаній, особенно, когда отъ нея зависитъ многое, ежели не все мое будущее. Будущее... Какъ много въ этомъ словѣ, сколько надеждъ, сколько вѣры.

„Но довольно, оставимъ пока всѣ эти большія и малыя цѣли, оставимъ ихъ,—впереди много времени. Мнѣ хочется поговорить еще немного сердцемъ, сладкими воспоминаніями, къ которымъ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться. Потолковать о близкомъ прошедшемъ, такъ высоко поднимавшимъ грудь и отъ чего и теперь, когда пишу эти строки, сердце бьется такъ сильно, такъ скоро... А какъ недавно, казалось мнѣ, что эти чувства утрачены уже навсегда, что кровь не можетъ больше броситься въ голову. И думалось мнѣ, что не сильна была натура, которая не только пошатнулась, но и надломилась при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Но тотъ же огонь вспыхиваетъ снова и пробѣгаетъ по жиламъ. И не отдамъ я его ни за что на свѣтѣ. За него все, всѣ лишенія и муки! Для насъ настала эпоха, всѣ мы стоимъ на перекресткѣ и не знаемъ, итти вправо или влѣво. Недугъ нашъ общъ: та же жажда дѣятельности, потребность вылиться въ извѣстную форму. До сихъ поръ мы жили только сердцемъ, и оно выработалось у насъ, струны его при малѣйшемъ прикосновеніи издаютъ звукъ. Теперь пора подумать о другомъ, время серьезнаго труда пришло. Больше работы надъ собой, больше сосредоточенности, больше анализа.

Вотъ вамъ, товарищи, мои желанія на новый годъ.

„Тебѣ Ш.. въ моемъ прошедшемъ принадлежитъ одна изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ страничекъ. Тебѣ ближе, чѣмъ кому нибудь, знакомы всѣ мои слабости, всѣ волновавшія меня страсти. Кто подавалъ мнѣ всегда руку помощи, кому не чужды и не дики мои сомнѣнія и надежды? Загляни въ нашу лицейскую жизнь, въ прошедшій послѣ выпуска годъ, и въ него то въ особенности. Съ тобой прочность нашихъ отношеній перешла, кажется, границу колебаній. Спасибо, задушевное спасибо и крѣпкое дружеское пожатіе!

„Насъ, Долгово и Черкесовъ, сама судьба сплотила тѣснѣе, вмѣстѣ прошли мы первые шаги въ жизни и вмѣстѣ встрѣтили первый рядъ томительныхъ и удушливыхъ дней, который пронесся надъ нашими головами. Разъѣхавшись, считалъ я домъ вашъ своимъ, вотъ почему разлука съ вами отзывается чувствительнѣе и больнѣе. Мы могли слѣдить другъ за другомъ и послѣ лицея и тутъ еще болѣе я оцѣнилъ васъ. Вы оба на отличной дорогѣ, но чувствами оставайтесь тѣ же и только больше работайте надъ собой. Сколько нѣжности выказали вы мнѣ и въ это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ! Спасибо, спасибо и вамъ за все, и тоже крѣпкое, братское пожатіе.

„Съ тобой, Гавриловъ, [1]) мы недавно обнялись. Долго не довѣрялъ ты

---

[1]) Михаилъ Ильичъ Гавриловъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи Ком. Министровъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ; умеръ въ 1901 г.

мнѣ, долго сомнѣвался—и это испытаніе служитъ вѣрнымъ залогомъ нашего соединенія. Тебѣ нужно одно: итти непреклонно тѣмъ же путемъ, ты первый изъ насъ сталъ трудиться. Тебѣ честь и слава. Позволь же и тебѣ послать мой горячій поцѣлуй.

„Кто будетъ писать Николаеву, Рихтеру, С. и другимъ изъ нашихъ, не находящихся въ Петербургѣ, всѣмъ передайте мое привѣтствіе.

„Прощайте, я уѣзжаю въ Ахенъ.

„Передай, пожалуйста, мой душевный поклонъ и поздравленіе въ особенности Лазаревымъ [1]), Люб. Ив. [2]), а черезъ Нюньку и Алек. Никол. Штакельбергъ, Трубниковой [3]), Тургеневой [4]), Вѣрѣ Васильевнѣ [5]), семейству барона, Гришѣ, Володѣ Митькову. Если увидишь—Петру Васильевичу, Строкину, Неварокомову, etc, etc. Когда уѣхалъ Нюнька и какъ ему писать? Въ какомъ положеніи дѣла дома? Гдѣ вы встрѣтили новый годъ?

„Еще разъ крѣпко цѣлую и тебя. Пиши мнѣ подробно обо всемъ, что интересуетъ меня, а ты это очень хорошо знаешь. Но напередъ всего сдѣлаемъ условіе не считаться письмами. Я по своему положенію долженъ писать очень многимъ, потому тебѣ и стыдно и грѣшно будетъ только отвѣчать. Ты знаешь, какъ мнѣ необходимъ разборъ самого себя, и ты долженъ непремѣнно помогать мнѣ въ этомъ.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Главное побольше политическихъ новостей“.

10.

1859 г. 10 января. Ахенъ.

N N, я прибѣгаю къ тебѣ съ просьбою, которая, знаю, будетъ стоить огромныхъ хлопотъ, но во что бы то ни стало исполни ее. Мнѣ необходимо 400 р. сер.—Зачѣмъ, не могу теперь сказать—послѣ все узнаешь. Дѣло очень важное и не касается меня одного, для многихъ оно должно всегда остаться тайной. Займи у какого нибудь ростовщика, дай ему вексель на свое имя, попроси кого нибудь поручиться. Я даю до 20 іюня 600 р. с., т. е. 200%. Въ крайнемъ случаѣ попроси нашихъ (только не всѣхъ) сдѣлать складчину. Конечно, нужно, сколько возможно, держать въ секретѣ.

„Деньги мнѣ необходимы къ 1 марта нашего стиля, но, пожалуйста дай скорѣй отвѣтъ, есть ли какая нибудь надежда Поговори съ Коковцевымъ [6]) у него есть акціи; пусть онъ продастъ мнѣ ихъ, я возвращу ему не только съ преміей, но отдамъ ту сумму, которую онѣ будутъ стоить въ іюнѣ. Ты знаешь, что 15 іюня получу я капиталъ свой и въ отдачѣ буду аккуратенъ. Если возможно, устрой съ Коковцевымъ это, потому что чѣмъ меньше будутъ знать,

[1]) Александръ Алексѣевичъ и Ирина Ивановна Лазаревы.

[2]) Сестра Лазаревой Любовь Ивановна Караулова.

[3]) Марія Васильевна Трубникова, урожденная Ивашева, дочь декабриста, человѣкъ очень замѣтный въ общественной работѣ шестидесятыхъ годовъ.

[4]) Ольга Борисовна Тургенева, впослѣдствіи Соковнина.

[5]) Родная сестра М. В. Трубниковой, впослѣдствіи вышедшая замужъ за А. А. Черкесова и нынѣ живущая съ мужемъ въ Херсонѣ.

[6]) Сергѣй Николаевичъ Коковцевъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи морского министерства.

чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ лучше. Извини меня за неделикатность, но и ты бы на моемъ мѣстѣ поступилъ также.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

А. Серно-Соловьевичъ.

P. S. Получилъ ли ты первое письмо? Я знаю одного господина, у котораго можно занять, это булочникъ Реккеръ, перейдя Измайловскій мостъ съ правой стороны, во второмъ домѣ Съ поручителемъ онъ дастъ, только не говори, что присланъ отъ меня. Еще разъ извини. Распечатываютъ ли мои письма?

11.

1859 г. 17/29 января. Суббота. Ахенъ [1]).

(Пиши, котораго числа получилъ).

„Воображаю себѣ, какъ удивила, какъ озадачила тебя записка, посланная въ письмѣ къ Гаврилову [2]). Нелегко было и мнѣ рѣшиться, но, повѣрь, только крайняя необходимость заставила обратиться къ вамъ, которые одни можете вывести меня изъ страшно непріятнаго и щекотливаго положенія. Мысль, что я какъ будто требую назадъ данныя въ займы деньги, долго убивала меня; хотя, конечно, нѣсколько рублей ни въ чемъ не помогли бы и ни на волосъ не улучшили моей тягостной позиціи. Вы, т. е. ты, вѣроятно, это очень хорошо понимаете. Свои люди—сочтемся: вотъ что утѣшало меня и извиняло нѣсколько неделикатную просьбу. Какъ приговора, ожидаю отвѣта. Деньги! деньги! сколько вы заставили меня переносить скорбныхъ минутъ, сколько разъ жестоко страдало изъ за васъ самолюбіе мое! Кто не испыталъ себя на этомъ оселкѣ, тому не достаетъ большой опытности. Впрочемъ, все это вздоръ, непростительная слабость характера, малодушіе, ничѣмъ неоправдываемое, Ставить существованіе свое въ зависимость благороднаго металла несовмѣстно съ свободой человѣка. Послѣ этого, пожалуй, и принципы и убѣжденія пойдутъ къ дьяволу. Это также одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые нужно обратить вниманіе. Надѣюсь, что для меня былъ послѣдній урокъ.

„Много ожидалъ я отъ настоящей поѣздки, съ самаго начала поколебался въ достиженіи чего либо, теперь снова просвѣчиваетъ лучъ надежды. Отчаяніе, вырвавшееся изъ груди, когда писалъ Долгово, было сильнымъ кризисомъ; нервы не совсѣмъ еще успокоились. Да и что-жъ тутъ удивительнаго: я слишкомъ горячія привязанности оставилъ въ Петербургѣ; немудрено, что сердце часто надрывается. Однако, чѣмъ глубже всматриваюсь въ себя чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе сознаю пользу заграничнаго путешествія. Вѣдь, вояжъ былъ предпринятъ не зря, для другихъ былъ онъ прогулкой, для меня имѣлъ или долженъ былъ имѣть болѣе серьезный смыслъ. Это совсѣмъ не значитъ, что вотъ уже все готово, маршъ въ дорогу; совсѣмъ нѣтъ; я далекъ отъ подобной мысли. Не начато, не рѣшено еще ничего, а только прибавилось больше спокойствія, несмотря на всю нелѣпость обстановки, которая во всякое другое время имѣла бы самыя мрачныя послѣдствія. Письмо твое

[1]) Въ верхнемъ лѣвомъ углу почтоваго листа вытисненъ дворянскій гербъ съ инициалами A. S. Александръ Александровичъ пишетъ около него: „корона не моя, а матери“.

[2]) Предыдущее письмо.

въ этомъ отношеніи не осталось безъ громаднаго значенія. Представь себѣ, увидя его помѣченнымъ *2-мъ января*, я такъ былъ доволенъ, какъ будто ничего болѣе и не хотѣлось (человѣкъ твой, вѣроятно, забылъ отнести его на почту, потому что въ нашемъ почтамтѣ поставленъ штемпель 9 января, да иначе не могъ бы объяснить себѣ, отчего оно шло 14 дней). Прочтя его, еще болѣе убѣдился, сколько добра могу вынести изъ нашей корреспонденціи. Непривычка класть свои мысли на бумагу, хотя и является большой помѣхой, тѣмъ не менѣе восполняетъ нѣкоторымъ образомъ совершенное отсутствіе въ людяхъ, съ которыми бы можно было перемолвить слово о томъ, о чемъ такъ хочется поговорить. Здѣсь меня никто не понимаетъ: ни свои, ни чужіе. Я, точно, очутился въ другомъ мірѣ, взаимныхъ интересовъ у насъ рѣшительно нѣтъ, не на комъ отдохнуть, не съ кѣмъ подѣлиться. Мнѣ же по преимуществу нуженъ обмѣнъ, нужны, если хочешь, сцена и зрители, тогда являются мысли; въ противномъ случаѣ остаюсь при двухъ—трехъ идеяхъ, далѣе которыхъ не двигаюсь ни съ мѣста. Причина этого заключается, полагаю, въ маломъ чтеніи дѣльныхъ книгъ, и въ безтолковомъ чтеніи прочитанныхъ.

„Вчера вечеромъ получилъ я, наконецъ, письмо твое,—сегодня берусь за перо. Тонъ твой какъ то особенно поразилъ меня, обрадовалъ той довѣренностью, той теплотой, которыми онъ дышетъ. Насъ разлука на довольно продолжительное время сведетъ еще крѣпче, мнѣ дастъ еще сильнѣе почувствовать ту нужду, которую имѣю въ себѣ. Не знаю, можетъ быть, нехорошо еще провѣрилъ себя, но, всетаки, кажется, что люблю тебя сильнѣе, чѣмъ кого либо. Болѣе того,—я съ полнымъ сознаніемъ, съ полной готовностью отвѣтить называю тебя другомъ. Не подумай, что тутъ скрывается arrière pensée, невысказанный упрекъ, нисколько. Не скрою, конечно, и того, что памятенъ будетъ тотъ день, въ который назовешь ты меня этимъ дорогимъ именемъ. Въ твоемъ письмѣ вижу вызовъ на болѣе серьезную переписку и съ полною готовностью откликаюсь на нее. Это мое самое искреннее желаніе. Все, что было говорено, писано, сбивается опять таки на общія мѣста. Сегодняшнимъ письмомъ хочу тебя познакомить съ моей обстановкой, а на всѣ слѣдующіе раза оставить интимную переписку, обмѣняться убѣжденіями, чувствами и сказать другъ другу, какъ ты выражаешься, sans mènagement, всю правду.

„Мы остановились на Берлинѣ. Послушать университетскія лекціи не удалось, потому что въ этотъ день онѣ были только въ медицинскомъ факультетѣ. Но есть сказать и о немъ кое что утѣшительное: это необыкновенно милый пріемъ, сдѣланный мнѣ нашимъ священникомъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Строкина. Къ несчастію, недолго могъ я бесѣдовать съ нимъ, но все, что было говорено, вѣяло нашими идеями. Послѣднія слова его были: „душевно сожалѣю, что въ настоящую минуту ничѣмъ быть вамъ полезнымъ не могу; пожалуйста, напишите мнѣ изъ-за границы, ежели будете имѣть хоть въ чемъ нибудь нужду“. Чистосердечность, съ которой это сказано было, глубоко тронула меня, и я не могъ не спросить его, покраснѣвъ до ушей, чему обязанъ. Вѣрнѣе сказать, просто хотѣлось узнать, что пишетъ про меня Строкинъ. Любопытство было удовлетворено только отчасти; письма онъ не показалъ, но на словахъ передалъ рекомендацію, которая превзошла всѣ ожиданія. Вотъ ужъ никогда бы не сказалъ, что А. Никол. [1]) подобнаго мнѣнія обо мнѣ. По-

---

[1]) Строкинъ.

жалуйста, передай Строкину огромную благодарность за лестный отзывъ, скажи ему однако, что это слишкомъ много.

„30 го вечеромъ сѣлъ въ вагонъ, провелъ всю ночь въ разговорахъ съ однимъ англійскимъ лордомъ, удивившимъ меня своей любезностью. Я не видѣлъ, какъ время шло,—такъ было интересно. Много спорили мы на счетъ Россіи, много разсказывалъ онъ про Англію, и мы разстались большими пріятелями. Прощаясь, лордъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ нѣсколько комплиментовъ нашему молодому поколѣнію; я отвѣчалъ тѣмъ же, говоря, что оно полно сочувствія къ Англіи. Меня удивляло, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ мои нападки, во многомъ конечно, очень невѣрныя, на англійскую аристократію и аристократизмъ вообще.

„31 декабря прибылъ въ Ахенъ, и со второго же дня образъ жизни принялъ такой однообразный ходъ, что достаточно описать одинъ день, для того, чтобы имѣть полное понятіе о томъ, что я дѣлаю. Въ 8 час. встаю; въ 9 приносятъ кофе и газеты; отъ 10—11½ ѣзжу верхомъ; по приходѣ домой сижу съ нашими, которыя въ это время пьютъ чай; отъ 1 до 2½ занимаюсь нѣмецкимъ языкомъ, перевожу или читаю что нибудь; послѣ обѣда читаю матери часовъ до 5; затѣмъ иду гулять, пью чай, послѣ котораго, глядя по обстановкѣ пишу, читаю или бесѣдую съ дамами. По субботамъ хожу вечеромъ въ собраніе работниковъ (фабричныхъ), которые отлично поютъ; тутъ иногда раздаются сильно демократическія рѣчи, нѣчто въ родѣ митинговъ, остающихся пока безъ послѣдствій. Съ 14 февраля начнутся здѣсь процессы и мнѣ заготовили уже одно изъ лучшихъ мѣстъ.

„Мать моя впала въ совершенный мистицизмъ; иначе и быть не могло. Тетка влюблена въ одного изъ католическихъ петеровъ. Общество заключается въ нѣсколькихъ духовныхъ, докторѣ и двухъ-трехъ нѣмецкихъ барышняхъ. Я постоянно удаляюсь къ себѣ при появленіи кого нибудь изъ чужихъ. Духовные здѣсь или очень умны, но страшные канальи, или набитые дураки. Есть одинъ порядочный молодой человѣкъ и у него беру уроки на нѣмецкомъ языкѣ. Отношенія съ матерью очень хороши; я по возможности стараюсь ломать себя и быть внимательнымъ, она очень деликатна и мила. Понятія наши еще болѣе отдалились; иногда бываютъ схватки изъ-за религіи, но кончаются всегда мирно. Ты знаешь, однако, что я никогда особенно не любилъ ее, иногда хочется возбудить въ себѣ это чувство, когда, строго критикуя, не можешь не воздать ей должнаго, просто заставляешь себя разнѣжиться; но нѣтъ, видно, ужъ тутъ ничего не закажешь. Въ моей головѣ теперь бродитъ планъ оставить ихъ совсѣмъ за границей. Онѣ съ восторгомъ приняли его, но главное препятствіе со стороны дѣда.

„*Пожалуйста, отнынѣ моихъ писемъ никому не показывай и о семействѣ вообще ничего никому не говори.*

„Въ началѣ марта я поѣду путешествовать на двѣ недѣли, но портрета не пришлю, потому что весной лучше его снять. Хотѣлось бы написать С., но время бѣжитъ безъ оглядки, не успѣваешь ничего сдѣлать. Если ты будешь писать ему, увѣдоми о моемъ мѣстопребываніи Когда они выѣзжаютъ изъ Ницы? Нельзя ли намъ назначить гдѣ нибудь rendez-vous? Узнай мнѣ, пожалуйста, все это и дай нѣсколько инструкцій относительно Е. А. [1]).

„Прости за отвратительное письмо, но я до многаго не хотѣлъ дотроги-

---

[1]) Сестра А. А. С.

ваться, желаю включить въ другой отдѣлъ. Отчего ты ни слова не говоришь о Николаевѣ? Что Гриша? Попроси его написать мнѣ нѣсколько строкъ. Путь избранный вами, очень хорошъ: не забудь, что я руку всѣхъ знаю.

„Поздравляю тебя съ мѣстомъ и окончаніемъ работы.

„Баронамъ и баронессамъ мой поклонъ, старуху поцѣлуй.

„*Незабудь узнать все о С—выхъ*, да поскорѣй.

„Долгово и всѣмъ нашимъ мой поцѣлуй. Нѣтъ ли чего новаго. Тебя не спрашивалъ ни о комъ, потому что когда думаю о себѣ, тогда думаю и о тебѣ; чего желаю себѣ, того желаю и тебѣ, потому что съ тобой неразлучно и тѣсно связано все свѣтлое, все хорошее, все милое мое.

„Кончаю отвратительное письмо мечтой, которую лелѣю съ 1 января. Вотъ въ чемъ она заключается: ежели осуществится мое переселеніе за границу, поѣдемъ вмѣстѣ. Выслушай меня безъ гримасъ. Мы будемъ работать для *будущаго*, для *Россіи*, слѣдовательно тутъ всякую деликатность въ сторону. Деньги у меня есть и за прожитіемъ, которое по справкамъ оказалось очень дешево, останется еще маленькій капиталъ. Наконецъ, ты мнѣ отдашь ихъ, когда заработаешь. Ежели не служба, а одна церемонія, то это меня глубоко оскорбитъ. Какъ бы это ни показалось тебѣ дико и странно сначала, подумай хорошенько, я требую *спора*. Не прошу этого во имя мое, но умоляю для общественной пользы. Во всякомъ случаѣ займись, т. е. начни читать нѣмецкія книги.

Цѣлую тебя. Твой другъ *А. Серно-Соловьевичъ.*

„Рекомендую тебѣ: Шиллера и исторію Гервинуса. Итакъ, до слѣдующаго раза. Пиши каждую недѣлю. Знаете, можно устроить колонію за границей, если залучить Черкесова и Гришу. Скажи нянюшкѣ С—выхъ, что я о ней часто вспоминаю. Спроси, забыла ли она меня? Пришли мнѣ образцикъ письма къ Гаугеру [1]), самаго офиціальнаго.

12.

1859 г. 12/24 февраля. Четвергъ.

„Вчера получилъ вексель и письмо къ Гаугеру. Крѣпко цѣлую за все. Передай это кому слѣдуетъ, напиши мой адресъ, а меня извѣсти тотчасъ, какъ отдашь. Скоро побесѣдуемъ съ тобой побольше, не сердись на меня за то, что медлю отвѣтомъ на два письма.

„Отчего всѣ письма доходятъ до меня черезъ двѣ недѣли, когда самый долгій срокъ восемь дней?

„Также напиши о подробностяхъ вашего свиданія“.

А. С.-С.

13.

1859 г. 17-го февраля. Вторникъ. Ахенъ. 4 часа ночи.
1-го марта.

„Ровно мѣсяцъ тому назадъ писалъ я тебѣ въ послѣдній разъ, драгоцѣнный Ш. Съ тѣхъ поръ получилъ отъ тебя два приложенія и ни на одно не отвѣчалъ. А между тѣмъ послѣ каждаго изъ нихъ первымъ порывомъ,

[1]) Помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ.

первымъ желаніемъ было броситься къ перу. Всякая почти строка задирала одну изъ самыхъ чувствительныхъ, самыхъ слабыхъ струнъ. Не правильнѣе ли будетъ сказать—изъ самыхъ сильныхъ? Зачѣмъ не поддавался я этому вѣянію? Выслушай мои оправданія.

1. Внутреннее безпокойство, томившее меня, не дававшее столько свободнаго времени, сколько нужно было для того, чтобы отвѣчать такъ, какъ хотѣлось. Причинъ такого состоянія очень много; я постараюсь коснуться до нихъ въ разныхъ мѣстахъ нашей бесѣды.

2. Цѣлая недѣля, проведенная въ ассизномъ судѣ (утромъ и вечеромъ)

3. Зубная боль, продолжавшаяся нѣсколько дней.

Но главной причиной долгаго молчанія была мысль окончить всю переписку, написать всѣ отвѣты, а затѣмъ уже посвятить тебѣ одному нѣсколько дней, дней, въ которые я выложилъ бы передъ тобой душу мою.

„И вотъ, когда всѣ препятствія отстранены, я чувствую себя до такой степени нездоровымъ, что не въ состояніи связать двухъ словъ. Третью ночь не смыкаю глазъ, лицо пожелтѣло, какъ лимонъ. Но, несмотря на это, моральныя силы свѣжи и никогда, никогда не было у меня столько энергіи въ душѣ, столько страстности стремленій. Дрожаніе руки напоминаетъ о лихорадочномъ положеніи, голова горитъ, но потребность писать сдѣлалась слишкомъ громадна.

„Всегда соглашусь, что у меня мало еще выработаннаго, мало завершеннаго, но отказать себѣ въ убѣжденіяхъ значило бы уничтожить все прошедшее, признать, что никогда не мыслилъ, не чувствовалъ. Но подобнаго приговора произнести нельзя, какъ бы пуста ни была жизнь моя до сихъ поръ, какъ бы строго не судили меня. Каждое столкновеніе, возникнувшій вопросъ, книги даютъ толчокъ влѣво или вправо, но главная тема должна оставаться и останется неизмѣнной, и если бы для того понадобилась жизнь моя, я и тогда бы не призадумался. Неужели же все, что было говорено,—пустыя фразы, громкія слова, всѣ дѣйствія безсознательныя или по вколоченной привычкѣ? Неужели нѣтъ той искры, которая бы произвела пожаръ? Ты знаешь почти все существованіе мое вдоль и поперекъ.

„Дѣтство мое—борьба съ семействомъ, съ существовавшимъ у насъ порядкомъ, рядъ наказаній, побѣговъ, запираній въ дворницкую, розогъ (объ одномъ изъ такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ я и теперь не могъ равнодушно вспомнить, хотя это было восемь лѣтъ тому назадъ). Могло ли это даромъ пройти, не оставивъ отпечатка на молодой душѣ. Та же мысль, то же чувство просвѣчиваютъ во всѣхъ поступкахъ, восходя мало-по-малу до совершеннаго сознанія ихъ.

„Лицейская жизнь—опять противодѣйствіе, опять сильныя ощущенія ненависти и симпатіи. Ежели я опустился послѣ выпуска, ежели не перенесъ прежнихъ стремленій, столкнувшись съ дѣйствительностью, зато и страдалъ я, зато и душило меня по временамъ. И вотъ отчего знакомство съ человѣкомъ, которому ты передалъ мое письмо [1]), имѣетъ громадное значеніе. Онъ указалъ мнѣ на необходимость серьезной работы, какъ на единственный выходъ изъ того состоянія, котораго послѣдствіями бѣлая горячка, или еще хуже нравственная смерть, апатія. Я не вѣрю въ будущій міръ, потому дѣятельность здѣсь составляетъ для меня вопросъ жизни и смерти. Стать на пьеде-

---

[1]) ?

сталъ и съ высоты величія наблюдать за всѣми треволненіями. не принимая въ нихъ участія, я также не въ состояніи, потому что слишкомъ люблю людей. слѣдовательно, и себя, слишкомъ горячъ отъ природы и перегорю. Людей, смотрящихъ съ холоднымъ безпристрастіемъ, никогда не увлекающихся, смѣющихся надъ внутренними страданіями, надъ неравномѣрнымъ біеніемъ сердца потому только, что онѣ имъ незнакомы—я всегда нетерпѣлъ. Сдѣлаться подобнымъ имъ также трудно, какъ превратиться въ католическаго монаха.

„Можетъ быть, это то же самое, что я писалъ тебѣ въ первомъ письмѣ, въ такомъ случаѣ извини за повтореніе.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Хотѣлъ поговорить о многомъ. Во всякомъ случаѣ можно заняться нѣм. яз. Будь здоровъ, цѣлую тебя крѣпко. Главное не дай лѣни овладать“.

14.

1859 г. 22 февраля. Воскресенье. 6 ч. веч.
7 марта.

„Припоминая сегодня писанное тебѣ во вторникъ, мнѣ пришла мысль просить тебя критиковать письма мои какъ можно строже и безпристрастнѣе. Мнѣ кажется, что я вдаюсь въ очень частыя повторенія. Но это бы еще ничего. Важнѣе то, что читающему ихъ можетъ броситься въ голову претензія на непонятую будто бы натуру и т. п., чего бы мнѣ очень нехотѣлось. Пожалуйста. прими это безъ всякой задней мысли, я говорю то, что думаю. Можетъ быть, на меня бы произвели подобное впечатлѣніе такія строки. Дѣйствительно, я все кричу о внутреннихъ страданіяхъ, о самопожертвованіи, ненависти. Гдѣ же право? на чемъ оно основано и не противорѣчу ли ежедневно тому, что проповѣдую съ такимъ озлобленіемъ? При томъ такая переписка будетъ полезна для насъ обоихъ, да и, по правдѣ сказать, мнѣ не совсѣмъ извѣстны твои теоріи, съ которыми бы хотѣлось познакомиться во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ.

Съ нашего выпуска меня постоянно преслѣдовало опасеніе, чтобъ ты не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Выраженіе это такъ неясно, имѣетъ столько значеній и мнѣ слышится вопросъ, что понимаю я подъ нимъ? Трудно хорошо отвѣтить. Конечно, я теперь не думаю, чтобъ пустыя приличія взяли надъ тобой верхъ—для этого ты слишкомъ уменъ; на короткое время, мгновенно—пожалуй. Меня мучитъ совсѣмъ другое. Я опасаюсь: 1). чтобъ ты не потерялъ полную чистоту, 2) за твои политическія убѣжденія. Опять двусмысленно. Вотъ что значитъ непривычка писать.

Подъ чистотою я понимаю неотступленіе ни въ чемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ отъ истины, т. е. отъ того, что принимаешь за правду. Другими словами, не дѣлать уступокъ quand même. Нѣсколько выше я дѣлаю то же обвиненіе самому себѣ, но у тебя гораздо больше искушеній. Вотъ къ достиженію этой то чистоты и нужно намъ стремиться, а свѣтскія условія и наклонности противоположны ей. Теперь, пока не приходится дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ, все наше поле въ мелочахъ, въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ, слѣдовательно, въ ожиданіи будущаго намъ нужно

бороться въ этихъ предѣлахъ. Тогда какъ гостиныя заставляютъ часто не только быть уклончивыми, но придавать значеніе такимъ людямъ и вещамъ, отъ которыхъ нужно бѣгать. Уступая въ ничтожностяхъ, дойдемъ мало-по-малу до уступки въ серьезномъ дѣлѣ. Этого я страшусь, зная, какъ одно извиненіе ведетъ за собой цѣлый рядъ. Впрочемъ, долженъ тебѣ сказать, что этого рода опасенія развились сознательнѣе только теперь; въ Петербургѣ они являлись болѣе со стороны формальностей. Въ особенности не могъ я переварить двухъ знакомствъ: Д—выхъ и Т. О первыхъ у насъ былъ разговоръ. Ты отвѣчалъ, что изучаешь людей. Позволь возразить на это, что обстоятельства, служба сталкиваютъ насъ достаточно съ такого рода людьми, для того, чтобы мы еще сами сближались съ ними. Наконецъ, при нашей незрѣлости, юности слѣдуетъ сначала окрѣпнуть, а пока нельзя безъ боязни ѣздить всюду. Это страшная самоувѣренность и вѣра въ свои силы. „Нѣтъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови“, а кто ручается, что ты не заразишься. Можетъ быть, нерѣдко, не имѣя положительныхъ доказательствъ, а только одно предчувствіе, нюхъ, ты невольно поддаешься противной сторонѣ, которая также бываетъ сильна. Недаромъ одинъ мой знакомый нѣмецъ повторяетъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ“: vieles hat seine zweiseiten.

„Насчетъ опасенія за политическія убѣжденія могу сказать только: боюсь, чтобы мы не разошлись, или правильнѣе боюсь, что ты не примешь крайнихъ, къ которымъ питаю все сочувствіе, имѣю склонность и буду обрабатывать.

„Затѣмъ рѣшительно не знаю, откуда ты взялъ, что я сержусь на тебя что между нами существуютъ недоразумѣнія (въ первомъ письмѣ). Все, что я могъ имѣть противъ тебя это то, что ты не останавливалъ моего дурного поведенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей, въ особенности съ моей нетерпимостью, которая поселила такую страшную вражду во многихъ изъ нихъ. Впрочемъ, не ты ли же одинъ указалъ мнѣ, какъ далеко это поведетъ. Къ несчастію, было уже поздно. Да будто возможно намъ примириться чистосердечно съ тѣми, на которыхъ намекаю? Мы идемъ по слишкомъ разнымъ дорогамъ и чѣмъ старше становимся, тѣмъ рѣзче проводится черта. Кто нибудь долженъ уступить, иначе отношенія будутъ вертѣться на дипломатіи и при первомъ представившемся случаѣ разлетятся въ дребезги.

„Въ какомъ положеніи нашъ товарищескій кружокъ?

„О перепечатываніи сомнѣваюсь.

„Извѣстія о Катковѣ привели меня въ восторгъ и въ бѣшенство. Въ послѣднемъ номерѣ отличный отвѣтъ на письмо русской дамы. Твое и вообще впечатлѣніе протеста на обвинительный актъ? [1]).

Сейчасъ получилъ великолѣпное посланіе отъ Нюньки: онъ сильно зрѣетъ. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. До тѣхъ поръ хотѣлъ бы многое сдѣлать: прочесть еще кое-что, поговорить съ тобой о многомъ, написать Черкесову, Гришѣ (обвинительное письмо), Нюнькѣ, не знаю успѣю ли.

(Съ нетерпѣніемъ жду подробностей вашего свиданія и знакомства).

Неизвѣстно ли чего нибудь тебѣ о предположеніяхъ Штакельберговъ на счетъ заграничной поѣздки (это былъ секретъ)? Ежели „задушевный поклонъ“ были подлинныя слова Алекс. Никол., [2]), скажи, что они глубоко тронули меня.

---

[1]) Рѣчь идетъ о герценовскомъ „Колоколѣ“, который читался Серно-Соловьевичемъ въ засосъ. „Отвѣтъ русской дамѣ“ напечатанъ въ № 36, отъ 15 февраля, а „Обвинительный актъ“ въ 29, отъ 1 декабря 1858 г.

[2]) Строкинъ.

„Передай всѣмъ товарищамъ и знакомымъ, которые помнятъ меня, что я обо всѣхъ думаю.

„Прощай, бѣгу, у насъ начинается карнавалъ, о которомъ вы не имѣете понятія. Крики, музыка, веселье на пропалую на улицѣ. Я въ отличномъ расположеніи духа, здоровье только швахъ. Пиши же въ Ахенъ, да почаще. Крѣпко цѣлую тебя.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Я думаю, что письма мои хоть отчасти должны доказать, что нисколько не сомнѣваюсь въ чувствахъ твоихъ ко мнѣ. Да и не имѣю права.

О благотворительности мало думаю, но что видѣлъ и узналъ, сообщу объ этомъ.

15.

1859 г. 1—13 марта. Воскресеніе. 10 час. веч.

„Чрезвычайно какъ порадовало меня твое желаніе заняться соціальнымъ вопросомъ, и потому съ поспѣшностью сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія объ Овенѣ.

У меня подъ рукой все книги подобнаго содержанія, на которыя съ жаромъ набросился (впрочемъ находящіяся въ моемъ владѣніи болѣе относятся до Германіи и Франціи). Еще разъ, однако, прошу тебя читать по преимуществу нѣмецкія сочиненія, потому что, съ своей стороны, не считаю дѣло наше оконченнымъ, до моего возвращенія и личнаго объясненія.

R. Owen родился въ 1771 г. въ Newton (графство Монгомери) отъ бѣдныхъ родителей. Первое поприще его было торговое. Скопивъ небольшое состояніе, онъ употребилъ его на ученіе. 30 лѣтъ женился онъ на дочери богатаго купца Даля (въ Манчестерѣ), который взялъ его, какъ главнаго ассосіе въ хлопчато-бумажную прядильню (New Lenark въ Шотландіи). Овенъ засталъ жителей этой деревни (основанной самимъ Далемъ) въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Своими трудами, примѣромъ, въ особенности же громаднымъ нравственымъ вліяніемъ преобразовалъ онъ въ 4 года всю деревню, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась примѣромъ по благосостоянію, честности и развитію обывателей. На свой счетъ основалъ онъ здѣсь школу для дѣтей. Ободренный успѣхомъ въ практической жизни, является Овенъ, какъ теоретикъ, въ 1812 г. Систему свою излагаетъ онъ въ первый разъ въ брошюрѣ „New views of society, or essays upon the formation of human character". Для истребленія бѣдствій и упадка общества, должны, по его мнѣнію, отношенія между людьми совершенно измѣниться, а для этого нужна другая система воспитанія. Принципъ, на который онъ опирается: неотвѣтственность человѣка относительно его положенія и поступковъ. Слѣдствіемъ этого не должно быть ни вознагражденія, ни наказанія, совершенное равенство въ правахъ и обязанностяхъ, уничтоженіе всякаго превосходства (образованія и капитала).

„Денежными средствами, брошюрами, митингами проводитъ Овенъ на дѣлѣ свои теоріи. Быстро росло число его приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ, и по подпискѣ была основана колонія въ Шотландіи. Съ 1816—18 призывалъ парламентъ Овена для составленія законовъ относительно фабричныхъ и народныхъ школъ. Къ этому же времени относится основаніе имъ училищъ для

маленькихъ дѣтей. Огромными суммами поддерживалъ онъ Белье и Ланкастера. Несмотря на весь энтузіазмъ народа и огромное количество послѣдователей, навлекъ Овенъ своими религіозными и политическими проповѣдями противодѣйствіе, особенно со стороны духовенства.

„Преслѣдуемый ругательствами и насмѣшками (послѣ смерти покровителя своего, принца Кентскаго), отправился Овенъ въ 1823 г. въ Соед. Штаты, гдѣ основалъ на свой счетъ общину (коммунистическую). Онъ купилъ колонію (New Harmony) въ штатѣ Индіана, съ 30 т. дес. пахотной земли и жилищами на 2 т. человѣкъ и призывалъ къ себѣ желающихъ работать. Капиталисты были устрашены коммунистическими правилами и потому къ нему стремились все бѣдные. Уже въ 1826 г. оказался страшный дефицитъ въ капиталахъ, а за нимъ пошли безпорядки. Тогда Овенъ вступаетъ въ переговоры съ Мексикою и колонизаціею въ Техасѣ, но они не сходятся въ условіяхъ. Въ 1827 г. возвращается Овенъ въ Англію для распространенія коммунизма. Раздавъ все оставшееся имущество дѣтямъ, онъ начинаетъ свое литературное поприще. Съ 1827—37 г. говорилъ онъ 1000 рѣчей, написалъ 500 адресовъ къ народу, 2000 журнальныхъ статей и сдѣлалъ 250 путешествій (2 во Францію). Изъ его сочиненій (которыя онъ написалъ въ формѣ трактатовъ) особенно замѣчательны: „Lectures on a new state of society“, „Essays on the formation of human character“, „Outline of the rational system“, наконецъ, главное — „The book of the new moral world“, въ которомъ онъ называетъ себя изобрѣтателемъ и основателемъ разумной и соціальной системы. Однако, въ эти годы не оставлялъ онъ и практической дѣятельности и съ своими учениками (овенитами) былъ душою рабочей общины, изъ которой выродился чартизмъ. Это и новое сочиненіе „National labour equitable exchange“ (въ которомъ онъ намекаетъ на уничтоженіе денегъ) навлекли на него опять гоненія. (Въ 1832 г. основываетъ банкъ, который лопнулъ). Въ 1834 г., когда рабочая община, требуя большой платы, прекращаетъ работу, является опять Овенъ представителемъ ея. Вскорѣ оставляетъ онъ Лондонъ и является въ Манчестеръ во главѣ Community friendly society“, которая извѣстна подъ именемъ „Association of all classes or all nations“. Въ 1840 г. лордъ Мельбурне доставляетъ ему аудіенцію Викторіи, противъ которой дѣйствуетъ Bischof Henry Phillpotts. Овенъ печатаетъ манифестъ, въ которомъ излагаетъ свою систему подтверждая каждый пунктъ свѣдѣніями изъ практики. Но съ этого времени онъ теряетъ расположеніе народа и въ 1847, какъ кандидатъ Marylebone, получаетъ онъ всего одинъ голосъ. Неудачи не сломали и не поколебали его вѣрованій, и въ 1850 г. издаетъ онъ новое изложеніе своихъ идей—„Revolution in the mind and pratice of the human race“. Овенъ умеръ въ концѣ прошлаго года (1858). Смотри въ некрологѣ „Nord“, есть замѣчательный анекдотъ, помнится мнѣ, что я читалъ его передъ самымъ отъѣздомъ. Прочти его, кажется, впрочемъ, что это въ томъ же номерѣ, въ которомъ помѣщено описаніе суда надъ Монталамберомъ (свѣдѣнія переведены изъ „Real-Encyclopedie“).

„По части судопроизводства не могу дать отвѣта. Мой знаменитый адвокатъ уѣхалъ въ Берлинъ, а на книгопродавца не могу положиться. Хотѣлось бы раздвинуть шире письмо, сообщить кое-что о благотворительности, но кончаю.

„Моя комната отдѣляется узкимъ проходомъ отъ спальной нашей хозяйки, которая рожаетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Крики и стоны какъ то раздражаютъ и къ тому же наши безпрестанно приходятъ отъ нея ко мнѣ.

„Я все въ томъ же отличномъ настроеніи духа. Цѣлые дни провожу за чтеніемъ; оставилъ прогулки, ѣзду и чувствую себя довольнымъ въ этомъ затворничествѣ. Нужно отдать также полную справедливость матери: она чрезвычайно деликатна со мной, почти совсѣмъ не стѣсняетъ моей свободы, такъ что я хозяинъ располагать часы, какъ угодно. Кромѣ того она мнѣ подарила много книгъ, конечно, по моему выбору. Я также принялся за англійское чтеніе, посвящаю ему два часа въ день. Сначала было ужасно трудно, чуть ни каждое слово приходилось отыскивать въ лексиконѣ. Теперь становится легче. Нѣм. языкъ (на счетъ книгъ) идетъ довольно успѣшно. Скажи, пожалуйста что у насъ говорятъ о войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ страшная. Неужели насъ втянутъ? успѣютъ отвлечь вниманіе отъ домашнихъ дѣлъ? Я слѣжу за политикой, благодаря доктору введенъ членомъ одного общества и пользуюсь даромъ всѣми газетами. Но всѣ онѣ мало касаются Россіи, „Nord“ только посылаетъ хвалебные гимны Наполеону. Правда ли? „Nord“ опять печатаетъ слухъ о назначеніи Ростовцева министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ужасно, если правда.

„Потрудись отослать письмо это по адресу, взявъ въ почтамтѣ росписку для большей вѣрности. Получилъ ли ты письмо съ письмомъ? Я начинаю безпокоиться доходятъ ли до тебя мои письма. Я писалъ тебѣ съ записочками 30 декабря, 10, 17 января, 11, 12, 17, 22 февраля.

„Я писалъ Володѣ, чтобы онъ отправился къ Лазаревымъ и спросилъ отъ моего имени, не нужно ли имъ что нибудь изъ заграницы купить; я съ радостью исполню всякую комиссію. Это, можетъ быть, покажется очень страннымъ. Объясни И. И., что я выдумалъ этотъ предлогъ для того, чтобъ доставить случай Володѣ побывать у нихъ—онъ мнѣ пишетъ письма полныя отчаянія; дѣйствительно, ему тоска невыносимая. Я надѣюсь, что И. И. не будетъ въ претензіи.

„Давай же мнѣ въ самомъ дѣлѣ знать о себѣ почаще. Твой какъ и всегда

А. Серно-Соловьевичъ.

„Ты мнѣ не пишешь, проходятъ ли мои письма черезъ цензуру. Нѣтъ ли радостныхъ новостей? Недавно вышла въ Лейпцигѣ маленькая книга. Не знаю, что за произведеніе. Мнѣ ее только что прислали: — „Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ посредство ликвидаціонныхъ уѣздныхъ конторъ“ князя Львова. Въ какомъ настроеніи Черкесовъ? Сообщилъ ли ты ему мой планъ?

16.

1859 г. 20 апрѣля. Четвергъ. Ахенъ.

„Наконецъ то, могу я исполнить твое давнишнее желаніе: послать портретъ мой, отличный по работѣ и столь же хорошій по сходству. Такъ говорятъ всѣ, которые его видѣли. Первый вполнѣ удавшійся снимокъ моего изображенія. Кому же отдать его, какъ не тому, котораго я не переставалъ любитъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, любилъ неровно, то бурно, то тихо, порою бѣшено, порою нѣжно, но всегда тепло, всегда глубоко. Въ моихъ отношеніяхъ къ тебѣ отразилась всего ярче сгорающая, несчастная натура, быстро переходящая отъ страсти къ ненависти, отъ броженія къ покою, отъ

самой возбужденной энергіи къ самой ужасной апатіи. Сильно боролся я съ собой въ эти затворническіе дни, многое старался перешибить, сломить, а на повѣрку выходитъ, что все тотъ же. Ни горячая слеза вѣры въ людей, ни горечь отчаянія не исправили неисправимой головы. Съ тобой дѣлилъ я всѣ темныя и свѣтлыя минуты души, какъ будто ты былъ тутъ и слушалъ меня, какъ будто мы жили вмѣстѣ. Помнишь ли наши ночныя прогулки, наши бесѣды на набережной. Какой свѣжестью, какой силой,какимъ здоровьемъ дышетъ отъ нихъ. Ты прикрѣпленъ какими то желѣзными нитками ко мнѣ и оттого оторвать тебя значитъ вырвать половину сердца, половину самого себя.

Твой старый другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

17.

1859 г. 12 мая. Вторникъ.

„Три недѣли страдаю я головой и едва въ состояніи сегодня набросать тебѣ нѣсколько строкъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ порученіе, которое, пожалуйста, исполни немедленно и въ точности:

„1. Сходи къ К., узнай въ какой день, какого числа онъ ѣдетъ за границу и какъ: моремъ ли черезъ Штетинъ, Любекъ, Ростокъ или сухимъ путемъ черезъ Варшаву или Кенигсбергъ? Узнавъ у него объ этомъ, отправишься на почту и спросишь, когда предполагается пароходу или каретѣ достичь одного изъ вышеупомянутыхъ городовъ. Володя писалъ, что онъ выѣзжаетъ 21 мая, но куда и вѣрно ли это? Будь такъ добръ, дай знать *непремѣнно* телеграфомъ, письмо не дойдетъ такъ скоро, чтобъ я могъ встрѣтить его, а мнѣ необходимо переговорить съ нимъ. Деньги получишь тотчасъ по возвращеніи моемъ, въ депешѣ напишешь глухо.

„2. Поздравь Долгово съ именинами, не могу самъ этого сдѣлать по вышеуказанной причинѣ.

„3. Сколько разъ принимался я благодарить Черкесова и вмѣстѣ перетолковать съ нимъ длиннымъ письмомъ.

„4. С. спасибо за его письмо, на которое хотѣлось бы отвѣчать, но въ мозгу страшная революція. С—вымъ нижайшій поклонъ.

„5. Передъ Штакельбергами я такъ виноватъ,—не знаю, какъ являюсь къ нимъ, вѣдь я даже не благодарилъ его за шубу, безъ которой бы пропалъ. Ему и ей дружескій и душевный chak-hands.

„6. Барона поздравь съ 12 маемъ.

„7. Кланяйся Трубниковымъ.

„8. Порученіе Висковатова исполню; никто ничего не выигралъ; Володю я просилъ подождать до моего возвращенія.

„9. Тѣмъ, которые забыли меня, напоминаю о своемъ существованіи.

„Мать остается за границей, я возвращаюсь въ самомъ скоромъ времени, жду только отвѣта отъ Н., [1]) который долженъ быть на дняхъ, и возможности видѣться съ К. Послѣднее много зависитъ отъ твоей аккуратности, а на нее я разсчитываю на этотъ разъ.

„Итакъ, къ 1 іюня нашего стиля я надѣюсь быть въ Петербургѣ.

Твой

А. Серно-Соловьевичъ.

---

[1]) Братъ Николай.

Это было послѣднее письмо. Вслѣдъ затѣмъ Серно-Соловьевичъ вернулся въ Россію и вступилъ на поприще общественной дѣятельности, совершенно не желая отдаваться государственной службѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его работѣ. Поневолѣ приходится ограничиться такимъ глухимъ или вѣрнѣе неопредѣленнымъ указаніемъ, которое дѣлается въ некрологѣ «Народнаго Дѣла». Возвратившись изъ-за границы, оба брата, Николай и Александръ, который, между прочимъ, имѣлъ значительное вліяніе на старшаго брата и который звалъ его на прямое дѣло, оба они стали въ передовые ряды революціонныхъ организаторовъ, время для которыхъ наступило съ лѣта 1861 года, съ появленія «Великорусса». Съ этого времени Николай и Александръ ни минуты не покидаютъ революціоннаго дѣла. Во время осенней студентской исторіи въ Петербургѣ, когда 400 человѣкъ брошено было въ Кронштадскую и Петропавловскую крѣпости, и когда Шуваловы, Паткули, Игнатьевы и Панины наровили сдать студентскую молодежь въ солдаты и арестантскія роты, на Кавказъ и въ Сибирь, общественная агитація заставила отцовъ отечества остепениться и задержать свою жажду крови. Въ этой агитаціи оба брата играли значительную роль и готовы были итти до крайнихъ мѣръ, полагая, что при дальнѣйшихъ насиліяхъ правительства и при поддержкѣ, которую тогда готовы были оказать молодежи нѣкоторые элементы низшихъ слоевъ, можно будетъ повести общество на энергическую оппозицію правительственнымъ мѣрамъ» [1]).

Съ другомъ Ш. и товарищами Александръ Александровичъ былъ уже, въ сущности, не такъ близокъ. Разница ихъ политическихъ убѣжденій дѣлалась все яснѣй и яснѣй. На празднованіи лицейской годовщины 19 октября 1860 г. Серно-Соловьевичъ предложилъ исключить изъ круга товарищей троихъ, ведшихъ вполнѣ свѣтскую, разсѣянную жизнь. Остальные возстали противъ такой мѣры... Это было первое проявленіе отсутствія солидарности... Затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1861 г. г. Ш., въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, гуляя на островахъ, убѣждалъ Серно-Соловьевича вступить на путь открытой общественной работы, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе... Наконецъ, въ январѣ 1862 г. Александръ Александровичъ явился къ нему съ предложеніемъ сдѣлать какое нибудь пожертвованіе въ пользу польскихъ повстанцевъ и получилъ отказъ... Отношенія ихъ окончательно испортились...

Весной 1862 г. Александръ Александровичъ уѣхалъ за границу, чтобы выдержать полный курсъ крайне необходимаго ему лѣченія. Пользовавшіе его доктора настоятельно требовали этого. И только благодаря отъѣзду, онъ не былъ арестованъ вмѣстѣ съ братомъ въ іюлѣ. III Отдѣленіе съ нетерпѣніемъ поджидало его возвращенія въ Россію, но Серно-Соловьевичъ навсегда остался за границей въ качествѣ государственнаго преступника [2]).

---

[1]) „Народное Дѣло“ 1869 г. №№ 7, 8, 9 и 10, стр. 106—107.

[2]) Разсказы о томъ, что Александру Александровичу удалось уѣхать только благодаря своевременному предупрежденію о возможности ареста, ровно ни на чемъ не основаны.

Что дѣлалъ вначалѣ за границей въ Лондонѣ Александръ Александровичъ? Для отвѣта и на этотъ вопросъ тоже пока имѣется очень мало данныхъ.

Извѣстно, что онъ велъ дѣятельную жизнь вмѣстѣ съ одновременно съ нимъ пріѣхавшими изъ Россіи Николаемъ Утинымъ и Николаемъ Жуковскимъ, что велъ съ Герценомъ какіе то переговоры— вотъ и все. Судя по показанію г. Огаревой-Тучковой, Герценъ былъ къ нему очень расположенъ и, въ свою очередь, пользовался тѣмъ же отъ Серно-Соловьевича.

Разумѣется, двухгодичное заключеніе въ крѣпости брата Николая не прошло безслѣдно. Слабое здоровье Александра сильно разстраивалось, благодаря постоянной мысли о горячо любимомъ петербургскомъ узникѣ. Не мало доставляло горечи и заключеніе Чернышевскаго, къ которому Александръ Александровичъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и просто благоговѣніемъ. По справедливому указанію «Народнаго Дѣла» «еще мучительнѣе становилось положеніе Александра Серно-Соловьевича вдали, изолированное отъ мѣста дѣйствія, когда вслѣдъ за погромомъ 1862 г. уцѣлѣвшіе и новые борцы не захотѣли предательски бросить дѣла, поднятаго старшими братьями и стали сплачивать революціонныя силы молодой Россіи, не взирая ни на какія преслѣдованія правительства, только болѣе вызывавшія энергію и охоту борьбы. Пораженіе польскаго возстанія рядомъ съ пораженіемъ революціонной организаціи въ Россіи тѣмъ болѣе потрясло Соловьевича, что какъ въ той, такъ и въ другой организаціи было много товарищей его и многіе друзья его, польскіе и русскіе, дрались отважно и смѣло съ петербургскимъ императорствомъ въ Польшѣ»...

Дѣятельная натура Александра Александровича не могла допустить отсутствія организованности той массы эмигрантской молодежи, которая хлынула въ 1863 году изъ Россіи и царства Польскаго. Онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ созданіи въ Женевѣ, куда потомъ переѣхалъ, тѣснаго круга, который своею готовностью и положеніемъ могъ бы служить постояннымъ резервомъ пропагандистовъ въ Россіи. На этомъ пути было не мало треній и непріятностей, на немъ же пришлось въ концѣ концовъ порвать со старой эмиграціей, не признававшей открытой революціонной борьбы... Разрывъ этотъ вотъ—вотъ приближался...

1 мая 1866 г. Герценъ такъ отозвался о покушеніи Каракозова: «Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, *которую на себя бралъ какой то фанатикъ*. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ —первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами» [1]).

Молодая эмиграція не могла не осудить эту выходку... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ началѣ 1867 г., Герценъ писалъ статью «Порядокъ торжествуетъ», въ которой умалилъ значеніе Чернышев-

---

[1]) „Колоколъ", № 219.

скаго, бывшаго въ то время нравственной опорой и соціалистической и революціонной пропаганды.

Александръ Серно-Соловьевичъ не выдержалъ и разразился очень рѣзкимъ памфлетомъ по адресу главы старой эмиграціи. Это была напечатанная въ Вѣнѣ (1867 г.) брошюра: «*Наши домашнія дѣла. Отвѣтъ г. Герцену на статью «Порядокъ торжествуетъ»*. Сами друзья автора соглашаются, что въ нее напрасно внесенъ тонъ личной насмѣшки и поясненія домашняго характера. Нельзя также не замѣтить, что въ пылу полемики авторъ перешелъ границы, которыя слѣдовало бы, пожалуй, соблюсти именно въ отношеніи Герцена. Но такъ или иначе, брошюра теперь историческій фактъ и, какъ таковой, требуетъ ознакомленія съ нею читателя. Съ этою цѣлью я приведу все наиболѣе замѣчательное.

„Молодое поколѣніе поняло васъ—писалъ Серно-Соловьевичъ—и, понявъ васъ, отвернулось съ отвращеніемъ, а вы все еще мечтаете, что направляете его“ (стр. 5). „Вы поэтъ, художникъ, артистъ, разказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическій дѣятель и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученія“ (6). „Нѣтъ, г. основатель русскаго соціализма, молодое поколѣніе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ,—этихъ строкъ вы не выскоблите ничѣмъ“ (10). Далѣе Серно-Соловьевичъ бросаетъ Герцену очень тяжелый упрекъ, будто онъ позволилъ себѣ „издѣваться, съ обычнымъ остроуміемъ, надъ русскими офицерами, участвовавшими въ возстаніи (въ августѣ 66 года, при мнѣ, на pont des Bergnes) и кричать на Corraterie, въ Женевѣ, à qui veut l'entendre, что пора перестать деликатничать съ поляками, пора высказать имъ все правду. Исторія видите ли, въ томъ, что вы, не понимая того, что дѣлается кругомъ васъ, не понимая, что не польскія дѣла, а отсутствіе въ васъ внутренняго содержанія, заставило публику отвернуться отъ васъ, приписали паденіе „Колокола“ своимъ симпатіямъ къ полякамъ, которыми, разумѣется, тотчасъ и пожертвовали, когда вопросъ коснулся самолюбія“ (11—12). „Знаете ли, какъ вашъ „братъ и другъ Потебня“ отзывался мнѣ о васъ, когда мы однажды въ Лондонѣ, уже въ послѣднюю его поѣздку въ Англію, выходили вмѣстѣ отъ васъ. Онъ съ озлобленіемъ говорилъ мнѣ о васъ, о вашихъ отношеніяхъ къ офицерскому обществу и въ заключеніе сказалъ: „Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ“ (13).

Затѣмъ, сказавъ о наплывѣ изъ Россіи и Польши въ Женеву и Лондонъ молодежи, Серно Соловьевичъ продолжалъ: «Когда эти юноши съ святыми ранами, о которыхъ вы проливали слезы, сдѣлались вдругъ эмигрантами и спасаясь въ Швейцаріи отъ каторги и висѣлицы, ободранные и голодные обратились къ вамъ—вождю, милліонеру и неисправимому соціалисту, обратились не съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ, а съ предложеніемъ общей работы, вы отвернулись и съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчали: «Что это за эмиграція? Я не признаю эмиграціи! Не надо эмиграціи!» «Въ то время, какъ вы, неисправимый соціалистъ, распивали въ своемъ буасьеровскомъ дворцѣ шампанское за соціальную пропаганду и вспрыскивали русскій соціализмъ, около васъ русскіе эмигранты не обѣдали по недѣлямъ» (19—20).

Наконецъ, Серно-Соловьевичъ отвѣчаетъ на фразу Герцена о

томъ, что они съ Чернышевскимъ не только не представляли антагонизма, но служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.

„Вы дополняли Чернышевскаго! Нѣтъ, г. Герценъ, теперь ужъ поздно прятаться за Чернышевскаго. Troppo tardi, удобное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга. Вы представители двухъ враждебныхъ натуръ, не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ— отъ міросозерцанія до отношеній къ самимъ себѣ и къ людямъ, отъ общихъ вопросовъ до мельчайшихъ проявленія частной жизни. Чернышевскій человѣкъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы спеціалистъ по энтузіазму. Чернышевскій человѣкъ науки, популяризовавшій всѣ послѣдніе выводы ея,—между вами и наукою столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободой. Чернышевскій человѣкъ объективной истины— вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ. Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли,—вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути. Чернышевскій училъ: не вѣрьте ни одному правительству, хотя бы оно состояло изъ ангеловъ, и въ тотъ день, когда я сдѣлался бы правительствомъ, перестаньте вѣрить мнѣ,— вы умилялись передъ идейкой земскаго царя и воскликнули: „побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Чернышевскій ненавидѣлъ декораціи, роли, громкія фразы,— вы олицетвореніе эффекта, театральныхъ подмостокъ, крика. Чернышевскій злобно преслѣдовалъ всякое обожаніе,—вы, какъ институтка, все обожаете, кого нибудь, вы молитесь сами себѣ, вы ненавидите того, кто умилительно не смотритъ вамъ въ глаза, кто не исторгаетъ слезъ восторга, слушая, какъ вы читаете собственныя произведенія. Чернышевскій говорилъ: „и сойдутъ *эти* (понимаете?) люди со сцены гордые, но скромные, суровые но добрые, какъ всегда; они сдѣлали свое дѣло, люди получили отъ нихъ пользу, съ нихъ и этого довольно“,—вы чеканите медали съ своимъ портретомъ и формально требуете себѣ исторической благодарности. Чернышевскій со скромностью всѣхъ великихъ людей признавалъ умственное превосходство надъ собой юноши Добролюбова,—вы со скромностью, свойственной вамъ, заявляете себя основателемъ школы. Чернышевскому идеаломъ была истина,—ваши идеалы смѣняются по настроенію духа: сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣзавтра Викторъ Гюго, самъ Викторъ Гюго! Чернышевскій, этотъ холодный недоступный Чернышевскій радовался, какъ ребенокъ, всякому проявленію жизни въ Россіи, всякому поступку, выражавшему сознаніе, энергію,—вы до того только поэтъ свободы, что васъ поразилъ и грубо оскорбилъ даже свободный языкъ молодой эмиграціи, и вы совсѣмъ растерялись, найдя въ Женевѣ не толпу хамовъ и обожателей, а свободныхъ людей, говорящихъ съ вами такимъ же языкомъ, какъ со всѣми, и примѣнявшихъ къ вамъ тотъ же критерій, что и ко всѣмъ смертнымъ. Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу, онъ воспитывалъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей,—гдѣ ваши послѣдователи, не знаю. Въ чемъ же, г. Герценъ, дополняли вы Чернышевскаго? (25—28)“.

Этимъ памфлетомъ молодая эмиграція порвала со старой... Разумѣется, здѣсь не мѣсто разбирать, кто и въ какой мѣрѣ изъ нихъ былъ правъ и виноватъ. Для этого даже нѣтъ еще и достаточнаго числа неоспоримыхъ данныхъ...

Помимо посильнаго участія въ русской революціонной дѣятельности, Серно-Соловьевичъ не мало потрудился въ Интернаціоналѣ и при томъ въ самое трудное время его нарожденія. «Когда онъ былъ нуженъ на трибунѣ, онъ являлся на нее, и не разъ общее собраніе всѣхъ секцій звало его въ президенты собранія. Но гораздо важнѣе, чѣмъ на трибунѣ, была его дѣятельность въ кружкахъ рабочихъ, въ личныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними: тамъ, гдѣ онъ могъ что либо заимствовать для выясненія основныхъ началъ и практическаго пути дѣйствій, тамъ онъ слушалъ жадно и являлся ученикомъ; тамъ же, гдѣ онъ могъ дать что либо отъ своего знанія и изученія, которое столь цѣнятъ работники, неимѣющіе достаточно ни времени, ни средствъ для самостоятельнаго знанія, тамъ онъ обращался въ искренняго, добросовѣстнаго учителя и будилъ сознаніе въ уснувшихъ, или еще не пробужденныхъ, и вселялъ смѣлость въ робкихъ, и звалъ къ единству разрозненныхъ, и всѣ научились понимать его, всѣ его любили, всѣ его уважали въ Интернаціоналѣ. Ему принадлежитъ заслуга въ томъ, что своей безкорыстною преданностью онъ сдѣлалъ то, что Интернаціоналы встрѣчаютъ радушно и привѣтливо своихъ русскихъ братьевъ,—братьевъ по одному и тому же дѣлу общаго всенароднаго освобожденія, во имя однихъ и тѣхъ же началъ новой народной жизни!» [1]).

Извѣстный изслѣдователь исторіи Интернаціонала—Іеккъ говоритъ: «Серно-Соловьевичъ въ Женевѣ оказалъ очень большія услуги дѣлу рабочихъ».

И дѣлая дѣло Интернаціонала, Серно-Соловьевичъ не переставалъ думать о своей несчастной родинѣ. Онъ иногда говорилъ: «меня мучитъ, что я не иду въ Россію мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое единичное мщеніе было бы недостаточно и безсильно; работая здѣсь въ общемъ дѣлѣ, мы отомстимъ всему этому проклятому порядку повсюду, повсемѣстно»...

Но болѣзнь замѣтно подтачивала жизнь этого человѣка. Кромѣ того, не мало повліяло на здоровье и то нервное состояніе, въ которомъ Серно-Соловьевичъ находился, благодаря любимой имъ женщинѣ, назвать которую мы пока не считаемъ себя въ правѣ, хотя въ литературѣ это почти уже сдѣлано въ весьма прозрачныхъ иниціалахъ.

«Постоянно сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во всю разбили наконецъ сильный организмъ, и Серно-Соловьевичъ сошелъ съ ума—говоритъ Шелгуновъ... Въ началѣ болѣзнь перемежалась со свѣтлыми промежутками и когда свѣтлый промежутокъ приходилъ къ концу и наступалъ приступъ болѣзни, Серно-Соловьевичемъ овладѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго Серно-Соловьевича, потому что онъ просилъ доктора заведенія, въ которомъ лѣчился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда Александръ Александро-

---

[1]) „Народное Дѣло", стр. 111—112.

вичъ поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая несчастная жизнь» [1]).

Это произошло 4—16 августа 1869 г. въ Женевѣ.

Въ заключеніе приведу буквальный переводъ статьи «Освященіе памятника Серно», напечатанной въ „L'É'galite" 1 января 1870 г. [2]).

„Въ воскресеніе 27 декабря, въ Женевѣ, на кладбищѣ Пленпале (Plainpalais) происходило освященіе памятника на могилѣ Серно; при этомъ присутствовали члены Интернаціонала и значительное число русскихъ и польскихъ эмигрантовъ.

„Памятникъ этотъ простой, неотдѣланный, гранитный камень, на одной сторонѣ котораго врѣзанъ большой медальонъ бѣлаго мрамора со слѣдующей надписью:

A la mémoire
D'Alexandre Serno-Solowiewitsch
Les Internationaux de Genève
1839 — 1869.

„Внизу медальона оставлено мѣсто, чтобы награвировать по русски:

Серно-Соловьевичу
политическому осужденному
отъ нѣсколькихъ друзей.

„Рѣчь Перрона (Perron) прервала глубокую задумчивость присутствовавшихъ. Онъ сказалъ:

„Граждане,

„Когда вѣсть о смерти Серно такъ тяжко поразила насъ, тѣло нашего друга уже было покрыто землей, и никто изъ насъ не могъ присутствовать при его погребеніи.

„Съ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ, время, котораго часто бываетъ достаточно, чтобы забыть человѣка, но память о Серно живетъ среди насъ. Она не ослабнетъ. Рабочіе не могутъ забыть этого преданнаго страстнаго неутомимаго товарища, который разрывался, чтобы оказать помощь и котораго мы находили вездѣ, гдѣ его поддержка была нужна.

„Серно былъ бѣденъ; какъ мы онъ жилъ своимъ трудомъ, но онъ умѣлъ отказываться отъ необходимаго, чтобы смягчить страданія, которыя ему ежедневно встрѣчались. Какъ многимъ изъ насъ онъ помогъ сдѣлать трудный шагъ или не упасть подъ бременемъ нужды! Какъ многихъ изъ насъ въ минуты упадка духа поддержали трогательныя и дружескія заботы этого замѣчательно добраго человѣка.

„Человѣкъ науки, Серно не вѣрилъ въ Бога, онъ жилъ и умеръ атеистомъ, но онъ любилъ человѣчество и всѣмъ людямъ онъ дѣлалъ столько добра, сколько могъ. Вся его жизнь—самоотверженіе, долгое мученичество.

„Онъ родился въ Петербургѣ и пробылъ тамъ до тѣхъ поръ, пока императоръ всероссійскій не приговорилъ его къ смерти, какъ революціонера; ему удалось бѣжать, но братъ его погибаетъ въ Сибири, сестра умираетъ отъ горя, и состояніе его конфисковано.

---

[1]) Изъ экземпляра сожженнаго изданія сочиненій.

[2]) За доставленіе его приношу свою благодарность В. А. Ляцкой.

„Онъ могъ бы вернуться на родину, снова тамъ пріобрѣсти состояніе и положеніе—ему стоило только послѣдовать совѣту нѣсколькихъ высокопоставленныхъ людей; написать словечко раскаянія Его Величеству... но какъ Бакунинъ, какъ Герценъ, какъ Огаревъ, какъ многіе изъ нашихъ русскихъ друзей, онъ былъ неспособенъ на низость. Онъ остался достойнымъ почтенія и уваженія честныхъ людей.

„Именно тогда пріѣхалъ онъ въ Женеву, проживъ передъ тѣмъ нѣкоторое время въ Германіи.

„Вы знаете, граждане, что онъ дѣлалъ, когда былъ среди насъ; позвольте мнѣ коротко сказать вамъ, какое было у Серно великое желаніе, сказать для того, чтобы всѣ мы могли работать для осуществленія его мечты.

„Я былъ близкимъ другомъ Серно, я заботился о немъ въ послѣдніе недѣли его жизни, я проникалъ въ глубину его мысли и могу сказать, что онъ постоянно былъ занятъ изысканіемъ средствъ для улучшенія Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ, организація пока еще неудовлетворительная была по его мнѣнію величайшей опасностью, которой слѣдовало избѣгать рабочему классу.

„Серно не сомнѣвался, что соціальная революція близка, потому что онъ лучше чѣмъ кто-либо зналъ, что современное экономическое положеніе близко къ паденію подъ тяжестью неустройствъ и нищеты имъ размноженныхъ; другъ нашъ понималъ, что пробьетъ часъ, когда на видъ, въ большей своей части, равнодушный, спокойный и смиренный пролетаріатъ поднимется огромный, сплоченный, непреодолимый, чтобы сбросить гнетъ буржуазіи.

„Но этотъ грандіозный переворотъ можетъ оказаться неудачнымъ, если при этомъ для укрѣпленія пути пролетаріата не будетъ просвѣщеннаго и стойкаго вожака; кто же можетъ быть этимъ вожакомъ, этой поддержкой, какъ не Интернаціоналъ? Таково было мнѣніе Серно.

„Въ силу такой важной роли, которую въ недалекомъ будущемъ призвана выполнить наша ассоціація, такихъ людей какъ Серно по справедливости занимала возможность ускоренія полной законченности нашего грандіознаго учрежденія.

„Граждане, члены Интернаціонала, обѣщаемъ на могилѣ нашего друга, всѣми силами содѣйствовать тому успѣху, котораго такъ горячо желалъ онъ обѣщаемъ принимать въ свою среду людей сердца и энергіи, которыхъ тираны заставляютъ искать у насъ убѣжища, принимать такъ, какъ мы приняли Серно, то есть, какъ брата, а не какъ *иностранца*. Главное, сумѣемъ при ихъ жизни признавать отличающія ихъ большія достоинства, при помощи которыхъ только и можетъ быть упрочено торжество соціальной революціи.

„Этими чувствами, граждане, мы воздаемъ истинное почтеніе памяти того, кого мы оплакиваемъ; это лучшій способъ освященія скромнаго памятника, который мы нынче воздвигаемъ нашему другу, о которомъ мы такъ скорбимъ—Серно-Соловьевичу".

Шеназъ (Chênaz), предсѣдатель секціи гранильщиковъ и каменьщиковъ, въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ напоминаетъ о томъ, что для рабочихъ на постройкахъ сдѣлалъ Серно во время послѣдней забастовки, приписывая его сверхъ человѣческой дѣятельности, его энергіи и совѣтамъ значительную долю успѣха, которымъ закончился этотъ кризисъ и послѣдовавшія затѣмъ улучшенія въ судьбѣ рабочихъ. Онъ заканчиваетъ трогательнымъ прости этому человѣку, котораго они такъ любили.

Утинъ отъ имени молодой русской партіи благодаритъ рабочихъ Женевы за почести, оказываемыя ими памяти Серно, человѣка, всю жизнь свою положившаго за великое дѣло народа, съ юности ушедшаго изъ привиллегированнаго круга, чтобы смѣшаться съ классомъ, который буржуа называютъ презрѣннымъ (canaille).

„Серно былъ осужденъ на смерть за стремленіе вести къ свободѣ пролетаріатъ, но придетъ день, когда мы потребуемъ отчета у его убійцъ, которые опираются на законъ и религію, два средства притѣсненія и тираніи; придетъ день, когда наши умершіе братья будутъ отомщены, и въ тотъ день мы не простимъ.

„Серно, который въ Россіи боролся подъ революціоннымъ знаменемъ „*Земля и Воля*“, долженъ былъ, укрываясь на западѣ, вступить въ Интернаціоналъ, который также хочетъ земли и свободы. Онъ хочетъ земли для людей, которые на ней живутъ, а не для какихъ-то паразитовъ, которые пользуются трудами тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; онъ хочетъ свободы, но свободы истинной, свободы, которая опирается на равенство, свободы, которая основана на правѣ жизни, правѣ интегральнаго развитія человѣческихъ способностей, а не такъ называемой свободы, проповѣдуемой буржуа и состоящей въ правѣ эксплуатаціи рабочихъ до смерти.

„Пусть настоящая минута послужитъ союзомъ молодой революціонной Россіи и Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ!“

Гражданинъ Дартуцци (полякъ) прочелъ хвалу усопшему. Онъ воздаетъ должное широкому и истинно интернаціональному характеру Серно, видѣвшему въ полякахъ, подавляемыхъ царемъ, братьевъ, которымъ въ день революціи должна быть возвращена свобода и независимость.

Гражданинъ Серебрениковъ, за день или два прибывшій изъ Россіи, пришелъ на могилу соотечественника, чтобы подтвердить, что дѣло, на которое Серно положилъ всю свою жизнь, преуспѣваетъ послѣ его смерти. Соціалъ-революціонное движеніе растетъ въ Россіи, несмотря на всѣ преслѣдованія.

Послѣ этой рѣчи, закончившей погребальное торжество, собраніе безмолвно разошлось“.

Мы слышали, что мѣсто для могилы Серно-Соловьевича было куплено только на десять лѣтъ. Петербургскіе друзья покойнаго рѣшили откупить мѣсто навсегда, и для этого одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ 1879 г. въ Женеву. Но оказалось, что онъ пріѣхалъ, когда могила была уже срыта.

Такимъ образомъ ея теперь уже не существуетъ.

Мих. Лемке.

Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства.

(Циркулярное отношеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Главному Управленію по дѣламъ печати 18-го января 1879 г., № 238, къ начальникамъ губерніи).

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ воспретить на будущее время вообще печатаніе самостоятельныхъ стенографическихъ отчетовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы всякаго рода изданія, какъ повременныя, такъ и не повременныя, ограничивались по этимъ дѣламъ лишь перепечаткою того, что будетъ напечатано: о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената,—въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Судебныхъ Палатъ и Военныхъ Судовъ,—въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, т. е. въ „Губернскихъ" или „Областныхъ Вѣдомостяхъ".

Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, объявить о вышеизложенномъ, за подписками, редакторамъ выходящихъ въ губерніи повременныхъ изданій и содержателямъ типографій. За симъ, въ случаѣ разбирательства подобныхъ дѣлъ въ районѣ ввѣренной Вамъ губерніи, составленіе отчетовъ для мѣстнаго оффиціальнаго органа надлежитъ возлагать, по Вашему усмотрѣнію, на одного изъ состоящихъ въ вѣдѣніи Вашемъ чиновниковъ, или на редактора „Вѣдомостей", причемъ, однако, отчеты эти должны быть печатаемы не иначе, какъ по одобреніи оныхъ прокуроромъ суда, разсматривавшаго дѣло и съ Вашего письменнаго, на оригиналѣ каждаго отчета, разрѣшенія.

Независимо отъ сего, считаю долгомъ разъяснить, что по смыслу вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія и по самому свойству дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, отчеты по этимъ дѣламъ должны въ большинствѣ случаевъ ограничиваться, по возможности, краткою фактическою передачею судебнаго разбирательства съ устраненіемъ всякихъ неумѣстныхъ подробностей, а тѣмъ болѣе какихъ-либо тенденціозныхъ выходокъ со стороны обвиняемаго или его защиты.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ
Статсъ-Секретарь Л. Маковъ.
Правитель Дѣлъ В. Адикаевскій.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. [1])

Изученіе общественныхъ движеній всѣхъ странъ и народовъ даетъ, намъ думается, возможность сдѣлать тотъ выводъ, что формы этихъ движеній всегда находятся въ соотвѣтствіи съ режимомъ страны, или, вѣрнѣе,—съ правительствомъ, находящимся у власти въ моментъ пробужденія народа и стремленія его перейдти къ новымъ условіямъ жизни. Чѣмъ упорнѣе и дольше правительство стремится сохранить старый строй, чѣмъ больше проявляетъ оно жестокости по отношенію къ новымъ вѣяніемъ, тѣмъ, въ концѣ концовъ, ужаснѣе проявляется революція, какъ противовѣсъ правительственному упорству. Доведенное до отчаянія репрессіями, населеніе выдѣляетъ изъ своей среды уже не носителей свѣтлыхъ идеаловъ, которыми всегда являются лучшіе и умнѣйшіе люди страны, а фанатиковъ, не менѣе жестокихъ и упорныхъ, чѣмъ само правительство, такъ какъ, изъ чувства простого самосохраненія, является необходимость противъ грубой силы стараго режима выставить не менѣе грубую силу оппозиціи. Вслѣдствіе такого рода условій, освободительное движеніе, въ конечныхъ фазахъ своего развитія, нерѣдко сопровождается весьма тяжелыми явленіями, совершенно противорѣчащими, повидимому, тѣмъ благимъ цѣлямъ, какія имѣется въ виду достигнуть.

---

[1]) При составленіи настоящей статьи я, помимо моихъ собственныхъ статей, воспоминаній и данныхъ, собранныхъ мною въ теченіе 15-ти лѣтняго непосредственнаго участія въ земской жизни (1887—1902 г.), въ качествѣ „третьяго элемента", пользовался еще ниже слѣдующими литературными источниками: *Самодержавіе и земство.* Конфиденціальная записка министра финансовъ статсъ-секретаря *С. Ю. Витте* (1899 г.) съ предисловіями и примѣчаніями Р. И. С. Печатано „Зарей". Stuttgart., 1901 г., *В. Ю. Скалонъ. По земскимъ вопросамъ.* I. Въ переходное время. 1880—1882 г. Спб. 1905 г.; *Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи* 1878—1887 г. Оффиціальный отчетъ (переводъ съ строго-конфиденціальнаго французскаго текста). Изд. В. М. Саблина. Москва, 1907 г.; *Н. А. Бѣлоголовый.* Воспоминанія и другія статьи. Москва. 1897 г.; *Полное собраніе рѣчей Императора Николая II-го.* 1894—1906 г. Составлено по оффиціальнымъ даннымъ „Правительственнаго Вѣстника". Спб., книгоиздательство „Другъ Народа", 1906 г. *Воспоминанія.* Вл. Дебагорія-Мокріевича. Спб. 1906 г. *Владиміръ Короленко. Въ голодный годъ.* Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изд. ж. „Русское Богатство". Изд. третье Спб., 1897 г.; *Журналъ* собранія нижегородской губернской продовольственной комиссіи 27 мая, 1892 г.; *Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности,* состоявшаго при Имп. В. Эк. обществѣ. Составилъ Д. Д. Протопоповъ. Спб., 1898 г. *А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы.* Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи изд. ред. ж. „Русское Богатство", Спб., 1904 г.; *Частное совѣщаніе* земскихъ дѣятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года въ С.-Петербургѣ. Москва, 1905 г. *Неизданные журналы* съѣздовъ

Въ частности русскій режимъ никогда не способствовалъ мирному и планомѣрному разрѣшенію назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Русское правительство по отношенію къ освободительному движенію во всѣ времена примѣняло, если можно такъ выразиться, шлюзную систему. Какъ только замѣчало оно проявленіе «вольнаго духа» среди населенія, тотчасъ воздвигало шлюзъ. Когда онъ заполнялся недовольствомъ, и послѣднее начинало переливаться черезъ первый шлюзъ, правительство ставило второй, третій и т. д., совершенно не соображая или не желая соображать, что при такомъ способѣ самый источникъ недовольства не только не уничтожался, а страшно возрасталъ, и что, въ концѣ концовъ, никакой шлюзъ уже не будетъ въ состояніи сдержать напора недовольства, которое постепенно переходитъ въ негодованіе, въ злобу, въ отчаяніе.

Эта шлюзная система примѣнена была русскою самодержавною бюрократіею и къ земству.

Земская реформа 1864 года явилась продолженіемъ тѣхъ «великихъ реформъ», которыя осуществились вслѣдствіе несчастной севастопольской войны, какъ реформы 1905 года были слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, позорной русско-японской войны. Тогда, какъ и теперь, обезсиленная войною бюрократія стремилась предупредить «внутреннія осложненія» выраженіемъ нѣкотораго «довѣрія» населенію впредь до того момента, когда, окрѣпнувъ, она сможетъ взять обратно все дарованное.

Совершенно невѣренъ долго господствовавшій взглядъ, будто бы правительство «добровольно» совершило реформу 1861 года, освободивъ крестьянъ, а затѣмъ «дало» земскія учрежденія. Севастопольская война также обанкротила полицейско-бюрократическій режимъ въ 50-хъ годахъ, какъ японцы въ наше время. Тогда, какъ и теперь, воспользовавшись этимъ банкротствомъ, общество стремилось освободиться отъ самодержавнаго ига. Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ знаменитаго «Колокола» Герцена, къ властному звону котораго

земскихъ и городскихъ дѣятелей за 1905—1906 г. *Неизданное письмо* И. Дурново къ графу И. Д. Делянову отъ 5 февраля 1895 г.; „*Былое*“: январь, февраль, мартъ, апрѣль, іюль и августъ 1906 г. „*Освобожденіе*“ за все время его изданія; „*Русскія Вѣдомости*“ съ 1890 по 1905 г.; „*Право*“ съ 1900 по 1905 г. *Неизданный журналъ* совѣщаній предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Н.-Новгородѣ 8—11 августа 1896 г.— *Труды Секціи* всероссійскаго съѣзда сельск.-хозяевъ. Москва. 1896 г. *Дневники и Труды съѣздовъ* (IX, X и XI) естествоиспытателей и врачей: Московскаго за 1894 г., Кіевскаго за 1898 г. и С.-Петербургскаго за 1901 г.; *Журналъ* общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова за 1906 г.; *Отчетъ* по областной с.-хоз. и кустарной выставкѣ Сѣвернаго края 1903 г., Ярославль, 1905 г.; *Труды* императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества съ 1894 по 1900 г.; *Труды* комиссіи по вопросамъ земской статистики Спб., 1901 г. (статистич. комиссія при III Отд. Имп. В. Экон. об-ва).; *Словарь* Брокгауза и Ефрона. *Положеніе* о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. изд. третье. М. И. Мышъ т. I. Спб. 1900 г. *Своды* постановленій, *журналы, доклады и отчеты* нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ съ 1865 по 1905 г.

Кромѣ того мнѣ даны были цѣнные матеріалы или указанія Д. Н. Шиповымъ, Ф. А. Головинымъ, В. Е. Якушкинымъ, В. А. Розенбергомъ, кн. П. Д. Долгоруковымъ, кн. Д. И. Шаховскимъ, П. Б. Струве. В. Г. Короленко, В. Я. Богучарскимъ, С. Ф. Русовой, А. А. Русовымъ, Ф. И. Родичевымъ, Н. Ф. Анненскимъ, Л. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичемъ, И. И. Петрункевичемъ, П. Н. Милюковымъ, Е. Д. Кусковой и нѣкоторыми другими, которымъ приношу мою глубокую благодарность.

не могла не прислушиваться бюрократія. Еще до освобожденія крестьянъ рядъ заявленій и адресовъ со стороны лучшаго дворянства, единственной тогда интеллигенціи, хранившей традиціи декабристовъ, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ стремленіи образованной части русскаго общества къ представительному образу правленія, а послѣ реформы 1861 года такого рода заявленія дѣлались еще откровеннѣе. Затѣмъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду громаднаго значенія для русскаго освободительнаго движенія польскаго возстанія въ 1863 году. Въ то время оно сыграло такую же роль, какъ въ 1904—1905. году борьба Финляндіи за свою свободу. Впрочемъ и тогда Финляндія съ ея самостоятельнымъ сеймомъ являлась большимъ соблазномъ для вѣрноподданныхъ Россіи, и здѣсь надо было идти на компромиссъ. Каково было слушать россійскимъ обывателямъ такое, напримѣръ, обращеніе Александра II къ финляндскому сейму 1863 году: «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Конституціонные помыслы были настолько развиты, что на эту тему, по словамъ Леруа Болье, Александръ II въ томъ же 1863 году, бесѣдовалъ даже съ Н. А. Милютинымъ, заявивъ послѣднему, что онъ, императоръ, «не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ», а этихъ Александръ II «не считалъ зрѣлыми для конституціи».

Однако, volens—nolens, приходилось дать. И вотъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ выработана была земская реформа, поспѣшно осуществленная въ 1864 году, чтобы, между прочимъ, «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій»,—какъ говорилась въ объяснительной запискѣ.

По этому «Положенію», земскія учрежденія образовывались «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда». Но мы сейчасъ же должны сказать, что русское земство при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности совершенно вышло изъ намѣченныхъ ему рамокъ и вступило немедленно на политическій путь. И это произошло совершенно естественно, болѣе того—иначе это и не могло быть.

Дѣло въ томъ, что какъ только земство принялось за исполненіе своихъ основныхъ задачъ, какъ только оно пожелало внести широкое просвѣщеніе въ народныя массы и поднять ихъ экономическій уровень,—тотчасъ же на этомъ пути оно встрѣтилось съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, оказавшемъ земству непреодолимое сопротивленіе.

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что земство очень скоро пришло къ непоколебимому убѣжденію въ невозможности работать на пользу населенія, покуда не будетъ свергнутъ самодержавный режимъ. Вотъ почему культурно-экономическія задачи земства должны были отойти на задній планъ, и въ этой области, несмотря на всѣ

усилія, оно не имѣло физической возможности сдѣлать всего того, что проектировало и что могло бы осуществить, при отсутствіи тормазовъ со стороны неограниченной бюрократіи, на которой лежитъ и вся отвѣтственность за обнищаніе и невѣжество страны. Мы поэтому вовсе почти не касаемся земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣемъ въ виду лишь политическое движеніе, игравшее, какъ мы говоримъ, значительную роль съ самого момента возникновенія земскихъ учрежденій.

Несмотря на всѣ недочеты земскаго положенія 1864 года, построеннаго, между прочимъ, на высокомъ цензѣ, оно дало нѣкоторую возможность къ постепенному проторенію пути не только къ истинному мѣстному самоуправленію, но и къ попыткѣ, объединенными силами земствъ, достигнуть народнаго представительства въ дѣлахъ государственныхъ. На основаніи фактовъ, которые мы ниже приводимъ, для насъ яснымъ дѣлается, что выборное земство, совмѣстно съ земствомъ служилымъ, съ интеллигенціею, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности начало стремиться къ самоуправленію и къ конституціи на чисто демократическихъ началахъ. Уже въ 1865 году оно положило основаніе осуществившейся въ наше время партіи Народной Свободы, почему мы считаемъ послѣднюю по преимуществу земскою партіею. Если бы правительство въ теченіе всѣхъ 40 лѣтъ не вставляло палокъ въ это совершенно планомѣрное движеніе, то, кто знаетъ, быть можетъ мы давно бы уже безъ особенной борьбы, жертвъ и крови, устроили нашъ государственный строй на широкомъ народномъ представительствѣ, но самодержавная бюрократія не могла допустить этого и, отдаливъ на громадный періодъ осуществленіе земскихъ стремленій, превратила страну въ военный лагерь и добилась.... революціи, разоривъ предварительно страну. Но не будемъ забѣгать впередъ, а прослѣдимъ земское движеніе, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Правительство начало войну съ земствомъ въ первый же годъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Дѣло началось съ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, которое въ декабрѣ 1865 года единогласно постановило ходатайствовать объ образованіи центральнаго земскаго учрежденія для завѣдыванія государственными земскими повинностями, а въ 1867 году уже потребовало участія земства въ законодательныхъ работахъ. Въ отвѣтъ на это правительство закрыло земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи, выслало административнымъ порядкомъ въ Оренбургъ предсѣдателя Петербургской губернской земской управы Крузе, удалило въ отставку гласнаго сенатора Любощинскаго, а гласный графъ Шуваловъ принужденъ былъ уѣхать за границу.

Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ первыхъ же своихъ сессіяхъ, стремясь къ расширенію и внѣдренію земскаго самоуправленія, уже въ 60-хъ годахъ обсуждали вопросъ о мелкой земской единицѣ, земскомъ единеніи и т. д., а правительство тотчасъ же ставило шлюзъ. Оно объясняло, по обыкновенію, земское движеніе «крамольнымъ духомъ» и употребляло всѣ усилія искоренить этотъ «духъ».

Уже, напримѣръ, въ 1866 году, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября выясняется страхъ предъ служилою зем-

скою интеллигенціею, предъ зарождавшимся «третьимъ элементомъ». земскіе служащіе — врачи, учителя и т. д. — были поставлены въ полную зависимость отъ администраціи. 21 ноября того же года были изданы законы, въ силу которыхъ ограничивалось право земства въ обложеніи сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній. 16 декабря, разъясненіемъ Правительствующаго Сената, губернаторамъ дано было право отказывать въ утвержденіи всѣхъ избранныхъ собраніемъ лицъ, если губернаторъ признаетъ ихъ неблагонадежными [1]). 4 го мая 1867 года тотъ же Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе губернскаго земскаго собранія о сообщеніи возбужденнаго въ ономъ предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній съ той цѣлью, чтобы этимъ путемъ оно могло дойти до такой опредѣленности, которая сдѣлала бы возможнымъ обобщить для всей Имперіи предлагаемую мѣру, представляется не согласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ сихъ учрежденій ввѣренныхъ». Это въ высшей степени вѣрное «разъясненіе» свидѣтельствуетъ, что уже на первыхъ порахъ земства проявили тенденцію къ единенію, безпрерывно продолжавшуюся въ теченіе всего времени существованія земства, и, какъ дальше увидимъ, черезъ 34 года министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ издалъ циркуляръ, съ цѣлью воспрепятствовать земской солидарности. И какъ велико было это стремленіе земства, видно изъ того, что всего черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго разъясненія Сената, 13 іюня 1867 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственного Совѣта, которымъ, безъ разрѣшенія губернатора, воспрещалось печатаніе земскихъ отчетовъ о засѣданіяхъ, преніяхъ и рѣчахъ, бывшихъ на земскихъ собраніяхъ. Въ тотъ же самый день и годъ, т. е. 13 іюня 1867 г., вышелъ законъ, предоставлявшій громадную власть предсѣдателямъ земскихъ собраній до закрытія послѣднихъ включительно, если на собраніи возбуждался какой либо нежелательный вопросъ.

Въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярами отъ 28 августа и 8 октября опять напоминаетъ о зависимости земскихъ служащихъ отъ правительства и опять требуетъ, чтобы земства не обмѣнивались своими изданіями, печатая ихъ только въ количествѣ, не превышаюшемъ число гласныхъ. Въ томъ же году Херсонское губернское земство уже жалуется, что правительство не удовлетворяетъ земскихъ ходатайствъ.

Въ 70-хъ годахъ земская оппозиція не только возрастаетъ, но, подъ гнетомъ репрессіи, стремится объединить всѣ земскія оппозиціонныя силы.

Въ 1872 году Владимірское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійскаго земскаго съѣзда. Конечно, оно получило категорическій отказъ. Тогда другія земства, замаскировавъ основную мысль, стали ходатайствовать объ област-

[1]) Въ томъ же 1866 году между земствами Херсонской губерніи и властями вышли такія пререканія, что губернское земское собраніе требовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ разслѣдованія при участіи высшаго правительства.

ныхъ съѣздахъ, съ участіемъ «третьяго элемента», для разрѣшенія различныхъ вопросовъ: по страхованію, народному образованію, медицинѣ и т. д. И эти съѣзды не были разрѣшены. Надо было изыскивать иные пути, и земцы стали устраивать частные земскіе съѣзды, нелегальные, такъ сказать, въ родѣ «съѣздовъ» и «совѣщаній» земскихъ дѣятелей, имѣвшихъ мѣсто въ наше время, съ которымъ мы ниже подробно познакомимся. Такихъ съѣздовъ было немного, но на нѣкоторые изъ нихъ являлись представители подавляющаго числа земскихъ губерній. Тогда, какъ и въ наше время, земцы для съѣздовъ пользовались, обыкновенно, всякимъ удобнымъ моментомъ: разрѣшенными профессіональными съѣздами, выставками и т. п. Но были случаи, когда они съѣзжались и безъ «благопріятныхъ обстоятельствъ», вполнѣ конспиративно...

Данныхъ объ этихъ съѣздахъ, покуда, весьма мало. Правительству, насколько извѣстно, ни разу не удалось надлежащимъ образомъ выслѣдить ихъ, а потому оно знало кое что о съѣздахъ, кажется, только изъ туманныхъ и невѣрныхъ показаній извѣстнаго предателя Курицына и изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года. Курицынъ показывалъ, что «когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства Линденсъ или Линдесъ, то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи». Что эти свѣдѣнія не точны и добыты на основаніи слуховъ, видно уже изъ перевранной фамиліи извѣстнаго въ свое время земца Линдфорса въ Линденса или Линдеса. Курицынъ не упоминаетъ о такихъ видныхъ лицахъ, какъ И. И. Петрункевичъ, тогда гласный Черниговскаго земства, о земцѣ Савичѣ, объ украинофилахъ: А. А. Русовѣ [1]), В. Л. Бернштамѣ, М. П. Старицкомъ, Н. В. Ковалевскомъ, И. А. Житецкомъ, профессорѣ Гордѣенко, земцѣ, бывшемъ въ то время городскимъ головою г. Харькова, о трехъ представителяхъ отъ поляковъ [2]). Полицейскими же разслѣдованіями дознано было, что такіе съѣзды въ семидесятыхъ годахъ были не только въ Кіевѣ, но въ Москвѣ и въ Харьковѣ. Кіевскій же съѣздъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ принимали участіе и соціалисты революціонеры, и украинофилы. Земцы на этомъ съѣздѣ вели переговоры главнымъ образомъ съ революціонерами, предлагая имъ не предпринимать террористическихъ актовъ и работать совмѣстно для достиженія парламентарнаго строя. Переговоры эти, однако, ни къ

---

[1]) Тогда уже бывшимъ статистикомъ Черниговскаго земства.

[2]) Предъ этимъ съѣздомъ былъ еще предварительный съѣздъ въ г. Нѣжинѣ, Черниговской губ., на которомъ былъ А. Ф. Линдфорсъ, А. А. Русовъ, Н. А. Константиновичъ, секретарь черниговскаго губ. статистическаго комитета, а отъ радикаловъ былъ Бѣловодскій. Черниговскій губернаторъ Дарагенъ узналъ объ этомъ съѣздѣ, о чемъ самъ говорилъ Константиновичу, но никакихъ печальныхъ послѣдствій не было.

чему не привели, такъ какъ правительство своими дѣяніями продолжало до красна раскалять молодежь.

По этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ воспоминаній виднаго революціонера Вл. Дебагорія-Мокріевича, относящихся ко времени переговоровъ съ земцами: «Русскій терроръ,—говоритъ онъ,— носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ «аграрномъ» и «фабричномъ» террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры не сознавали этого, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южные террористы—Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима, и на югѣ одно время были шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами, а «Земли и Воли», организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился № 1 «Земли и Воли». Здѣсь опять на сцену выступили соціалисты-революціонеры—Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговорено было цѣлый коробъ старыхъ народническихъ глупостей... А какой грубой ироніей звучатъ теперь слова «Земли и Воли», что паденіе современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія... Цѣлая четверть вѣка! Что же, уже не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки!? О, конечно, нѣтъ! Да, мы ожидали тогда соціальной революціи раньше 25 лѣтъ, не то что какую то конституцію. Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады—прерады даже плохонькой лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровье организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ, и все еще одни военачальники, какъ у какихъ-нибудь кафровъ или готентотовъ». Далѣе Дебагоріо-Мокріевичъ сообщаетъ, какъ въ 1878 г. пріѣзжали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами, а также съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціи. «Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій (впослѣдствіи повѣшенный), Ковалевская (впослѣдствіи умершая на каторгѣ) и еще нѣсколько человѣкъ.. Помню собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ даетъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ

легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабанднымъ путемъ. Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, еслибъ не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугавшей извѣстную часть общества, а равно и правительство. Съ этими требованіями террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ». [1])

Неудачны были попытки переговоровъ земцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Тогда они рѣшили образовать собственную нелегальную организацію, получившую названіе «Общество земскаго союза и самоуправленія», сокращенно именовавшуюся также «Земскій Союзъ». Этотъ «Союзъ», какъ въ наше время «Союзъ Освобожденія», занялся широкой пропагандою въ земствахъ, а въ скоромъ времени рѣшилъ завести и собственный органъ за границею. Первая попытка въ этомъ направленіи была неудачна: въ Галиціи, гдѣ предполагалось обосноваться, арестована была и первая земская агитаціонная литература, и лица, ее напечатавшіе. Въ числѣ этой литературы въ руки полиціи попала и програмная брошюра—«Ближайшія задачи земства», въ которой основными лозунгами земства были поставлены: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія. [2])

Эта неудача года на два съ лишнимъ отдалила изданіе заграницею земскаго органа, который осуществился лишь въ 1881 году, уже въ царствованіе Александра III.

---

[1]) Въ концѣ своихъ интересныхъ воспоминаній Вл. Дебагоріо-Мокріевичъ, на основаніи многолѣтняго опыта своей революціонной дѣятельности, приходитъ къ убѣжденію, „что для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданія правительства или, другими словами, вопросъ о политической свободѣ, самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать“.

[2]) Полная программа „Земскаго Союза“ детальнѣйшимъ образомъ касалась всѣхъ сторонъ государственнаго и мѣстнаго широкаго самоуправленія, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Центральное Управленіе, по этой программѣ, должно было сосредоточиваться въ двухъ „Думахъ“: *Государственной* и *Союзной*. Первая, избираемая всеобщей подачей голосовъ, имѣла своимъ назначеніемъ законодательную дѣятельность, примѣняя къ внутреннему строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства начала братской взаимности, соціальной справедливости и свободы. Задача Союзной Думы, составленной изъ представителей областныхъ собраній, помимо законодательства совмѣстно съ Государственной Думой, состояла, главнымъ образомъ, въ гарантіи интересовъ отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ въ составъ Россіи. Обѣ эти палаты, пользуясь правомъ внутренняго распорядка, должны были собираться въ ими назначенные сроки и засѣдать одновременно. Обѣ онѣ имѣютъ право запросовъ и выраженія довѣрія или недовѣрія отдѣльнымъ министрамъ и всему правительству. Всѣ законы, а также государственный бюджетъ, не утвержденные обѣими палатами, не имѣли обязательной силы. Пересмотръ конституціи могъ осуществиться лишь по взаимному соглашенію обѣихъ палатъ. Рѣшеніе вопроса о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи новыхъ законовъ Думы съ конституціею рѣшается кассаціоннымъ судомъ. Глава государства обязанъ, подъ отвѣтственностью министровъ, обнародовать законы, признанные кассаціоннымъ судомъ правильными.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ вызываетъ тѣнь, такъ всякое освободительное движеніе вызываетъ правительственныя репрессіи.

Въ семидесятыхъ годахъ онѣ проявились съ особенною силою по отношенію къ обществу вообще и къ земству въ частности. Къ послѣднему самодержавная бюрократія относилась все съ большею и большею подозрительностью и сыпала, какъ изъ рога изобилія, реакціонными законами и циркулярами. Въ 1870 году вслѣдъ за законами 4-го іюля выходитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го октября, относящійся къ земскимъ служащимъ, въ которыхъ правительство основательно видитъ грядущую силу. Еще и еще разъ оно стремится изъять ихъ изъ рукъ земства и совершенно подчинить своему вѣдѣнію. Въ слѣдующемъ, 1871 году вырабатывается «инструкція» инспекторамъ народныхъ училищъ, учрежденныхъ въ 1869 году. Въ силу этой «инструкціи», инспектора сдѣлались единоличными властителями земскихъ начальныхъ школъ, съ правомъ удалять учителей, которыхъ они найдутъ «неблагонадежными», накладывать veto на всѣ рѣшенія училищныхъ совѣтовъ, входя въ сношенія съ попечителемъ. Но и эти мѣры не успокаивали бюрократію, ясно сознававшую, что съ просвѣщеніемъ народа роль ея низводится къ нулю. Всего черезъ два года послѣ названной «инструкціи» появляется «рескриптъ» на имя министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ указывалось, что въ народной школѣ замѣчается стремленіе отклонить учащихся «отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью которыхъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія». На слѣдующій годъ появляется извѣстное «новое» «Положеніе о народныхъ училищахъ» 1874 года, по которому предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ дѣлались предводители дворянства, а неограниченное господство надъ школами переходило къ дирекціи народныхъ училищъ. Ходатайство Казанскаго губернскаго земства о пересмотрѣ этого закона съ участіемъ земскихъ представителей встрѣтило со стороны правительства отказъ. Не увѣнчались успѣхомъ и ходатайства земствъ объ изданіи обще земскаго органа.

Весьма возможно, что въ 70-хъ годахъ земство низведено было бы къ нулю, если бы правительственный гнетъ не вызвалъ сильное революціонное движеніе, настолько осложнившее внутреннее состояніе страны, что, дабы отвлечь вниманіе общества отъ собственныхъ язвъ, была предпринята «освободительная» война съ Турціею. Когда-же и это средство не помогло, какъ въ наше время не помогла война съ Японіею, сдѣлана была попытка обратиться, для уничтоженія крамолы, за содѣйствіемъ къ обществу [1]).

---

[1]) Напомнимъ здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ о революціонныхъ проявленіяхъ въ 70-хъ годахъ. Въ 1871 году Нечаевское дѣло; начиная съ 1872 года, правительство замѣчаетъ усиленную пропаганду среди народа, причемъ съ 1873 года организаторомъ пропагандистовъ является Николай Чайковскій, завязавшій сношенія и съ русскими эмигрантами. Одновременно изъ за границы начинается вліяніе „интернаціональнаго общества рабочихъ“, Бакунина, Петра Лаврова, начавшихъ въ 1873 г. издавать журналъ „Впередъ“, Ткачева, кн. Кропоткина. Подъ этимъ вліяніемъ въ Россіи начинаютъ организовываться кружки и усиливается пропаганда среди крестьянъ и рабочихъ. Правительство усиленно преслѣдуетъ пропагандистовъ и привлекаетъ къ отвѣтственности до 2000 человѣкъ, но суду предаетъ лишь 193 лицъ. Ихъ судили съ

20 ноября 1878 года, въ Москвѣ, Императоръ Александръ II, обращаясь къ представителямъ различныхъ сословій, сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ въ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое Вамъ, какъ и мнѣ».

Странно было слышать приведенныя слова изъ устъ Верховной Власти. Ясно было, что они внушены были бюрократіею. Въ самомъ дѣлѣ, во всей Россіи совершался ужасающій произволъ. III-е отдѣленіе насмѣхалось надъ законами. Обыски, аресты, административныя ссылки, тяжелое тюремное заключеніе, наконецъ, смертная казнь [1]),—вотъ чему свидѣтелями были всѣ «сословія». Никто не могъ поручиться за завтрашній день, а тутъ говорилось «о законахъ». Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы не указать правительству на ужасающія нестроенія въ Россіи и указать на тотъ путь, который могъ бы вывести страну изъ невыносимаго положенія. Этотъ путь тогда былъ такой-же, какъ и сейчасъ—это созывъ народныхъ представителей съ законодательными функціями. При томъ ужасѣ, который наводило правительство на все населеніе, нелегко было «земскому союзу» организовать обще-земское требованіе относительно уничтоженія самодержавнаго строя, но все-же пять губернскихъ земскихъ собраній (Черниговское, Тверское, Харьковское, Полтавское и Самарское) открыто высказались за созывъ земскаго собора. Особенно откровенны были адреса первыхъ двухъ земствъ.

Въ Черниговскомъ адресѣ, составленномъ И. И. Петрункевичемъ, указывалось, между прочимъ, на отсутствіе свободы слова, печати, законности, на ужасающій режимъ въ сферѣ высшей и средней школы, который въ то время повелъ уже къ тому, что болѣе шести тысячъ молодежи были выброшены изъ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній и представляли изъ себя богатый матеріалъ для крайнихъ революціонныхъ партій [1]). Въ силу всѣхъ этихъ и многихъ другихъ

---

18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., причемъ многіе были оправданы и среди нихъ такіе, какъ Желябовъ, Перовская, Левъ Тихомировъ, Квятковскій, Грачевскій, Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, впослѣдствіи, подъ напоромъ неслыханныхъ репрессій, превратившіеся изъ мирныхъ пропагандистовъ въ террористовъ. Террористическіе акты начались въ 1878 году покушеніемъ Вѣры Засуличъ на Трепова. Въ томъ же году въ Кіевѣ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и совершилось убійство жандармскаго капитана Гейкингъ. Въ Петербургѣ въ 1878 году былъ убитъ начальникъ третьяго отдѣленія шефъ жандармовъ генералъ Мезенцевъ.

[1]) 2-го августа 1878 года въ Одессѣ былъ казненъ Ковальскій.

[2]) Съ 1865 и по 1880 годъ, т. е. въ теченіе 15 лѣтъ народнымъ образованіемъ безконтрольно распоряжался графъ Д. А. Толстой. Въ 1865 году онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода, а въ 1866 г. и министромъ народнаго просвѣщенія. Быть можетъ, ни одинъ министръ не принесъ столько зла Россіи, какъ этотъ черствый, сухой бюрократъ, стремившійся превратить всю учащуюся молодежь въ безсмысленныхъ манекеновъ, пригодныхъ лишь для укомплектованія кадровъ раболѣпствующихъ чиновниковъ, единственною задачею которыхъ была бы только поддержка абсолютизма. Изъ

условій, всѣ реформы царствованія Александра II-го стали въ полное противорѣчіе съ существующимъ въ дѣйствительности строемъ. Поэтому и земскія учрежденія совершенно не могутъ стоять на высотѣ своего призванія. «Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться законодательству,—говорилось далѣе въ Черниговскомъ адресѣ,—не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ». Въ виду этого, «земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства». Другими словами, Черниговское губернское земское собраніе отказывало правительству въ помощи въ борьбѣ съ крамолою.

Тверское губернское земское собраніе точно также, не соглашаясь поддерживать правительство, еще болѣе рельефно выясняло причины крайнихъ революціонныхъ теченій.

Политическія преступленія являются результатомъ глубокихъ недуговъ, которыми поражена страна. Указавъ, какъ и черниговскіе земцы, на тяжелое положеніе высшей и средней школы, на ненормальныя условія, въ которыя поставлено земство, тверское земское собраніе въ концѣ адреса напомнило, что, если Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ труднаго ига болгарскаго народа, признаетъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, независимость суда, свободу печати,—нужно надѣяться, и русскій народъ воспользуется тѣми же благами.

Правительство крайне недовольно было такого рода заявленіями земства на призывъ его къ борьбѣ съ крамолой, и И. И. Петрункевичъ, напримѣръ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Черниговской губерніи, но внутренняя смута достигала такихъ размѣровъ, что приходилось что либо предпринять [1]). Какъ въ наше

профессоровъ университетовъ и учителей гимназій онъ силился также сдѣлать самыхъ заурядныхъ чиновниковъ, молчаливо исполнявшихъ велѣнія его, министра народнаго просвѣщенія. Мы думаемъ, что эта ужасающая „толстовская“ система была и до сихъ поръ еще является источникомъ всѣхъ бѣдъ нашей высшей и средней школы.

[1]) Въ 1879 и въ началѣ 1880 года произошли, между прочимъ, такія событія: въ Харьковѣ былъ убитъ губернаторъ кн. Крапоткинъ, началась сильная пропаганда среди рабочихъ, организованная комитетомъ „Земля и Воля“, результатомъ которой явились неизвѣстные почти до тѣхъ поръ стачки рабочихъ въ Петербургѣ, (первыя проявленія ихъ были въ концѣ 1878 г.), покушеніе на шефа жандармовъ Дрентельна, 2-го апрѣля совершено покушеніе Соловьева на Императора Александра II-го, ограбленіе Херсонскаго казначейства, Липецкій съѣздъ и второе неудачное покушеніе на жизнь Императора Александра II-го, на юго-западной дорогѣ, третье покушеніе на Императора Александра II близъ Москвы, на москов.-курск. ж. д. Затѣмъ дѣло Осинскаго въ Кіевѣ, дѣло Лизогуба и др. 27 лицъ въ Одессѣ и т. д.

Лѣтомъ 1879 г. начала функціонировать партія „Народной Воли“, въ № 3 газеты того же наименованія отъ 1 января 1880 г. были выставлены такія требованія: 1) созданіе народнаго представительства, облеченнаго полною властью, 2) организація широкаго мѣстнаго самоуправленія, основаннаго на выборномъ началѣ, 3) самостоятельность міра (сель-

время, въ 1904 году, являлось намѣреніе, «отдѣлаться отъ смутъ небольшимъ довѣріемъ», точно этотъ же рецептъ прописанъ былъ 27 лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1880 года. Мы объ этомъ «довѣріи» узнали отъ князя Святополкъ-Мирскаго, въ 1880 г. о немъ возвѣстилъ глава вновь учрежденной Верховой Распорядительной Комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ [1]). Въ воззваніи къ жителямъ Петербурга онъ говорилъ, что «на поддержку общества» онъ смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого населенія. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ намѣреній, графъ Лорисъ-Меликовъ упразднилъ ненавистный для всѣхъ застѣнокъ, именовавшійся «III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», а на праздникъ Пасхи 1880 года, въ родѣ «краснаго яичка», послѣдовало удаленіе губителя учащейся молодежи, всѣми ненавидимаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. Затѣмъ, въ бесѣдѣ съ редакторами петербургскихъ газетъ и журналовъ, графъ Лорисъ Меликовъ, между прочимъ, заявилъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ воспользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстности..... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ существовавшимъ доселѣ, дать провинціальнымъ

ской общины), какъ экономической и административной единицы, 4) признаніе принципа, что земля есть собственность народа, 5) система мѣръ, имѣющихъ передать фабрики и заводы въ руки рабочихъ, 6) полная свобода совѣсти, свобода печати, союзовъ, собраній и выборной агитаціи, 7) всеобщее избирательное право, безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій, 8) замѣна постоянной арміи — территоріальной, 5-го февраля 1880 г. произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

[1]) Учрежденіе этой комиссіи объясняется серьезными затрудненіями, въ которые было поставлено правительство. Черезъ три дня послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, именно 8-го февраля 1880 г., государь вызвалъ къ себѣ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, военнаго, финансовъ и шефа жандармовъ и высказалъ имъ взглядъ, что для борьбы съ крамолою необходимо сосредоточить власть въ однихъ рукахъ, именно въ рукахъ графа Лорисъ-Меликова. Министры должны были выработать соотвѣтственный проектъ, и вотъ уже 12 февраля опубликованы были указы Правительствующему Сенату объ учрежденіи „Верховной распорядительной Комиссіи для поддержанія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія". Члены комиссіи избирались самимъ ея предсѣдателемъ, т. е. Лорисъ Меликовымъ; министры, по требованію, также должны были присутствовать въ ней. Лорисъ-Меликовъ, въ качествѣ распорядителя комиссіи пользовался правами главнокомандующаго въ Петербургѣ и окрестности. Вся администрація, на всемъ пространствѣ Россіи, включая генералъ губернаторовъ, была подчинена ему, причемъ Лорисъ-Меликовъ пользовался правомъ личнаго сношенія съ Государемъ. Всѣ мѣры и указы, которые разсылалъ Лорисъ-Меликовъ, были для всѣхъ обязательны, и съ предсѣдателемъ Верховой комиссіи не могъ ничего сдѣлать даже Сенатъ. Комиссія эта просуществовала до августа, когда Лорисъ-Меликовъ изъ всесильнаго диктатора былъ сдѣланъ просто министромъ внутреннихъ дѣлъ съ расширенными правами. Скажемъ здѣсь къ слову, что черезъ 8 дней послѣ указа о Верховой комиссіи, 20 го февраля на Лорисъ-Меликова сдѣлано было покушеніе Млодецкимъ, который 22 февраля былъ повѣшенъ.

учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, дознать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе. Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться такимъ благопріятнымъ моментомъ для указанія на нужды страны [1]), хотя «лисій хвостъ», какъ прозванъ Лорисъ-Меликовъ, не преминулъ заявить, что «мечтательныя иллюзіи» печати «о привлеченіи, общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ соборовъ»—не значатся въ правительственной программѣ.

«Земскій Союзъ» поспѣшилъ созвать съѣздъ, на которомъ было постановлено употребить всѣ усилія для созыва народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія. Земскимъ собраніямъ сессіи 1880 года данъ былъ съѣздомъ соотвѣтствующій лозунгъ и собраніями сдѣланы были нужныя постановленія, но, понятно, въ формахъ и выраженіяхъ, которыя были допустимы на собраніяхъ, на которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, трудно было открыто провести оппозиціонныя требованія. Мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ земское настроеніе въ періодъ Лорисъ Меликовскаго «довѣрія» [2]).

Такъ, въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ 1880 году, гласный г. Румянцевъ, между прочимъ, говорилъ, что земское собраніе боится высказаться по вопросу объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія. Эта боязнь объясняется тяжелымъ положеніемъ земства, которое принужденно ходить вокругъ да около одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ. Чтобы избавиться отъ такихъ невыносимыхъ условій,—необходимо хадатайствовать предъ правительствомъ о неприкосновенности личности, о томъ, чтобы оно признало, что каждый изъ гласныхъ отвѣтственнъ лишь предъ закономъ и только по суду. Безъ этого земство будетъ безсильно и нѣмо во всякомъ серьезномъ вопросѣ.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же году высказался въ запискѣ по продовольственному вопросу гласный того-же земства г. Нечаевъ. Доказывая необходимость дальнѣйшихъ реформъ, чтобы выдти изъ тяжелаго экономическаго положенія, авторъ записки указываетъ, что реформы эти, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести

---

[1]) Въ 1880 г., въ Москвѣ подъ редакціею В. Ю. Скалона, стала издаваться серьезная еженедѣльная газета „Земство“, въ которой принимали участіе многіе видные писатели и общественные дѣятели, какъ-то: Н. А. Каблуковъ, С. А. Муромцевъ, Н. А. Карышевъ, В. А. Гольцевъ, Д. Н. Ждановъ, З. А. Осиповъ, А. Ф. Фортунатовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Ф. Ф. Эрисманъ, С. А Приклонскій и др. Газета эта просуществовала лишь до 1881 г. Съ момента наступленія реакціи, въ названномъ году, она получила два предостереженія—за „недозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимающихъ важныя государственныя должности“, и 10 октября 1881 г. была закрыта.

[2]) Кажется къ этому времени относится подробно разработанный проектъ конституціи суджанскимъ, Курской губ., земствомъ. въ лицѣ, если не ошибаюсь, г. Жекулина. Мы когда то читали этотъ проектъ, но, къ сожалѣнію, для настоящей статьи раздобыть его не могли.

желанные плоды, должны соотвѣтствовать дѣйствительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобъ познакомиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средство высказаться. Что касается земства, то для наилучшаго служенія государству, необходимо многое измѣнить, многое пополнить, а главное—даровать земству широкія права и сдѣлать его дѣйствительнымъ представителемъ населенія и выразителемъ его интересовъ; нужно ввести земство въ сѣть государственныхъ учрежденій со всѣми необходимыми правами и преимуществами; необходимо сдѣлать земство средоточіемъ всего мѣстнаго управленія, дать ему право свободно высказываться по всѣмъ вопросамъ общественной жизни. Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь и возможность общенія между земствами остальныхъ губерній—вотъ тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу дальнѣйшихъ реформъ.

Черниговское губернское земское собраніе, для выраженія своихъ взглядовъ, воспользовалось случаемъ административнаго произвола.

Въ 1879 году, какъ мы уже знаемъ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ гласный черниговскаго губернскаго и борзенскаго уѣзднаго земскаго собранія, И. И. Петрункевичъ. Въ 1880 году, не взирая на отсутствіе, онъ опять избранъ былъ гласнымъ тѣхъ же земствъ, причемъ 37 гласныхъ черниговскаго губернскаго земства сдѣлали слѣдующее заявленіе собранію: «Недовѣріе, выраженное администраціей Петрункевичу, высылкой его безъ суда, не раздѣляется мѣстными жителями, такъ какъ тремя выборами они ясно выразили, что попрежему довѣряютъ г. Петрункевичу быть ихъ земскимъ представителемъ. Такая противоположность въ оцѣнкѣ дѣятельности одного и того же лица возможна потому, что какъ администрація въ вопросахъ о высылкѣ безъ суда, такъ и земство въ выборѣ своихъ представителей, уполномочены закономъ дѣйствовать вполнѣ дискреціонно. Но само собою разумѣется, что подобная коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учрежденій—земства и администраціи—въ высшей степени прискорбна, такъ какъ въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая необходима для правильнаго теченія государственной жизни. Гласный черниговскаго губернскаго земства, г. Карпинскій, по поводу той же административной высылки г. Петрункевича, предлагалъ ходатайствовать объ ограниченіи дѣйствій административной власти въ примѣненіи ея къ общественному представительству. Неограниченность власти въ этомъ отношеніи мѣшаетъ, по мнѣнію Карпинскаго, болѣе глубокому изслѣдованію причины движенія, мѣшаетъ правильному развитію русскаго общества; оно противно основному принципу самоуправленія—гласности.

Не ограничиваясь политическимъ «вольнодумствомъ», земство проявило его и въ вопросахъ экономическихъ, что особенно

возбудило противъ себя крѣпостниковъ. Характернымъ образчикомъ злобы послѣднихъ явился, между прочимъ, знаменитый харьковскій предводитель дворянства Шидловскій, бывшій затѣмъ въ реакціонный періодъ царствованія Александра III го губернаторомъ сначала Орловскимъ, а затѣмъ Костромскимъ. Въ 1880 году онъ на Харьковскомъ губернскомъ собраніи, чтобы сорвать вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, придалъ послѣднему политическое значеніе. Шидловскій проводилъ мысль, что земство, ратуя за устройство земельнаго банка, «имѣетъ, должно быть, въ виду какое-то учрежденіе политическаго свойства». Исходя изъ факта крестьянскаго малоземелья, земцы, молъ, въ душѣ желаютъ упразднить крупную собственность и раздробить ее на мелкіе участки. Какъ вамъ угодно,—воскликнулъ испуганный и негодующій крѣпостникъ,—это уже цѣль политическая», стремясь къ которой, «земство выходитъ изъ своей роли». Въ Дорогобужскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи другой представитель крупной земельной собственности, г. Игнатьевъ, въ неменьшей степени возмущался «соціалистическими тенденціями» земства. «Жутко не мужику,—говорилъ онъ,—а землевладѣльцу, о которомъ, однако, никто не думаетъ. Насъ спрашиваютъ не о помѣщикѣ, не о священникѣ, а о «господинѣ крестьянинѣ»,—такъ пусть же этотъ «господинъ крестьянинъ» и скажетъ, что ему нужно. А, по мнѣнію Игнатьева,—«зло извести, устранить его, въ нашей власти, слѣдовательно, нечего хлопотать... Пока будетъ существовать община, будетъ и бѣдствіе»...

Черезъ 27 лѣтъ, въ наши дни, предсѣдатель «конституціоннаго» кабинета министровъ исполнилъ, къ слову сказать, завѣты Игнатьева,—формально уничтожилъ общину закономъ 9-го ноября 1906 года,—но прекратится ли отъ этого «бѣдствіе»—покажетъ будущее.

Искренне или неискренне, но Лорисъ-Меликовъ, повидимому, прислушивался къ земскимъ заявленіямъ. По крайней мѣрѣ изъ разговора съ Кошелевымъ, въ 1880 году, выясняется, что графъ бесѣдовалъ на эту тему съ Александромъ II мъ и, «не надѣясь получить соизволенія Государя на созваніе Земской Думы», проектировалъ собрать «Комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ» [1]). Однако и «Земская Дума» и «комиссія» Лорисъ-Меликова въ основахъ своихъ совершенно не со-

[1]) Нужно думать, что эти взгляды являлись дѣйствительнымъ политическимъ credo Лорисъ-Меликова. По крайней мѣрѣ въ „Письмахъ о современномъ состояніи Россіи", Р. А. Ѳадѣева,—бывшаго товарища Лорисъ-Меликова на Кавказѣ,—относительно которыхъ онъ просилъ у Государя разрѣшеніе напечатать заграницею и допустить въ Россіи и содержаніе которыхъ излагалъ въ своемъ вышеупомянутомъ докладѣ, между прочимъ говорится,—что,—послѣ крушенія дворянства,—„Земство—единственная живая общественная сила, могущая стать для власти такою же несокрушимою опорою, какою было прежде дворянство; и такъ какъ громадное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ царскую власть, то земство, выражающее собой это большинство, представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силу самую благонадежную". „Воспоминанія" извѣстнаго врача Н. А. Бѣлоголоваго точно также подтверждаютъ, что Лорисъ-Меликовъ былъ искренній „умѣренный постепеновецъ", который „не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ".. Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за самостоятельность науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ обществъ къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли"...

отвѣтствовали земскимъ стремленіямъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, отъ 28-го января 1881 года, онъ, излагая свой взглядъ, между прочимъ говоритъ, что «для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствіе коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему». Но что же надо предпринять? Лорисъ Меликовъ проектировалъ сгруппировать матеріалъ, добытый тогда сенаторскими ревизіями и подвергнуть его разсмотрѣнію и обсужденію особыхъ «подготовительныхъ комиссій» изъ лицъ, выбранныхъ правительствомъ и имъ же назначенныхъ чиновниковъ, а также изъ «приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія и народной жизни». И вотъ такого-то рода комиссіямъ проектировалось поручить «составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею». Законопроекты эти должны были быть направлены въ «Общую Комиссію», которая и являлась россійскимъ парламентомъ. Въ этой комиссіи предсѣдатель долженъ быть утверждаться Государемъ, а составъ его предполагался такой: 1) предсѣдатели и члены подготовительныхъ комиссій, 2) гласные и другія лица, избранныя губернскими земскими собраніями и думами большихъ городовъ и 3) назначенныя особымъ порядкомъ представители тѣхъ губерній, въ которыхъ не было земскихъ учрежденій.

Вотъ, собственно говоря, и вся Лорисъ-Меликовская конституція. По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что самъ авторъ сознавалъ всю несостоятельность такого представительства, но во всякомъ случаѣ оно безусловно не могло удовлетворить земскую партію, что и выяснилось въ 1881 году, тотчасъ послѣ смерти императора Александра II го.

«Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года» видно, что событіе 1-го марта 1881 г. вызвало усиленную дѣятельность «Земскаго Союза». Члены его, спѣшно съѣхавшись въ Харьковъ, въ количествѣ 30 ти человѣкъ, выработали и отлитографировали программу, названную «Программою Земскаго Союза 1881 г.». Основные пункты ея были таковы: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго, 2) упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство («Государственная Дума»), въ смыслѣ полноправнаго

законодательнаго органа (избраннаго всеобщимъ голосованіемъ), ограничивающаго и прямо упраздняющаго самодержавную власть [1]).

Земскія собранія конечно, не могли такъ откровенно высказываться, но, слѣдуя по стопамъ «Союза», и въ рѣчахъ на собраніяхъ дѣлались довольно откровенные намеки.

Такъ, въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ждановъ находилъ несвоевременныхъ ходатайствовать «о мелочахъ», а указать на необходимость «расширенія правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны»; въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Нечаевъ, о которомъ мы уже говорили, точно также доказывалъ необходимость, чтобы правительство выслушало «свободный голосъ русскаго народа»; въ Таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Винбергъ говорилъ, что «только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ заслушанъ [2]).

Въ другихъ земствахъ проводились тѣ же конституціонныя мысли подъ разными видами. Тверское земское собраніе, указывая на событіе 1-го марта, говорило въ адресѣ, что «въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу; Казанское собраніе выражало надежду на «завершеніе великаго дѣла обновленія государства», начатаго Александромъ II-мъ и т. д. и т. д.

Но «Земскій Союзъ» недовольствовался дѣятельностью въ однихъ земскихъ собраніяхъ и на съѣздахъ. Онъ рѣшилъ въ 1881 году издавать свой органъ за границей. Земцы вступили въ переговоры съ другимъ извѣстнымъ эмигрантомъ, профессоромъ Кіевскаго университета

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что послѣ убійства императора Александра II го партія Народной Воли пришла ко взглядамъ, очень близкимъ къ земской партіи. Это можно видѣть изъ знаменитаго историческаго письма (отъ 10-го марта 1881 года) Исполнительнаго Комитета названной партіи къ Александру III-му, которое Марксъ и Энгельсъ назвали „положительно прекраснымъ по своей политичности и спокойному тону". „Оно", говорили далѣе отцы марксизма,—„доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума". Въ этомъ письмѣ, въ редактированіи котораго принималъ близкое участіе Н К. Михайловскій, основными пунктами были: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга и 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями". Затѣмъ далѣе, какъ и въ программѣ „Земскаго Союза", выработаной еще въ 1879 году,—о которой мы говорили выше, - въ письмѣ къ Александру III-му говорится о необходимости свободы: выборовъ, печати, слова, сходокъ и избирательныхъ программъ.

[2]) Скажемъ къ слову, что въ томъ же 1881 году В. К. Винбергъ былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи революціонерамъ, причемъ дознаніемъ, произведеннымъ Таврическимъ жандармскимъ управленіемъ, обнаружено было, что какъ въ Симферопольской губернской управѣ, такъ и въ Симферопольскомъ обществѣ взаимнаго кредита, предсѣдателями которыхъ В. К. Винбергъ состоялъ, разновременно служили не только лица неблагонадежныя, но и политическіе преступники, какъ Софія Перовская, Теллаловъ и др., причемъ В. К. оказывалъ имъ матеріальную помощь, а нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ и неблагонадежныхъ ушли въ имѣніе Винберга на южномъ берегу Крыма и были воспитателями его дочерей. Въ 1881 году Винбергъ былъ высланъ изъ Крыма.

М. П. Драгомановымъ, оставившимъ Россію въ 1876 году, который и сдѣлалъ земскимъ органомъ издававшееся имъ «Вольное Слово», которое сначала служило для всѣхъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ террористической [1]).

Такое соглашеніе съ земцами соотвѣтствовало тогдашнимъ взглядамъ М. П. Драгоманова. Въ своей автобіографіи онъ, между прочимъ, писалъ: «Будучи соціалистомъ по своимъ идеаламъ,—прибавлю: соціалистомъ западно-европейской школы,—я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній»... «Въ Россіи нужно прежде добиться политической свободы; соціалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить-же свободу въ Россіи украинской націи, по моему мнѣнію, можно не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма»... «Я дѣйствительно постепенно все больше и больше становился противникомъ русскихъ революціонеровъ. Кромѣ ихъ великорусскаго централизма и антикультурныхъ тенденцій, народническихъ иллюзій, маккіавелизма средствъ, меня раздѣляло съ ними и возведеніе политическаго убійства, или, какъ они говорили, «террора», въ принципъ революціонной борьбы, тогда какъ я смотрѣлъ на этотъ терроръ только какъ на естественное, хотя и патологическое, послѣдствіе террора самого правительства»... «Статья моя («Историческая Польша и Великорусская демократія») печаталась въ «Вольномъ Словѣ» въ 1881 г. въ то время, какъ въ «Земскомъ Союзѣ» вырабатывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наши программы сошлись въ основахъ. Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено спеціальнымъ делега-

---

[1]) Любопытно, что въ 1880 году,—въ письмѣ отъ 12-го мая,—къ М. П. Драгоманову обращался А. И. Желябовъ, писавшій, между прочимъ: „Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее (программу) путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, и за границею чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполнѣ или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены между нами непосредственныя отношенія, и, можетъ быть, и сотрудничество ваше въ „Народной Волѣ“. Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщите черезъ подателей письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ „батькой“! А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ... за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная комиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такіе, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнелль? Таково положенія вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическіе, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли мірянами“.

томъ «Земскаго Союза», принять на себя редакцію «Вольнаго Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія,— прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста соціальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ соціалистической, такъ и болѣе консервативной *всѣ* оттѣнки въ постановкѣ соціальнаго вопроса въ Западной Европѣ и Америкѣ, чтобы такимъ образомъ отклоняться отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу».

Въ тоже время бюрократія, также воспользовавшись событіемъ 1-го марта, рѣшила устроить шлюзъ и закупорить всякое освободительное теченіе, поставивъ крестъ даже надъ Лорисъ-Меликовскою конституціею. Черезъ недѣлю послѣ смерти императора Александра II-го, именно 8-го марта 1881 года состоялось знаменитое погребальное, если можно такъ выразиться, засѣданіе государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ новаго императора Александра III-го. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ проектъ Лорисъ-Меликова. Засѣданіе открылось рѣчью императора, который, изложивъ въ общихъ чертахъ исторію этого проекта, просилъ членовъ совѣта откровенно высказаться о немъ, сдѣлавъ при этомъ довольно ясный намекъ, что проектъ еще не былъ утвержденъ, а потому вопросъ о немъ остается открытымъ. Такое заявленіе, понятно, ободрило представителей реакціи и отняло всякую надежду у сторонниковъ Лорисъ-Меликова. Только графъ Милютинъ болѣе или менѣе стойко защищалъ его проектъ, другіе же, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Валуевъ, Сольскій, Абаза и нѣкоторые другіе говорили болѣе чѣмъ осторожно. Но за то Маковъ и особенно оберъ-прокуроръ Св. Синода произнесли громовые рѣчи противъ «куцой» Лорисъ-Меликовской конституціи. Послѣдній, «блѣдный какъ полотно», говорилъ, что у него «сжимается сердце» при одной мысли объ осуществленіи проекта Лорисъ-Меликова. Если бы это случилось, то, какъ предъ гибелью Польши говорили— «Finis Poloniae», такъ, въ случаѣ осуществленія плановъ Лорисъ-Меликову пришлось бы воскликнуть—«Finis Russiae»! Всероссійскій мракобѣсъ не преминулъ при этомъ охаить земскія и городскія учрежденія и суды, вообще всѣ реформы предшествующаго царствованія. Земскія и городскія учрежденія—это, по мнѣнію Побѣдоносцева,—«говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимали лица, не живущія съ своими семьями, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту». Суды—это тоже «говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными». Свобода печати— это «самая ужасная говорильня, которая во всѣ концы необъятной

русской земли, на тысячи, десятки тысячъ верстъ разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ». Закончилъ Побѣдоносцевъ рѣчь свою тѣмъ, что и убійство Александра II явилась результатомъ того, что «всѣ мы» такъ «легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ»... «Всѣ мы должны каяться!»—«Сущая правда,—соглашался съ Побѣдоносцевымъ Александръ III,—всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя». И въ этихъ словахъ заключалась вся программа новаго императора: во все царствованіе онъ, согласно взгляду Побѣдоносцева, стремился снять съ себя вину, т. е. не только уничтожить всѣ признаки освободительнаго движенія, но уйти какъ можно дальше назадъ, *за* царствованіе Александра II-го, ближе къ дѣду своему Николаю I-му.

Проектъ Лорисъ-Меликова былъ проваленъ и дни автора его были сочтены. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого засѣданія, именно 29 апрѣля, былъ обнародованъ манифестъ императора Александра III-го, 4 мая была принята отставка Лорисъ-Меликова, мѣсто котораго занялъ графъ Игнатьевъ. Въ манифестѣ 29 апрѣля, между прочимъ, говорилось: «Посвящая себя великому нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благоустроителемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Въ то время никто, конечно, не зналъ о засѣданіи государственнаго совѣта 8 марта и о похоронахъ «конституціи» Лорисъ-Меликова, а потому въ словахъ «къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій» Императора Александра II-го видѣли нѣкоторый намекъ на продолженіе реформъ прошлаго царствованія. Такое мнѣніе еще болѣе утвердилось послѣ опубликованія циркуляра графа Игнатьева, который утверждалъ, что не только права, дарованныя дворянству, земству и городскимъ сословіямъ «останутся, согласно высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности», но что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Воспользовавшись этимъ манифестомъ и циркуляромъ земства, подъ разными предлогами и въ разныхъ формахъ, опять настаивали на необходимости выборнаго представительства.

Тверское губернское земское собраніе въ 1881 г. заявило, что «никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія или реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей русской земли».

Новгородская губернская земская управа полагала необходимымъ заявить правительству, что «земство, при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участія въ борьбѣ правительства

съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ общество можетъ оказать правительству желаемое содѣйствіе, безусловно необходимое для достиженія народнаго благоденствія, можетъ получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли.

Череповецкое, новгородской губерніи, земское собраніе заявило, что преобразованіе мѣстныхъ учрежденій «возможно будетъ лишь тогда, когда земствамъ предоставятъ не только право дать свои отдѣльныя письменныя заключенія, но когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласовать заключенія... Если окончательная разработка этого вопроса будетъ возложена на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ къ видамъ и взглядамъ этихъ органовъ, чѣмъ большинства земствъ».

Харьковское губернское земское собраніе находило необходимымъ, чтобы для разрѣшенія вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій былъ созванъ съѣздъ, въ составъ которого должны входить и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. [1])

Вообще, какъ писалъ Драгомановъ въ заграничномъ земскомъ «Вольномъ Словѣ», заявленія земствъ, поступившія въ то время въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ соотвѣтствовали той программѣ самоуправленія, которая выставлена была названнымъ органомъ.

Но скоро заявленія земствъ о содѣйствіи правительству были прекращены, опубликованія земскихъ постановленій по этому вопросу воспрещены, и вмѣсто всего этого было рѣшено вызывать «свѣдущихъ людей» по усмотрѣнію и назначенію правительства. Съ этими свѣдущими людьми «произошло почти то же самое, что черезъ 21 годъ въ 1902—1903 г. произошло съ устроенными С. Ю. Витте совѣщаніями о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить.

Въ ноябрѣ 1881 года, по Высочайшему повелѣнію была образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, почему она и названа была «Кахановскою комиссіей» [2]). На нее

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если въ земскихъ собраніяхъ говорилось о выборномъ представительствѣ только отъ земства, то это объяснялось, во первыхъ, невозможностью въ иной формѣ трактовать вопросъ на собраніяхъ, и во вторыхъ—тѣмъ, что выборные отъ земства, приглашенные въ центральное управленіе, немедленно возбудили бы вопросъ о народномъ представительствѣ.

[2]) Созыву этой комиссіи, замѣнившей Лорисъ-Меликовскую „конституцію“, предшествовали знаменитыя реакціонныя „Правила объ охранѣ государственнаго строя и общественной безопасности“, утвержденныя Александромъ III-мъ 14 го августа 1881 года Они назывались, по обыкновенію, „временными“, но сохранились собственно говоря, до нашего времени. Эти „правила“ устанавливали исключительныя мѣропріятія. Вся Россія была отдана частью подъ усиленную, частью подъ чрезвычайную охрану, сообразно чему расширялась власть администраціи, особенно генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Серьезное вниманіе было обращено на полицію, особенно на сыскную, которая была „реформирована по европейски“, и это являлось

возложено было составленіе проектовъ мѣстнаго управленія, по программѣ, преподанной комитетомъ министровъ. Какъ матеріалы, ей переданы были все тѣ же данныя сенаторскихъ ревизій, произведенныхъ въ 1880 г., которыя Лорисъ-Меликовъ проектировалъ разсматривать въ его «подготовительныхъ» и «Общей» «комиссіяхъ», а также земскіе отвѣты по вопросамъ земскаго самоуправленія. Въ комиссію входили ревизовавшіе разныя губерніи сенаторы и представители министерствъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, товарищей министровъ; что же касается «свѣдущихъ людей», то приглашеніе послѣднихъ было предоставлено предсѣдателю комиссіи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Земцы, несмотря на „предупредительныя мѣры", принятыя правительствомъ, высказали рѣзкій протестъ противъ фальсификаціи народнаго представительства. Бессарабское, Владимірское, Казанское, Калужское, Костромское, Новгородское, Петербургское, Полтавское, Псковское, Смоленское, Харьковское и Херсонское губернскія земскія собранія отказались признать «свѣдущихъ людей» компетентными и уполномоченными рѣшать вопросы мѣстнаго самоуправленія. «Въ послѣднее время, заявляло, напримѣръ, Владимірское губернское земское собраніе, для разрѣшенія нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ были вызываемы свѣдущіе люди, которымъ, къ сожалѣнію, придается названіе людей земскихъ, такъ что вся неудачная работа ихъ падаетъ упрекомъ на земство». «Мы полагали бы ходатайствовать, чтобы въ числѣ ихъ были лица, избранныя земскими собраніями, которыя вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей, и чтобы выработанный комиссіею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній». А въ концѣ заявленія, земцы выражали желаніе, чтобы «свѣдущимъ людямъ», вызываемымъ правительствомъ по его усмотрѣнію, не давалось названіе «земскихъ людей». Новгородское губернское земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ гласнаго Рагозина, который говорилъ, что «призванные правительствомъ свѣдущіе люди не могутъ быть названы земскими; они составляютъ фиктивное земское представительство, и обсужденіе ими вопросовъ земско-государственной важности поселяетъ лишь недоразумѣніе въ средѣ населенія губерніи, такъ какъ ихъ мнѣніе принимаютъ за мнѣніе представителей земства, посланныхъ населеніемъ, между тѣмъ какъ они въ дѣйствительности выбраны министерствомъ

единственною „европейскою" „реформою". Была уничтожена гласность политическихъ процессовъ, такъ что послѣдній гласный политическій процессъ былъ—надъ виновниками 1-го марта, приговоренными къ смертной казни и повѣшенными ровно черезъ мѣсяцъ послѣ событій—1 апрѣля. Наконецъ, „правила" давали неограниченное право министру внутреннихъ дѣлъ. Къ слову сказать, въ это же время зародились и „истинно-русскіе люди", образовавшіе „кружокъ добровольцевъ со спеціальнымъ намѣреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ". Эта ассоціація называлась „дружиной" и въ составъ ея входили „лица, занимавшія самое высокое положеніе въ столицѣ".

Кромѣ этой высокопоставленной „дружины", образовалась еще „группа мужественныхъ добровольцевъ" которая „рѣшила организовать съ оружіемъ въ рукахъ тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода—было вырѣзать анархистовъ (родъ тайныхъ судилищъ въ средніе вѣка)". Отсюда мы видимъ, что 26 лѣтъ тому назадъ было тоже, что и въ наши дни. Исторія, значитъ, повторяется и ничто не ново подъ луной.

внутреннихъ дѣлъ». Харьковское губернское земское собраніе поручило управѣ ходатайствовать «о постановленіи, взамѣнъ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества».

Въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по этому же вопросу были внесены такія предложенія, что предсѣдатель собранія не допустилъ ихъ обсужденія и закрылъ собраніе.

Такое отношеніе земства къ Кахановской комиссіи, въ которой правительство, совмѣстно съ славянофилами и реакціонерами, видѣло единственно допустимую форму представительства, послужило предлогомъ для окончательнаго уничтоженія ненавистнаго бюрократіи мѣстнаго самоуправленія, неослабно стремившагося расширить рамки до народнаго представительства.

Съ цѣлью совершенно «укротить» земство и сокрушить крамолу, 30 мая 1882 года былъ призванъ удаленный Лорисъ-Меликовымъ графъ Д. А. Толстой. Тогда составился ужасающій тріумвиратъ, въ руки котораго отдана была Россія: редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Катковъ, этотъ хамелеонъ, всю жизнь мѣнявшій свои взгляды, ханжа и фанатикъ реакціи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и мрачный, ненавидимый всѣми бюрократъ Д. А. Толстой, о которомъ мы уже не разъ говорили. Послѣдній сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, при помощи упомянутыхъ товарищей, немедленно принялся за систематическое уничтоженіе малѣйшаго проявленія всякой живой мысли.

По отношенію къ земству онъ, конечно, проявилъ самую усердную дѣятельность [1]).

На земскія учрежденія начались систематическія гоненія и примѣнялись самыя крутыя расправы, какъ только то или иное земство

---

[1]) Усиленный надзоръ за провозомъ печатнаго слова изъ за границы заставилъ земцевъ въ маѣ 1883 года прекратить изданіе „Вольнаго Слова"; одновременно пріостановилъ свою дѣятельность и „Земскій Союзъ", или, вѣрнѣе, ушелъ въ подполье. По крайней мѣрѣ въ томъ-же 1883 году въ тайной типографіи было напечатано „воззваніе" „отъ группы русскихъ конституціоналистовъ", которая вѣроятнѣе всего образовалась изъ земской среды, если это не былъ тотъ же самый „Земскій Союзъ". Въ этомъ воззваніи, между прочимъ, говорилось: „мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально-революціонной партіи, и вступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій, но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобъ отстоять свое существованіе, чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ народнаго имущества". Далѣе въ „возваніи" говорилось: „правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорнѣе и позорнѣе держитъ себя въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—папскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ пролито столько русской крови, потрачено столько средствъ, отворачивается отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго „священныя основы" деспотизма, хищничества и „тихаго безмолвнаго житья". Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уродуя нашихъ дѣтей, сжимая, заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердыхъ убѣжденій".

выходило изъ намѣченныхъ рамокъ. Череповецкое, Новгородской губерніи, земство было, напримѣръ, совершенно раскассировано и замѣнено «правительственною комиссіею», вслѣдствіе заявленія Новгородскаго губернатора во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что названное земство устраиваетъ «систематическую оппозицію правительству».

Но репрессіи не помогали: то и дѣло губернаторы доносили о «вредномъ направленіи» земствъ, и на всеподданнѣйшемъ, напримѣръ, отчетѣ Вятскаго губернатора о вятскомъ земствѣ, въ 1887 году, т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ назначенія Толстого, Александръ III дѣлаетъ отмѣтку: «Печально», «Почти вездѣ тоже самое».

Слѣдовательно надо было изобрѣсть другія, еще болѣе крутыя мѣры.

И графъ Толстой рѣшилъ покончить съ земствомъ совершенно, вовсе уничтожить его.

Онъ составилъ проектъ «новаго» земскаго положенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ своемъ проектѣ графъ Толстой поставилъ крестъ надъ Положеніемъ 1864 года. Вмѣсто земскихъ управъ, какъ исполнительныхъ органовъ собраній, гр. Толстой проектировалъ правительственныя комиссіи—земскія присутствія. Земскія собранія превращались въ совѣщанія свѣдущихъ людей при губернаторахъ. Всѣ, безъ всякаго исключенія, постановленія земствъ, по мысли гр. Толстого, требовали правительственной санкціи. Въ іерархическомъ отношеніи земства совершенно подчинялась администраціи и лишены были даже права обжаловать въ сенатъ дѣйствій административныхъ властей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта «реформа» всесильнаго временщика прошла бы цѣликомъ, но въ 1889 году гр. Толстой умеръ [1]), а государственной совѣтъ выработалъ, собственно говоря, новый проектъ земской реформы, хотя и значительно рознящійся отъ положенія 1864 года, но все же съ нѣкоторыми признаками земскаго самоуправленія. Опубликованное 12 іюня 1890 года «новое» земское положеніе внесло такія измѣненія, сравнительно съ положеніемъ 1864 года: земскія учрежденія признаны государственными установленіями и подчинены по судебнымъ дѣламъ правиламъ, установленнымъ для дѣлъ казенныхъ управленій; усиленъ контроль за земскими учрежденіями въ томъ смыслѣ, что губернатору предоставленъ надзоръ не только за законностью дѣйствій земства, но и за правильностью, и, кромѣ того,—производство ревизіи земскихъ управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ земскаго управленія и всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учрежденій; учреждена новая мѣстная инстанція,—въ видѣ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія,—для обсужденія правильности и законности постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій; земская служба признана государственной, вслѣдствіе чего установлена дисциплинарная отвѣтственность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ въ административномъ порядкѣ; министру внутреннихъ дѣлъ и губернатору предоставлена дискреціонная власть не утверждать из-

[1]) На его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Дурново, занимавшій этотъ постъ до 1895 г.

бранныхъ земскими собраніями лицъ въ должность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, а министру предоставлено еще право замѣщать въ извѣстныхъ случаяхъ эти должности по назначенію; дворяне выдѣлены въ особое избирательное собраніе и вообще усиленъ дворянскій элементъ въ земскихъ собраніяхъ, съ такимъ притомъ разсчетомъ, чтобы число гласныхъ въ земскомъ собраніи отъ дворянскаго избирательнаго собранія превышало половину всего назначеннаго для уѣзда общаго количества гласныхъ; уничтожено представительство по довѣренностямъ въ земскихъ собраніяхъ, за немногими исключеніями и устранены отъ участія въ земскихъ выборахъ лица духовнаго званія и евреи; уменьшено вообще число гласныхъ земскихъ собраній; установлено правило объ обязательномъ присутствіи гласныхъ на земскихъ собраніяхъ подъ страхомъ взысканій; установленъ порядокъ обжалованія постановленій земскихъ собраній.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ событію 4 августа 1878 года [1]).

Настоящую замѣтку я составилъ по прочтеніи сообщенія Изанчина-Писарева въ январской книжкѣ «Былого» за этотъ годъ (стр. 41), по поводу участія доктора Веймара въ дѣлѣ объ убійствѣ шефа жандармовъ Мезенцева. Это, конечно, не первый случай, когда суды по политическимъ процессамъ выносили свое обвиненіе на основаніи случайныхъ соображеній, не имѣвшихъ никакого юридическаго характера, и такимъ образомъ осуждали невинныхъ. Сообщеніе объ О. Э. Веймарѣ вызвало во мнѣ воспоминаніе о моемъ собственномъ отношеніи къ этому дѣлу. По просьбѣ Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, я выполнилъ одно порученіе, имѣвшее связь съ подготовленіемъ къ убійству шефа жандармовъ, не зная, для чего собственно моя услуга была нужна. Будь я тогда арестованъ, я, какъ и Веймаръ, легко могъ бы быть обвиненъ по дѣлу Мезенцева. Съ другой стороны, моя замѣтка въ историческомъ отношеніи прибавитъ неизвѣстную еще деталь въ дѣлѣ выполненія наиболѣе крупнаго террористическаго акта до-народовольческаго періода.

Не помню точно чиселъ, но это было въ началѣ іюля 1878 г. Одинъ московскій кружокъ, членами котораго состояли главнымъ образомъ студенты московскаго университета, поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ для того, чтобы привезти оттуда въ Москву транспортъ заграничной литературы. Я незадолго передъ этимъ пріѣхалъ въ Москву изъ-заграницы и зналъ, что большой транспортъ лондонскихъ и женевскихъ изданій находится въ пути въ Петербургъ. Членами этого кружка состояли между прочимъ Л. Г. Левенталь, впослѣдствіи осужденный на каторгу по дѣлу Веймара, не имѣя къ этому дѣлу никакого отношенія, и Татьяна Лебедева, примкнувшая впослѣдствіи къ террористической организаціи партіи «Народной Воли». Въ этотъ же кружокъ, завязавшій сношенія съ рабочими, успѣлъ втереться убитый потомъ провокаторъ Рейнштейнъ.

Въ Петербургѣ я еще не засталъ ожидавшагося транспорта, но А. И. Зунделевича, организовавшаго переправу изданій черезъ границу, ждали со дня на день, и я остался въ Петербургѣ въ ожиданіи его пріѣзда. Будучи нелегальнымъ, я предпочелъ не прописываться и ночевалъ у знакомыхъ, большей частью въ милой семьѣ, изъ которой вышелъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей.

---

[1]) Въ этотъ день въ Петербургѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ.

Ред.

На второй или третій день моего пребыванія въ Петербургѣ я встрѣтился на квартирѣ Малиновской съ С. М. Кравчинскимъ, съ которымъ я познакомился еще за границей. Для характеристики его заграничнаго настроенія того періода я хочу здѣсь привести одинъ эпизодъ. Мы видѣлись въ Германіи, гдѣ С. М. былъ проѣздомъ изъ Швейцаріи въ Россію. Я работалъ въ качествѣ волонтера на машино-строительномъ заводѣ, желая научиться токарному дѣлу на желѣзѣ, чтобы въ Россіи поступить на заводъ въ качествѣ рабочаго. Когда я сообщилъ С. М. Кравчинскому о своихъ намѣреніяхъ, онъ сказалъ со свойственной ему добродушной улыбкой:

— На что вамъ машиностроеніе,—поступили бы лучше на оружейный заводъ. Вотъ, когда мы поднимемъ деревню, намъ нужны будутъ оружейники.

Сергѣй Михайловичъ вѣрилъ тогда въ возможность крестьянскаго возстанія. Но, пріѣхавъ въ Россію, онъ вмѣсто организаціи народнаго возстанія, взялся за выполненіе террористическаго акта.

— Послушайте, обратился ко мнѣ С. М. въ срединѣ разговора съ Малиновской, рисовавшей какой-то портретъ, у меня къ вамъ просьба,—не съѣздите ли по одному дѣлу въ Москву въ ожиданіи пріѣзда въ Петербургъ Зунда?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте сейчасъ, сказалъ С. М.—Дѣло въ томъ, что нужно привезти оттуда нашу пролетку и какъ можно скорѣй, а отсюда некому теперь ѣхать.

— Ладно, отвѣтилъ я и прибавилъ: Очевидно, опять какое-нибудь бѣгство замышляется?

Я имѣлъ въ виду бѣгство П. А. Кропоткина.

— Да, вѣроятно,—отвѣтилъ С. М. сдвинувъ брови,—но лучше не распрашивайте, это не мой личный секретъ. При этомъ онъ какъ то машинально вынулъ изъ кармана короткій кинжалъ въ ножнахъ и снова положилъ его въ карманъ.

С. М. написалъ тутъ же записку въ Москву, вручилъ мнѣ деньги на нужные расходы, и съ первымъ скорымъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ Москву я пріѣхалъ утромъ и отправился сейчасъ же въ Петровскую Академію. Тамъ именно я долженъ былъ передать записку. Лицо, которому я передалъ записку, сейчасъ же отправилось со мной въ одно изъ подмосковныхъ селеній къ распропагандированному крестьянину, у котораго пролетка находилась на храненіи.

Насколько мнѣ помнится, пролетка эта была привезена изъ Петербурга въ Москву для устройства побѣга доктору Ивановскому. Рысакъ «Варваръ», который игралъ роль въ бѣгствѣ Кропоткина и при убійствѣ Мезенцева, тоже былъ привезенъ въ Москву, но ко времени моего пріѣзда онъ уже былъ возвращенъ обратно въ Петербургъ.

Крестьянинъ запрегъ свою лошадь въ телѣгу, вытащилъ изъ сарая пролетку, привязалъ ея оглобли къ задку телѣги, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Москву на Николаевскій вокзалъ. Тамъ я сдалъ пролетку, какъ товаръ большой скорости на предъявителя. Имя и адресъ

отправителя были вымышлены. Желѣзнодорожные артельщики при мнѣ вкатили пролетку въ товарный вагонъ и за приличное вознагражденіе закрыли ее рогожами и привязали къ крюкамъ въ вагонѣ, чтобы она не двигалась. Пролетка была отправлена въ Петербургъ съ товарно-пассажирскимъ поѣздомъ, а я поѣхалъ вечеромъ, скорымъ. Когда я на слѣдующій день утромъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пролетка уже была тамъ. На вокзалѣ, согласно посланной мной на адресъ Малиновской условной телеграммы, ждалъ меня Кравчинскій. Мы получили съ товарной станціи пролетку и повезли ее привязанной къ задку извощичьей пролетки въ татерсаль, гдѣ находился «Варваръ». Тамъ Сергѣй Михайловичъ сказалъ, что онъ покупаетъ у меня пролетку, просилъ хозяина татерсаля и конюховъ ее осмотрѣть, и тѣ ее вполнѣ одобрили, какъ равно и цѣну, за которую я ее продавалъ. Чтобы испробовать пролетку въ ѣздѣ, въ нее впрягли «Варвара», и С. М., правя самъ лошадью, прокатился со мной по нѣкоторымъ улицамъ.

Послѣ этого я провелъ въ Петербургѣ еще нѣсколько дней. Къ тому времени пріѣхалъ Зунделевичъ; ожидавшійся транспортъ прибылъ и розданъ былъ разнымъ организаціямъ: лавристамъ, землевольцамъ, ткачевцамъ. При всѣхъ теоретическихъ разногласіяхъ, между тогдашними революціонными партіями въ такихъ дѣлахъ, какъ доставка агитаціонной литературы, не было враждебнаго соревнованія. Другъ другу оказывали помощь; особенно безпартійнымъ былъ Зунделевичъ. Къ тому же времени пріѣхали въ Петербургъ съ юга участники неудачной попытки подъ Харьковомъ освободить Войнаральскаго, а также бѣжавшіе изъ Кіевской тюрьмы Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій и еще нѣсколько человѣкъ, бѣжавшихъ изъ ссылки. Всѣхъ бѣглецовъ Зунделевичъ долженъ былъ переправить за границу,—и я оставилъ Петербургъ послѣ отъѣзда всей этой компаніи.

По просьбѣ моего друга Зунделевича, я долженъ былъ проводить на вокзалъ лицъ, бѣжавшихъ изъ ссылки, которые не знали, что въ одномъ съ ними поѣздѣ отправляются за-границу также Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Однимъ изъ этихъ бѣглецовъ былъ нынѣ пишущій подъ псевдонимомъ Яковлева сотрудникъ «Новаго Времени», ренегатъ Исаакъ Павловскій, имѣвшій впослѣдствіи столь тлетворное вліяніе на Льва Тихомирова.

Въ Москвѣ, куда я доставилъ, наконецъ, нелегальную литературу, я задержался ненадолго, оттуда я отправился съ порученіями на югъ, и только послѣ 4 го августа, когда былъ убитъ Мезенцовъ, я изъ газетъ узналъ, для чего понадобилась С. М. пролетка и вмѣстѣ съ этимъ, по ассоціаціи идей, мнѣ живо вспомнился тотъ моментъ, когда С. М. вынулъ машинально изъ кармана кинжалъ.

Съ С. М. Кравчинскимъ я встрѣтился за границей снова только года черезъ три съ половиной—въ 1881 г., и послѣ этого въ теченіе двухъ лѣтъ часто сталкивался съ нимъ, но ни разу онъ не вспоминалъ про нашу встрѣчу въ Петербургѣ. Я въ свою очередь никогда не предлагалъ ему по этому поводу никакихъ вопросовъ.

В. І.

Въ Архангельской ссылкѣ.

Въ одну глубокую январскую ночь 1904 года въ квартирѣ моей раздался звонокъ. Я только что вернулся съ одного изъ собраній и утомленный тревольненіями дня, спалъ крѣпкимъ сномъ, когда у постели моей послышался звонъ шпоръ и топотъ многихъ ногъ.

— Господинъ Л., потрудитесь проснуться!

Я не безъ усилій протеръ глаза, и взору моему представилась хорошо знакомая каждому русскому обывателю картина: у кровати моей стоялъ бравый полицейскій офицеръ съ какою-то бумагою въ рукахъ, а вся комната была наполнена множествомъ людей: тутъ были и околоточные, и городовые, и дворники и еще какія то совершенно невѣдомыя личности. Вся эта компанія, при тускломъ свѣтѣ крошечной лампы, принесенной посѣтителями съ собою, производила странное впечатлѣніе, и только совершенно очнувшись, я понялъ, что это за люди и зачѣмъ они пришли. Обыскъ! Что могло быть обычнѣе этого визита во времена всемогущаго Плеве, который всякое частное жилище разсматривалъ прежде всего какъ вмѣстилище всякой крамолы, открытое во всякое время дня и ночи вторженію жандармовъ и полиціи.

— Что вамъ угодно?—обратился я для формы съ вопросомъ къ приставу.

— Будьте любезны одѣться: я имѣю предписаніе градоначальника произвести у васъ обыскъ, а васъ арестовать независимо отъ результатовъ обыска.

Началась обычная процедура обшариванія человѣческой души. Приставъ занялъ позицію у моего письменнаго стола, штатскій господинъ и два околоточныхъ занялись книжными шкапами, городовые были разставлены у выходныхъ дверей, квартиры и около моей особы, а дворники, изъ которыхъ одинъ былъ мой большой пріятель, не разъ присутствовавшій при обыскахъ въ моей квартирѣ, стояли какъ виноватые, конфузливо переминаясь съ ноги на ногу и боязливо поглядывая на начальство.

Замѣтивъ, съ какою жадностью набрасывались приставъ со штатскимъ на всякія брошюры, доклады, рукописи и замѣтки, имѣвшіе отношеніе къ только что закрытому тогда градоначальникомъ III Всероссійскому съѣзду дѣятелей по техническому и

профессіональному образованію, я понялъ причину появленія у меня непрошенныхъ гостей.

26 декабря 1903 года въ Петербургѣ происходилъ выше упомянутый съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Не смотря на то, что правительство всѣми мѣрами старалось сначала оттянуть созывъ съѣзда, а затѣмъ затормозить и по возможности урѣзать его занятія, съѣздъ въ назначенное время состоялся и привлекъ болѣе двухъ тысячъ наиболѣе демократичныхъ дѣятелей по народному образованію. Видя крамолу въ каждомъ сообществѣ людей, министръ вн. дѣлъ В. К. Плеве особенно не любилъ всякія собранія и съѣзды. Предвидя настроеніе III съѣзда, онъ назначилъ весь его президіумъ и бюро всѣхъ его отдѣловъ изъ числа самыхъ надежныхъ людей; отдѣлы съѣзда были допущены только самые спеціальные, не былъ допущенъ даже отдѣлъ „общихъ вопросовъ", въ которомъ на предыдущемъ съѣздѣ былъ выдвинутъ и разработанъ цѣлый рядъ самыхъ насущныхъ вопросовъ народнаго образованія; программа съѣзда была урѣзана до такой степени, что казалось, съѣздъ утратитъ всю свою жизненность и потеряетъ все свое значеніе: наконецъ, занятія съѣзда были опутаны такою густою сѣтью всевозможныхъ полицейскихъ правилъ, что на съѣздѣ, по выраженію нѣкоторыхъ его провинціальныхъ членовъ, „дыхнуть нельзя было". Несмотря на всѣ эти препятствія, съѣздъ не только состоялся, но работалъ съ такой энергіей и плодотворностью и внесъ въ свои постановленія столько горячаго энтузіазма, выказалъ такое глубокое пониманіе общенародныхъ нуждъ и такъ ярко отразилъ настроеніе всей прогрессивной Россіи, что труды его займутъ почетное мѣсто въ исторіи развитія русской общественности. Работы съѣзда по многимъ вопросамъ можно назвать преддверіемъ нынѣ переживаемой нами революціи, такъ какъ съѣздъ впервые во всеуслышаніе провозгласилъ тѣ демократическіе лозунги, которые легли въ основу нынѣшней революціи. Правда, большинство постановленій съѣзда изобличаетъ въ авторахъ ихъ нерѣшительность и половинчатость, но общественное мнѣніе, видя тотъ цензурно-полицейскій прессъ, подъ которымъ съѣзду приходилось работать, само восполнило эти недочеты и утвердило за съѣздомъ репутацію предтечи русской революціи. Еще болѣе чутко отнесся къ съѣзду В. К. Плеве. Находя, что въ дѣятельности съѣзда не только простой крамолы, но и самой настоящей революціи было болѣе, чѣмъ достаточно, онъ рѣшилъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. По его приказанію, градоначальникъ закрылъ съѣздъ, не давъ ему довести до конца свои работы, а затѣмъ началась расправа и съ участниками съѣзда. Въ ночь закрытія съѣзда былъ арестованъ одинъ изъ видныхъ его дѣятелей Г. А. Фальборкъ. Прошло нѣсколько дней. Всѣ думали, что этимъ ограничится месть В. К. Плеве, гнѣвъ котораго на членовъ съѣзда не поддавался описанію. Но оказалось, что мстительность его этимъ не исчерпалась. Не имѣя возможности посадить въ тюрьму весь съѣздъ, всемогущій министръ обрушился на наиболѣе безправныхъ его членовъ: всѣ

евреи, участвовавшіе въ съѣздѣ, были въ 24 часа высланы изъ Петербурга, а затѣмъ были обысканы и арестованы члены съѣзда: В. И. Чарнолускій, Н. П. Воробьевъ и пишущій эти строки; предписано было также арестовать и Н. А. Рубакина, но за болѣзнью онъ былъ оставленъ дома и затѣмъ ссылка была ему замѣнена обязательствомъ выѣхать заграницу.

Потянулись долгіе дни предварительнаго заключенія. Зная настроеніе министра вн. дѣлъ, я не сомнѣвался въ томъ, что участіе въ съѣздѣ будетъ вмѣнено мнѣ въ политическое преступленіе, я даже готовился къ несенію высшей мѣры наказанія, которою можно было, по тогдашней конъюнктурѣ, покарать за такое „преступленіе"—къ высылкѣ изъ Петербурга на одинъ или два года. Каково же было мое изумленіе, когда, вызванный въ охранное отдѣленіе на допросъ, я услышалъ изъ устъ допрашивавшаго меня жандарма фразы, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ занятій нашего съѣзда полиція и жандармерія намѣрены создать чуть ли не цѣлый политическій заговоръ. Въ прочитанныхъ мнѣ жандармомъ выдержкахъ изъ шпіонскихъ донесеній, моя скромная фигура рядового работника на съѣздѣ была возвеличена до степени опаснаго демагога и революціонера, приведшаго весь съѣздъ къ совершенію цѣлаго ряда преступленій. Я понялъ, что вступать въ какія бы то нибыло объясненія и въ опроверженіе показаній „невидимыхъ свидѣтелей" будетъ безполезно, и терпѣливо ждалъ рѣшенія своей участи. Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай приблизительно узнать ожидавшую меня судьбу: сосѣди по заключенію сообщили мнѣ, что арестованный ранѣе меня Г. А. Фальборкъ приговоренъ „особымъ совѣщаніемъ" къ ссылкѣ на пять лѣтъ въ Якутскую Область. Просидѣвъ еще недѣль шесть, я узналъ, что мнѣ назначена болѣе легкая кара: ссылка на три года въ Архангельскую губернію. Такой же „приговоръ" былъ вынесенъ и Н. И. Воробьеву, а В. И. Чарнолускому срокъ ссылки увеличенъ на два года. Мы избавлены были отъ Восточной Сибири, но причиною этому была, конечно, не „мягкость" Плеве, а начавшаяся русско-японская война, вслѣдствіе которой перевозка политическихъ въ Сибирь была пріостановлена.

Даже по тѣмъ временамъ, такая расправа съ нами поразила русское общество. Лучшіе годы нашей жизни намъ предстояло прозябать въ неприглядныхъ условіяхъ Сѣверной ссылки, неся наказаніе за провозглашеніе идей, которыя годъ спустя сдѣлались не только не наказуемыми, но даже въ обиходѣ самой бюрократіи—по крайней мѣрѣ болѣе передовыхъ ея слоевъ—казались половинчатыми и устарѣлыми.

II.

Конвоируемый двумя жандармами, я, послѣ долгихъ мытарствъ, прибылъ, наконецъ, въ Архангельскъ. Несмотря на мартъ мѣсяцъ, числящійся по календарю весеннимъ, стоялъ крѣпкій морозъ, и

Сѣверная Двина, эта краса Архангельска—была скована толстымъ льдомъ и покрыта ярко сверкавшимъ на Сѣверномъ солнцѣ ослѣпительно бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ.

Размѣстившись на двухъ повозкахъ, мы двинулись по направленію къ губернаторскому дому. Проѣзжая по пустыннымъ, еще не проснувшимся улицамъ Архангельска, я съ любопытствомъ разглядывалъ этотъ городъ, съ именемъ котораго связаны судьбы столькихъ русскихъ революціонеровъ. Веселый видъ нарядныхъ деревянныхъ домиковъ, бѣлыя отъ пушистаго снѣга улицы, яркій блескъ весенняго солнца придавали городу веселый, привѣтливый видъ и ничто не говорило о той мрачной роли, которую призванъ былъ играть этотъ городъ въ исторіи русской общественности.

Мы подъѣхали къ канцеляріи губернатора. Не смотря на ранній часъ, губернаторъ [1]) тотъ-часъ же меня принялъ. Я предсталъ предъ лицомъ человѣка, которому была ввѣрена моя дальнѣйшая судьба. Это былъ весьма корректнаго вида господинъ съ немного инглизированной внѣшностью, въ контръ-адиральскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

— Вы г. Лавриновичъ?—привѣтливо обратился ко мнѣ губернаторъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Принявъ отъ старшаго жандарма пакетъ и расписавшись въ полученіи его и прилагаемой къ нему моей личности, Н. А. Римскій-Корсаковъ отослалъ жандармовъ въ переднюю комнату и сталъ разспрашивать меня о дѣлѣ, по которому я подвергнутъ былъ ссылкѣ.

— Я оставилъ бы васъ въ Архангельскѣ, сказалъ онъ, переходя послѣ разспросовъ въ оффиціальный тонъ,—если бы вы дали мнѣ обѣщаніе не участвовать въ безпорядкахъ и сходкахъ и не поддерживать близкихъ отношеній съ политическими ссыльными.

— Я не могу дать вамъ обѣщанія не поддерживать общенія съ ссыльными,—отвѣчалъ я.—Вѣдь это мои товарищи по участи, многихъ изъ нихъ я знаю по Петербургу, да и вообще, это—единственное общество, съ которымъ, въ моемъ положеніи, я могу и захочу сойтись.

— О, нѣтъ,—возразилъ мнѣ губернаторъ,—я вовсе не требую, чтобы вы съ ними не знакомились, но надѣюсь, что отъ этого не произойдетъ никакихъ безпорядковъ.

Я молчалъ; молчалъ и губернаторъ. Прошла минута этого неловкаго молчанія.

— Ну, такъ вотъ,—прервалъ губернаторъ наше молчаніе,—для опыта я оставляю васъ въ Архангельскѣ, но прошу васъ не забывать, что если вы будете не спокойны, то я вынужденъ буду выслать васъ въ уѣздъ.

Я поклонился, и аудіенція наша окончилась. Губернаторъ позвалъ жандармовъ и объявилъ имъ, что конвой для меня болѣе

---

[1]) Контръ-адмиралъ Н. А. Римскій-Корсаковъ, умершій въ январѣ 1907 года. Былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ до мая 1904 года.

не нуженъ, и они могутъ возвращаться въ Петербургъ, а мнѣ предложилъ отправиться въ управленіе Архангельскаго полиціймейстера для регистраціи и полученія вида на жительство.

Выйдя изъ губернаторскаго дома, я отправился въ канцелярію полиціймейстера. Почти трехсуточное путешествіе подъ прессомъ жандармскаго конвоя такъ пріучило меня къ этому положенію, что я, не видя по бокамъ своихъ конвоировъ, никакъ не могъ себѣ представить, что я свободенъ и могу идти куда хочу, разговаривать съ людьми и быть, вообще, хозяиномъ своихъ дѣйствій.

Въ канцеляріи мнѣ пришлось пройти цѣлый рядъ формальностей и подписать цѣлую кучу всевозможныхъ обязательствъ. Во первыхъ, отъ меня отобрали собственноручное описаніе моихъ примѣтъ; затѣмъ, я долженъ былъ выдать подписку въ томъ, что не буду отлучаться за черту города безъ разрѣшенія начальства; подписать обязательство обращаться по всѣмъ моимъ дѣламъ, требующимъ вмѣшательства губернатора или высшихъ властей — не непосредственно къ губернатору, а черезъ полиціймейстера; наконецъ, я расписался въ томъ, что мнѣ объявлено „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“.

Это „Положеніе“, которое въ нашей колоніи въ шутку называли „конституціей“, представляетъ сводъ правилъ, устанавливающихъ обязанности и права состоящихъ подъ надзоромъ полиціи ссыльныхъ. Изданное въ 1882 году, какъ приложеніе, къ статьѣ I Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, это измышленіе покойнаго В. К. Плеве проникнуто такимъ духомъ мстительности и недоброжелательства, что примѣненіе его дѣлаетъ жизнь въ ссылкѣ невыносимой. Но мѣстная администрація въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивается точнымъ примѣненіемъ „Положенія“; въ большинствѣ случаевъ, къ этому еще присоединяются личное усмотрѣніе и распространительное толкованіе придуманныхъ г-мъ Плеве стѣсненій, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются изъятія, ослабляющія давленіе этого административнаго пресса.

„Конституція“, подъ гнетомъ которой приходится до настоящаго времени томиться десяткамъ тысячъ политическихъ ссыльныхъ, настолько характерна для отживающаго полицейскаго режима, что мы не можемъ не привести здѣсь хотя бы избранныя мѣста ея.

Несмотря на то, что первый пунктъ „Положенія“ говоритъ о полицейскомъ надзорѣ, какъ мѣрѣ *предупрежденія* преступленій противъ существующаго Государственнаго порядка, все „Положеніе“ составлено такъ, что примѣненіе его къ ссыльнымъ является *наказаніемъ* и весьма строгимъ. Вотъ, напримѣръ, правила объ отлучкахъ, изложенныя въ 7 — 16 пунктахъ „Положенія“. Тщательнѣйшимъ образомъ регламентируя отлучки ссыльныхъ изъ мѣста ихъ поднадзорнаго жительства, правила предоставляютъ право разрѣшать отлучки: въ предѣлахъ уѣзда — мѣстнымъ начальникамъ полиціи; въ предѣлахъ губерніи - губернаторамъ, и

въ другія губерніи — министру внутреннихъ дѣлъ. Разрѣшеніе отлучекъ обусловлено „особо уважительными причинами“ и „одобрительнымъ поведеніемъ“. Эти два условія дѣлаютъ совершенно фиктивнымъ право ссыльныхъ пользоваться отлучками, такъ какъ исключительно отъ личнаго усмотрѣнія полицейскаго чина или губернатора зависитъ разрѣшить отлучку или нѣтъ, ибо „одобрительность поведенія“ и „уважительность причинъ“ ничѣмъ не регламентированы и всецѣло отъ названныхъ властей зависитъ признать наличность требуемыхъ для разрѣшенія отлучки условій: все будетъ зависѣть отъ того, хорошія или дурныя отношенія установились у васъ съ ближайшими властями.

Пунктъ 17-ый обязываетъ поднадзорнаго, „какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія, — являться въ полицію по первому ея требованію“. Это правило даетъ полиціи возможность совершенно отравить существованіе ссыльнаго: бываютъ случаи, что полиція, желая насолить какому нибудь ссыльному, чѣмъ нибудь ей не угодившему, заставляетъ являться въ полицейское управленіе ежедневно и даже по нѣсколько разъ въ день; не говоря уже объ унизительности и совершенной безцѣльности такого паломничества въ участокъ, оно разбиваетъ у человѣка весь день, мѣшая ему чѣмъ нибудь заняться. Такимъ образомъ, одно это правило способно обратить ссылку въ жесточайшее наказаніе.

Такой же произволъ предоставленъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ въ отношеніи и жилища поднадзорнаго: полиція имѣетъ право во всякое время дня и ночи не только входить въ его квартиру, но и производить у него обыски и выемки. Хотя по правиламъ требуется, чтобы о каждомъ произведенномъ обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и результатовъ обыска, но это не предохраняетъ поднадзорныхъ отъ безцѣльныхъ вторженій къ нимъ полиціи, къ услугамъ которой имѣется ни къ чему не обязывающая отговорка вродѣ того, что „обыскъ произведенъ по подозрѣнію въ храненіи нелегальной литературы“ (или оружія, прокламацій и т. п.). Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что полиція даже въ Архангельскѣ весьма охотно прибѣгала къ ночнымъ нашествіямъ на квартиры ссыльныхъ, мстя такими визитами за всякое столкновеніе съ нею. Обыски сопровождались такимъ безобразнымъ поведеніемъ полиціи въ домѣ обыскиваемаго, что скорѣе носили характеръ разбойничьихъ набѣговъ и являлись для ссыльныхъ настоящимъ бичемъ. Особенно любилъ этимъ заниматься полиціймейстеръ Н. И. Губскій, облюбовавшій для этой цѣли нѣсколько наиболѣе ненавистныхъ ему лицъ, къ которымъ онъ вторгался всегда въ сопровожденіи цѣлой своры городовыхъ и шпіоновъ. [1])

---

[1]) Н. И. Губскій при губернаторѣ Н. Г. Бюнтингѣ былъ совершенно уволенъ со службы, но вскорѣ ему удалось вновь поступить на полицейскую службу на должность помощника Гродненскаго полиціймейстера. Здѣсь въ него была брошена бомба, тяжело его ранившая. По оправившись, онъ вновь продолжалъ полицейскую службу.

Ставя поднадзорныхъ въ такую зависимость отъ личнаго усмотрѣнія полицейскихъ властей, „Положеніе“ и въ остальныхъ отношеніяхъ создаетъ такое ограниченіе правъ ссыльныхъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ *предупрежденіемъ* преступленій. Такъ, пунктомъ 21 поднадзорнымъ воспрещается состоять на государственной или общественной службѣ, 22 — быть учредителями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій; 24 — воспрещается: всякая педагогическая дѣятельность; принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; чтеніе публичныхъ лекцій; участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ и вообще всякаго рода публичная дѣятельность: содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ видите, все, чѣмъ ссыльный могъ бы заработать себѣ на пропитаніе или скрасить свое поднадзорное существованіе удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ потребностей, все это представляетъ для него запретный плодъ. Но и относительно остальныхъ, не перечисленныхъ здѣсь занятій составителями „Положенія“ приняты мѣры: въ пунктѣ 28 сказано, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно служитъ ему „средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія“.

Насколько вредна для интересовъ ссыльныхъ эта оговорка — пришлось испытать всякому изъ насъ, искавшему труда. Если губернаторъ или полиціймейстеръ ничего не имѣли противъ поступленія кого либо изъ „политиковъ“ на ту или другую должность или работу, то на сцену нерѣдко выступали мѣстные жандармы, выдвигавшіе пресловутые „предосудительные замыслы“ или „опасность для общественнаго порядка и спокойствія“. Вмѣшательство жандармовъ особенно часто практиковалось въ отношеніи нашихъ товарищей-рабочихъ, поступавшихъ на заводы; благодаря этому, многіе хорошіе мастера сидѣли безъ работы, влача полуголодное существованіе, въ то время, какъ въ ихъ трудѣ такъ нуждалось мѣстное населеніе. Правда, что интеллигентные ссыльные находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; 12 человѣкъ изъ нихъ даже приняты были на службу въ мѣстную казенную палату, но этимъ они обязаны были либерализму управляющаго палатой г. Ушакова, служебное положеніе котораго не помѣшало ему увидѣть въ „отверженныхъ“ ссыльныхъ талантливыхъ и образованныхъ работниковъ, могущихъ быть весьма полезными для дѣла. И дѣйствительно, группа работавшихъ у г. Ушакова земскихъ статистиковъ, получая грошовые оклады (отъ 25 до 40 рублей въ мѣ-

сяцъ), произвела по порученію г. Ушакова цѣлый рядъ статистическихъ изслѣдованій края, давшихъ цѣнный матеріалъ для изученія дальняго сѣвера. Извѣстный докторъ С. В. Мартыновъ, послѣ поѣздки въ Печорскій край, вывезъ оттуда настолько цѣнные матеріалы объ этомъ необыкновенномъ краѣ, что, обработавъ ихъ, онъ опубликовалъ любопытную книгу „Печорскій Край“.— Еще болѣе существенные результаты дала командировка покойнаго нынѣ приватъ-доцента М. Ю. Гольдштейна, геолога г. Пивовара и студента С. С. Иванова на Новую землю для изученія соціально-экономическаго быта самоѣдовъ. Экспедиція эта собрала богатый матеріалъ по этому вопросу, но трагическая смерть М. Ю. Гольдштейна помѣшала разработкѣ и своевременному опубликованію добытыхъ данныхъ.

Однако, большинство и интеллигентныхъ ссыльныхъ, благодаря стѣсненіямъ, установленнымъ „Положеніемъ о надзорѣ“, не могли получить никакихъ заработковъ, такъ какъ почти всѣ профессіи были подъ запретомъ. Какое отношеніе имѣлъ этотъ запретъ къ предупрежденію преступленій — извѣстно одному только Богу, да творцу этого замѣчательнаго „Положенія“.

Стѣсняя такимъ образомъ ссыльныхъ въ матеріальномъ отношеніи, подъ предлогомъ пресѣченія преступленій, „положеніе“ не оставляетъ безъ вниманія и духовную жизнь плѣнниковъ самодержавія. Такъ, оно предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспрещать поднадзорнымъ непосредственное полученіе ихъ частной корреспонденціи; въ такомъ случаѣ, всѣ письма и депеши, получаемыя на имя такого лица, препровождаются почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ на просмотръ къ начальнику жандармскаго управленія, а въ уѣздахъ — исправнику, которые или передаютъ ихъ по принадлежности или, „въ случаѣ предосудительнаго содержанія корреспонденціи“, задерживаютъ; равнымъ образомъ, и поднадзорный всю отправляемую имъ корреспонденцію обязанъ представлять на просмотръ тѣмъ же лицамъ. Для обезпеченія исполненія этихъ предписаній, мѣстнымъ почтовымъ и телеграфнымъ учрежденіямъ сообщаются списки поднадзорныхъ, которымъ воспрещено непосредственное полученіе корреспонденціи, — дабы это вѣдомство содѣйствовало полиціи и жандармеріи въ ихъ погонѣ за чтеніемъ чужихъ писемъ. Такимъ образомъ, надзоръ учреждается не только внѣшній, но и внутренній, и въ то время, какъ въ передней квартиры ссыльнаго постоянно топчется городовой или околоточный, наводящій справки, дома ли такой то и что онъ дѣлаетъ, — въ душу и сердце его постоянно влѣзаетъ жандармъ или полицейскій, попирая грязнымъ сапогомъ всѣ сокровенные его помыслы.

Но кромѣ этой, такъ сказать, законной, явной перлюстраціи, существуетъ еще сверхзаконная, тайная. Вышеуказанный способъ чтенія въ сердцахъ примѣняется обыкновенно лишь по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ мѣстныя власти интересуются интимной жизнью ссыльныхъ не только по приказу высшаго начальства, а и по своему собственному побужденію, то

корреспонденція ссыльныхъ всегда подвергается тайной перлюстраціи и весьма часто перехватывается; въ почтовой конторѣ всегда можно встрѣтить жандарма, трущагося въ отдѣленіи, гдѣ разбирается почта, и только придумываніе конспиративныхъ адресовъ могло избавить насъ отъ перехватыванія нашихъ писемъ. Эта перлюстрація дѣлается такъ грубо, съ такимъ отсутствіемъ всякаго стѣсненія, что на письмахъ часто можно было замѣтить явные слѣды жандармскаго любопытства. Большая часть обысковъ обыкновенно производилась жандармами на основаніи вычитанныхъ такимъ образомъ въ нашихъ же письмахъ свѣдѣній.

Такова была наша „конституція". Каждый пунктъ ея былъ ловко приспособленъ къ тому, чтобы отравлять каждый часъ нашего существованія, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ намѣченной цѣли—„предупрежденія и пресѣченія преступленій". Наоборотъ—мстительность и несправедливость, положенныя въ основу „положенія о полицейскомъ надзорѣ", только способствовали озлобленію и развитію революціоннаго духа у всѣхъ, кто подпалъ подъ ферулу этихъ безчеловѣчныхъ правилъ. Но объ этомъ я еще буду имѣть случай говорить.

III.

Я водворился въ Архангельскѣ и этимъ самымъ сдѣлался полноправнымъ членомъ архангельской колоніи политическихъ ссыльныхъ.

Я быстро перезнакомился со всей колоніей и въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль зналъ весь ея составъ, организацію и внутреннюю жизнь со всѣми ея печалями и радостями.

Архангельская колонія была самая многочисленная изъ всѣхъ колоній губерніи. Мое вступленіе въ нее совпало со временемъ самаго пышнаго ея расцвѣта, какъ впрочемъ, и расцвѣта всей ссылки вообще, обязанной этимъ усердію В. К. Плеве. Губернская администрація, стремясь къ наибольшему разъединенію ссыльныхъ и, по степени ихъ „виновности" (въ опредѣленіи которой она могла руководствоваться только срокомъ ссылки, да скудными данными, имѣвшимися въ „дѣлѣ" каждаго ссыльнаго), выбирая для нихъ ближайшіе или отдаленные уѣзды, старалась наиболѣе революціонную молодежь и рабочихъ разсылать по такимъ медвѣжьимъ угламъ, какъ Печорскій Край, Кола, Александровскій уѣздъ, Мезенскій и Камскій уѣзды и т. п., въ Архангельскѣ же оставлялись преимущественно люди болѣе зрѣлыхъ возрастовъ, „либералы" и больные, нуждавшіеся въ постоянной помощи врача. Но ссыльныхъ было такъ много и вся губернія была настолько переполнена ими, что въ концѣ концовъ осуществленіе этой политики было очень затруднено и сортировка ссыльныхъ утратила свое значеніе. Такимъ образомъ, въ Архангельскѣ собралась очень разнообразная публика, и колонія наша сдѣлалась наиболѣе интересною по своему составу. Ко времени

моего прибытія, здѣсь не было и 50 человѣкъ, а мѣсяца черезъ 2 колонія насчитывала болѣе 100 ссыльныхъ и составъ ея все еще продолжалъ рости — такъ старательно колонизировалъ В. К. Плеве дальній сѣверъ людьми, не раздѣлявшими его полицейскихъ убѣжденій.

Здѣсь были представители всевозможныхъ профессій и направленій: земскіе дѣятели, врачи, адвокаты, литераторы, учителя и учительницы, земскіе статистики, инженеры, фельдшерицы, акушерки, зубные врачи, ветеринары, техники, студенты и курсистки всевозможныхъ учебныхъ заведеній, рабочіе, крестьяне, приказчики, одинъ приватъ доцентъ. Такъ же разнообразенъ былъ составъ колоніи и по политическимъ убѣжденіямъ ея членовъ: преобладающій, по численности, элементъ представляли соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, но было много и „освобожденцевъ", изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась партія конституціоналистовъ-демократовъ; наконецъ, было большое число безпартійныхъ. В. К. Плеве такою щедрою рукою разсыпалъ административныя кары, что въ ссылку попадали не только революціонеры или хотя бы люди, вредные съ полицейской точки зрѣнія для государственнаго порядка, а любой обыватель, не угодившій почему либо мѣстной предержащей власти, или удостоенный вниманія со стороны какого нибудь шпіона, весьма легко попадалъ въ мѣста не столь отдаленныя. Извѣстно, напримѣръ, что при Плеве, да и до него въ ссылку попадало множество рабочихъ, участвовавшихъ въ экономическихъ забастовкахъ и по большей части не имѣвшихъ никакого отношенія къ политикѣ; также охотно ссылали крестьянъ, попадавшихъ въ какія нибудь аграрныя недоразумѣнія; наконецъ, въ ссылку попадали люди просто „по пьяному дѣлу", рѣшительно ни въ чемъ, кромѣ слабости къ выпивкѣ, передъ государственнымъ порядкомъ не повинные; такъ, напримѣръ, въ Архангельскъ былъ сосланъ одинъ обыватель только за то, что послѣ кутежа въ какомъ то злачномъ мѣстѣ, онъ, расплачиваясь съ прислугой, недостаточно почтительно отнесся къ рублевой монетѣ, на которой изображенъ былъ царскій портретъ.

Но если высылку бастующихъ рабочихъ или безразличныхъ къ политикѣ обывателей можно было объяснить нежеланіемъ администраціи долго разбираться въ массѣ подобныхъ дѣлъ, то ужъ совершенно непонятною и необъяснимою представляется высылка такъ называемыхъ „либераловъ", въ числѣ которыхъ насчитывалось много извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Таковыми особенно изобиловала архангельская колонія, и по обстоятельствамъ, приведшимъ ихъ въ ссылку, можно судить о той неразборчивости и безцеремонности въ выборѣ средствъ, при помощи которыхъ В. К. Плеве боролся съ крамолою.

Вотъ, напримѣръ, извѣстный воронежскій врачъ и земскій дѣятель Сергѣй Васильевичъ Мартыновъ. Онъ былъ сосланъ сюда еще въ 1902 году за участіе въ трудахъ воронежскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Из-

вѣстно, что когда С. Ю. Витте учреждалъ эти комитеты, то привлекая къ участію въ нихъ общественныхъ дѣятелей, онъ просилъ ихъ высказаться о нуждахъ Россіи съ совершенной откровенностью. С. В. Мартыновъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ легковѣрныхъ людей, которые воображали, что бюрократіи нужна откровенность честныхъ дѣятелей; онъ выступилъ съ докладомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость участія народныхъ представителей въ дѣлахъ управленія.

Мысль, выраженная въ докладѣ, повторялось вскорѣ послѣ этого совершенно безнаказанно на всѣхъ банкетахъ и митингахъ, но С. В. Мартыновъ за свою „совершенную откровенность" былъ немедленно схваченъ и подъ конвоемъ жандармовъ отправленъ въ С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, а оттуда этапнымъ порядкомъ—въ Архангельскъ. С. Ю. Витте, вызвавшій С. В. Мартынова на столь печальную для него откровенность, умылъ руки, и почтенному дѣятелю пришлось протомиться на сѣверѣ цѣлыхъ два года; только смерть В. К. Плеве явилась для него избавительницей; первымъ дѣломъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго было освобожденіе С. В. Мартынова изъ ссылки.

Присяжный повѣренный П. Н. Переверзевъ, сосланный въ Архангельскъ въ февралѣ 1904 г., провинился передъ В. К. Плеве участіемъ въ процессѣ о кишиневскомъ погромѣ. Если министерству внутреннихъ дѣлъ было легко „опровергать" появившееся въ заграничныхъ газетахъ сообщеніе о томъ, что кишиневскій погромъ былъ организованъ по внушенію свыше,—то ссылая П. Н. Переверзева, В. К. Плеве только утвердилъ въ обществѣ мысль объ участіи своемъ въ организаціи погрома, потому что единственной причиной высылки г. Переверзева послужили разоблаченія, сдѣланныя имъ на судѣ, и доклады, которые онъ дѣлалъ о кишиневскомъ процессѣ въ петербургскихъ кружкахъ. Убравъ этого неудобнаго свидѣтеля, Плеве разсчитывалъ скоро замять непріятныя впечатлѣнія, но этимъ только подлилъ масла въ огонь, такъ какъ изгнаніе г. Переверзева окончательно утвердило общество въ мысли о причастности министра внутреннихъ дѣлъ къ кишиневской бойнѣ. Только смерть Плеве возстановила П. Н. Переверзева въ его попранныхъ правахъ, такъ какъ замѣнившій Плеве князь Святополкъ-Мирскій поспѣшилъ возвратить и ему свободу.

Еще болѣе замѣчательна высылка въ Архангельскую губернію пяти уфимцевъ: помощника присяжнаго повѣреннаго А. Н. Плаксина, секретаря уфимской губернской земской управы И. К. Гудзь, земскихъ статистиковъ Е. В. Пашковскаго, Н. Н. Ильинскаго и инженера А. Р. Бриллинга. Эти лица, занимавшія въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ видное положеніе, въ одинъ прекрасный день, по приказанію губернатора Соколовскаго, были обысканы и, хотя ничего „предосудительнаго" у нихъ найдено не было, но ихъ посадили въ тюрьму и немедленно выслали въ отдаленные уѣзды Архангельской губерніи. Тщетно жены вы-

сланныхъ добивались узнать о причинѣ постигшей ихъ мужей кары; Соколовскій „честнымъ словомъ губернатора“ увѣрялъ ихъ, что онъ тутъ ни причемъ и совершенно не знаетъ, за что высланы ихъ мужья; въ департаментѣ же полиціи имъ объявили, что тамъ не имѣется никакихъ свѣдѣній о виновности высланныхъ, такъ какъ высылка состоялась по ходатайству уфимскаго губернатора, аттестовавшаго высланныхъ, какъ вредныхъ для государственнаго порядка людей. Только впослѣдствіи, для соблюденія декорума, ихъ пристегнули какимъ-то образомъ къ дѣлу объ убійствѣ уфимскаго губернатора Богдановича, хотя никто не могъ имъ объяснить, какъ и почему ихъ считаютъ прикосновенными къ этому дѣлу. Какъ бы для подкрѣпленія этого обвиненія, одного изъ „уфимцевъ“, именно А. Н. Плаксина департаментъ полиціи пытался притянуть къ процессу боевой организаціи (дѣло Гершуни и другихъ). Не успѣлъ А. Н. оглядѣться въ мѣстѣ своей ссылки, какъ былъ арестованъ и подъ жандармскимъ конвоемъ отвезенъ въ Петербургъ. Изъ предлагавшихся ему слѣдственною властью вопросовъ, онъ понялъ, что его подозрѣваютъ въ соучастіи въ убійствѣ губернатора Богдановича. Оказалось, что простого упоминанія его имени извѣстнымъ по процессу Гершуни поручикомъ Григорьевымъ, всѣми мѣрами старавшимся себя выгородить, было достаточно для привлеченія Плаксина. Обвиненіе оказалось до такой очевидности нелѣпымъ, что онъ былъ вскорѣ отъ него освобожденъ и отправленъ тѣмъ же порядкомъ обратно въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что послѣ смерти Плеве, всѣ „уфимцы“ были освобождены. Студентъ петербургскаго технологическаго института И. М. Труба былъ сосланъ въ Архангельскую губернію на 3 года по причинамъ, которыя такъ и остались для него неизвѣстными во все время ссылки.

Во время царившей при Сипягинѣ и министрѣ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ аракчеевщины, когда непокорныхъ студентовъ усмиряли отдачею въ солдаты и ссылкою въ Сибирь, И. М. Труба былъ сосланъ, въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ, въ Иркутскую губернію. Все общество было возмущено тогда этой безцѣльной жестокостью властей, думавшихъ задержать такимъ образомъ освободительное движеніе. Глухое негодованіе общества заставило правительство отмѣнить эту нелѣпую мѣру и сосланнымъ студентамъ было даровано „прощеніе“. Возвѣстить объ этомъ ссыльныхъ студентовъ поручено было состоявшему тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому. Но миссія его окончилась неудачно: студенты не только не выразили раскаянія, но не приняли и прощенія, и вообще, не захотѣли даже разговаривать съ высокопоставленнымъ гонцомъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они были возвращены въ Россію, хотя болѣе строптивымъ изъ нихъ сохраненъ былъ полицейскій надзоръ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и И. М. Труба, возвращенный изъ Верхнеудинска въ Полтаву. Здѣсь онъ долго, но безуспѣшно, искалъ занятій: куда онъ ни обращался — вездѣ поперекъ дороги становились жандармскія власти, какъ-бы

мстившія ему за содѣянныя имъ въ Сибири „дерзости“. Въ самый разгаръ своей борьбы съ одолѣвавшею его нуждой, И. М. Труба былъ неожиданно арестованъ и отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; никакихъ обвиненій ему предъявлено не было, на допросъ его не вызывали и, такимъ образомъ, онъ такъ и не узналъ о причинѣ своей новой высылки. Только со смертью Плеве выяснилось, что никакихъ причинъ для высылки не существовало, и И. М. Труба былъ освобожденъ и, по возвращеніи въ Петербургъ, даже принятъ обратно въ технологическій институтъ. Курьезно, что свидѣтельство о благонадежности, требовавшееся для поступленія въ институтъ, выдано было г. Трубѣ тѣмъ же департаментомъ полиціи, который въ 1903 году распорядился о высылкѣ его въ Архангельскую губернію.

Другой студентъ-химикъ юрьевскаго университета Д. Н. Кладищевъ былъ сосланъ за несчастный случай, который едва не стоилъ ему жизни: въ его лабораторіи, во время занятій Д. Н. Кладищева, случился взрывъ, причинившій ему серьезные ожоги и поврежденій помѣщеніе лабораторіи. Никакой политической подкладки этотъ случай не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Д. Н. былъ сосланъ въ Архангельскую губернію, какъ „неблагонадежный“ и „вредный“. Насколько неосновательна была эта высылка, власти могли убѣдиться на дальнѣйшемъ поведеніи Кладищева; уже освобожденный по распоряженію того же кн. Святополкъ-Мирскаго, и слѣдовательно не нуждавшійся ни въ какихъ „милостяхъ“ бюрократіи, онъ заявилъ о своемъ желаніи вступить добровольцемъ въ дѣйствующую манчжурскую армію, желая принять участіе, какъ онъ объяснилъ товарищамъ, въ защитѣ родины отъ грозившей ей отъ внѣшняго врага опасности. Было ли основаніе объявлять „вреднымъ“ этого человѣка, пусть судитъ департаментъ полиціи.

По совершенно нелѣпому поводу попалъ въ Архангельскъ и извѣстный врачъ С. А. Никоновъ, бывшій главнымъ врачемъ севастопольской городской больницы. Въ высылкѣ его администрація проявила столько цинизма, что было бы ущербомъ для исторіи борьбы русскаго правительства съ крамолою умолчать объ этомъ удивительномъ инцидентѣ. Привожу краткій разсказъ объ этомъ со словъ „Освобожденія“, лично подтвержденный мнѣ С. А. Никоновымъ:

Въ концѣ октября 1903 г., въ Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ былъ арестованъ Н. Л. Канторовичъ, завѣдывавшій аптекой при севастопольской городской больницѣ. Послѣ ареста, въ квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ, но полиціи не удалось ничего найти. Смотритель больницы В. Т. Голиковъ, не ожидая скораго освобожденія Канторовича, поручилъ своему помощнику г. Петропавловскому освободить его комнату. Исполняя это порученіе, Петропавловскій „нашелъ“ въ комнатѣ Канторовича шесть нелегальныхъ книгъ, о чемъ онъ услужливо сообщилъ полиціи. Отъ градоначальника было получено предписаніе немедленно удалить смотрителя больницы г. Голикова и замѣстить его Петропавловскимъ. С. А. Никоновъ отказался исполнить это требованіе

и, когда оно было повторено, причемъ было предписано удалить г. Голикова въ 24 часа, С. А. Никоновъ подалъ въ отставку.

Городская управа отставку не приняла, а созванный медико-санитарный совѣтъ избралъ на мѣсто смотрителя кандидата, предложеннаго Никоновымъ. По просьбѣ совѣта, Никоновъ взялъ свою отставку обратно. Но новый смотритель не былъ утвержденъ градоначальникомъ, а д-ру Никонову предложено было городскимъ головою г. Максимовымъ назначить Петропавловскаго „хоть временно“ замѣстителемъ смотрителя. Получивъ отказъ, голова созываетъ правленіе больницы, которое также отказывается согласиться на замѣщеніе Петропавловскимъ должности смотрителя, въ виду его непригодности для этого, и заявляетъ, что въ противномъ случаѣ, оно слагаетъ съ себя отвѣтственность за хозяйственную часть больницы и могущія быть послѣдствія. Несмотря на это, управа на слѣдующій день прислала д-ру Никонову предписаніе передать хозяйственную часть Петропавловскому. На этотъ разъ, не только С. А. Никоновъ, а еще два врача: Л. А. Флеровъ и Н. И. Потоковъ подали въ отставку, а за ними ушли и всѣ фельшерицы, 4 служителя и 3 сидѣлки... Администрація принесла въ жертву одному „благонамѣренному“ господину цѣлую дюжину необходимыхъ для общественнаго дѣла работниковъ. Но этимъ еще не кончился этотъ замѣчательный конфликтъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ д-ръ Никоновъ получилъ отъ властей „приговоръ“ о ссылкѣ его въ Архангельскъ на 3 года. Престижъ власти окончательно... возстановленъ.

Наконецъ, извѣстный московскій присяжный повѣренный и тверской земецъ С. А. Балавинскій былъ сосланъ на пять лѣтъ по причинамъ, которыя такъ и остались неизвѣстны, ибо ему предъявлено было лишь неопредѣленное обвиненіе во „вредномъ направленіи“. Здѣсь Плеве разошелся „во мнѣніяхъ“ съ населеніемъ цѣлаго края, которое считало С. А. Балавинскаго настолько полезнымъ, что избрало его въ земскіе гласные, въ то время, какъ Плеве считалъ его настолько вреднымъ, что ничего, кромѣ ссылки для него придумать не могъ.

Я привелъ лишь весьма немногіе примѣры неразборчивости департамента полиціи и его вдохновителей въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ. Такихъ примѣровъ, какъ въ самомъ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, было множество. Несмотря, однако, на особенности режима Плеве, способствовавшаго наполненію ссылки умѣренными элементами, основу ссылки и наиболѣе вліятельный ея элементъ составляли все-таки революціонеры. Ихъ вліяніе было настолько сильно, что въ немъ растворялась вся умѣренность либераловъ. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ убѣжденными, глубоко преданными революціонной идеѣ людьми, самые мирные изъ ссыльныхъ убѣждались, что единственный путь, ведущій къ освобожденію народа, представляетъ революція. Тѣ изъ нихъ, которые по природной своей скептичности или флегматичности, избѣгли этой эволюціи, — впослѣдствіи, когда жизнь въ ссылкѣ со всѣмъ ея административнымъ гнетомъ дори-

совывала на ихъ глазахъ картину надругательства надъ человѣческой личностью,—также отдавали дань вліянію ссылки, выходъ изъ которой былъ только одинъ—въ ряды революціи.

IV.

Колонія наша жила весьма интенсивною внутреннею жизнью, съ необыкновенной чуткостью отзываясь на всѣ событія внѣшняго міра. Въ описываемую мною пору (1904 г.) все общество переживало чрезвычайный годъ и находилось въ состояніи напряженнаго ожиданія величайшихъ событій. Все плотнѣе и плотнѣе стягивавшееся желѣзное кольцо реакціи, при Плеве, казалось, готово было совершенно задушить всю Россію; атмосфера сдѣлалась настолько сгущенною, что дальнѣйшій гнетъ, казалось, былъ невозможенъ, и котелъ общественнаго терпѣнія готовъ былъ каждую минуту взорваться отъ накопившагося въ немъ негодованія и ненависти. Каждую минуту можно было ждать, что акція выступитъ противъ реакціи, и хотя Плеве старательно открывалъ клапаны... сажая по тюрьмамъ и отправляя въ ссылку все, что было тогда оппозиціоннаго, но съ накоплявшейся въ обществѣ революціонной энергіей трудно было бороться энергіей полицейской. Всѣ чувствовали, что наступаетъ кризисъ. Не чувствовала этого только бюрократія, ослѣпленіе которой дошло до того, что она сама подписала себѣ смертный приговоръ, затѣявъ русско-японскую войну. На войнѣ-то сосредоточились всѣ чаянія русскаго общества. Уже послѣ первыхъ пораженій, всѣмъ стало понятно, что дѣло бюрократіи безвозвратно проиграно, и что манчжурская авантюра будетъ послѣднимъ актомъ ея своеволія. На войну были обращены всѣ взоры и, хотя революціонеры не считали ее, по примѣру русскихъ либераловъ, панацеей противъ всѣхъ золъ, причиненныхъ Россіи бюрократіей, тѣмъ не менѣе, они старались использовать войну въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Занявъ, какъ и все либеральное общество, враждебную по отношенію къ войнѣ, позицію, революціонеры безпощадно разоблачали всѣ темныя стороны политики правительства, вскрытыя, какъ скальпелемъ опытнаго хирурга, злосчастною войною. На свою бѣду, правительство и во внутренней политикѣ дѣлало ошибку за ошибкою. Вмѣсто того, чтобы въ это тяжелое для себя время привлечь на свою сторону либераловъ, бывшихъ тогда очень склонными къ сближенію съ правительствомъ на условіяхъ либеральныхъ реформъ, Плеве вступилъ съ ними въ открытую и ожесточенную войну: къ этому именно времени относится разгромъ тверского и суджанскаго земствъ, набѣгъ подъ видомъ ревизіи на московское земство, „ликвидація“ земской дѣятельности Д. Н. Шипова, преслѣдованія „третьяго элемента“ и т. п.

Ссылка, чутко вглядывавшаяся въ эту борьбу, не могла относиться къ ней равнодушно, но, изолированная отъ „гущи“ жизни,

естественно, не могла принять въ ней активное участіе, и тѣмъ чувствительнѣе реагировала она на всякій шагъ бюрократіи, направленный противъ революціи. Наша колонія съ жадностью читала извѣстія съ театра войны и разоблаченія нашихъ заграничныхъ журналовъ о подвигахъ бюрократіи и военнаго начальства. Не имѣя возможности дѣлать активныхъ выступленій, она при всякомъ удобномъ случаѣ отзывалась на тѣ или другія событія, вліяя такимъ образомъ на общественное мнѣніе.

Однимъ изъ такихъ удобныхъ случаевъ явилась въ это время довольно странная попытка правительства обезвредить революцію. Предпринята она была по слѣдующему поводу. Вскорѣ послѣ начала Русско-японской войны, одинъ изъ находившихся въ домѣ предварительнаго заключенія студентовъ военно-медицинской академіи подалъ на высочайшее имя прошеніе о зачисленіи его въ дѣйствующую армію, участіемъ въ которой онъ желалъ „загладить“ свое политическое преступленіе. По поводу этого ходатайства было опубликовано повелѣніе, приглашавшее всѣхъ „впавшихъ въ преступленіе противъ государственнаго порядка“, — загладить свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей арміи. Это приглашеніе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, было объявлено во всѣхъ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки съ очевидной цѣлью внести въ среду борцовъ за освобожденіе дезорганизацію и расколъ. Было оно объявлено и всѣмъ ссыльнымъ Архангельской губерніи. Въ большинствѣ колоній оно вызвало сильное возбужденіе и рѣзкіе отказы отъ предложенной милости. Нѣкоторыя колоніи рѣшили отвѣтить на этотъ вызовъ и опубликовали цѣлый рядъ протестовъ, характеризующихъ царившее среди ссыльныхъ настроеніе. Вотъ, напримѣръ, протестъ архангельской колоніи, который мы приводимъ здѣсь, несмотря на его рѣзкость, какъ историческій документъ, вычеркнувъ только нарушающія 103 и 129 статьи угол. уложенія слова:

„Правительство, воспользовавшись единичнымъ случаемъ ребяческаго малодушія, предложило политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ „загладить свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи.

„Мы, политическіе ссыльные г. Архангельска, усмотрѣвъ: во-первыхъ, что означенное предложеніе правительства является средствомъ очернить россійскихъ революціонеровъ въ глазахъ несознательной части общества, либо представивъ ихъ идущими на позорную сдѣлку съ . . . . . (если они примутъ это предложеніе), либо объявивъ ихъ измѣнниками отечества (если они отвергнутъ „царскую милость“);

„во-вторыхъ, что война, которую ведетъ на Д. Востокѣ правительство, можетъ принести выгоды только капитализму и бюрократіи, за счетъ полнаго разоренія рабочихъ и крестьянъ, выносящихъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы государственныхъ бюджетовъ, и

„въ третьихъ, что эта война, искусственно возбуждая лож-

ный патріотизмъ, отвлекаетъ вниманіе населенія отъ господствующихъ въ странѣ тьмы, нищеты и безправія и служитъ для правительства лишь средствомъ хотя бы на одно мгновеніе уклониться отъ предначертанного ему исторіей удара—

„постановили: выразить свое глубокое презрѣніе правительственному акту“.

Въ менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, но съ одинаковою непримиримостью отвѣчали холмогорскіе ссыльные.

„Правительство, заявляли холмогорцы, движимое желаніемъ внести въ среду революціонеровъ деморализацію и распри, сочло возможнымъ обратиться къ намъ, политическимъ ссыльнымъ въ г. Холмогорахъ, съ манифестомъ, въ которомъ намъ предлагается поступить въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ; правительство „движимое чувствомъ милосердія къ революціонерамъ“, даетъ имъ возможность загладить грѣхъ своего прошлаго, принявъ въ ряды борцовъ за интересы его и интересы капитализма на Дальнемъ Востокѣ.

„Возмущенные вожделѣніемъ правительства пустить кровь революціонизму въ Россіи, мы, политическіе ссыльные въ Холмогорахъ, въ количествѣ 18 чел. (единогласно), съ негодованіемъ отвергли предлагаемую милость, какъ новое проявленіе зубатовской политики. Мы не можемъ допустить совмѣстимость достоинства революціонера съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ арміи ни въ качествѣ рядового, ни въ качествѣ санитара или медика, если это участіе покупается цѣною компромисса. Мы горячо призываемъ и другихъ политическихъ ссыльныхъ товарищей, разсѣянныхъ по городамъ и селамъ Архангельской губерніи, присоединиться къ настоящему протесту“.

Совершенно своеобразно реагировалъ на приглашеніе правительства вышеупомянутый С. В. Мартыновъ. Отвѣтъ его, сдержанный по формѣ, но полный ироніи и сарказма, хорошо характеризуетъ настроеніе, въ которомъ находился въ ссылкѣ этотъ добродушный, съ юмористической складкой, человѣкъ. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Его Превосходительству, г. Начальнику Архангельской губерніи.

„Д-ра С. В. Мартынова, высланнаго за участіе въ комитетахъ о нуждахъ с.-хоз. промышленности въ Россіи.

„9 февраля Ваше Превосходительство изволили обратиться ко мнѣ, также какъ и къ другимъ лицамъ, находящимся въ одномъ со мною положеніи, съ предложеніемъ, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, заслужить тѣмъ амнистію. Съ своей стороны полагаю, что Россія не нуждается въ дальнѣйшемъ расширеніи своихъ границъ и что приращенія, сдѣланныя правительствомъ за послѣднее время на Дальнемъ Востокѣ, не будучи вызваны жизненными интересами страны, ложатся тяжелымъ бремянемъ на населеніе. Государство, полагаю, слишкомъ нуждается въ коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, потребность которыхъ выражается весьма настойчиво не только зажиточными и просвѣ-

щенными классами, но и самимъ народомъ. Я считалъ бы для себя возможнымъ трудиться только въ направленіи преобразованій народной жизни, на что готовъ отдать въ распоряженіе правительства свои силы и знанія. Всякаго же рода дѣятельность, клонящуюся къ расширенію территоріи или къ сохраненію ненужныхъ для Россіи областей, я считаю несоотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ страны и никакого участія въ ней принять не нахожу возможнымъ. Полагалъ-бы, что ни международнымъ положеніемъ государства, ни потребностью обезпечить свои границы, ни интересами торговли не можетъ быть оправдана русско-японская война. Склоненъ думать, что національное самолюбіе не препятствовало бы прекратить разорительную для Россіи войну и, продавъ портовыя и желѣзно-дорожныя сооруженія, направить матеріальныя и духовныя силы страны на свои собственные внутренніе интересы.

„Дѣлая такое заявленіе, я, конечно, предвижу, что оно поведетъ новыя для меня репрессіи со стороны департамента полиціи. Но иного пути я не вижу и могу лишь повторить то, что высказанно было мною о потребностяхъ страны въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сел.-хоз. промышленности въ Россіи“.

Такъ отвѣтили политическіе ссыльные на приглашеніе „раскаяться“.

Въ большинствѣ колоній отвѣты вотированы были единогласно или огромнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на присутствіе въ нихъ умѣренныхъ элементовъ.

Съ такою же чуткостью отзывалась колонія и на событія, не имѣвшія прямой связи съ общею политикою правительства. Изъ такихъ событій особенно сильно волновали нашу колонію разыгравшіяся въ началѣ 1904 года въ Якутской губерніи двѣ драмы, дѣйствующими лицами въ которыхъ были наши якутскіе товарищи. Первая изъ нихъ „Романовскій фортъ“; подъ этимъ именемъ извѣстна она въ публикѣ по заключительному ея акту. Выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями мѣстной администраціи и невозможными условіями существованія, ссыльные, разселенные по улусамъ, вблизи Якутска, собрались въ числѣ 59 человѣкъ въ Якутскѣ, и на требованіе полиціи возвратиться въ улусы отвѣтили отказомъ. Зная, что полиція не остановится передъ насиліемъ, они собрались въ одномъ частномъ домѣ и забаррикадировались, съ цѣлью дать отпоръ угрожавшей полиціи. Послѣдняя, пригласивъ военный отрядъ, повела правильную осаду „Романовскаго форта“, какъ называли эту своеобразную крѣпость, осыпая ее градомъ ружейныхъ пуль. Осажденные также отвѣчали выстрѣлами. Съ обѣихъ сторонъ оказались убитые, причемъ изъ числа революціонеровъ палъ рабочій Матлаховъ. Истощенные долговременной осадой и не видя никакого выхода, осажденные, послѣ упорнаго боя, сдались. Начались судъ и расправа. Къ всеобщему удивленію и негодованію, судили не администрацію, своими незаконными дѣйствіями вызвавшую это кровавое стол-

кновеніе, а тѣхъ же жертвъ ея произвола, которыя были ею вынуждены къ единственному, остававшемуся имъ доступнымъ способу самообороны. Въ результатѣ—55 участниковъ были приговорены къ 12-ти лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а тѣ стѣсненія, изъ-за которыхъ осужденные испили эту глубокую чашу горечи и страданій, были отмѣнены.

Другая драма разыгралась въ одномъ изъ этаповъ, направлявшихся къ Якутску, вслѣдствіе безчестнаго, грубаго поведенія сопровождавшаго этапъ начальника конвоя поручика Сикорскаго, требовавшаго, между прочимъ, насильственнаго привода къ нему въ комнату одной изъ политическихъ ссыльныхъ. Слѣдовавшій въ томъ же этапѣ студентъ Минскій застрѣлилъ Сикорскаго, а конвой, мстя за своего начальника, сталъ стрѣлять въ этапъ и убилъ политическаго ссыльнаго Шаца и ранилъ Минскаго.

Эти событія произвели такое потрясающее впечатлѣніе на всю ссылку, что изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Восточной Сибири, гдѣ томились изолированные отъ всего человѣческаго общества борцы за свободу, полетѣли къ правительству протесты, полные глубокаго негодованія и отчаянной рѣшимости раздѣлить трагическую судьбу якутскихъ товарищей, если правительство не исполнитъ требованій, предъявленныхъ къ нему въ этихъ заявленіяхъ. Къ ссыльнымъ Европейской Россіи сибирскіе товарищи обратились съ просьбой поддержать ихъ требованія, сводившіяся къ ослабленію административнаго произвола и отмѣнѣ противозаконныхъ распоряженій иркутскаго генералъ-губернатора.

Полученныя въ Архангельской губерніи подробности произошедшей котастрофы произвели на всѣхъ ссыльныхъ ошеломляющее впечатлѣніе. То, что произошло тамъ, въ далекой Сибири, могло вѣдь повториться и здѣсь въ Архангельской губерніи, такъ какъ мѣстнымъ властямъ вездѣ предоставлено одинаковое право во всемъ, что касается ссыльныхъ, нарушать законъ и попирать справедливость. Являлась естественная потребность поддержать товарищей и выразить имъ свое сочувствіе, а правительству—негодованіе. Въ нашу колонію изъ всѣхъ уѣздовъ стали приходить протесты, резолюціи и прокламаціи, выпущенные по этому поводу мѣстными колоніями. Въ однихъ изъ нихъ выражалось сочувствіе пострадавшимъ Якутскимъ товарищамъ, въ другихъ—негодованіе по адресу правительства, третьи были пріурочены къ собственнымъ невзгодамъ и заключали въ себѣ рядъ требованій, предъявляемыхъ къ администраціи, четвертые, наконецъ, ставили ребромъ общій вопросъ о положеніи административныхъ ссыльныхъ и требовали его улучшенія, угрожая поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Копіи всѣхъ этихъ актовъ, подписанныя полными именами всѣхъ участвовавшихъ въ ихъ составленіи ссыльныхъ, были разосланы министру внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи, губернатору и мѣстнымъ властямъ, и въ редакціи зарубежныхъ революціонныхъ изданій.

Въ скоромъ времени колоніи нашей пришлось выступить съ еще болѣе рѣшительнымъ заявленіемъ.

Поводомъ для этого явилось убійство Плеве. Никогда еще не приходилось мнѣ наблюдать такой радости, какая охватила все общество при извѣстіи объ этомъ событіи. Плеве палъ въ 10 ч. утра 15 іюля, а къ полудню вѣсть объ этомъ прилетѣла въ Архангельскъ и взбудоражила весь городъ. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ неподдѣльный восторгъ, и обыватели, при встрѣчахъ со ссыльными, поздравляли ихъ, какъ будто получено было извѣстіе не о трагической смерти человѣка, а объ освобожденіи Россіи. Даже чиновники, которыми Архангельскъ изобилуетъ, какъ всякій губернскій городъ, не могли скрывать своего удовольствія и ходили съ радостными лицами, передавая другъ-другу потрясающую новость. Нечего и говорить, что наша колонія провела этотъ день, какъ самый свѣтлый праздникъ. Мы праздновали не только паденіе человѣка, которому всѣ мы были обязаны своимъ изгнаніемъ, долгимъ томленіемъ въ тюрьмахъ и скитаніями по этапамъ.

Но этотъ взрывъ всеобщей радости и ликованія не помѣшалъ колоніи вспомнить, что смерть Плеве представляетъ прекрасный моментъ для раскрытія передъ обществомъ всего зла, причиненнаго Россіи абсолютизмомъ, усерднѣйшимъ слугою котораго былъ погибшій министръ. И на слѣдующій же день были опубликованы обращенныя къ мѣстному обществу прокламаціи соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ. Разъясняя смыслъ и значеніе катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, прокламаціи рисовали потрясающую картину зла, причиненнаго Россіи всемогущимъ министромъ, и горячо призывали общество къ безпощадной борьбѣ съ этимъ зломъ и къ низверженію абсолютизма. Сдѣлавшіеся теперь чуть-ли не анахронизмомъ, эти лозунги произвели тогда сильное впечатлѣніе, и появленіе прокламацій, выпущенныхъ въ такой удачный моментъ, поставило на ноги всю жандармерію и полицію. Начались самые жестокіе и безсмысленные обыски. Жандармы цѣлыми толпами во всякое время дня и ночи врывались въ квартиры наиболѣе излюбленныхъ ими для такихъ случаевъ ссыльныхъ, и въ неудержимомъ стремленіи отличиться отысканіемъ хоть какого нибудь намека на участіе намѣченной жертвы въ изданіи прокламацій, производили разгромъ, напоминавшій разбойничье нападеніе. Но ни одинъ изъ набѣговъ не увѣнчался успѣхомъ, и власти въ безсильной злобѣ мстили колоніи совершенно произвольной высылкой многихъ ея членовъ въ уѣзды. Обостривъ еще больше отношенія колоніи съ администраціей, это событіе способствовало большему сближенію ссыльныхъ съ мѣстнымъ обществомъ.

V.

Описанными выше случаями далеко не исчерпывалась борьба, которую приходилось вести колоніи съ властями. То была борьба, которая не обѣщала намъ ни побѣдъ въ близкомъ будущемъ, ни улучшенія условій жизни ссылки. Наоборотъ, она при-

носила новыя тяготы въ видѣ каръ за участіе въ опубликованіи протестовъ, за сходки и т. п. Это была своего рода партизанская война, къ которой переходитъ одна изъ сторонъ, тѣснимая численнымъ перевѣсомъ своего противника и не надѣющаяся на скорый исходъ борьбы. Партизанскіе отряды, съ которыми въ данномъ случаѣ можно сравнить отдѣльныя колоніи ссыльныхъ, пользуясь всякимъ случаемъ оплошности врага, дѣлаютъ нападенія на болѣе слабыя его позиціи, ослабляя такимъ образомъ его армію.

Гораздо больше нервовъ и силъ отнималъ другой видъ борьбы, которую неустанно приходилось вести въ ссылкѣ; это—борьба съ мѣстною администраціею за тѣ немногія права, которыя не могла у насъ отнять наша „конституція“, но на которыя постоянно посягали низшіе агенты власти. Особенно ожесточенно приходилось бороться съ поползновеніями властей разселить ссыльныхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не только не было никакой врачебной помощи, но гдѣ пребываніе само по себѣ представляло опасность для здоровья. Эти поползновенія, какъ и другія попытки ухудшить положеніе ссыльныхъ, представляютъ прямой результатъ установившагося у администраціи взгляда на ссылку не только какъ на мѣру предупредительную, но и какъ наказанія, причемъ функціи наказующей власти присвоиваютъ себѣ не только губернаторъ, но даже исправники. Яркій образчикъ такого своеобразнаго взгляда на ссылку представляетъ случай, который послужилъ даже предметомъ судебнаго разбирательства лѣтомъ 1904 года: два политическихъ ссыльныхъ, г.г. Чернякъ и Дрейеръ, были назначены Архангельскимъ губернаторомъ въ село Несь, Мезенскаго уѣзда. Прибывъ туда, они тотчасъ же убѣдились, что жить въ этомъ селѣ совершенно невозможно, потому что помимо обычныхъ причинъ, дѣлающихъ жизнь въ такомъ глухомъ углу тяжелымъ испытаніямъ, все населеніе Неси было поголовно заражено сифилисомъ, и Чернякъ и Дрейеръ не могли найти ни одной квартиры, гдѣ бы имъ не угрожала сифилитическая зараза. Никакія просьбы ихъ о переводѣ въ другое мѣсто не помогали, и имъ оставалось только одно средство для сохраненія своего здоровья -оставить Несь. Они такъ и сдѣлали и самовольно ушли въ г. Мезень, отстоящій отъ Неси въ 100 верстахъ. Но оттуда они снова были выселены въ Несь и снова же перекочевали обратно въ Мезень. Мезенскій исправникъ привлекъ ихъ къ суду за самовольную отлучку, но судья призналъ, что условія, въ которыхъ обвиняемымъ приходилось жить въ Неси, предстовляли опасность для ихъ здоровья и жизни, и оправдалъ обоихъ. Только послѣ этого имъ было разрѣшено жить въ Мезени.

Случаи, вродѣ описаннаго, были такъ часты, что вступать всей ссылкѣ въ борьбу по поводу каждаго изъ нихъ не было никакой возможности.

Но зимою 1905 года въ Печорскомъ краѣ назрѣвало такое столкновеніе ссыльныхъ съ администраціей, что вмѣшательство всей архангельской ссылки сдѣлалось неизбѣжнымъ. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время губернская администрація стала

усиленно заселять ссыльными Печорскій уѣздъ, представлявшій огромную необитаемую тундру съ кое-гдѣ разсѣянными селами, заселенными полудикими зырянами. Условія существованія въ этихъ селахъ были настолько невозможны, что только полудикіе ихъ обитатели были способны ихъ переносить, для культурныхъ же людей существованіе тамъ было совершенно невозможно. Между тѣмъ, несмотря на наличность другихъ, болѣе пригодныхъ для колонизаци мѣстъ въ губерніи, администрація продолжала заселять наиболѣе глухіе углы печорскаго уѣзда. Даже въ самомъ этомъ уѣздѣ были два пункта, гдѣ жизнь была сноснѣе и гдѣ можно было разсчитывать, въ случаѣ надобности, на медицинскую помощь. Это были большія села: Усть-Цыльма и Ижма. О переводѣ въ эти села и стали просить всѣ печорскіе товарищи. Власти отказали. Тогда, доведенные до крайности невозможными условіями своей жизни, печорцы рѣшили самовольно съѣхаться въ Устъ-Цыльмѣ и Ижмѣ и не возвращаться въ дальнія села ни подъ какимъ видомъ, даже въ томъ случаѣ, если къ нимъ будетъ примѣнено насиліе. Принявъ такое рѣшеніе, они привели его въ исполненіе и сообщили объ этомъ губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, ко всѣмъ же уѣзднымъ и архангельской колоніямъ они обратились съ просьбой поддержать предъявленныя ими требованія.

Вся архангельская ссылка немедленно откликнулась на призывъ товарищей и къ губернатору и въ министерство внутреннихъ дѣлъ полетѣли заявленія о томъ, что печорцы будутъ поддержаны въ своихъ требованіяхъ ссыльными всей губерніи, которые не остановятся даже передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Въ этомъ отношеніи, особенно большія надежды возлагались на поддержку архангельской колоніи, которая была и многочисленнѣе, и насчитывала въ своемъ составѣ не мало авторитетныхъ лицъ. Извѣстіе о готовящемся столкновеніи произвело на нашу колонію сильное впечатлѣніе. На колоніальномъ собраніи рѣшено было энергично поддержать товарищей, о чемъ и довести до свѣдѣнія губернской и центральной власти. Составленное колоніей съ этою цѣлью обращеніе, подписанное всѣми членами колоніи, было отправлено губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и въ редакціи газетъ и журналовъ. Обращеніе это въ короткихъ словахъ ярко рисовало положеніе, приведшее печорцевъ къ необходимости заявить такой рѣшительный протестъ, и заканчивалось обѣщаніемъ самымъ энергичнымъ образомъ вступиться за товарищей, если ихъ захотятъ насильно удалить изъ Усть-Цыльмы и Ижмы.

Тонъ заявленія архангелогородцевъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что на защиту печорскихъ товарищей встанетъ вся колонія. Съ другой стороны, не было никакихъ основаній надѣяться на то, что администрація пойдетъ на уступки. Создалось такимъ образомъ весьма серьезное положеніе, и на глазахъ всей страны готова была разразиться еще одна катастрофа— на подобіе якутской. Но если якутская трагедія разыгралась

подъ покровомъ тайны, такъ сказать, за закрытымъ занавѣсомъ и при всеобщемъ гробовомъ молчаніи, то печорская, наоборотъ, сразу привлекла къ себѣ вниманіе многихъ тысячъ людей, такъ какъ заявленіе архангельскихъ ссыльныхъ было предано широкой гласности. Но благодаря-ли именно спасительной гласности или, вообще, наступившимъ новымъ временамъ, такъ какъ хотя знаменитая эра „довѣрія“ и была уже ликвидирована, но въ воздухѣ носились предвѣстники грядущей свободы – печорскій конфликтъ окончился совершенно мирно. Съѣхавшіеся въ Усть-Цыльмѣ и Ижмѣ печорцы, ожидая, что исправникъ потребуетъ, чтобы они разъѣхались по своимъ селамъ, готовились оказать ему сопротивленіе, а всѣ колоніи, принявшія участіе въ протестѣ, были наготовѣ, чтобы вступиться за товарищей. Но прошло больше мѣсяца, а миръ нигдѣ не нарушался, и къ своему удивленію, печорцы вскорѣ узнали, что губернаторъ прислалъ исправнику бумагу, предписывавшую оставить всѣхъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вздумали поселиться. Такимъ образомъ, все окончилось благополучно, и уступчивостью администраціи было достигнуто спокойствіе, отъ котораго выиграли обѣ стороны.

VI

Послѣ смерти Плеве вся Россія зажила новою жизнью. Атмосфера прояснилась, и обыватель вздохнулъ свободнѣе. Еще никакихъ признаковъ грядущей весны не было, да и судя по предшествовавшимъ событіямъ, нельзя было ожидать ея, такъ какъ до сихъ поръ на каждый террористическій актъ правительство отвѣчало новыми репрессіями, назначая на мѣсто убитаго администратора еще болѣе свирѣпаго чиновника. Но вся Россія поняла, что наступилъ переломъ и что реакціи трудно снова поднять голову. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ еще не былъ назначенъ, но всѣмъ было ясно, что преемника, похожаго на Плеве или на Сипягина, не найдется. Первымъ признакомъ „весны“ былъ новый языкъ, которымъ заговорила печать. Началось это съ того, что газеты очень „смѣло“ высказывались по поводу убійства Плеве, и въ ихъ сужденіяхъ на эту тему не было ни прежней оглядки, ни суесловія; даже рептильныя газеты оставили свой специфическій тонъ, которымъ принято было клеймить „гнусныя злодѣянія“ и заговорили о необходимости устраненія причинъ, вызывающихъ политическія убійства. Затѣмъ понемногу газеты стали высказываться на тему о томъ, что „такъ дальше жить нельзя“. Съ каждымъ днемъ печать становилась смѣлѣе, и обыватель пересталъ узнавать свои газеты — такъ онѣ сдѣлались живы и интересны.

Нечего и говорить, что ссылка также встрепенулась. Извѣстія изъ столицъ доходили до насъ медленно, но волна всеобщаго возбужденія опередила факты, и докатившись до нашей глуши, захлестнула не только насъ, но и все окружающее насъ

сонное царство. Мы еще не знали, какъ отразится смерть Плеве на нашей судьбѣ, но не сомнѣвались въ томъ, что для всѣхъ насъ наступаетъ новая пора. Прошло двѣ недѣли со дня катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, какъ произошло событіе, имѣвшее огромную важность для міра заточенія и ссылки: родился наслѣдникъ престола.

По этому случаю, 11 августа 1904 г. былъ опубликованъ манифестъ, коснувшійся и ссылки. Какъ и слѣдовало ожидать, „милости", оказанныя политикамъ, были довольно проблематичны; онѣ сводились къ тому, что срокъ ссылки былъ сокращенъ на одну треть, полное же освобожденіе получили лишь тѣ, которые были административно высланы на срокъ менѣе трехъ лѣтъ, и несовершеннолѣтніе. Послѣдняя категорія ссыльныхъ была вскорѣ разочарована, такъ какъ оказалось, что подъ несовершеннолѣтними манифестъ разумѣлъ не тѣхъ, которые были таковыми въ моментъ совершенія „преступленія", за которое они были сосланы, а лишь тѣхъ, которымъ не исполнилось 21 года ко дню опубликованія манифеста. Какъ бы то ни было, но свободу получили многіе изъ нашихъ товарищей, срокъ ссылки нѣкоторыхъ, за скидкою одной трети, оканчивался тотчасъ же по примѣненіи къ нимъ манифеста; много оказалось и такъ называемыхъ „малолѣтковъ", т. е. лицъ моложе 21 года — лучшая иллюстрація неразборчивости Плеве, не стѣснявшагося ссылать и прятать по тюрьмамъ подростковъ, почти дѣтей. Въ общемъ, во всей губерніи освобождалось немедленно или черезъ нѣсколько недѣль послѣ опубликованія манифеста нѣсколько сотъ человѣкъ, т. е. цѣлая половина всей архангельской ссылки. Освобожденные члены архангельской колоніи тотчасъ же снялись и уѣхали, и число колонистовъ у насъ значительно поубавилось.

Въ это время, пустовавшій полтора мѣсяца постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ замѣщенъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, крылатыя слова котораго о „довѣріи" вызвали въ обществѣ столько надеждъ и упованій. Пробудили они надежды и у насъ. О томъ, что пора репрессій миновала и не вернется, мы уже не говорили — это разумѣлось само собой. Но мечты наши шли дальше, и фантазія разыгрывалась до того, что мы уже строили предположенія о будущемъ россійскомъ парламентѣ, намѣчая тѣхъ или другихъ лицъ въ число его членовъ.

Такъ жили мы въ гаданіяхъ и волненіяхъ. Со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго прошло уже около мѣсяца. Печать все еще пережевывала его либеральную болтовню съ иностранными журналистами, дѣлала робкіе намеки на необходимость приступить къ исполненію обѣщаній, данныхъ министромъ; въ воздухѣ носились если не признаки реформъ, то микробы свободы, отравлявшіе наше воображеніе и волновавшіе всю колонію. Наше начальство было, однако, иммунно къ этой „заразѣ", и политика „твердой руки", провозглашенная Плеве, считалась здѣсь еще неотмѣненной. Но, вотъ, скоро и къ намъ стали прилетать первыя „пас-

точки свободы", такъ поэтично называли у насъ отношенія департамента полиціи къ губернатору объ освобожденіи то того, то другого изъ нашихъ товарищей. Первымъ былъ освобожденъ С. В. Мартыновъ, но такъ какъ ему и безъ этого оставалось всего нѣсколько недѣль до окончанія срока ссылки, то это освобожденіе не имѣло для насъ симптоматическаго значенія. Вся наша колонія отправилась провожать всѣми уважаемаго товарища. Прощаясь съ нами на пароходѣ, отвозившемъ его на вокзалъ, С. В. Мартыновъ предсказывалъ, что мы всѣ скоро послѣдуемъ его примѣру.

Предсказаніе его сбылось, но лишь отчасти. Вскорѣ послѣ отъѣзда С. В. Мартынова, получилось извѣстіе объ освобожденіи В. И. Чарнолускаго; затѣмъ были освобождены Н. И. Воробьевъ и я; такимъ образомъ было ликвидировано „дѣло" о III съѣздѣ по технич. и профес. образованію (одновременно съ нами былъ возвращенъ изъ Сибири и Г. А. Фальборкъ). За нами слѣдовали П. Н. Переверзевъ, И. М. Труба, всѣ пять „уфимцевъ", Д. Н. Кладищевъ, С. А. Балавинскій и еще нѣсколько товарищей. Всѣ мы были сосланы „въ порядкѣ охраны" и числились въ ссылкѣ „либералами", „культурниками", „освобожденцами". Поэтому и наше освобожденіе, зависѣвшее всецѣло отъ усмотрѣнія министра, все еще не знаменовало собою поворота въ политикѣ, это была только ликвидація неистовствъ покойнаго Плеве, которыя кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому, не хотѣлъ брать на свою совѣсть. Мы отпраздновали свое освобожденіе, колонія устроила намъ торжественные проводы, и этимъ, казалось, окончилась пора ожиданій. Отъ новаго министра, повидимому, большаго ждать не приходилось, и всей ссылкѣ оставалось ждать освобожденія отъ самого народа, въ которомъ освободительное движеніе уже начинало принимать форму, граничившую со стихійностью. Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ нашего освобожденія, а именно въ ноябрѣ, кн. Святополкъ-Мирскій еще разъ заставилъ встрепенуться всю ссылку. Онъ освободилъ около 100 соціалъ-демократовъ въ архангелской губ. и нѣсколько десятковъ въ Сибири и Вологдѣ. Изъ нашихъ товарищей благодаря этому очутились на свободѣ какъ разъ тѣ, которыхъ наши административные царьки считали наиболѣе опасными и выслали незадолго до этого въ уѣзды.

Всѣ снова стали ждать общаго освобожденія. „Если начали освобождать революціонеровъ, значитъ ссылкѣ приходитъ конецъ", разсуждали оптимисты. Газеты запестрѣли именами освобожденныхъ—также новость по тѣмъ временамъ, такъ какъ во времена Плеве газеты не смѣли и пикнуть о высылкахъ и арестахъ и, вообще, о всемъ, что касалось застѣночной дѣятельности правительства. Появились и статьи на эту тему. Извѣстный фельетонистъ А. А. Яблоновскій написалъ въ „Сынѣ Отечества", только что начавшемъ выходить въ изданіи С. П. Юрицына, остроумный фельетонъ объ „архангельскихъ грекахъ"... Но ожиданія и на этотъ разъ не оправдались: кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому подъ чьимъ то давленіемъ, пересталъ тѣшить общество подобными

пріятными сюрпризами, и оставшимся въ ссылкѣ такъ и не удалось испытать на себѣ всю благость министерскаго либерализма.

VII.

Получивъ свободу безъ ограниченій въ выборѣ мѣста жительства, я вернулся въ Петербургъ, но съ моимъ освобожденіемъ не прекратилась моя связь съ Архангельскомъ, гдѣ остались близкіе мнѣ люди и многіе товарищи по неволѣ. Окунувшись съ головою въ водоворотъ петербургской жизни въ самый разгаръ начала освободительнаго движенія, я поддерживалъ однако постоянныя сношенія съ нашею колоніей и зналъ всю ея жизнь, всѣ событія, происходившія тамъ послѣ моего отъѣзда. Лѣтомъ 1905 года я вновь посѣтилъ Архангельскъ и прожилъ въ колоніи почти до самаго конца „до-конституціонной“ ссылки, до знаменитой октябрьской амнистіи. Такимъ образомъ, и этотъ періодъ жизни колоніи мнѣ приходилось близко наблюдать, и нѣкоторые эпизоды его я уже разсказалъ въ предыдущихъ главахъ. Мнѣ остается сказать очень мало о послѣднихъ моментахъ архангельской ссылки.

Послѣ разъѣзда товарищей, освобожденныхъ по манифесту 11 августа и по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, архангельская колонія просуществовала еще цѣлый годъ. Въ ней уже не было оживленія, которое раньше отличало нашу колонію, потому что число ея членовъ уменьшилось на половину и уже до самаго роспуска почти не возрастало, такъ какъ вслѣдствіе примѣненія новаго закона (іюньскій законъ 1904 г.) о передачѣ всѣхъ политическихъ дѣлъ въ особыя присутствія судебныхъ палатъ, притокъ новыхъ ссыльныхъ прекратился, и архангельская колонія пополнялась лишь время отъ времени тѣми ссыльными, которыхъ губернаторъ переводилъ изъ уѣздовъ. Но настроеніе колоніи оставалось прежнее. Она чутко присматривалась къ все болѣе развивавшемуся освободительному движенію. Въ эпоху либеральныхъ банкетовъ, происходившихъ по всей Россіи, колонія рѣшила использовать приподнятое настроеніе мѣстнаго общества, и организовала въ Архангельскѣ нѣсколько публичныхъ банкетовъ, на которыхъ члены колоніи пропагандировали идею учредительнаго собранія и призывали гражданъ къ борьбѣ за освобожденіе Россіи. Когда въ Петербургѣ открылся знаменитый ноябрьскій съѣздъ представителей земствъ, колонія откликнулась и на это событіе, стоившее ей многихъ волненій. По поводу съѣзда было созвано колоніальное собраніе, на которомъ рѣшено было послать съѣзду срочную привѣтственную телеграмму; смыслъ этой телеграммы сводился къ пожеланію, чтобы въ вырабатываемую съѣздомъ политическую платформу было включено требованіе созыва учредительнаго собранія. По краткости ли срочной телеграммы, или по увѣренности колоніи въ достаточной революціонности настроенія самыхъ земцевъ, но въ резолюцію не было вклю-

чено требованіе извѣстной демократической четырехчленной формулы, на основѣ которой должно быть созвано учредительное собраніе. Это обстоятельство породило въ колоніи расколъ и чуть не нарушило цѣльность задуманной манифестаціи: уже подъ телеграммою собрано было болѣе половины подписей, когда группа особенно радикально настроенныхъ товарищей потребовала пересмотра резолюціи въ смыслѣ включенія въ нее упомянутой формулы.

Начались снова споры; часть подписавшихся взяла свои подписи обратно, и телеграмма была отправлена не отъ имени колоніи, а отъ имени подписавшихся ссыльныхъ, протестанты же на своемъ собраніи выработали особую резолюцію, посланную для напечатанія въ революціонныя газеты. Вотъ эта резолюція: „Принимая во вниманіе: что съѣздъ предсѣдателей управъ не обладаетъ полномочіями отъ народа для выработки того „основного закона", который долженъ лечь въ основу будущаго правового порядка; что только учредительное собраніе, избранное всѣмъ населеніемъ, можетъ взять на себя эту задачу—собраніе приходитъ къ заключенію, что главная и единственная задача съѣзда должна заключаться въ требованіи немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ голосованія".

Результаты занятій съѣзда и въ особенности послѣдующіе съѣзды земцевъ показали, что они были вовсе не такъ революціонно настроены, какъ это казалось большинству нашей колоніи, и напоминаніе имъ демократической формулы было далеко не излишне.

Послѣ этого произошло столько крупныхъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ такою головокружительною быстротою, что колонія не успѣвала отозваться на нихъ, да и что она могла прибавить своими отзывами къ потрясающему краснорѣчію развертывавшейся передъ взорами всего міра всероссійской драмы. Указъ 12 декабря 1904 года, обѣщающій странѣ „охраненіе полной силы закона", трагедія 9 января, бомба Ивана Каляева и слѣдовавшій за нею рескриптъ на имя Булыгина о разработкѣ закона о Государственной Думѣ, Мукденская катастрофа, Цусима, возстаніе „Потемкина", заключеніе мира съ Японіей, Манифестъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы, великая политическая забастовка, подарившая Россіи манифестъ 17-го октября, обнародованіе конституціоннаго манифеста и, наконецъ, амнистія 21 октября, вотъ тѣ гигантскіе шаги, которыми шла исторія нашей родины въ коротенькій промежутокъ какихъ нибудь 10—11 мѣсяцевъ. Колонія съ замираніемъ сердца слѣдила за этимъ небывалымъ шествіемъ. Нужно ли говорить о томъ настроеніи, которое царило въ ней, о тѣхъ чувствахъ, которыя она переживала. Это были настроеніе и чувства всей мыслящей Россіи. Но не однимъ этимъ жила въ то время ссылка. Каждое новое событіе пробуждало у истомленныхъ изгнанниковъ надежду на то, что освобожденная Россія разрушитъ, наконецъ, Бастилію и дастъ борцамъ за ея счастье давно желанную свободу. Начиная со словъ кн. Свято-

полкъ-Мирскаго о „довѣріи“, ссылка не переставала надѣяться на амнистію и съ жадностью ловила всѣ слухи о ней; а на слухи эти столичныя газеты были особенно падки. Но дни шли за днями, одно событіе смѣнялось другимъ, а желанной вѣсти все не приходило, и обманутыя надежды повергали плѣнниковъ въ уныніе. Бывали дни, въ которые казалось, что вотъ вотъ раздастся магическое слово „амнистія“; сроки амнистіи даже указывались печатью на основаніи „самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, но ожиданіе ихъ оканчивалось разочарованіемъ: бюрократія упорно не хотѣла выпустить изъ своихъ когтей борцовъ, свобода которыхъ несовмѣстима была съ ея существованіемъ. Только, когда народъ сдѣлался, хотя и временно, хозяиномъ положенія, и пролетаріатъ властно диктовалъ правительству свои требованія, идея амнистіи претворилась въ фактъ и подъ первымъ же натискомъ овладѣвшей позиціями демократіи подались двери тюремъ и жандармскія заставы ссылки. Вся ссыльная и почти вся тюремная Россія была объявлена свободною.

Наша колонія торжествовала побѣду. Еще амнистія не была объявлена, но знаменательныя слова о народоправствѣ были произнесены, и никто не сомнѣвался ни на минуту въ томъ, что ссылкѣ пришелъ конецъ. Ей, дѣйствительно, былъ объявленъ конецъ черезъ пять дней послѣ 17 октября, но раньше, чѣмъ пала послѣдняя преграда, отдѣлявшая подневольный міръ отъ міра свободнаго, колоніи пришлось пережить жестокую потерю. Раздавленная, казалось, реакція не хотѣла сдаваться, и уступая вездѣ свои позиціи, мстила пролитіемъ потока крови многихъ невинныхъ жертвъ. Это была такъ называемая контръ-революція, объединившая всѣ темныя силы, всю несознательную массу въ борьбѣ съ Новой Россіей, рвавшейся къ свѣту и свободѣ. Такою искупительною жертвой былъ и Михаилъ Юрьевичъ Гольдштейнъ, бывшій все время душою нашей колоніи. Онъ во всѣ выдающіеся моменты ея жизни всегда шелъ впереди колоніи и былъ ея вдохновителемъ. Какъ только прилетѣла въ Архангельскъ вѣсть о манифестѣ 17 октября, колонія откликнулась на это событіе рядомъ митинговъ и манифестацій. Эти митинги, на которыхъ М. Ю. явился вдохновеннымъ ораторомъ, какъ нельзя лучше показали силу освободительнаго движенія въ мѣстномъ обществѣ. М. Ю. воспользовался энтузіазмомъ, овладѣвшимъ публикою: въ рѣчи своей, въ которой онъ пѣлъ восторженный гимнъ свободѣ, онъ призывалъ гражданъ свободной Россіи къ дальнѣйшей борьбѣ съ реакціей и къ защитѣ завоеванной свободы. Восторженная толпа торжественно клялась не отдавать свободы ея палачамъ и довѣрить судьбу Россіи только великому Учредительному Собранію. Но не на однихъ митингахъ царило такое настроеніе. Весь городъ переживалъ состояніе великаго энтузіазма и представлялъ какъ бы огромный сплошной митингъ. Не радовалась только одна реакція, и на улицахъ ея царилъ зловѣщій мракъ. Въ Архангельскѣ, въ сущности, не было реакціонныхъ партій, и какъ это ни странно для захолустнаго губернскаго города, переполненнаго

чиновниками—этимъ прочнымъ оплотомъ бюрократіи,—все населеніе города было „заражено“ освободительными идеями. Была только небольшая кучка реакціонеровъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ все, что рвется къ свободѣ. Это были мѣстные промышленники, безсовѣстные эксплуататоры рабочаго населенія, которымъ, въ сущности, не было никакого дѣла ни до бюрократіи, ни до демократіи, но которые видѣли, что освободительныя идеи уже захватили рабочій людъ, который начинаетъ вырываться изъ ихъ когтей и вступать съ ними въ борьбу за свои права на лучшую жизнь. Эти люди отлично знали, что такимъ поворотомъ въ отношеніи къ нимъ со стороны рабочихъ они обязаны пропагандѣ, ведущейся политическими ссыльными, и ненавидѣли нашу колонію всей душой. Въ этой ненависти они могли срявняться только съ полиціей, и въ союзѣ съ нею они всегда стремились къ мести. Настоящій моментъ оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ для выполненія адскаго замысла: на одномъ изъ митинговъ, кѣмъ то изъ публики, а можетъ быть и провокаторомъ, былъ разорванъ царскій портретъ. Этого было достаточно для черносотенцевъ. Они начали вести дѣятельную агитацію среди подонковъ архангельскаго рабочаго люда, убѣждая ихъ въ томъ, что соціалисты хотятъ убить царя, и приводя въ доказательство случай съ портретомъ: они склоняли невѣжественную толпу, не понимавшую значенія происходящихъ событій, истребить ненавистныхъ соціалистовъ и тѣмъ совершить патріотическій подвигъ. Сѣмя было брошено на благодарную почву, и на слѣдующій день, когда организованная колоніею манифестаціонная процессія вошла въ городъ, она была встрѣчена выстрѣлами черносотенной толпы, вооруженной револьверами, дубинами и кольями. Среди манифестантовъ произошло замѣшательство, большинство ихъ разбѣжалось, и на улицѣ осталась лишь небольшая кучка ссыльныхъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Черносотенцы съ гикомъ бросились на нихъ, немилосердно избивая беззащитныхъ людей, не разбирая ни женщинъ, ни дѣтей. Съ особенною ожесточенностью набрасывались на тѣхъ, которыхъ указывали ихъ вожаки, повидимому заранѣе намѣтившіе своихъ жертвъ. М. Ю. Гольдштейнъ, окруженный толпою хулигановъ, тщетно отстрѣливался, и когда онъ выпустилъ послѣдній зарядъ изъ своего револьвера, злодѣи оглушили его брошеннымъ въ голову камнемъ и добили его кольями. Несчастный М. Ю. былъ доставленъ въ городскую больницу еще съ признаками жизни, но черезъ нѣсколько минутъ скончался, не приходя въ сознаніе. Ненасытный Молохъ человѣконенавистничества принялъ эту крупную жертву. Остальные колонисты были жестоко избиты, а изъ числа обывателей убита молодая учительница А. Покотило.

Все архангельское общество было до глубины души возмущено этимъ звѣрскимъ преступленіемъ, невозмутимою осталась только одна бюрократія, совершенно открыто радовавшаяся успѣхами черной сотни: архангельскій вице-губернаторъ Хрипуновъ цѣловался на улицахъ съ черносотенцами, пожимая ихъ обагрен-

ныя кровью руки, а власти ничего не сдѣлали не только для того, чтобы покарать убійцу, но даже для предотвращенія побоища, въ которомъ участвовала и полиція.

М. Ю. пользовался рѣдкой популярностью не только въ тѣсномъ кругу нашей колоніи, но и во всемъ мѣстномъ обществѣ. Его разностороннія, богатыя познанія въ области науки и искусства и открытый, добродушный и привѣтливый характеръ влекли къ нему всѣхъ, кому когда либо въ жизни приходилось съ ними сталкиваться. Чуткій и отзывчивый, онъ старался прійти на помощь всякому своими знаніями и опытомъ, и двери его квартиры были широко открыты для всѣхъ. Талантливый химикъ, онъ щедро дѣлился своими обширными знаніями съ товарищами по ссылкѣ, читая имъ лекціи по химіи и давая даже отдѣльные уроки, конечно, безплатно. Его попытки подѣлиться своими знаніями съ болѣе широкимъ кругомъ слушателей путемъ организаціи публичныхъ лекцій встрѣтили неодолимое препятствіе въ нашей нелѣпой „конституціи", запрещавшей ссыльнымъ всякое публичное выступленіе, и обществу такъ и не удалось воспользоваться рѣдкимъ въ этомъ глухомъ углу случаемъ вкусить истинной науки. Вообще, безсмысленно свирѣпое отношеніе правительства къ ссыльнымъ всегда стояло преградой на пути М. Ю., и этотъ богато одаренный человѣкъ, по волѣ тупой администраціи влачилъ свою жизнь въ крайней нуждѣ въ то время, какъ люди подобные М. Ю., были такъ нужны населенію края. Съ большимъ трудомъ добился М. Ю. разрѣшенія на устройство въ Архангельскѣ химической лабораторіи, но положеніе ссыльнаго и здѣсь ставило ему препятствія, и прекрасно оборудованная по послѣднему слову науки лобораторія, могущая служить украшеніемъ любого университетскаго города, здѣсь пустовала, не принося никому никакой пользы. Тоскуя по наукѣ, М. Ю. съ нетерпѣніемъ ждалъ амнистіи, чтобы вернувшись изъ ссылки, отдаться любимымъ своимъ занятіямъ. Еще живя въ Новгородѣ, онъ былъ избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета профессоромъ химіи, но ссылка помѣшала ему занять эту кафедру, теперь онъ мечталъ о возвращеніи къ университетской работѣ, но черная реакція пересѣкла его жизнь на самомъ порогѣ осуществленія его мечты.

Похороны М. Ю. произведены были на счетъ архангельскаго общества. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и погребено на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, гдѣ могила его была покрыта цѣлою горою вѣнковъ, возложенныхъ всевозможными революціонными и общественными организаціями и друзьями и почитателями М. Ю. Вмѣстѣ съ его останками, увезенными изъ Архангельска, выѣхала и вся наша колонія.

Политическая ссылка была ликвидирована, но, какъ очень скоро оказалось—лишь на время. Мѣста ссылки не успѣли еще окончательно освободиться отъ своихъ невольныхъ обитателей, задержанныхъ тамъ бездорожьемъ, какъ бюрократія, поднявшая снова голову послѣ короткихъ дней свободы, стала вновь ихъ

заселять и такъ энергично, что времена Плеве показались дѣтской забавой въ сравненіи съ временами П. Н. Дурново, заткнувшаго своего бывшаго шефа за поясъ жестокостью и массой пролитой крови. Многіе изъ моихъ товарищей по Архангельску и по уѣзднымъ колоніямъ уже успѣли испытать на себѣ тяжесть „новаго режима“, и вновь попали на сѣверъ Россіи и въ Сибирь, или сидятъ по тюрьмамъ въ ожиданіи новой ссылки, а нѣкоторые не миновали и каторги или ждутъ суда по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ. Архангельская губернія въ настоящее время переполнена ссыльными такъ, какъ никогда, да и другія мѣста сплошь переполнены ссыльными.

Ю. Лавриновичъ.

По поводу статьи Н. С Русанова. „П. Л. Лавровъ“.

(Былое, 1907 г., февраль).

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду указать на небольшія неточности, вкравшіяся въ указанную статью г. Русанова и касающіяся нѣкоторыхъ эпизодовъ моей литературной дѣятельности. Въ этой статьѣ г. Русановъ между прочимъ пишетъ.

„Духовному вождю (разумѣется Н. Г. Чернышевскій) тогдашней революціонной (?) интеллигенціи, очевидно казалось, что Лавровъ черезъ-чуръ завертываетъ прогрессивный характеръ своихъ воззрѣній въ аппаратъ излишней эрудиціи, сбивая тѣмъ лишь съ толку русскую читающую публику, для которой по мнѣнію Н. Г. Чернышевскаго, нужны прежде всего ясные и опредѣленные взгляды. А ученики Чернышевскаго преувеличивали такое отношеніе Николая Гавриловича и доходили, разъ ступивъ на такую почву, уже *до явной несправедливости* (курсивъ мой, А.).—Такъ, когда П. Л. Лавровъ прочиталъ въ 1860 году въ пользу литературнаго фонда—однимъ изъ первыхъ членовъ котораго онъ былъ—три публичныя лекціи о значеніи философіи (три бесѣды о современномъ значеніи философіи, напечатанныя въ „Отеч. Записк.“ 1861 г.), онъ подвергся *рѣзкой критикѣ* (курс. мой, А.) М. А. Антоновича. И послѣдній повторилъ *нападеніе на Лаврова* (курс. мой, А.) по поводу „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, начавшаго выходить въ 1861 г. подъ общей редакціей Краевскаго, при редакціи по философскому отдѣлу Лаврова, скоро ставшаго главнымъ редакторомъ. Тутъ что называется, *своя своихъ не познаша* (кур. мой, А.); въ то время какъ архіереи и свѣтскіе доносчики, въ родѣ Аскоченскаго призывали на голову Лаврова правительственные громы за безбожіе, проповѣдуемое „Энциклопедическимъ Словаремъ“, и требовали наказанія церковной анафемой (?) и царской каторгой, Антоновичъ обрушивался на редактора Словаря за умѣренность его взглядовъ. Насколько эта полемика противъ Петра Лавровича *держалась на недоразумѣніи* (кур. мой, А.), видно было изъ того, что вскорѣ послѣ того *самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову* (кур. мой А.) свое сотрудничество въ Словарѣ и далъ, между прочимъ, статью объ Евангеліяхъ, которая подобно многимъ вещамъ Атоновича. была написана очень ясно и талантливо и произвела въ свое время большой фуроръ.“

Совершенно вѣрно, что я подвергъ рѣзкой, можетъ быть даже очень рѣзкой, критикѣ не только указанныя три бесѣды, и всю тогдашнюю философію Петра Лавровича Лаврова. («Современникъ» 1861,

№ 4). Но къ этой критикѣ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено изреченіе: своя своихъне познаша. Точно также она вовсе не была плодомъ *недоразумѣнія*. И я смѣю думать, что въ ней не было не только *явной*, нодаже и скрытой *несправедливости*.—Не нужно упускать изъ виду, что Лавровъ въ тогдашнихъ своихъ первыхъ статьяхъ по философіи, былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ послѣдующихъ и особенно въ послѣднихъ его статьяхъ. Лаврова по тогдашнимъ его философскимъ воззрѣніямъ я ни въ какомъ случаѣ не могъ и не имѣлъ основанія считать *своимъ*, равно какъ и онъ по моимъ статьямъ въ «Современникѣ» не могъ признавать меня *своимъ*. Мы были люди разномыслящіе, философскіе противники и я рѣзко критиковалъ *не своего единомышленника, а своего* противника. И никакого *недоразумѣнія* тутъ и не могло быть. Моя критика, по моему искреннему убѣжденію, была вполнѣ добросовѣстна, чистосердечна и руководилась справедливыми побужденіями, исключавшими всякую несправедливость.—Всѣ мои утвержденія я доказывалъ подлинными словами Лаврова, такъ что читатель имѣлъ полную возможность провѣрить меня. Да наконецъ, кто же какъ не тотъ же Чернышевскій напечаталъ мою статью въ «Современникѣ». Еслибы онъ замѣтилъ въ ней хоть малѣйшіе признаки недоразумѣнія, пристрастія или несправедливости, то онъ или не напечаталъ-бы ее, или предложилъ-бы мнѣ передѣлать ее.

Въ своей статьѣ я старался изобразить два типа нашихъ тогдашнихъ философовъ, старыхъ и новыхъ. Самымъ выдающимся представителемъ новыхъ философовъ я призналъ Лаврова и поставилъ его гораздо выше Эдельсона и даже Страхова, о которомъ сказалъ только нѣсколько словъ. Я думаю, что съ моей стороны это была справедливость относительно Лаврова. Далѣе, я отдалъ полную справедливость новымъ философамъ, значитъ главнымъ образомъ Лаврову, и поставилъ ихъ безконечно выше старыхъ. Именно я писалъ: «Наши новые философы составляютъ совершенную противоположность старымъ; они не вѣрятъ *абсолюту* (послѣднее слово вставлено по цензурнымъ соображеніямъ Чернышевскимъ, а у меня въ рукописи было: *во внѣміровое и управляющее міромъ существо*), не толкуютъ о безусловныхъ вѣчныхъ идеяхъ, не слишкомъ убиваются изъ-за ограниченной морали, никого не пугаютъ страшными привидѣніями, хотятъ быть современными, придерживаются новыхъ философскихъ системъ, признаютъ полноправность философіи и самозаконіе разума, который знаетъ только себя и никому подчиняться не обязанъ». И въ другомъ мѣстѣ я писалъ о Лавровѣ. «Съ цѣлію предупредить и отвратить его (Лаврова) отъ эклектизма и сдѣланы были нами нѣкоторыя замѣчанія, за которыя г. Лавровъ не будетъ на насъ въ претензіи, судя по его искренности и по тому философскому благородству, просто рыцарской мыслительной честности, которая замѣтна почти на каждой страницѣ его статей». И наконецъ одну отрасль философіи Лаврова я характеризовалъ такъ. «О практической философіи Лаврова мы не будемъ говорить; правила ея заслуживаютъ полнаго уваженія и дѣлаютъ большую честь высокимъ практическимъ идеаламъ г. Лаврова; но метафизическія основанія, изъ которыхъ выведены эти

правила, тоже неудовлетворительны». Приведенные отрывки показыютъ, что мою критику можно характеризовать какъ угодно, что она можетъ быть была очень рѣзка, несдержанна, придирчива, заносчива, непочтительна—и все такое; но назвать ее несправедливой—это въ высшей степени несправедливо.

Съ чѣмъ я былъ согласенъ въ статьяхъ Лаврова, противъ того я не возражалъ и можетъ не все то указалъ въ своей статьѣ. Я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду всю философскую систему, все общее міросозерцаніе Лаврова. И эту систему я находилъ—справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ—совершенно неудовлетворительной.—Прежде всего Лавровъ много занимался вопросомъ, что такое философія; и послѣ долгихъ разсужденій далъ на него такой отвѣтъ: «философія есть процессъ отожествленія мысли, образа и дѣйствія». Назвать это опредѣленіе наборомъ непонятныхъ словъ, какъ это сдѣлалъ я, ужели это будетъ несправедливость.—Вся теоретическая философія Лаврова была въ то время компромисной мозаикой отдѣльныхъ отрывковъ изъ разныхъ философій. Прежде всего онъ признаетъ основной принципъ кантовой философіи: «мы не можемъ знать сущности вещи, а знаемъ только явленія». Слѣдуя Гегелю, Лавровъ утверждалъ: «все сущее представляется намъ фактомъ феноменологіи *нашего* духа». Чистый гегельянецъ впрочемъ вычеркнулъ бы изъ этой фразы слово *нашего*, а вмѣсто его поставилъ бы *всеобщаго* или *абсолютнаго*. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Лавровъ, какъ человѣкъ убѣдился (вотъ видите не философы, а вообще человѣкъ, такъ сказать человѣчество) убѣдился, что онъ сознаетъ не сущность вещей, но только явленія, и даже не внѣшнія явленія, а только внутреннія собственнаго процесса мышленія, чувствованія, желанія, съ тѣхъ поръ необходимость психологіи, какъ центра всѣхъ прочихъ міровъ (?), представлялась болѣе и болѣе ясно человѣку». Это преувеличенное значеніе психологіи Лавровъ позаимствовалъ у существовавшей въ то время школы эмпириковъ-субъективистовъ, которые все основывали на внутреннемъ опытѣ и наблюденіи надъ собственной душой, субстанціально отличной отъ тѣла и которые вообще были крайними спиритуалистами. Они и упрекали идеалистовъ, какъ упрекалъ ихъ и Лавровъ, будто они не придавали психологіи первенствующаго значенія и не занимались внутреннимъ самонаблюденіемъ и самопознаніемъ. Но почему въ основѣ не только всей философіи, но и «всѣхъ прочихъ міровъ» должна лежать спиритуалистическая психологія, а не антропологія, напр., какъ требовалъ Фейербахъ или Чернышевскій,—этого не разъяснили и не доказали ни эмпирики-субъективисты ни Лавровъ. Наконецъ Лавровъ не прочь бы былъ включить въ свою философскую коллекцію даже матеріализмъ, противъ котораго онъ вообще ратовалъ и привелъ много ходячихъ и своихъ собственныхъ возраженій и который, по его мнѣнію, призываетъ человѣчество «увѣровать и поклониться новому кумиру—веществу». И послѣ этого онъ произнесъ такой приговоръ матеріализму. «Какъ метафизическая теорія, матеріализмъ, имѣя преимущество предъ нѣкоторыми другими ученіями, неполонъ, потому что не обнимаетъ теоріи явленій сознанія, слѣдовательно *пока* нельзя на немъ остановиться, какъ нельзя

остановиться ни на одной изъ существующихъ системъ идеализма». А если матеріализмъ имѣетъ преимущества передъ другими ученіями и если нельзя остановиться на идеализмѣ, то почему же тогда не остановиться на матеріализмѣ. А иначе на чемъ же окончательно остановиться.

Итакъ тогдашняя философія Лаврова представляла собою не сцементированный конгломератъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, отбитыхъ отъ разныхъ философскихъ системъ; въ немъ рядомъ лежали идеализмъ, спиритуализмъ и отчасти даже матеріализмъ. Такая разношерстная философія казалась мнѣ неудовлетворительной, нелогичной, непоучительной и не прогрессивной. Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что она можетъ произвести только путаницу и сумбуръ въ головахъ читателей, особенно тогдашнихъ, совершенныхъ новичковъ въ философіи. И потому я считалъ своимъ долгомъ бороться съ такой философіей и дискредитировать ее въ глазахъ читателей.—Г. Русановъ разсказываетъ въ своей статьѣ, что однажды, когда онъ представилъ Лаврову для напечатанія въ журналѣ «Вѣстникъ» продолженіе своей статьи, начало которой уже было напечатано въ этомъ журналѣ, то Лавровъ забраковалъ это продолженіе, возмутился имъ и грозилъ отказаться отъ редакторства, если продолженіе будетъ помѣщено въ журналѣ. Впослѣдствіи, когда г. Русановъ познакомился съ Лавровымъ, послѣдній по поводу продолженія сказалъ ему, что онъ лично ничего не имѣлъ противъ него и что если онъ далъ «черезчуръ рѣзкій отзывъ» о продолженіи, «то дѣлалъ это въ силу сознанія долга...» Вотъ это и я имѣю право сказать про мой можетъ быть тоже черезчуръ рѣзкій отзывъ о философіи Лаврова.

Но помимо неудовлетворительной философіи въ статьяхъ Лаврова было не мало ересей уже не философскихъ, а чисто научныхъ, совершенно опредѣленныхъ, относительно которыхъ уже невозможны были никакія сомнѣнія, возможныя относительно умозрительныхъ сюжетовъ философіи. Вотъ, напр., что писалъ Лавровъ. «Для явленій, обозначаемыхъ названіемъ духовныхъ, матеаріализмъ можетъ быть въ теперешнемъ состояніи науки *только вреденъ* (курс. мой. А.), потому что отклоняетъ большинство ученыхъ отъ точныхъ психологическихъ изслѣдованій, возможныхъ и теперь, чтобы гнаться за мечтою, которую физіологія еще очень долго не въ состояніи выполнить». И это было написано въ то время, когда уже зарождалась новая наука психо-физика, которая стремилась органически слить матеріалистическую физіологію со спиритуалистической психологіей. И написано было послѣ того, какъ матеріалистическая физіологія дала опытныя доказательства, подтверждающія въ извѣстномъ смыслѣ основной принципъ Канта и показала, что мы не знаемъ не только сущности вещей, но не знаемъ непосредственно даже явленій вещей и ихъ дѣйствительнаго отношенія къ намъ, на что указывалъ знаменитый Гельмгольцъ.—Далѣе Лавровъ, подобно старымъ философамъ, признавалъ, что въ природѣ существуетъ причинная цѣлесообразность, что въ ней все совершается по кѣмъ-то предустановленной гармоніи и по кѣмъ-то предначертанному плану. И на этомъ основаніи онъ писалъ вотъ что. «Одинъ пунктъ въ развитіи организмовъ слу-

житъ для противниковъ матеріализма *могущественнымъ* (кур. мой, А.) аргументомъ: это присутствіе извѣстнаго плана въ развитіи. Организмы строятся по нѣкоторому первообразу (?).» Это было напечатано въ то время (1861), когда уже явилась на свѣтъ (1859) теорія Дарвина,—которая уже имѣла блестящіе успѣхи въ ученомъ мірѣ, но съ которою Лавровъ вѣроятно еще не былъ знакомъ въ то время. Меня, въ то время горячаго послѣдователя и поклонника дарвинизма, просто возмутилъ этотъ аргументъ, признававшій предначертанный планъ и какой-то первообразъ въ эволюціи органическихъ формъ, и потому я отвѣтилъ Лаврову репликой, можетъ быть несдержанной и черезчуръ рѣзкой. «Что же касается присутствія плана въ развитіи организмовъ, то, представьте себѣ, матеріалисты видятъ въ немъ могущественное доказательство въ пользу своего принципа; по всей вѣроятности они не читали статьи г. Лаврова; по ихъ словамъ, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что разнообразные организмы произошли отъ одного организма, и это единство ихъ происхожденія обнаруживается ихъ сходствомъ и тѣмъ именно указываетъ на развитіе и происхожденіе организмовъ изъ одного общаго источника. Посмотрите, съ какою радостью они ухватились за Дарвинову теорію видовъ; эта теорія и другія въ томъ же родѣ,—прочитайте Льюиса въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—по ихъ мнѣнію очевидно докажутъ, что рыбы и птицы не явились самостоятельно и независимо другъ отъ друга и высшія животныя появились не независимо отъ низшихъ формъ, а что всѣ организмы произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ и даже отъ одного; оттого-то, что они выросли, такъ сказать, изъ одного корня и имѣютъ общее начало, намъ и кажется, что они строятся по нѣкоторому первообразу. Какъ ни видоизмѣняли ихъ внѣшнія обстоятельства, но не могли уничтожить признаковъ ихъ общаго происхожденія; общій типъ организмовъ,—это то же, что фамильное сходство въ нѣкоторыхъ семействахъ, сходство между бурбонскими носами и подбородками». Далѣе для меня было большимъ сюрпризомъ встрѣтить въ одной статьѣ Лаврова такую непростительную для него научную ересь. «Механическая теорія матеріалистовъ, писалъ онъ, еще далека отъ своего осуществленія въ самой области явленій, подлежащихъ чувствамъ. Въ явленіяхъ свѣта не доказано прямымъ наблюденіемъ существованіе волнообразнаго движенія». Напротивъ очень доказано; измѣрена даже длина волнъ и волнами объяснена интерференція свѣта. А въ настоящее время доказано, что электрическіе герцовскіе лучи тоже настоящія волны. Эта ересь сильно поколебала въ моихъ глазахъ ученый авторитетъ Лаврова.

Все изложенное даетъ мнѣ право еще разъ повторить, что моя критика философіи Лаврова и разныхъ его утвержденій не была недоразумѣніемъ и къ ней вовсе непримѣнимо изреченіе «своя своихъ не познаша». Впослѣдствіи послѣ личнаго знакомства съ Лавровымъ въ бесѣдахъ и спорахъ съ нимъ я убѣдился, что онъ постепенно освобождался отъ эклектизма и старался придать своему міровоззрѣнію болѣе цѣльный, однородный и научно-состоятельный видъ. И мы сошлись съ нимъ если не во всемъ, то во многомъ въ области философіи. Г. Русановъ свидѣтельствуетъ, что «по мѣрѣ того, какъ

деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе *передвигался влѣво*» (курсивъ мой, А.) и что въ началѣ 60-хъ годовъ взгляды Лаврова подверглись первому наиболѣезамѣтному преобразованію на пути отъ либерализма къ соціализму». Вотъ такая же эволюція произошла и въ философіи Лаврова; онъ очень полѣвѣлъ и въ этой обасти. Если бы Лаврову въ старости показали его стихотвореніе «отзывъ на манифестъ», о которомъ говоритъ г. Русановъ и которое цѣликомъ напечатано въ той же книжкѣ «Былого», то онъ навѣрное сказалъ бы: это я написалъ тогда, когда легковѣренъ и молодъ я былъ. Я думаю, что онъ сказалъ бы тоже самое и про свои первыя философскія статьи.

Что же касается «Энциклопедическаго Словаря», то г. Русановъ представилъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто въ то время, когда архіереи и свѣтскіе доносчики грозили «Словарю» анафемой и каторгой, я съ своей стороны поджигалъ и подбивалъ редакцію его къ неумѣренности, т. е. былъ въ нѣкоторомъ родѣ провокаторомъ изъ за враждебности моей къ Лаврову, и какъ будто «Словарь» былъ для меня только поводомъ и предлогомъ повторить «нападеніе на Лаврова» и «обрушиться» на него. Все это крайне не точно. Рецензія на «Словарь» была напечатана анонимно, («Современникъ, 1861, № 7) безъ моей подписи; но она дѣйствительно написана мною и я признаю ее своею. Рецензія говоритъ *только* о I томѣ «Словаря», который былъ редактированъ не Лавровымъ. И потому въ рецензіи я судилъ и рядилъ вовсе не о Лавровѣ, а о неизвѣстной безличной «редакціи», и если обрушивался накого нибудь, то на эту «редакцію», но никакъ не на редактора и въ частности на Лаврова. И обрушивался я на редакцію за весьма многое, но никакъ не за умѣренность ея взглядовъ. Нашъ споръ можно было бы рѣшить моментально; мнѣ слѣдовало бы только сказать: прочитайте, читатели, мою рецензію и вы увидите, что въ ней нѣтъ ничего того, что говоритъ г. Русановъ. Но къ сожалѣнію это значило бы требовать неисполнимаго, невозможнаго. Поэтому я поневолѣ принужденъ хоть кратко указать, что содержится въ моей рецензіи. Прежде всего я упрекалъ редакцію за то, что она не уяснила себѣ и не опредѣлила плана и существеннаго характера своего изданія. «Словарь» могъ бы быть или просто справочной книгой, перечнемъ голыхъ фактовъ, безъ всякаго освѣщенія, безъ всякихъ обсужденій и толкованій, или же книгой поучительной, по которой можно было бы изучить тѣ или другіе сюжеты и почерпнуть изъ нея такой или другой взглядъ на нихъ. Редакція говорила въ предисловіи, что она желаетъ дать то и другое,—что я считалъ невыполнимымъ и не по силамъ редакціи, и что поэтому было бы лучше, если бы редакція держалась одной какой нибудь цѣли и тѣмъ болѣе, что сама редакція повидимому склонялась въ пользу голой фактичности и говорила: «мы стремились не проповѣдывать какое либо ученіе (?), но поставить читателя на современно научную (?) *фактическую точку зрѣнія*». Затѣмъ я упрекалъ опять таки редакцію, а не редактора и не Лаврова за то, что она напихала въ «Словарь» разный негодный хламъ и всякую дребедень, никому не нужную и совершенно лишнюю, что она не выполнила даннаго ею обѣщанія подробно говорить о русскихъ

сюжетахъ. Какъ на примѣръ хлама я указалъ на такую статью. «А А А, химическая аббревіатура. Подъ этими тремя буквами въ старинныхъ химическихъ сочиненіяхъ понимали амальгаму, сплавъ металловъ съ ртутью». А какъ на доказательство неисполненія обѣщанія редакціи я указалъ на то, что напр. Августину отведено больше печатнаго листа, а нашему протопопу Аввакуму только 4 странички. Упрековъ же редакціи «за умѣренность» не было въ рецензіи никакихъ ни явныхъ ни даже сокровенныхъ, езоповскихъ. Что у меня не было предвзятой враждебности къ Словарю—это доказываетъ между прнчимъ слѣдующія мѣста. «Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что въ I томѣ «Словаря» есть нѣсколько статей очень дѣльныхъ, составленныхъ тщательно, съ знаніемъ дѣла...» — «Статья объ аграрныхъ законахъ составляетъ блистательное исключеніе изъ всѣхъ статей историческихъ... она изложена ясно и отчетливо, безъ ученкхъ замашекъ и ежеминутные ссылки на ученные авторитеты...»— «Статьи по расколу также замѣтно выступаютъ изъ кучи другихъ статей и имѣютъ въ себѣ задатки для того, чтобы быть интересными.» Кончилъ я свою рецензію слѣдующими словами:

„На дняхъ вышелъ и второй томъ „Энциклопедическаго Словаря“. Онъ похожъ на первый, несмотря на перемѣну общаго редактора. Это мы хотимъ объяснять тѣмъ, что много матеріаловъ новый общій редакторъ получилъ по наслѣдству отъ прежняго. Чтобы судить о будущности «Энциклопедическаго Словаря» при новой общей редакціи, надобно подождать третьяго тома, при составленіи котораго г. Лавровъ будетъ менѣе спутанъ рухлядью, заготовлявшеюся еще при г. Краевскомъ“.

Послѣ всего этого утверждать, что я по поводу и подъ предлогомъ «Словаря» «повторилъ нападеніе» и обрушился лично на редактора «Словаря» и именно на Лаврова,—по моему мнѣнію невѣрно и несправедливо. Такъ же точно невѣрно и несправедливо то, будто бы «самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ Словарѣ». Я всегда отлично понималъ, что предлагать свое сотрудничество — дѣло рискованное и навязчивое; а въ данномъ случаѣ это было бы большой безтактностью и даже нѣкоторымъ нахальствомъ. Предлагать кому нибудь сотрудничество въ дѣлѣ, по поводу котораго обрушивался на него за это дѣло,—это было бы чѣмъ-то неслыханнымъ. Я никогда и ни къ кому не навязывался съ своимъ сотрудничествомъ. И въ данномъ случаѣ Лавровъ предложилъ мнѣ сотрудничество, и я, склонившись на его очень резонныя, основывавшіяся и на моей рецензіи убѣжденія, принялъ его предложеніе.

Далѣе г. Русановъ говоритъ, будто моя статья объ Евангеліяхъ «произвела въ свое время *большой фуроръ*». Это тоже не точно. Дѣйствительно, статья обратила на себя вниманіе столичныхъ читателей—о провинціальныхъ ничего не знаю—главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ней были приведены рѣшительные и рѣзкіе факты, сильно колебавшіе традиціонное понятіе о евангеліяхъ Но сказать, что статья произвела «*большой фуроръ*»,—это преувеличенно.

Г. Русановъ въ своей статьѣ мимоходомъ коснулся одного сюжета, къ которому я также былъ прикосновененъ. «Когда въ Петербургѣ, разсказываетъ онъ, стало основываться Общество Женскаго труда, при

ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ въ свою очередь списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, навербованныхъ почти исключительно изъ нигилистокъ, показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ». Въ числѣ учредительницъ была еще А. Н. Энгельгардтъ, горячая и энергическая піонерка по женскому дѣлу. Я также предполагался въ члены общества; но я самъ не навязывался въ члены, а меня опять таки приглашилъ и убѣдилъ вступить въ общество тотъ же Лавровъ. На тѣхъ предварительныхъ собраніяхъ, на которыхъ я присутствовалъ, Лавровъ не предлагалъ въ члены нигилстокъ и не произносилъ обличительной рѣчи. Но дѣйствительно въ возникавшемъ обществѣ сразу образовались двѣ враждебныя партіи, которыя не могли согласиться и спѣться между собою. Такъ на одномъ собраніи одна партія предлагала въ предсѣдательницы общества даму изъ высшаго круга, а другая протестовала противъ этого и требовала, чтобы предсѣдательницей была избрана наборщица Нагорнова. Лавровъ дѣйствовалъ при этомъ нейтрально и даже въ примирительномъ духѣ. Долженъ сознаться, что я по своей безтактности, но неумышленно и ненамѣренно мѣшалъ примиренію. Когда на этомъ собраніи Лавровъ представилъ меня одной изъ учредительницъ и рекомендовалъ какъ усерднаго члена, и когда она стала благодарить меня, то я отвѣтилъ ей такой репликой: мадамъ, не вы должны благодарить насъ, а напротивъ мы должны быть глубоко благодарны вамъ за то, что вы, движимыя гуманными чувствами, рѣшились придти на помощь нашимъ женщинамъ, которыя знаютъ трудъ не по наслышкѣ только, которыя работаютъ до изнеможенія, чтобы добыть себѣ скудное пропитаніе; поэтому мы, мы должны быть благодарны вамъ, а не вы намъ. И я внутренно гордился и воображалъ, какой ловкій комплиментъ я отпустилъ свѣтской дамѣ. Но увы! оказалось, какъ объяснили мнѣ пріятели, что это не комплиментъ, а если не оскорбленіе, то во всякомъ случаѣ не тонкая но злая иронія.

М. Антоновичъ.

По поводу „Воспоминаній Народовольца“ А. Н. Баха.

Въ январской книжкѣ «Былого» (стр. 119) Бахъ говоритъ: «Росси былъ взятъ на похоронахъ Судейкина и, кажется, погибъ въ Петропавловской крѣпости». Послѣднее невѣрно. «Симпатичный» Росси, такъ «нравившійся» автору, вскорѣ послѣ своего ареста, «вывернулъ кафтанъ» и далъ обстоятельнѣйшія, предательскія показанія относительно всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ убійству Судейкина (въ томъ числѣ и обо мнѣ). Эти показанія были *единственною* уликою противъ Стародворскаго и Конашевича до собственнаго сознанія Стародворскаго, которое повлекло за собой и сознаніе Конашевича. Росси выговорилъ себѣ одно: чтобы его не ставили публично на судѣ лицомъ къ лицу съ преданными имъ людьми. Это условіе было исполнено и онъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ суду департаментомъ полиціи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Западную Сибирь, гдѣ онъ и находился во все время нашего процесса [1]). Гдѣ онъ теперь,—я не знаю.

Многочисленныя «субъективности» автора «Воспоминаній Народовольца» я оставляю безъ оговорокъ, такъ какъ исправленіе ихъ потребовало бы обстоятельнаго, связнаго разсказа о дѣлахъ того времени, на что у меня пока нѣтъ охоты. Но я позволю себѣ исправить мимоходомъ маленькую «аберрацію памяти» почтеннаго автора только по одному пункту (Февраль 1907, стр. 20).

Не знаю,—насколько энергично противился Бахъ помѣщенію въ № 10 «Н. В.» некролога Бердичевскаго *до* моего пріѣзда въ Ростовъ; но помню твердо, что, когда я пріѣхалъ туда и, узнавъ отъ него о помѣщеніи этого некролога, сказалъ, что я не могу допустить этого, онъ всѣми силами возсталъ противъ меня, говоря между прочимъ: «это потребуетъ переверстки всего перваго листа. Типографщики ни за что не согласятся на это. Вы только взбунтуете типографію!»—Не безпокойтесь. Я сумѣю найти слова, которыя заставятъ ихъ повиноваться мнѣ.—«Вы не знаете этихъ людей; это безуміе; я вамъ не дамъ ни сигнала, ни пароля». Разъ что я знаю адресъ типографіи, я обойдусь и безъ пароля.—«Васъ застрѣлятъ. Они твердо рѣ-

---

[1]) По всѣмъ имѣющимся у насъ даннымъ, Росси въ Западную Сибирь высланъ не былъ. Какъ итальянскій подданный, онъ, вѣроятно, воспользовался своимъ правомъ быть высланнымъ вмѣсто Сибири за границу. *Ред.*

шились не даваться живыми; а къ нимъ никто не ходитъ; значитъ всякій неожиданный посѣтитель есть врагъ; повторяю,—васъ застрѣлятъ»—Авось нѣтъ. Для пули мѣста много, какъ говаривалъ на такія угрозы одинъ знакомый мнѣ сибирскій разбойникъ. Въ меня уже не разъ стрѣляли, а я все еще живъ,—закончилъ я смѣясь.

Съ дачи въ Ростовъ я явился уже въ сумерки. Пройдя дворомъ, я беззвучно вошелъ въ квартиру, черезъ незапертую по оплошности дверь. Меня услышали только, когда я кашлянулъ, стоя посреди гостиной, гдѣ было уже совсѣмъ темно, а огонь не былъ еще зажженъ. «Кто вы? Что вамъ нужно?» сурово воскликнулъ выросшій передо мною хозяинъ. Въ то же время за перегородкой послышался подозрительный шорохъ: выдвигали ящикъ комода. «Господа! громко сказалъ я, не трогаясь съ мѣста—не спѣшите хвататься за револьверы. Я одинъ, значитъ съ этимъ дѣломъ всегда поспѣется. Я пришелъ безъ пароля; но хозяйка знаетъ меня въ лицо,—позовите ее». Хозяинъ на секунду исчезъ, и я услышалъ шопотъ: «онъ одинъ и говоритъ, что ты его знаешь; выходи, — хуже не будетъ». Еще черезъ секунду передо мною стояла маленькая женщина и тщетно старалась распознать меня въ темнотѣ и въ смущеніи. Я положилъ ей руки на плечи и, наклонясь къ ея уху, сказалъ тихонько: «Руня! не узнаешь? А Садовая?!» Она взвизгнула и бросилась мнѣ на шею. Затѣмъ все шло «по хорошему». Я послалъ за Антоновымъ и разъяснилъ всѣмъ—почему Распорядительная Коммиссія, вполнѣ понимая и раздѣляя ихъ товарищескія чувства къ Бердичевскому, не можетъ допустить помѣщенія такого некролога такъ сказать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» партіи. Никто не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ принялись поспѣшно переверстывать первый листъ.

Кстати уже: на стр. 214 Бахъ говоритъ: «Часть этой суммы я передалъ Лопатину». Изъ всѣхъ денегъ, полученныхъ разновременно Бахомъ съ К-ва и изъ другихъ источниковъ, онъ вручилъ мнѣ ровно 200 рублей для совершенно спеціальнаго назначенія. Позже были высланы мнѣ въ Петербургъ съ тою же цѣлью еще 300 руб., но, послѣ моего ареста, они были выданы обратно отправителямъ (собственно С. Иванову) моимъ посредникомъ по денежной части.

Еще слово. Какъ извѣстно, *народный* «аграрный терроръ» выражается прежде всего поджогами,—подпусканіемъ «краснаго пѣтуха», чѣмъ и объясняется данная мною «молодымъ народовольцамъ» кличка, представлявшая краткую характеристику практической *программы* дѣйствій, а не насмѣшку надъ *личностями,* какъ можно пожалуй подумать изъ словъ Баха. (Февр., стр. 201). Когда всѣ недоразумѣнія выяснились и уладились, безъ всякаго умиротворяющаго посредничества Баха, Якубовичъ и К° были моими дѣятельнѣйшими сотрудниками и наши взаимныя отношенія стали самыми тѣсными и сердечными.

Германъ Лопатинъ.

Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ.

Скончался замѣчательный литературный труженикъ, угасла одна изъ тѣхъ большихъ силъ, безъ наличности которыхъ не могло бы существовать,—и притомъ существовать прочно,—ни одно широко поставленное литературное дѣло. Журналъ «Міръ Божій» въ теченіе многолѣтняго существованія своего являлся несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ огоньковъ, откуда распространялся свѣтъ во время самыхъ безпросвѣтно-темныхъ періодовъ русской жизни, откуда пробивались на просторъ черезъ всѣ цензурныя заставы лучи свѣтлой человѣческой мысли, откуда поддерживалась вѣра въ лучшее будущее. А «Міръ Божій» и А. И. Богдановичъ одинъ отъ другого рѣшительно неотдѣлимы.

Велика въ исторіи русскаго освободительнаго движенія роль такъ называемыхъ «толстыхъ журналовъ». Достаточно припомнить, что въ качествѣ ихъ фактическихъ редакторовъ или идейныхъ вдохновителей въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ являлись одинъ за однимъ такіе выдающіеся люди, какъ Новиковъ, Рылѣевъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Михайловскій. И это только «главные», не говоря уже о цѣломъ рядѣ «второстепенныхъ», но такихъ «второстепенныхъ», мимо именъ которыхъ никогда не пройдетъ историкъ нашей литературы и тѣсно связанныхъ съ нею судебъ нашего освободительнаго движенія.

За послѣдніе 3—4 года надъ русской литературой пронесся какой-то смерчъ: одинъ за однимъ сошли въ могилу К. М. Станюковичъ, Н. К. Михайловскій, А. П. Чеховъ, В. В. Лесевичъ, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенскій, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, В. А. Гольцевъ.

Все это люди не только съ крупными литературными именами, но и съ крупными заслугами передъ родиной въ дѣлѣ борьбы за ея освобожденіе. Въ частности смерчъ, о которомъ мы говоримъ, особенно тяжело отозвался на «Мірѣ Божіемъ». Давно ли мы, работавшіе въ этомъ журналѣ, встрѣчали тамъ въ качествѣ членовъ редакціи В. П. Острогорскаго, А. А. Давыдову, Л. К. Туганъ-Барановскую? Изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ никого. Оставался А. И. Богдановичъ, стоявшій,—безъ преувеличенія можно сказать,—на своемъ тернистомъ журнальномъ посту въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ вѣрный своему долгу часовой.

И вотъ, не стало и его...

Не богата внѣшними событіями жизнь Ангела Ивановича: полякъ по національности, онъ тѣломъ и душой былъ преданъ дѣлу служенія интересамъ трудящихся массъ всей Россіи. Это служеніе онъ началъ еще съ университетской скамьи. Читатели, знакомые съ печатавшимися у насъ «Воспоминаніями Народовольца» (А. Н. Баха) припомнятъ и тѣ мѣста изъ этихъ воспоминаній, въ которыхъ говорится объ А. И. Богдановичѣ. Преданный кіевскому военно-окружному суду за то, что при обыскѣ въ его квартирѣ была найдена «81 точка типографскаго шрифта», Богдановичъ произнесъ остроумную защитительную рѣчь и былъ оправданъ. Оправданіе, какъ водится, не помѣшало администраціи заставить «оправданнаго» покинуть Кіевъ и тѣмъ не дать ему возможности окончить университетъ. Благодаря этому, Богдановичъ появляется въ Поволжьѣ (онъ окончилъ гимназію въ Нижнемъ Новгородѣ) и начинаетъ усиленно работать въ поволжской прессѣ. Въ дѣлѣ этомъ онъ обнаружилъ сразу недюжинное дарованіе, и скоро въ средѣ провинціальныхъ писателей пріобрѣлъ себѣ замѣтное имя. Въ началѣ 90-хъ годовъ Богдановичъ переселился въ Петербургъ и одно время работалъ въ „Русскомъ Богатствѣ"; къ этому времени относится его энергическое участіе и въ возникавшей тогда политической партіи «Народнаго Права». Среди членовъ этой партіи онъ былъ однимъ изъ выдающихся публицистовъ: его перу принадлежитъ, между прочимъ, напечатанная партіей извѣстная въ свое время нелегальная брошюра «Насущный Вопросъ». Но объ участіи Богдановича въ этой партіи быть можетъ когда нибудь разскажетъ подробнѣе кто либо изъ людей, знакомыхъ лучше насъ съ этимъ періодомъ его жизни.

Въ «Мірѣ Божіемъ» Богдановичъ началъ работать съ самого возникновенія этого журнала, являясь его главнѣйшей рабочей силой. Нельзя было не изумляться той трудоспособности, которой обладалъ этотъ человѣкъ: самый внимательный просмотръ огромнаго количества рукописей, требующій весьма большого напряженія силъ, собственно редакторскій трудъ, сношенія съ сотрудниками, типографіей, цензорами, чтеніе новыхъ книгъ и журналовъ и собственныя ежемѣсячныя «Критическія Замѣтки»,—и такъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, почти безъ отдыха, безъ передышки... Надо было любить журнальное дѣло такъ, какъ его любилъ Богдановичъ, чтобы выносить, казалось, безъ устали прямо таки непосильный трудъ.

По убѣжденіямъ Богдановичъ былъ соціалъ-демократъ, но соціалъ-демократъ широкій, терпимый, чуждый всякаго фанатизма и сектантства.

Миръ праху труженика на нивѣ родной литературы и дѣятеля на аренѣ борьбы за свободу!

В. Б.

Историческая библіографія.

А. К. Брянчаниновъ. *Роспускъ Государственной Думы.* Причины—послѣдствія. Съ приложеніемъ оффиц. документовъ. Псковъ. 1906 г. Ц. 60 к.

Проф. Т. В. Локоть. *Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ.* Москва. 1907 г. Книгоиздательство „Польза". Ц. 1 р.

В. П. Алексѣевъ. *Первый русскій парламентъ.* Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. Москва. 1906 г. Ц. 15 к.

Проф. Т. В. Локоть. *Первая Дума.* Статьи, замѣтки, впечатлѣнія. Книгоизд. „Польза". Москва. 1906 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Езерскій. *Государственная Дума перваго созыва.* Пенза. 1907 г. Ц. 80 к.

П. П. Семенюта. *Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть.* Въ очеркахъ и картинахъ. С.-Петербургъ. 1907 г. Ц. 50 к.

М. Б—овъ и Ф. Данъ. *Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ.* Книгоиздат. Глаголевой. Годъ необозначенъ. Ц. 60 к.

В. Г. Танъ. *Мужики въ Государственной Думѣ.* Москва. 1907 г. Ц. 10 к.

В. В. Брусянинъ. *Судьба первыхъ депутатовъ.* Книгоизд. „Современникъ". С.-Петербургъ. 1906 г. Ц. 20 к.

Первая Государственная Дума, ея дѣятельность, роспускъ и послѣдствія породили въ короткое время междулумья значительную литературу, давшую въ общемъ счетѣ нѣсколько десятковъ книгъ, множество брошюръ и неисчислимое количество статей въ періодической печати. Разобраться въ этой литературѣ, дать ей оцѣнку, отдѣлить плевелы отъ здоровыхъ всходовъ и привести ее въ библіографическую систему—составляетъ хорошую плодотворную и нелегкую задачу будущихъ библіографовъ. Пока же эта литература растетъ, множится и, вѣроятно, долго еще первая Государственная Дума будетъ привлекать вниманіе историковъ и публицистовъ. Поэтому, не представляется никакой возможности подвести теперь же итоги названной литературы. Для историческаго журнала, какимъ является „Былое", литература о Гос. Думѣ имѣетъ значеніе богатаго историческаго матеріала, характеризующаго первые шаги нашего парламента, условія его дѣятельности и дающаго оцѣнку какъ момента, недавно нами пережитаго, такъ и созданнаго имъ политическаго положенія. Разсмотрѣть ее подъ этимъ угломъ зрѣнія и составляетъ задачу настоящей статьи. Вполнѣ понятно, что для выполненія этой задачи нѣтъ ни возможности, ни необходимости разсмотрѣть все, что въ этой области появилось до сихъ поръ. Поэтому, въ свой обзоръ мы включили по возможности такія работы, которыя или выдаются глубиною анализа, или даютъ освѣщеніе вопроса съ точки зрѣнія опредѣленной партіи, или интересны общимъ освѣщеніемъ дѣятельности Думы, или, наконецъ, характеризуютъ ту или другую группу депутатовъ, какъ представителей опредѣленной политической идеи.

Къ числу книгъ первой категоріи слѣдуетъ прежде всего отнести книгу проф. Т. В. Локотя „Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ". Основной его тезисъ сводится къ констатированію политическаго безсилія Думы. Выясненію характера и причинъ этого безсилія и посвящена большая часть книги.

Констатируя блестящій въ смыслѣ интеллигентности и знаній составъ Думы и ясность политическаго положенія, авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что „политическая мысль и характеръ политической дѣятельности первой Думы совершенно не вылились въ тѣ опредѣленныя, отчетливыя, ясныя и категорическія формы, которыхъ, какъ будто, можно бы было ожидать отъ нея. Ни одна политическая партія или группа Думы не обнаружила вполнѣ отчетливаго, строго продуманнаго и до конца послѣдовательнаго плана политической дѣятельности Думы, плана осуществленія той основной политической задачи, которая, казалось бы, столь ясно стояла передъ Думой. Мало того, ни одна партія и ни одна группа не обнаружила даже вполнѣ яснаго, политически-трезваго, реальнаго пониманія какъ того момента, который переживала тогда Россія, такъ и той роли, какую могла и должна была играть Дума именно въ этотъ моментъ, при данномъ сочетаніи и соотношеніи политическихъ силъ страны" (стр. 4). Въ дальнѣйшемъ анализѣ 72 дневной работы Думы, авторъ еще безпощаднѣе вскрываетъ непрактичность ея политической мысли, окрашенной „историческимъ идеализмомъ", противорѣчіе ея внутренняго, теоретическаго пониманія борьбы за власть съ практическимъ ея осуществленіемъ. Не отрицая того, что Дума ясно сознавала свое безсиліе измѣнить политическій строй безъ поддержки реальныхъ силъ страны, авторъ упрекаетъ ее въ томъ, что она въ своей дѣйствительной политической тактикѣ увлекалась иллюзіей, позволявшей думать, что соотношеніе этихъ силъ всетаки продолжало оставаться столь же благопріятнымъ для освободительной борьбы, какъ и въ октябрьскіе дни. Впавъ въ эту ошибку, Дума, „забывшая объ истинныхъ реальныхъ движущихъ силахъ той борьбы, центромъ которой она сама явилась, или замалчивавшая эти силы, нежелавшая поставить ихъ исходной точкой для своей политической дѣятельности—такая Дума неизбѣжно должна была быть разогнанной". Читая эти строки, можно думать, что авторъ считалъ бы нецѣлесообразною, ошибочною такую тактику, въ основу которой должны быть положены категорическія требованія народа, заявленныя въ октябрьскіе дни: вѣдь такія требованія только тогда имѣли бы реальное значеніе, если бы они были подкрѣплены стоящею за Думою реальною силою, а этой силы, по признанію г. Локтя, не было. Между тѣмъ, авторъ считаетъ „еще большимъ вопросомъ, какой путь къ достиженію Думой хотя бы минимальныхъ конституціонныхъ гарантій былъ бы правильнѣе: путь ли рѣшительнаго, категорическаго заявленія Думой народныхъ *требованій*, въ формѣ ультиматума, влекшаго за собою или роспускъ Думы или уступки,—или же тотъ, гораздо менѣе рѣшительный, обходный, „строго—конституціонный" путь, на который въ дѣйствительности вступила Дума, подчинившись вліянію охватившихъ ее иллюзій, противорѣчія и непослѣдовательности". Какъ видно изъ дальнѣйшаго, г. Локоть даже склоняется въ пользу перваго изъ путей: „если бы Дума стояла на почвѣ рѣшительности, прямолинейности и категоричности, то ей не пришлось бы переходить къ тѣмъ крайне обостреннымъ внѣшнимъ формамъ ея отношеній къ правительству, которыя, во всякомъ случаѣ, не составляютъ положительной стороны дѣятельности первой Думы" (24). Но для такой рѣшительности, по

признанію самаго автора, Дума не располагала достаточными силами. Поэтому, отвергнувъ этотъ крайній путь и путь „компромиссного минимума“, на который готовъ былъ „старый строй“, она „пошла по среднему, промежуточному пути, крайне неровному, непослѣдовательному, противорѣчивому и—въ конечномъ результатѣ—столь же практически безплодному, какъ и оба вполнѣ послѣдовательные пути“ (стр. 28).

Дѣлая такую оцѣнку тактики Думы, авторъ, однако, не винитъ ее за такой выборъ: „стремленіе къ „практическимъ“ результатамъ, конечно, обязательно для политическихъ дѣятелей“—но въ этомъ поведеніи онъ и усматриваетъ политическое безсиліе или, во всякомъ случаѣ, слабосиліе Думы.

Въ заключительной главѣ г. Локоть дѣлаетъ опытъ прогноза для второй Думы. Учитывая участіе во второй избирательной кампаніи крайнихъ лѣвыхъ, авторъ хотя и не расчитываетъ на избирательные успѣхи с-ровъ и с-двъ (вслѣдствіе крайняго произвола и репрессій со стороны властей), тѣмъ не менѣе предсказываетъ имъ въ Думѣ большое значеніе, соотвѣтствующее значенію этихъ партій въ демократическихъ массахъ. Въ зависимости отъ этого, авторъ хотя и отводитъ кадетамъ въ будущей Думѣ руководящую роль, но не сомнѣвается въ томъ, что имъ придется „въ гораздо болѣе чувствительной степени подѣлиться успѣхами“ съ лѣвыми. На „полѣвѣніе“ правыхъ г. Локоть возлагаетъ надежды главнымъ образомъ потому, что отъ нихъ должны отхлынуть тѣ трудовые элементы, которые вовлечены въ союзъ только обѣщаніями матеріальной поддержки, до сихъ поръ неисполненными и не могущими осуществиться. Такимъ образомъ, создастся очень лѣвая Дума, и контръ-конституціонныя выступленія старой власти окажутся безплодными. При такомъ положеніи, Думѣ съ первыхъ же шаговъ придется возбудить вопросъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ, созданныхъ 20 февраля и 23 апрѣля, объ амнистіи и о созданіи отвѣтственнаго министерства. Насколько оправдались предположенія автора—знаетъ теперь уже вся страна. Автору нельзя отказать въ извѣстной степени политической прозорливости, но и онъ могъ довести свой прогнозъ лишь до первыхъ шаговъ второй Думы. Сказать, чѣмъ кончится конфликтъ ея со старой властью и пойдетъ ли вторая Дума по стопамъ первой въ ея „строго-конституціонной тактикѣ“ или заявитъ открыто народныя требованія—авторъ не берется и лишь заявляетъ себя сторонникомъ рѣшительной тактики даже въ томъ случаѣ, если рѣшительность вызоветъ немедленный роспускъ Думы.

Мы съ большимъ интересомъ дочитали до конца книгу г. Локтя. По проявленной авторомъ вдумчивости и аналитическому чутью, она ярко выдѣляется изъ многихъ книгъ, посвященныхъ Думѣ и помогаетъ читателю разобраться во многомъ, что ему въ дѣятельности Думы и ея судьбѣ было непонятно.

Совершенно другой характеръ имѣетъ книга А. Н. Брянчанинова: „Роспускъ Государственной Думы“. Авторъ написалъ ее какъ будто съ цѣлью „облегчить своимъ согражданамъ уясненіе истиннаго значенія происходящихъ событій“—по крайней мѣрѣ, онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своей книжки,—а между тѣмъ, прочтя ее, читатель только окончательно запутается. Выдерживая октябристско-мирнообновленческій тонъ, авторъ освѣщаетъ вопросъ о Думѣ и объ отношеніи ея къ правительству такъ односторонне, что получается не уясненіе, а только затуманиваніе „происходящихъ событій“.

Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось автору утверждать, что московское возстаніе произошло „неизвѣсто, въ пользу кого и чего“, если всему міру извѣстны причины этого возстанія, да и авторъ не отрицаетъ, что одною изъ причинъ возстанія была оттяжка созыва Думы и несовершенство выборнаго закона (стр. 4.) Выходки г. Брянчанинова по адресу революціонеровъ, помимо ихъ непристойности, отличаются изрядной неправдивостью и напоминаютъ собою черносотенные листки, въ которыхъ о правдѣ никто не думаетъ. Характеризуя стремленія соціалистовъ къ новому строю, авторъ ничто же сумняшеся заявляетъ, что они хотятъ „привести людей въ первобытное состояніе“ (стр. 27), что это — „люди, подкапывающіеся подъ свободу народа, что это худшіе изъ его враговъ“. За то лучшими людьми авторъ считаетъ такихъ господъ, какъ Гурко. Разнося кадетскій проектъ аграрной реформы и аграрныя домогательства лѣвыхъ въ Думѣ, г. Брянчаниновъ характеризуетъ ихъ, какъ безсмысленныя мечтанія и находитъ, что по аграрному вопросу съ трезвыми рѣчами выступали гг. Стишинскій и Гурко (37).

Не лучше „освѣщаетъ“ авторъ и дѣятельность самой Думы. Дума была груба, говорлива и неблагодарна Государю за призывъ ея къ работѣ. Отъ такой Думы, конечно, нельзя было ожидать толку: вмѣсто того, чтобы вѣжливо и почтительно ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи пострадавшихъ за освободительное движеніе, Дума грубо требовала амнистіи для убійцъ, грабителей и смутьяновъ войска. Поэтому, „несмотря на все желаніе Государя поладить съ Думой, онъ не могъ согласиться на *такую* (курсивъ автора) амнистію“. „Амнистія—поясняетъ далѣе авторъ—была замѣнена частичными освобожденіями отдѣльныхъ лицъ, заключенныхъ или сосланныхъ“ (стр. 12). Здѣсь убѣдительности автора сильно мѣшаетъ враждебное отношеніе его къ правдѣ: вся страна помнитъ, чѣмъ замѣнена была требовавшаяся не только Думою, но и всей страной амнистія. Именно къ этому времени относится расширеніе „мѣстъ отдаленныхъ“ приспособленіемъ для административной ссылки Нарымскаго края и Туруханска, а г. Брянчаниновъ говоритъ о никому невѣдомыхъ и вовсе не имѣвшихъ мѣста частичныхъ освобожденіяхъ ссылныхъ. Это грубое уклоненіе отъ правды не случайный lapsus, а повидимому—основа той системы, на которой г. Брянчаниновъ строитъ „освѣщеніе происходящихъ событій“. Такъ, заступаясь за покойнаго нынѣ главнаго военнаго прокурора ген. Павлова, г. Брянчаниновъ осуждаетъ нападки Думы на этого „исполнителя закона“ и при этомъ замѣчаетъ: „вмѣсто того, чтобы изливать свою злобу на личность военнаго прокурора и попутно задѣвать честь арміи (деп. Якобсонъ), надлежало немедленно выработать законопроектъ, отмѣняющій смертную казнь“ (стр. 13). Кто хоть вскользь поинтересовался дѣятельностью первой Думы, тотъ не могъ не знать, что единственный законъ, который успѣла Дума выработать и окончательно принять за короткое время своего существованія, былъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Изъ „освѣщенія“ же г. Брянчанинова читатель узнаетъ, что Дума не только не хотѣла вырабатывать такого закона, но замѣнила эту дѣятельность безполезными „словопреніями“. Такъ пишетъ исторію г. Брянчаниновъ.

Не смотря на всѣ свои стремленія обвинить Думу, установить ея нетактичность, неработоспособность и отсутствіе истиннаго патріотизма, авторъ въ концѣ концовъ все-таки приходитъ къ выводамъ весьма нелестнымъ и для кабинета г. Столыпина и для всей бюрократіи. Говоря объ обстоятельствахъ роспуска Думы и о содержаніи изданнаго по этому поводу манифеста, авторъ

укоряетъ „бюрократовъ-совѣтниковъ Государя“ въ безтактности, а о манифестѣ замѣчаетъ, что онъ произвелъ на страну впечатлѣніе „прежнихъ холодно-вымученныхъ чиновничьихъ писаній, пропитанныхъ неискренностью и самовосхваленіемъ.“ „Фальшь и самохвальство, опротивѣвшія русскому народу до тошноты, звучатъ въ этомъ манифестѣ, и тѣ совѣтники, которые поднесли его въ такомъ видѣ Государю, были плохіе совѣтники“ (стр. 55).

Весьма критически относится авторъ и къ дѣятельности кабинета г. Столыпина послѣ роспуска Думы: безпричинное закрытіе цѣлаго ряда газетъ, введеніе всюду исключительнаго положенія, массовые аресты и высылки по голымъ доносамъ полиціи и жандармовъ, безсудныя и военно-полевыя казни, отдачу всей Россіи на расправу мѣстнымъ генераламъ-администраторамъ, законодательство на основаніи 87 ст. осн. законовъ и самую программу министерства, опубликованную 24 августа, г. Брянчаниновъ безъ обиняковъ характеризуетъ, какъ произволъ. Правда, что все это снабжено вѣскими оговорками, а столь порицаемый произволъ г. Столыпина авторъ рекомендуетъ замѣнить диктатурой временныхъ совѣтовъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и при участіи прокурора, предсѣдателя губернской земской управы и городского головы, но критика все же остается критикой и именно въ устахъ г. Брянчанинова эта критика „успокоительной“ дѣятельности кабинета разгона Думы пріобрѣтаетъ такую силу и значеніе, какихъ не могла бы имѣть самая безпощадная критика лѣвыхъ. Если въ мѣропріятіяхъ г. Столыпина не можетъ усмотрѣть ничего, кромѣ произвола, даже г. Брянчаниновъ, не брезгающій, какъ мы видѣли, даже неправдой, для того, чтобы очернить въ глазахъ народа первую Думу, то повидимому, оправдать прославленныя дѣянія „либеральнаго“ кабинета будетъ послѣ этого положительно некому—вѣдь г. Брянчаниновъ по своимъ взглядамъ является представителемъ того значительнаго слоя буржуазіи, которая, открещиваясь отъ лѣвыхъ, отличается отъ подлинной черной сотни только „октябрьскимъ“ либерализмомъ, не помѣшавшимъ ей впрочемъ, на выборахъ почти вездѣ итти за одно съ союзомъ русскаго народа. Прочитавъ книгу г. Брянчанинова, можно сдѣлать выводъ, что только въ союзѣ русскаго народа можетъ найти кабинетъ г. Столыпина поклонниковъ его кроваваго либерализма, и то, что авторъ при всемъ своемъ желаніи не могъ подсказать читателю иного вывода, и составляетъ единственную цѣнность труда г. Брянчанинова.

Къ тому же, что и разсмотрѣнныя выше двѣ книги, типу аналитическихъ опытовъ оцѣнки первой Думы слѣдуетъ отвести брошюру В. П. Алексѣева: „Первый русскій парламентъ“. Авторъ задался цѣлью изучить тѣ законодательные акты, на основаніи которыхъ дѣйствовала распущенная Дума, и отвѣтить на вопросъ, возможно ли вторую Думу ставить въ тѣ же условія и вообще возможно ли функціонированіе народнаго представительства и установленіе конституціоннаго образа правленія при сохраненіи законовъ 20 февраля и 26 апрѣля.

Большую часть разсматриваемой брошюры авторъ посвятилъ анализу упомянутыхъ двухъ законовъ. Въ сжатомъ, литературнымъ языкомъ написанномъ изложеніи, г. Алексѣевъ устанавливаетъ совершенную не-конституціонность законовъ 20 февраля и 26 апрѣля, отнимающихъ у Думы даже призракъ полноты законодательной власти. Разсматривая дѣятельность Думы, сжатую въ рамкахъ или, вѣрнѣе, въ тискахъ, этой своеобразной конституціи, г. Алек-

сѣевъ отмѣчаетъ, что эти неблагопріятныя условія, сводившія работу Думы къ борьбѣ съ правительствомъ, не помѣшали Думѣ постепенно укрѣплять въ народномъ сознаніи идею парламентаризма. Дума, такимъ образомъ, явилась лучшей практической школой для политическаго воспитанія народа. Авторъ, въ оцѣнкѣ первой Думы, идетъ даже дальше, утверждая, что борьба ея съ правительствомъ привела къ установленію фактической отвѣтственности министерства. Но съ этимъ послѣднимъ положеніемъ г. Алексѣева едва ли можно согласиться. Если можно сказать, что выраженное Думою недовѣріе правительству и требованіе его смѣны имѣло огромное нравственное значеніе, то о какомъ бы то ни было фактическомъ значеніи этого акта не можетъ быть и рѣчи, и послѣдовавшій вскорѣ разгонъ Думы служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этого.

Да едва ли и самъ авторъ вѣритъ въ то, что онъ сказалъ объ отвѣтственности министерства, такъ какъ въ концѣ своей брошюры онъ приходитъ къ совершенно естественному послѣ критики нашей конституціи выводу, что „Дума по законамъ 20 февраля и 26 апрѣля безсильна что либо измѣнить въ существующемъ порядкѣ. Все осталось по старому, какъ было до Думы". Только такой выводъ и могъ привести автора къ вполнѣ справедливому заключенію, что „члены второй Думы должны прежде всего добиваться измѣненія ихъ юридическаго положенія - новая Дума должна обладать всей полнотой законодательной власти, имѣть дѣйствительный контроль надъ администраціей и располагать парламентарнымъ, отвѣтственнымъ передъ народными представителями министерствомъ".

Изъ числа книгъ, представляющихъ общій очеркъ дѣятельности первой Думы наиболѣе выгодно отличается книга уже знакомаго намъ профессора Т. В. Локтя „Первая Дума". Въ объемистомъ томикѣ авторъ собралъ очерки главнѣйшихъ моментовъ въ жизни и дѣятельности первой Думы. Очерки эти печатались въ свое время въ „Кіевскихъ Отголоскахъ Жизни" и въ „Нашей Жизни", и такимъ образомъ, уже извѣстны читающей публикѣ. Но книга г. Локтя интересна не этими бѣглыми очерками, довольно поверхностно рисующими настроеніе и работу Думы. Значительную часть книги составляютъ статьи о выборномъ періодѣ, характеризующія роль политическихъ партій въ провинціальныхъ выборахъ, предвыборныя собранія и ходъ выборовъ, народныя требованія и ожиданія. отношеніе избирателей къ политикѣ и къ еврейскому вопросу. Въ этихъ статьяхъ авторъ какъ бы подготовляетъ читателя къ составу и характеру, настроенію и дѣятельности Думы и помогаетъ разобраться во всемъ. происходившемъ въ ней въ теченіе короткой ея сессіи, чѣмъ восполняется до нѣкоторой степени краткость и неполнота фактическаго матеріала, собраннаго въ вышеупомянутыхъ очеркахъ. Очерку партійной группировки первой Думы авторъ также посвящаетъ большую статью. Останавливаясь здѣсь на природѣ конституціонно-демократической партіи, авторъ предсказываетъ ей въ будущемъ положеніе могущественнаго „либеральнаго центра", если же въ первой Думѣ эта партія оказалась скорѣе революціонной, чѣмъ конституціонной, то революціонность эта, по мнѣнію г. Локтя, была чисто стихійной, подневольной. Во всякомъ случаѣ, к.-д. партію авторъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ представительницей и выразительницей истиннаго характера первой Думы". „Первая Дума, говоритъ г. Локоть, была Думой стихійно-революціонной, и въ ней не было той политической партіи, которая

съ полнымъ правомъ могла бы быть признана выразительницей этого стихійно-революціоннаго характера" (стр. 121). Съ этой точки зрѣнія авторъ и освѣщаетъ дѣятельность первой Думы. Если такой взглядъ находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ поведеніи кадетовъ во время обсужденія горемыкинской деклараціи, законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни и нѣкоторыхъ запросовъ, то еще больше основаній было бы утверждать противоположное, т. е. что на настроеніе Думы кадетская партія имѣла огромное вліяніе, и это особенно ярко сказалось въ самые рѣшительные моменты дѣятельности Думы. Такіе важные акты, какъ отвѣтный адресъ, обращеніе къ народу по земельному вопросу, выборгское воззваніе составлены были всецѣло подъ вліяніемъ кадетовъ и потому они и не выражаютъ того революіоннаго настроенія, какимъ было проникнуто большинство Думы во время принятія этихъ актовъ. Учесть это вліяніе въ смыслѣ опредѣленія его историческихъ послѣдствій едва ли теперь еще возможно, но умалять его, какъ это дѣлаетъ г. Локоть—ошибочно.

За кадетовъ вступается въ своей книгѣ „Государственная Дума перваго созыва" г. Н. Езерскій—также бывшій депутатъ и, притомъ, членъ кадетской фракціи. Защищая партію отъ нападокъ за ея умѣренность, медлительность, колебанія, авторъ доказываетъ, что „она жила въ Думѣ наиболѣе интенсивною жизнью изъ всѣхъ партій, потому что ей принадлежатъ почти всѣ проекты, внесенные въ Думу, а въ главныхъ чертахъ—и весь планъ думской кампаніи".

За то для критики трудовиковъ г. Езерскій не пожалѣлъ ни красокъ, ни желчи. Нельзя сказать, чтобы авторъ предъявлялъ имъ несправедливыя обвиненія: трудовики страдали всѣми тѣми недостатками, которыми страдала и вся Дума въ цѣломъ; въ основѣ всѣхъ этихъ недостатковъ лежала переоцѣнка силъ. Но едва ли они одни повинны въ этомъ грѣхѣ, а одно изъ крупныхъ обвиненій г. Езерскаго по адресу трудовиковъ—ихъ многорѣчивость,—пожалуй, съ такимъ же успѣхомъ могло бы быть предъявлено и кадетамъ.

Если оставить въ сторонѣ этотъ споръ, неизбѣжный между столь близко соприкасавшимися людьми на такой аренѣ, какъ политическая, то за книгою г. Езерскаго можно признать много достоинствъ. Авторъ прекрасно владѣетъ литературнымъ языкомъ и въ работѣ своей очень умѣло оттѣнилъ выдающіяся стороны дѣятельности Думы, избѣгая деталей и мало характерныхъ подробностей. Г. Езерскій задался цѣлью показать, „какъ естественно развивался конфликтъ съ исполнительной властью, вытекавшій изъ общихъ условій, въ какія была поставлена Дума"—и эту цѣль онъ выполнилъ вполнѣ удовлетворительно. Въ сжатомъ изложеніи авторъ знакомитъ со всѣми перипетіями борьбы Думы съ правительствомъ и даетъ совершенно ясное представленіе о характерѣ работы нашего перваго парламента. Разсыпанныя по книгѣ замѣчанія не безполезно прочесть и членамъ нынѣшней Думы: въ соображеніяхъ автора о парламентскомъ тактѣ многіе изъ нихъ найдутъ цѣнныя въ практикѣ депутата указанія. Изъ недостатковъ книги слѣдуетъ отмѣтить обобщенія, которыя авторъ дѣлаетъ для всей Россіи, основываясь на опытѣ такой нетипичной области, какъ пензенская губернія; это замѣчаніе особенно относится къ главѣ „Выборная кампанія".

Чтобы покончить съ сочиненіями описательнаго характера, намъ остается

сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сочиненіи П. П. Семенюты: „Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть". Составленная изъ бѣглыхъ очерковъ, повидимому печатавшихся въ какой-нибудь газетѣ, эта книга не претендуетъ на освѣщеніе дѣятельности Думы съ какой либо партійной или групповой точки зрѣнія. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за работою Думы, за общественнымъ настроеніемъ, которое создавали ея созывъ и дѣятельность, и добросовѣстно знакомитъ съ тѣмъ и другимъ читателей въ живыхъ, легкихъ очеркахъ. Не давая ничего новаго въ смыслѣ уясненія политическаго настроенія депутатовъ и объясненія тактики Думы, книга г. Семенюты представляетъ полезное чтеніе для широкихъ слоевъ публики, незнакомыхъ съ общею картиною работы первой Думы и созданнаго ею политическаго положенія.

Совершенно особое значеніе имѣетъ книга М. Б—ова и Ф. Дана: „Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ". Книга эта написана соціалъ-демократами меньшевиками и, повидимому, преслѣдуетъ прежде всего цѣли агитаціонныя. Въ этомъ отношеніи авторы отлично выполнили свою задачу: каждый болѣе или менѣе значительный шагъ Думы разсмотрѣнъ и оцѣненъ ими съ точки зрѣнія задачъ россійской с.-д. рабочей партіи, и въ очеркахъ г.г. Б—ова и Дана россійскому пролетаріату и всѣмъ борцамъ за его благо преподанъ толковый урокъ пониманія партійныхъ цѣлей, стремленій и программы. То же самое можно сказать о критикѣ входившихъ въ Думу партій и группъ, сдѣланной авторами.

Но не одну только агитаціонную въ узкомъ смыслѣ цѣль имѣли въ виду г.г. Б—овъ и Данъ. Они удѣляютъ значительное вниманіе вопросу о политическомъ значеніи самой Думы, о роли, которую она должна была играть въ вызвавшемъ ее къ жизни всенародномъ движеніи. Въ этомъ отношеніи, авторы, разумѣется, расходятся съ авторами всѣхъ книгъ, разсмотрѣнныхъ нами выше. Въ то время, какъ эти послѣдніе разсматриваютъ Думу, какъ учрежденіе чисто законодательное, созданное для перестройки русской жизни путемъ законодательнымъ, г.г. Б—овъ и Данъ совсѣмъ иначе представляютъ задачи Думы: „стать во главѣ народнаго движенія, слиться съ этимъ движеніемъ, сдѣлаться его душой, опираться на него во всякомъ своемъ шагѣ... рѣшить твердо и безповоротно всѣми помыслами своими, всѣми своими поступками и рѣшеніями обращаться „книзу", къ народу, а не „кверху", не къ власть имущимъ, наперекоръ самодержавію бюрократіи провозгласить самодержавіе народа" (стр. 14)—вотъ что должна была сдѣлать Дума, по мнѣнію нашихъ авторовъ. Исполнила ли она эту задачу? На этотъ вопросъ получается отрицательный отвѣтъ. „Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы", но „для организаціи народныхъ силъ, для указанія имъ дѣйствительнаго пути къ свободѣ, къ землѣ, Дума сдѣлала очень мало, почти ничего" (стр. 173). Въ этомъ исходѣ авторы винятъ к.-д. партію, которая „и въ отдаленной степени не понимала дѣйствительныхъ задачъ Г. Думы". „Они (кадеты) употребляли всѣ усилія, чтобы отдѣлить „парламентскую" дѣятельность цѣлой пропастью отъ революціоннаго движенія народа" (стр. 15). Такимъ образомъ, если Дума и послужила дѣлу революціи, то „косвенно, противъ воли своего большинства" (стр. 16).

Въ этой оцѣнкѣ значенія кадетской тактики въ Думѣ есть большая доля истины, ибо всѣмъ извѣстно, что к.-д. партія вліяла сдерживающимъ образомъ на революціонно настроенную лѣвую, но едва ли можно согласиться съ авто-

рами въ опредѣленіи причинъ кадетской сдержанности. Говорить, какъ дѣлаютъ это авторы, что думское большинство, (т. е. кадеты) „боялось, разбудивъ народныя силы, потерять власть надъ ними; боялось, что революціонный народъ зайдетъ въ своемъ движеніи „слишкомъ далеко", занесетъ руку надъ интересами не только реакціи, но и либеральныхъ помѣщиковъ, либеральныхъ купцовъ и фабрикантовъ; оно боялось, что придется слишкомъ многимъ поступиться въ пользу народа" (стр. 174) говорить это, значитъ во первыхъ приписывать кадетамъ такое вліяніе на народъ, которымъ не только они, но и болѣе демократическія партіи не располагали, а во вторыхъ—совершенно невѣрно опредѣлять значеніе всей борьбы, которая велась въ первой Думѣ. Если исключить аграрный вопросъ, въ которомъ кадетовъ еще можно было бы упрекнуть въ снисходительности къ помѣщикамъ, всѣ поднимавшіеся въ Думѣ вопросы въ одинаковой степени касались интересовъ всѣхъ классовъ, всего народа, и приписывать въ этой борьбѣ кадетамъ особыя поползновенія узко-классоваго характера, значитъ оказывать исторіи весьма плохую услугу.

Совершенно неосновательно винятъ авторы думское большинство и въ томъ, что оно не осмѣлилось объявить актъ распущенія Думы незаконнымъ, а Думу продолжающею существовать. Имъ, какъ и всей Россіи, должно быть извѣстно, какъ реагировалъ народъ на роспускъ Думы, какой результатъ дала попытка отвѣтить на роспускъ всеобщею забастовкою и, вообще, какую возможность имѣла Дума для того, чтобы противостоять насилію правительства. Поэтому, разсужденія г.г. Б—ова и Дана на эту тему представляютъ голую фразеологію. О примѣненіи авторами такихъ пріемовъ приходится очень пожалѣть, такъ какъ они вредятъ общему характеру книги, заслуживающей большого вниманія.

Г. Танъ въ своей брошюрѣ „Мужики въ Государственной Думѣ", также, какъ и авторы предыдущей книги, задался цѣлью нарисовать картину представительства въ Думѣ трудящихся, но уже не рабочихъ, а крестьянъ. Авторъ, впрочемъ, совершенно иначе использовалъ свою тему: онъ далъ не изслѣдованіе дѣятельности трудовой группы, а рядъ набросковъ, характеризующихъ настроеніе крестьянской массы, поскольку оно выражалось въ настроеніи ея депутатовъ, профили нѣкоторыхъ трудовиковъ. Очерки эти написаны живо, мѣстами остроумно и много облегчаютъ читателю уяснить физіономію и внутреннее содержаніе представленнаго въ первой Думѣ крестьянства.

Брошюра В. В. Брусянина „Судьба первыхъ депутатовъ" относится уже къ междудумскому періоду. Собранный въ ней матеріалъ важенъ не столько для выясненія того, что сталось съ первыми депутатами, сколько для характеристики нашей бюрократіи и нѣкоторыхъ слоевъ русскаго общества, поскольку она выразилась въ гоненіяхъ, которымъ подверглись съ ихъ стороны многіе депутаты Хотя авторъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ почти никакихъ обобщеній и выводовъ, но приводимые имъ факты говорятъ сами за себя, и небольшая книжка г. Брусянина представляетъ довольно основательную часть того литературнаго памятника, который воздвигнутъ первому русскому парламенту и россійской общественности этой эпохи.

Ю. Лавриновичъ.

И. П. Ювачевъ (*И. П. Миролюбовъ*). *Шлиссельбургская крѣпость*. Изд. книгоиздательства „Посредникъ". № 639. Москва. 1907 г. Цѣна 80 к. I—XVI. 232 стр.

Странное впечатлѣніе произведетъ эта книга на современнаго читателя, хоть сколько-нибудь умѣющаго мыслить политически. А сознательный читатель изъ молодежи, навѣрное, презрительно отброситъ ее въ сторону не дочитавши.

Изъ всей огромной уже литературы о русскихъ политическихъ узникахъ и ссыльныхъ это чуть ли не единственная книга, въ которой мягкому и благодушному тону совершенно соотвѣтствуетъ почти идиллическая манера разсказа и чисто младенческая наивность анализа.

Изъ подъ пера г. Ювачева даже генералы, привозившіе въ Шлиссельбургъ „громъ и молнію" и откровенно бросавшіе циничныя резолюціи, вродѣ: „отсюда не выходятъ, а выносятъ".—даже эти генералы выглядятъ изъ подъ пера нашего автора добродушными и стыдливыми буршами, за которыхъ онъ мысленно краснѣетъ, воображая ихъ смущеніе при входѣ къ страждущему узнику (стр. 84). Даже знаменитый Иродъ, который теперь перейдетъ и въ исторію подъ этимъ именемъ, для него былъ только *неподкупный* служака, упоенный сознаніемъ того, что онъ исполняетъ долгъ службы, и тягостный для заключенныхъ, главнымъ образомъ, своимъ обращеніемъ съ ними на *ты* (стр. 30, 31). А вся администрація (очевидно, высшая) повинна только въ ошибкахъ (стр. 31), да въ недосмотрѣ или невѣдѣніи (стр. 147, 148), либо недостаткѣ соображенія (стр. 78). Я нарочно подчеркнулъ терминъ *неподкупный* въ отношеніи ротмистра Соколова (Ирода),—до такой степени онъ показался мнѣ неумѣстнымъ. Какъ будто г. Ювачевъ не знаетъ, что этотъ палачъ былъ именно подкупленъ (точнѣе—*закупленъ*) непомѣрно высокимъ окладомъ, которымъ наградило его правительство (Д. Толстой и Плеве), посылая на это человѣкоубійственное дѣло! Вѣроятно небезызвѣстно автору и то, что этотъ ротмистръ успѣлъ сколотить себѣ домишко въ Петербургѣ отъ своихъ трудовъ „праведныхъ".

По своему составу, книга представляетъ изъ себя также странный винегретъ. Наполовину она состоитъ изъ очерковъ, печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и описывающихъ то, что авторъ самъ пережилъ въ заключеніи. Въ другой половинѣ перемѣшана древняя и новѣйшая историческая хроника, относящаяся къ Шлиссельбургу, съ личными впечатлѣніями автора при посѣщеніи крѣпости въ мартѣ 1906 г., когда туда пускали публику. Въ заключеніи нѣсколько главъ о личности княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой и объ ея посѣщеніи Шлиссельбурга въ послѣдній годъ.

Такъ какъ авторъ самъ жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости только 2 г. и въ самое глухое время, ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній посредствомъ стука, а встрѣчался тамъ только съ Морозовымъ и нѣсколько разъ съ Юрковскимъ, то ничего о жизни товарищей *непосредственно* онъ и знать не могъ. Все же, что онъ говоритъ о нихъ во второй части, онъ разсказываетъ уже исключительно съ чужихъ словъ. Отъ этого всѣ разсказы выходятъ необыкновенно поверхностны, какъ у туриста, который проѣхалъ по странѣ, записалъ въ книжку разговоры съ ямщикомъ и составилъ по нимъ географическое описаніе ея.

Когда мы въ Шлиссельбургѣ прочли одинъ изъ очерковъ г. Ювачева, помѣщенный въ январской кн. „Историческаго Вѣстника" за 1902 г., мы порѣшили согласно, что авторъ многое забылъ за давностью лѣтъ, а много не могъ

сказать по условіямъ тогдашней цензуры. Увы, онъ и при свободѣ печати оставилъ этотъ очеркъ въ томъ же самомъ видѣ, точно и теперь ему грозитъ какое-нибудь возмездіе за излишнюю откровенность. И когда въ изданіи, вышедшемъ въ мартѣ 1907 г., прочтешь тѣ же самыя слова, которыя были напечатаны еще при Сипягинѣ, а именно: „можетъ быть, теперь нѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ“ (стр. 72), то не знаешь, чему больше дивиться, небрежности ли автора при переизданіи, опасливости его, или чисто дѣтскому невѣдѣнію.

Что авторъ многое забылъ, въ этомъ онъ отчасти самъ сознается, когда описываетъ, какими маленькими показались ему размѣры камеры, въ которой онъ, сидѣлъ 20 л. назадъ (стр. 147). Забылъ онъ, конечно, не только внѣшнюю обстановку, въ описаніи которой дѣлаетъ немало погрѣшностей, не только такія важныя для одиночки вещи, какъ способъ перестукиваться (35 стр., сноска), но и многое другое, посущественнѣе. Этимъ забвеніемъ можно объяснить и такой lapsus linguae, что черный хлѣбъ казался ему „несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ“ (стр. 50); и такой, что въ заключеніи „умъ освобождается отъ узъ и способность къ мышленію усиливается“ (стр. 41. Срав. эпиграфъ къ гл. XVII, слова П. С. Поливанова), и, наконецъ, такой, что „можно въ одиночномъ заключеніи просидѣть и 10 лѣтъ, и все-таки сохранить здоровый разумъ *въ прежнемъ видѣ*“ (стр. 56).

Можетъ быть, этою же тогдашнею ненормальностью нужно объяснить и нежеланіе г. Ювачева перестукиваться съ сосѣдями, которое такъ неумѣло онъ старается аргументировать и оправдать (стр. 36). Другіе наши товарищи, которые иначе чувствовали и иначе понимали свои обязанности по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ, нуждавшимся въ словѣ участія и утѣшенія, совершенно иначе рѣшали для себя этотъ вопросъ, и притомъ безъ всякой софистики. Одни стучали совершенно открыто, отсиживали за это въ карцерѣ цѣлые мѣсяцы и успѣвали добиться того, что самъ Иродъ говорилъ имъ, какъ, напр., В. С. Панкратову: „стучи, да чтобъ я не видѣлъ тебя!“ Другіе припоминали заповѣдь о мудрости змѣиной и практику *укрывательства*, широко допускаемую во всѣ эпохи гоненій, и освященную всей мученической исторіей христіанства первыхъ 3 вѣковъ.

Я отнесъ бы къ винѣ забывчивости автора и ту обмолвку, что онъ успѣлъ за 2 года въ Шлиссельбургѣ прочесть нѣсколько разъ Библію гражданской печати, читая по 1 стр. въ день (стр. 50, 106 и 107). Вѣдь въ этой Библіи ровно 1278 страницъ! (Изданіе третье, 1882 г.)

Напрасно мы стали бы искать у г. Ювачева святого негодованія на порядки, дѣлающіе возможнымъ Шлиссельбургскій режимъ, или открытую укоризну по адресу лицъ, *сознательно и планомѣрно* создавшихъ этотъ режимъ со всѣми его скоропостижными смертями. Онъ какъ будто никогда не читывалъ ни всемірныхъ исторій, ни Кеннана, ни Кропоткина. Иначе они доказали бы ему съ подавляющею очевидностью, что свирѣпость и кровожадность находятся въ природѣ того политическаго уклада жизни, который манифестомъ 17 октября объявленъ подлежащимъ упраздненію и въ Россіи. Для нашего сердобольнаго автора есть только несчастные, и на стр. 77 онъ съ поразительною неразборчивостью называетъ несчастными и Грачевскаго, доведеннаго до ужаснаго самосожженія, и тюремщиковъ, которые довели его до этого!

Я уже предупредилъ вначалѣ, что читатель не найдетъ въ этой книгѣ признаковъ политическаго смысла или политическаго пониманія судебъ госу-

дарственныхъ „преступниковъ“. Авторъ ея какъ будто даже не слыхалъ, что кромѣ „самоотверженныхъ женщинъ въ великосвѣтскомъ обществѣ“ (стр. 211) есть знаменитый „красный крестъ“ въ ковычкахъ, который уже цѣлыхъ 30 л. организуетъ дѣло помощи политическимъ узникамъ и продолжаетъ до сихъ поръ приносить имъ широкую помощь, несмотря на всѣ препоны, которыя ставитъ ему администрація.

Но въ этой книгѣ есть кое-что такое, за что автору можно извинить указанные выше недостатки. А именно: та подкупающая сердечная доброта, гуманность и человѣчность, то уваженіе и преклоненіе предъ страдавшими „за идею“, то отвращеніе ко всякому мучительству, которыя до сихъ поръ далеко еще не стали всеобщими въ русскомъ царствѣ и далеко еще не достигли торжества въ нашей государственной жизни. Далеко не всѣ еще скажутъ нынѣ вмѣстѣ съ г. Ювачевымъ:

„Я самъ удивляюсь этимъ людямъ и преклоняюсь предъ ихъ нравственною силою, предъ ихъ страданіями“ (стр. 124). Эти люди оказались въ своемъ родѣ тоже богатырями духа. Они не сдались, не вошли въ сдѣлку со своей совѣстью,—и они побѣдили! Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на нихъ, за ними навсегда останется ореолъ мучениковъ за идею“ (стр. 127). Или: „Я предвижу, что на этомъ островѣ, политомъ кровью и слезами политическихъ и религіозныхъ мучениковъ цѣлаго ряда (?) столѣтій, самъ русскій народъ выстроитъ грандіозныхъ храмъ, который осѣнитъ кости погибшихъ въ борьбѣ за вѣру и свободу“ (стр. 232).

До сихъ поръ такъ писали только „революціонеры“. И можно отмѣтить, какъ знаменіе времени, что подобныя строки могли появиться въ изданіи Суворина А. С., у котораго въ „Новомъ Времени“ продолжаютъ еще инсинуировать по адресу политическихъ „преступниковъ“.

У г. Ювачева, навѣрное, найдутся свои читатели. Всѣ тѣ, кому запрещается брать въ руки „антиправительственную“ печать, и кто составляетъ свои сужденія по реліяціямъ прокуроровъ, жандармовъ и охранниковъ, прочтутъ эту книгу съ огромною пользою для себя. Она не обременитъ ихъ мозги идеями, но, можетъ быть, заставитъ задать себѣ хоть одинъ вопросъ:

„Почему это люди, которые еще 2—3 г. назадъ третировались, какъ величайшіе злодѣи, вдругъ становятся теперь, по словамъ вѣрующаго и благонамѣреннаго автора, и „мучениками, достойными преклоненія“, и, страшно сказать,—даже „богатырями духа“, коихъ еще недавно такъ тщетно искали для помѣщенія во 2-ю Государ. Думу?

Эту книгу особенно полезно прочесть казеннымъ писателямъ изъ „Россіи“, которые съ ½ г. назадъ въ своемъ отзывѣ о журналѣ „Былое“ не задумались обозвать „преступными типами“ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье долго страдать за свободу своей родины и сохранить свое имя совершенно непричастнымъ къ интересамъ карьеры, личной выгоды и житейскаго благополучія.

Въ книжкѣ помѣщено много снимковъ, виды крѣпости и тюрьмы. Нѣкоторые изъ нихъ появляются въ печати впервые.

27 марта. **М. Новорусскій.**
Выборгъ.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціею. *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго* и *П. Ф. Якубовича.* Часть I. Съ 29 портретами. **Весь чистый доходъ предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ.** Спб. 1907. 298 стр. Цѣна 3 рубля.

Долгое время господствовало мнѣніе, что въ Шлиссельбургской крѣпости запираются накрѣпко не только люди, но и государственныя тайны; можно было опасаться, что общество никогда не узнаетъ ни условій суровой жизни въ этомъ мрачномъ застѣнкѣ, ни его исторіи, ни исторіи заключенныхъ въ немъ людей. Это опасеніе не оправдалось, и настоящій сборникъ даетъ длинный рядъ очень цѣнныхъ работъ, освѣщающихъ эту исторію. Онъ открывается исторіей Шлиссельбургской крѣпости, какъ государственной тюрьмы, написанной А. С. Пругавинымъ. Исторія крѣпости, какъ тюрьмы, какъ оказывается, начинается съ начала XVIII вѣка, и одною изъ первыхъ заключенныхъ въ ней была Евдокія Лопухина, первая жена Петра Великаго, и царевна Марія Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича. Далѣе казематы Шлиссельбурга видѣли Бирона и вслѣдъ за нимъ несчастнаго императора Іоанна VI Антоновича. Въ концѣ XVIII вѣка въ нихъ томился знаменитый работникъ на нивѣ русскаго просвѣщенія Н. И. Новиковъ. Такимъ образомъ, каменные мѣшки Шлиссельбургскихъ казематовъ раскрывались въ XVIII в. безразлично и для благороднѣйшихъ жертвъ деспотизма, и для деспотовъ, пережившихъ свое паденіе. Въ XIX вѣкѣ Шлиссельбургская тюрьма оживаетъ, но составъ ея подневольнаго населенія становится болѣе однороднымъ: она дѣлается мѣстомъ заключенія сразу цѣлыхъ десятковъ русскихъ и польскихъ политическихъ борцовъ за свободу.

Вслѣдъ за статьей Пругавина въ сборникѣ помѣщены воспоминанія Л. Мельшина о Шлиссельбургской крѣпости, которую авторъ посѣтилъ послѣ ея упраздненія; статья называется: „Раскрытый тайникъ“.

Но главное мѣсто въ сборникѣ занимаютъ 30 біографій различныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей, либо томившихся въ крѣпости, либо людей, все отношеніе къ Шлиссельбургской крѣпости которыхъ ограничивается тѣмъ, что они были въ ней казнены. Тутъ мы находимъ четырехъ декабристовъ: Пущина, Ник. и Мих. Бестужевыхъ и Поджіо (написанныя В. Богучарскимъ, С. Венгеровымъ и В. Семевскимъ); за ними слѣдуетъ малоизвѣстный польскій революціонеръ Валеріанъ Лукасинскій, который, просидѣвъ въ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ 9 лѣтъ, начиная съ 1822 г., въ 1831 попалъ въ Шлиссельбургъ и, обойденный амнистіей по поводу коронаціи Александра II, умеръ въ немъ въ 1868 г.; итого 46 лѣтъ непрерывнаго одиночнаго заключенія въ ужасныхъ условіяхъ. Между тѣмъ преступная дѣятельность этого Лукасинскаго заключалась только въ томъ, что онъ основалъ тайный союзъ „Вольномулярства Народоваго“ (національный союзъ массоновъ) и послѣ закрытія этого союза, раскрытаго властями, — другой союзъ, подъ названіемъ „Патріотическое Товарищество“. Оба эти союза вмѣстѣ существовали не болѣе 3 лѣтъ и ничего не успѣли сдѣлать. Арестованный по доносу нѣкоего Карскаго, артиллерійскаго капитана, которому Лукасинскій неосторожно довѣрился, онъ въ минуту слабости сдѣлалъ признаніе, которое и привело къ гибели и его самого, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. За Лукасинскимъ слѣдуетъ біографія Гулака, товарища Н. И. Костомарова по дѣлу Кирилло-Мефодіевскаго братства, арестованнаго въ 1846 г. и сидѣвшаго въ крѣпости съ 1847 г. по 1850 г. (умершаго только въ 1899 г.). Далѣе слѣдуетъ біографія и характеристика Бакунина, написанная Е. Тарле, и затѣмъ уже біографіи дѣятелей эпохи Земли и Воли и Народной Воли. Многіе изъ нихъ, какъ Лопатинъ, Лукашевичъ, Морозовъ, Новорусскій и другіе, воскресли къ новой жизни и жи-

вутъ теперь среди насъ, другіе погибли въ крѣпости, не перенеся продолжительнаго заключенія, или же на висѣлицѣ, или подъ пулями.

Находя біографіи этихъ людей, мы не находимъ здѣсь біографій дѣятелей XVIII в. — имѣвшихъ несчастіе познакомиться съ Шлиссельбургомъ, какъ Новикова съ одной, и Евдокіи Лопухиной, Іоанна Антоновича или Бирона— съ другой стороны; не находимъ также Балмашева и Каляева, которые погибли въ Шлиссельбургской крѣпости. По всей вѣроятности, указанные пробѣлы будутъ заполнены во второй части „Галлереи", которая обѣщана редакторами. Пока же подборъ біографій въ первой части оказывается нѣсколько произвольнымъ, или, можетъ быть, случайнымъ. Но это не мѣшаетъ ей быть въ высшей степени интересной. Біографіи старыхъ дѣятелей, какъ Лукасинскаго и декабристовъ, представляются цѣнными изслѣдованіями, произведенными на основаніи изученія всѣхъ доступныхъ источниковъ; біографіи новѣйшихъ дѣятелей являются по большей части воспоминаніями людей, лично и притомъ близко знавшихъ этихъ дѣятелей. Въ ихъ числѣ выдѣляются біографія и характеристика Германа Лопатина, написанныя Н. Кудринымъ, А. И. Ульянова, написанная его сестрой Анной Ульяновой, двѣ характеристики Вѣры Фигнеръ, данныя С. Елпатьевскимъ и ея товарищемъ по Шлиссельбургскому заключенію С. Ивановымъ. Въ свою очередь В. Фигнеръ дала характеристики своихъ товарищей: Морозова, Антонова, Похитонова, Лукашевича, Новорусскаго и Фроленко. Всѣ эти біографіи, начиная съ первыхъ біографій декабристовъ и кончая послѣдними біографіями нашихъ, живущихъ еще современниковъ, представляютъ одинъ въ высшей степени интересный мартирологъ борцовъ за русскую свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный обвинительный актъ противъ русскаго правительства. Со временъ Александра I, чрезъ времена Николая I, Александра II и Александра III до нашего времени русское правительство въ своей неослабной жестокости остается всегда вѣрнымъ самому себѣ.

Къ каждой біографіи приложенъ очень хорошо исполненный портретъ; отсутствуетъ только портретъ Поджіо, котораго, по объясненію редакторовъ, имъ не удалось найти.

Интересующимся столь недавней еще исторіей русскаго освободительнаго движенія эту книгу можно порекомендовать отъ всей души.

В. Водовозовъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Преступленіе и наказаніе (Прошлое, настоящее и будущее уголовн. права). Изъ публ. лекцій М. Н. Гернетъ въ Н.-Новгородѣ. Ц. 5 к.

Русская Историческая Библіотека. Убійство императора Павла I. Разсказы современниковъ. Подъ ред. П. Е. Щеголева. К-во „Донская Рѣчь". Ц. 20 к.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средство ея возрожденія. Ц. 25 к. Москва.

Д. Ефременковъ. Замѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ.

Правописаніе Сербовъ и Болгаръ.

В Ефременковъ. По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Міръ Божій".

42 книжки на еврейскомъ языкѣ. К-ва „Деръ Вельтъ", Вильна, 1907 г.

Популярная б-ка № 23. Ѳ. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к. К-во „Новое Товарищество".

К-во „Сѣверная Россія". Современные вопросы. Сборникъ I. Ц. 15 к. Москва. 1907 г.

Для народа. Статьи по современнымъ вопросамъ III. Ц. 20 к. Москва, 1907 г.

Народный сборникъ по современнымъ вопросамъ II. Ц. 17 к. Москва, 1907 г.

Шейкманъ. Каталогъ соціалиста. К—во „Волна", Ц. 7 к., Москва, 1906 г.

К—во Л. И. Комватова. Послѣдняя исповѣдь. Ц. 3 к.

Маленькій Наполеонъ. (По В. Гюго). Ц. 7 к.

В. Кокосовъ. Разсказы о Карійской каторгѣ. Изд. „Русское Богатство" Ц. 1 р. СПБ., 1907 г.

М. И. Боголѣповъ. Финансы, правительство и общественные интересы. Ц. 1 р., Изд. О. Н. Поповой СПБ., 1907 г.

Политическая Энциклопедія. т. I, вып. IV., Изд. „Ключъ". СПБ., 1907 г.

Собраніе сочиненій Виктора Гюго. кн. 42-ая, б-ка „Сѣверъ", СПБ., 1907 г.

„Сборникъ статей". К—во „Наша Мысль" № 1, СПБ., 1907, ц. 25 к.

Сборникъ статей. К—во „Воля труда", № 1, Москва, 1907.

А. Лотоцкій. На поворотѣ СПБ., 1907.

Н. Маклецова (Дегаева) Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной Воли". Ц. 75 к., СПБ,, 1907.

Н. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Изд. редекціи журн. „Былое", СПБ., 1907. Ц. 1 р. 35 к.

Николай Морозовъ. Періодическія систетыстроенія вещества. Изд. Т—ва Сытина., Ц. 3 р. 60 к., Москва 1907.

Записки княг. Дашковой подъ ред. и съ предисл. Н. Чечулина., Изд. А. С. Суворина., СПБ., 1907.

Цареубійство 2 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. С. Суворина СПБ., 1907.

Къ солдатамъ, № 2. Тюмень. 7 февр. К. Т. О. п. с.-р.

Къ товарищамъ солдатамъ 9-го Тобольскаго полка. Союзъ солдатъ, № 3. Т. О. п. с.-р.

Ко всѣмъ бакинскимъ рабочимъ, ноябрь 1906 г. Бак. Ком. п. с.-р.

Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П. Изд. Амур. Гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.

Граждане! Изд. Ам. гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.

Соціалдемократъ № 1. 1 окт. 1904 г. Р. С.-Д. Р. П.

Ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Письма 8-ое, 11-ое (14 фев. 1907).

Ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1 февр. 1907.

Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.

Открытіе Госуд. Думы } Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ П. К. Р.
Годовщина 19 февр. } С.-Д. Р. П.

Наказъ нижнихъ чиновъ арміи и флота депутатамъ С.-Д. Р. П. въ Гос. Думѣ. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

Пролетарій, № 2. 29 ав. 1906 г. Орг. Моск. П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Солдатская бесѣда, № 4. Воскр. 12 нояб. 1906 г. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Списокъ выборщиковъ блока лѣвыхъ различныхъ частей СПБ-га.

Предвыборный плакатъ лѣваго блока. (Выборы 1907).

Списокъ выборщиковъ пар. народ. свободы и (предвыб.) воззваніе пар. нар. своб.

Крестьянскій Листокъ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (16 мая 1906 г.—28 янв. 1907 г.). Вят. Ком. п. с.-р.

Рабочій классъ и его представители. Пет. Ком. п. с.-р. $^{21}/_{2}$ 1907.

Всероссійскій союзъ равноправія женщинъ. Женщины Россіи!

Солдатская Мысль № 2 и 3 (окт.—дек. 1906). Изд. Воен. Рев. Орган. Пет. Воен. Округа.

Солдатская бесѣда № 5 и 6 (2 и 23 декаб. 1906 г.). Изд. Цент. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Казарма. № 6, 8, 10 и 12 (авг., окт., ноябрь 1906 и февр. 1907). Орг. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

Граждане! Выбирайте не кадетовъ, а соціалдемократовъ! }
Кризисъ. }
Граждане! Выбирайте соціалдемократовъ! } Избирательные листки Р. С.-Д. Р. П.
Выкупъ или конфискація. }
Даровое обученіе. }
О гражданскихъ свободахъ. }

Къ солдатамъ. Товарищи—солдаты! Воен. Орг. при Краснояр. Ком. п. с.-р.

Къ крестьянамъ. Кіев. Отд. Всерос. Кр. союза.

Ко всему трудовому народу. Раб. орг. Симфероп. Ком. Тавр. союза п. с.-р. Мартъ 1907.

Къ солдатамъ и матросамъ Севастопольскаго гарнизона. Всерос. Воен. Союзъ п. с.-р. Мартъ 1907.

О двухъ великихъ дняхъ 19 и 20 февраля 1907 г. } Елизаветград. Комит.
Къ гражданамъ. } п. с.-р.

Къ учащимся. Учащіеся.

Голосъ революціи. № 4. Декабрь 1906 г. Изд. Краснояр. Ком. п. с.-р.

Сибирскій путь. № 1. 10 февр. 1907 г. Красноярскъ.

Къ крестьянамъ виленской губ. п. с.-р. Вилен. Ком. п. с.-р.

Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю Второму. Типогр. Вил. Ком. п. с.-р.

Извѣщеніе по поводу покушенія на Родзѣевскаго. Орг. Боев. Друж. при П. К. п. с.-р.

Письмо отъ депутатовъ. Члены 2-й Госуд. Думы.

Земля и Воля. Крестьянская газета № 1. 20 янв. 1907 г. Ц. 5 к.

Партійныя извѣстія № 5. 15 февр. 1907 г. Изд. Ц. К. п. с.-р.

Товарищи—крестьяне! Крестьян. Орг. П. К. п. с.-р. февр. 1907 г.

Резолюція, принятая на митингѣ рабочихъ Трубнаго завода и др. Екатер. желѣзно дор. мастер. 28 фев. 1907 г. Федерація рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ Трубнаго завода.

Солдатъ, № 31. 23 февр. 1907. Орг. Либав. С.-Д. Воен. Орг.

Товарищи! Батум. организ. учащихся Дашнакистовъ. 17 февр. 1907.

Ко всѣмъ гражданамъ! Елизаветгр. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.

Къ морякамъ. Стачечный комитетъ моряковъ.

Ко всѣмъ рабочимъ брянскаго завода. Федерація рабочихъ анархистовъ брянскаго завода.

Наказъ солдатъ и рабочихъ г. Севастополя гр. с.-р. и трудовиковъ въ Гос. Думѣ.

7 листковъ на еврейск. яз. изд. „Бунда".

Царская милостыня евреямъ Ц. К. „Бунда", сент. 1904 г.

Всероссійскій Военный Союзъ. Товарищи солдаты! Тип. Вил. Ком. п. с.-р.

Граждане! Чит. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.

Борьба № 1. 20 марта 1907 Орг. Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи новобранцы! Солдаты Воен Револ. Организ. Варш. Воен. Окр. Февр. 1907 Варшава.

Наша платформа (іюль 1906 г.) Офицерская Рев. Организ. Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. окр.

Солдатская Доля. (доб. къ № 16-му) Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр. Мартъ 1907 г.

Крестьянскій Листокъ № 1. Изд. Черниг. Ком. п. с.-р. Нояб. 1906 г.

Царь Николай II-й! Письмо отъ русскихъ крестьянъ Николаю Второму. Переизд Черн. Ком. п. с.-р. 1906 г. дек.

Отчеты Черниговск. Ком. п. с.-р. на 1 окт. 1906 г. и съ 1 окт.—1 янв. 1907 г.

Ко всѣмъ избирательнымъ куріямъ. Черн. Ком. п. с.-р.

Варшавянка

Українська сільска пісьня. Дек. 1906 г.

„Воля", № 75 и № 76, изд. с.-р. Нагасаки Японія (окт. 1906 г.).

Партійныя извѣстія № 1 и № 2 Изд. Объед. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. фев. и мартъ 1906.

Козарма, 15 фев. 1906 г. № 1.

Солдатская доля! Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. Окр., № 6 1906 г. 6/3.

Соціалист. газета Ростовъ на Д. организ. с.-р. № 1 ав. 1905 г.

Голосъ солдата № 3 Изд. Пет. Воен. орг. п. с.-р. 15 авг. 1906 г.

Солдатская Мысль № 1 сент. 1906 г. Изд. Воен. Рев. орг. Пет. Воен. окр.

Извѣстія Южно-русскаго Областн. Ком. № 2 май 1906 г.

Голосъ рабочихъ № 1 Изд. П. К. п. с.-р. янв. 1907 г. Предвыборн. Листокъ.

Рабочая газета № 4 мартъ 1906 г. Изд. Моск. Ком. п. с.-р.

Предвыборныя листки пар. с.-р.:

Почему всѣ прогрес. избиратели должны голосовать за с.-р.

Куда идутъ народныя деньги.

О партіи, „мирнаго обновленія":

Царская власть и народовольцы.

Инструкція по выборамъ, къ выборамъ въ Г. Д. Къ гражданамъ.

2-е письмо отъ депутатовъ 15 марта 1907 г. Чл. Г. Д. с.-р. труд. В. К. С. Н. С. Ар. парт. дашнакцюнъ.

15 Іюля 1904—1905 г. п. с.-р. Ц. К.

Летучій Листокъ п. с.-р. апр. 1905 г.

Къ солдатамъ.
Письмо Каляева.
Къ обществу.
Къ рабочимъ.
Ко всему трудящемуся люду.
Къ представителямъ Самарскаго земства и думы.
} Сам. Ком. п. с.-р. 1905 годъ.

Амфитеатровъ. Сказаніе объ одной головѣ и ея облодателѣ.

Письма къ молодежи Е. Брешковской переп. изъ Р. Р. 1905 г.

Извѣщеніе отъ Комит. Труд группы авг. 1906 г.

Варш. Почт. Телегр. союзъ. Товарищи! авг. 1906 г.

В. Ад—ръ. Царская власть ц. 5 к.

Извѣстіе Волжск. Судоходной организ. п. С.-Р. Мартъ, 1907 г., № 2 Типогр. В. С. О. 2 экз.

Извѣщеніе Виленск. С.-Д. комитета „Бунда".

Товарищи! (По поводу годовщины казни Шмидта и др.) П. С.-Р., 1907, мартъ.

Отъ еврейск. пролетаріата къ с.-д. фракціи Г. Д. (О законѣ 15 ноября 1906 г.).

Проектъ программы еврейск. с.-д. р. п. „Поалей-ціонъ“, предлагаемый Ц. К., 1906, мартъ.

Соціалистъ, № 3. Уфимск. рабоч. союзъ П. С.-Р., Уфа, Мартъ., 1907. Типогр. Уф. К. П. С.-Р.

Думское Эхо. № 1 Изд. Севастоп. ком. П. С.-Р., Мартъ, 1907, № 1.

Вторая Госуд. Дума и армія. Изд. Моск. орган. Всерос. военнаго союза.

Инструкція затонскимъ группамъ. Центр. бюро Волжск. судох. орг. П. С.-Р. мартъ, 1907 г.

Чего хочетъ к.-д. партія. Изд. Елизаветградск. отдѣла партіи.

„Молотъ“, № 1. Изд. Бакинск. орг. П. С.-Р.

„Трудъ“. (Рабочая газета) № 10, Изд. Петерб. К. и Совѣта Рабочаго Союза. Мартъ, 1907.

2-е Письмо отъ депутатовъ, Марта 15-го, 1907, СПБ.

Рѣчь Г. А. Гершуни на экстренномъ съѣздѣ П. С.-Р., 1907. ц. 2 к.

О солдатской службѣ въ Россіи и друг. государствахъ; выпускъ I. Приложеніе къ № 1 „Народной Арміи“, Изд. Всероссійск. Офиц. союза.

Первое письмо отъ депутатовъ.

М. М. „Земля и воля“ (черносотенная брошюра), Москва, 1906. Университ. типографія, Страстной бульваръ. ц. 5 к.

Извѣстія Курскаго К—та П. С.-Р. № 1, февраль, 1907. Изд. Курск. К—та П. С.-Р.

Прибавленіе къ № 1 Курскихъ извѣстій П. С.-Р., Изд. Курск. К—та П. С.-Р.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ рабочихъ Т-ва Нобель для ссыльныхъ Нарымскаго Края 25 р. Отъ Анны Лебензовой изъ Михайлова, Рязанской губ. 6 р. Отъ студента Ѳеофила Степановича Война 25 р. Отъ Г. А. А. со спеціальнымъ назначеніемъ 8 р. Отъ д-ра И. В. С. для ссыльныхъ 20 р. Отъ Р. Н. К. изъ Вильны для акатуйцевъ 100 р. Отъ Е. З. Х. въ пользу полит. ссыльныхъ изъ Харькова 27 р. 25 к. % отчисленіе черезъ М. П. 20 р. Сборъ черезъ Ш. 16 р. Отъ типографіи Г. Б. 4 р. 19 к. Отъ служащихъ Г. Б. 17 р. 81 к. Изъ Балты 35 р. Отъ Виленскаго союза равноправія женщинъ, служащихъ на жел. дорогахъ, 40 р. 70 к. % отчисленіе отъ служащихъ конторы Т-ва Амурскаго пароходства 41 р. 25 к.

Деньги переданы по назначенію.

Отъ Петербургскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Настоятельная необходимость распространенія образованія въ широкихъ слояхъ населенія давно уже сознается всѣми, и давно уже идея народныхъ университетовъ, которые на Западѣ получили разнообразное и широкое развитіе, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе русскаго интеллигентнаго общества, дѣлавшаго немало попытокъ къ ея осуществленію. Этого требуютъ жизненные интересы родной страны. Всѣ члены семьи культурныхъ народовъ, сознавая великую зиждительную силу просвѣщенія народныхъ массъ, дѣлаютъ въ немъ быстрые успѣхи. Въ настоящее время начинающагося обновленія наша великая неотложная задача—энергично бороться съ народною темнотою и широкою рукою насаждать учрежденія для умственнаго просвѣтленія народныхъ массъ. Въ предстоящей работѣ должны сойтись на почвѣ безпартійности представители всѣхъ слоевъ общества, всѣ, кому дороги правильное развитіе и преуспѣяніе родной страны.

Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ, задающееся цѣлью внѣшкольнаго образованія, представляетъ собою одну изъ попытокъ удовлетворенія этой неотложной всенародной нужды. Общество возникло въ предположеніи, что открытіе его дѣйствій послужитъ исходнымъ пунктомъ для организаціи ряда автономныхъ отдѣловъ на всемъ пространствѣ Россіи [1]). Несмотря на то, что инициатива его въ этомъ направленіи пока все еще встрѣчаетъ нѣкоторыя препятствія, Всероссійское Общество Народныхъ Университетовъ, объединенное въ своихъ частяхъ одною просвѣтительною мыслью,—дѣло ближайшаго будущаго. Пока Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ получило возможность дѣйствовать только въ Петербургѣ и его губерніи. Не прошло еще и года со времени начала его дѣятельности, а она уже обратила на себя общественное вниманіе. Въ работѣ Общества приняли участіе 170 лекторовъ, которые образовали 5 секцій (общественно-юридическую, физико-математическую, естественно-историческую, гуманитарную и секцію новыхъ языковъ). Организовалось чтеніе лекцій и курсовъ и руководство занятіями по отдѣльнымъ областямъ научныхъ и техническихъ знаній.

Въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ аудиторіяхъ Общества (всѣхъ аудиторій—одиннадцать) на чтеніяхъ по различнымъ отраслямъ знанія перебывало свыше 10000 слушателей.

Для начала цифры утѣшительныя, но что онѣ въ сравненіи съ огромными

---

[1]) По имѣющимся свѣдѣніямъ слѣдующія общества народныхъ университетовъ уже начали дѣйствовать: Московское, Псковское, Воронежское; организуются: Рижское, Либавское, Тверское, Орловское, Казанское, Смоленское, Екатеринодарское, Полтавское, Ялтинское, Тифлисское, Астраханское и Ярославское.

размѣрами нужды въ просвѣщеніи, нужды въ борьбѣ съ невѣжествомъ и безграмотностью... Для ея удовлетворенія необходимы большія денежныя средства, необходимы трудовыя силы, и Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ обращается ко всѣмъ слоямъ русскаго народа, ко всѣмъ, кому не чуждо пониманіе жизненныхъ интересовъ родины, кому дорого ея культурное развитіе, съ горячею просьбой о поддержкѣ его дѣятельности, какъ вступленіемъ въ члены Общества и привлеченіемъ въ число ихъ другихъ лицъ, такъ и всѣми иными путями, которые могутъ вести къ одной великой цѣли—просвѣщенію родныхъ народныхъ массъ.

Въ составъ Совѣта Общества входятъ слѣдующія лица: Н. П. Азбелевъ, П. Н. Бекетовъ, акад. В. М. Бехтеревъ, проф. А. А. Брандтъ,проф. П. И. Броуновъ, С. С. Григорьевъ, Н. В. Дмитріевъ, Д. А. Дриль, проф. А. А. Исаевъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. М. М. Ковалевскій, А. Л. Ковалева, П. Г. Мижуевъ, проф. П. Н. Милюковъ, проф. Н. Н. Митинскій, В. Д. Набоковъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, докт. мед. М. Н. Нижегородцевъ, А. И. Никольская, докт. мед. Д. П. Никольскій, акад. С. Ф. Ольденбургъ, А. Я. Острогорскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, М. И. Петрункевичъ, проф. Н. І. Рачинскій, проф. А. Д. Романовъ, Н. А. Рѣзцовъ, Л. М. Рѣдько, проф. С. Е. Савичъ, прив.-доц. В. В. Святловскій, А. С. Таль, акад. кн. И. Р. Тархановъ, прив.-доц. А. Г. Тимофѣевъ, проф. Л. В. Ходскій, В. І. Шиффъ, и прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ.

Предсѣдатель Совѣта С.-Петербургскаго Общества
Народныхъ Университетовъ **Д. Дриль.**

Секретарь Совѣта прив.-доц. **П. Шмидтъ.**

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова

„Донская Рѣчь“.

№		ЦѢНА.
	Беллетристика.	
1	Короленко—Пріемышъ . . .	2
2	Дмитріева—Майна-вира . . .	3
3	Чириковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська.	1½
5	Кретцеръ—Истор. чер. сюртука.	1
6	Крандіевская—Для души . .	2
7	Чириковъ—Свинья.	2
8²	Н.-Данченко—Старый замокъ.	3
9	Свирскій—Забракованный . .	2
10²	Костинъ—Ошибка	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ .	3
12	Станюковичъ—За „Щупленьк.“	2
13	Митропольскій—Вода.	2
14	Серафимовичъ—Месть . . .	3
14³	Курочкинъ—Принцъ Лутоня .	6
15	Мельшинъ—Искорка	3
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ . .	4
17	Андреевъ—Гостинецъ. . . .	2
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2
19	Дмитріева—Мама на войнѣ .	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ . .	2
21	Бѣлоконскій—Страховка . .	2
22	Ивашева—Мой день	2
23	Короленко—Ночью.	5
24	Тимковскій—Среди людей . .	5
25	Русова—Біографія Гарибальди	4
26	Отч. Пар. не выуч. грам. .	3
27	Златовратскій—Мечтатели	4
28²	Н.-Данченко—Махмудкины дѣти	3
29	Ожешко—Гедали	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Іоська.	2
31	Вересаевъ—Въ пути	1
32	Франко—Самъ виноватъ . .	1½
33	Алексѣевъ.—Изъ-за хлѣб. насущ.	1½
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ .	3
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2
36	Митропольскій—Отсрочка . .	1
37	Яблоновскій—Удружилъ. . .	1
38	Франко—Хорошій заработокъ .	1
39²	Мать (съ армянскаго)	1½
40	Остои—Поденщикъ	2
41	Некрасовъ и Никитинъ . . .	4
42	Бунинъ—Байбаки	3
43	Петровскій—Не дался . . .	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья .	2
45	Серафимовичъ—Въ бурю . .	3
46	Яблоновскій—Конокрадъ . .	3
47	Франко—На днѣ	9
49	Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь .	5
50	Вересаевъ—Повѣтріе . . .	4
51	Бѣлоконскій—Деревня Печальн.	3
52	Дмитріева—Волки	3
53²	Мирбо—Война	3
55	Короленко—Черкесъ	4
56	Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ.)	1½
57	Телешевъ—Противъ обычая .	2
58	Яблоновскій – Въ консультаціи	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Кранд. — Только часъ и др. разск.	10
61²	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ . .	1
63	Измайловъ—Мать	3
64	Станюковичъ—Эмигрантъ . .	3
65	Избр. стихотв. Надсона . . .	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ . . .	3
67	Андреевъ—Жили-были . . .	3
69	Серафимовичъ—Въ камышахъ.	2
70²	Бѣлоконскій—За что и почему.	3
71	Яблоновскій—Завѣтная мечта.	3
72	Присяжн. засѣдателемъ . . .	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху. . . .	1
74	Серафимовичъ. На льдинѣ . .	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди .	4
76²	Франко—Лѣса и пастбища .	2
77²	Яковлева—Свидѣтель	8
243	Шатріанъ—Исторія крестьянина	20
276	Мирбо.—Дурные пастыри . .	10
278	Вересаевъ—Честнымъ путемъ.	7

№		ЦѢНА.
304	Ярошъ—Послѣдній король	20
253	Гра—Марсельцы	25
325	Морозовъ—Стихотворенія	25
292	„Впередъ“, Сборникъ стихотвор.	20
80	Короленко—Соколинецъ	7
82	Елеонскій—Огорченіе	3
83	Русова—Братья Гракхи	3
84	Телешовъ—Нужда.	1½
84²	В. Гюго—Клодъ Ге.	3
86²	Молодая жизнь	7
87	Золя—Кровь.	3
88	Бѣлоконскій—Фейга	3
89	Успенскій—Будка.	3
90	Короленко—Мгнов. и огоньки.	2
91	Пѣсни мира. Сборн. стих.	2
92²	Бѣлоконскій—Дерев. консп.	2
93	Бѣлоконскій—Страшное мѣсто.	1½
94	Мирбо—Бродяга	1
95²	Гези—Ант. Матье (жизнь руд.)	3
96	Тимковскій—Травля	5
97	Наживинъ—Волосъ Мадонны	1
98	Франко—Къ свѣту.	3
99	Чириковъ—Въ отставку.	7
100	Зарницы—Сборникъ стихотвор.	5
101	Андреевъ—На станціи	1
102²	Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Хаимъ Гершковичъ	5
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Мирбо—Крест. и Пропов.	1½
107	Андреевъ—Валя.	2
109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
110	Короленко—Морозъ	4
111²	Малатеста—Въ кофейнѣ	7
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье.	7
114	Рубакинъ—Книгоноша	20
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
117	Наживинъ—Ложь	1½
118	Суздальц.—Ричардъ Остл.	3
119	Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ.	5
120	Короленко—Госуд. Ямщики.	7
121	М. Конопницкая—Яктонъ	1½
122	А. Яблоновскій—Нухимъ	3
123	П. Бутошинъ—Случай № 212	1
125	В. Короленко—На затменіи	3
126	Сказка о 4 братьяхъ	4
127	Юшкевичъ—Кабатч. Гейманъ.	4
128	Наживинъ—Въ степи	1½
129	Конопницкая—Менд. Гданскій.	3

№		ЦѢНА.
130	Пругавинъ—Милліонъ.	6
131²	Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь.	5
132	Гези—Благотворительность.	2
135	Короленко—Чудная	3
137	Разрушенный молъ	1
138	Успенскій—Неизлѣчимый	5
139	Погорѣловъ—Въ глуши	2
139²	Бунинъ—Черноземъ	2
140	Л. Андреевъ—Предст. кража,	1½
141	Конопницкая—Дымъ	1½
143	Амичисъ—Красная гвоздика	2
147	Бирскій—Безъ исхода	3
149	Сонъ подъ 1-е мая	3
199	Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
200	Короленко—Сонъ Макара	
200²	Наши братья	8
401	Радловъ—Пошумѣли	4
402	Русова—Луиза Мишель	5
403	Рыбацкій—Шестипалый	1
404	Питомецъ воспитательн. дома	2
405	Ямайкинъ—Поручикъ Эрве	1
406	Юшкевичъ—Ита Гайне	2
407	Какъ муж. наш. то, что нужно	2
408	Брусянинъ—Заразные люди	2
409	Ежъ—На разсвѣтѣ	
153²	Джаво (перев. съ армянск.)	1½
157	Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
160	Л. Толстой—О смертной казни	8
163	Радловъ—Котлочистъ Ваня	5
165	Журавлевъ—Убійство	2
166	Юшкевичъ—Левко Гемъ	1
167	Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	3
168	Конопницкая—Юзефова	3
170	Дѣти рабочихъ	9
171	Серафимовичъ—Подъ землей	1
172	О. Зновицкій—Въ чертѣ осѣдл.	3
173	Ив. Наживинъ—Братья	1
174	Ивановичъ—Не понравилось	2
178	Костинъ—Одинъ	6
179	Шевченко—Избранныя стихотвор. (малор.)	2
		3
180	Поливановъ—Кончился	4
181	Какъ мужикъ въ долгу остался	3
182	Не въ моготу	1
183	Почему бѣдна Россія	3½
184	Пѣсни рабочихъ	
185	Ибаньесъ—Должностное лицо (палачъ)	1½
		2
187²	Радловъ—Семенъ	5
192	Какъ господа 1-ое мая празд.	1½
193	Что видно въ подзорную трубу	2
196	За свободу—Сборн. стихотвор.	

№		цѣна.
215	Гауптманъ—Ткачи	12
230	Лангманъ—Бартель Туразеръ .	15

Историческая беллетристика и публицистика.

48²	Какъ сицил. крест. боролись. .	6
48	Слово вѣрующаго	
78	Катехизисъ рабочаго	3
79²	Русова—На счастлив. остров.	6
85²	Народоволецъ — Почему крест. требуютъ земли и воли .	3
54²	Звяг. До чего нужд. дов. крест.	6
124	Русова — Какъ болгары добыли себѣ свободу	3
125	Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу	3
133	Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ.	1½
108	Ирланд. Джонъ и голад. муж. .	
214²	Г. К-ша — Національныя мастерскія во Франціи 1848 г.	3 1½
142	Національное собраніе . . .	15
301	Толстой—Исповѣдь	3
347	Послѣдній день Каляева . .	3
150²	Кабановъ—Какъ улучшить крестьянское хозяйство	4
151²	Клочковъ—Крестьянство и воля	6
152²	Бѣгство короля	3
156²	Взятіе Бастиліи	1½
158	Какъ франц. добыли себѣ свобод.	4
159	Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	3
161	Новиковъ—Женщ.—тов. мужч.	4
164	Проектъ основ. закона о землѣ	6
175	Русова—Свобод. респ. Швейц.	5
177	Новиковъ—Враги народа . .	15
178	Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	4
187	Народный трибунъ—Бабефъ .	1
189	Обѣщанія правительст. о землѣ	4
189²	Почему треб. свободы личности	1
190	Для чего требуютъ свободу сходокъ	1
191	Англійскіе раб. прежде и теп.	4
297	Васильевъ—Что такое отечест.	8
145	Права человѣка и гражданина	1½
205	Процессъ Жирондистовъ . .	8
207	Булгакова—Японія и японцы .	20
233	Пругавинъ—Прошл. Шлис. крѣп.	5
317	Роль—Какъ происх. рев. на Зап.	35
303	Кропоткинъ—Къ молодежи .	4
334	Реклю—Анархія	3
340	Малатеста—Немножко теоріи .	3
345	Министры—слуги народа . .	2
331	Каутскій—Памяти Маркса . .	
313	Эритье—Револ. студ. во Фран.	4
311	Каутскій—Всеобщ. стач. . .	4
327	Жоресъ—Всеобщ. стачка . .	3
338	Лафаргъ—Всеобщая стачка .	3
344	Сатуринъ—Исторія одной стач.	3

Вопросы избирательной компаніи и первая Государственная Дума.

136	Какъ выбирать нар. представ.	1
162	Что такое тайная под. голосовъ	1
169	Танъ—Истин. народн. предст.	4
211	Водовозовъ — Всеобщ. избир. право на Западѣ	5
268	Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
312	Петровскій—Изб. кам. въ св. гос.	4
176	Партіи и крест. въ Госуд. Думѣ	15
194	Что сказали наши пред. Царю	4
195	Что министры сказали народн. представителямъ	2
241	Созывъ народныхъ представ. .	10
266	Якушкинъ—Государствен. Дума	3

Государственное устройство и политическія права гражданъ.

213	Горбуновъ—Гарантіи личн. своб.	10
202²	Новиковъ—Какъ должны писат. законы	5
306	Іеллинекъ—Бюджетное право .	6
145	Права человѣка и гражданина	1½
153	Что такое государств. роспись	3
154	Областное народоправіе . . .	1
189	Почему треб. свободы личности	1
190	Для чего треб. своб. сходокъ .	1
197	Женщина избирательница . .	1
299	В. Алексѣевъ—Отвѣтственность министровъ	4
239	Лассаль—Сущн. конституціи .	8
254	Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
263	Дживелеговъ—Отвѣтст. министр.	3
282	Госуд. устр. въ зап-евр. стран.	6
294	Права и обязан. англійск. гражд.	10
283	Митинги въ Англіи	10

Исторія иностранная.

209	А. Ѳ. Быкова—Англія и англич.	15
210	Б. Б.—Великая франц. револ.	15
216	Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7
217	Живаго—Освобожд. Швейцаріи	6
219	К. Каутскій—Ирландія . . .	7
232	Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15
247	Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в.	10

№		цѣна.
265	Общественное движ. въ Японіи	6
274	48-й годъ въ Германіи . . .	12
285	Парижск. ком. 1870—1871 гг.	10
287	Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи	15
288	Революція въ Вѣнѣ	3
302	Сатуринъ—Ирландія	15
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат.	20
328	Сатуринъ—Индія и ея горе	15
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ	3
348	Дубровскій—Бур. и пролет. въ іюльск. дни во Франціи . .	8
257	Марксъ—Гражданская война .	18

Политич. экономія и рабочій вопросъ.

220	Каутскій—Прот. клас. интерес.	15
221	Каутскій—Разв. формъ государ.	7
277	Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды	15
234	Прокоповичъ—Длина рабоч. дня	5
237	Б. С. Трудъ и Капиталъ . .	6
242	Лассаль—Программа работник.	8
248	Бебель—Государство будущаго.	10
249	К. Каутскій—Соціальн. реформа	25
250	Жилищный вопросъ	10
251	Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в.	15
252	Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в.	20
255	Гэдъ—Коллективизмъ	4
258	Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад.	10
259	Шиппель—Профес. рабоч. союзы	10
264	Амичисъ—Студенты и соц. вопр.	5
273	Бахъ—Экономическіе очерки .	10
275	Экон. положеніе еврейск. прол. въ Россіи.	4
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ.	4
280	Книга русскаго рабочаго . .	12
284	Страхованіе рабочихъ . . .	15
295	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни.	8
296	Приказчичій вопросъ въ Рос.	4
309	Кабановъ—О налогахъ . . .	2
319	Организованный трудъ . . .	8

Русская исторія и вопросы русской общественной жизни.

201²	Бѣлоконскій—Голодъ, вымираніе и невѣжество рус. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя.	3
203	В. Алексѣевъ—Народовластіе.	15
204	В. Алексѣевъ—Земскіе соборы.	10
206	Бѣлоконскій—Самоупр. и земство	5
208	Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти	15
214	И. Дитятинъ—Екатерин. Комис.	15
215	И. Дитятинъ.—Роль челобитій.	15
218	Звягинцевъ—Общ. движ. въ Рос.	15
222	Павловъ—Фабричное законодат. и его развитіе въ Россіи. . .	5
223	Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи	15
224	Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос.	10
225	Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ	8
226	Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражд.	10
226³	Религія и соціализмъ	5
235	Строевъ—Моск. гос. передъ реф.	10
236	Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г.	15
238²	Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви	25
240²	Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи	8
244	Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос.	10
245	Прокоповичъ—Аграрное движ.	5
246	Милюковъ—Верховн. и шляхет.	15
260	Голубевъ—Роль земства . . .	12
261	Н. Щепкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит.	10
262	Милюковъ—Исконныя начала .	5
269	Жбанковъ—Когда въ Рос. окон. тѣлесныя наказанія	3
270	Семевскій—Кр. пр. въ пр. Щедр.	20
271	Русская исторія ч. I	10
272	„ „ „ II	12
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос.	3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I.	15
291	„ „ „ ч. II.	18
291²	„ „ „ „ III.	20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день .	3
310	Князьковъ—Освобожд. крест. .	15
315	Отъ деревни до парламента .	6
316²	Дитятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос.	20
320	М. Р. Поповъ—Біогр. Мышкина.	5
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол.)	
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева)	60
329	Кавелинъ—Изъ ист. земел. соб.	4
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ	15
336	Алексѣевъ—Самодержавіе . .	4
343	Волкенштейнъ—Воп. о всеоб. заб.	1½
346	Пѣшехоновъ—Осн. зад. агр. реф.	3
349	Пругавинъ—Петропав. крѣп. .	5
350	Кайдановъ—Декабристы . .	10

Новая библіотека.

299	Мартовъ—Пролетар. праздн. .	4
298	Мазовецкій—Процессъ пролет.	6

№		ЦѢНА.
330	К. Шмидтъ—Общая безработица и борьба съ ней.	10
228	Струмилинъ долой забастовщик.	10
321	Люсня. Существуетъ ли барщина	5
335	Герронъ—Судн. день капитализ.	6
240	Федоровъ. Воин. пов. въ Россіи	8
81[2]	Маньковск.—У поднож. висѣл.	6
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр.	6
318	Петровъ—Прогрес.-эконом. пар.	8
322	Данъ—Исторія рабочаго движенія въ Россіи	15
186	Товарищъ, не измѣняй . . .	2
305	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол.	12
337	Загаровъ—Партія правов. поряд.	7
339	Арну—Коммуна	50

Въ помощь читателю:

198[1]	Обзоръ литературы по	Аграрн. вопросъ в. I.	5
198[2]		Рабочій вопросъ .	5
198[3]		Избиратель. право	5
198[4]		Историческія книги.	5
198[6]		Беллетристика. . .	5
198[7]		Практич. политика.	5
198[9]		Аграр. вопросъ в. II.	5
198[10]		„ „ в. III.	5
198[11]		Крестьянск. вопросъ.	5

Русская историческая библіотека.

307	Государственныя преступ. т. I.	1 р. 50

№		ЦѢНА.
308	Матеріалы револ. движенія. .	75
324	Процессъ 16-ти террористовъ	60
	Былое (издав. загр.) вып. 1	50
	. . . . . вып. 2	50

Отклики современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	кн. I	20
	II	35
	III	25
	IV	30
	V	25

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	кн. I	10
	II	10
	III-IV	15
	V	10
	VI	10
	VII	10

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	кн. I	6
	II	6
	III	6
	IV	6
	V	6

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. **Москва,** Стрѣтенка, Ащеуловъ пер., д. 13. Кіевъ, Крещатикъ, д. 27, кв. 13. **Одесса,** Колодезный пер., д. 4, кв. 29. **Ница.** Nice. Avenne de la gare 62. Agence Générale pour la Riviera. De la presee Russe. M. Hirschman.

Книжные склады и магазины пользуются 30% скидки.

Пересылка за счетъ издательства при заказахъ на 75 р. послѣ скидки.

Лица, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ Европейской Россіи не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича.*

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

НОВАЯ КНИГА

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

ИСТОРІЯ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ АПОКАЛИПСИСА.

Съ рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи.

Изданіе редакціи журнала „БЫЛОЕ“.

X+304 стр.

Цѣна 1 руб. 35 коп.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17. Въ нихъ помѣщ.:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна **1** р. **50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Ц. **1** р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.

14) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго**. Ц. 70 к.

16) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ). Подъ редакціей **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к.

Печатаются:

18) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**.

19) Общество „Земля и Воля“. **І. В. Аптекмана**.

20) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тыркова**.

21) Государственныя преступленія въ Россіи. Т. IV. Сборникъ подъ редакціей **В. Я. Богучарскаго**.

22) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

3 8198 319 173 231
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO